

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

— РАБИНДРАНАТ ТАГОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1961

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

БЕРЕГ БИБХИ

Роман

РАДЖА-МУДРЕЦ

Роман

РАССКАЗЫ

Переводы с бенгальского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

Вступительная статья

А. Гнатюка-Данильчука

Комментарии

***А. Гнатюка-Данильчука
и М. Кафитиной***

Редактор тома

Евг. Быкова

Оформление художника

Н. Крылова

ОТ РЕДАКЦИИ

Имя Рабиндраната Тагора стало известно в России еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в 1913 году сборник его произведений «Гитанджали», получивший мировую известность, был переведен на русский язык. С 1913 по 1916 год в России неоднократно издавались драмы Тагора, отдельные рассказы, стихотворения из сборников «Гитанджали» и «Садовник», были переведены лекции по философии «Садхана». В 1914—1916 годах издательства В. Португалова и «Современные проблемы» почти одновременно выпустили в свет два небольших собрания сочинений.

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к творчеству Тагора в нашей стране значительно возрастает. А. В. Луначарский писал в 1923 году: «...произведения Тагора... так полны красками, тончайшими духовными переживаниями и поистине великодушными идеями, что составляют сейчас одно из сокровищ общечеловеческой культуры» (А. В. Луначарский, «Индийский Толстой», «Красная нива», 1923, № 1, стр. 29). В 20-е годы были переведены романы «Крушение», «Гора», «Дом и мир», новые рассказы, «Воспоминания», ряд публицистических произведений, сборник статей по эстетике и философии «Личное». В 1926 году предпринимается новое издание собрания сочинений Р. Тагора под редакцией М. И. Тубянского.

Однако несмотря на то, что упомянутые издания сыграли определенную положительную роль — познакомили советского читателя с творчеством Тагора, — они все же страдали многими недостатками. Это было обусловлено главным образом тем, что в стране не хватало специалистов. Переводы произ-

ведений Тагора делались в основном с английского языка. Критическая литература того времени не могла еще дать всесторонней оценки творчества Тагора. В результате читатель получал не совсем верное представление о писателе.

В восьмитомном собрании сочинений, выпущенном Гослитиздатом в 1955—1957 годах, были устранены основные недостатки предшествующих изданий. За малым исключением произведения, вошедшие в состав этого собрания, переводились с бенгальского языка. Это собрание, как и некоторые отдельные издания, выпускавшиеся в послевоенные годы, дали возможность читателю составить более правильное представление о художественном и публицистическом творчестве писателя. Однако поэтические произведения Тагора, составляющие основную и важнейшую часть всего его творчества, не заняли достойного места и в этом собрании. В определенной степени это относится и к драматургии, а также к публицистике и мемуарам.

Настоящее собрание сочинений составлено на основе двадцативосьмитомного издания, подготовленного университетом «Вишвабхарати».

В него включены почти все романы и рассказы Тагора, почти все поэтические сборники, значительная часть драм. В последние два тома, кроме прозаических произведений, войдут литературно-критические работы Тагора, его лекции по истории индийской культуры, публицистика и мемуары. По объему представленных произведений двенадцатитомное собрание сочинений в два раза превысит восьмитомное.

Художественные произведения располагаются в хронологическом порядке; в собрание включены произведения, сходные по теме, но разные по жанру. Особое внимание уделено поэзии. В новом издании будут представлены не отдельные образцы из стихотворных сборников, а почти каждый сборник в том объеме, который позволит читателю судить о характере и содержании поэтического творчества Р. Тагора как на отдельных этапах, так и в целом.

Все переводы, опубликованные ранее, для настоящего издания были заново отредактированы.

Настоящее собрание будет снабжено фотографиями, иллюстрациями к некоторым произведениям Р. Тагора.

В подготовке издания большую помощь издательству своими советами и консультациями оказали бенгальские писатели и поэты Нони Бхоумик, Шомор Шен, Шубхомой Гхош и Ронджит Бошу.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Критико-биографический очерк

Рабиндранат Тагор родился в 1861 году — через два года после поражения Великого национального восстания 1857 — 1859 годов — и не дожил всего шести лет до того великого дня, когда его многострадальная родина обрела независимость. Тагор жил в исключительно важное для истории Индии время, когда индийский народ шел сложным и мучительным путем к свободе. В истории этого периода Тагору принадлежит особое место. Мечтой об освобождении родины было пронизано все его художественное творчество, вся его просветительская деятельность. Недаром день рождения Рабиндраната Тагора ежегодно отмечается на его родине как всенародное празднество. Тагор необыкновенно живо и остро реагировал на все важнейшие события не только в Индии, но и за ее пределами. Не раз на весь мир гневно звучал голос Тагора, протестовавшего против бесчинств и насилий империалистов, против расовой дискриминации, против войн.

Творчество Тагора поражает своим богатством и разнообразием. Он был одним из немногих творцов в истории мировой культуры, который успешно и плодотворно проявил себя не только во всех литературных жанрах, но и в других видах искусства. Поэт, прозаик, драматург, философ, Тагор был также блестящим актером и журналистом, выдающимся композитором и художником. Перу Тагора принадлежит более пятидесяти стихотворных сборников, двенадцать романов и повестей, свыше ста рассказов, более тридцати пьес, несколько сот публицистических статей, более тысячи песен. Он автор многочисленных работ по вопросам языка и лите-

ратуры, философии и религии Индии, а также школьных учебников.

Тагор обогатил бенгальскую литературу новыми жанрами, самыми важными среди которых явились рассказ и политическая лирика. Развивая романтическое направление, господствовавшее в бенгальской литературе во второй половине XIX века, Тагор, по мере того как он все глубже постигал жизнь своего народа, прочно утверждал критический реализм и тем самым оказал решающее влияние на дальнейшее развитие не только бенгальской, но и других литератур Индии.

И все же писателя, относившегося к себе с величайшей требовательностью, отличавшегося скромностью подлинно великого художника, никогда не покидала мысль о том, что он в долгу перед своим народом. В стихотворении «Мировая симфония» (1941), являющемся его поэтическим завещанием, Тагор, окидывая взглядом пройденный путь, пишет, что он никогда не переставал вслушиваться в великую симфонию жизни. Ему удалось понять многое, но и многое ускользнуло от его слуха. Поэт с горечью отмечает, что его общественное положение закрывало путь к сердцу простого человека: ему пришлось жить в высокой башне и наблюдать за жизнью из ее узкого окна.

В «Мировой симфонии» Тагор завещает поэту грядущего стать плотью от плоти народа и воспеть славу труженикам:

Приди, о поэт безвестных, бессловесных душ!
Пусть они прославятся твоей славой,
И я поклонюсь тебе много раз.

* * *

Мировоззрение и художественный метод Рабиндраната Тагора складывались под воздействием важных общественно-экономических процессов. Вторая половина XIX века отмечена в Индии возникновением и развитием капиталистического уклада, формированием новых классов — пролетариата и буржуазии, которая начинает играть важную роль в политической жизни страны. Буржуазия, а также некоторые землевладельцы все настойчивее требуют расширения своих позиций в сфере капиталистического предпринимательства и объективно приходят в столкновение как с колониальным режимом,

так и с сохраняемыми английской властью феодальными порядками, со средневековыми пережитками в быту и умах.

В этот период поднималось на неравную борьбу крестьянство, остро ощущавшее двойной гнет феодально-колониальной эксплуатации, на первые стачечные бои выступил молодой индийский рабочий класс. Народные движения, лишённые политического руководства, были обречены на неудачу, однако они вынуждали колонизаторов идти на частичные уступки и в значительной степени содействовали пробуждению сознательной общественно-политической активности индийской интеллигенции. Передовая интеллигенция начинает понимать, что подлинное возрождение страны невозможно без освобождения от иноземного ига. Особое значение в борьбе за независимость она придавала достижению национального единства, которое часто отождествлялось ею с религиозным единством, и пробуждению национального самосознания.

Новые веяния общественной мысли шли на родине Тагора — в Бенгалии по двум основным направлениям. Идеологи одного из направлений считали, что изучение и пропаганда философии и культуры древней Индии является важнейшим средством возрождения страны, и поэтому придавали большое значение сохранению и укреплению ортодоксальной религии индуизма. Другие искали путей освобождения страны и подъёма национального самосознания в реформе индуизма и призывали к отказу от многих традиций и предрассудков феодального прошлого. Основателем этого направления был великий бенгальский просветитель Раммохон Рай (1774—1833), боровшийся с такими пережитками средневековья, как неравноправное положение женщины в обществе, жертвоприношения, идолопоклонство.

Сторонники Раммохон Рая объединились в созданное им общество «Брахма-Самадж». Активными деятелями этого общества были члены семьи Тагоров. Дед Рабиндраната Тагора, Дароканатх Тагор был ближайшим сподвижником Раммохон Рая, отец писателя Дебендронатх Тагор стал позднее одним из руководителей общества, а сам поэт с 1884 по 1911 год был его бессменным секретарем.

Одним из самых ярких проявлений развития национального самосознания в Бенгалии второй половины XIX века был бурный рост литературы. Патриотически настроенная моло-

дежь Бенгалии, к которой принадлежал и юный Тагор, с нетерпением ждала выхода очередных номеров журнала «Бонгдоршон», где печатались романы Бонкимчондро Чоттопаддхая (1838—1894). Многих потрясла пьеса Динобондху Митро (1829—1873) «Зеркало индиго», в которой раскрывалась картина нещадной эксплуатации рабочих на принадлежавших английским колонизаторам индиговых плантациях. Одним из самых любимых поэтических произведений Рабиндраната была «Песнь Индии» Хемчондро Бондопаддхая, полная боли за поработанные народы Индии, песня, зовущая на бой за свободу.

.....
Почему вы повержены, терпите гнет,
Земли Индии, гордый индийский народ?
И ума и таланта у вас достает.
Почему ж вы поверженных племя?

О народ мой, ты в ясное небо взгляни;
Там сверкает луна, блещет солнце. Они
Так же светят, как в давние славные дни,
Когда Индия знала свободу.

И сейчас Арьяварта все та же лежит,
Горы Виндхья все тот же вздымают гранит,
Так же Ганга широкая к морю бежит.
Где ж былое величье народа?

Рог, трубы, сыновей призывая
В бой за счастье родимого края!
Все свободны, дождались отрадного дня,
Все проснулись, достоинство гордо храня.
Встань же, Индия, гневом пылая!

(Перевод И. Григорьева)

Молодой Тагор живо откликался на новые веяния в бенгальской литературе. Но никогда не переставал он ценить и изучать всю многовековую индийскую культуру, стремясь постичь самые ее глубины. Наибольшее влияние на будущего писателя оказали поэзия и драматургия классика древней литературы Калидасы и демократическая поэзия средневековых поэтов-вишнуитов, проповедовавших равенство людей перед богом. Тагор непрестанно черпал силы и вдохновение и в фольклоре. Он дал в своих произведениях блестящий пример использования народного творчества и народной речи.

В Калькутте в узком переулке, выходящем на одну из шумных центральных улиц, Читпор Роуд, стоит большой дом, принадлежащий роду Тагоров. Здесь 7 мая 1861 года в семье выдающегося общественного деятеля Дебендронатха Тагора родился Рабиндранат Тагор.

Род Тагоров принадлежал к высшей касте индуистской религиозной общины, к касте брахманов, но давно отошел от ортодоксальной ее части. Уже с момента проникновения в Бенгалию английского капитала Тагоры принимали участие в торгово-промышленных компаниях и получили права постоянных заминдаров на крупных земельных угодьях на севере Бенгалии и в Ориссе. В начале XIX века их семья считалась одной из наиболее богатых в Калькутте, однако к моменту рождения Рабиндраната состояние семьи значительно уменьшилось.

Тагоры принимали самое активное участие в общественной и культурной жизни Бенгалии, в деятельности общества «Брахма-Самадж». При их содействии ежегодно устраивались «Хинду мела» — национальные празднества, где исполнялись песни, славившие родину, читались патриотические стихи, организовывались выставки художественных изделий и произведений народного искусства. Это было очень важно, пишет Тагор в «Воспоминаниях», потому что в те годы образованные люди чуждались и языка и культуры своего народа.

Дом Тагоров был своеобразным центром культурной жизни Калькутты. Его посещали выдающиеся писатели, музыканты, драматурги и общественные деятели. Здесь устраивались диспуты на политические и литературные темы, ставились пьесы, исполнялись музыкальные произведения. Старший брат Диджендронатх Тагор был известным философом и поэтом, другой брат, Джотириндронатх Тагор — драматургом и артистом-любителем; племянник Рабиндраната, Обониндронатх явился одним из основателей школы современной бенгальской живописи.

Таким образом, Рабиндраната Тагора с детских лет (он был младшим в семье) окружала атмосфера высокого уважения к национальной культуре, любви к поэзии и искусству. Не удивительно поэтому, что склонность к поэтическому творчеству проявилась у Рабиндраната очень рано. Еще семи лет,

после того как один из братьев обучил мальчика правилам стихосложения, Тагор с увлечением принялся сочинять стихи.

Огромное воздействие на всю последующую жизнь и деятельность Рабиндраната Тагора оказала система воспитания, господствовавшая в их доме. Отец Тагора не считал нужным окружать детей роскошью, зато большое внимание уделял тому, чтобы привить им любовь к труду и дать хорошее образование. Такого же метода придерживались и старшие братья Рабиндраната, которым отец поручил воспитание младших.

Пяти лет Рабиндраната отдали в Восточную семинарию, а вскоре перевели в так называемую Нормальную школу (эти учебные заведения примерно соответствовали нашей неполной средней школе). Но школа с ее казенной дисциплиной и преподаванием давала лишь самый минимум знаний и была глубоко чужда одаренному мальчику. В 1868 году Рабиндраната перевели в Бенгальскую академию (среднее учебное заведение), но и тут обучение приносило мало пользы; педагоги были нетребовательны, особенно к детям богатых родителей, на чьи средства часто существовала школа.

Настоящее образование Рабиндранат вместе со своими братьями и сестрами получал дома. Рабочий день начинался в шесть утра и продолжался с перерывами до девяти вечера. Особое внимание уделялось родному языку и литературе. Кроме того, их обучали арифметике, истории, геометрии, английскому языку, физике, анатомии, санскритской грамматике, рисованию и музыке. Большое значение придавали физическому воспитанию: гимнастике и борьбе. Как отмечает сам Тагор, обучение велось на родном бенгальском языке, что было очень важно. «Наше духовное воспитание шло успешно потому, что мы учились в детстве именно на бенгальском языке... Несмотря на то, что повсеместно твердили о необходимости английского воспитания, мой брат был достаточно тверд, чтобы дать нам «бенгальское», — писал Р. Тагор в «Воспоминаниях». В этом, несомненно, истоки глубокого знания родного языка и любви к нему, отличавшие Тагора.

Когда Рабиндранату исполнилось двенадцать лет, над ним был совершен обряд посвящения в брахманы. После этого отец взял его с собой в традиционное путешествие на Гималаи. Поездка оставила неизгладимый след в душе юного поэта: с восторгом воспринимал он сказочную красоту гор, занимался с отцом классической санскритской литературой.

После возвращения из путешествия юный поэт получил доступ в общество взрослых как полноправный член семьи и с увлечением стал принимать участие в литературно-музыкальных вечерах. Эти вечера оказали на него огромное влияние. Они заменили Тагору учебные заведения, которые он вскоре совсем перестал посещать (его определили в лицей св. Ксаверия, но он большей частью пропускал занятия), предпочитая прогулки и чтение книг по собственному выбору. На одном из «Хинду мела» тринадцатилетний Рабиндранат прочел свое патриотическое стихотворение «Дар Хинду мела», которое было тепло встречено участниками праздника. Это стихотворение, помещенное 25 февраля 1875 года в газете «Амрита Базар Патрика», было первым произведением Тагора, появившимся в печати.

В этом же году журнал «Гьянанкур» начинает публиковать большую поэму Тагора «Лесной цветок» (ноябрь 1875—октябрь 1876 г.). Здесь же печатаются стихотворения и первая критическая статья начинающего автора.

С 1877 года молодой Рабиндранат становится одним из самых деятельных сотрудников журнала «Бхароти», основанного его братом Джотириндронатхом. Джотириндронатх очень любил младшего брата и всячески развивал его литературное дарование. «Ему едва ли не больше всех я обязан литературным и эмоциональным развитием», — отмечал писатель впоследствии. На всю жизнь сохранил Тагор память о Кадомбори Деби, жене Джотириндронатха, обаятельной женщине, обладавшей тонким художественным чутьем, непрерывной слушательнице и ценительнице его ранних поэтических произведений.

В первом номере журнала «Бхароти» (июль 1877 г.) был напечатан рассказ «Нищенка». Затем выходят главы неоконченного романа «Сострадание», поэма «История поэта». Здесь же Тагор публикует «Поэмы Бханушингхо Тхакура» (1881 — 1885) — искусное подражание средневековому поэту-вишнуиту Биддапотти, лирика которого на некоторое время целиком завладевает вниманием Рабиндраната.

В эти годы Тагор знакомится с европейской литературой. Особенно увлекается он стихами Шелли, Броунинга, Китса. Его захватывает «Фауст». Он начинает заниматься немецким языком, чтобы прочесть великое творение Гете в подлиннике. Тагор переводит стихотворения Петрарки и Данте, пишет ста-

тью о поэтах Италии и другие критические работы о европейской литературе.

В 1878 году с одним из братьев Тагор едет в Англию, где ему предстояло, подобно многим молодым индийцам, изучить юриспруденцию и стать адвокатом. Но юридическая карьера не привлекает поэта. Он посещает лекции по литературе в Лондонском университете, знакомится с европейской музыкой и искусством, изучает быт и культуру английского народа. Тагор продолжает писать стихи и статьи и отсылает их в журнал «Бхароти».

После полутора лет пребывания в Англии Тагор возвращается на родину. Отец знакомит его с делами заминдарства, чтобы передать сыну управление хозяйством. В 1883 году Тагор женится на Мриналини Деби, дочери служащего заминдарства Тагоров, брахмана Бенимадхоба Райчоудхури из Джессора. Этот брак был заключен в соответствии с тогдашними индийскими традициями — по слову родителей, а не по любви, однако супруги жили в полном согласии, и Мриналини Деби вплоть до своей безвременной кончины была преданным другом Тагора.

Большую часть своего времени писатель по-прежнему отдает литературному творчеству. Под влиянием классической индийской и европейской музыки он вместе с братом Джотириндронатхом пишет музыкальную драму «Гений Вальмики». Основой для этой драмы послужила легенда о творце крупнейшего индийского эпоса «Рамаяна».

В 1881 году Рабиндранат едет к брату Джотириндронатху в Чандернагар, на берег Ганги. Здесь Тагор создает лирический сборник стихов «Вечерние песни», в которых, как пишет сам поэт, он «еще погружен в созерцание своего собственного сердца...». «Ни стихотворные размеры, ни язык, — писал Тагор, — еще не приняли законченных форм, но «Вечерние песни» ценны тем, что в них я выразил свои сокровенные думы, и выразил так, как мне этого хотелось». В «Вечерних песнях» впервые прозвучали пантеистические мотивы, которые стали одной из неотъемлемых черт всей поэзии Тагора. Пантеизм «Вечерних песен», одухотворение явлений природы был навеян образами древнеиндийской литературы. Известное влияние оказала на Тагора и лирика Шелли, особенно его «Гимн духовной красоты».

В 1883 году выходит новый поэтический сборник — «Утрен-

ние песни». Все стихотворения «Утренних песен» пронизаны настроением радости и любви к жизни. В одном из лучших стихотворений сборника «Пробуждение водопада» Тагор пишет:

Я устремлюсь потоком сострадания,
Я разрушу тюрьмы из камней.
Я хлыну в мир и, безумный от восторга, наполню все
музыкой радости...

.
Я буду мчаться и рассыпать смех в лучах весеннего
солнца.

Таковыми же жизнеутверждающими являются стихотворения и других сборников 80-х годов — «Картины и песни» (1883), «Диезы и бемоли» (1886), в которых поэт впервые, по его признанию, не углубляется в собственные переживания, а ищет вдохновения в окружающем его мире людей.

...Пусть мне будет место среди вас, люди,
Я постараюсь вырастить для вас
Прекрасные цветы новых песен,
Чтобы вы могли их срывать утром и вечером.

(«Ж и з н ь»)

Стихам этого периода во многом созвучны и драмы. Вышедшая в 1884 году драма «Возмездие природы» включает в себе страстное осуждение аскетизма, ухода в мир абстрактных философских рассуждений и созерцания. Тагор утверждает здесь право человека на земные радости и земные чувства. «Героем «Возмездия природы» является отшельник, который хотел познать бесконечность в совершенно чистом виде, оборвав все узы любви и дружбы. Казалось, что этот человек уже одержал победу над природой. Но вот маленькая девочка невидимыми нитями любви притянула к себе его сердце, — писал о своей драме Тагор, — и, оторвав от общения с бесконечным, вернула в мир. Возвратившись, отшельник увидел, что в малом скрывается великое, в конечном — бесконечное, в любви — свобода... Эту пьесу можно рассматривать как введение ко всей моей последующей деятельности, или, вернее, это та тема, к которой тяготели все мои поэтические произведения».

В 80-х годах Тагор создает два исторических романа — «Берег Библии» (1882) и «Раджа-мудрец» (1886). В этих произведениях писатель, следуя романтическим традициям бенгаль-

ской литературы XIX века, в известной степени еще подражает стилю исторических романов Бонкимчондро Чоттопаддхая. В то же время в них уже отразились те идеи, которые получили дальнейшее развитие во всем творчестве писателя: с одной стороны — осуждение тирании — тирании жестоких монархов, тирании глупости и предрассудков, тирании веками освященных религиозных обычаев и, с другой, — проповедь ненасильственной борьбы с тиранией, уходящая своими истоками в вишнуитское учение «бхакти», проповедь всеобщей любви и самоотречения как единственно допустимого оружия в такой борьбе.

Постепенно писатель втягивается и в общественную жизнь. С 1884 года он принимает самое живое участие в деятельности общества «Брахма-Самадж», вступает в идеологические споры с представителями неохиндуизма. В ряде талантливых полемических статей Тагор убедительно доказывает необходимость сбросить груз устаревших традиций: без этого невозможны прогресс и свобода. Полемическая борьба принимает такой острый характер, что приводит к временной размолвке между Тагором и Бонкимчондро Чоттопаддхаем, разделявшим взгляды неохиндуистов.

Тагор приветствует создание Индийского Национального Конгресса, партии, которая своими выступлениями против произвола английских властей, против недопущения индийцев на ответственные должности в государственных учреждениях, против униженного и бесправного положения индийцев у себя на родине способствовала пробуждению их национального самосознания. В 1886 году Тагор принимает участие в работе второго съезда Индийского Национального Конгресса и пишет в честь съезда гимн «Сегодня мы собрались вместе по твоему зову, о мать Родина!»

Волнуют писателя и события за пределами родины. Еще в 1881 году на страницах журнала «Бхароти» он выступил со статьей «Торговля смертью с Китаем», где гневно осудил Англию, насильно ввозившую опиум в Китай.

В 90-х годах, не считая трехмесячного путешествия по Европе в 1890 году, Тагор с семьей живет в деревне, большей частью в Шилайдохо — центре земельных владений Тагоров. Отец поручает ему управление обширным родовым заминдарством. Пребывание в деревне дает возможность Тагору ближе познакомиться с жизнью крестьян, ремесленников, мелких чинов-

ников. Везде он видит бесправие, нужду, разорение. «Я не знаю, достигим ли социалистический идеал более равномерного распределения благ, но если нет, то воля провидения поистине жестока, а человек — несчастнейшее из творений», — писал Тагор в своем письме из Шилайдохо 10 мая 1893 года.

Впечатления и мысли тех лет отразились в многочисленных рассказах Тагора, большая часть которых была написана именно в этот период (из трех томов рассказов два были опубликованы в 90-х годах), и в больших поэтических циклах.

Рассказы принадлежат к числу лучших произведений писателя. Они правдиво показывают индийскую действительность конца прошлого века, ярко рисуют жизнь бенгальской деревни, вскрывают глубокие жизненные конфликты.

Как и в поэтических произведениях, Тагор воспекает в рассказах высокие чувства: любовь, преданность, человечность. Перед ними бессильны все социальные преграды и запреты.

Тагор резко осуждает феодальные пережитки, освященные религиозной традицией, потому что справедливо видит в них причину многих человеческих трагедий. В обличении этих пережитков особенно ярко проявилась критическая направленность рассказов Тагора, активная действенная сила его гуманизма. От устаревших обычаев феодального прошлого больше всего страдала индийская женщина. Поэтому, продолжая традиции своих предшественников, неустанно боровшихся за ее раскрепощение, писатель уделяет этой проблеме особое внимание. Индийская женщина явилась главным действующим лицом, главным персонажем рассказов Тагора. В рассказах мы видим целую галерею женских образов различного социального происхождения — от заминдаров до крестьян. Перед нами одна за другой раскрываются трагические судьбы героинь, то молча и покорно смиряющихся со своею судьбой, то тщетно пытающихся вырваться из заколдованного круга.

Ярко и убедительно показывает Тагор в своих рассказах жестокость и бессмысленность детских браков («Тетрадка», 1893), безбрачия вдов («Судья», 1894; «Скелет», 1893), чудовищность обычая сати, согласно которому вдова должна была погибнуть вместе с умершим мужем на погребальном костре («Мохамая», 1893). Тагор показал, что женщину унижали и делали бесправной не только феодальные традиции, но и нарождавшиеся капиталистические отношения. Если феодализм превращал женщину в рабыню, то капитализм порой низводил ее

до положения вещи, ибо в условиях всевластия денег брак становится лишь откровенно выгодной сделкой, когда ценность невесты определяется размером приданого («Расчеты», 1891).

Писатель осуждает жажду обогащения, распространяющуюся подобно лихорадке по мере проникновения капиталистических отношений во все сферы жизни («Неразумный Рамканай», 1891; «Наследство», 1891; «Старшая сестра», 1895).

Жадность и стяжательство глубоко отвратительны Тагору. Он подвергает беспощадному осмеянию корыстных служителей религии, бессовестно наживавшихся на предрассудках и невежестве («Золотой мираж», 1892). Рассказ «Жертвоприношение» (1898) — гневная сатира на «богобоязненных» ханжей, брахманов и аскетов. Брахман Бойддонатх совершает пышные церемонии, чтобы небо даровало ему наследника, а в это время «страшный голод надвинулся на Бенгалию, Бихар и Ориссу. И пока Бойддонатх думал о том, кто будет есть его хлеб, когда он умрет, голодающие с тоской смотрели на пустые миски».

Следует, однако, отметить, что Тагор, осуждая освященные индуизмом феодальные обычаи и высмеивая жадность и глупость отдельных священнослужителей, не отвергал религию вообще. Он критиковал индуизм с позиций его усовершенствования подобно тому, как Л. Н. Толстой критиковал христианство. Но его обличение не теряло своей действенной силы — оно помогало индийскому народу освободиться от пут средневековых пережитков, мешавших прогрессу.

Разнообразен круг и других социальных проблем в рассказах Тагора. Он не мог пройти мимо проблемы бесправия и нищеты индийского крестьянина («Приговор», 1893; «Несчастье маленького человека», 1893; «Разгаданная загадка» 1893), взяточничества и произвола полиции («Оплошность», 1898), — все эти язвы индийской действительности обнажены в рассказах Тагора.

В некоторых из них герои не только критикуют и осуждают окружающую их действительность, но и вступают с нею в борьбу. Вспомним хотя бы Хемонто («Отречение», 1892), который, несмотря на требование отца, отказывается бросить жену, принадлежавшую к низшей касте, навлекая на себя гнев семьи и изгнание из общины. Такое разрешение конфликта рассказа прозвучало в те годы смелым призывом писателя к борьбе против кастовой системы, еще безраздельно господствовавшей в индийском обществе.

Герой одного из лучших рассказов Тагора «Свет и тени» (1894) Шошибхушон смело выступает на борьбу с произволом английских колониальных властей. Бесчинства колонизаторов, раболепие индийских чиновников, пассивность и запуганность крестьян — все это глубоко возмущает и волнует Тагора. Он показывает, что британское «правосудие» в Индии обеспечивает колонизаторам полную безнаказанность. В неравной схватке с этой силой борец-одиночка Шошибхушон, действующий на свой страх и риск, терпит поражение. Тагор оказался не в силах дать ответ на вопрос — как бороться, и он уводит своего героя с поля битвы в сферу личных переживаний и чувств. Такое решение образа не отражало сущности национально-освободительного движения в Индии 90-х годов, когда Тилак и его сторонники, ставившие себе целью освобождение страны от чужеземного ига, требовали решительных политических действий.

Эту непоследовательность некоторых рассказов можно отчасти объяснить особенностями гуманизма Тагора, корни которого уходят в вишнуитские идеи бхакти, идеи равенства людей, основанного на всеобщей любви. Писатель не раз возвращается к понимаемой им абстрактно идее равенства людей, к идее общности их чувств и переживаний, которая может сблизить и крестьянина и заминдара («Разгаданная загадка», 1893), и полудикого горца и высокообразованного писателя («Кабуливалла», 1892). В противоречии между бичующе разоблачительным характером рассказов и проповедью всеобщей любви нашло яркое отражение противоречие между художественным методом писателя и его мировоззрением. Тем не менее значение рассказов Тагора как первых произведений критического реализма чрезвычайно велико. Их антифеодалная и антиколониальная направленность вызывала в душе читателей протест против всякого рода угнетения и тирании.

Значение ранних рассказов Тагора не исчерпывается их идейным содержанием. В них писатель показал себя мастером психологического анализа, тонким знатоком человеческой души. В рассказах Тагор фактически создал новый стиль бенгальской реалистической прозы. Сжатый и лаконичный и вместе с тем яркий и выразительный реалистический стиль рассказов Тагора возник в процессе преодоления старого романтического стиля, свойственного бенгальской художественной прозе XIX века, преодоления условности сюжетов и образов, излишней цветистости и напыщенности. Наиболее драматические события

Тагор описывает без ненужного пафоса, простым, даже несколько «будничным» языком. Трагическая развязка, гибель героев в неравной борьбе с пережитками прошлого соответствовали исторической правде, что являлось признаком реалистического метода. Тагор дает очень точное описание бытовых деталей, обычаев, нравов, присущих индийской действительности.

Развивая лучшие традиции своих предшественников, Тагор внес своими рассказами коренные изменения в бенгальский литературный язык, широко используя лексику, бытующую в народе, и грамматические нормы разговорной речи. Фактически создание этих рассказов ознаменовало рождение современного бенгальского литературного языка. Тагор писал об этом: «Мне самому приходилось создавать бенгальскую прозу. Прозаического языка не было, и я был вынужден создавать его частями, пластами. Язык прозы возник у меня в процессе написания рассказов».

Ранние рассказы Тагора дали направление дальнейшему развитию всего его творчества. Основные идеи этих произведений и особенности художественного метода, формировавшегося в процессе их создания, отразились в последующих произведениях писателя.

Рассказы Тагора оказали большое влияние на литературу народов Индии. Их главная особенность — гуманизм, реализм, критическая направленность — сыграли важную роль в становлении критического реализма в индийской литературе. Недаром крупнейшие индийские писатели-реалисты, такие как Премчанд, Шоротчондро Чоттопаддхай и другие, всегда подчеркивают значительность влияния Тагора на их творчество. «Что касается моих рассказов, — писал Премчанд, — то на первых порах я чувствовал на себе влияние Рабиндраната».

Одновременно с рассказами Тагор создает многочисленные стихотворные сборники, раскрывающие большой и сложный мир великого поэта. Уже при первом знакомстве со стихотворениями Тагора читатель попадает под обаяние этих произведений с их неповторимым своеобразием, тончайшим лиризмом, возвышенными и чистыми чувствами, глубокими мыслями и высоким гуманизмом. Как и в рассказах, Тагор звал любить людей, бороться со всем тем, что мешало расцвету человеческой личности. На какие бы вершины философской мысли Тагор ни поднимался, он всегда был прочно связан с действительностью. К каким бы романтическим образам он ни прибегал,

он неизменно воспевал повседневную жизнь с ее радостями и печалами, страданиями обыкновенного человека. Мало кому удавалось так трепетно и поэтично передать радость первой встречи влюбленных, горечь разлуки, красоту сгущающихся сумерек, суровое величие моря. Именно поэтому поэзия Тагора так близка сердцу самого широкого читателя.

Стихотворные сборники 90-х годов — это как бы страницы дневника Тагора, раскрывающие сложную идейную и художественную эволюцию поэта, рассказывающие о его философских исканиях, о его думах, связанных с судьбами родины.

В сборнике стихов «Маноши», который был написан еще до выхода в свет рассказов (1887—1890), лирические мотивы тесно переплетаются с гражданскими. В стихотворениях со всей яркостью отразились мятежность поэта, его романтические устремления и глубокий, проникновенный взгляд на окружающую действительность. «Во мне борются противоположные силы, одна зовет к отдыху и успокоению, другая не дает покоя», — писал он в 1891 году своему родственнику и другу писателю Промотхо Чоудхури. Тагор страстно мечтал о свободе родины, об активной и действенной жизни. «Как бы хотелось мне... разрушить все преграды и ринуться исступленно в жизнь!» — восклицает он в стихотворении «Безумные надежды». Но мечты поэта вступали в острый конфликт с жизнью. На каждом шагу он сталкивался с социальной несправедливостью, с унижением индийцев колонизаторами. Не удовлетворяла его и деятельность многих соотечественников. «Страстно хочется встретить хоть одну полнокровную, смелую и сильную личность», — писал он в одном из писем в 1891 году. Поэт обрушивается на тех, кто унижается перед колонизаторами и в то же время выпендривается, рассуждает о величии арийской расы:

С ладонями, подобострастно сложенными в приветствии,
Вы извиваетесь у ног ваших хозяев и просите их милости.
Дома хвастаетесь своими предками, тем, что
Мир дрожит перед вами, могучими потомками арийцев.

(«Безумные надежды»)

Как и в рассказах, Тагор в этом поэтическом сборнике пишет об уродливых традициях, калечивших жизнь людей. В стихотворении «Разговор новобрачных», он призывает соотече-

ственников задуматься над варварством обычая ранних браков, жертвами которого становились миллионы индийских женщин. Об этом же говорят яркие строки и других стихотворений.

Пусть играют флейты, возвещая приход в дом
восьмилетней невесты.

Сорву этот нераспустившийся бутон и
превращу его в прах,

Опираясь на авторитет священных книг,
Смешаю его с пылью веков.

(«П о к и н у т ы й»)

Сборнику принесли славу не только стихотворения на гражданские и социальные мотивы. Значительное место в нем занимает прекрасная по глубине чувств любовная лирика. В ней порой слышатся настроения грусти, тоски, разочарования, борются противоположные чувства. Тагор поет гимн вечной любви, прошедшей «через тысячи форм и тысячи времен» (стихотворение «Бесконечная любовь»), и тут же отрицает ее, прощая в стихотворении «Бесплодное желание»:

Ты хочешь получить всего человека?

Какая дерзость!

Что есть у тебя,

Что можешь ты дать?

Разве существует бесконечная любовь?..

В сборнике не слышно мажорных тонов, свойственных «Утренним песням». В нем поэт выражает неудовлетворенность самим собой. Он как бы ищет путь в мир новых поэтических свершений и откровений.

Новые настроения появляются у поэта в сборниках 90-х годов: «Золотая ладья» (1892—1893), «Читра» (1893—1896), «Чой-тали» (1895—1896). Эти сборники явились этапами пути, по которому восходила ищущая философская мысль поэта, стремившегося дать самому себе ответ на глубокие вопросы бытия. Этот путь привел Тагора к концепции дживан-девата (буквально «божество жизни»), которую он развивал и углублял на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Корни этой концепции уходят в идеи древнеиндийских философских трактатов — Упанишад (VII—VI вв. до н. э.), настольной книги в семье Тагоров, с их учением о единстве высшего духовного начала, человека и природы, с их принципом «личность превыше всего». Следуя этому учению, Тагор утверждал, что душа каждого

человека или его внутреннее «я» неразрывно связана с высшим началом, вдохновляющим человека и зорко наблюдающим за его действиями. Это высшее начало, абсолют, бесконечность, пребывающее везде и во всем, начало, с которым было слито и внутреннее «я» поэта, он назвал божеством жизни — дживан-девата. Ему он считал себя обязанным своим вдохновением, и ему он приносил плоды своего творчества. Позднее, в известной философской работе «Религия человека» (1930), Тагор писал о своем дживан-девата: «Я ясно чувствовал, что какое-то существо, которое до конца понимает меня и мой мир, ищет свое наиболее полное выражение во всем моем жизненном опыте...»

Поэтический образ дживан-девата оформился в поэзии Тагора не сразу. Первые итоги его философских раздумий появляются во вступительном стихотворении сборника «Золотая ладья», в котором идея, близкая к дживан-девата, воплощена в образе лодочника золотой ладьи, плывущей по реке жизни. Поэт пишет:

Кто едет в лодке и песню кто поет?
Когда смотрю я на лодку, мне кажется, я узнаю его.
Возьми же мой рис, столько, сколько захочешь.
Больше у меня нет, я отдал тебе все.
Пожалей и возьми меня с собой.
Но места в ладье нет, мала ладья.
Я остался один, все увезла золотая ладья.

В заключительном стихотворении этого сборника «Путь в неизвестное» с образом лодочника перекликается образ «прекрасной».

Куда ты уводишь меня, о прекрасная?
Скажи мне, к какому берегу ты причалишь
свою золотую ладью?
Когда я спрашиваю тебя, о незнакомка,
Ты только улыбаешься.

Образы лодочника и прекрасной богини говорят нам еще о некоторой неуверенности поэта, он как будто еще не нашел своего божества жизни. Представление о дживан-девата и об отношении самого поэта к нему определилось в сборнике «Читра», в котором символические образы лодочника и прекрасной богини сменяет образ «господина моей души»:

**О господин души моей,
Все ли твои желания ты воплотил во мне?**

Я отдал тебе свою чашу,
Наполненную всеми моими радостями и печалью,
И мое сердце стало подобно выжатому винограду.

Я не знаю, почему твой выбор пал на меня,
О господин моей жизни.

Вдохни в меня свежую струю радости,
Повенчай меня снова с жизнью.

(«Д ж и в а н - д е в а т а»)

Идеалистичность философской концепции дживан-девата очевидна. Однако в ней заложены и великие гуманистические идеи. Считая движущей силой и целью своей поэзии дживан-девата, Тагор призывал к служению человеку и служил ему сам. При всей сложности и утонченности философского мышления поэта, воспитанного на тысячелетних традициях индийской философской мысли, подлинная сущность его мировоззрения заключается в «приятии жизни». Тагор осуждает аскетизм, уход в чистые религиозные переживания, он воспевае земную жизнь человека, проявляет живой интерес к жгучим проблемам современности. Обращение к дживан-девата — это часто лишь форма, в которой поэт выражает свои сокровенные мысли, утверждает красоту земного существования. Как гимн жизни и свободе звучит одно из лучших стихотворений сборника «Читра» — ода «Урваши». В ней поэт воспевае красоту вечной женственности и силы, вдохновляющей героев на подвиги.

Всем своим сердцем поэт связан с родной природой. С неподдельной теплотой, словно о самом близком человеке, пишет он, например, о своей любимице реке Падме, на берегах которой провел лучшие годы своей жизни:

О моя Падма,

Я отдал тебе свое сердце.

Заходящее солнце смотрело на нас.

В исчезающем вечернем свете

Ты была как молчаливая невеста со смущенно
опущенной головой,

И вечерняя звезда смотрела с любопытством

На твое улыбающееся лицо.

Картины природы родной Бенгалии перемежаются с прекрасными зарисовками деревенской жизни, образами простых людей, о несчастной доле которых автор, как и в рассказах, говорит с большой теплотой и сочувствием. (Стихотворения «Два бигха земли», «Старшая сестра», «Полдень», «Труд» и др.)

Громче звучат гражданские и патриотические мотивы. Поэт обращается к родине Бенгалии, призывает ее сынов пробудиться ото сна и найти достойное место в жизни («Мать Бенгалия»), он убеждает в необходимости отказа от мертвых традиций и обычаев («Метафора»). Поэт призывает соотечественников объединиться в борьбе с тиранией и подумать о всех тех, кто обездолен и страдает:

Повернитесь к тем, кто стоит, опустив головы,
Они живут, подбирая объедки,
А когда у них отбирают и эти крохи
И жестокая тирания лишает их даже жизни,
Они не знают, к кому взывать о справедливости.
Мы должны пробудить в их усталых, разбитых
сердцах надежду,
Для этого мы сами должны поднять голову
и объединиться.
Поборники несправедливости, которых вы
боитесь, слабее, чем вы.
И они будут в ужасе пресмыкаться перед вами,
Как бездомные собаки.
(«П о в е р н и т е с ь!»)

Идею необходимости единства, необходимости не забывать о положении масс Тагор развивает в своих многочисленных выступлениях и статьях.

Стихотворения этих сборников знаменательны и новаторством в поэтической форме. Уже книгой «Маноши» поэт совершил революцию в бенгальской поэзии, отказавшись от традиционных норм стихосложения. Он широко применил сделанные им открытия и в других сборниках, показав, какие большие, еще не использованные богатства метрики и звучания стиха содержатся в бенгальском поэтическом языке.

В конце 90-х — начале 900-х годов выходят новые стихотворные сборники Тагора: «Крупинки» (1899), «Сказания» (1900), «Баллады» (1900), «Фантазии» (1900), «Мгновения» (1900), «Дары» (1901). Эти сборники отличаются особым богатством и разнообразием формы и содержания. Поэт обращается в них к самым различным жанрам — от афоризмов до баллад.

Баллады (сборники «Фантазии» и «Баллады») принадлежат к числу лучших романтических произведений писателя. В них воспеты идеалы героизма, самопожертвования, величие больших искренних чувств, героика прошлого Индии.

В сборнике «Крупинки» Тагор, мастерски используя древнеиндийскую форму сутры, дал образцы блестящих афоризмов в стихах. Вот некоторые из них:

Мы закрыли дверь, чтобы не вошло заблуждение,
Но как же теперь удастся войти истине?

*

Власти считают неблагодарностью корчи своих жертв.
(Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Особое место в творчестве Тагора принадлежит сборнику «Мгновения». «В «Мгновениях», — писал поэт, — я впервые использовал красоту и музыку разговорной речи. Это придавало мне необыкновенное ощущение силы и радости. Мне казалось, что я могу использовать абсолютно любое слово, какое хочу».

Сборник пронизан духом бунтарства против филистерства и консерватизма, ограниченности и узости. В нем есть стихотворения, которые на первый взгляд поражают неожиданностью своих настроений:

О безумец, бесподобно пьяный!
Когда, распахнув настежь двери, ты кривляешься
всенародно,
Когда сума твоя пустеет за ночь,
И ты глумишься над благоразумием...
Когда, подставив свой парус буре,
ты ломаешь свой руль надвое.
Тогда я с тобою, товарищ, — упыюсь — и пусть
все идет прахом...
(«Пьяница». Перевод Н. А. Пушешникова)

Что это — воспевание гедонизма, столь чуждого всему духу творчества Тагора? Или, быть может, в «Пьянице» за призывом «упиться и пустить все прахом» скрыт иной смысл?

Сам Тагор в одном из своих писем говорит, что «часто эти слова (пьяницы. — А. Г.) нужно понимать в обратном смысле». Он говорит, что «это сила, поднявшая флаг восстания», то есть сила, выступающая против обветшалых догм ортодоксальной религии и морали. И вот тагоровский «Пьяница» оборачивается для нас совершенно неожиданным образом — он становится символом бурного протеста. За маской гримасничающего пья-

ницы скрывается боль страдания, быть может, боль человека, отдавшего себя служению родине и не понятого современниками, а может быть, просто человека, разуверившегося в искренности чувств своих друзей. Тагор, углубляя свою мысль, поясняет далее в своем письме: «Сталкиваясь с непониманием и враждебностью, страдание проявляет себя в искаженном виде».

Не только «Пьяница», но и многие другие стихотворения сборника «Мгновения» несут на себе печать глубоких душевных переживаний Тагора. «Мгновения» контрастны по своим настроениям духу гармонии и уравновешенности, который царит в «Золотой ладье» и «Читре». Очевидно, «Мгновения» знаменуют собой переломный этап в творчестве поэта. Несомненно, на произведениях этого цикла сильно сказались и серьезные житейские невзгоды, выпавшие на долю Тагора в конце 90-х годов, когда в связи с банкротством предприятия «отечественных товаров», основанного Тагором совместно с его братом, образовался огромный долг, который писатель выплачивал в течение десятков лет.

Постепенно Тагор преодолевает владевшие им тягостные настроения. В 1901 году выходит в свет один из наиболее известных его стихотворных сборников «Дары», который, по словам многих исследователей, открыл новую веху в поэтическом творчестве писателя.

Стихи сборника «Дары» написаны в форме сонетов-молитв. В них тесно переплетаются между собой философские и патристические мотивы. Название сборника выражает его главную идею: поэт приносит в дар дживан-девата свое творчество. Тагор взывает к «божеству своей жизни» с мольбой — дать ему силы возвыситься над суетой, стать щедрым, мудрым и непреклонным перед властью, преисполниться состраданием к простым людям, отдать им всю любовь своего сердца.

Обращаясь к дживан-девата, Тагор поверяет ему мечты о будущем своей родины, в которой все станет гармоничным и прекрасным. Это будет страна —

Где мысль бесстрашна и чело гордо поднято,
Где знание свободно;
Где мир не разбит на узкие перегородки;
Где слово исходит из глубины истины,
Где неустанное стремление простирает руки к
совершенству;

ва, выше своего долга, о царь! Люби меня, мой супруг, но не надо безумств и излишеств. Все истинное просто».

Тему «Раджи и Рани» продолжает одна из лучших и наиболее известных драм Тагора — «Читрангода» (1892). Ее сюжет основан на эпизоде, заимствованном из Махабхараты. «Читрангода» — лирико-драматическое произведение о красоте и силе женской любви. В этой пьесе Тагор развивает идею о том, что внешняя красота иллюзорна, что главное — это внутренняя, душевная красота женщины. Тем самым Тагор как бы призывает отказаться от традиционного взгляда на женщину и увидеть в ней равноправную подругу мужчины. Эти идеи не раз появляются затем в его стихах и рассказах и во многом определяют характер женских образов поздних произведений Тагора.

В 1890 году выходит в свет драма «Жертвоприношение», написанная им по мотивам романа «Раджа-мудрец». Пьеса направлена против антигуманистической, догматической религии, против жестокости и фанатизма брахманов. Убийство, — доказывает в «Жертвоприношении» Тагор, — в любом случае — преступление. Оно никогда не может быть оправдано, даже если возникает конфликт между необходимостью исполнить долг, либо нарушить его, отказавшись убить человека.

* * *

Напряженная творческая деятельность писателя сочетается с живым интересом ко всем явлениям общественной жизни страны. Когда английские власти арестовали Тилака, одного из крупнейших деятелей национально-освободительного движения, Тагор немедленно выступает в его защиту. Он присоединяется к кампании за освобождение Тилака, организует сбор денежных средств для оказания помощи борцу за независимость Индии. Писатель активно участвует в борьбе с эпидемией чумы, и когда над страной разражаются стихийные бедствия, Тагор среди тех, кто мобилизует все силы, чтобы помочь пострадавшим.

Горячий поборник национальной культуры, Тагор настойчиво боролся за внедрение бенгальского языка в обиход различных учреждений и общественных организаций. Он настаивал на том, чтобы бенгальских детей обучали на родном языке, собирал народные песни, читал лекции о фольк-

лоре, раскрывая его значение для развития бенгальской литературы.

В 1901 году Тагор осуществил один из своих сокровенных замыслов: основал в поместье отца, в Шантиникетоне, куда переехал вместе с семьей, школу и с увлечением принялся за преподавание, которое велось по особым, им самим разработанным методам. Тагор считал, что дети должны учиться в обстановке, не стесняющей их инициативы, старался пробудить в них интерес к науке. Занятия проводились большей частью на открытом воздухе и начинались с урока пения. Тагор старался подбирать преподавателей, которые понимали цели его школы и умели вызвать у детей интерес к литературе, истории, к искусству, к точным наукам. В Шантиникетоне часто ставились драматические представления, в которых принимали участие дети и сам писатель. Многие пьесы написаны Тагором специально для его школы.

В Шантиникетоне дети сами устанавливали правила поведения, сами выбирали своих руководителей, которые вместе с Советом школы поддерживали чистоту и порядок, организовывали питание, отдых и развлечения. За те или иные проступки дети сами назначали наказания. Несмотря на множество недостатков, эта школа заметно выделялась на фоне казенной официальной системы образования и, естественно, привлекала внимание. Число учащихся быстро росло: первоначально в школе занималось всего пять мальчиков, среди которых был и сын писателя, через несколько лет число учащихся превысило сто пятьдесят человек.

Увлечение Тагора педагогикой не мешало его литературным занятиям. В 1901—1902 годах он пишет свои первые социально-психологические романы и повести: «Разрушенное гнездо», «Песчинка» и «Крушение», утвердившие этот жанр в бенгальской литературе.

В этих произведениях показан конфликт между реальной жизнью и консервативной традицией. В них писатель, развивая и углубляя идеи рассказов, вновь обращается к проблемам брака и любви и смело утверждает, что, с точки зрения истинно человеческой морали, свободной от обветшалых предрассудков, «запретная», то есть не санкционированная религией любовь имеет право на существование («Разрушенное гнездо», «Песчинка»). Преступившие «запретные границы» героини этих произведений не «падшие создания», какими их считали после-

дователи ортодоксального индуизма, а высоконравственные женщины, жизнь которых исковеркана косностью и рутиной вековых обычаев.

В условиях Индии тех лет сама постановка этих вопросов имела огромное значение. «Разрушенное гнездо» и «Песчинка» вызвали бурные отклики. Консервативная критика сочла их «аморальными». Однако вопреки высказываниям отдельных, ханжески настроенных критиков и писателей, эти произведения Тагора пользовались широкой популярностью среди читателей, жадно искавших ответов на многие мучительные вопросы жизни индийского общества.

В романе «Крушение» (1903) Тагор с еще большей остротой и смелостью пытается разрешить социально-бытовые проблемы, волновавшие широкие круги бенгальской интеллигенции. Беспощадно критикуя нормы феодальной морали, писатель показывает влияние новых демократических веяний и как следствие его — начавшееся крушение старой семьи. Конфликтам, которые в «Разрушенном гнезде» и «Песчинке» разрешаются трагически, здесь писатель находит иное решение. Так, например, муж одной из героинь — Комолы не прогоняет жену, узнав, что она совершила «страшный» по религиозно-феодалному кодексу проступок — жила под кровом чужого мужчины. Напротив, он обращает к ней ласку и любовь своего сердца, стремясь залечить все раны страданий, перенесенных Комолой.

В «Крушении», как и в предшествующих романах, Тагор рисует так называемые средние классы Бенгалии, обращается не только к сельской, но и к городской жизни, показывает безволие и никчемность отдельных слоев мелкобуржуазной интеллигенции.

Начало XX века было, пожалуй, самым тяжелым периодом в жизни Тагора. В ноябре 1902 года скончалась его жена. Затем последовала смерть дочери, потом отца и тринадцатилетнего сына. Глубокое горе все же не сломило Тагора. Преодолевая охватившие его тягостные чувства, писатель с головой уходит в общественную деятельность.

Это было бурное для Индии время. Первая русская революция разбудила народы Востока. Начался революционный подъем на родине Тагора. Одним из непосредственных поводов к массовому движению против английских колонизаторов явился объявленный лордом Керзоном в 1905 году акт о разделе

Бенгалии. В стране поднялась новая волна национально-освободительного движения. Основными лозунгами этого движения были «сварадж» (свое правление) и «свадеш» (свое производство). Его участники ратовали за предоставление Индии самоуправления, за бойкот иностранных товаров и развитие национального производства. Движение это известно под названием «свадеш».

Тагор становится одним из руководителей свадеш. Он выступает на собраниях и митингах, пишет патриотические песни, которые поет народ. Наиболее известные из них «Золотая Бенгалия» и «Земля Бенгалии» (1905).

В день, когда был введен в силу закон о разделе Бенгалии (16 октября 1905 г.), Тагор организовал так называемую кампанию «Ракхи-бондхон» — обмен повязками, символизирующий единство Бенгалии. В этой кампании принимали активное участие как индусы, так и мусульмане.

Рабиндранат Тагор был в первых рядах одной из демонстраций в Калькутте; демонстранты пели его песню:

Сильны ли вы достаточно, чтобы разорвать
Пути, которыми связала нас судьба...

В 1905 году Тагор создает общественно-политический журнал «Бхандар», на страницах которого излагает свои политические взгляды. В статье «Король и подданные» он говорит о том, что англичане вместо обещанной помощи выкачивают из Индии барыши. Тагор публикует поэму о национальном герое Индии эпохи Великих Моголов Шиваджи (XVII в.), в которой восславил великое прошлое индийского народа. Этой поэмой он ответил на попытку лорда Керзона, автора закона о разделе Бенгалии, принизить в своих выступлениях человеческое достоинство индийцев. В ряде статей Тагор предлагает план аграрных преобразований, которые должны были способствовать избавлению от нищеты. Писатель принимает участие в деятельности Национального Совета образования, который должен был объединить студентов, исключенных из учебных заведений за участие в движении свадеш. Этот совет, осуществлявший свою деятельность под руководством известного политического деятеля и философа Оробиндо Гхоша, объединил наиболее прогрессивную молодежь Бенгалии. Тагор читает перед этой аудиторией лекции по литературе, и его популярность возра-

стает с каждым днем; он становится кумиром молодежи, в его доме собираются патриоты, его лекции слушают тысячи людей.

Однако вскоре Тагор отошел от движения свадеши. Он был сторонником реформ и отвергал насилие как средство политической борьбы. Социальные изменения он понимал утопически. По его убеждению, они должны были произойти путем просвещения народа, расширения отечественного производства, проведения аграрных реформ мирного характера, создания добровольных организаций и т. д. Когда же движение начало принимать характер массовой революционной борьбы, Тагор отошел от него. Некоторая узость взглядов писателя была обусловлена общим характером его мировоззрения, сложившегося задолго до событий 1906—1908 годов. Политические взгляды писателя были тесно связаны с его философскими воззрениями, с абстрактностью его гуманизма, с мыслью о примате этического начала в жизни человека, идеей морального совершенствования и отрицания насильственных методов в борьбе со злом.

* * *

Тагор не был бы тем великим писателем и гуманистом, каким мы его знаем, если бы, отойдя от непосредственного участия в политической борьбе, действительно отказался от активной борьбы за освобождение своей родины, за ликвидацию феодальных пережитков, тьмы, невежества и нищеты, за прогресс Индии. Об этом говорит вся его последующая просветительская деятельность и литературное творчество.

Творчество Тагора приобретает еще большую социальную остроту. Во многих произведениях писатель отображает основные этапы национально-освободительной борьбы в Бенгалии (а по существу и в Индии), начиная, примерно, с того времени, когда он впервые вступил на путь общественной и литературной деятельности (конец 70-х гг. XIX в.), и кончая событиями 1905—1908 годов. Со всей силой своего огромного таланта он раскрывает главные проблемы, выдвигавшиеся индийской действительностью. В творчестве этих лет находят яркое отражение события первой мировой войны; писатель гневно осудил кровавую бойню, развязанную господствующими классами империалистических государств. В этот период он создал самые значительные свои произведения — роман

«Гора» (1907—1910) и стихотворный сборник «Полет журавлей».

Действие романа «Гора» приходится на конец 70-х—начало 80-х годов. Тагор обращается к истокам национально-освободительного движения, к тому времени, когда он начинал свою общественную деятельность. Однако в романе незримо присутствуют события эпохи свадеши. Изображая эпоху 70-х годов, Тагор поднимает проблемы, волновавшие Индию начала XX века.

События в романе разворачиваются на фоне борьбы неохиндуистов со сторонниками «Брахма-Самаджа». Ни одно из этих движений не удовлетворяет писателя, ибо они не в состоянии обеспечить решения важнейшей проблемы — достижения единства страны, всего народа; но содержание романа этим не исчерпывается. Читая «Гору», современники Тагора уясняли себе не только объективную необходимость единства народа, единства, преодолевающего кастовые и религиозные преграды, но и невольно сознавали неизбежность действенной и даже насильственной борьбы за свободу. Огромный талант и верность жизненной правде позволили Тагору создать роман, который вышел за рамки его мировоззрения. Поэтому основной конфликт романа заключается в столкновении идеологии ненасилия, отражавшей взгляды самого писателя, с необходимостью насильственной борьбы, которая действительно выдвигалась самой жизнью.

В центре произведения образ пламенного патриота, борца за прогресс и свободу — Горы. Тагор показывает идейную эволюцию своего героя. В первых главах романа Гора — убежденный неохиндуист, считающий, что причина бедствий, постигших страну, заключается в забвении ее славного прошлого. Сохранение всех атрибутов ортодоксального индуизма, даже кастовой системы, по его мнению, — важнейшее условие возрождения страны. Однако постепенно Гора начинает отступать от своих убеждений. Этому способствует его знакомство с семьей Пореша-бабу, противника всякой узости и фанатизма, и особенно посещение деревень и сближение с крестьянами. Гора словно созревает. Он явственно видит, что ортодоксальный индуизм разобщает народ, принижает его. Гора начинает замечать жадность, ханжество «служителей религии». Последний удар ортодоксальности Горы наносит известие о том, что этот, по выражению Р. Роллана, «вождь воинствующего нацио-

нализма» оказывается ирландцем, усыновленным правоверной семьей брахмана. Превратив правоверного индуса в ирландца, Тагор тем самым показывает, сколь эфемерна и ложна идея кастовой исключительности, разъединяющая национальные силы.

В заключительной главе романа Гора, отказавшийся от своего фанатизма и заблуждений, приходит к Порешу-бабу и восклицает: «Пореш-бабу, я всей душой стремился обрести Индию, но везде я наталкивался на препятствия... Сегодня мне стало близким все хорошее и дурное, радости и горести, мудрость и безумие всей Индии. Теперь я получил право по-настоящему служить ей... Именно теперь я стал индийцем. Для меня нет больше различия между индуизмом, мусульманской и христианской религиями. Отныне все касты Индии — моя каста, хлеб всего народа — мой хлеб».

Тагор не дал прямого ответа на вопрос, какими методами в дальнейшем будет бороться Гора за возрождение Индии. Но, заставив своего героя отречься от ортодоксального индуизма, писатель не делает его проповедником идей ненасилия. Напротив, образ Горы, активного, непримиримого к несправедливости человека, наделенного цельностью характера и большой внутренней силой, зовет читателя к борьбе за свободу. По словам одного из индийских критиков, «Гора — как бы олицетворение самой Индии, жаждущей свободы и борющейся со своим рабством».

Тагор сочувствует борьбе, которую ведет Гора, но основным выразителем взглядов автора является искатель вечной правды и сторонник умеренных реформ Пореш-бабу.

Пореш-бабу критикует ортодоксальный индуизм за бессмысленность обрядов, за кастовую систему, унижающую и разделяющую людей. Индуизм обречен, потому что он замкнут, потому что в него нет доступа людям иных верований. Но Пореш-бабу резко критикует и другую крайность, в которую впадали иные деятели общества «Брахма-Самадж», пренебрежительно относившиеся ко всему индийскому, к индийской национальной культуре. Главное в жизни Пореша-бабу — поиски вечной правды. Истина для него в равенстве людей перед богом, в свободе человеческой личности. Причину бед индийского общества Пореш-бабу видит в «притуплении чувства справедливости». Самым страшным преступлением он считает тиранию, особенно если она поддерживается государством. Однако

все свои рассуждения Пореш-бабу не связывает с конкретной действительностью, и образ этого человека, несмотря на все симпатии к нему автора, вышел расплывчатым и аморфным.

В романе Тагор создал светлые женские образы — образы Анондомой — приемной матери Горы, для которой все люди равны, к какой бы касте они ни принадлежали, Шучориты — воспитанницы Пореша-бабу и его дочери Лолиты. Молодые девушки различны по характеру, но их объединяет жажда полезной деятельности, стремление выйти из узких рамок семьи. Лолита страстно ищет свое место в жизни, ее не удовлетворяют бесплодные мечтания. Преодолевая многочисленные препятствия, она открывает школу для девочек. В образе Лолиты Тагор показал новую женщину в индийском обществе, которая в будущем откажется от служения одному лишь домашнему алтарю и выйдет на широкий простор общественной деятельности, примет активное участие в освободительной борьбе индийского народа. Эту новую линию в изображении женщины Тагор продолжает и в написанных им позднее рассказах. Так, в рассказе «Письмо женщины» (1914) одна из героинь в знак протеста против оков домашнего быта покидает семью, чтобы начать новую, свободную жизнь. В рассказе «Незнакомка» (1914) Тагор рисует образ девушки, которая отказывается от брака по расчету и посвящает свою жизнь общественной деятельности.

Изображению деревни Тагор отводит в романе две главы. Но и этого достаточно, чтобы представить себе весь ужас нищеты, темноты и бесправия многомиллионного индийского крестьянства. Когда Гора «идет в народ», он видит, «как разобщена эта немая, огромная деревенская Индия, как она ограничена и слаба, как не уверена в своих собственных силах и безразлична к своему благополучию. Какие непреодолимые препятствия воздвигает она себе на пути к освобождению, каким громадным представляется ей все ничтожное и каким невообразимо трудным кажется даже малейшее улучшение ее жизни. Ум этой Индии до сих пор еще спит...»

В «Горе» нет прямого призыва к борьбе с английскими колониальными властями. Но деятельность представителей колониальной администрации, раскрытая в романе, достаточно ярко свидетельствует о позиции автора. «В стране стало невозможно жить индийцам», — заявляет Тагор устами одного из своих героев.

Значение романа «Гора» не исчерпывается постановкой автором целого ряда социальных проблем и его критической направленностью. В этом романе Тагор развил свое искусство психологического анализа, тонко показав диалектику развития чувств и взглядов своих героев. «Гора», обладающий большими литературными достоинствами, явился целым этапом в развитии языка бенгальской прозы. Шоротчондро Чоттопаддхай отмечал, что он читал «Гору» не менее двадцати раз, чтобы учиться на нем писательскому мастерству.

Роман «Гора» является одним из высших достижений критического реализма в творчестве Тагора и с полным правом может считаться классическим произведением этого направления в индийских литературах. Известный бенгальский литературовед Шрикумар Бондопаддхай писал в своей фундаментальной истории бенгальского романа: «Гора занимает особое, уникальное место среди романов Тагора. Широта охвата действительности значительно выходит в нем за рамки обычного романа. «Гора» приближается к масштабам эпического произведения. В романе отразились все движения и тот подъем во время идеологической революции и первого пробуждения национального сознания, который был характерен для переходного периода истории Бенгалии».

Почти одновременно с «Горой» выходит одна из самых замечательных поэтических книг Тагора «Гитанджали» (1910). На первый взгляд она имеет мало общего с романом. В проникновенных лирических стихотворениях, написанных в виде гимнов, обращенных к дживан-девата, звучат ноты грусти, усталости. Поэт говорит о своем уходе из жизни.

О ты, последнее осуществление жизни, смерть, моя
смерть, приди и шепни мне!
День за днем я ждал тебя; ради тебя я сносил
радости и муки жизни.
Все, что я имею, на что надеюсь, и вся моя любовь —
все вечно и сокровенно текло к тебе.

(Перевод Н. А. Пушешникова)

Такие настроения могли быть вызваны переживаниями, связанными с неудачами борьбы за свободу, противоречиями, которые терзали душу поэта.

Но Тагор слишком любил жизнь и свою родину, чтобы действительно замкнуться в самом себе. Образ страдающей родины всегда витает перед поэтом.

О моя несчастная страна, ты должна сравняться
В страданиях с теми, кого лишили человеческих прав,
Кого держишь от себя на расстоянии, лишив объятий матери.
Те, кого ты унижаешь, будут и тебя тянуть вниз.
Те, кого ты скрываешь во мраке невежества,
Не дадут и тебе увидеть свет,
Ты должна сравняться в страданиях с ними.
Разве ты не видишь, что на пороге стоит вестник смерти?
Твое тщеславие проклятием легло на твой народ!
Если ты не кликнешь всех, то останешься в одиночестве...

Здесь вновь звучат облеченные в поэтическую форму идеи романа «Гора» о том, что достижение национальной независимости страны невозможно без освобождения широких масс от тяжелого груза кастовых предрассудков.

В этот же период Тагор создает новый цикл драм. Они сохраняют романтические тенденции первых его пьес, их философскую направленность, и отражают как идеи, нашедшие свое выражение в романе «Гора», так и настроения, проявившиеся в лирике «Гитанджали» и других сборниках. Пьесы написаны под некоторым влиянием символизма. Было бы, однако, ошибочным считать, что символизм Тагора тождествен западному символизму. Хотя драматургия Метерлинка, несомненно, оказала на Тагора известное влияние, пьесы Тагора и по форме и по содержанию глубоко национальны, основаны на индийских сюжетах, связаны с традицией древнеиндийской драмы.

В пьесе «Возмездие» (1909) отразились взгляды Тагора, появившиеся у него во время движения свадеши. Как и в «Горе», Тагор по-прежнему выступает против насилия, как средства борьбы с тиранией. Тем не менее пьеса представляет большой интерес. Она, как считают П. Ч. Махаланобис и другие знатоки творчества Тагора, предвосхитила философию движения несотрудничества, которое возглавил в начале 20-х годов Махатма Ганди. В этой пьесе писатель впервые упоминает о неплатеже налогов, как одном из средств борьбы с тиранией.

В аллегорической пьесе «Крепость консерватизма» (1911) Тагор в остро сатирической манере описывает индуистское общество, скованное цепями предрассудков. Осуждая нелепость и искусственность устарелых традиций ортодоксального индуизма, Тагор говорит о росте свободомыслия, о протесте против ортодоксии.

Перу Тагора принадлежат также пьесы, значительно отличающиеся по своему характеру от тех драматургических произведений, в которых господствующее место принадлежит социальным идеям. К числу таких пьес, написанных несомненно под воздействием Метерлинка, относятся «Раджа» (1910) и «Почта» (1912). Наиболее известная из них пьеса «Почта» окрашена в сентиментальные тона. Среди несколько туманных идей этой пьесы главное место принадлежит, пожалуй, мысли о том, что серая обыденность губит естественное для человека поэтическое восприятие мира, убивает способность чувствовать красоту. При этом Тагор показывает в пьесе, что простым людям доступней понимание поэзии жизни.

* * *

Последующие 1912—1913 годы были важной вехой в жизни писателя. Впервые после двадцатидвухлетнего перерыва он выезжает за границу, посещает Англию и США, выступает с лекциями об индийской культуре, в которых затрагивает и злободневные проблемы современности. За сборник переводов на английский язык (туда вошли стихотворения из сборников «Дары» и «Гитанджали»), выполненных самим Тагором и вышедших под названием «Гитанджали», Тагору в 1913 году присуждается Нобелевская премия. Впервые Нобелевская премия была присуждена писателю из стран Азии. Это событие имело огромное общенациональное значение для Индии, ибо оно символизировало признание культуры народов Востока.

Имя Тагора становится известным во всем мире. После издания «Гитанджали» на английском языке (1913) его произведения переводятся на многие языки. Только на русском языке в одном 1914 году появились четыре издания «Гитанджали».

Стихотворения этого сборника были ошибочно и тенденциозно истолкованы некоторыми западноевропейскими буржуазными литературоведами и критиками как произведения поэта-мистика и символиста. Между тем в поэзии Тагора нашло свое выражение своеобразие мышления и культуры индийского народа. Его творчество исполнено жизнеутверждающих идеалов гуманизма и демократизма и не имеет ничего общего с упадническим декадентским искусством.

На родине, куда Тагор вернулся в октябре 1913 года, его ждал восторженный прием. Калькуттский университет присваивает ему степень доктора литературы.

Тагор вновь испытывает огромный творческий подъем. Свои многочисленные новые произведения Тагор печатает в журнале «Шобудж потро», основанном известным бенгальским писателем и критиком Промотхо Чоудхури; журнал ставил целью отразить новые веяния в литературе и помочь сближению литературного бенгальского языка с разговорным.

«Шобудж потро» публикует новый цикл стихотворений Тагора, вошедших потом в сборник «Полет журавлей» (1914—1916). Многие исследователи называют «Полет журавлей» вершиной поэтического творчества Тагора. Стихотворения сборника явились итогом глубоких размышлений, в них отразились впечатления, вынесенные писателем от поездок на Запад, события первой мировой войны, раздумья над судьбами человечества. Значительное место в сборнике принадлежит философской лирике. Она характеризуется еще большим, чем в предыдущих циклах, интересом к вопросам мироздания, к закономерностям его развития, углублением реализма в подходе к явлениям природы и жизни.

Уже в одном из первых стихотворений сборника «Полет журавлей», написанном перед началом войны, поэт как бы предчувствует наступление кровавой бойни.

Идет буря, все разрушающая,
Потоки режут и стонут от боли.
Вспышки пронизывают багряное небо,
И гремит гром.
Кто тот безумец, что хохочет неистовым смехом?
Идет буря, все разрушающая.

На грозные события начавшейся войны поэт откликнулся одним из самых сильных своих стихотворений «Путь через бурю».

Бессильные и равнодушные,
Слышите ли вы вдалеке зов смерти,
Крики и шум волн крови, льющейся из миллионов
сердец?
В пламени пожарищ и в тучах смертоносной бури
Раздается приказ рулевого:
Направить лодку к новым, неведомым берегам.

.

Кровь героев, слезы матерей, неужели все будет
втоптанно в пыль,
Неужели этого мало для уплаты долга хранителю неба?
Неужели после родовых мук ночи не наступит день!

Комментируя эти стихотворения, Тагор писал:

«Чувства, которые я испытывал, когда писал «Полет журавлей», до сих пор живут во мне. Они налетали, как стая журавлей, и, подобно им, улетали и души поэта в неведомое... Мысли, которые ожили во мне, не были просто мыслями о происходившей войне. Сквозь грохот орудий прозвучал голос, призывавший людей на праздник всеобщего братства... Я чувствовал, что наступил переломный момент в истории человечества. Прошлое осталось позади, ночь кончалась, преодолевая смерть и горе, забрезжил свет зари нового века».

Поэт как бы предвидел наступление новой эры в жизни человечества, которая началась в конце первой мировой войны, хотя, конечно, он не знал и не мог знать, в чем ее содержание. Тагор верит в светлое будущее человечества, и эту веру он не утратил даже в мрачные дни войны. Будущее, считает поэт, принадлежит молодежи, к ней обращается Тагор в стихотворениях «Поход молодости» и «Мы идем вперед». Стихотворение «Мы идем вперед» проникнуто жизнеутверждающим оптимизмом, оно воспеваает прогресс, призывает не замыкаться в узком мире личных интересов, а выйти на широкое поле общественной деятельности. Эти строки вызывают в памяти образ страстного борца Горы. Поэт вновь и вновь задумывается над вопросом о целесообразности методов ненасилия, и эти размышления облекаются во все более отчетливую форму.

Мысли о прогрессе, о движении человечества приводят поэта к поискам широких обобщений о законах мироздания. В стихотворении «Движение» Тагор говорит о вечном, непрерывном движении и обновлении, происходящем во вселенной. Здесь в поэтической форме переданы идеи космогонических теорий, господствовавших в те годы. Весьма знаменательно, что в стихотворении «Движение» отчетливо проявилась присущая мировоззрению поэта стихийная диалектика.

В стихотворении «Небо» поэт вновь, с еще большей ясностью, формулирует свое кредо о том, что высшее счастье нужно искать не в заоблачной выси, а здесь, на земле.

О брат, знаешь ли ты, где небо?
У него нет ни начала, ни конца,
У него нет определенного места.
За добрые дела, которые я свершил
в прошлой жизни,
Я был наконец рожден
Здесь на земле смертным человеком.
Небо поэтому наполняет теперь
Мое тело, мою душу, мои чувства.
Оно в моих вздохах, в моих радостях
и страданиях.
Небо нашло свой дом в моем сердце
И свои мелодии в моих песнях.

Таким образом, поэт продолжает утверждать идею единства природы и человека, мысль о том, что ничего нет выше человека.

В журнале «Шобудж потро» вышли также повесть «Четыре жизни» (1914) и роман «Дом и мир» (1915), в которых Тагор использует новую для него художественную форму — форму дневника действующих лиц.

Основное идейное содержание повести «Четыре жизни», высоко оцененное Роменом Ролланом в предисловии к ее французскому изданию, заключается в критике ухода от жизни в область отвлеченных религиозных размышлений. Тагор высказывается не только против аскетизма, но и против идеологии, уводившей в сферу абстрактной любви к божеству. В критике ортодоксии Тагор решается на очень смелый шаг — он изображает атеиста идеалом морального и принципиального человека, противопоставляя его религиозным ханжам.

В романе «Дом и мир» непосредственно отражено движение свадеши. В этом романе наиболее отчетливо проявились утопические, реформистские взгляды Тагора.

В романе показаны слабые стороны свадеши — неспособность его руководителей понять подлинные интересы крестьянства, наличие среди сторонников движения авантюристических элементов, использующих движение для разжигания шовинизма и религиозного фанатизма. Но, гипертрофируя отрицательные явления, сопутствующие свадеши, Тагор не сумел правильно оценить той политической роли, которую сыграло это первое массовое антиимпериалистическое движение на пути к завоеванию индийским народом своей свободы и национальной независимости. В результате жизненная правда была искажена, и роман, несмотря на множество ярких и правдивых

страниц, получился тенденциозным, значительно уступающим в идеологическом отношении «Горе».

В «Доме и мире» нет действенного, активного героя, каким был Гора, и это обстоятельство в значительной степени снижает ценность романа. Недостатки движения свадеши Тагор воплотил в образе одного из его руководителей, Шондипа. Однако фанатичной до авантюризма, лживой натуры Шондипа в романе противопоставлен лишь образ Никхилеша, честного и прямого человека, резко восстававшего против фанатизма, но неспособного к действенной борьбе; при всех его достоинствах Никхилеш всего-навсего пассивный созерцатель. Это нашло свое выражение, например, в высказываниях Никхилеша о патриотизме: «Я дал зарок в свой патриотизм не вносить безумной страстности, вызванной пьянящим напитком возбуждения...», в его отношении к бойкоту английских товаров. Когда Бимола, жена Никхилеша, заявляет о своем намерении сжечь все платья, сшитые из английских тканей, Никхилеш ей отвечает:

«К чему сжигать? Ты можешь их пока не надевать. Можешь никогда не надевать. Но если уж хочешь сжечь, не выставляй это напоказ... Лучше отдай все свои силы на созидание. Стоит ли расходовать в слепой ненависти хотя бы десятую долю энергии во имя разрушения».

Идеи Тагора, выраженные им в «Доме и мире», объективно говоря, отражали настроения умеренного крыла национально-освободительного движения. Вместе с тем было бы совершенно неверно отождествлять писателя с этим крылом. Даже в «Доме и мире» мы находим страницы, где Тагор в своих суждениях поднимался несравненно выше «умеренных», в частности, там, где он писал о положении народных масс. Духовный наставник Никхилеша, Чондронатх-бабу заявляет: «Родина — это не только земля, но и люди. Видели вы хоть краем глаза, как живет народ?.. Изю дня в день они испытывают смертельную нужду и из последних сил борются за то, чтобы хоть как-нибудь продлить свое существование. Вы не можете даже представить себе, что значат для них эти две пайсы...» В этих строках романа отчетливо проявилась справедливая критика писателем ограниченности экономической программы свадеши; она привлекала внимание к страшной нищете народа, о чем порой забывали некоторые деятели движения. Но нельзя преувеличивать значение этой критики: Тагор полностью

отрицал полезность кампании бойкота иностранных товаров, забывая о том, что она сыграла большую роль в приобщении широких масс к активной политической борьбе.

В «Доме и мире» Тагор делает еще более решительный шаг в осуждении империализма и выносит ему устами Никхилеша обвинительный приговор: «Никто не заметил, когда Рим начал отвечать за свои прегрешения. Он всегда славился своим богатством. Так и сейчас, очень трудно увидеть, как расплачиваются за свои деяния цивилизованные государства-хищники. Но неужели же ты не видишь, как велико бремя грехов, которое они тащат на своих плечах, — вся эта лживая политика, обманы, предательство, шпионаж, попираание истины и справедливости, разве ты не видишь, как все это обескровливает их культуру?»

Эти недвусмысленные строки, несомненно написанные под впечатлением событий первой мировой войны и созвучные с «Полетом журавлей», как бы предвещают, что писатель еще скажет свое самое веское слово против империализма.

В публицистических выступлениях военных лет, развивая идеи своих художественных произведений, Тагор дает страстную, уничтожающую критику империализма. В 1916 году он посещает Японию и США. В Японии ему оказывают очень теплый прием, однако, после того как писатель подверг критике агрессивную политику японских правящих кругов в отношении Китая и, воздав должное энергии японского народа, осудил милитаризм, власти изменили свое отношение к нему, и любезность сменилась холодностью.

В США Тагор прочел большой цикл лекций, позднее вошедших в книгу «Национализм». Писатель резко осудил культ наций, имея в виду империалистическое государство, подверг острой критике британское правление в Индии.

Тагор писал в «Национализме»: «Единственное, что дала нам западная цивилизация в изобилии, — это закон и порядок... мы почти до дна осушили предназначенную для нас небольшую склянку образованности, а меры здравоохранения приводят нас к собственной могиле: военная организованность, бюрократические учреждения, полиция, уголовный розыск, тайная система шпионажа в своих тратах достигают сверхъестественных размеров, покрывая собой почти каждый вершок в стране».

В годы первой мировой войны Тагор поддерживает связи с руководящими деятелями национально-освободительного движения в Индии. Еще в 1915 году писатель впервые встречается с Махатмой Ганди. В 1917 году Тагор принимает участие в сессии Национального конгресса, выступает в защиту тогдашней председательницы конгресса Анни Безант, арестованной английскими колониальными властями.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на освободительное движение во всех странах Востока. В. И. Ленин писал в 1921 году: «Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма... Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар), и к публичным поркам и т. п.»¹.

Расстрел в Амритсаре всколыхнул всю страну. Потрясенный, Тагор пытался организовать митинг протеста и написал вице-королю гневное обличительное письмо, в котором он, в частности, отказывался от дворянского титула, дарованного ему в 1915 году английским правительством. В этом письме Тагор заявляет, что ему стыдно иметь какие-либо привилегии, когда с его соотечественниками обращаются не как с людьми.

Выстрелы в Амритсаре уничтожили в писателе иллюзии, которые он еще питал в отношении английского правительства.

Непосредственного участия в национально-освободительном движении в 20-е годы Тагор не принимает, он ограничивается культурно-просветительской деятельностью, по-преж-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 430—431.

нему убежденный в том, что главная причина социальных бедствий заключается в невежестве масс и что путь к освобождению лежит через просвещение народа. Всякий раз, когда колонизаторы совершали очередное насилие и чинили несправедливость, он поднимал голос протеста, голос в защиту народа, национальных интересов Индии.

Мысли Тагора в эту пору были заняты созданием национального университета в Шантиникетоне на базе школы, основанной им еще в 1901 году. Он считал, что существовавшие в Индии университеты лишь подражают западным образцам, и мечтал о таком учебном заведении, которое приобщало бы студентов к культуре народов разных стран и воспитывало бы в них чувства любви, дружбы и уважения ко всем людям земли.

В 1921 году такой университет был учрежден.

На открытии университета 22 декабря Тагор сказал: «Я основал университет, в котором смогут учиться вместе люди разных цивилизаций и традиций. Идея эта велика, и я не боюсь того, что масштабы, в которых мы ее осуществляем, малы. Великие идеи, как дети, рождаются маленькими, а потом растут». Он передал университету право собственности на Шантиникетон, Нобелевскую премию и право издания своих произведений на бенгальском языке.

В Шантиникетоне студенты изучают богатейшую культуру народов Индии и других стран Азии, главным образом Китая и стран мусульманского Востока, а также Европы. В библиотеках хранится обширная литература на санскрите и новоиндийских языках, на персидском и арабском, на китайском и тибетском, а также на других языках. В Шантиникетоне сосредоточены произведения искусства и художественных ремесел Индии, а также Японии, Китая, Малайи, Таиланда и Индонезии. Университет играл и продолжает играть серьезную роль в развитии национальной культуры индийского народа. Известно, например, что в отделении искусств и ремесел работали Обониндронатх Тагор и его ученик Нондолал Бошу, которые создали целую школу художников бенгальского Возрождения.

Еще в 90-х годах, когда Тагор жил в Шилайдохо, он внимательно изучал жизнь крестьянства и много думал над тем, как помочь ему найти выход из нищеты, отсталости и темноты. В 1913 году Тагор купил дом в деревне Шураль в двух километрах от Шантиникетона, а в 1921 году открыл в этой

деревне пункт помощи крестьянам, названный Шриникетон. Шриникетон, по мысли Тагора, должен был стать центром распространения среди крестьян агротехнических знаний и помощи им в области образования и здравоохранения. В Шриникетоне на специальном опытном поле выводятся новые, улучшенные сорта сельскохозяйственных культур, а семена передаются крестьянам. Там есть амбулатория, где можно получить медицинскую помощь и по недорогой цене купить лекарства. Создана ремесленная школа, где учащиеся приобретают навыки в той или иной профессии — гончарной, ткацкой и т. д. Издаётся специальный журнал для крестьян, есть группа по ликвидации неграмотности среди взрослых. Шриникетону Тагор уделял много внимания, ибо глубоко верил, что счастье Индии — это прежде всего счастье ее деревень.

В 20-е годы, несмотря на преклонный возраст, Тагор побывал почти во всех крупнейших странах мира. Прогрессивные круги общественности повсюду встречали его как подлинного представителя великого индийского народа. В 1920—1921 годах Тагор посетил США, Францию, где близко познакомился с великим французским писателем Роменом Ролланом, Германию, где встретился со знаменитым ученым Эйнштейном, Данию, Швецию, Австрию, Чехословакию.

В 1924 году Тагор совершил путешествие в Японию и Китай. Поездка в Китай, во время которой Тагор встречался с виднейшими культурными деятелями страны и с университетской молодежью, способствовала укреплению культурных связей между двумя великими народами Азии. В 1925 году Тагор опубликовал книгу «Беседы в Китае».

В 1926 году Тагор посещает Италию. После встречи с итальянскими эмигрантами и Роменом Ролланом, рассказавшим ему об истинном положении в Италии, Тагор обратился с письмом в редакцию газеты «Манчестер Гардиан», в котором резко осудил фашизм. В том же году он побывал в Швейцарии, Германии, Скандинавии, на Балканах и в Египте. В 1927 году Тагор совершил поездку по Индонезии и Таиланду.

В 20-х годах Тагор пишет новый цикл драм, в которых выражает свое отношение к проблемам национально-освободительного движения, возглавлявшегося Махатмой Ганди.

Разделяя идеи Ганди о ненасильственных методах борьбы с тиранией, Тагор, однако, расходился с ним во взглядах на некоторые другие проблемы, что не мешало ему относиться к

лидеру национально-освободительного движения индийского народа с величайшим уважением.

Выступления Ганди против «безжалостной индустриализации», несомненно, производили сильное впечатление на Тагора, и это отчетливо сказалось на его пьесе «Освобожденный поток» (1922). Действие пьесы связано с постройкой плотины, которая должна будет преградить реку Муктодхара, дающую жизнь целому народу. Но тогда весь народ окажется в кабальной зависимости от хозяев плотины. И вот герой пьесы, молодой принц, жертвуя жизнью, уничтожает плотину, освобождая реку и свой народ от грозившей им неволи.

Уничтожение плотины — символический акт, выражающий протест писателя против использования техники для закабаления народа. Однако здесь кончается сходство его взглядов со взглядами Ганди, который отрицал возможность использования в Индии достижений европейской буржуазной цивилизации и призывал «вернуться к прялке» — к патриархальным устоям, усматривая в этом важное условие возрождения своей страны. Тагор же, напротив, высоко ценил роль науки для прогресса всего человечества и его родного народа. Перу писателя принадлежит несколько научно-популярных книг по вопросам естествознания.

Новым обобщением длительных раздумий писателя над социальными проблемами современного капиталистического мира явилась пьеса «Красные олеандры» (1925). «Человек, — пишет Тагор в комментарии к пьесе, — подгоняемый жаждой наживы, извлекает золото из недр земли и в жестокой борьбе теряет способность наслаждаться красотой жизни. Его ошибка в том, что счастье он ищет в золоте, а полноту жизни в грубой силе, а не в любви».

Усиление «власти золотого тельца», погоня за золотом, развращающая человеческие души, уродливые отношения людей, порожденные капитализмом, вызвали отвращение в душе поэта и чувство глубокой тревоги за будущее человечества.

Поэтической книгой 20-х годов «Пуроби» (1925) завершается этот период творчества Тагора. Она навеяна отчасти впечатлениями поэта от поездок за границу, от путешествия в Южную Америку. Этой поездке Тагор посвятил стихотворение «Цветок чужой земли». Поэт вновь предается воспоминаниям о прошлом. Сборнику присуща тонкая лиричность, он отмечен

новой вершиной художественного мастерства. Характерным примером может служить стихотворение «Картинка».

Лодка плывет к западу,
Оставляя след на спокойном море.
Голубые воды
Сверкают под поцелуями света.
Очарование умирающего дня
Касается облаков на горизонте.
Флейта какого-то бога, усталого
от своего блаженства,
Звучит и создает вечерние образы.
Эти образы скоро исчезнут,
Они будут покрыты темными волосами
беспечной ночи.

По умению передать тончайшие нюансы чувства, красочности художественных средств, зрелости образов сборник относится к числу наиболее выдающихся лирических произведений поэта.

В конце 20-х годов Тагор снова совершает ряд путешествий. В 1929 году он читает курс лекций в Канаде. От лекций в США Тагор отказывается в знак протеста против грубой расовой дискриминации, которую он испытал на себе в Лос-Анжелесе.

В 1930 году он совершает свою последнюю поездку за границу: в Англию, где выступает с лекциями в Оксфордском университете, в США, Германию, Данию, Францию, Чехословакию, и в сентябре 1930 года приезжает в СССР. Тагор давно интересовался жизнью нашей страны. В 1926 году, в связи с предполагавшейся поездкой в СССР, он писал в приветствии советскому народу: «Я узнал Россию и стал преклоняться перед ней, изучая ее великую литературу. В сердце моем жив отклик на ее призыв к гуманности».

Пребывание в СССР произвело на Тагора глубокое впечатление. Тагор встречается с работниками культуры, крестьянами, студентами, пионерами, интересуется системой образования в СССР, методами ведения сельского хозяйства. Особое внимание Тагор уделил вопросу культуры и просвещения, ибо он считал, что «все проблемы — проблемы человечества — находят свое главное разрешение в воспитании». Большим культурным событием явилась открытая 17 сентября 1930 года в Москве выставка рисунков Тагора, созданных поэтом за последние годы. Поездка в СССР вдохновила Тагора на создание одного из луч-

них своих публицистических произведений — политически острой и правдивой книги «Письма о России» (главы книги впервые публиковались в журнале «Пробаши» на бенгальском языке в 1931 г.). Краткое знакомство писателя с нашей страной не помешало ему понять и глубоко оценить многие стороны жизни в Советском Союзе. Хотя с некоторыми из его высказываний в этой книге и нельзя безоговорочно согласиться, однако вся книга проникнута искренними симпатиями автора к советской стране и стремлением передать читателям свои дружественные чувства. Сравнивая и сопоставляя, Тагор в «Письмах о России» подвергает резкой критике англо-американский империализм. Не случайно перевод «Писем о России» на английский язык был запрещен колониальными властями, а на индийский журнал, начавший печатать перевод этой книги, был наложен штраф.

Книга Тагора открывается словами: «Наконец-то я в России, и то, что я вижу, чудесно, непохоже на другие страны, в корне отлично. Они (коммунисты. — А. Г.) разбудили здесь весь народ». Далее Тагор писал, что «образование, право на отдых, все жизненные блага принадлежат здесь трудящимся». Особенно восхищает Тагора рост культурного уровня некогда отсталых народностей бывших окраин царской России. «Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил, что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и унижения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства... Каждый день я сравниваю Индию с СССР и думаю о том, что сейчас происходит в Индии и что могло бы быть». Он пророчески говорит о том времени, когда индийцы смогут приезжать в СССР учиться. «Если бы наши деятели приезжали сюда хотя бы на некоторое время учиться, это было бы очень полезно для нашей страны... То, что мы пытаемся делать в Шантиникетоне и Шриникетоне, — они делают в масштабах целой страны и делают хорошо... С огромной энергией взялись они (русские. — А. Г.) за дело с тем, чтобы с помощью развитого земледелия и промышленности поднять и сделать могучей всю страну. Здесь фабрики, заводы существуют не для того, чтобы набивать карманы своих или иностранных капиталистов, они принадлежат народу».

Философия непротивления не позволила Тагору понять необходимость революции и диктатуры пролетариата, но он

смог правильно оценить мирную политику СССР. «Помнится, в какое замешательство они привели ложных миротворцев из Лиги Наций своим предложением о разоружении. Цель Советов — не расширение сфер влияния или экспансия, их цель — создание лучшей системы народного просвещения, создание необходимой основы материального благосостояния народа. Они больше всего нуждаются в мире. Те (капиталистические державы. — А. Г.) из Лиги Наций вовсе не собираются положить конец разнузданности дерущихся, а всего-навсего, собравшись вместе, кричат о мире».

В книге «Письма о России» писатель не раз возвращается к вопросу о том, что принесло Индии британское господство. Разоблачая мальтузианскую легенду, будто чрезмерно высокая рождаемость в Индии является причиной ее нищеты, Тагор пишет о безотлагательной необходимости аграрных преобразований в стране и создания крестьянских кооперативных обществ на базе использования современной техники. Он заходит так далеко, что говорит даже о необходимости ликвидации помещичьего землевладения. Это был очень важный шаг в эволюции социальных взглядов писателя.

Впечатления от поездки в СССР не оставляли Тагора до конца его дней. Он стал верным другом Советского Союза, живо интересовался успехами нашей страны. Его интерес и дружеские чувства к СССР усиливались по мере того, как росла его ненависть к империалистическим силам, готовившим новую войну.

Возвратившись на родину, Тагор, вдохновленный впечатлением о Советском Союзе, с еще большей энергией отдается делам своего университета; несмотря на глубокую старость, он продолжает в 1932—1937 годах ездить по Индии, выступает с речами, знакомя с целями своего учебного заведения, собирает средства на его расширение. Большое внимание проблемам просвещения уделяет он и в своих статьях.

Значительное место в творчестве Тагора 1927—1935 годов принадлежит художественной прозе. В ряде романов и повестей он затрагивает различные социальные и психологические проблемы.

Тагора, как и прежде, глубоко волнует судьба индийской женщины, и он создает новую галерею женских образов, в основном представительниц средней городской буржуазии. Тагор продолжает линию, начатую им еще в своих первых социально-

бытовых романах. В романе «Джогоджог», вышедшем в 1928 году, раскрывая внутреннюю жизнь индуистской семьи, писатель рисует образ смелой, независимой женщины, которая не желает мириться со своим приниженным положением.

Большой интерес вызывает роман «Последняя поэма» (1929). Написать это произведение Тагор побудило литературное течение, утверждавшее, что культура прошлого потеряла свое значение. Его представители объявляли устаревшим даже творчество самого Рабиндраната Тагора.

В этом романе, как и в некоторых последующих произведениях, Тагор высмеивает «золотую молодежь» Бенгалии и доказывает, что человек становится опустошенным, если отрывается от своей национальной почвы.

Тагор на глубоко национальной основе по существу изобразил в романе представителей того «потерянного поколения», которое хорошо знакомо читателям по произведениям послевоенной западноевропейской литературы. Писателя заботит будущее молодежи, и он призывает ее помнить о судьбах поработенной Индии, о национальной гордости, бороться с пустым нигилизмом, за которым кроется бессилие, неспособность к активной деятельности. Современным барышням, воспитанным в духе слепого подражания Западу, Тагор противопоставляет высокообразованную девушку, в которой собраны лучшие черты индийской женщины. Интересно отметить, что среди прочитанных героиней книг Тагор упоминает роман Горького «Мать».

В 1934 году выходит последний роман Тагора «Четыре части». Хотя действие романа разворачивается в 1905—1908 годах, то есть в эпоху движения свадеши, роман был откликом писателя на некоторые события национально-освободительной борьбы в Индии в 1928—1934 годах. Тагор выступает в «Четырех частях» с осуждением теории и практики терроризма, который приобрел значительный размах в начале 30-х годов.

Прообразом героя романа, революционера Индронатха, послужил один из друзей Тагора, который в 1905 году ушел из Шантиникетона и целиком отдался участию в движении свадеши.

Рисуя образ Индронатха, писатель как бы продолжает разговор с читателем, начатый им еще в «Доме и мире». Однако в отличие от «Дома и мира» Тагор не осмеивает руководителя

движения. Напротив, образ Индронатха нарисован им с известным сочувствием, хотя идеология этого революционера чрезвычайно непоследовательна: призывая к насилию, к борьбе, руководитель движения вместе с тем утверждает, что человек не должен руководствоваться в борьбе ненавистью к врагу.

Писатель не может не нарисовать привлекательного образа революционера, но не может и избежать попытки развенчать его идеологию. Тагор заставляет других участников революционной группы, Элу и Отиндро, испытать разочарование. Они больше не верят в правильность тактики насилия. Но Эла и Отиндро не в силах вырваться из плена этой концепции, продолжая якобы бессмысленную деятельность, в полезность которой они больше не верят.

Тагор утверждает, что причина несостоятельности философии насилия состоит в том, что она «убивает самое ценное, что есть в человеке, — любовь».

Противоречия бушуют и самого писателя. Несколькоми годами ранее в книге «Письма о России», в стихотворении «Вопрос» и ряде других произведений Тагор в той или иной форме выражал сомнения относительно действенности ненасильственных методов борьбы. И вот, как бы споря сам с собой, Тагор вновь возвращается в «Четырех частях» к апологии ненасилия.

Таким образом, в романе «Четыре части» непоследовательность идеологии Тагора проявилась наиболее отчетливо.

В последующие годы критические высказывания современников и собственные раздумья привели Тагора к отказу от воспевания философии ненасилия. В его поздней поэзии, особенно в политической лирике, все громче и громче звучит призыв к действенной борьбе с темными силами фашизма и реакции.

Продолжая придавать первостепенное значение борьбе против религиозных предрассудков и строя жизни, обусловленного делением общества на касты, и желая подчеркнуть значение принципа равенства людей, неправомерность существования кастовой системы, Тагор обращается к нескольким буддийским преданиям. В пьесе «Поклонение танцовщицы» (1927) Тагор пишет о том, что служение богу не может быть привилегией какой-либо касты, отрицает исключительные права брахманов на то, чтобы быть посредниками между богом и людьми. Подлинное служение, по словам Тагора, состоит в том, чтобы

посвятить богу лучшее, что есть в человеке. В пьесе «Бег времени» (1932) Тагор убеждает читателя в том, что высшие касты не могут существовать без низших. Колесницу, в которой помещается бог, представители высших каст не в силах сдвинуть с места, и она трогается лишь после того, как за дело берутся люди из низших каст и неприкасаемые. В этой пьесе, как, впрочем, и в других своих выступлениях в защиту прав неприкасаемых, Тагор был солидарен с Ганди, который, как известно, всю жизнь требовал признания за неприкасаемыми равных прав в обществе. Но значение пьесы не только в решении этой волновавшей Тагора еще в юности проблемы. В своих произведениях, посвященных вопросам кастовой системы, особенно в позднейший период, Тагор по существу касается проблемы взаимоотношений эксплуататорских и эксплуатируемых классов, поскольку институт каст являлся в известной степени отражением определенных социальных отношений.

В конце 20-х начале 30-х годов Тагор создает целую серию поэтических сборников: «Мохуа» (1929), «Лесные послания» (1931), «Завершение» (1932), «Постскриптум» (1932), «Бичитрита» (1933), «Последняя октава» (1935) и др. Он обращается к новой метрике, широко использует фольклорные размеры. По-прежнему одна из его любимых форм — стихотворения в прозе.

В этих сборниках видное место занимают стихотворения, обращенные к дживан-девата, воспоминания прошлого, размышления о пройденном жизненном пути. В одном из стихотворений «Последней октавы» Тагор подвергает оценке свой творческий путь.

В «Лесных посланиях» с новой силой отразились и пантеистические мотивы; поэт воспеваает красоту леса, цветов, творческой силы природы.

Тагор создает новые прекрасные образцы любовной лирики, в которой живут те же героини, что и в повестях и романах 30-х годов («Простая девушка», сборник «Постскриптум» и др.).

Лучшими образцами гражданской лирики этого периода являются патриотические стихи сборника «Завершение». В стихотворении «Вопрос», написанном после ареста в 1932 году Ганди колониальными властями и бесчеловечного обращения с заключенными в тюрьмах, Тагор гневно восклицает:

Вот вопрос тебе, господи, прости меня:
Святотатцев, богоненавистников,
Растоптавших славу твоего имени,
Ты простиал бы, любил бы воистину?!

Последние годы жизни Тагора (1936—1941) занимают особое место в его творчестве. Как справедливо отмечает Дж. Неру, «вопреки обычному ходу развития, по мере того как он (Тагор. — А. Г.) становился старше, он делался более радикальным в своих взглядах и воззрениях»¹. Наглые действия агрессоров, развязавших вторую мировую войну, в частности нападение Италии на Абиссинию, Японии — на Китай, мюнхенская сделка западных политиков, отдавшая Чехословакию на милость Гитлера, вызвали глубокое негодование поэта. Он сближается с левым крылом литераторов Индии, приветствует в 1936 году создание Ассоциации прогрессивных писателей, сотрудничает в известном прогрессивном бенгальском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Пориной». Страстный и убежденный сторонник мира, Тагор подписывает обращение ко Всемирной конференции в защиту мира (1936), в которой, в частности, говорится: «Было бы преступлением молчать, когда обезумевшие реакционеры и милитаристы играют в цивилизацию и начали разрушение мировой культуры. Наш долг перед обществом всячески противостоять этому, мы должны сопротивляться войне».

Антиимпериалистические, антифашистские мотивы в творчестве Тагора получают ясное, законченное выражение. В эти годы он осуждает не только феодальные пережитки в сознании людей, но и буржуазную цивилизацию, отмечает ее кризис и приветствует приход новой эры, хотя он все еще не мог ясно представить себе характер нового общества. В своих произведениях он снова пишет о глубоком уважении к простым людям, труженикам, которые создали все ценности на земле.

Хотя в последние годы жизни Тагор уделял основное внимание поэзии, он создал также несколько драматургических и прозаических произведений.

В цикле рассказов «Три друга» (1940) внимание уделяется психологическим проблемам брака и любви. В нем проявился интерес писателя и к вопросам научного творчества.

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М. 1955, стр. 365.

В последние недели своей жизни, как стало известно автору настоящего очерка от большого друга писателя, профессора П. И. Махаланобиса, Тагор написал рассказ, в котором касался проблемы взаимоотношений индусов и мусульман, призывая своих соотечественников отказаться от религиозной розни. В эти же годы вышли в свет два сборника рассказов для детей «Ше» и «Мелкие рассказы». Это своеобразные миниатюры, многие из которых близки по жанру к стихотворениям в прозе.

Тагор создал цикл музыкально-танцевальных пьес «Читрангоду» (1937), «Чондалику» (1938), «Шьяму» (1939). Две из них явились переработкой одноименных пьес, упоминавшихся выше.

В последние годы Тагор пишет лучшие образцы своей политической лирики, на которой учились прогрессивные поэты Бенгалии. Это был очень важный вклад писателя в развитие бенгальской литературы.

В сборнике стихотворений в прозе «Потропут» (1936—1937) поэт гневно осуждает деятельность колонизаторов. Он обличает западную буржуазную демократию, которая совмещает «свободу» в метрополии с рабством в колониях. В одном из своих лучших стихотворений «Африка» (1937) Тагор пишет:

Они пришли с железными кандалами,
Они, чьи клыки острее клыков твоих волков,
Они пришли, охотники за людьми,
Они, чьи души темнее чащи твоих лесов.

Животная жадность, таившаяся в глубине души
Этих цивилизованных варваров,
Обнажила свою бесстыдную, бесчеловечную сущность.
Тропинки, где слышались твои отчаянные крики,
Покрылись пылью, смешанной с кровью и слезами.

А в это время за океаном,
В селах и городах звонили колокола церквей,
Матери баюкали детей, и поэты пели гимн красоте.

Сейчас, когда под небом Запада
Захватывает дыхание от ветра наступающих сумерек,
Когда звери выходят из скрытых убежищ,
Возвещая резкими криками о том, что кончается день,
Явись, поэт века иного,

И в последних лучах света наступающих сумерек
Стань у порога людей,
Чье достоинство беспощадно растоптано.

**Скажи: «Прости меня!»
И в шуме свирепых, бессмысленных выкриков
Пусть это будет последними праведными
словами твоей цивилизации.**

Таков был непосредственный отклик поэта на разбойничье нападение фашистской Италии на Абиссинию в 1935 году.

Мы видим, что Тагор не только остро переживал колониальное угнетение своей родины, он был другом всех поработанных народов. Весьма знаменательны строки стихотворения о долге поэта, осуждающие тех литераторов Запада, которые не замечали колониального разбоя, а лишь слагали «гимны красоте».

Эти тенденции получают дальнейшее развитие в сборниках «Прантик» (1938) и «Вечерний светильник» (1938). На фоне разгула фашизма писатель, по-видимому, все яснее представляет себе утопичность принципа ненасилия. Он указывает на необходимость активного вторжения в политическую жизнь. В одном из стихотворений из сборника «Прантик» поэт обращается к дживан-девата с просьбой дать ему силы, чтобы осудить варваров, это уже не просто осуждение, а по существу прямой призыв к насильственной борьбе против агрессора.

**Дай мне силы, о грозный судья!
Дай мне голос грома,
Чтобы я мог осыпать проклятиями
Этого каннибала, чей ужасный голод
Не щадит ни женщин, ни детей.**

В стихотворении «Поклонники Будды» (1938) поэт сурово осуждает японских агрессоров, и снова, с более широких позиций, выступает против религиозного ханжества и фанатизма. Он пишет:

**Бьют барабаны войны,
Лица воинов искажены свирепостью,
Глаза налиты кровью, зубы скрежещут.
Прежде чем пойти готовить к пиру богу смерти
Молодую человеческую плоть,
Они направляются в храм милосердного Будды
Испросить его благословения.
А барабаны войны стучат, земля содрогается.**

В известных письмах писателю Ногуты Тагор осудил аполитичность японских литераторов и призывал к тому, чтобы все мыслящие люди публично заклеили агрессоров.

В стихотворении «Искупление» (1938), написанном после мюнхенской сделки между гитлеровской Германией и западными державами, Тагор выносит обвинительный приговор буржуазной цивилизации. В аду, называемом цивилизацией, — пишет Тагор, — идет борьба между голодными и сытыми, среди людей распространяются пороки, сильные бесстыдно грабят слабых. Поэт страстно желает, чтобы «слабость тех, кого притесняют и угнетают, сгорела в огне». Он обличает ханжей, которые между молитвами думают лишь о том, как бы потуже набить свой кошелек:

Уничтожь это лживое поклонение тебе!
Если сегодня сохранились силы у Добра,
Когда окончится страшное жертвоприношение
И искупление будет совершено,
Пусть новый свет новой жизни
Зажжется в новой стране.

В поэтических сборниках «Новое рождение», «Флейта», «Во время болезни», «Выздоровление», «В день рождения», «Последние произведения» (1939—1941) политическая лирика получает свое дальнейшее развитие. Еще громче звучат антиимпериалистические и антивоенные мотивы, еще ярче проявляется любовь к простому человеку. Поэт размышляет над великими проблемами жизни и смерти, он думает о назначении человека, о путях исторического развития общества.

К числу лучших стихотворений Тагора безусловно относятся такие, как «Люди трудятся» (1941) и «Мировая симфония» (1941). В первом из них поэт говорит о жестокой бессмысленности завоевательных войн, о том, что единственная непреходящая ценность истории — сами люди, которые трудятся и творят. Тагор воспеваает тех, «кто сеет и жнет, кто идет за плугом и тянет рыбацкие сети».

И в горе и в счастье
ночью и днем
Они (труженики. — А. Г.) читают
великую Мантру¹ жизни.
На развалинах сотен империй
люди трудятся.

¹ М а н т р а — молитва, заклинание.

... Тагор глубоко убежден в неизбежности ухода англичан из Индии, и он говорит соотечественникам, что время сотрет следы английских колонизаторов так же, как оно стерло следы других завоевателей.

В апреле 1941 года Тагор написал свою знаменитую статью «Кризис цивилизации», явившуюся его политическим завещанием. Эта статья прозвучала как суровое обвинительное заключение в адрес колониализма, поработившего Индию. «Колеса судьбы очень скоро вынудят англичан покинуть Индию. Но что они оставят за собой, когда схлынет поток из двухсотлетнего правления, какое море тины и грязи останется после них!» — писал Тагор. Статья «Кризис цивилизации» заканчивается следующими стихами.

Я слышу — грядет новое человечество.
Со всех сторон вздымается прах смерти,
На небесах трубят раковины,
На земле звучит дробь барабанов,
Возвещающая приход нового человечества,
Ночь новолуния кончается,
Звучит на рассвете призыв новой жизни.
К небу возносится возглас:
Победа, победа рождающемуся человечеству!

Своим проникновенным взором поэт видел в огне второй мировой войны славное будущее человечества.

В мае 1941 года весь мир торжественно отмечал восьмидесятилетие Рабиндраната Тагора. В Шантиникетоне было организовано празднество. Сам писатель в то время уже был прикован к постели, однако продолжал работать. Последние свои стихи Тагор продиктовал 30 июля 1941 года.

Узнав о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, тяжело больной Тагор настоятельно просил близких читать ему сводки с советско-германского фронта. Он твердо верил в победу советского народа над фашизмом.

Профессор П. Ч. Махаланобис пишет: «Он глубоко верил в Россию. Когда немцы напали на СССР (это было во время последней его болезни), он с нетерпением ждал каждый день вестей из России и снова и снова повторял: «Величайшим счастьем для меня была бы победа России». Каждое утро он ждал хороших новостей. Его лицо становилось бледным, и он отбрасывал газету, когда из России приходили плохие вести.

В день, когда ему делали операцию, утром, за полчаса до рокового момента, он произнес свои последние слова, обращенные ко мне: «Скажи, что нового в России?» Когда я ответил, что положение несколько улучшается, его лицо прояснилось. «Правда? Оно должно было улучшиться. Они, только они делают это».

7 августа 1941 года Рабиндранат Тагор покинул мир, оставив на земле, в сердцах своих соотечественников пламя гнева против колониального угнетения, против несправедливости, жажду свободы, любовь к своей родине, к воспетой поэтом жизни.

А. Гнатюк-Данильчук

Б Е Р Е Г Ы И Б Х И

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Глубокая ночь. Ветер затих, даже листья на деревьях не колышутся.

В нише окна сидит молодой раджа Удоядитто, старший сын махараджи Джессора Протападитто, с ним рядом — его жена Шурома.

— Любимый, — говорит Шурома мужу, — будь терпелив и тверд. Настанет день, когда и к нам придет счастье.

— О, я был бы счастлив, когда б не явился на свет во дворце раджи, когда бы я был не принцем, а самым маленьким подданным из всех подданных владыки Джессора. Я был бы счастлив, если б не был старшим сыном раджи, преемником его трона, наследником его богатств, почестей, славы, могущества. Но какими святыми делами я могу изменить свою судьбу?

Шурома сжала руку мужа и, не сводя с него печальных глаз, тяжело вздохнула. Она готова была жизнь отдать, лишь бы исполнилось желание молодого раджи. Но оно не исполнится, если бы даже она и пожертвовала для этого своей жизнью.

— Я родился в семье раджи и поэтому никогда не буду счастлив, — сказал Удоядитто. — В царских семьях рождаются наследники, но не дети. С тех пор как я помню себя, отец каждое мгновение меня испытывал: смогу ли я стать достойным преемником завоеванных им славы и почестей, смогу ли способствовать процветанию нашего рода и нести тяжкое бремя управления страной.

Он следил за каждым моим движением, за каждым поступком, но никогда во взгляде его, обращенном на меня, не светились любовь или ласка. Не только отец, за мной следили все: родственники, министры, придворные, подданные, каждый старался предсказать мое будущее, каждый пожимал плечами и говорил: «Нет, он не сможет защитить государство в минуту опасности. Он глуп, он ничего не смыслит». И все стали презирать меня. Отец возненавидел сына. Еще бы! Ведь я обманул все его надежды. Теперь он даже не спрашивает обо мне.

Глаза Шуромы наполнились слезами, гнев и горе душили ее.

— Как это могло случиться? Кто посмел сказать, что ты неумен, тот сам глупец!

Губы Удоядитто дрогнули в едва заметной улыбке. Он взял Шурому за подбородок и нежно потрепал ее по покрасневшей от гнева щеке. Затем произнес серьезно:

— Нет, Шурома. Я действительно не способен управлять государством и уже доказал это. Когда мне минуло шестнадцать лет, отец решил проверить, получится ли из меня правитель, и отдал мне Хошенкхали. Не успел я взять бразды правления в свои руки, как начались ужасные беспорядки. Казна за шесть месяцев опустела. Подданные благословляли мое имя, но чиновники стали жаловаться на меня махарадже. Наконец все члены царского собрания сошлись на том, что молодой раджа, столь любимый народом, никогда не сможет управлять государством. С тех пор отец махнул на меня рукой. Он сказал, что я, как и его дядя Бошонто Рай, правитель Райгора, способен лишь играть на ситаре, танцевать да разорять страну.

— Будь терпелив и тверд, мой любимый, — снова говорит Шурома. — Ведь он твой отец. Честолюбивое стремление расширить государство и усилить его могущество вытеснило из сердца махараджи любовь. Но как только намерения отца осуществятся, все снова пойдет по-прежнему.

— Ты умница, Шурома, ты очень дальновидна, но на сей раз ошибаешься. Разве неизвестно тебе, что желаниям нет предела? Если отец достигнет желаемого, в душе его появится страх, как бы не потерять того, что приобрел.

Управлять государством день ото дня будет труднее, и уж тогда я, по мнению отца, наверняка окажусь неспособным заменить его.

Шурома все прекрасно понимала, но ей хотелось верить, что все кончится благополучно. А вера, как известно, часто побеждает рассудок.

— Участливые взгляды причиняли мне не меньшую боль, чем презрение, — продолжал Удоядитто. — И время от времени я убегал к деду в Райгор. Отец не искал меня. А как привольно жилось мне там! Я мог любоваться природой, ходить в хижины к поселянам и не должен был день и ночь носить царское одеяние. Ты ведь знаешь моего деда, с ним можно забыть все печали, сомнения и тревоги. Радость и безмятежный покой всегда окружали его. Больше всего на свете дед любил музыку и веселье. Едва перешагнув порог его дома, я переставал чувствовать себя наследником Джессора. О, как это было чудесно!..

Однажды в Райгоре (мне было тогда восемнадцать лет) подул теплый ветер. Зазеленели рощи. Той весной я увидел Рукмини...

— Опять Рукмини! — воскликнула Шурома. — Я не могу больше слышать о ней.

— Нет, послушай! Воспоминание это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Порою мне кажется, что если я не открою перед кем-нибудь свою душу, то не смогу дальше жить. Мне и сейчас очень стыдно и трудно говорить с тобой о том, что было, но именно поэтому я и говорю. Когда же стыд пройдет и я почувствую, что искупил свой грех, ты не услышишь об этом ни слова.

— Какой грех, любимый? Если ты и совершил его, то не по своей вине. Разве я не знаю тебя? Разве всеведущий не знает твоего сердца?

— Рукмини была на три года старше меня, — продолжал Удоядитто. — Одинокая вдова, она нашла пристанище в Райгоре благодаря милости деда. Не знаю, как удалось ей заманить меня в свои сети. В сердце моем запылало знойное, полуденное солнце. Мною овладел всепоглощающий огонь, и я ничего не видел вокруг, все представлялось мне в каком-то лучезарном тумане. Кровь бурлила во мне. Самые невероятные вещи казались мне

сбыточными, я не отличал дурное от хорошего, разумное от неразумного; никогда прежде со мной не случилось ничего подобного, и дай бог, чтобы никогда не случилось. Один всевышний знает, какую цель он преследовал, когда однажды восстановил весь мир против слабого неопытного сердца и в одно мгновение вверг его в бурный поток. Все силы мира, казалось, объединились, чтобы нанести моему бедному сердцу сокрушительный удар, раздавить его, повергнуть в прах. А потом, когда сердце мое воспряло, на нем оказалось столько грязи, что смыть ее было уже невозможно. О создатель, что я такого сделал, что грех в один миг загрязнил всю чистоту моей жизни, ясный день обратил в мрачную ночь? Белоснежные головки жасмина, до той поры благоухавшие в цветнике моего сердца, почернели от стыда.

Бледное лицо Удоядитто залила краска, глаза его были широко открыты. Он весь дрожал, как сверканье молнии.

Обуреваемая радостью, гордостью и в то же время страданием, Шурома воскликнула:

— О, не говори так! Умоляю тебя.

Но Удоядитто продолжал:

— Каково же было мое состояние, когда кровь во мне наконец поостыла, и я увидел все в истинном свете, когда я понял, что все со мной происшедшее было не мрачным кошмаром, представившимся моему разгоряченному, одурманенному мозгу, а самой настоящей явью. Сколь глубоко было мое падение! Я и не заметил, как свалился в бездонную пучину ада, как надо мною сгустился ночной мрак... Дед звал меня к себе, но разве мог я предстать перед его глазами?! И я решил покинуть Райгор. Но дед, всегда скучавший без меня, снова послал за мной. Однако я был в таком отчаянии, что не мог заставить себя поехать. Тогда дед сам приехал навестить меня и сестру Бибху. Я не слышал от него ни слова упрека. Он даже не спросил, почему я так долго не приезжал, и лишь глядел на нас, смеясь от радости.

Ласково улыбаясь, Удоядитто с любовью смотрел на Шуруму. Та знала, что он сейчас скажет, и в волнении потупилась. Раджа придвинулся к жене, бережно склонил ее голову к себе на плечо, затем обнял молодую женщину и с глубокой нежностью поцеловал в лоб.

— Что произошло дальше, я думаю, ты сама знаешь. Откуда явилось вдруг это лицо, озаренное светом разума и нежной любовью, то задорно веселое, то величаво спокойное? Я не надеялся, что мираж, окружавший меня, рассеется. О моя заря, мой свет, моя надежда, какими чарами ты развеяла тьму?

И раджа покрыл лицо жены бесчисленными поцелуями. Шурома не могла вымолвить ни слова. Лишь глаза ее наполнились слезами счастья.

— После стольких дней страданий я обрел наконец покой. Ты первая сказала, что я не глупец. И я поверил этому. Я понял это. От тебя я узнал, что настоящий ум не крадется темными закоулками, а идет открыто по широкому и прямому, как стрела, пути. Прежде я ненавидел себя, презирал и, предавшись отчаянию, боялся взяться за какое-нибудь дело. Бывало, сердце подскажет: делай так, это справедливо, но тут же сомнение начинает терзать меня: а может быть, я не прав? Я мирился с любыми обстоятельствами и ни разу не пытался размышлять над тем, что происходит. И вот теперь наконец я почувствовал себя человеком. Долго я не догадывался, что это ты, Шурома, вывела меня из тупика. Теперь я готов совершить то, что сердце мое назовет прекрасным. Моя вера в тебя так сильна, что, пока ты со мной, я без страха смотрю в будущее. Кто вселил в твое хрупкое тело такую волшебную силу?!

Шурома прижалась к мужу. Она ничего не боялась, когда он был с ней. Не отрываясь, смотрела она в его лицо, и глаза ее, казалось, говорили: «В жизни у меня нет ничего, только ты. И ради тебя я готова на любую жертву».

С детства презираемый родными, Удайдитто очень любил в глубоком безмолвии ночи рассказывать Шуроме о своей прежней жизни.

— Когда же все это кончится, Шурома? Придворные махараджи бросают на меня взгляды, исполненные жалости, тебя на женской половине бранит моя мать. Даже слуги, и те не относятся к тебе с должным почтением. А я все сношу молча. Ты тоже молчишь, но гордость твоя страдает, Шурома, я знаю. Лучше бы нам не

жениться, раз я не смог дать тебе счастья. Тебе не пришлось бы тогда терпеть обиды и оскорбления.

— Зачем ты говоришь так, господин мой? Именно сейчас Шурома и нужна тебе. Что бы я смогла сделать для тебя, если б жизнь твоя была полна счастья? Стала бы игрушкой, забавой. Теперь же, когда я помогаю тебе преодолевать все печали и горести, сердце мое бьется от радости: я знаю, что полезна тебе. Я сожалею только о том, что не могу взять на себя все твои страдания.

— Я думаю не о себе, — помолчав, сказал Удоядитто. — Я все стерплю. Но с какой стати ты должна сносить обиды? Ты, как настоящая жена, в несчастье утешаешь меня; когда я устаю — даришь мне покой. А я, муж, не могу даже защитить тебя от позора и оскорблений. Твой отец, правитель Шрипура, не хочет признать себя вассалом Джессора. А мой отец, чтобы подчеркнуть свое превосходство, относится к тебе с презрением. Когда кто-нибудь оскорбляет тебя, он делает вид, что не замечает этого. Как же! Ты должна быть довольна уже тем, что стала его невесткой. Порой мне кажется, что я не вынесу этого, брошу все и уйду куда-нибудь с тобой. Если бы не ты, я давно бы ушел!

Вечерние звезды угасли, загорелись звезды глубокой ночи. Издали доносятся шаги: это идет дворцовая стража. Весь мир погрузился в сон. В городе погасли огни, закрылись двери. Ни одной живой души, только изредка пробегают шакалы.

Закрыты двери и в покоях Удоядитто.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Удоядитто поспешно вскочил.

— Бибха?! Что случилось? Почему ты здесь так поздно?

(Читатель, очевидно, помнит, что у молодого раджи есть сестра Бибха.)

— Кажется, случилось что-то ужасное, — ответила Бибха.

— Что, что произошло?! — в один голос воскликнули Шурома и Удоядитто.

Дрожа от страха, девушка стала шепотом о чем-то рассказывать и наконец, не в силах продолжать, расплакалась:

— Ах, дада, что будет?

— Пойду узнаю, в чем дело, — встревоженно произнес молодой раджа.

— Нет, нет, ты не пойдешь! — в ужасе воскликнула Бибха.

— Почему, Бибха?

— Если отец узнает, он разгневается.

— Бибха, — заговорила Шурома, — разве теперь время думать об этом?

Удоядитто поспешно оделся, вложил в ножны меч, вот тут Бибха схватила его за руку:

— Не ходи, дада, пошли кого-нибудь. Мне страшно.

— Не удерживай меня, Бибха. Медлить нельзя.

Удоядитто вышел.

Бибха взяла Шуromу за руку.

— Что будет, сестрица, если отец узнает?

— Ну, что может быть? От любви его к Удоядитто все равно почти ничего не осталось. А если она и совсем исчезнет, мы потеряем немного.

— Нет, нет, сестрица, мне страшно. А вдруг отец жестоко обойдется с ним?

Шурома тяжело вздохнула.

— Всевышний особенно милостив к тем, кто уже не ждет помощи ни от кого на земле, — я твердо верю в это. О владыка, не лишай меня этой веры! И пусть, — о защитник, прибежище всего живого, — пусть не падет тень на имя твое!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Итак, вы полагаете, что все кончится благополучно? — спрашивает министр махараджу.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Я имею в виду ваш вчерашний приказ.

— Какой приказ? — раздраженно спрашивает Протапитто.

— Вашего дядю...

— Что моего дядю? — еще больше раздражается махараджа.

— Махараджа приказал... Бошонто Рай по дороге в Джессор остановится передохнуть на шимултольском постоялом дворе... тогда...

— Что тогда? — хмурится Протападитто. — Договаривай.

— Тогда, послав двух патанов...

— Ну...

— ...убить его?

— Министр, уж не впал ли ты в детство? — гневается махараджа. — Ради одного ответа задаешь чуть ли не десять вопросов. Не можешь двух слов связать! Видно, прошло твое время заниматься государственными делами. Пора подумать тебе о жизни в ином мире. Да... Почему ты до сих пор не попросил об отставке?

— Махараджа не совсем правильно понял...

— О, я прекрасно понял! Скажи мне по совести: неужели ты боишься произнести вслух то, что я в состоянии сделать? Тебе следовало бы помнить, что раз я решился на что-либо, значит, на это есть серьезные причины. И, конечно, я не забыл подумать, что тут праведно, что не-праведно.

— С вашего разрешения, махараджа, я...

— Замолчи! Прежде выслушай меня. Когда я решил умертвить дядюшку, я, безусловно, обдумал все основательней, чем ты. Я не нарушаю законов религии. В страну нашу явились чужеземцы и творят бесчинства. Они почти добились уничтожения извечно существующих законов ариев. Кшатрии отдают своих дочерей в жены моголам, индусы нарушают древние обычаи. Я поклялся прогнать этих варваров. Я спасу законы ариев из пасти демона Раху. Немало понадобится сил на это. Но я хочу, чтобы князья Бенгалии объединились под моей властью. Однако, прежде чем расправиться с чужеземцами, надо уничтожить их друзей. Я преклоняюсь перед Бошонто Раем, но (нет греха, когда говоришь истину) он позорит наш род. Он открыто признал себя рабом моголов. У Протападитто не может быть ничего общего с таким человеком. Убить его — значит отрубить собственную руку, но этой жертвой я спасу честь Бенгалии и рода Раев.

— У меня не было иного мнения, махараджа.

— Было! Говори правду — ты и сейчас не согласен со мной. Смотри, министр, если у тебя не хватает смелости сказать об этом, значит, пост министра не по тебе. Сомнение гложет тебя — пользуйся случаем, вразуми махараджу. Ты считаешь, что убийство дяди всегда греховно. Не говори «нет»! Знаю, ты сейчас думаешь именно так. Вот тебе ответ: по воле отца Бхригу убил свою мать. Почему же я не могу убить своего дядю, защищая религию?

Министр не имел определенного мнения о том, что противоречит религии, а что согласуется с нею. Просто, он был хитрее, чем полагал раджа. Министр отлично понимал, что, проявив сейчас нерешительность, он разгневет раджу, но в конце концов тот будет даже доволен. А если он согласится сразу, это вызовет у раджи подозрения.

— Я лишь хотел вам сказать, что делийский император разгневется.

— Разгневется! Гневаться всякий имеет право. Я не подвластен делийскому императору! Есть, конечно, на свете ничтожества, которых в трепет приводит его гнев: Ман Сингх, например, Бирбал, наш Бошонто Рай. А нынче, сдается мне, и ты струсил. Но ты не суди обо всех по себе.

— С вашего разрешения, махараджа, — улыбнулся министр, — гнев сам по себе не страшен, но если за ним скрывается острый меч, то тогда стоит подумать. Ведь гнев делийского императора — это пятидесятитысячное войско!

Протападитто не нашелся, что ответить.

— Ты, кажется, пытаешься отвлечь меня от задуманного плана, пугая императором Дели. Смотри, министр, я сочту это за оскорбление.

— А что скажет народ, если узнает обо всем?

— А как он узнает?

— Такое не утаишь. Как только весть об убийстве Бошонто Рая облетит страну, вся Бенгалия поднимется против вас. И цель, ради которой вы задумали это дело, не будет достигнута. Вас изгонят из касты, да и немало других унижений придется вам вынести.

— А я тебе повторяю, что делаю все обдуманно. И не

пытайся меня запугать. Я — не ребенок. Я сделал тебя министром не для того, чтобы ты, словно кандалы, сковывал каждый мой шаг.

Министр молчал. Он знал, что должен следовать двум наказам: выражать собственное мнение, если даже оно противоречит мнению раджи, и в то же время не отговаривать раджу от задуманного. Это было трудно и не всегда удавалось.

— Махараджа, — произнес наконец министр, — делийский император...

Тут Протападитто пришел в ярость и закричал:

— Опять делийский император! Если бы за день ты столько раз воззвал ко всевышнему, сколько произнес имя делийского императора, ты преуспел бы в будущем рождении. Пока не свершится задуманное мною, я не желаю слышать о делийском императоре! Вот если вечером я узнаю, что все кончилось благополучно, приходи, потешь себя, взывай к священному для тебя имени. Но до той поры тебе придется потерпеть.

Министр помолчал, затем привел еще один довод:

— Махараджа, принц Удаядитто...

— Ну вот, теперь ты хочешь запугать меня мальчишкой, который под башмаком у жены?

— Махараджа, и на сей раз вы ошиблись. Я вовсе не собираюсь запугивать вас.

— Тогда говори, что хотел! — уже более мягко сказал раджа.

— Прошлой ночью молодой раджа неожиданно ускакал куда-то. И до сих пор не вернулся.

Протападитто встревожился.

— В какую сторону он направился?

— На восток.

Протападитто стиснул зубы.

— В какое время?

— Около полуночи.

— А дочь шрипурского заминдара все еще здесь?

— С вашего разрешения, здесь.

— Лучше бы она навсегда осталась в доме отца.

Министр ничего не ответил.

— Удаядитто никогда не был похож на раджу, — продолжал Протападитто. — С детских лет его тянуло

к простолюдинам. Кто мог подумать, что у меня родится такой сын? Разве нужно учить львенка вырасти львом? Я думаю, он унаследовал характер деда — отца матери. А с тех пор как я женил его на девушке из шрипурского дома, юноша окончательно пал. Дай бог, чтобы младший сын оправдал мои надежды, чтобы в час смерти я мог спокойно расстаться с миром, зная, что начатое мною дело будет завершено. Значит, он до сих пор не вернулся?

— Нет, махараджа.

Протападитто топнул ногой.

— Почему никто не поехал с ним?

— Один из стражников собрался было, но Удоядитто не позволил сопровождать себя.

— Надо было тайком следовать за ним.

— Никто не заметил ничего подозрительного.

— Ничего подозрительного! Может быть, ты хочешь убедить меня, что стражники поступили правильно? И не думай доказывать мне всякую чепуху. Стража пренебрегла своими обязанностями. Позови ко мне тех, кто стоял у ворот. Если они своей неосторожностью погубят мое дело, я уничтожу их! Да и тебе есть о чем беспокоиться. Ты, видно, хотел доказать мне, что никто не виноват в случившемся! Вот ты и ответишь за это!

И Протападитто послал за стражей. Через некоторое время он спросил сердито:

— Что ты говорил о делийском императоре?

— Я слышал, что ему жалуются на вас.

— Кто? Уж не ваш ли молодой раджа?

— О махараджа, не говорите так... Я не смог узнать, кто это сделал.

— Ладно, не думай больше об этом. Я сам судья делийскому императору, сам властен наказать его... Не вернулись ли посланные? Неужели до сих пор не приехал Удоядитто? Зови стражников, да поживее!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

А молодой раджа в это время быстрее молнии мчался на коне по безлюдной дороге. Гулко цокали копыта коня. Ночь стояла темная, но бояться было нечего: дорога

прямая и безопасная. Где-то залаяли собаки. Испуганный шакал скрылся в зарослях бамбука. Путь освещали лишь звезды в небе да светлячки на придорожных деревьях. Стрекотали неугомонные цикады. Под старым деревом тревожным сном забылась изнуренная нищенка.

Проехав пять крошей, раджа свернул с дороги и поскакал полем. Теперь нужно было править осторожней: днем прошел дождь, и земля сильно размокла. Измученный конь шел с трудом, увязая на каждом шагу, и трижды падал на передние ноги. Ноздри его широко раздувались, морда покрылась пеной, весь он был в мыле, из груди вырывался храп.

Ночь душная, ни ветерка. А до цели еще далеко. Но вот позади осталось вспаханное, залитое водой поле, и раджа выбрался наконец на дорогу. Тут он погнал коня. Время от времени, чтобы подбодрить животное, он легонько хлопал его по спине и ласково шептал: «Ну, Сугрив, ну...» Конь вздрагивал, наострял уши, косил своими большими глазами на хозяина, затем, изогнув шею, начинал ржать. И снова бешеная скачка. Ветви деревьев, обступивших дорогу, так тесно сплелись, образуя зеленый свод над головой, что вокруг ничего не было видно. А когда Удайдитто смотрел сквозь них на небо, звезды казались ему огненными искорками, с невероятной быстротой пролетающими мимо. Застоявшийся воздух свистел в ушах.

Лишь на рассвете, когда неподалеку от деревни завывали шакалы, молодой раджа остановился у дверей шимултолского постоянного двора. Тут конь его замертво рухнул на землю. Раджа склонился над ним, потрепал по спине и несколько раз позвал: «Сугрив... Сугрив...» — но конь не шевельнулся. Тяжело вздохнув, молодой раджа подошел к двери и постучал. Никто ему не открыл. Он постучал еще несколько раз.

— Эй, кто там стучится среди ночи? — спросил хозяин, разглядев через окно вооруженного юношу.

— Открой, мне нужно кое-что узнать у тебя, — попросил раджа.

— Зачем открывать? — возразил хозяин. — Если тебе что-нибудь нужно — говори.

Тогда юноша спросил:

— Нет ли здесь Бошонто Рая, правителя Райгора?

— С вашего разрешения, он действительно должен быть здесь после сумерек, но до сих пор не приезжал. Думаю, что сегодня его уже не будет.

Удоядитто достал две монеты и протянул ему.

— Вот возьми.

Хозяин поспешно открыл дверь и взял деньги. Тогда молодой раджа попросил его:

— Разреши, я лишь взгляну, кто тут у тебя на постоялом дворе.

— Это невозможно, господин, — ответил хозяин неуверенно.

— Не препятствуй мне. Я послан раджей разыскать двух преступников.

С этими словами Удоядитто вошел во двор. Хозяин больше не задерживал его. Раджа обошел всех, кто ночевал в ту ночь, но ни Бошонто Рая, ни его слуг, ни патанов не увидел. Лишь какая-то старуха заворчала спросонья:

— Чтоб тебе провалиться, негодник! Что ты здесь высматриваешь?

Покинув постоялый двор, раджа в раздумье остановился на дороге. «Пожалуй, к лучшему, что судьба помешала деду приехать сюда сегодня... — размышлял он. — А что, если Бошонто Рай остановился поблизости, на другом постоялом дворе, и патаны разыскивают его там?» Раджа медленно пошел вперед. Вскоре он заметил приближавшегося к нему всадника.

— Это ты, Ротон! — с изумлением воскликнул раджа, когда всадник с ним поравнялся.

Ротон тотчас же спешился, поклонился радже и сказал:

— Да, это я. Что привело вас сюда в такую пору?

— Об этом после, — ответил Удоядитто. — А сейчас скажи мне, где дед.

— На этом постоялом дворе.

— Что ты говоришь? Я его там не видел.

Ротон удивленно посмотрел на раджу.

— Но махараджа в сопровождении свиты из тридцати человек отправился в Джессор. Дела задержали меня, и

я отстал от них. Мы условились встретиться здесь на рас-свете.

— На дороге такая грязь, что все следы должны остаться. По ним я отыщу деда. Я возьму твою лошадь. А ты следуй за мною.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На краю дороги, у подножия фигового дерева, в паланкине, опущенном на землю, сидел старый Бошонто Рай. Носильщики паланкина куда-то ушли. Поблизости, кроме патана, не было никого. Стояла тихая ночь. Бошонто Рай спросил:

— Хан-сахиб, разве ты не ушел?

— О господин, — ответил патан, — разве мог я уйти? Чтобы спасти жизнь людей и сохранить их имущество, вы отослали всех своих слуг. Как же я могу оставить вас одного ночью на дороге? Не считайте меня таким неблагодарным. Наш поэт сказал: «Кто вредит мне — тот мой должник, и на том свете ему придется заплатить мне долг; кто помогает мне — я должник того, но никогда я не смогу ему отплатить».

Бошонто Рай подумал: «Этот патан, должно быть, хороший человек».

Поразмыслив немного, Бошонто Рай высунул лысую голову из паланкина и сказал:

— Ты хороший человек, хан-сахиб.

Хан-сахиб поклонился. С этим он вполне был согласен. Стараясь разглядеть его лицо при свете факела, Бошонто Рай сказал:

— О, да ты как будто из знатного рода.

Тот опять поклонился.

— Чудо из чудес! Махараджа, ты все видишь.

— Что же с тобой приключилось?

Вздохнув, патан сказал:

— Ах, махараджа, я попал в беду. И теперь вынужден обрабатывать землю, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Поэт сказал: «Судьба, создав былинку былинкой, ты не проявила жестокости; но, сотворив фиговое дерево фиговым деревом, ты затем отдаешь его во власть

бури и повергаешь на землю, сравнив с былинкой. Душа твоя — камень».

Бошонто Рай весело воскликнул:

— Браво, браво! Прекрасно сказал поэт! Стихи, которые ты сегодня прочитал, сахиб, следует записать.

Патан подумал, что судьба к нему милостива. Старик — прекрасный человек. Он может помочь бедняку. А Бошонто Рай с грустью посмотрел на патана: «Когда-то этот человек был богат, а сейчас нищий. Как жестока капризная Лакшми!»

— Ты хорошо сложен и можешь служить в армии, — сказал Бошонто Рай.

— О махараджа, конечно, могу! — с готовностью подтвердил патан. — Ведь и отец мой и дед умерли с мечом в руках, и я мечтаю о том же. Поэт сказал...

— Бог с ним, с твоим поэтом... — засмеялся Бошонто Рай. — Поступай ко мне на службу, и пусть твоя мечта сбудется. Но вот незадача, — вряд ли тебе представится случай обнажить меч. Я стар. Подданные мои живут в довольстве и счастье. И я молю всевышнего, чтобы мне не пришлось больше воевать! Прошло мое время. Меч мне теперь заменила ситара.

С этими словами старик тронул струны лежавшего рядом инструмента.

Патан, кивнув головой, закрыл глаза.

— Слова ваши справедливы. Даже в стихах говорится о том, что меч поражает врага, а песня может сделать врага другом.

— Как ты сказал, хан-сахиб? Песня может сделать врага другом? Замечательно!

Старик умолк и задумался. Но чем больше он думал, тем сильнее удивлялся. Через некоторое время он снова заговорил, как бы объясняя двусишие:

— Меч — страшное оружие, но он не может уничтожить вражду. Вправе ли мы утверждать, что может? Разве убить больного значит уничтожить болезнь? А песня? О, это целительный бальзам! И убивает она не врага, а вражду. Ты думаешь, эти слова — слова урядной поэзии?

Старик был взволнован до глубины души.

Он сел в паланкин и, попросив патана подойти поближе, произнес:

— Меч убивает врага, а песня делает врага другом. Каково, хан-сахиб?!

— О да, ваше величество!

— А сейчас отправляйся в Райгор. Я вернусь из Джессора и сделаю для тебя все, что надо.

— Вы все можете, — радостно произнес патан и при этом подумал: «Ну и повезло же мне!» — а вслух сказал: — Не сыграете ли вы на ситаре?

Бошонто Рай взял ситару, надел на палец плектр и стал тихо перебирать струны, наигрывая печальную мелодию. Время от времени патан кивал головой и восклицал: «Великолепно! Прекрасно!»

Бошонто Рай так увлекся, что, не прерывая игры, вылез из паланкина. В этот момент он забыл обо всем, даже о том, что он махараджа, и, воодушевляясь все больше и больше, запел:

— Нет возлюбленных у женщин; красоты лишенных...

Когда песня кончилась, патан с жаром сказал:

— О! Какой удивительный голос!

— В тихую ночь, в открытом поле любой голос покажется сладостным, — ответил Бошонто Рай. — Я много работал над своим голосом, это верно. Но вот людям он почему-то не очень нравится. Всевышний создал столько лекарств, сколько существует болезней, и столько же голосов, сколько есть их ценителей. Мой голос нравится лишь двум существам. Если бы не они, я никогда бы не осмелился петь. Они не очень разборчивы, и потому от них я получаю похвалы. Давно я не виделся с ними, давно мы не пели песен. Потому я и сбежал из дому. Отведу душу песней и снова вернусь к себе. — Тусклые глаза старика засветились нежностью и любовью.

Патан подумал: «Одно желание твое исполнилось — песня спета. Не настало ли время снять тяжесть с твоей души?.. О, позор!.. Убить неверного — это, конечно, святое дело. Но таких святых дел я совершил столько, что мне уже нечего беспокоиться о загробной жизни. В этом мире все так неустроено, и я не вижу ничего дурного

в том, чтобы, сохранив жизнь этому неверному, воспользоваться кое-чем из его милостей».

Бошонто Рай не мог долго молчать. Воображение его разыгралось. Подойдя совсем близко к патану, он прошептал:

— Знаешь, о ком я говорил, сахиб? О внуке и о внучке.

Слуги все не возвращались. Старик забеспокоился: «Когда же они вернутся?» Он снова взял ситару и начал петь.

Неожиданно появился какой-то всадник.

— О, какое счастье! — закричал он. — Мой дед! Но кому он в такую пору распевает тут песни?

Удивленный и обрадованный Бошонто Рай отложил ситару, помог Удоядитто сойти с коня и крепко обнял внука.

— Какие новости, сын мой? Здорова ли твоя жена?

— Все благополучно, — ответил Удоядитто.

Старик снова взял ситару и, отбивая такт ногой, запел, склонив голову:

Дорогой! Почему ты явился ко мне,
Почему избегаешь ты ласк Чондраболи?
Все мне кажется сказкой, я будто во сне...
Неужели пастушку не любишь ты боле?

Ночь еще не уходит, рассвет не настал,
Радха плакать от горя еще не устала.
Иль цветочный наряд Чондраболи увял,
Иль улыбка луны твоей нежной пропала? ¹

Удоядитто наклонился к уху Бошонто Рая и, косясь на патана, спросил:

— Дед, откуда взялся этот афганец?

Бошонто Рай поспешно ответил:

— Хан-сахиб очень хороший человек. Мы с ним отлично провели время.

Когда патан увидел Удоядитто, душа его пришла в смятение. Он не знал, что делать.

— Почему ты здесь, а не на постоялом дворе? — продолжал Удоядитто, обращаясь к деду.

¹ Стихи в романе «Берег Бибхи» в переводе Г. Ярославцева.

— О господин! — вскричал вдруг патан. — Смилуйтесь, я все скажу. Мы подданные раджи Протападитто. Махараджа приказал мне и моему брату убить вас, когда вы будете на пути в Джессор.

Бошонто Рай вздрогнул: «Рам, рам, рам!»

— Договаривай! — приказал патану Удоядитто.

— Мы никогда не занимались такими делами и долго отказывались, но махараджа угрозами вынудил нас согласиться. Когда мы встретили вас, мой брат со слезами на глазах солгал, что на деревню напали разбойники, и увел ваших слуг. Мне надлежало совершить убийство. И хотя это был приказ раджи, я никак не мог отважиться на такое черное дело. Наш поэт сказал: «По приказу раджи или господина можешь все уничтожить на земле, но будь осторожен, не задень неба». И сейчас я, бедняк, ищу у господина защиты... Если я вернусь в Джессор, то погибну. Защитите меня! — Патан умоляюще сложил руки.

Бошонто Рай слушал, пораженный. Затем сказал патану:

— Я дам тебе письмо, отправляйся с ним в Райгор и жди моего возвращения.

— Дед, неужели ты поедешь в Джессор? — удивился Удоядитто.

— Да, дружок.

Изумленный, Удоядитто воскликнул:

— Что ты говоришь?!

— Пусть Протап тысячу раз виноват, но я его люблю и не боюсь, что мне причинят вред. Ведь я стою уже у самого берега океана жизни; набежит волна — и для меня все кончено. Как же могу я оставаться спокойным, зная, что грозит Протападитто на том свете, да и на этом, если он убьет меня. Я обниму его и все объясню.

На глаза Бошонто Рая навернулись слезы. Удоядитто тоже едва не заплакал. В это время вернулись слуги.

— Где махараджа?!

— Я здесь... — отозвался Бошонто Рай.

— А где этот мерзавец патан?!

Бошонто Рай поспешил стать между слугами и патаном.

— Не трогайте хан-сахиба, — приказал он.

Перебивая друг друга, слуги зашумели:

— Ну и досталось же нам...

— Да не тяни ты! Я лучше все объясню... Вначале этот проклятый патан вел нас прямо, а потом свернул налево в манговую рощу...

— Да нет же! И совсем не в манговую, это были акации, — прервал третий.

— И потом не налево, а направо, — не выдержал четвертый.

— Нет, налево, — не соглашался первый.

— Это, по-твоему, налево, — упорствовал четвертый.

— Если бы налево, то пруд... — вмешался еще один.

— Может быть, и правда налево! — сказал Удайдитто. — Да говорите же, что было дальше?

— Так вот... — продолжал слуга, — свернули мы налево в манговую рощу, а потом он вывел нас в поле. Мы миновали пашни, переправились через затопленные водой заросли бамбука — никакой деревни и в помине нет. Кружили мы там часа три. А когда подошли к деревне, этот негодяй сбежал. Так мы и не нашли его.

— Как только я увидел эту собаку-патана, мне сразу стало не по себе, — оправдывался один из слуг.

— И я понял, что добра тут не жди, — поддержал его другой.

— Я тоже, когда увидел этого мерзавца, сразу заподозрил неладное... — добавил третий.

В конце концов все слуги сошлись на том, что они с самого начала обо всем догадались.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Смотри-ка, министр, а патанов все еще нет, — сказал Протападитто.

— Не моя в том вина, махараджа, — тихо ответил министр.

— А тебя и не спрашивают, чья тут вина, — разозлился махараджа. — Уж какая-нибудь причина их задержки да есть. Что ты мыслишь об этом, вот что хочу я спросить у тебя.

— Шимултоли далеко отсюда — вероятно, они еще не дошли, а может быть, не успели закончить дело.

Протападитто не понравились слова министра. Он хотел, чтобы министр думал так же, как он. Но министр думал совсем иначе.

— Удоядитто выехал вчера ночью?

— Да, ваша милость. Я вам уже докладывал об этом.

— Докладывал! Как же... Вовремя доложил! Ты думаешь, о таких вещах можно докладывать когда тебе вздумается. Ведь Удоядитто прежде так не поступал. Я знаю, это дочь шрипурского заминдара дала ему этот совет. Как ты думаешь?

— Что я могу сказать, махараджа?

— Уж не кажется ли тебе, что я желаю услышать от тебя пересказ вед? Говори, как сам полагаешь! — вскричал Протападитто.

— Обо всех делах госпожи невестки осведомлена ваша супруга. Да вы и сами можете судить об этом лучше, чем я.

В это время в покои вошел патан.

— Ну как? Кончено?! — воскликнул Протападитто.

— Да, махараджа, сейчас, верно, уже все.

— Что за слова! Разве ты не уверен?

— С вашего разрешения, уверен. Все сделано, ошибки быть не может. Но меня при этом не было.

— Рассказывай все по порядку.

— Я сделал, как вы советовали: увел его людей, а Хусейн-хан завершил дело.

— А если он ничего не сделал?

— Тогда отрубите мне голову, махараджа.

— Оставайся здесь. Когда вернется твой брат, получите вознаграждение.

Патан остался у дверей под надзором стражников.

Протападитто долго молчал. Затем тихо сказал министру:

— Нужно постараться, чтобы народ не узнал об этом.

— Пусть махараджа не разгневается, если я скажу, что народ все равно узнает.

— От кого?

— Вы всегда открыто заявляли о своей ненависти к дяде. Вы даже не пригласили его на свадьбу дочери.

Он тогда сам приехал. А сегодня без всякого повода вдруг пригласили его; и по дороге к вам он был убит. При подобных обстоятельствах нетрудно догадаться, что все это произошло по вашей воле.

Протападитто сердито возразил:

— Что-то я не пойму тебя, министр! Ты как будто радуешься. Можно подумать, что мой позор — твое самое заветное желание. Иначе ты не твердил бы денно и ночью, что все станет известно. Разгадать эту тайну нельзя, если только ты сам не проболтаешься. И мне сдается, что ты готов это сделать.

— Пусть махараджа простит меня. Вы мудрее и понимаете все гораздо лучше, чем я. Не мне, человеку с жалким умом, давать вам советы. Однако вы сами отличили меня, сделав своим министром. Поэтому я, ничтожный, осмеливаюсь изредка высказывать свои соображения. Но они, я вижу, вам неуютны. Тогда отстраните вашего слугу от его обязанностей.

Протападитто успокоился. Порой, когда министр говорил с ним так решительно, махараджа в душе радовался его смелости.

— Я полагаю, что, если умертвить патанов, опасаться будет больше нечего, — произнес Протападитто.

— Одно убийство можно скрыть, но три — нельзя. Народ непременно узнает, — отстаивал свое мнение министр.

— Подумаешь, напугал! — воскликнул Протападитто. — Джессор — это тебе не Райгор! Нашему народу не дано такой воли; здесь есть только один раджа, а все остальные — его слуги. И не запугивай меня народом. Пусть кто-нибудь из моих подданных посмеет поднять против меня голос — я выжгу ему язык каленым железом.

Усмехнувшись про себя, министр подумал: «Он страшится даже языка своих подданных, а еще пытается убедить себя, что не боится их».

— Сразу же после похорон, — продолжал Протападитто, — я с верными людьми отправлюсь в Райгор. Лишь я один могу стать преемником райгорского махараджи — и никто другой.

В этот момент в покои медленно вошел Бошонто Рай. Протападитто вздрогнул и попятился назад. Ему

показалось, что это призрак. От ужаса он не мог вымолвить ни слова. Бошонто Рай подошел к Протападитто, ласково коснулся его руки и сказал:

— Ты испугался меня, Протап? Я ведь твой дядя, но даже если бы я был тебе совсем чужим, то и тогда не в силах был бы погубить тебя — стар уже.

Протападитто пришел наконец в себя. Но дар речи не сразу вернулся к нему. Пораженный, он продолжал молчать и даже не приветствовал дядю почтительным поклоном, как того требовал этикет.

— Протап, скажи хоть что-нибудь, — тихо произнес Бошонто Рай. — Если мое появление вызвало у тебя волнение и стыд, — успокойся и не думай ни о чем. Я не стану расспрашивать. Подойди ко мне, сын мой, и давай заключим друг друга в объятия. Давно мы с тобой не виделись, да и теперь пройдет немало дней, прежде чем увидимся вновь.

Наконец Протападитто поклонился Бошонто Раю, и они обнялись. Тем временем министр незаметно вышел. Не выпуская Протападитто из объятий, Бошонто Рай кротко улыбнулся.

— Слишком зажился Бошонто Рай, не так ли, Протап? Пора бы и умирать, да вот всевышний еще не зовет меня. Но ничего, теперь уже мало осталось.

Протападитто не ответил.

Помолчав немного, Бошонто Рай снова заговорил:

— Сейчас я объясню тебе. Ты думаешь, я испугался ножа? Нет. Меня поразило то, что именно ты поднял его на меня (на глаза старика набежали слезы). Но я не сержусь; только прошу тебя — не убивай меня, Протап. Ты заплатишься за это еще при жизни, да и в ином мире тебя постигнет суровая кара. Долго ждал ты моей смерти, так неужели не можешь еще потерпеть? Стоит ли принимать на себя такой грех, когда ждать осталось так мало?

И Бошонто Рай пристально посмотрел на Протападитто, но тот молчал; он и вины своей не отрицал, и не раскаивался. Тогда Бошонто Рай заговорил о другом.

— Протап, побывай в Райгоре. Ты давно там не был. Увидишь, как все там изменилось. Воины теперь отло-

жили оружие и взялись за плуг. На месте прежних воинских поселений появились мирные постоянные дворы.

Вдруг Протападитто заметил, что патан собирается улизнуть. И он не выдержал. Ярость, кипевшая в его груди, вырвалась наружу огненной лавой. Раздался громовой голос: «Не выпускать его! Взять под стражу!» С этими словами махараджа быстро покинул покои.

Он снова вызвал к себе министра и сказал:

— Ты проявляешь беспечность в государственных делах.

— Здесь нет моей вины, махараджа! — произнес министр.

— Не о том речь. Я хочу сказать, что ты вообще стал невнимателен к своим обязанностям. Помнишь, как-то я дал тебе письмо, велел сохранить, а ты потерял его...

— Помню, это случилось полтора месяца тому назад, но тогда махараджа ничего не сказал своему министру...

— Затем однажды я приказал тебе отправиться к Умеш Раю, а ты увильнул, послал туда человека. Молчи! И не пытайся умалить свою вину. Да что там! Сколько раз я предупреждал тебя.

Были вызваны стражники, стоявшие на часах прошлой ночью. Еще ранее махараджа приказал не выдавать им жалованье, а теперь отдал приказ посадить их под арест. Затем махараджа отправился на женскую половину дворца.

— Жена! Я вижу, в моей семье творятся беспорядки! Что случилось с Удайдитто? Никогда прежде он не был таким: уезжает, когда ему вздумается, принимает участие в делах народа да еще замышляет что-то против меня. Что все это значит?!

— Махараджа, он не виноват, — в страхе отвечала жена. — Все это козни старшей невестки. Никак не пойму, что с ним случилось с тех пор, как он взял себе жену из шрипурского дома.

Раджа приказал учредить надзор за Шуромой и удался.

Рани послала за Удайдитто и, когда он пришел, начала причитать:

— Уж не болен ли ты, сын мой? Весь почернел! А каким был до женитьбы! Щеки — будто расплавленное золото! Кто сделал тебя таким? Дитя мое, не слушай жену, а то совсем изведешься.

Шурома молча стояла в стороне, закрывшись покрывалом.

Рани продолжала:

— Род ее незнатен. Разве она достойна тебя? Разве может давать тебе советы? Она никогда не дает тебе хороших советов, только радуется, когда тебе плохо. И махараджа женил тебя на такой дьяволице! — разрыдалась она.

На высоком лбу Удайдитто выступил пот. В душе росло раздражение. Огромные глаза горели. Чтобы скрыть возмущение, он отвел взор.

А тут еще в разговор вмешалась старая служанка.

— Девушки из Шрипура умеют колдовать. Уж конечно, она приворожила наше дитяtko, — сказала старуха и, обращаясь к Удайдитто, продолжала: — Сыночек, она дала тебе зелья. Ты думаешь, она обыкновенная девушка? Нет! Нет! Она из шрипурского дома. А они там все ведьмы! Ох-ох, сыночек-то совсем высох.

Служанка метнула на Шурому острый, как стрела, взгляд и обеими руками принялась тереть совершенно сухие глаза, пока они не покраснели. Видя, как убивается старая женщина, рани снова почувствовала себя несчастной. На всех старух женской половины словно распространилась эпидемия плаксивости. Казалось, они собрались в покоях лишь затем, чтобы выплакаться.

Удайдитто с нежностью посмотрел на Шурому. Она поймала его взгляд сквозь покрывало и, смахнув набежавшие на глаза слезы, вышла, не проронив ни слова.

Вечером рани сказала мужу:

— Сегодня я открыла глаза сыну. Теперь он все знает.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шурома не могла оставаться спокойной, глядя на грустное личико Бибхи.

— Отчего ты молчишь, Бибха? — обняв ее, спросила она. — Почему не скажешь, что у тебя на душе?

— Что я скажу тебе? — прошептала Бибха.

— Я знаю, ты давно не видела его — поэтому и грустишь. Так можно измучиться. Послушай меня, напиши ему письмо, пусть приедет. А я устрою так, чтобы твой брат передал его.

Они говорили о Рамчондро Рае, муже Бибхи, правителе Чондродипа. Бибха грустно опустила голову.

— Здесь его не выносят; никто не находит нужным приглашать его. Пусть уж лучше не приезжает. Даже если Рамчондро захочет приехать — я не позволю ему. Он — раджа. Зачем ему идти туда, где его не уважают? Чем он хуже нас? За что отец оскорбляет его?.. — Бибха не в силах была продолжать и разрыдалась.

Шурома привлекла молодую женщину к себе, вытерла ей слезы и спросила:

— А если бы ты была мужчиной? Как бы ты поступила? Стала бы ждать письменного приглашения из дома тестя?

— Нет, не стала бы. Мне было бы все равно, презирают меня здесь или нет. А вот ему трудно бывать там, где его не хотят видеть.

Прежде Бибха никогда так не говорила. Но сегодня она сгоряча высказала все, что накипело на душе. И ей стало стыдно. Она считала, что наговорила много лишнего. В то же время она спрашивала себя: «Ну что плохого в том, что я сказала?» Постепенно волнение улеглось, однако невыносимое чувство пустоты овладело ею. Закрыв лицо руками, она положила голову на колени Шуромы. Та, склонившись над Бибхой, нежно перебирала ее густые волосы. Так, в молчании, они долго сидели. Из глаз Бибхи текли слезы, Шурома потихоньку вытирала их.

Наступили сумерки. Бибха медленно поднялась и, смахнув слезы, слабо улыбнулась. «Я вела себя, как ребенок», — казалось, говорила ее улыбка. Она хотела было уйти, но Шурома молча взяла ее за руку.

— Ты слышала, Бибха, дедушка приехал? — спросила она так, словно никакого разговора между ними и не было.

— Приехал дедушка?

— Да.

Бибха обрадовалась.

— Когда же?

— Около четырех часов дня.

— И до сих пор не зашел к нам...

В сердце Бибхи шевельнулось чувство обиды. Она всех ревновала к деду, ни с кем не хотела делить его любовь, даже с Удайдитто. Как-то раз Бошонто Рай, беседуя с ним, заставил Бибху прождать на женской половине целых три часа и ни разу за все это время не зашел к ней. Бибху это страшно огорчило; и хотя она тогда ни словом не обмолвилась о своей обиде, выражение недовольства при встрече с дедом долго не сходило с ее лица.

В это время в покои вошел Бошонто Рай, смеясь и напевая:

После долгой разлуки пришел я,
Повидаться с тобою желая,
Я пришел только на две минуты,
Дольше я не останусь, родная.
Вновь услышу твой ласковый голос —
Звонкий, свежий, как вздох ветерка,
И уйду... Только нежной улыбкой
Полюбуюсь издалека.

Услышав песню, Бибха склонила голову и рассмеялась. В первый момент она очень обрадовалась, но потом вдруг забеспокоилась, как бы не заметили ее бурной радости. Шурома взяла Бибху за подбородок и слегка приподняла ее голову.

— Дедушка, но ведь ты можешь любоваться улыбкой Бибхи не только издалека.

— Нет, — возразил Бошонто Рай. — Просто Бибха решила: если она не улыбнется старику — он не уйдет; поэтому она улыбнется ему немножко, совсем чуточку. Я правильно разгадал намеренья колдуньи? Она придумала хитрый план, как поскорее избавиться от меня. Но это ей не удастся. Раз уж я пришел, постараюсь хорошенько помучить ее. Будет помнить обо мне, пока я опять не приду сюда.

Шурома рассмеялась.

— Послушай, дедушка, что шепнула мне Бибха: «Если, говорит, дед пришел помучить меня только для того, чтобы я не забыла его, то пусть знает, что я и так уже измучена».

Бошонто Раю очень понравились эти слова. Он засмеялся.

Бибха, смутившись, воскликнула:

— Я этого не говорила... Ничего я такого не говорила!

— Дедушка, — вступилась Шурома, — исполнилось твое желание: ты хотел увидеть улыбку Бибхи — и увидел ее, ты хотел услышать ее слова — я передала тебе их. Теперь можешь покинуть нас.

— Нет, родная, я не могу уйти... Я принес сюда все свои песни и голову, полную седых волос. Я не уйду, пока не оставлю все это здесь.

— Да ведь твоя голова и так уже наполовину лысая! — не выдержав, расхохоталась Бибха.

Замысел Бошонто Рая удался. Нужна была хитрая уловка, чтобы заставить Бибху заговорить. Но стоило ей заговорить, как потребовалась еще более хитрая уловка, чтобы заставить ее замолчать: при дедушке она могла болтать без умолку, хотя по натуре своей была молчалива.

— Да, как-то случилось, что волосы покинули мою голову, дорогая, — сказал Бошонто Рай, поглаживая свою лысину. — А когда-то ее украшала великолепная шевелюра. В те дни Бошонто Рай не мог совершать столь далекие путешествия, чтобы доставить вам удовольствие. Целая армия красавиц, стоило им увидеть в его шевелюре один седой волосок, спешила вырвать его, но они так усердствовали, что вместе с седыми вырывали целый десяток волосков, ни в чем не повинных.

— Ты думаешь, дедушка, — заметила Бибха серьезно, — что когда на голове твоей было полно волос, ты был красивее?

Она попыталась представить себе деда без лысины, без спокойной улыбки безусых губ. Но ничего не получилось. И ей стало ясно, что, если бы у деда не было лысины, она не относилась бы к нему с таким почтением; с усами он был бы сейчас очень некрасивым и смешным. При одной лишь мысли об этом Бибха не могла удержаться от смеха. — Дедушка — и усы?! Дедушка — и без лысины?! Нет!

— На этот счет есть разные мнения, — продолжал Бошонто Рай, — мои внуки очарованы моей лысиной — они не видели моих волос; мои бабушки поражались дикой буйности моих кудрей — они не видели моей лысины. Те же, которым посчастливилось видеть и то и другое, по сей день не могут решить, что лучше.

— Пока ничего, дедушка, — сказала Бибха. — Но если ты и дальше будешь лысеть, то, конечно, станешь некрасивым.

Шурома решила положить конец этому разговору.

— После займетесь дедушкиной лысиной, а теперь давайте подумаем, как помочь Бибхе.

Но Бибха, торопливо подбежав к Бошонто Раю, воскликнула:

— Дедушка, позволь мне вырвать твои седые волосы!

Шурома продолжала:

— Я хочу сказать, что...

— Не слушай ее, дедушка, — перебила Бибха.

— Бибха, замолчи! Я говорю, что если ты...

— Дедушка, на твоей голове осталось всего лишь несколько седых волосиков. Давай я их вырву, ты будешь тогда совсем лысенький.

— Доченька, — не выдержал Бошонто Рай, — если ты не дашь мне выслушать Шуromу и очень рассердишь меня, — я стану играть мелодию хиндоль. — Сказав это, он принялся настраивать свою маленькую ситару.

Бибха терпеть не могла этой мелодии.

— Какой ужас! В таком случае я убегаю, — и она вышла из комнаты.

Шурома серьезно проговорила:

— Бибха день и ночь страдает, но молчит. Мне кажется, узнай об этом махараджа, — и он бы сжалился.

— Что с ней? — с участием спросил Бошонто Рай и сел рядом с Шуромой.

— Да вот Рамчондро. Никому и в голову не приходит хоть раз в год пригласить его во дворец, — продолжала Шурома.

— А ведь это правда, — произнес Бошонто Рай задумчиво.

— Скажите, какая женщина может примириться с тем, что мужа ее не уважают? — воскликнула Шурома. —

Бибха очень кротка и терпелива. Никому ничего не говорит, только плачет.

Растроганный Бошонто Рай воскликнул:

— Плачет?

— Сегодня так плакала при мне...

— Бибха плакала сегодня?

— Да.

— Позови-ка ее сюда.

Шурома привела Бибху. Взяв Бибху за подбородок, Бошонто Рай спросил:

— Почему ты плачешь, Бибха? Отчего не рассказала деду раньше о своих страданиях? Может быть, я мог бы помочь тебе? Сейчас я пойду поговорю с Протапом.

— Дедушка, прошу тебя — ничего не говори отцу! — воскликнула Бибха. — Умоляю тебя, дедушка, не уходи!

Но дед, не слушая ее, вышел из комнаты и направился прямо к Протападитто.

— Ты давно не приглашал к себе зятя. Вероятно, ты хочешь показать, как велико твое презрение к нему. Но разве ты не знаешь, что если не оказывают должного уважения зятю владыки Джессора, то тем самым наносят оскорбление самому владыке? Это не может возвысить тебя в глазах людей.

Протападитто не стал спорить и приказал послать гонцов в Чондродип с письменным приглашением.

Вернувшись на женскую половину к Бибхе и Шуроме, Бошонто Рай, торжествуя победу, заиграл на ситаре:

Прогони от себя
Рой докучных забот,
Пусть веселой улыбкой
Лицо расцветет.

Бибха, зардевшись, спросила:

— Дедушка, ты все рассказал отцу?

Бошонто Рай продолжал петь:

Прогони от себя
Рой докучных забот,
Пусть веселой улыбкой
Лицо расцветет.
Сбрось свой пыльный наряд,
Украшенья надень...

Бибха, положив руки на струны ситары, снова повторила свой вопрос:

— Ты все рассказал отцу?

В комнату просунул нос восьмилетний Шоморадитто, младший брат Удаядитто:

— Ай, диди, сплетничаешь с дедом! Пойду расскажу маме.

— Иди-ка сюда, братец. — С этими словами Бошонто Рай схватил Шоморадитто.

Вся семья махараджи была уверена, что Бошонто Рай и Шурома оказывают дурное влияние на Удаядитто; поэтому, когда приезжал Бошонто Рай, все подсматривали за ним. Шоморадитто стал вырываться, пытаясь высвободиться из рук Бошонто Рая. Но старик повесил ему на плечо ситару, надел ему свои очки и за полчаса так очаровал мальчишку, что тот весь день ходил по пятам за дедом, забавлялся ситарой, пока не порвал несколько струн, а затем спрятал куда-то плектр и не хотел отдавать его дедушке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Раджа Чондродипа Рамчондро Рай сидит в своих покоях. С потолочных балок свисают люстры. Комната имеет восемь углов; в каждой стене — ниша, в одной стоит статуя Ганеши, в остальных — статуи Кришны. Они сделаны рукой прославленного гончара Ботокришны. Пол устлан коврами, посередине — покрытый парчой трон, на троне — подушка, на подушке — раджа. На стенах — зеркала работы местных мастеров, лица своего вы в них не узнаете. Вокруг раджи — живые зеркала — люди, тоже кривые. В них раджа видит лишь искаженные отражения своего лица да невероятных размеров фигуру. По левую сторону от раджи — огромная курительная трубка с длинным чубуком и министр Хоришонкор; по правую — шут Ромаи и с очками на носу военачальник Форнандидж.

— Эй, Ромаи!

— Что прикажете, махараджа? — отвечает Ромаи.

Раджа чуть заметно улыбнулся. Министр захихикал. Форнандидж загоготал во все горло и захлопал в ла-

доши. Глаза Ромаи щурятся от удовольствия. Наверное, раджа подумал: «Я показался бы человеком, не понимающим шуток, если бы не улыбнулся словам Ромаи». Министр сказал себе: «Когда улыбается раджа, мой долг смеяться». А Форнандидж решил: «Уж конечно, есть над чем посмеяться, раз они смеются». Горе тому, кто не засмеется, когда Ромаи откроет рот. Того шут заставит плакать. Редко кто смеется от души, слушая шутки эпохи Мандхаты, отпускаемые Ромаи. Но смеются все, начиная с самого раджи и кончая привратником, кто из страха, кто по обязанности. Смеются громко.

— Есть ли какие-нибудь вести? — спрашивает раджа.

— Ходят слухи, будто в дом господина военачальника забрался вор, — говорит Ромаи.

Военачальник забеспокоился: он понял, что с ним хотят сыграть старую шутку. Но чем большее беспокойство проявлял военачальник, тем яростней наступал на него Ромаи. А раджа был в восторге. И так всегда: лишь только появлялся Ромаи, раджа тотчас посылал за Форнандиджем. Больше всего на свете раджа любил две вещи: наблюдать за борьбой, которую всякий раз затевал шут с кем-нибудь из приближенных, и втравливать в нее Форнандиджа. С тех пор как военачальник поступил на службу к радже, ни пули, ни стрелы не оставили на его теле ни единой царапины. Но не раз он готов был рыдать от насмешек.

Мы не станем перечислять всех шуток Ромаи и надеемся, что читатель простит нам это. Стоит ли оскорблять ваше чувство прекрасного?

Раджа прищурился.

— Ну, а дальше что?

— Позвольте доложить, махараджа. (Форнандидж в волнении быстро расстегивал и застегивал пуговицы.) Вот уже несколько дней подряд дом военачальника по ночам навещает вор. Супруга сахиба долго расталкивала хозяина, но никак не могла добудиться его.

— Ха-ха-ха-ха, — рассмеялся раджа.

— Хо-хо-хо-хо-хо-хо, — отозвался министр.

— Хи-хи, — вторил ему военачальник.

— Днем, не в силах вынести упреков своей гос-

пожи, — продолжал шут, — военачальник, сложив умоляюще руки, поклялся, что сегодня же ночью непременно поймает вора. В полночь госпожа закричала: «О! Вор пришел!» Хозяин отвечал: «Э, да в доме горит свет. Вор заметит нас, испугается и убежит». Потом он обратился к вору: «Сегодня ты спасся — при свете тебе легко убежать, но смотри, если вздумаешь прийти завтра, в темноте обязательно попадешься».

— Ха-ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо-хо-хо!

— Хи...

— Ну, а дальше? — с нетерпением спросил раджа.

Шут понял, что раджа еще не полностью удовлетворен, и продолжал:

— Не знаю почему, но вор не испугался угрозы и на следующую ночь опять залез в дом. «Вставай, скорей вставай!» — закричала хозяйка. — «Сама вставай», — пробурчал хозяин. «Да что я могу с ним сделать?» — взмолилась женщина. «Как что? Встань и зажги свет. Ведь ничего не видно». Хозяйка рассердилась, хозяин в ярости набросился на нее: «Из-за тебя все пропало... Зажги свет и принеси ружье!» Тем временем вор закончил свои дела и заявил хозяину: «Господин, вы могли бы дать мне щепотку табаку — я хорошо поработал...» Хозяин в негодовании закричал: «Каналья! Я тебе покажу табак... Только подойди ко мне — я размозжу тебе голову вот этим ружьем!» Потягивая трубку, вор сказал: «Господин, если вы зажжете свет, то очень поможете мне. Я потерял отмычку и никак не могу найти ее». Военачальник торжественно прошептал жене: «А, подлец боится меня». Затем крикнул вору: «Стой там, не приближайся!» — и поспешно зажег свет. Аккуратно связав вещи, вор, не торопясь, удалился. «Э-э, а парень здорово испугался», — победоносно заключил хозяин.

Раджа и министр хохотали до упаду. Форнандидж хихикнул раза два, криво ухмыльнулся и хотел было улизнуть, но в этот момент раджа обратился к Ромаи:

— Ты слышал, Ромаи, я собираюсь в дом тестя.

— Ах, ну что такое мир в сравнении с обителью тестя?! — состроил гримасу шут.

Опять все засмеялись: сначала раджа, потом министр и последним военачальник.

— Истинная правда: дом тестя, — шут вздохнул с притворным чувством восторга и умиления, — сокровищница всего самого ценного на земле: там вы найдете еду и уважение; там вы получите сливки с молока и лучшие куски рыбы. Все блага мира собраны в доме тестя, и лишь одно ничего не стоит там — женщина.

Раджа рассмеялся.

— А что, твоя половина...

Сложив руки, Ромаи умоляюще произнес:

— Махараджа, не называй мою жену «половиной»! Если бы в течение трех рождений я совершал покаяние, то тогда, возможно, стал бы ее половиной. А пока пять таких половин, как я, недостойны ее одной.

Слова шута снова вызвали смех. Но больше всех смеялся министр, потому что он один не понял шутки.

— Слышал я, — сказал раджа, — что нрав у твоей жены очень кроткий и хозяйка она умелая.

— Что и говорить? В доме полно разного мусора, только мне там нет места. С самого раннего утра она так усердно начинает орудовать веником, что я отлетаю к самым дверям махараджи.

Раджа и министры не могли удержаться от смеха.

Здесь, к слову, я расскажу вам о супруге Ромаи. И без того тощая, она таяла с каждым днем. Когда Ромаи возвращался домой, она не знала, куда деваться. Одно дело, когда шут смеялся в покоях раджи, другое — если он скалил зубы в присутствии своей жены. Расскажи Ромаи о хозяйке правду, смеха не получилось бы, шутка вышла бы печальной, поэтому при дворе раджи он изображал свою жену особой тучной и свирепой.

Перестав смеяться, раджа сказал:

— Ромаи, ты поедешь со мной, и ты, военачальник, тоже.

Форнандидж понял: сейчас Ромаи поведет на него второе наступление. Он надел очки и снова стал расстегивать и застегивать пуговицы.

— Господину военачальнику нечего бояться, ведь он идет на праздник, а не на войну, — наступал шут.

Раджа и министр подумали: сейчас будет самое смешное, и оба спросили:

— Почему?

Ромаи продолжал:

— Днем и ночью глаза сахиба прикрыты очками. Он даже спит в очках: боится, что не сможет разглядеть сон как следует. Когда военачальник отправляется на войну, он ничего не боится, лишь одно волнует его: как бы ядро, вылетевшее из жерла пушки, не задело стеклышка в очках, ведь осколки могут сделать военачальника кривым! Не так ли, господин военачальник?

Форнандидж растерянно произнес:

— Разумеется! — Он поднялся и обратился к радже: — Разрешите идти?

Раджа велел ему приготовиться в путь и сказал:

— Снаряди все для нашего путешествия. Приготовь мою лодку на шестьдесят четыре весла.

Министр и военачальник удалились.

Раджа проговорил:

— Ромаи, ты ведь все знаешь? Помнишь, как надомной надругались в прошлый раз в доме тестя?

— С вашего разрешения, знаю. Махарадже приделали хвост.

Раджа рассмеялся, вернее, только молнией сверкнули его зубы, но в душе у него собирались черные тучи. Ему было неприятно, что шуту все известно. Узнай об этом кто-нибудь другой, раджа не волновался бы. Рамчондро нервно закурил трубку...

Ромаи продолжал:

— Как-то раз зашел ко мне ваш шурин и сказал: «В брачной комнате у вашего раджи заметили хвост. Рамчондро ли он? Может быть, это слуга Рамы? Я и не предполагал, что у него есть хвост». — «Да вам нечего было предполагать. Никакого хвоста прежде не было, — отвечал я. — Но наш раджа пришел сыграть свадьбу в вашем доме... а с кем поведешься, от того и наберешься».

Рамчондро ответ шута очень понравился, и он сразу же повеселел. Слова Ромаи как бы осветили его лицо и лица предков, а солнце Протападитто навеки загнали в пасть демона Раху.

Раджа не очень-то разбирался в том, что такое война. И тем не менее каждая небольшая стычка воспринималась им как война. Он считал, что потерпел страшное, позорное поражение, мысль о котором день и ночь сверлила ему мозг, от стыда он готов был провалиться сквозь землю. Теперь его сердце несколько успокоилось: Ромаи отбил атаку. Однако чувство стыда еще не совсем прошло.

— Ромаи, — обратился он к шуту, — на этот раз мы должны уничтожить их. Если это удастся нам, я подарю тебе кольцо.

— Как же вы думаете победить, махараджа? Если бы вы смогли взять меня с собой на женскую половину, я бы от души посмеялся над всеми, даже над самой госпожой тещей.

— Как я думаю победить?.. Хорошо, я возьму тебя на женскую половину.

— О, разве есть что-нибудь невозможное для вас?!

Раджа и сам верил, что нет на свете ничего такого, чего бы он не мог сделать. Если кто-либо из его свиты говорил: «Пусть победит махараджа, да исполнится желание его слуг», — великий Рамчондро Рай тотчас отвечал: «Да будет так!» Каждый должен был думать, что махараджа всесилен. «Когда я пойду на женскую половину во дворце Протападитто, — решил Рамчондро, — непременно проведу туда Ромаи. Пусть посмеется над супругой владыки Джессора. Не будь я Рамчондро Рай, раджа Чондродипа, если не сделаю этого. Что я за раджа, если не сумею совершить столь великое дело?»

Раджа приказал позвать Раммохона Мала — управителя Чондродипа. Раммохон Мал был высокого роста и могуч, как Бхима, мускулы так и играли на его теле. Он служил еще при покойном радже и с детских лет воспитывал Рамчондро Рая. Все боялись Ромаи, но шут сам трепетал перед управителем. Раммохон терпеть не мог Ромаи, шут весь сжимался под его ненавидящим взглядом и старался не встречаться с ним глазами.

Вошел Раммохон. Раджа сообщил управителю, что они отправятся в Джессор с пятьюдесятью воинами. Раммохон должен ими командовать.

— Позвольте спросить, господин Ромаи тоже поедет? — любопытствовал Раммохон. Тщедушный, с кошачьими глазками господин Ромаи весь съежился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Во дворце раджи Джессора прислуга с ног сбилась. Нужно было достойным образом встретить зятя. Каких только кушаний не готовили на кухне. И хотя супруга раджи Протападитто была вполне согласна с ним в том, что род раджи Чондродипа не может соперничать знатностью с родом раджей из Джессора, тем не менее она очень радовалась приезду зятя. Едва рассвело, она сама принялась наряжать Бибху. Бибха попала в пренеприятное положение. У нее с матерью были совсем разные вкусы. Но мать считала, что кто-кто, а уж она-то знает, что дочери к лицу. Бибхе, например, казалось, что три тонких браслета с бирюзой выгодно оттенят белизну ее нежных рук; мать же надела на нее восемь тяжелых золотых браслетов да на каждую руку еще по браслету с крупными брильянтами и пришла в такой восторг, что созвала полюбоваться на дочь всех женщин дома — старых служанок и вдовых тетюшек. Бибха знала, что к ее маленькому, нежному личику не пойдет кольцо в носу, но мать, продев ей огромное кольцо и поворачивая голову дочери то вправо, то влево, с гордостью разглядывала ее. Бибха молча уступила матери и в этом; но когда та сделала ей прическу по своему вкусу, она не выдержала и, потихоньку пробравшись к Шуроме, причесалась по-своему. Это не ускользнуло от взора матери. Из-за такой прически, казалось ей, вся красота убранства дочери померкла. «Это Шурома из зависти испортила Бибхе прическу», — подумала она и попыталась открыть дочери глаза на коварный замысел невестки. Она говорила долго, и когда наконец решила, что добилась успеха, опять распустила волосы Бибхи и снова их убрала. Пышное, безвкусное убранство и переполнявшая сердце радость привели Бибху в крайнее смущение. Девушка не в силах была скрыть внутреннего ликования, оно, словно молния, сверкало то в улыбке ее, то во взгляде, и

вместе с тем ей чудилось, будто не только люди, но даже стены смеются над ней. Пришел Удаядитто, с нежностью взглянул на смущенное и счастливое лицо Бибхи и так обрадовался, что, вернувшись к себе, с улыбкой, любовно поцеловал Шурому.

— Что такое? — удивилась Шурома.

— Ничего особенного, просто так.

В это время в комнату вошел Бешонто Рай, ведя за собой упиравшуюся Бибху. Взяв ее за подбородок, он сказал:

— А ну-ка, дада, посмотри на свою сестренку! Шурома, и ты взгляни! — Старик радовался, как дитя. — Я вижу, ты довольна, дружок... Так улыбнись же веселей! — обратился он к Бибхе, —

О улыбка,
К нежной Бибхе поспеши,
Прикоснись к ее устам
И рассмеши!

Если б не годы, я упал бы замертво при виде такого личика. Ох-ох! Прошло то время, когда я умирал каждый час; теперь, увы, я могу умереть лишь от болезни.

Между тем к Протападитто явился шурина.

— Кто отправился приветствовать зятя? — спросил он.

— Откуда я знаю?

— Не нужно ли осветить дорогу?

— Это еще для чего?! — закричал махараджа, выкатив от злости глаза.

— Так, может быть, мы хоть оркестр им навстречу вышлем? — растерялся шурина.

— Нет у меня времени заниматься всякими пустяками.

— В самом деле, пристало ли радже Протападитто какого-то зятя встречать с такой пышностью?!

Рамчондро Рай был оскроблен до глубины души. Он решил, что его намеренно опозорили. Прежде приветствовать его выходил посланный из дворца, который останавливался на площади. Правда, на этот раз встречать его выехал министр, но на каком-то слоне-карлике, и сопровождало его не более двухсотпятидесяти человек. Неужели во всем Джессоре не нашлось еще хоть пятидесяти молодцов? А слон, которого прислали за раджей Рамчон-

дро? По мнению шута Ромаи, тучный министр был куда представительней этого животного.

— О господин, верблюды, я думаю, младше вас?.. — обратился к министру Ромаи.

— Это не верблюд, а слон, — удивился простодушный министр.

— Слоны, на которых ездят ваши министры, больше этого, — обиженно сказал раджа, указывая на присланного ему слова.

— Большие слоны отосланы по делам раджи, в городе ни одного не осталось, — оправдывался министр.

«Конечно, их отослали, желая оскорбить меня, — решил Рамчондро! — Какая же еще могла быть причина!» И, покраснев от гнева, он воскликнул:

— Неужели я менее знатен, чем Протападитто Рай?!

— Вы уступаете ему разве что в возрасте да в родственных связях, — вставил шут. — Ведь то, что вы женились на его дочери...

Стоявший Раммохон Мал не мог больше терпеть шуток Ромаи и гневно вскричал:

— Вы перешли все границы! Не смейте говорить так о моей госпоже! Надеюсь, вы поняли, что я хотел сказать.

Тогда, направляя удар против Протападитто, Ромаи сказал:

— Я видел множество таких солнц. Но махараджа знает, что слуга Рамчондро способен скрыть такое солнце под мышкой.

Раджа ухмыльнулся. Раммохон медленно подошел к радже и, почтительно сложив руки, произнес:

— Махараджа, мне невыносимо слышать, как это ничтожество говорит все, что ему вздумается, о вашем тесте. Прикажете, и я заставлю его замолчать.

— Успокойся, Раммохон, — сказал раджа.

Раммохон молча удалился.

Рамчондро припомнил множество мелких обид и решил, что Протападитто давно искал случая опозорить его. Самолюбие заговорило в нем. Впредь он будет вести себя с Протападитто так, чтобы тот понял, как велик и могуществен его зять.

Наконец произошла встреча Протападитто с Рамчондро Раем. Владыка Джессора сидел с министром в своих

покоях. Рамчондро Рай, склонив голову, медленно подошел к нему и низко поклонился. Не выражая ни радости, ни волнения, Протападитто очень сдержанно произнес:

— Как чувствуете себя?

Рамчондро тихо ответил:

— Благодарю, хорошо.

Протападитто снова обратился к министру:

— Вы рассмотрели жалобу, поступившую на сборщика податей района Бхангаматхи?

Министр достал длинный лист бумаги и подал его радже. Тот начал читать. Пробежал несколько строчек и поднял наконец глаза на зятя.

— Ну что, нет у вас наводнения, как в прошлом году?

— Благодарю вас, нет. Правда, в месяце ашшин вода стала прибывать, но...

— Я надеюсь, вы сняли копию с этого письма, — сказал Протападитто, обращаясь к министру, и снова углубился в чтение. Только прочитав письмо до конца, он вспомнил о зяте.

— Ну что ж, идем, брат, на женскую половину.

Рамчондро поднялся. Он понял, насколько Протападитто величественнее его!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Бибха очень обрадовалась, когда Раммохон Мал пришел на женскую половину и, поклонившись ей, произнес: «Ма, вот я и пришел навестить тебя».

Она любила Раммохона. По своим делам Раммохон частенько навещался в Джессор и всегда старался выбрать время, чтобы провести Бибху. Бибха чувствовала себя с Раммохоном легко и свободно. Когда этот старый, но все еще могучий великан называл ее «ма», ощущение душевной чистоты, нежности и искренности поднималось в ней с такой силой, что ей казалось, будто она совсем маленькая девочка.

— Ты почему так долго не приходил? — спросила Бибха.

— Плохих матерей не бывает, ма, бывают лишь плохие сыновья. А что ты думаешь обо мне? Я сказал себе:

«Не пойду к ма до тех пор, пока она не позовет меня. Интересно, сколько дней она обо мне не вспомнит». Но ты ни разу не вспомнила...

Бибха попала в крайне затруднительное положение. Она не могла объяснить, почему не звала его. Однако и с тем, что сказал Раммохон, не могла согласиться, ведь она все время помнила о своем верном друге. Но как убедить его в этом, не знала. Заметив смущение Бибхи, Раммохон рассмеялся.

— Нет, нет, ма, я не приходил оттого, что не было времени.

— Садись, Мохон, расскажи мне о твоей стране.

Раммохон сел и начал рассказывать ей о Чондродипе. Подперев щеку рукой, Бибха внимательно слушала. Трудно описать, сколько воздушных замков строила Бибха и какие мечты рождали в ее душе рассказы о Чондродипе. Сердечко ее сжималось от страха, когда Раммохон говорил о том, как в прошлый сезон дождей затопило его дом и пристройки. Уже в сумерки он с матерью на спине вплавь добрался до башни храма, и оба провели там всю ночь. Кончив рассказывать, Раммохон решил порадовать свою любимицу.

— Ма, я принес для тебя браслет из четырех нитей ракушек. Надень его, — я посмотрю, хорошо ли.

Бибха сняла золотой браслет, надела подаренный Раммохоном и, смеясь, побежала к матери.

— Ма, Раммохон велел снять твой браслет и надел мне вот этот, из ракушек.

— Что же, этот браслет очень красив, — ничуть не рассердившись, с улыбкой промолвила рани.

Раммохон воодушевился, гордость заговорила в нем. Рани позвала его к себе и сама принялась угощать разными кушаньями. Когда Раммохон с аппетитом отведал всего, она, чрезвычайно довольная, сказала:

— Спой мне песню «Агомони».

И Раммохон запел, не сводя глаз с Бибхи:

Дорогая, я год не видалась с тобой,
И разлука была не легка мне.
Я без звездочек-глаз твоих стала слепой,
Наконец, ты явилась из камня.
Я ждала, я хотела тебя увидеть, —
Слезы льются из глаз, не могу их унять.

На глазах Раммохона показались слезы. Рани, глядя на Бибху, тоже потихоньку вытирала глаза. Эта песня напомнила ей о том, что и для нее скоро наступит день Биджоя.

Сгущались сумерки. На женской половине стали собираться женщины, живущие во дворце. Пришли и соседки посмотреть на зятя и, как издавна заведено, посмеяться над ним. Самые разнообразные чувства теснились в сердечке Бибхи: радость, стыд, опасения и какая-то неуверенность. Ее терзали сомнения, томила неизвестность. Лицо ее пылало, ноги и руки были холодны. Что ждет ее — беда или счастье?

Наконец появился и сам зять. Рой красавиц направил на него свои жала. Со всех сторон раздавались смешки. Из нежных уст неслись ядовитые шутки. Руки, подобные стеблю лотоса, больно хлестали. Прекрасные пальчики с острыми ноготками, напоминавшими цветы чампак, остро царапали. Когда Рамчондро Рай совсем уже приуныл, к нему подседа какая-то пожилая женщина и грубым голосом начала говорить такие дерзкие слова и употреблять такие блестящие выражения, что все остальные женщины, даже Тхако-диди, умолкли, а Бимола-диди вышла из комнаты. Лишь одна мать Бхуто ответила ей крепким словом. Но женщина не упималась.

— О мать матерей, у тебя не язык, а помело.

Мать Бхуто не растерялась.

— А твой язык что грязная помойка, сколько ни чисти ее — все равно останется грязной. — С этими словами она ушла.

Вскоре и остальные женщины одна за другой покинули комнату. А виновница их ухода направилась в покои рани, которая в это время кормила слуг. Раммохон тоже был здесь. Грубиянка подошла к рани и, всматриваясь в нее, воскликнула:

— Ах, да это ведь мать Равана.

Услышав голос женщины, Раммохон вздрогнул и пристально посмотрел на нее. Затем, оставив еду, вскочил, будто тигр, руки его сжались в кулаки и громовым голосом он закричал:

— Я знаю этого господина!

Раммохон сдернул покрывало с лица женщины: это

был не кто иной, как шут Ромаи. Раммохон дрожал от гнева. Затем он сорвал с себя чадор и с возгласом: «Сегодня твоя жизнь в моих руках», — поднял Ромаи высоко в воздух и уже приготовился швырнуть его наземь, как вдруг подбежала рани.

— Что ты делаешь, Раммохон?

Ромаи жалобно простонал:

— Смилуйся, отец, не убивай брахмана!

Поднялся невообразимый шум. Раммохон, отпустив Ромаи, сказал дрожащим от гнева голосом:

— Негодяй! Как только тебя земля носит!

— Махараджа приказал мне, — пропищал Ромаи.

Раммохон не выдержал.

— Как ты смел так сказать, неблагодарный? Да я разmozжу тебе череп.

И он схватил шута за горло. Шут взвыл от боли. Тогда Раммохон завернул его в чадор и, словно мешок, вынес вон из комнаты. Происшествие быстро облетело дворец. Было уже за полночь, когда к Протападитто вошел шурип. Он сообщил, что зять явился на женскую половину вместе с шутком, переодетым в женское платье, и что шут насмехается над дворцовыми женщинами и даже над самой рани.

Протападитто стал страшен от гнева — он весь дрожал. Как разъяренный лев, вскочил он с постели.

— Позвать ко мне сардара Лочхмона!

Сардар не заставил себя ждать.

— Сегодня ночью Рамчондро Рай должен быть обезглавлен, — сказал Протападитто.

— Будет исполнено, махараджа, — с поклоном ответил сардар.

В то же мгновение шурип упал на колени перед Протападитто.

— Махараджа, смилуйтесь, подумайте о Бибхе, не делайте этого!

Но Протападитто был неумолим.

— Сегодня ночью Рамчондро Рай должен быть обезглавлен.

— Махараджа, сегодня молодые спят на женской половине. Будьте милосердны, сжальтесь над ними, — умолял шурип раджу.

— Слушай, Лочхмон, — сказал раджа, немного подумав, — завтра утром, когда Рамчондро Рай выйдет с женской половины, схватишь его и исполнишь мой приказ.

Шурин и представить себе не мог, когда шел сюда, что все так обернется. Осторожно пробравшись к спальне Бибхи, он постучал в дверь. На башне пробило полночь.

Эти доносившиеся издалека звуки, нарушавшие безмолвие ночи, навевали сладостные мечты, серебряный свет лился через открытое окно, освещая ложе. Рамчондро крепко спал. Бибха сидела молча в глубокой задумчивости. Из глаз ее одна за другой катились слезинки. Как обидно! Все созданное воображением в действительности представилось совсем иным. Душа ее рыдала. Вот и наступил день, которого она так долго ждала.

С тех пор как Рамчондро очутился в постели, он не сказал Бибхе ни слова. Протападитто оскорбил его — чем он мог отомстить джессорскому владыке? И Рамчондро отверг Бибху. Пусть знает, что хоть она и дочь джессорского махараджи, но ей не место возле Рамчондро Рая, раджи Чондродипа! Решив так, он лег на бок и больше уже не поворачивался. Всю свою обиду он выместил на Бибхе.

В задумчивости Бибха смотрела то на луну, то на лицо мужа и тяжело вздыхала. Душа болезненно ныла. Внезапно Рамчондро проснулся и сразу же увидел, что Бибха плачет. Воспоминание о перенесенном оскорблении еще не ожило, к Рамчондро вернулось хорошее расположение духа, гнев исчез, и при виде заплаканного нежного и юного личика жены в душе его проснулось сострадание. Он нежно взял Бибху за руку.

— Бибха, ты плачешь?

Она смутилась и не в силах ничего ему ответить, не поднимая глаз, прилегла на постель. Тогда Рамчондро сел, осторожно положил ее голову к себе на колени и вытер ей слезы. Вдруг раздался стук в дверь.

— Кто там? — крикнул Рамчондро.

— Откройте, скорее откройте!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Распахнув двери, Рамчондро вышел из опочивальни. Брат рани Ромапоти сказал:

— Беги сейчас же, ни минуты не медли.

Раджа вздрогнул, услышав среди ночи такие слова. Лицо его побелело.

— В чем дело?! Что случилось?! — тревожно спросил он.

— Я не могу ничего говорить, но ты должен бежать немедленно!

— Дядя, что случилось? — испуганно спросила Бибха, подходя к дверям.

— Не к чему, Бибха, тебе знать об этом, — ответил Ромапоти.

Сердце Бибхи затрепетало. Она тотчас подумала о Бошонто Рае и Удоядитто.

— Дядя, сейчас же скажи, что произошло! — закричала она.

Ромапоти не знал, что ответить. Он шепнул Рамчондро:

— Мы только время зря тратим. Лучше подумаем о том, как бежать.

В душу Бибхи вдруг закралось ужасное подозрение. Преградив путь дяде, который порывался уйти, она взмолилась:

— О, припадаю к твоим ногам. Скажи, что случилось!

Ромапоти с опаской оглянулся.

— Не поднимай шума, Бибха, молчи! Сейчас все расскажу.

Бибха едва не закричала, когда узнала правду, но Ромапоти поспешно закрыл ей рот рукой.

— Молчи! Тише! Ты все испортишь!

С трудом сдерживая рыдания, Бибха бессильно опустилась на постель. Рамчондро Рай встревожился.

— Что же делать? Какой дорогой бежать? Ведь места эти мне незнакомы!

— Сегодня ночью стража вся начеку. Пойду разведу обстановку, тогда и решим, что делать, — предложил Ромапоти. Он хотел уйти, но Бибха схватила его за руку:

— Не уходи! Останься с нами!

— Ты сошла с ума, Бибха! — воскликнул Ромапотти. — Если я останусь с вами, откуда ждать помощи? Я скоро вернусь.

Собравшись с силами, Бибха поднялась. Однако ноги не слушались ее.

— Дядя, побудь здесь, я сейчас сбегаю к старшему брату. — И она поспешила в покои Удоядитто.

Узкий серп луны вот-вот должен был скрыться за горизонтом. Тьма наступала на мир, овладевая им шаг за шагом. Рамчондро стоял в дверях спальни и смотрел перед собой. На женской половине все погрузилось в безмятежный сон. Нигде не слышно было ни звука. Длинная тень от дворца накрыла почти всю площадь; лунное сияние озаряло на ней лишь узенькую полосу, но и эта полоска становилась все уже и вскоре совсем исчезла. Мрак быстро сгущался. Он добрался уже до кокосовых пальм в саду, готов был поглотить Рамчондро. И вдруг молодому радже почудилось, будто в этой таинственной тьме его подстерегает опасность. Но откуда, с какой стороны? Может быть, в одном из углов стоит кто-то с кинжалом в руке, завернувшись в чадор? Или убийца спрятался в опочивальне? Под кроватью? Рамчондро задрожал как в лихорадке, лоб его покрылся испариной; на какой-то миг ему представилось, что и Ромапотти явился сюда со злым умыслом, и он отодвинулся от дяди. Подул ветерок и загасил светильник в комнате. «Это сделал человек, — подумал Рамчондро. — В комнате кто-то есть». — И он, снова приблизившись к Ромапотти, позвал его:

— Дядя...

— Что, друг? — откликнулся тот.

«Лучше бы Бибха осталась здесь, — подумал про себя Рамчондро, — дяде нельзя доверять».

А Бибха, придя к Удоядитто, так расплакалась, что ничего не могла сказать. Шурома усадила ее.

— Что случилось, Бибха?

Но Бибха только рыдала, судорожно обнимая Шурому. Удоядитто нежно погладил сестру по голове.

— Ну скажи наконец, что произошло?

Она взяла брата за руки.

— Дада, идем со мной, — там все узнаешь.

Втроем подошли они к спальне Бибхи. У дверей стояли Рамчондро Рай и Ромапоти.

— Что случилось, дядя? — поспешно спросил Удоядитто.

Ромапоти обо всем рассказал. Широко открыв глаза от удивления, Удоядитто взглянул на Шурому.

— Я сейчас же пойду к отцу. Не позволю ему совершить это злодеяние, ни за что!

— А поможет ли это? — выразила сомнение Шурома. — Не лучше ли послать за дедом?.. Может, он что-нибудь придумает.

Молодой раджа согласился.

Бошонто Рай спал глубоким сном. Едва он проснулся и увидел Удоядитто, как решил, что уже утро, и тотчас же весело запел:

В рощах цветов ароматных расцвет,
в косах же — их увяданье.
Льется каскадами солнечный свет,
но спрятаны в сердце желанья.

— Дедушка, беда! — прервал его Удоядитто.

Бошонто Рай сразу же перестал петь и, подойдя к Удоядитто, взволнованно спросил:

— Что случилось? С кем беда?

Удоядитто все рассказал. Бошонто Рай опустился на постель. Он посмотрел на молодого раджу и, покачав головой, произнес:

— Как же так, неужели это возможно?

— Медлить нельзя, идем сейчас же к отцу.

Бошонто Рай встал и пошел за Удоядитто, повторяя про себя: «Как же так? Что же это?»

Едва они вошли в покои Протападитто, Бошонто Рай заговорил:

— Протап, разве это возможно?

Протападитто еще не ложился. На какую-то долю секунды ему показалось, что нужно вернуть сардара Лочхмона. Но эта мысль тотчас же исчезла: разве Протападитто отдавал когда-нибудь приказание дважды? Разве могут одни и те же уста отдать приказ и отменить его? Не пристало Протападитто играть властью. Но как же Бибха? Ведь она останется вдовой! Ну, а что, если бы

Рамчондро вздумалось вдруг прыгнуть в огонь? Ведь и тогда Бибха стала бы вдовой. Рамчондро сам ринулся в пламя гнева джессорского владыки. Бибха должна стать вдовой! Иного выхода нет!.. И все же имеет ли право он, Протападитто, так поступать?.. Однако стоило ему вспомнить о происшедшем, как гнев с новой силой охватывал его, он мечтал, чтоб поскорее прошла ночь. В этот момент и вошел взволнованный Бошонто Рай. Он озабоченно взял Протападитто за руку и проговорил:

— Протап, разве это возможно?

Протападитто вспыхнул.

— А почему бы нет?!

— Он же дитя неразумное, разве достоин он твоего гнева?

— Дитя! В его возрасте уже пора понимать, что, если сунешь в огонь руку, — обожжешься. Дитя! Какого-то умалишенного брахмана, покинутого богиней Лакшми, который скалит зубы при дураках, лишь бы заработать на пропитание, переодел в женское платье и привел к моей жене, чтобы посмеяться над ней! Сделать это у него достало ума, а подумать, к чему это приведет, — не хватило. Так вот, когда у головы не хватает ума управлять телом, она должна покинуть тело.

Протападитто дрожал от гнева, он стал еще решительнее, нетерпение его росло.

Бошонто Рай покачал головой.

— И все-таки он дитя, он ничего еще не понимает.

— Уважаемый дядя! — не выдержал Протападитто. — Если б ты понимал, как опозорен род Раев из Джессора, разве смог бы ты возложить тюрбан могольского императора на свои седины? Оттого что ты ходишь с высоко поднятой головой, гордясь милостивым отношением к тебе делийского императора, голова Протападитто совсем поникла. Ты носишь на своем лбу грязь с ног чужеземцев. Но тебе и этого мало. Ты готов был зарыть свою никчемную голову в прах от их ног, да всевышний воспрепятствовал этому. Я говорю с тобой откровенно. Ты не понимаешь, как опозорен род Раев, нет!.. Еще пришел вымаливать пощаду тому, кто унижил нас.

— Протап, я все понимаю, — спокойно отвечал Бошонто Рай, — но ты всегда торопишься опустить меч на голову человека. Случай спас меня от твоего меча. Теперь его жертвой должен стать другой. Хорошо, Протап, если неугасимый гнев заглушил в душе твоей милосердие, — убей лучше меня! Вот голова твоего дяди, — Бошонто Рай опустил голову. — Если это доставит тебе удовольствие — возьми ее. Неси меч. На голове моей нет волос, с лица исчезла юношеская красота. Яма призывает меня к себе — я готов.

Лицо Бошонто Рая осветила нежная улыбка.

— Протап, подумай о Бибхе. Она ведь родная нам. Когда из глаз ее польются слезы... — Не в силах продолжать, Бошонто Рай глубоко вздохнул и, рыдая, воскликнул: — Протап, убей меня! Если я останусь жить, не будет мне счастья. Убей меня прежде, чем я увижу ее слезы.

Протападитто слушал молча. Когда Бошонто Рай кончил, он медленно поднялся и ушел. Ему было ясно, что замысел его раскрыт. Сойдя вниз, Протападитто позвал стражу и велел перегородить ров, окружавший дворец, огромными стволами саловых деревьев. В этом рву находилась лодка Рамчондро Рая. Затем он отдал приказ никого не выпускать сегодня ночью с женской половины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Бошонто Рай вернулся на женскую половину, его встретила плачущая Бибха. Со слезами на глазах Бошонто Рай схватил Удоядитто за руку.

— Сын мой, придумай что-нибудь!

Рамчондро Рай с беспокойством взглянул на них.

Удоядитто взял меч.

— Идите все за мной! А ты, Бибха, останься здесь. Но Бибха не соглашалась.

— Пусть идет с нами, — сказал Рамчондро.

В безмолвии ночи они осторожно двинулись за Удоядитто. Казалось, страх отовсюду протягивает к ним свои невидимые руки. Рамчондро с опаской озирался кругом. Все сильнее и сильнее росло в нем недоверие к Рома-

потом. Наконец они подошли к двери, ведущей из дворца. Она была заперта.

— Дада, внизу есть запасная дверь, та, наверно, открыта. Идемте туда, — произнесла срывающимся от волнения голосом Бибха.

Стали спускаться по длинной темной лестнице. Рамчондро казалось, что внизу находится нора царя змей Васуки, а эта лестница ведет прямо в ад.

Однако и внизу дверь была заперта. Снова поднялись вверх, снова и снова толкались в каждую дверь, но все пути были отрезаны.

Убедившись, что выйти нет никакой возможности, Бибха смахнула слезы и, взяв мужа за руку, повела в свою спальню. Решительным шагом подошла она к двери и твердо сказала:

— Посмотрим, кто посмеет вывести тебя из этой комнаты. Я пойду с тобой, куда бы ты ни направился. И никто не помешает мне!

— Пока я жив, никто не войдет в эту комнату, — сказал Удайдитто, встав у дверей.

Не говоря ни слова, Шурома, а следом за ней и Бошонт Рай стали рядом с Удайдитто. Медленно подошел Ромапотти. Но Рамчондро Рая несколько не радовали эти приготовления. «Для Протападитто нет ничего невозможного, — думал он. — На Бибху и Удайдитто нельзя надеяться. Во что бы то ни стало мне нужно выбраться из этого дома».

Спустя некоторое время Шурома шепнула Удайдитто:

— Мне кажется, оставаться здесь нет никакого смысла. Напротив, чем больше мы будем препятствовать отцу, тем непреклонней он будет в своем намерении. Надо найти путь, как выбраться из дворца сегодня же ночью!

Удайдитто задумчиво посмотрел на Шурому.

— Пойду разведать, нельзя ли пробиться силой.

— Иди! — ласково и вместе с тем решительно кивнула головой Шурома.

Сбросив верхнюю одежду, молодой раджа вышел из комнаты Бибхи. Шурома следовала за ним, держась на некотором расстоянии. Наконец они остановились. Шурома обняла мужа, и он запечатлел на ее губах долгий

поцелуй. Затем быстро пошел прочь. Шурома вернулась к себе. Здесь мужество покинуло ее и слезы хлынули из глаз горячим потоком. Молитвенно сложив руки, она с отчаянием в голосе произнесла:

— О ма, если я преданная, верная своему долгу жена, то защити моего мужа от неутолимого гнева его отца. Только в надежде на тебя я благословила его на опасность. Если же ты предашь меня, никто в целом мире не станет больше верить тебе.

Вокруг царил мрак.

— Ма, о ма! — рыдая, повторяла Шурома, однако богиня не слышала ее.

Молодая женщина мысленно украшала ноги богини цветами, но ей казалось, что богиня не принимает их.

Шурома разрыдалась.

— За что, ма, в чем я провинилась?

Ответа не последовало. Шуроме померещилось, будто где-то совсем близко бродит призрак смерти, и она напряженно вглядывалась в темноту. Наконец одиночество стало невыносимо, и она почти бегом отправилась к Бибхе.

— Сколько времени прошло, а Удоядитто все нет. Уж не попал ли он в беду? — встревоженно произнес Бошонт Рай.

Шурома в изнеможении прислонилась к стене.

— Все в руках всевышнего.

Рамчондро Рай в душе проклинал Раммохона. Если бы не он, ничего не случилось бы.

Раджа уже искал в своей памяти самое страшное наказание для него, но тут же подумал, что вряд ли для этого представится случай.

А в это время Удоядитто с мечом в руках прошел через женскую половину и громко постучал в закрытую дверь.

— Эй, кто там?! Открывайте!

Снаружи ответили:

— С вашего разрешения, это я, Шитарам.

— Открывай быстрее!

Дверь тотчас же отворилась, но как только Удоядитто переступил порог, Шитарам умоляюще сложил руки.

— Молодой господин, смилуйтесь! Сегодня ночью велено никого не выпускать с женской половины.

— Шитарам, неужели ты поднимешь на меня руку?! — И Удоядитто обнажил меч.

— Нет, раджа, я не осмелюсь этого сделать. Вы дважды спасли мне жизнь. — И Шитарам склонился перед Удоядитто в глубоком поклоне.

— Что же ты будешь делать? Решай быстрее — времени нет.

— Вы дважды даровали мне жизнь, так не отбирайте ее теперь. Обезоружьте меня, свяжите — иначе махараджа отрубит мне голову.

Удоядитто забрал у Шитарамы оружие, связал стражника и двинулся дальше. Неподалеку находилась невысокая стена, в которой была дверь, ведущая с женской половины дома на улицу. Но и она оказалась запертой. Раджа не стал стучаться, а вскочил прямо на стену. Он увидел, что стражник, прислонившись к стене, безмятежно спит. Раджа осторожно спустился вниз, навалился на стражника, отобрал у него оружие и закинул подальше. Затем связал растерянного и даже не сопротивляющегося стражника, отобрал у него ключ и отпер дверь. Лишь тогда стражник опомнился и удивленно спросил:

— Что вы делаете, молодой раджа?

— Открываю дверь...

— А что я завтра отвечу махарадже?

— Скажешь, что молодой раджа связал тебя и открыл дверь. Сделаешь так — тебя не накажут.

Затем Удоядитто вошел в дом, отведенный людям Рамчондро Рая. Но там он нашел лишь Раммохона и шута. Остальные, поужинав, отправились в лодку. Молодой раджа осторожно коснулся Раммохона. Тот вздрогнул и вскочил. Затем спросил удивленно:

— Молодой раджа?

— Выйдем отсюда!

Когда они вышли, Удоядитто все рассказал Раммохону. Тот накинул на голову чадор, схватил дубинку и гневно произнес:

— Посмотрим, чего стоит сардар Лочхмон. Молодой раджа, веди ко мне нашего махараджу. Я один вот этой дубинкой смогу обратить в бегство целую сотню людей.

— Я с почтением отношусь к твоей силе, но у махараджи Джессора не сотня людей, а побольше. Ты

один ничего не сделаешь, — нужно придумать что-то другое.

— Хорошо, веди сюда махараджу. Когда он будет рядом со мной, я скорее придумаю что-нибудь.

Удоядитто отправился на женскую половину и позвал Рамчондро. Вместе с ним пришли и все остальные. Едва Рамчондро увидел Раммохона, как в ярости закричал:

— Прочь с глаз моих, старый болван! Ты ответишь мне за это! Если только мы выберемся отсюда благополучно, можешь убираться куда хочешь. Я не желаю больше тебя видеть.

Раммохон умоляюще сложил руки. У Рамчондро перехватило дыхание. Он так любил Раммохона, — ведь старик вынянчил его.

— Как же ты прогонишь меня, махараджа? Эту службу дал мне всевышний. И только он может отнять ее в тот день, когда меня призовет Яма. Как бы ты ни поступил со мной — я твой слуга.

И Раммохон встал рядом с Рамчондро, готовый его защищать.

— Ну, Раммохон, придумал ты что-нибудь? — спросил его Удоядитто.

— С вашего позволения, эта дубинка спасет нас. А мужество нам пошлет мать Кали.

Удоядитто пожал плечами.

— Это не дело. Ладно, Раммохон, в какой стороне ваша лодка?

— Там ров есть. Вот в нем и находится наша лодка.

— Тогда идемте на крышу.

— Да, вы правы, нужно идти именно туда, — сказал Раммохон, что-то решив про себя.

Все поднялись на крышу дворца, который был в двадцать локтей высотой, и увидели невдалеке лодку Рамчондро. Она действительно находилась во рву.

— Пусть господин сядет мне на спину, и я спрыгну с ним вниз, — предложил Раммохон.

Бошонто Рай испуганно воскликнул:

— Нет, нет! Разве можно! Ты не должен так рисковать!

— Нет, Мохон, что ты говоришь! — закричала Бибха.

— Я не согласен, — произнес Рамчондро.

Тогда Удоядитто ушел и вскоре вернулся с несколькими чадорами из грубой ткани. Раммохон связал их вместе, и получилось нечто вроде длинного каната. Один конец его Раммохон привязал к небольшому столбику на крыше дворца, а другой спустил с крыши над лодкой.

— Махараджа, — сказал Раммохон, — садитесь мне на спину и держитесь покрепче, я спущусь с вами вниз. Выхода не было, и Рамчондро согласился.

Раммохон поклонился всем по очереди и воскликнул: — Да здравствует мать Кали!

Рамчондро крепко обхватил верного слугу за спину и зажмурился от страха. На прощанье Раммохон крикнул Бибхе:

— Ма, я отправляюсь. Пока у тебя есть сын, тебе не о чем беспокоиться.

Раммохон ухватился за канат. Бошонто Рай, закрыв глаза, молился: «Дурга, о Дурга!»

Спустившись по канату, Раммохон, чтобы освободить руки, вцепился в него зубами. Затем снял Рамчондро со спины, опустил его в лодку и сам прыгнул вниз. Рамчондро тут же потерял сознание. А Бибха, увидев мужа в лодке, вздохнула с облегчением и тоже упала в обморок.

Удоядитто взял на руки потерявшую сознание Бибху и понес ее на женскую половину дома. Шурома пошла за ним. Ласково коснувшись руки мужа, она спросила:

— Что будет с тобою теперь?

— Я не о себе думаю, — ответил Удоядитто.

Между тем лодка, проплыв немного, вдруг остановилась: ров был перегорожен огромными стволами деревьев. В это время кто-то из стражников заметил лодку. В беглецов полетели камни, — к счастью, они не долетали до цели. Мечи у стражников в руках не могли заменить ружья. Кто-то принес ружье, но не было огнива. Пока стражники бегали в поисках пороха и пуль, Раммохон со слугами перетащил лодку через бревна, и они поплыли дальше. Один из стражников пошел за лодкой, чтобы догнать беглецов, но по дороге он выкурил трубку в лавке Хоримуди, поднял с постели Рамшонкора и потребовал, чтобы тот сейчас же уплатил ему долг. Когда же наконец он привел лодку, было поздно. На все упреки стражник отвечал:

— Я не лошадь, быстрее не мог.

На ругань ушло еще больше времени, чем на поиски лодки, и догнать беглецов стало совсем невозможно.

Когда Рамчондро со своими спутниками достиг реки Бхойроб, Форнандидж встретил их залпом из пушки.

Этот выстрел разбудил Протападитто, задремавшего перед самым рассветом.

— Стража! — закричал он.

Но никто не отозвался: стража, охранявшая покои раджи, сбежала еще ночью.

— Стража! — еще громче закричал Протападитто.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Так никто и не явился на зов раджи, и он, покинув ложе, стремглав выбежал из комнаты.

— Министр! — крикнул он.

Кто-то из слуг бросился бежать на женскую половину за министром.

— Куда делась стража? — закричал Протападитто, когда тот наконец явился.

— Стражники, охранявшие внешние ворота, исчезли. — Министр чувствовал, что над его головой вот-вот разразится гроза, поэтому решил сказать правду. Всякие увертки и нерешительность лишь подлили бы масла в огонь.

— А стража онтохпура на месте?

— Они лежат связанные.

Министр действительно ничего не знал о ночном происшествии. Он и представить себе не мог, что произошло, но понимал: случилось непоправимое. Однако спросить о чем-либо махараджу было сейчас невозможно.

— Где Рамчондро? Где Удоядитто? Где Бошонто Рай? — в гнев кричал Протападитто.

— Кажется, они на женской половине, — неуверенно произнес министр.

— Кажется! Я требую точного ответа. Мало ли что может казаться!

Министр молча вышел. Обо всем случившемся он узнал от Ромапотти. Особенно встревожило его то, что

Рамчондро Рай бежал. Выйдя с женской половины дома, министр вдруг заметил шута, который сидел у дверей.

— А, министр Джамбаван! — стал скалить зубы Ромаи.

Но министр даже не обратил внимания на гримасу шута, которая всегда так веселила придворных Рамчондро. Ничего не ответив на приветствие, он лишь коротко приказал слуге:

— Взять его!

«Приведу-ка я к Протападитто этого человечка, — подумал он. — Должен же махараджа излить свой гнев на кого-нибудь, так пусть гроза сломит маленькое деревце, зато большие будут спасены».

Как только Протападитто завидел Ромаи, он пришел в неистовство, тем более что шут, желая доставить удовольствие махарадже, оскалил зубы, скорчил гримасу и приготовился сказать какую-то остроту. Не выдержав, махараджа тотчас же вскочил и, в страшном гневе размахивая руками, закричал:

— Убирайся вон! Уведите его отсюда! Кому пришло в голову привести его ко мне?!

Все это кончилось бы печально для шута, если бы к гневу махараджи не примешалось еще и чувство отвращения: как известно, чтобы избить человека, к нему нужно прикоснуться! Ромаи тотчас же вывели.

— Махараджа, ваш зять... — начал министр.

— Рамчондро Рай! — Протападитто нетерпеливо топнул ногой.

— Да. Этой ночью он бежал из дворца.

Протападитто даже подскочил.

— Бежал?! А где была стража?!

— Стражники, охранявшие внешние ворота, тоже бежали, — повторил министр.

Протападитто сжал кулаки.

— Бежали! Куда они могли убежать? Немедленно разыскать их! Позови ко мне стражников, охранявших женскую половину.

Министр вышел.

Было еще темно, когда Рамчондро Рай покинул дворец. Удайдитто, Бошонто Рай, Шурома и Бибха в эту ночь больше не ложились. Подавленная горем Бибха

сидела молча, глаза ее были сухи. Шурома ласково гладила ее голову. Удоядитто и Бошонто Рай тоже молчали. В комнате было еще темно: с трудом можно было разглядеть лица друг друга. Казалось, будто рядом тяжело вздыхает кто-то невидимый и мрачный. Всегда жизнерадостный, Бошонто Рай и тот пригорюнился. Он то и дело потирал свою лысину и оглядывался по сторонам. «Как все это ужасно», — думал он. Мысли его путались, и он никак не мог сосредоточиться. Случившееся представлялось ему каким-то кошмарным сном. Несколько раз он брал Удоядитто за руку и печально говорил:

— Сын мой!

— Что, дедушка? — спрашивал Удоядитто.

Но Бошонто Рай не отвечал. В этом «сын мой!» соединились тысячи неясных вопросов его измученного, ошеломленного сердца, хотя смысл их заключался всего в нескольких словах: «Что же это происходит?» Тьма туманила сознание старика, она что-то нашептывала ему, но он не мог ничего понять. В такую минуту любое слово Удоядитто явилось бы для него душевной поддержкой... Наконец Бошонто Рай произнес:

— Сын мой, не я ли виноват во всем происшедшем?

Все это время его неотступно преследовала мысль о том, что сам он, избежав смерти, явился виновником всех бед.

— Нет, дедушка, — с нежностью в голосе ответил юноша. Больше он не в силах был ничего сказать.

Опять наступило долгое, мучительное молчание. Через некоторое время Бошонто Рай снова воскликнул:

— Бибха! Девочка моя, почему ты ничего не скажешь?

Он подошел к ней и сел рядом. Однако Бибха продолжала молчать. Тогда он позвал:

— Шурома, Шурома!

Шурома подняла голову, взглянула на старика, но тоже ничего не ответила. Бошонто Рай снова стал потирать свою лысину. Он предчувствовал какую-то беду. Шурома гладила волосы Бибхи, однако, что творилось в сердце молодой женщины, знал лишь один всевышний. Она пыталась в темноте разглядеть лицо мужа. Удоядитто, прислонившись к стене, о чем-то думал. В глазах

Шуромы блеснули слезы — она потихоньку смахнула их, опасаясь, как бы Бибха не заметила, что она плачет.

Когда рассвело, Бошонто Рай облегченно вздохнул. Смутные подозрения покинули его душу. Теперь он мог все трезво оценить. Старик поднялся и вышел из комнаты. У дверей на женскую половину он увидел связанного Шитарам.

— Послушай, Шитарам, — обратился к нему старик, — когда махараджа спросит, кто связал тебя, скажи, что это сделал я. Он знает, что когда-то Бошонто Рай мог похвастаться силой, и поверит тебе.

Шитарам давно уже раздумывал над тем, что ответить Протападитто. Он не мог и помыслить о том, чтобы назвать имя молодого раджи, и решил свалить вину на некоего хромого, трехглазого, высокого, как пальма, призрака. И вот Бошонто Рай выручил его.

Старик направился ко второму стражнику.

— Бхагобото, когда Протападитто станет тебя допрашивать, скажи, что тебя связал Бошонто Рай.

Но в Бхагобото неожиданно заговорила честность, он почувствовал отвращение ко лжи. А все дело заключалось в том, что он был страшно зол на Удаядитто.

— Не приказывайте мне поступать подобным образом, — ответил стражник. — Не вводите меня в грех.

Бошонто Рай положил руку ему на плечо.

— Послушай меня, Бхагобото, в этом нет никакого греха. Солгать ради спасения хорошего человека — не значит поступить плохо. Ведь иначе я не просил бы тебя об этом.

Похлопав его по плечу, Бошонто Рай еще раз попытался объяснить Бхагобото, что не будет никакого греха в его лжи, однако никакие уговоры не помогали.

— Нет, махараджа, не могу я солгать господину!

— Бхагобото, послушай меня, я тебе все объясню... В этой лжи не будет никакого греха... — взволнованно продолжал Бошонто Рай. — Потом я отблагодарю тебя, запомни мои слова... А пока возьми вот это — я отдаю тебе все, что есть при мне.

Бхагобото мгновенно протянул руку, и через секунду деньги уже покоились у него в узелке дхоти. Бошонто Рай с облегчением вздохнул и вернулся к друзьям.

Обоих стражников позвали к Протападитто. Министр сопровождал их. С трудом подавляя в себе гнев, Протападитто сидел спокойный и сосредоточенный. Отчеканивая каждое слово, он спросил:

— Как случилось, что прошлой ночью двери на женской половине дворца оказались открытыми?

У Шитарам екнуло под ложечкой; почтительно сложив руки, он проговорил:

— Смилуйся, господин, я не виновен!

— Тебя не спрашивают, виновен ты или нет, — гневно нахмурившись, закричал махараджа.

— Если прикажете... — затараторил Шитарам, — я скажу... молодой раджа... молодой раджа связал меня и открыл двери.

Он сам не знал, как сорвалось у него это с языка. Ведь он совсем не хотел выдавать молодого раджу. Видно, от волнения проговорился.

И как раз в это время вошел Бошонт Рай.

— Я противился, но молодой раджа не стал меня слушать...

— Ай-ай, Шитарам, что ты сказал! Не бери греха на душу! Всевышний рассердится на тебя! — прервал его Бошонт Рай. — Удайдитто вовсе не виноват.

Шитарам торопливо воскликнул:

— Нет, нет, молодой раджа не виновен!

— Значит, ты виноват? — сурово спросил Протападитто.

— Нет, — пролетел Шитарам.

— Кто же?

— С вашего разрешения, молодой раджа...

Когда допросу подвергли Бхагобото, он рассказал все, как было, умолчав лишь о том, что его связали спящим. Бошонт Рай не знал, что придумать. Закрыв глаза, он лишь шептал про себя: «Дурга, о Дурга».

Обоих стражников было велено высечь и тотчас прогнать. Разве можно было доверить им охрану дворца после того, как они позволили связать себя?

Протападитто в упор посмотрел на Бошонт Рая, словно тот был всему виной, и прогремел:

— Этого я Удайдитто не прощу!

Махараджа не мог простить Бошонто Раю его беспредельную любовь к Удоядитто.

— Удой ни в чем не повинен, Протап, — поспешил вступить за внука старик.

— Не повинен, говоришь?! — вспыхнул Протападитто. — Тогда я накажу его еще более сурово... С какой стати ты пришел сюда и вмешиваешься в наши дела?

Чем горячее заступался за Удоядитто Бошонто Рай, тем сильнее отворачивалось от сына сердце Протападитто. Старик понял, что меч, занесенный над ним, может опуститься на голову Удоядитто, и умолк.

Через несколько минут Протападитто успокоился.

— Если бы Удоядитто имел свой ум, свое мнение, свои цели, во всем поступал самостоятельно, не было бы ему сегодня пощады, но я ведь знаю, что любовь может сбить этого дурака с толку, достаточно одного нежного взгляда, чтобы вскружить ему голову. Думаешь, я не знаю, откуда ветер дует? Нет, Удоядитто не заслуживает наказания. Но послушай, благородный дядюшка, если ты еще раз появишься в Джессоре и встретишься с ним, — я не ручаюсь за его жизнь.

Бошонто Рай долго сидел молча, затем медленно поднялся.

— Хорошо, Протап, сегодня вечером я уйду.

Не прибавив больше ни слова, старик с тяжелым вздохом покинул комнату.

Протападитто решил во что бы то ни стало удалить от Удоядитто всех, кто любит его, всех, кто на него влияет.

— Нельзя больше оставлять невестку во дворце, под каким-нибудь предлогом ее нужно отослать в дом отца, — сказал он министру.

Относительно Бибхи у него не было никаких подозрений, — как бы то ни было, она его дочь!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бошонто Рай вошел в покои Удоядитто и обнял внука.

— Сын мой, больше мы с тобой никогда не увидимся. Молодой раджа ласково взял Бошонто Рая за руки.

— Почему, дедушка?

Бошонто Рай все рассказал ему и промолвил сквозь слезы:

— Родной мой, все твои несчастья из-за меня, из-за того, что я люблю тебя. Поэтому я ухожу. И если я буду знать, что ты счастлив, это даст мне силы спокойно прожить мои последние дни.

— Я ни за что не соглашусь на это! — покачал головой Удоядитто. — Никто не сможет помешать нашим встречам. А если ты уйдешь навсегда, я не переживу этого.

— Протап не убил меня, но поступил еще более жестоко — он решил разлучить нас. Не жди меня больше, сын мой. Считай, что твой дед умер.

После этого печального разговора Удоядитто пошел в спальню к Шуроме, а Бошонто Рай отправился к Бибхе.

— Бибха, голубка моя, погладь еще раз голову старика, — сказал он, нежно взяв ее за подбородок.

Между тем Удоядитто обо всем рассказал Шуроме.

— Они словно сговорились отнять то немногое, что еще осталось у меня. Шурома, а вдруг и тебя отнимут? — И Удоядитто крепко сжал руку жены.

Шурома прильнула к Удоядитто и решительно произнесла:

— Это в силах сделать один лишь Яма, и никто другой.

В душу Шуромы давно уже закрался страх. Ей все время чудилось, будто какая-то жестокая рука хочет отнять у нее мужа. Изо всех сил обнимая Удоядитто, она говорила себе: «Я не оставлю его, никто не заставит меня покинуть мужа!»

— Никто на свете не сможет отнять у меня моего любимого, — произнесла она вслух и несколько раз повторила эту фразу. Шурома старалась найти в себе такую силу, которая помогла бы ей еще крепче соединить руки, обнимавшие мужа, и, повторяя про себя заветные слова, казалось, обретала в этом необходимую ей душевную силу.

Удоядитто печально посмотрел на жену и тяжело вздохнул.

— Шурома, мы никогда больше не увидимся с дедом.

Молодая женщина тоже вздохнула.

Раджа продолжал:

— Мне очень больно, но не во мне дело. Я думаю о том, что станет с дедом. Какие еще испытания уготовил ему создатель?

И Удоядитто стал рассказывать о Бошонто Рае. Вспоминал его слова, поступки. Сколько порывов доброго сердца Бошонто Рая, даже самых маленьких, сколько добрых дел, даже самых незначительных, словно жемчужины, хранил в своей памяти молодой раджа. И вот сегодня одну за другой он высыпал их перед Шуромой.

— Такого, как дед, на всем свете не сыщешь! — проговорила Шурома.

Вдвоем с Удоядитто они отправились в покои Бибхи. Бошонто Рай сидел рядом с Бибхой и напевал:

Опускается темная ночь...
О, не медли, скорей уходи.
Нужно чувства свои превозмочь,
Не буди их в душе, не буди.

Не осталось здесь больше друзей,
Замирают во тьме их шаги,
Так иди догоняй их скорей,
Здесь враги твои, только враги.

За спиной они камень таят,
Ты ж задумчиво смотришь во тьму.
Чей поймать ты пытаешься взгляд?
Не уходишь в свой край почему?

Когда Удоядитто с Шуромой вошли, Бошонто Рай, смеясь, сказал:

— Бибха не хочет расставаться со мной. Но зачем я ей нужен? Ведь я все равно что прокисшее молоко, от которого осталась одна сыворотка. Неужели за неимением молока Бибха готова довольствоваться сывороткой? Узнав, что я ухожу, Бибха расплакалась. Слышали вы когда-нибудь что-либо подобное? Я не могу видеть ее слез!

Час пришел, мы расстаться должны,
Слезы горя на наших глазах.
Мы с тобою навеки дружны,
Так зачем расставаться в слезах?

Не зови меня больше, дружок,
Ясным взором меня не смущай.
Здесь я не был с тобой одинок,
Но уйду одиноким в свой край.

— Посмотрите, посмотрите на Бибху! Бибха, если ты будешь плакать, то... — Не в силах продолжать, Бошонто Рай умолк.

Он шел к Бибхе, чтобы утешить ее, но не смог скрыть собственного горя. Быстро смахнув набежавшие на глаза слезы, он улыбнулся.

— Удой, ты только посмотри, и Шурома плачет. Сейчас же успокой ее, не то я сам останусь здесь и займу твое место. Заставлю эти нежные руки выдергивать из моей головы седые волосы, буду нашептывать беззубым ртом в эти ушки слова любви. И если случится невозможное, не вини меня.

Никто не ответил Бошонто Раю на его шутки, и он, опечаленный, взял в руки ситару. Зазвучала бурная мелодия. Но Бибха продолжала плакать, это мешало Бошонто Раю играть. Взор его затуманился. Он хотел сказать что-то, притворно поругать Бибху и всех присутствующих, но не мог вымолвить и слова, голос его дрожал, и старик отложил ситару.

Настало время прощания. Старик долго держал Удайдитто в своих объятиях и наконец сказал ему:

— Я ухожу, сын мой, и оставляю тебе на память эту ситару. Мне уже больше не играть на ней. Шурома, дружок, будь счастлива... Бибха... — Старик не мог продолжать, вытер слезы и сел в паланкин.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Хижина Монголы стояла на окраине города Джессора. Монгола сидела и перебирала четки. В это время к ней зашла Матонгини — служанка из дворца махараджи — с корзиной зелени в руках.

— Вот шла на рынок и подумала: давно не видела Монголы, зайду навещу ее. Только я ненадолго, дел много.

С этими словами она поставила корзину на пол и спокойно уселась.

— Помоги мне, сестрица, ты ведь знаешь, как он любил меня, этот парень. И никогда бы не разлюбил, если бы не эта ведьма. Не можешь ли ты сделать так, чтобы смерть пришла к ней на третью ночь?

У Монголы были всевозможные яды, которыми она могла умертвить кого угодно, все равно — животное или человека. Кроме того, она знала такие наркотические средства, за которые важные слуги из дворца махараджи оставляли в ее доме немало денег. Помочь Матонгини, умертвив ведьму в такой короткий срок, могла лишь Монгола.

Но, улыбнувшись про себя, Монгола подумала: «К чему спешить? Яма знает свое дело, и ведьма сама умрет». Но Матонгини она сказала:

— Покинуть такую красавицу, как ты, и отдать свое сердце другой! Он, видно, не очень-то разборчив. Но ты не беспокойся, он вернется к тебе. Твои глаза обладают такой волшебной силой, что перед ними трудно устоять. Но если и они не помогут, — вот тебе корень — дашь ему выпить с чем-нибудь. — С этими словами она протянула Матонгини высушенный корень и спросила: — Что нового во дворце?

Матонгини махнула рукой.

— Да разве это наше дело, подружка!

— Да, конечно, конечно, — поддакнула Монгола.

Матонгини растерялась. Она никак не думала, что Монгола так быстро согласится с нею. Она ждала, что Монгола будет ее упрашивать, но, поскольку этого не произошло, сама продолжила разговор:

— Однако я думаю, рассказать обо всем тебе — большого греха нет. Да вот беда: сегодня я очень занята, в другой раз как-нибудь расскажу, — сказала Матонгини, вовсе и не думая уходить.

— Ладно, в другой раз, — опять согласилась Монгола. Матонгини озадаченно посмотрела на нее.

— Тогда я пойду. И так засиделась, достанется мне от госпожи... Знаешь, подружка, приезжал зять нашего махараджи и в ту же ночь, не сказав никому ни слова, уехал.

— В самом деле? Ну разве я не говорила, что, если бы не ты, никогда бы я не знала, что делается во дворце. Матонгини растаяла.

— И знаешь, почему он уехал? Во всем виновата невестка нашего махараджи. У нее дурной глаз. Она знает какие-то заклинания, мужа своего сделала послушным, как овцу; она... Ах, нет, подружка, не дело это, еще кто-нибудь услышит. Скажут, что Матонгини разносит сплетни.

Монгола не могла больше скрывать своего любопытства, хотя знала, что, потерпи она еще немножко, и Матонгини сама все расскажет.

— Здесь никого нет, дорогая. Да и какое преступление мы совершим, если поболтаем немного? Так что сделала ваша госпожа?

— Она такого наговорила на дочь нашего махараджи, что муж ночью же покинул ее. Бедняжка так плакала! Махараджа пришел в страшную ярость. Он решил отправить невестку к отцу в Шрипур. Что это ты, подружка, улыбаешься? Разве я сказала что-нибудь смешное?

Разумеется, истинная причина бегства Рамчондро Рая была известна всем слугам дворца, но рассказывали об этом каждый по-своему.

— Скажи вашей матушке-госпоже, что нет нужды так поспешно отсылать невестку в дом отца. Монгола может дать такое снадобье, что сердце молодого раджи сразу же отвернется от жены.

И Монгола захохотала.

— Что ж, ладно, — согласилась Матонгини.

— А молодой раджа очень любит жену?

— Ах, и не спрашивай! Минутки не может прожить без нее! Стоит ей только кликнуть, как он бежит со всех ног.

— Хорошо, я дам зелье. Скажи, молодой раджа и днем с ней?

— Да.

— Что же это такое? А ты слышала, что она говорит радже? Видела, как обращается с ним?

— Нет, подружка, ничего я не слышала и не видела.

— Возьми меня как-нибудь с собой во дворец. Можешь? Мне надо взглянуть на них.

— А зачем это тебе, сестрица?

— Ну как ты не понимаешь?! Если бы я хоть разок посмотрела на них, то сразу бы поняла, что делать против ее заклинаний.

— Так и быть, проведу тебя сегодня во дворец, — сказала Матонгини и ушла со своей корзиной.

Едва Монгола осталась одна, как зубы у нее начали стучать, зрачки расширились, и она принялась что-то бормотать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Уже сгущались сумерки, когда Бошонто Рай покинул дворец. Бибха вышла на крышу. Она видела, как тронулся паланкин деда. Высунувшись из паланкина, Бошонто Рай обернулся и сквозь слезы, застилавшие ему глаза, в последний раз посмотрел на высокие мрачные стены, за которыми по-прежнему билось каменное сердце дворца.

Паланкин скрылся, а Бибха все смотрела на дорогу. Взошли звезды, зажглись светильники, на дороге не было ни души. Бибха продолжала молча смотреть вдаль...

Обойдя в поисках Бибхи весь дворец, Шурома наконец пришла на крышу. Она нежно обняла Бибху.

— Что ты здесь делаешь, милая?

— Да так... — со вздохом ответила Бибха.

Все теперь казалось Бибхе ненужным — из жизни ее ушло счастье. Она не могла понять, почему ей нужно войти в дом, а не выйти, почему нужно лечь спать, а не встать, зачем она часами бродит по комнатам. Дворец стал для нее чужим — словно она и не жила в нем. Стала чужой даже ее собственная комната, с которой были связаны воспоминания о детских играх, радостях и печалях, смехе и слезах. А теперь кто-то уничтожил все это. Теперь она бездомная в этом доме. Был с ней дед и ушел... Придет ли кто-нибудь за ней из Чондродипа? Раммохона, наверное, там уже нет. Где-то они все теперь? Конечно, у Бибхи осталось еще немножечко счастья: у нее есть брат, отзывчивая Шурома, но и над ними нависла грозная тень опасности. Что-то тяжелым непроницаемым

облаком давило на всю их жизнь в этом доме. Как же можно было оставаться в нем?

До Удоядитто дошел слух, что Шитарам, лишившись службы, живет в крайней нужде. У него и денег не было, и груз на него свалился непомерный. В ту пору, когда за свою службу при дворе Шитарам получал хорошее жалование, его дядюшка вдруг воспылал к нему любовью и страшно затосковал по нем. Он оставил службу и приехал повидаться с племянником. Когда они встретились, дядюшка, захлебываясь от восторга, заявил, что стоило ему увидеть Шитараму, как он уже не испытывает ни голода, ни жажды. Голода и жажды он действительно не испытывал, доказательств этого немало, но оттого ли только, что всегда виделся с Шитарамом, нам неизвестно.

Была у Шитарамы еще одна родственница, вдовья сестрица, не то двоюродная, не то троюродная. Она собиралась послать своего сына на какую-нибудь службу. Но вдруг ей пришло в голову, что если ее мальчик попадет на очень низкую должность, то это может нанести ущерб достоинству его дяди. И вот, чтобы не запятнать честь дяди, племянник решил нигде не работать. Честь дяди он не запятнал, зато в долги его втянул, обеспечив при этом свое существование. А ведь у Шитарамы были еще мать и дочь, совсем маленькая. К тому же сам он был человеком вполне светским и не мог лишить себя земных радостей. Материальное положение Шитарамы, как мы знаем, изменилось, но, к сожалению, изменений другого характера за этим не последовало. Голод и жажда дядюшки оставались такими же; что же касается племянника Шитарамы, то по мере того, как он рос, увеличивался его живот и щепетильность в отношении пятен на чести дяди — в результате кошелек Шитарамы день ото дня худел. И все же, несмотря на весь этот тяжкий груз, Шитарам не отказывал себе в удовольствиях; на долгах страсти его лишь разгорались.

Услышав о бедственном положении Шитарамы, Удоядитто определил ему и Бхагобото месячное жалованье. Но всякий раз, получая эти деньги, Шитарам испытывал стыд. С тех пор как он выдал махарадже молодого раджу, он считал себя виновным и перед самим собой, и перед Удоядитто. Шитарам даже плакал, получая деньги от

своего благодетеля. И как-то раз не выдержал, повалился в ноги Удоядитто и, называя его создателем, всевышним и милосердным, стал молить о прощении.

Бхагобото же был человеком невозмутимым. Он продолжал спокойно играть в шахматы, курил и раздавал места своим соседям в раю и в аду. Брал он эти деньги без всякого смущения и при этом даже корчил недовольную гримасу, словно хотел сказать: «Ты погубил меня, вот и плати за это».

Как-то раз Протападитто услышал, что молодой раджа назначил жалованье уволенным стражникам. Прежде он пропустил бы это мимо ушей. Он настолько презирал Удоядитто, что не прислушивался ни к чему, что говорили о нем. Махараджа давно знал, что сын всегда поддерживает подданных, но не придавал этому никакого значения. Однако теперь все стало иначе. Узнав о самоуправстве сына, Протападитто разгневался. Он призвал его к себе и сказал:

— Разве я потому выгнал Шитараму и Бхагоботу, что казна моя опустела и мне нечем платить им? Во-все нет, как же ты смел самовольно назначить им жалованье?

— Я совершил преступление, — тихо произнес Удоядитто. — Наказывая их, вы наказывали меня. Таким образом, я плачу им каждый месяц в соответствии с вашим же приговором.

Никогда прежде Протападитто не слушал сына с таким вниманием. В голосе Удоядитто звучали смирение и покорность, он осторожно подбирал выражения, стараясь не оскорбить отца. И нельзя сказать, чтобы все это не поправилось Протападитто.

Но он оставил без ответа слова сына, лишь сказал:

— Я приказываю, Удой, впредь не платить им жалованья.

— Вы слишком сурово наказываете меня, — взволнованно произнес Протападитто. — Сознать, что люди из-за меня лишены куска хлеба и крова, видеть, как они в отчаянье скитаются по дорогам, а я сыт, — выше моих сил. Отец, все, чем я располагаю, принадлежит вам. Вы даете мне пищу и одежду, но если во время обеда вы

посадите передо мной голодных людей и запретите дать им кусок хлеба, — пища станет для меня ядом.

Протападитто не мешал говорить взволнованному сыну. А когда тот кончил, произнес, отчеканивая каждое слово:

— Я выслушал тебя внимательно, теперь мой черед. Бхагобото и Шитарам не должны получать жалованье. Таков мой приказ. Кто нарушит его — тот мне враг.

В душе махараджи с новой силой вспыхнул гнев. Возможно, он и сам не понимал причины его. Однако думал он так: «Будто я совершил какой-то злодейский поступок, а Удоядитто, это воплощение милосердия, пришел воспротивиться ему. Хотел бы я посмотреть, чего бы он добился, рассыпая милости! Да и кто смеет быть добрым, когда я суров? Дерзость какая!»

Вернувшись в свои покои, Удоядитто все рассказал Шуроме.

— Вчера целый день они ничего не ели, — сказала Шурома. — Вечером вся в слезах ко мне приходила мать Шитарамы с внучкой на руках, я дала им немного пищи. Девочка у Шитарамы совсем еще крошечная. На нее просто жаль смотреть. Если мы не поможем, что с ними будет?

— Самое ужасное то, что они выброшены из дворца махараджи, — сказал Удоядитто. — Из страха перед отцом никто не отважится дать им работу или чем-нибудь помочь. Стоит нам отвернуться от этих несчастных, и они останутся совсем одни в целом мире. Но я ни за что не покину их, Шурома. Не тревожься. Только надо делать это втайне от отца. Зачем раздражать его?

— Ты не беспокойся. Я сама все сделаю. — Шурома хотела оградить мужа от опасности.

Этот год был роковым для Удоядитто. Сама судьба восстанавливала его против отца. Но Шурома была не из тех женщин, которые могли бы позволить мужу из малодушия отказаться от добрых дел. Нет, не такой была Шурома. И когда муж начал бороться за справедливость, Шурома сама благословила его. Сердце ее каждое мгновение сжималось от страха, она часто плакала, но постоянно воодушевляла Удоядитто. Даже в моменты смертельной опасности рука Шуромы ни разу не дрогнула, шаг оставался твердым, только слезы блестели в глазах.

Через свою преданную служанку Шурома регулярно отсылала деньги матери Шитараме и жене Бхагобото. Служанка была действительно преданной, но она не сочла нужным скрыть эту тайну от Монголы. Вот как случилось, что Монгола (но только она одна!) узнала об этом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как только Протападитто узнал, что Удоядитто продолжает тайком отсылать деньги семье Шитараме, он тотчас же послал в онтохпур указ, повелевающий Шуроме немедленно покинуть дворец и вернуться в родительский дом. Удоядитто не пал духом, но Бибха была вне себя от горя. Плача, обняла она Шурому и сказала ей:

— Что я стану делать без тебя в этом дворце, похожем на кладбище?

Шурома нежно поцеловала Бибху.

— Я не уеду, Бибха, ведь самое дорогое, что есть у меня, находится здесь, во дворце.

А махарадже она велела передать, что не видит причин, побуждающих ее отправиться в дом отца, что никто за ней не приезжал, да и муж вовсе не хочет расставаться с ней.

Протападитто взорвал ответ Шуромы. Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что сделать тут ничего нельзя. Не выгонять же невестку силой! Махараджа был неопытен в обращении с молодыми женщинами. Он умел действовать силой против силы, но как вести себя со слабым полом, не знал. Выражаясь образно, он мог бы разорвать толстый канат, но его грубые пальцы ни за что не распутали бы маленького узелка на тончайшей ниточке. Протападитто вообще презирал молодых женщин. У него не было ни возможности, ни желания, ни свободного времени думать о них, — он считал это занятием бесполезным, и все дела, касающиеся их, поручал жене.

Так поступил он и на сей раз. Позвал жену и сказал ей:

— Отошли Шурому в дом отца.

— А об Удоядитто ты подумал? — спросила рани.

— Да ведь он не ребенок! Ради благополучия нашей страны Шурома должна покинуть дворец. Это мой приказ.

Рани позвала Удоядитто.

— Удой, отправь Шурому в дом отца.

— Почему, ма? В чем она провинилась?

— Что я знаю, сын мой! Мы, женщины, ничего не понимаем! Одному лишь махарадже известно, зачем он отправляет невестку в дом отца и какая от этого польза государству.

— А то, что я в немилости у отца, то, что из-за него я несчастен, — тоже приносит пользу государству? Я все сносил, но есть предел и моему терпению. Разве у меня осталась хоть капля счастья? А Шурома? С утра до ночи она выслушивает упреки и терпит издевательства, ее держат здесь в черном теле. И вот наконец во дворце для нее совсем не осталось места! А разве вам Шурома не родная, ма? Ведь к ней относятся, словно к нищенке, захотят — оставят, захотят — прогонят. Если так, ма, то и для меня нет места во дворце. Гоните и меня!

Рани заплакала.

— Что я знаю, сын мой! Не мне судить о поступках махараджи, но должна сказать, что жена твоя не очень хорошая женщина. С того момента, как она вошла во дворец, в нем не стало покоя. Почему бы ей и в самом деле не уехать к отцу хоть на несколько дней? Тогда в наш дом вернется богиня Лакшми. Вот увидишь!

Удоядитто ничего не ответил и вышел.

Рани вся в слезах пошла к Протападитто.

— Махараджа, пощади... Если ты отошлешь Шурому, Удоядитто умрет от горя. Ведь он ни в чем не виноват. Проклятая ведьма околдовала его! — И рани залилась слезами.

— Если Шурома не уйдет, я посажу Удоядитто в тюрьму! — в бешенстве закричал Протападитто.

Тогда рани отправилась к Шуроме.

— Несчастная! Что ты сделала с моим сыном? — запричитала она. — Верни мне мое дитя! Сколько горя причинила ты нам с тех пор, как появилась во дворце! Ведь он сын махараджи, а ты, видно, не успокоишься, пока его не закуют в кандалы.

Шурома содрогнулась.

— И я буду тому виною? Что вы говорите, ма! Я уеду сейчас же.

Когда рани ушла, Шурома поспешила к Бибхе и, обняв ее, сказала:

— Я уезжаю, Бибха, теперь мне никогда больше не позволят вернуться сюда.

Бибха, рыдая, прижалась к Шуроме, которая в изнеможении опустилась на пол. В душе Шуромы, словно эхо, звучали слова, произнесенные ею: «Никогда больше не позволят!» Да, теперь она никогда не вернется сюда, ничего у нее в жизни не останется! Впереди — пустота: ни дорогих лиц, ни ласковых улыбок, ни радости, ни встреч, ни объятий, — счастье для нее безвозвратно потеряно. Сердце молодой женщины разрывалось от горя. Кто подарит ей теперь любовь, нежность? В груди у Шуромы что-то оборвалось, голова закружилась, но глаза ее оставались сухими.

В этот момент вошел Удоядитто. Шурома бросилась ему в ноги, и долго сдерживаемые рыдания вырвались наружу. Она редко плакала, но сегодня ее мужественное сердце не выдержало. Удоядитто сел, положил голову жены себе на колени и встревоженно спросил:

— Что случилось, родная?

Шурома не отрываясь смотрела на мужа, но не в силах была произнести ни слова. «Неужели я больше никогда не увижу этого лица? Наступит вечер, ты подойдешь к окну, а меня не будет рядом, ты зажжешь светильник, подойдешь к дверям моей комнаты, но я не смогу с улыбкой протянуть тебе руки! Ты будешь здесь, а я — неизвестно где...»

В этом «неизвестно где» звучало столько безысходности, словно пропасть разлуки уже разделяла их! Если им суждено никогда больше не смотреть друг другу в глаза, тогда... тогда... уж лучше бы ей умереть сейчас у его ног.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вероятно, читатель не забыл Рукмини, о которой шла речь в начале нашего повествования. Покинув Райгор, она поселилась на окраине Джессора под именем Мон-

голы. Ничего необыкновенного в этой женщине не было. Обладая душой низкой и чувственной, Рукмини предавалась разврату, была завистлива и властна, умела смеяться или плакать, когда это было ей нужно. В гневе Рукмини становилась ужасной. Она готова была растерзать на части того, кто осмелился бы рассердить ее. Глаза ее метали молнии, а сама она тряслась как в лихорадке. В кипящем котле ее сердца, подобно расплавленному железу, клокотал гнев. Зависть, как змея, шинела и раздувалась в ее душе. Вместе с тем Рукмини рьяно выполняла всякие религиозные предписания и обряды. У нее было одно удивительное свойство: она очень быстро умела разгадывать самые сокровенные мысли людей, с которыми соприкасалась. Эта женщина мечтала о том времени, когда молодой раджа взойдет на престол, а она, завладев его сердцем, станет управлять им и Джессором. Ради этого она была готова на все. Старания ее не пропали даром. Она завела дружбу со всеми служанками и слугами дворца. Все новости, вплоть до самой незначительной, становились ей известны. Она знала, когда лицо Шуромы омрачалось печалью, когда заболел Претанадитто, и страстно надеялась, что на этот раз к нему непременно придет смерть. Она использовала все средства, чтобы умертвить его и Шурому, но все пока было напрасно. Каждое утро, просыпаясь, она думала: сегодня я услышу о том, что кто-нибудь из них мертв. В нетерпении она до крови кусала губы. Рукмини верила в то, что ее колдовские заклинания приведут наконец к желанному результату.

Рукмини зорко следила за тем, как с каждым днем росла ненависть махараджи и его жены к Шуроме. В ненависти своей они наконец дошли до того, что предложили невестке покинуть дворец. Рукмини торжествовала. Но когда ей стало известно, что Шурома не ушла, Рукмини прибегла к простому средству, чтобы изгнать ее.

Рани прослышала о том, что некая вдова по имени Монгола искушена в колдовстве и приготовлении снадобий. Она тотчас же подумала, что прежде чем изгнать Шурому, хорошо бы вырвать ее из сердца молодого раджи, и тайно послала Матонгини за снадобьями.

Всю ночь напролет Монгола готовила яд: резала корни, смачивала их водой, толкла, перемешивала и все время

при этом бормотала какие-то заклинания. Удары пестика о ступку, доносившиеся из мрачной хижины на окраине города, нарушали тишину ночи. Эти глухие, монотонные удары были единственными ее помощниками. Казалось, кто-то хлопает в ладони, отбивая такт ее магической пляске, все ускоряя и ускоряя ее движения. В эту ночь Монгола не сомкнула глаз.

На приготовление снадобья ушло несколько дней. Чтобы изготовить яд, обычно не нужно столько времени, однако жалость не должна тронуть сердце молодого раджи, когда к Шуроме придет смерть, поэтому надо было прочитать немало заклинаний.

С разрешения мужа рани оставила невестку во дворце еще на несколько дней. Бибха была в отчаянии, ее не покидала мысль о том, что с уходом Шуромы она окажется в безбрежном океане несчастий. Все последние дни она провела с Шуромой, безмолвно следуя за ней, будто печальная тень. Проходил день, наступали сумерки. А Бибха, словно боясь чего-то, прижимала Шурому к себе и ни за что не хотела ее отпускать. Шли дни, и каждый из них уносил с собой частицу ее души. Все кругом казалось Бибхе мрачным. Для Шуромы тоже все было пусто впереди. Не было больше ни севера, ни юга, ни востока, ни запада — все в мире смешалось.

Шурома лежала у ног Удайдитто и не отрываясь молча смотрела на него. Голова ее покоилась у мужа на коленях.

— Все, что у меня есть, я оставляю тебе, — сказала она, обращаясь к Бибхе, и снова разрыдалась, горько, неудержимо.

На рассвете Шурома должна была покинуть дворец. Ее немудрое хозяйство переходило к Бибхе.

Удайдитто сидел спокойный и решительный. Он намеревался уйти вместе с Шуромой. Но к вечеру Шурома неожиданно почувствовала слабость и головокружение. С трудом добралась она до спальни.

— Бибха! позови его скорее! Мне очень плохо! — простонала Шурома, едва Удайдитто появился в дверях. Она протянула к нему руки, а когда он приблизился, прильнула к его ногам. Раджа сел рядом с женой. Шурома задыхалась, руки и ноги ее были холодны.

— Шурома! — испуганно воскликнул Удоядитто.

Шурома медленно подняла голову и посмотрела на мужа.

— Что, мой повелитель?

— Ты больна, Шурома?!

— Мой час, кажется, настал... — Она хотела обнять его, но не в силах была поднять руки.

Раджа приподнял голову жены.

— Шурома!.. Шурома!.. Ты не уйдешь! Ведь, кроме тебя, у меня никого нет в целом свете!

Из глаз молодой женщины лились слезы. В смятении, ничего не понимая, Бибха смотрела на Шурому.

Окно, у которого с наступлением сумерек обычно сидели Шурома и Удоядитто, было открыто. В небе загорелись первые звезды, подул легкий ветерок, все кругом будто замерло. В доме зажгли светильники. Прозвучали и постепенно затихли удары в гонг и звуки раковин, призывающие к вечерней молитве. Воцарилась тишина. Шурома чуть слышно прошептала:

— Послушай, милый... Я что-то плохо вижу...

По дворцу пронесся слух, что Шурома отравилась. Собралось много народу, прибежала рани и, взглянув на Шурому, разрыдалась.

— Шурома, дорогая, оставайся здесь. Ты Лакшми нашего дома, не покидай его. — Шурома сделала движение, словно хотела взять прах от ног свекрови. Та еще пуще заплакала. — За что ты прогневалась, почему уходишь?!

Спазмы сжали Шуроме горло, она хотела что-то сказать, но не смогла.

Под утро Шурома скончалась.

— Дада, почему она умерла? — Бибха упала Шуроме на грудь, обняла ее...

Наступил рассвет. Удоядитто сидел все в той же позе, не двигаясь. Голова жены покоилась у него на коленях...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Неужели нет больше Шуромы? Бибха никак не могла примириться с этой мыслью. Ей казалось, будто Шурома где-то здесь, рядом, и она сейчас увидит ее. Бибха

блуждала по комнатам, душа ее не находила покоя. Когда наступало время причесываться, Бибха неподвижно сидела и ждала — вот-вот войдет Шурома и поможет ей сделать прическу. Но, увы, проходил вечер, спускалась ночь, а Шуromы все не было. Лицо Бибхи все время так печально, глаза заплаканы, но Шурома не приходит... Бывало, загрустит Бибха, Шурома тотчас спешит к ней, обнимает ее, согреет душу, заглянет в лицо, а теперь — теперь она не придет, даже если сердце Бибхи разорвется от горя.

Удоядитто обессилел, душа его опустошилась. Его надежда, его отвага, его единственная помощница, та, чья улыбка была для него выше всякой награды, навеки ушла от него. Он идет к себе в спальню с какой-то смутной надеждой — вдруг он снова увидит ее, но кругом — ни души. Он медленно подходит к окну, садится... Рядом — никого, любимое место Шуromы пустует, а на небе — все та же луна, впереди тот же лес, так же дует ветерок. Неужели Шурома не придет в такой вечер?..

Временами ему чудился голос Шуromы, и он вздрагивал. Это было невероятно, и все же он внимательно осматривал комнату, подходил к постели. Прежде у молодого раджи было множество всяких дел. Бедняки приносили ему в дар фрукты, овощи, зелень, он беседовал с ними, давал советы; теперь он ничего не мог делать и все же к вечеру чувствовал себя совершенно разбитым, даже с трудом добирался до постели. В душе его по-прежнему жила надежда, что вот он откроет дверь спальни и увидит у окна Шуromу. Особенно тяжело было Удоядитто встречаться с Бибхой, в одиночестве печально бродившей по дворцу. Лаской и нежностью он старался утешить сестру, а она, не выпуская его руки из своей, заливалась слезами. В глазах раджи тоже блестели слезы.

Однажды Удоядитто позвал Бибху к себе.

— Ты должна уехать к мужу. Хочешь? Я позабочусь об этом. Кто остался у тебя в этом доме? Не стыдись меня, Бибха! Кому еще ты можешь открыть свою душу?

Бибха молчала. Нужно ли об этом спрашивать? В целом свете есть лишь одно место, где она могла бы найти

покой. Конечно, она всей душой стремится туда. Но ведь никто за ней до сих пор не приехал. Почему? Она не знает. Как-то раз Удайдитто высказал при отце мысль о том, что Бибху следует отправить в дом свекра. Протападитто сказал:

— Я не стану препятствовать. Но если бы они уважали Бибху, то сами прислали бы за ней. А так нет необходимости спешить с этим.

Всякий раз при виде Бибхи рани разражалась рыданиями. Разве можно без боли смотреть на дочь — вдову при живом муже?! Стоило ей взглянуть на печальное личико Бибхи, как в сердце ее словно вонзалась стрела. Она очень любила зятя, но не одобряла его мальчишеских выходок, особенно последней, которая завела всех слишком далеко. Много раз просила она:

— Махараджа, отправь Бибху в дом свекра! — Но махараджа и слышать не хотел.

— Не вызывайте моего гнева! Вот пришлют за ней, тогда и поедет!

— Что скажут люди? Столько времени прошло, а девушка все не едет в дом свекра.

— А что скажут люди, если Протападитто пошлет дочь к Рамчондро Раю, а тот прогонит ее?!

Рани плакала, думая о том, что никогда ей не понять поступков махараджи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

У раджи Рамчондро Рая было весьма своеобразное представление о чести.

Однажды раджа проезжал в паланкине по улице и увидел двух ткачей. Они заметили приближение паланкина, но были так увлечены работой, что продолжали сидеть. Рамчондро разгневался и поднял страшный шум. Как-то в Джессоре раджа что-то приказал слуге. Бедняга выслушал, а сделать забыл. Высокочтимый Рамчондро Рай решил, что слуги из дворца тестя не уважают его и что научили их этому господа, иначе они бы не посмели поступать подобным образом. Да еще в то злополучное утро Рамчондро Рай видел, как молодой раджа Удайдитто

говорил что-то шепотом тому самому слуге — уж конечно, давал советы, как унижить Рамчондро Рая. О чем еще он мог говорить со слугой?

Однажды, это было в Чондродипе, мальчишки затеяли игру в «собрание раджи». Они соорудили из земли трон, а сами сели вокруг, будто министры и члены собрания. Когда слух об этом дошел до Рамчондро Рая, он призвал отцов этих ребят и со всей строгостью наказал их.

В день, о котором пойдет речь, Рамчондро Рай полулежал на троне и потягивал трубку. Перед ним стоял перепуганный бедняк. Его судили. Этот человек осмелился обсуждать с родными и друзьями ссору между Протападитто и Рамчондро Раем. Кто-то из его недругов донес об этом радже. Придя в неопишемую ярость, Рамчондро Рай приказал доставить преступника во дворец. Он грозился сослать его, даже повесить!

— Как ты посмел, дерзкий?! — обратился к преступнику раджа.

— Смилуйся, махараджа, я не виноват! — со слезами на глазах оправдывался тот.

— Сам подумай, что стоит Протападитто в сравнении с нашим махараджей, — сказал министр.

— Известно ли тебе, что отец Протападитто, первый раджа их рода, перед тем как занять престол, умолял покойного дедушку нашего махараджи благословить его, — сообщил управляющий. — После слез и долгих просьб дед нашего махараджи мизинцем левой ноги поставил ему тiku.

— В их роду всего лишь два поколения раджей: Протападитто да отец его Бикромадитто, — сказал шут Ромаи. — Дед Протападитто — земляной червь. Сын червя стал пиявкой и, высасывая кровь своих подданных, здорово растолстел. А сын пиявки научился поднимать голову, раздувать шею и шипеть подобно ядовитой змее. Из рода в род мы служим шутами при дворах раджей. Мы — заклинатели змей, и нам ли не знать их.

Слушая речи шута, Рамчондро Рай самодовольно улыбался и курил трубку. Ни одно собрание раджи теперь не проходило без нападок на махараджу Джессора. Лишь когда колчан словесных стрел, предназначенных

для Протападитто, опустошался, придворные расходились.

Наконец доблестный Рамчондро Рай решил, что достаточно помучил преступника, и сменил гнев на милость.

— Ладно, на сей раз пощажу тебя, но впредь будь осторожен.

Члены собрания удалились, остались только министр и шут. Разговор о Протападитто возобновился.

— Вот вы спаслись, — начал шут, — а Удайдитто попал в скверную историю. Махараджа Джессора так надеялся продать украшения дочери, когда она овдовеет, и хоть немного пополнить свою казну. А молодой раджа помешал. Ох, и влетело ж ему за это!

— Да ну? — рассмеялся Рамчондро.

— Слышал я, что Протападитто нынче пребывает в печали, — вставил свое слово министр. — Не ест, не спит — все думает о том, как бы отправить дочь в дом свекра.

— Неужели правда? — опять рассмеялся раджа, с наслаждением втянул в себя дым и пришел в самое приятное расположение духа.

— А по-моему, — продолжал министр, — нечего ему отсылать свою дочь в дом свекра. Хватит того, что у нас свадьбу сыграли, уже это одно вашим предкам до седьмого колена зачтется, а тянуть жену в дом — только позорить себя! Такого благодеяния вам не приходилось еще совершать. Что ты скажешь на это, шут?

— Да как сказать... Махараджа, вы ведь ступили уже в грязь, осчастливив, конечно, этим родителя грязи, но в свой дом вы должны войти с чистыми ногами, — проговорил шут.

Насмешкам не было конца. Воображая, будто Протападитто с сыном здесь, они обстреливали их со всех сторон. Неизвестно, в чем провинился перед ними Удайдитто. То, что он, пренебрегая опасностью, спас жизнь Рамчондро Раю, предали забвению. Помнили лишь одно: он сын Протападитто — и безжалостно насмеялись над ним.

Нельзя сказать, чтобы Рамчондро Рай был жесток. Нет, просто он был легкомысленный и ограниченный че-

ловец. Он несколько не был благодарен Удоядитто за то, что тот спас ему жизнь. «А как же иначе? — думал он. — Иначе и быть не могло. Все обязаны помогать Рамчондро Раю в беде». Владыке Чондродипа казалось, что весь мир будет испытывать чувство боли, попади в его, Рамчондро, ногу колючка. Ему и в голову не приходило, что для самого маленького на земле человека раджа раджей Рамчондро Рай ничто в сравнении с его собственными невзгодами. Поместив на одну чашу весов, которую всегда держали руки льстецов, себя, а на другую — весь мир, он решил: конечно, я больше весом, и с тех пор у него никогда не возникало чувства благодарности.

Была и другая причина, из-за которой он не испытывал благодарности к Удоядитто. Он считал, что раджа спас его ради своей сестры, а вовсе не потому, что он Рамчондро Рай. Но если бы даже он был благодарен Удоядитто, то и тогда не преминул бы посмеяться над ним. Когда другие, а особенно шут Ромаи, злословили на чей-либо счет, он не мог ни отказать себе в том, чтоб не принять в этом участия, ни, тем более, закрыть им рот. А все оттого, что боялся, как бы чего не подумали.

К Бибхе Рамчондро Рай питал нечто вроде любви, хотя виделись они всего лишь несколько раз. Бибха красива, она едва вступила в пору юности. В ту ночь, чтобы отомстить Протападитто, он отверг Бибху, но когда, очнувшись от первого сна, он увидел, что Бибха плачет, увидел ее лицо в сиянии луны и ее вздымавшуюся полуобнаженную грудь, слезы в ее милых глазах, ее маленькие, дрожащие, как молодые побеги, губы, душа его вдруг страстно рванулась к ней. Он положил голову Бибхи к себе на колени, вытер катившиеся по ее щекам слезы и вдруг почувствовал, как его тело пронизала мгновенная острая боль, им овладело непреодолимое желание поцеловать нежные губы жены. Тогда-то впервые заметил он красоту едва расцветшей юности. Дыхание его остановилось, глаза увлажнились, сердце учащенно забило. Он хотел поцеловать Бибху, но в этот момент в дверь постучали, и он узнал о грозившей ему опасности. Первый порыв сердца, первое желание, зачарованный взор остались неудовлетворенными и, мучимые жаждой, завладели его памятью. Это не было чувство

настоящей любви. Такое чувство было чуждо Рамчондро Раю. Просто он тянулся к Бибхе, как к забаве, сулившей ему наслаждение. Бибха даже являлась Рамчондро Раю во сне. Ему очень хотелось, чтобы Бибха была с ним. Но если он пошлет за женой, что подумают люди! Члены собрания сочтут его бабой, министр останется недоволен им, шут втихомолку будет смеяться. Да и как же тогда он отомстит Протападитто? Как накажет тестя? Все эти мысли отбили у него всякую охоту посылать за Бибхой. Ведь он не сможет оградить ее от насмешек, да и не захочет, если насмешки будут касаться Протападитто.

Когда шут и советник ушли, Раммохон Мал пошел к Рамчондро и, сложив руки, произнес:

— Махараджа!

— Что, Раммохон?

— Махараджа, прикажите, я отправлюсь за госпожой.

— Что ты говоришь?

— Прикажите! Онтохпур пустует, я не в силах видеть этого. Душа моя страдает оттого, что ни в онтохпуре, ни в покоях махараджи никого нет. Ма моя, Лакшми, войди в дом, освети его, дай глазам нашим радость!

— Раммохон, ты с ума сошел! Разве могу я ввести в дом эту девушку! — Рамчондро широко раскрыл глаза.

— Почему же нет, махараджа? Чем провинилась моя госпожа?

— Что ты говоришь, Раммохон? Как я введу в дом дочь Протападитто?!

— Ну и что же? Что общего у нее с отцом? Пока девушка не замужем, она во всем послушна отцу, но после замужества отец теряет на нее права. Теперь дочь Протападитто ваша супруга. Кто, кроме вас, может ввести ее в дом, отнестись к ней с любовью и уважением.

— Достаточно того, что я взял дочь Протападитто в жены. Но взять ее к себе в дом?! Где моя честь?

— Ваша честь! Вы бросили жену в чужом доме, рискуете потерять права на нее! Любой человек может стать ее господином. Что будет тогда с вашей честью?

— А если Протападитто не отпустит мою жену?

Раммохон расправил свои широкие плечи.

— Что значит не отпустит? Разве кто-нибудь обладает такой силой? Ма моя! Кто посмеет отнять у нас Лакшми нашего дома? Как ни велик Протанадитто, я вырву вашу супругу из его рук. Я пойду и приведу с собой ма. Кто может помешать мне?

С этими словами Раммохон направился к дверям, но раджа поспешно остановил его.

— погоди, Раммохон, выслушай меня! Я согласен, ты приведешь рани, но смотри, чтобы ни одна душа об этом не знала, особенно шут и министр.

— Все будет так, как хочет махараджа.

Раммохон ушел.

«Об этом узнают уже тогда, когда Бибха войдет в дом, — подумал Рамчондро, — у меня будет время подготовиться».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Все заботы о брате Бибха взяла на себя: сама приносила ему пищу, сидела с ним, пока он ел, заботилась обо всем необходимом. Когда с наступлением сумерек молодой раджа удалялся в свои покои и, закрыв руками лицо, подолгу сидел, — видимо, плакал, — Бибха потихоньку садилась у его ног, не зная, чем рассеять его тяжелые думы. Так сидели они неподвижно, молча. Вот задрожало слабое пламя светильника, по стене пробежали тени... Бибха с грустью следит за ними. Рыдания сжимают ей горло.

— Дада, куда она ушла?

Удоядитто вздрагивает, отнимает руки от лица и с удивлением смотрит на Бибху: «О чем она спрашивает?» Затем, с трудом придя в себя и смахнув поспешно слезы, он садится рядом с сестрой и говорит:

— Послушай, что я расскажу тебе, Бибха...

День был пасмурный. Тучи заволокли небо. С самого утра, не переставая, лил дождь. Все кругом было серо. Намокшие деревья неподвижно стояли в саду. Время от времени порывы ветра забрасывали в дом дождевые брызги. Удоядитто весь обратился в слух. Раскаты грома

сотрясали небо, вдали сверкали молнии. Ветер стонал: «Где Шурома?», дождь отвечал ему: «Нет Шуромы, нет ее больше». Бибха потихоньку подошла к брату, окликнула его. Молодой раджа закрыл лицо руками и положил голову на подоконник, подставив ее дождю.

Прошел день, сгустились сумерки, наступил вечер. Бибха принесла Удоядитто ужин.

— Дада, поешь.

Удоядитто ничего не ответил. Бибха заплакала.

— Дада, вставай, уже ночь...

Удоядитто поднял голову. Увидев, что Бибха плачет, он вытер ей слезы и принялся за еду, но есть ему не хотелось. Глядя на брата, Бибха тяжело вздохнула и решила идти спать, сама она тоже не притронулась к пище. Надо было поговорить о чем-нибудь с Удоядитто, отвлечь его от невеселых дум, но Бибха не знала, как это сделать.

«Ах, если бы здесь был дедушка», — подумала она.

В душе Удоядитто родился страх перед отцом. У него уже не было прежнего мужества, он не мог, презрев опасность, бороться с насилием. Он во всем сомневался, во всем был нерешителен.

Как-то Удоядитто узнал, что разбойникам приказано под покровом ночи напасть на контору одного заминдара, ограбить ее, а затем предать огню. Удоядитто тотчас же велел оседлать коня, а сам отправился на женскую половину дома. Войдя к себе в спальню, он рассеянно, словно в раздумье, сменил одежду, затем вышел. Подбежал слуга.

— Конь готов, куда подвести?

Молодой раджа постоял в нерешительности, взглянул на слугу и сказал:

— Никуда. Уведи коня.

Однажды раджа услышал стоны. Он вышел из своих покоев посмотреть, что случилось, и увидел, что арендатора, привязанного к дереву, бьют плетью. Несчастный с мольбой поднял глаза на Удоядитто.

— Смилуйтесь, молодой раджа!

Не в силах смотреть на его страдания, Удоядитто поспешно вбежал в дом. Прежде он, не раздумывая, освободил бы бедняка от наказания.

Теперь у молодого раджи не хватало мужества ни открыто, ни тайно помогать Бхагобото и Шитараму. Стоило ему услышать о бедственном положении этих людей, как он тотчас решал отослать им деньги, но затем его начинали одолевать сомнения, и он отказывался от своего намерения.

Никто не думал, что Удоядитто поступал так из страха за свою жизнь. Он не любил жизнь больше, чем прежде. Но в душу его закрался безотчетный страх. Он стал считать отца каким-то необыкновенным человеком, обладающим таинственной силой.

Казалось, Протападитто зажал в кулаке судьбу своего сына и властен над каждым часом, каждым мигом его будущей жизни. Когда Удоядитто пойдет в объятия смерти, когда настанут последние мгновения его жизни, то и тогда смерть отступится от Удоядитто, если Протападитто одним лишь движением брови прикажет сыну жить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

А теперь вернемся к Рукмини. Жила она тем, что ссужала деньги под проценты. Красота и деньги — вот две силы, посредством которых она держала многих в повиновении.

Читатель уже знает, что Шитарам был человеком светским, но в доме его не было ни пайсы, поэтому естественно, что его одинаково влекло и к красоте Рукмини, и к ее деньгам. Посмотрели бы вы на Шитараму в тот день, когда горшки в его доме были пусты. С безмятежным видом, размахивая тростью, набросив на плечи тонкий чадор и выпятив грудь, он шествовал к дому Рукмини. И если кто-нибудь, повстречавшись с ним, спрашивал: «Как живешь, Шитарам? Как дела?» — Шитарам тотчас же с улыбкой отвечал:

— Превосходно. Вот в гости иду.

Шитарам любил похвастаться, и чем печальнее становилась его жизнь, тем красочнее были его речи. А положение Шитарамы день ото дня ухудшалось. Даже его любящий дядюшка подумывал вернуться к себе, забыв о своем почетном звании дяди.

И вот Шитарам пришел к Рукмини. Приблизившись к ней, он с улыбкой запел:

Знаю, Радха, ты богата,
Велики твои щедроты,
Но до серебра и злата
Не имею я охоты.

Беден — денег мне не надо,
Но огонь в моей крови.
Я приму твою награду
Только жемчугом любви!

Впрочем, дорогая, к данному случаю эта песенка не совсем подходит. В жемчуге любви я пока что не испытываю большой нужды. Может быть, когда-нибудь потом, там видно будет, а пока я рад бы получить хоть немного серебра и золота.

— Ну, так приходи, когда понадобится. Кому же другому подарю я «жемчуг любви», как не тебе, — воскликнула Рукмини, вдруг вспыхнув к Шитараму страстной любовью.

— Нет, нет, сейчас мне этого не надо. Лучше знаешь... Видишь ли... все деньги я отдаю на хранение матери. Но сегодня утром она отправилась в Джорагхат к своему зятю и забыла оставить их. Я завтра же верну.

Посмеиваясь про себя, Рукмини сказала:

— Что за нужда в такой спешке. Представится случай — вернешь. Ведь не в воду же я их бросаю — тебе отдаю. — Рукмини, конечно, знала, что из воды их достать куда легче, чем получить от Шитарама.

Таков уж был Шитарам — при полном безденежье держал себя, как наваб, и острил, совершенно не обладая чувством юмора. Нежность и внимание Рукмини зажгли в сердце Шитарама ответное чувство, и он решил блеснуть остроумием. Он говорил все, что придет на ум, и первым начинал смеяться. Именно это и смешило окружающих. Когда он служил во дворце, то постоянно скандалил с другими стражниками, и все из-за своих нелепых и грубых шуток.

Как-то стражник Хонуман Прошад, стоя на часах, начал клевать носом. Шитарам потихоньку подкрался к нему, изо всех сил ударил кулаком по спине и при

этом громко расхохотался. Но Хонуман Прошад не разделял его восторга и дал ему понять, что подобные шутки далеки от тонкого юмора.

Итак, любовь завладела Шитарамом. Он еще ближе придвинулся к Рукмини и елеинным голосом прошептал:

— Ты моя Субхадра, я твой Джаганнатха.

— Дурачок ты мой, ведь Субхадра была сестрой Джаганнатхи.

— Неужели? А как же он похитил ее?

Рукмини принялась хохотать. Шитарам, выпятив грудь, сказал:

— Смехом ты не отделаешься, отвечай. Если Субхадра была его сестрой, как он похитил ее?

Этот довод привел Шитараму в восторг: он считал, что на его вопрос невозможно ответить.

— Ах, ну и дурачина ты у меня, — нежно проворковала Рукмини.

Шитарам растаял.

— Дурак, в самом деле дурак. Я всегда перед тобой дураком оказываюсь. Я так теряюсь, дорогая сестрица, когда ты рядом, — сказал он, а про себя подумал: «Здорово я ей ответил. Какие слова подобрал».

— Ладно, сестрица, — продолжал Шитарам, — кстати скажи, может, тебе не нравится, что я называю тебя так, вели же называть по-другому, я с радостью повинуюсь.

— Называй меня «душа моя», — рассмеялась Рукмини.

Шитарам повторил:

— Душа моя.

— Называй: «Любимая».

— Любимая.

— Скажи: «Самая любимая».

— Самая любимая.

— Говори: «Ты для меня дороже жизни».

— Ты для меня дороже жизни... Все это хорошо, сестрица, но под какие проценты ты одолжишь мне деньги?

— Уходи, уходи от меня прочь! Теперь я понимаю, как ты любишь меня, — гневно вскричала Рукмини. — Как только у тебя язык повернулся спрашивать о процентах!

— Хорошо, хорошо, — проговорил Шитарам. — Ведь это я просто так. Я пошутил, неужели ты не поняла? Ай-ай, самая любимая.

Неизвестно, что случилось с матерью Шитарамы, но она стала частенько отлучаться к зятю и всякий раз забывала оставлять деньги. А Шитараму приходилось, в свою очередь, отлучаться к вдове. Он вел с Рукмини какие-то таинственные переговоры и однажды сказал:

— Задача эта нелегкая, сестрица, без Бхагобото тут не обойтись.

В тот день к вечеру разыгралась страшная буря. Дворцовые ворота скрипели и хлопали. Ветер раскачивал деревья в саду, казалось, вершины их вот-вот коснутся земли. И как река во время разлива разрушает и уносит деревенские хижины, так буря разрывала тучи и гнала их куда-то. Стрелы молний вонзались в небо, раскаты грома слились в один общий грохот. Удоядитто заперся у себя в комнате. На руках у него спала маленькая девочка. Это была та самая девочка, которую очень любила Шурома, но после смерти Шуромы мать не пускала дочурку во дворец. Сегодня девочка в первый раз прибежала сюда и, увидев Удоядитто, радостно закричала:

— Дядя, дядя! — и прыгнула к нему на колени.

Прижав малышку к груди, молодой раджа понес ее в спальню. Ему вдруг почудилось, что Шурома придет сейчас посмотреть на девочку. Она так ее любила. Она не может не прийти.

— А где тетя? — вдруг спросила девочка.

— Позови ее! — едва сдерживая рыдания, проговорил Удоядитто.

Малютка крикнула:

— Тетя, иди сюда!

Кто-то отозвался издалека:

— Я иду.

Это было невероятно. Но Удоядитто показалось, будто Шурома, услышав нежный голосок девочки, спешит прижать ее к груди.

Вскоре девочка уснула. Удоядитто загасил светильник и сидел в темноте. Девочка безмятежно спала у него на коленях, за окном выл и стонал ветер. Вдруг послы-

шался шорох. Уж не шаги ли это? И впрямь кто-то идет. Сердце Удоядитто бешено колотилось. Вот открылась дверь... Показался свет. Возможно ли? В комнату, осторожно ступая, вошла женщина со светильником в руке. Удоядитто закрыл глаза.

— Это ты, Шурома?.. — Он боялся открыть глаза, боялся взглядом спугнуть Шурому. А может быть, это не она?

Женщина поставила светильник и спросила:

— Неужели ты не помнишь меня?

Слова эти прозвучали будто удар грома. Молодой раджа вздрогнул, открыл глаза. Девочка проснулась и стала плакать. Положив ее на постель, Удоядитто поднялся. Он не знал, что ему делать, куда идти... Рукмини приблизилась к молодому радже, покачала головой.

— Ты не узнал меня? Так зачем же когда-то ты вознес меня на небеса, зачем дал мне надежду?

Удоядитто стоял молча, не в силах проронить ни слова. Тогда Рукмини решила прибегнуть к испытанному оружию.

— В чем я повинна перед тобой? — со слезами заговорила она. — Отчего мой вид колет тебе глаза? Ты, раджа, загубил красавицу, когда-то отдавшую тебе свое тело и жизнь. Теперь она, словно нищенка, бродит по дорогам. И за что создатель уготовил мне столь горькую долю!

В душе Удоядитто словно что-то оборвалось. Ему вдруг и впрямь представилось, что он погубил ее. Прошое, казалось, исчезло из его памяти. Он забыл, как Рукмини завлекала его, совсем еще юного, каждый день расставляя на его пути все новые сети. Подобно водовороту, она закружила и в одно мгновение бросила его в пучину ада. Все это он забыл. Сейчас он видел лишь грязные лохмотья Рукмини и ее слезы. Чуткое сердце Удоядитто дрогнуло.

— Чего же ты хочешь? — спросил он.

— Ничего. Только любви. Я хочу сидеть у этого окна, склонив голову тебе на грудь, хочу, чтоб ты ласкал меня... Разве лицо мое темнее лица Шуромы? А если оно и потемнело, так ведь это из-за тебя, после долгих скитаний.

С этими словами Рукмини хотела сесть на постель, но молодой раджа преградил ей путь.

— Не смей! Не смей!

Рукмини подняла голову. В этот момент она была похожа на раненую змею.

— Почему же?

— Я дам тебе все, чего ты пожелаешь, только не подходи к этой постели.

— Ладно, тогда подари мне кольцо с твоей руки.

Молодой раджа тотчас же снял кольцо и швырнул ей. Рукмини подхватила его и вышла.

«Чары этой ведьмы еще не совсем исчезли, — подумала Рукмини, — но не пройдет и нескольких дней, как раджа снова будет у меня в плену».

Когда Рукмини вышла, Удайдитто опустился на постель и, обхватив голову руками, застонал.

— Шурома, где ты? Кто успокоит теперь мое измученное сердце?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Положение Бхагобото было не из лучших. Вот уже несколько дней он ни с кем не разговаривал и все сосал свою трубку. Соседи знали, что это плохой признак, и встревожились. Чем больше он курил, тем сильнее бурлили водовороты мрачных мыслей в его душе. Бхагобото был человеком религиозным. Он ни с кем не сближался, неустанно молился Хари, был немногословен и никогда не сплетничал. Зато, если кто-нибудь попадал в беду, никто не мог дать лучшего совета, чем Бхагобото. Он никогда никому не причинял зла, но обид не прощал. Жажда мести овладевала им с такой силой, что на время он даже откладывал свою трубку. Одним словом, Бхагобото был неплохим человеком. Жители квартала уважали его. Когда ему бывало трудно, он не стеснялся брать деньги в долг, зато возвращал их в срок, даже если ради этого приходилось продавать самое необходимое.

Однажды утром к нему зашел Шитарам.

— Как поживаешь, друг?

— Плохо...

— Случилось что-нибудь?

Сделав несколько затяжек, Бхагобото передал трубку Шитараму.

— Да вот, едва свожу концы с концами.

— Как же так?

— Как, спрашиваешь ты? Стоит ли об этом говорить. Насколько я понимаю, наше с тобой положение одинаково, — раздраженно ответил Бхагобото.

— Да я не об этом, — растерялся Шитарам, он не ожидал такого ответа. — Просто интересно, почему ты не возьмешь в долг?

— А что толку? Ведь все равно отдавать приходится. Думаешь, это легко? Одно продашь, другое заложишь, а что выручишь?

— Скажи, сколько тебе нужно. Я принесу, — с гордостью предложил Шитарам.

— Правда? Что же, если тебе не жаль выкинуть пригоршню монет в воду, — брось мне несколько. Но предупреждаю, что вернуть их тебе не смогу.

— Об этом не беспокойся, друг.

Несмотря на столь любезное предложение Шитарамы, Бхагобото почему-то не почувствовал к нему дружеского расположения. Снова набив трубку, он продолжал молча курить.

Тогда Шитарам перешел к делу.

— Друг, оба мы попали в беду по милости махараджи.

— Что-то не похоже, что ты попал в беду. — Бхагобото злила щедрость Шитарамы.

— Нет, брат, не говори так. Сегодня у тебя нет ни пайсы, а завтра у меня не будет.

— Что ж поделаешь, раз махараджа так несправедлив.

— Вот если бы вместо него стал править молодой раджа, наступил бы золотой век, тогда бы мы зажили.

— Ну, брат, нам с тобой не о чем говорить, — вспыхнул Бхагобото. — Ты большой человек и можешь говорить о чем тебе вздумается. А я человек маленький, и надеяться мне не на что.

— Не сердись, друг. Выслушай меня.

И Шитарам что-то зашептал Бхагобото на ухо.

— И слушать не хочу. Не вздумай говорить мне больше таких слов, — угрожающе произнес Бхагобото.

Шитарам удалился. Однако, тщательно обдумав все, Бхагобото на следующее утро сам отправился к Шитараму.

— А ты ведь правду говорил вчера.

— Ты о чем, друг? Я ничего не говорил, — надменно ответил Шитарам.

— Я пришел посоветоваться с тобой.

Шитарам еще больше заважничал. Несколько дней подряд они вели переговоры и наконец решили написать от имени молодого раджи воззвание, призывающее к свержению Протападитто и водворению на престоле сына махараджи. Под воззванием они поставят печатку молодого раджи. Им повезло: на кольце, что принесла Рукмини, была печатка с именем раджи.

Так и сделали. Воззвание было написано, под ним стояло имя Удайдитто. Считая Шитарам человека недалеким, Бхагобото не открыл ему своих сокровенных мыслей, а лишь сказал, что собственноручно передаст воззвание делийскому императору.

Однако в Дели он не отправился, а пришел прямо к Протападитто и сказал:

— Я случайно узнал о том, что слуга молодого раджи направлялся с воззванием к делийскому императору. Слуга сбежал. Вот оно, это воззвание.

Бхагобото ни словом не обмолвился о Шитараме.

Не стоит описывать состояние Протападитто после того, как он прочел этот документ.

А Бхагобото с того дня вновь взяли на службу во дворец.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мрак окутал душу Бибхи. Ей казалось, будто горе и отчаяние навсегда вытеснили из ее души надежду на счастье. Словно тень, преследовали ее безысходность и пустота. Измученная тоской и одиночеством, Бибха сидела на постели и сквозь рыдания повторяла: «Почему ты покинул меня? В чем я перед тобой провинилась?» Она закрыла лицо руками, прижалась к подушке: «Что я дур-

ного сделала? Писем нет, никто не приходит оттуда, никаких известий... Что делать? Весь день с болью в сердце брожу я по комнатам. Никто не расскажет о тебе, не назовет твоего имени. Ах, что же будет дальше?» Так шли дни за днями... Не одна заря зажглась и погасла, не один вечер сменился ночью, а Бибха все одна, без подруг, бродила по пустынным комнатам дворца.

Но вот однажды, на рассвете, пришел Раммохон.

— Да будет счастлива ма, — приветствовал он Бибху.

Девушка вздрогнула, будто над ее головой разразилась гроза счастья. Слезы брызнули из глаз. Вся дрожа, она прошептала:

— Мохон, ты пришел...

— Да вот, думаю, забыла нас наша ма совсем, пойду навещу ее.

От смущения Бибха не в силах была ни о чем спросить, хотя ей до боли хотелось услышать о нем.

— Почему, ма, так печально твое лицо? Глаза затуманены грустью, на устах нет улыбки, волосы в беспорядке... Пойдем, ма, пойдем в наш дом — здесь некому заботиться о тебе.

Бибха грустно улыбнулась и опять ничего не сказала. Слезы неудержимо полились по ее впалым бледным щекам. Неожиданно счастье пробудило в ласковой, кроткой Бибхе прежнюю обиду. Она разрыдалась. «Неужели они лишь теперь вспомнили обо мне!»

На глаза Раммохона навернулись слезы.

— Твоя печаль, Лакшми, — дурное предзнаменование. Ты должна войти в наш дом с улыбкой на устах. Прогони слезы. Сегодня такой радостный день.

Узнав, что приехал Раммохон, рани очень обрадовалась. В душе она уже опасалась, что Рамчондро никогда не возьмет Бибху к себе в дом. Она позвала Раммохона, осведомилась о здоровье зятя и с особой заботливостью накормила желанного гостя. Следующий день считался благоприятным для путешествия. На рассвете Бибха должна была покинуть дворец. Протападитто ничему не препятствовал.

Когда все было готово, Бибха пошла к Удоядитто. Молодой раджа сидел в одиночестве, погруженный в глубокую задумчивость. Увидев Бибху, он встрепенулся.

— Значит, ты уходишь, Бибха. Это хорошо: ты будешь счастлива. Благословляю тебя. Войди в дом мужа, как Лакшми, озари его светом своей любви.

Бибха, рыдая, припала к ногам Удайдитто. Молодой раджа положил руку на голову сестры.

— Почему ты плачешь, Бибха? Разве ты была здесь счастлива? Горе, страдания и печаль окружают нас. И вот ты вырвешься наконец из этой тюрьмы.

Бибха поднялась.

— Иди. Только смотри не забывай нас. Вспоминай хоть изредка, присылай весточку.

В волнении Бибха подошла к Раммохону.

— Я не могу сейчас уехать.

— Да что ты, ма?

— Не могу. Покинув брата в одиночестве, я никогда не буду счастлива. Ведь я виновница всех его бед и мучений. До тех пор, пока к нему не вернется радость, я не расстанусь с ним. Кто станет заботиться об Удайдитто!

И Бибха вся в слезах ушла.

На женской половине поднялся ужасный шум. Пришла рани, стала упрекать Бибху. Угрозы сменились угрозами, но Бибха все твердила:

— Нет, нет, не могу...

От гнева и досады рани расплакалась.

— Никогда не видала такой скверной девчонки!

Она отправилась к мужу и все рассказала ему. Однако Протападитто спокойно заметил:

— Тем лучше. Раз Бибха не хочет — зачем ей уходить?

Рани только всплеснула руками и в отчаянии проговорила:

— Что хотите, то и делайте, — не скажу больше ни слова!

Удайдитто ушам своим не поверил, когда услышал о решении Бибхи. Он долго уговаривал сестру, но та продолжала стоять на своем.

Потеряв всякую надежду, Раммохон печально сказал:

— Ну, ма, я пойду... Но что я скажу махарадже?

Бибха молчала.

— Прощай, ма!

Поклонившись до земли, Раммохон удалился. Бибха сразу же поникла, разрыдалась. С тоскою в голосе звала:

— Мохон...

Раммохон вернулся.

— Что, ма?

— Скажи махарадже, чтобы простил меня. Такая уж, видно, моя судьба.

— Как прикажете, — сухо ответил Раммохон.

Еще раз поклонившись, он удалился. Бибха знала, что Раммохон не разделяет ее чувств, для него это было слишком сложно. Он не понимал, каких усилий стоило Бибхе остаться в доме отца, и, несмотря на свою любовь к молодой госпоже, ушел разгневанный.

Одна только Бибха знала, что творится у нее в душе.

Бибха осталась. Она больше не плакала, но на сердце ее лег тяжелый камень. Худенькая и поблекшая, она бродила по дому, стараясь заняться какой-нибудь работой. Она молча выслушивала упреки матери, а потом тихо удалялась, будто одинокая печальная тучка.

Если ее спрашивали: «Почему ты все худеешь, Бибха?» — она лишь слабо улыбалась.

Как раз в эти дни Бхагобото и вручил махарадже фальшивое воззвание за подписью сына. Владыка Джесора вспыхнул, как огонь. Он долго размышлял и наконец приказал посадить Удоядитто в тюрьму.

— Махараджа, не верьте, молодой раджа не виновен. Отрежьте язык клеветнику. Удоядитто не мог такое сотворить, — уговаривал министр махараджу.

— А я и не очень верю. Беды никакой не случится, если Удоядитто посидит в тюрьме. Мучить его там никто не будет. А чтобы ничего не было предпринято тайно, я приставлю к нему стражников.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Словно преступник, предстал Раммохон перед махараджей. Тот обдумывал свой монолог, каким намеревался встретить жену. Он собирался поговорить с ней резко, сказать ей все, что он думает об ее отце и обо всем их

роде. Рамчондро тщательно обдумал свои слова и решил, где, когда и как произнесет их. Хотел ли он обидеть Бибху? Нет, к этому он не стремился. Ему просто хотелось, чтобы ей стало стыдно за своего отца, — пусть хоть этим он отомстит тестю.

В предвкушении победы, махараджа совсем забыл о том, что Бибха может почему-либо не приехать, и, увидев Раммохона одного, удивленно воскликнул:

— Что случилось, Раммохон?

— Все мои старания пропали даром...

Раджа вздрогнул.

— Ты не привез ее?

— Не привез, мой господин. В неблагоприятный момент отправился я в Джессор.

Раджа пришел в страшную ярость.

— Негодяй, кто просил тебя ездить туда? Ведь я запретил тебе, ты не послушал, стал уговаривать, я согласился, и вот теперь...

Раммохон, приложив руку ко лбу, печально произнес:

— Махараджа, в том повинна моя судьба.

Рамчондро Рай совсем рассвирепел.

— Позор Рамчондро Раю! Ты ходил от моего имени просить милостыню, негодяй, а Протападитто отказал тебе... Никогда еще в нашем роду не было такого позора!

Раммохон поднял голову и с гордостью произнес:

— Не говорите так, махараджа! Если бы даже Протападитто не разрешил, я бы увез госпожу, раз обещал вам. Не испугался бы. Ваш приказ для меня превыше всего. Хоть он и махараджа, я слуга ваш, а не его.

— Что же произошло?

Раммохон долго молчал.

— Говори же!

— Махараджа... — умоляюще произнес Раммохон, сложив руки.

— Что? Говори!

— Махараджа, госпожа сама отказалась ехать... — Глаза старика увлажнились слезами. Он так верил своей госпоже, с такой радостью отправился в Джессор, а госпожа обманула его надежды. Трудно описать, что творилось в душе старика в этот момент.

Махараджа вскочил и, вытаращив глаза, закричал:

— А ты не лжешь? — В бешенстве он не мог найти подходящих слов. — Она сама отказалась ехать? Негодяй, сейчас же убирайся с глаз моих!

Не говоря ни слова, Раммохон вышел. Он считал себя кругом виноватым и готов был понести любое наказание.

Раджа не знал, как отомстить за оскорбление. Что может он сделать с владыкой Джессора, если даже не в силах получить его дочь! Рамчондро в волнении ходил по комнате.

Не прошло и нескольких дней, как весть о том, что Бибха отказалась приехать, облетела весь Чондродип. Рамчондро Рай понимал, что должен немедленно что-то предпринять, иначе ему не спастись от сплетен и пересудов. А этого он боялся больше всего на свете. Все подданные раджи с негодованием восклицали: «Наш махараджа опозорен». Они тоже жаждали мести. «Я достаточно силен, чтобы свести счеты с тестем, — рассуждал Рамчондро Рай. — Что подумают люди, что подумают слуги, что станет говорить шут!» Он живо представил себе, как Ромаи в присутствии других начнет кривляться и высмеивать его, и беспокойство с новой силой овладело им.

И вот однажды министр предложил радже выход.

— Махараджа, возьмите себе другую жену.

— А дочь Протападитто пусть остается со своим братом, — подхватил шут.

Раджа посмотрел на шута и, улыбаясь, сказал:

— Верно, Ромаи.

Увидев улыбку на лице раджи, остальные тоже стали смеяться. Один Форнандидж не участвовал в общем веселье. Люди, подобные Рамчондро Раю, постоянно говорят о чести, но не знают, как сберечь ее, и имеют о ней весьма ложное представление.

— Министр прав, — проговорил управляющий. — Если махараджа женится, Протападитто и его дочь получат по заслугам.

— Не забудьте пригласить на свадьбу вашего нынешнего тестя, а то, чего доброго, он еще обидится, — вставил Ромаи, подмигнув.

Все так и покатались со смеху. Те, что сидели поодаль, не слышали разговора, но, глядя на других, тоже захохотали.

А шут совсем разошелся.

— Пригласите женщин из Джессора и вместе с ними тещу, пусть они прислуживают вам на свадьбе. А когда станете отсылать блюдо со сладостями своей бывшей супруге, не забудьте положить два зеленых банана.

Раджа сконфуженно рассмеялся. Члены собрания, прикрыв лица чадором, захихикали. Форнандидж поднялся и вышел незамеченным.

Решил сострить и управляющий.

— Если сладости предназначены лишь для низких людей, значит, в Джессоре они будут съедены все без остатка... А вот в Чондродипе вряд ли найдется человек, который был бы достоин есть сладости.

Но этой шутке никто не рассмеялся. Раджа молча курил трубку. Члены собрания задумались. Романи удивленно посмотрел на управляющего, а один из придворных печально спросил:

— Что это господин управляющий сказал? Разве на свадьбе раджи будет так мало сладостей?

Господин управляющий почесал голову.

После долгих разговоров вопрос о свадьбе был наконец решен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Дом, в который посадили Удайдитто, не был настоящей тюрьмой. Он представлял собой небольшое строение, прилегающее ко дворцу. Справа от дома была дорога, слева — огромная стена, по которой ходила стража. Сквозь единственное крошечное оконце можно было увидеть лишь кусочек неба, бамбуковые заросли да храм бога Шивы. Уже наступила ночь, когда Удайдитто ввели в тюрьму. Молодой раджа подошел к окну и опустил на земляной пол.

Наступил сезон дождей. Небо все время было хмурым. По улицам текли потоки воды. В безмолвии ночи слышно было, как шлепали по лужам запоздалые путники.

Мерные шаги стражников казались биением сердца тюрьмы. Шли часы. По временам до слуха Удоядитто доносилась переключка часовых.

Заросли бамбука были сплошь усеяны светлячками. Удоядитто всю ночь смотрел на них, прислушиваясь к неслышимым шагам стражи.

В тот вечер, когда был арестован молодой раджа, во дворце собралось множество народу: слуги, служанки, тетки — сестры матери и отца.

Каждый непременно спрашивал: «Что случилось, есть ли новости?» Стоило набежать на глаза хоть одной слезинке, как сразу: «Что? Почему?»; стоило тяжело вздохнуть — опять расспросы. Бибха не выдержала и ушла в сад.

Солнце сегодня ни разу не выглянуло из-за туч, и вечер наступил как-то незаметно. На западе блеснула была золотая полоска, но тотчас же исчезла. Мрак окутал все вокруг. Верхушки тамарисков утратили свои очертания. Казалось, в мире нет ничего, кроме этой громадной, все поглотившей тьмы, которая стоит на тысячах длинных ног.

Наступила ночь. Во дворце один за другим погасли светильники. Бибха опустилась на землю у подножия тамариска. Обычно пугливая, сегодня она ничего не боялась. Только по мере того как сгущалась тьма, ей все больше и больше казалось, будто земля уходит у нее из-под ног; будто ее оттолкнули от счастья, покоя и мирных берегов вселенной и она погрузилась в бездонный океан тьмы: она то выплывала, то снова опускалась на дно, а над головой все сгущался и сгущался мрак. Вот почва совсем ушла из-под ног, берега не видно, а течение относит Бибху дальше и дальше. Ей казалось, что к небу медленно поднимается гигантский занавес, заслонивший от нее показавшийся было берег. Сердце Бибхи сжалось. Там, на берегу, остался солнечный свет, остались забавы, праздники и веселье. Она почти физически ощутила, как кто-то грубой рукой схватил ее и держит, не дает переправиться на тот берег. В кромешной тьме она увидела, как бог начертал ее будущее, и вот она сидит одинокая в бескрайнем мире и читает это будущее. Слез

у нее больше нет, вся она словно окаменела, даже глаза стали неподвижными.

Около полуночи зашелестела листва на деревьях, где-то вдали, словно ребенок, заплакал ветер. Бибхе почудилось, будто там, на самом краю вселенной, на берегу океана, рыдают крошечные существа — ее желания и любовь — и, протянув ручонки, с тоской зовут ее. Они рвутся к Бибхе, но не видят перед собой дороги; сквозь густой, неподвижный мрак, через тысячи верст их плач доходит до Бибхи. Душа молодой женщины жалобно шепчет: «Кто они? О чем плачут?» Бибха мысленно совершает далекое путешествие. Она идет по безлюдной темной дороге одна, никто не попадается ей навстречу. Проходят тысячелетия, а дороге нет конца. Бесконечная, беспросветная пустота. Нет ни воздуха, ни звуков, ни дня, ни ночи, ни людей, ни звезд, ни сторон горизонта; только по временам вокруг поднимается жалобный плач да где-то вдали завывает ветер.

Так прошла ночь. Утром Бибха попыталась проникнуть в тюрьму к Удоядитто, но ей не разрешили. Весь день провела она в слезах. И наконец решила пойти к отцу. Припав к его ногам, она вымолила разрешение. На следующий день, едва забрезжил рассвет, Бибха вскочила с постели и побежала к Удоядитто. Сердце ее едва не разорвалось от горя, когда она увидела брата спящим прямо на земляном полу. С трудом сдерживая рыдания, она тихонько подошла к Удоядитто и опустилась рядом с ним на пол.

Рассвело. В лесу запели птицы. На дороге затянули песню путники. Даже стражники, которые провели без сна несколько ночей, увидев солнышко, начали потихоньку напевать. Из соседнего храма донеслись звуки раковины. Удоядитто вздрогнул, словно от испуга, и проснулся.

— Это ты, Бибха? Так рано? Что это? Где я? — воскликнул он. Но тут же вспомнил все, что произошло с ним, и со вздохом посмотрел на Бибху.

— Ах, Бибха, это ты. Вчера я весь день не видел тебя. И мне показалось, что мы никогда больше не встретимся.

— Дада, почему ты сидишь на земле? Ведь у тебя есть постель. Ты, верно, все это время так и просидел на полу? — Бибха заплакала.

Удоядитто произнес едва слышно:

— Но ведь оттуда я не увидел бы неба, Бибха. А через оконце мне видно, как летят птицы, и я начинаю верить, что настанет час, когда я вырвусь из этой клетки и стану вольной птицей. Но стоит мне отойти от окна, как вокруг меня сгущается мрак и надежда на освобождение исчезает. Тогда мне кажется, что цепи никогда не спадут с меня. Лишь на этом крошечном клочке земли у окна я знаю, что я свободен и что никакой раджа, никакой махараджа не в силах сделать меня узником. А там, на мягкой постели, — моя тюрьма.

Удоядитто радовался приходу Бибхи. Ему показалось на миг, что двери тюрьмы распахнулись перед ним. Усадив сестру рядом с собой, молодой раджа говорил ей такие слова, каких прежде она никогда от него слышала. И Бибха всей душой понимала, как он рад ей. Какая таинственная сила передает вести от одного к другому? Почему волна, поднявшаяся в одной душе, вызывает ответную волну в другой? Сердце Бибхи трепетало от счастья. Наконец-то сбылось ее заветное желание. Бибха торжествовала — она доставила брату минутку радости. Силы ее удесятерились.

Много дней, мучительных и долгих, Бибху окружала беспросветная тьма, нигде она не видела спасительного берега, и девушка совсем склонилась под тяжестью своего горя. Разве могла она рассчитывать на свои слабые силы? Конечно, она делала все, что могла: постоянно окружала Удоядитто заботой и лаской, но мысль, что она никогда не сможет сделать его счастливым, ни на миг не покидала ее. И вот сегодня она неожиданно достигла заветной цели. Усталости как не бывало. На глазах Бибхи, будто росинки зари, заблестели слезы радости, на губах расцвела улыбка, светлая, как луч солнца.

Бибха будто сама стала узницей. Едва светало, ее хрупкая фигурка появлялась на пороге тюрьмы. Бибха ничего не разрешала делать слугам — все делала сама: приносила брату еду, приготавливала постель. Каждое утро она украшала мрачное жилье брата цветами, а од-

нажды принесла даже попугая. В доме нашлась «Махабхарата», и Удоядитто вслух читал ее.

Но вскоре в душу молодого раджи закралась тревога: зачем он увлекает за собой на дно девушку, сердце которой еще не извдало счастья, а желания не сбылись? Каждый день он решал, что Бибха не должна больше приходить. Но когда с ветерком зари, с первыми лучами солнца, неся с собой свежесть и юность, она входила к нему, когда он видел ее нежное лицо и ясную улыбку, вся его решимость пропадала. Во взгляде ее было столько заботы, столько светлой радости, столько нежности в голосе и словах, что он не в силах был сказать ей: «Бибха, не приходи. Мы не должны больше видеться». Каждый день он думал: «Завтра скажу», — но это завтра не наступало.

Наконец молодой раджа твердо решил поговорить с сестрой и, когда однажды утром Бибха пришла, сказал ей:

— Бибха, не приходи сюда больше. Иначе я не найду себе покоя. Каждый раз во мраке ночи кто-то невидимый является ко мне и говорит: «Бибхе грозит опасность». Беги от меня, Бибха. Я родился под несчастливой звездой. Я несу горе всей стране. Уезжай в дом свекра, и если оттуда ты хоть изредка будешь сообщать о себе, я буду счастлив, зная, что счастлива ты.

Бибха молчала. Удоядитто долго смотрел на нее. В глазах у него заблестели слезы. Молодой раджа понял, что до тех пор, пока он не освободится из тюрьмы, Бибха ни за что не покинет его. Но что делать? Как освободиться?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Рамчондро Рай полагал, что Бибха не пришла в Чондродип либо по приказу Протападитто, либо по совету брата. Думать о том, что Бибха сама не пожелала приехать, ему не хотелось. Это слишком было по его самолюбию. «Протападитто решил опозорить меня, — размышлял Рамчондро, — поэтому он никогда непустит ко мне Бибху. Но почему мне не опередить его? Почему бы мне не написать ему, что я отказываюсь от его дочери и что незачем ее присылать в Чондродип?»

Поразмыслив и посоветовавшись с приближенными, он наконец написал письмо. Составить его было делом не легким. Рамчондро испытывал безотчетный страх. У него было такое чувство, будто он с головокружительной быстротой летит вниз с крутой горы. Но остановиться он не мог. Призвав Раммохона, он сказал ему:

— Ступай, отнеси письмо в Джессор.

Старик умоляюще сложил руки.

— Смилуйся, махараджа, не могу я этого сделать. Я решил не бывать больше в Джессоре. Если бы вы приказали мне снова поехать за госпожой, я бы выполнил ваш приказ. Но отвезти это письмо не могу.

Не сказав больше ни слова, раджа отправил с посланием старого Ноянчанда. Тот прибыл в Джессор, однако вручить письмо Протападитто побоялся и после долгих колебаний отдал его рани.

Рани одолевали мрачные думы. Заботы о Бибхе и боль за сына терзали ее. Скандалы в семье совсем измучили бедную женщину. Глаза ее не высыхали от слез. Она забросила даже домашние дела. В таком состоянии рани получила письмо от зятя. Она не знала, что делать. Разве могла она рассказать об этом дочери? Нежная и чувствительная Бибха не перенесет такого удара. А о том, что может произойти, если слух о письме дойдет до Протападитто, рани даже боялась думать. Но что поделаешь? Трудно оставаться наедине со своим горем. Ей нужно было поговорить, посоветоваться с кем-нибудь. Не видя иного выхода, рани отправилась к мужу.

— Махараджа! Что делать с Бибхой?

— А что случилось?

— Ничего не случилось, но ведь нужно же когда-нибудь послать ее к мужу...

— Я и сам понимаю. Но почему вдруг ты заговорила об этом сегодня?

Рани испугалась.

— У тебя всегда одно на уме. Разве я говорю, будто что-то случилось? А если бы даже и случилось...

Протападитто разозлился.

— Ну что? Что тогда?

— Подумай, муж совсем может оставить Бибху, — и рани разрыдалась.

Протападитто еще больше рассердился. Глаза его метали огненные стрелы. Тогда рани поспешно вытерла слезы и сказала:

— Пока муж еще не покинул нашу девочку. Но вдруг когда-нибудь он поступит так?

— Тогда и решу, что делать, а теперь нечего об этом думать.

Рани снова зарыдала.

— Махараджа, я припадаю к твоим ногам, внемли моей мольбе! Подумай, что станет с Бибхой? Душа моя вся изболелась. Ты причиняешь мне такие страдания. Удоя, мое дитя, сына раджи, ты, словно преступника, заключил в тюрьму, хотя он ни перед кем из нас не виноват, ничего дурного не совершил. Он не приучен к государственным делам, не умеет управлять подданными. Но разве виновен он в том, что создатель сделал его таким?

И рани еще сильнее зарыдала.

— Сколько раз мы говорили об этом? К чему же повторять! — раздраженно сказал Протападитто.

В отчаянии рани ударила себя рукой по лбу и воскликнула:

— Несчастливая моя судьба! Ну, что мне сказать еще, чтобы ты понял?.. Что мне сделать, чтобы ты выслушал меня? Посмотри хоть разок на лицо Бибхи, махараджа. Она все молчит, но день ото дня чахнет. Ходит как тень... Пощади ее!

Тут Протападитто пришел в такую ярость, что рани в страхе удалилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Между тем Шитарам, узнав, что Удоядитто заключили в тюрьму, с ног сбился. Первым делом он помчался к Рукмини и высказал ей все, что думал о ней. Он готов был убить ее.

— Ах, проклятая! — кричал он. — Я разорю твой дом, спалю его, но молодого раджу спасу, не будь я Шитарам, если не сделаю этого! Сейчас я отправлюсь в Райгор, но когда вернусь, обдеру твою черную рожу точильным кам-

нем, обмажу тебя известью и грязью и выгоню из города. Только тогда я смогу спокойно жить на свете.

Сначала Рукмини слушала Шитарам молча, глядя на него с удивлением. Но вдруг лицо ее исказилось от злости, кулаки судорожно сжались, густые черные брови сдвинулись, в иссиня-черных зрачках засверкали молнии, вся она напряглась; потом толстая нижняя губа ее задрожала, брови задвигались, волосы встали дыбом, ее трясло как в лихорадке. Если бы Шитарам в этот момент не вышел, на голову его обрушилось бы дьявольское проклятие, поток неудержимой злобы. Оставшись одна, Рукмини постепенно начала приходить в себя и наконец бессильно опустилась на пол.

— Ах, вот как! Ты стал заботиться о молодом радже! Молодому радже грозит опасность, и ты осмелился вступить за него, будто молодой раджа мне никто. Дьявол! Да знаешь ли ты, что молодой раджа принадлежит мне! Я одна могу сделать ему добро или причинить зло! Ты задумал освободить моего раджу из тюрьмы? Посмотрим, удастся ли тебе это!

В тот же день Шитарам отправился в Райгор.

Бошонто Рая он нашел на террасе райгорского дворца. Перед дворцом раскинулось широкое поле, разделенное оврагом, по ту сторону оврага, в манговой роще, уходило на покой солнце. В руках у старика уже не было его неразлучной подруги — ситары. Старик смотрел на заходящее солнце и потихоньку напевал:

Все, что было когда-то моим,
Вдруг рассеялось сразу, как дым.
Я — один, никого из родных,
Я не слышу, не знаю о них.
Где вы, где? — Я зову их в слезах.
Все ушло, все рассыпалось в прах.
Нет ни сил, ни бывшего огня.
Что ж осталось теперь у меня? —
Пустота!.. Пожалей меня, бог!
Одинок я, совсем одинок.

Кто знает, какие думы тревожили старика? Быть может, думы о тех, кому он пел всегда свои песни?.. Вот и сейчас он поет, но это не приносит ему былой радости. Забыл ли он это чувство совсем? Конечно нет, не забыл.

Просто, нет рядом тех, с кем связаны были счастье и радость. А как хочется прижать их к своему сердцу! Но где они? Бывало, утром, когда вон над той пальмой собирались тучи, пробуждая в душе его трепет восторга, он отправлялся в Джессор. А теперь? Увидит ли он их когда-нибудь еще раз?.. И сейчас нет-нет да забьется восторженно сердце, но увы... Старик смотрел на заходящее солнце, а из уст его сама собой лилась та же песня:

Все, что было когда-то моим,
Вдруг рассеялось сразу, как дым.

Подошел хан-сахиб, поклонился до земли.

— Входи, входи, хан-сахиб... Почему так печально твое лицо? У тебя плохое настроение? — спросил старик озабоченно.

— Махараджа, не спрашивайте меня о настроении. Могу ли я, глядя на вашу печаль, быть счастливым? «Ночь и я — больше нет никого, над моей головой луна. Вместе с ней я смеюсь, вместе с ней я грущу...» Так и я, махараджа. Если вы не смеетесь, я не могу быть веселым. Нет у нас больше счастья, мой господин!

Бошонто Рай перебил его:

— Что ты говоришь, сахиб! Я не так уж несчастен. Даже наедине с самим собой я смеюсь, у меня есть свои радости. Разве это не счастье для меня, хан-сахиб?

— Махараджа, не слышно больше ваших песен.

— Хочешь, я спою тебе? — печально спросил Бошонто Рай. —

Все, что было когда-то моим,
Вдруг рассеялось сразу, как дым.

— Вы больше не играете на ситаре. Где она?

Бошонто Рай слабо улыбнулся:

— Ситара есть, только струны ее порвались, не звучат они больше. — Он посмотрел на манговую рощу и провел рукой по голове.

Некоторое время Бошонто Рай молчал, потом вдруг воскликнул:

— Хан-сахиб, спой свою песню: «С короной иль без короны, молод иль стар».

И хан-сахиб запел:

С короной иль без короны, молод иль стар...

Бошонто Рай слушал-слушал, потом не выдержал и запел вместе с ним, отбивая такт:

С короной иль без короны, молод иль стар...

Зашло солнце, постепенно стемнело. Пастухи, проходившие мимо дворца, подхватили песню. В это время появился Шитарам.

— Да здравствует махараджа! — молвил он с поклоном.

Бошонто Рай вздрогнул. Песня оборвалась. Старик торопливо подошел к гостю, положил руку ему на плечо.

— Это ты, Шитарам? Хорошо ли живешь? Как Удой? Где Бибха? Добрые ли вести принес?

Хан-сахиб вышел.

— Погодите, махараджа, я расскажу все по порядку.

И Шитарам рассказал ему все. Одно лишь оставалось неясным в его рассказе: за что Удоядитто посадили в тюрьму.

Бошонто Раю показалось, будто небо разверзлось над ним. Он судорожно вцепился в руку Шитарамы и, глядя на него широко открытыми, полными ужаса глазами, воскликнул:

— Неужели все это правда?!

— С вашего разрешения, да, махараджа.

— Шитарам... — произнес Бошонто Рай дрогнувшим голосом.

— Да, махараджа?

— Где же Удой теперь?

— Он в тюрьме, махараджа.

Бошонто Рай обхватил голову руками. Ничего подобного он даже представить себе не мог. Затем он снова схватил Шитараму за руку.

— Шитарам!

— Что прикажете, махараджа?

— Что делает теперь Удой?

— Что же ему делать? Ведь он в тюрьме.

— Разве к нему никого не пускают?

— Нет, махараджа.

— И выходить ему не позволяют?

— Нет, махараджа.

— Он там совсем один?

Все эти вопросы старик задавал скорее самому себе, но Шитарам не догадывался об этом и продолжал отвечать.

— Удой! — воскликнул Бошонто Рай. — Ты должен быть здесь. В моем дворце никто не посмеет тебя тронуть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На следующий же день Бошонто Рай, невзирая ни на какие запреты, отправился в Джессор. Прибыв туда, он прошел прямо на женскую половину дворца.

Неожиданно увидев деда, Бибха растерялась и некоторое время не могла прийти в себя от изумления. На губах ее играла улыбка, а уста ничего не произносили. Прошло еще немного времени, и Бибха упала к ногам Бошонто Рая. Бошонто Рай поднял ее и вопрошающе произнес:

— Ну что, Бибха?

В глубине его души еще тлела слабая надежда, что все, что сказал ему Шитарам, окажется ложью. Он боялся расспрашивать, боялся, что Бибха сразу расскажет ему все, а он не хотел этого и, со страхом глядя в лицо ей, повторял:

— Ну что, Бибха?

Бибха прекрасно понимала, что означал пытливый взгляд деда, но молчала. Нежданная радость светлой волной захлестнула ей душу. Бибха вспомнила те счастливые дни, когда Бошонто Рай приходил прежде, — какой это был для нее праздник! Какую радость приносил с собою старик! Смеялась и шутила Шурому, молча улыбалась она сама, Удой со спокойной радостью слушал песни старика...

А сегодня никто не выбежал дедушке навстречу. Из этой роковой семьи лишь Бибха, одинокий осколок разбитого счастья, стоит подле него. Прежде, когда приходил Бошонто Рай, из комнаты Шуромы доносились радостные возгласы, теперь же старику казалось, что из этой комнаты, пустой и мрачной, вот-вот вырвется стон.

Словно надеясь на что-то, Бошонто Рай остановился возле комнаты Шуромы, заглянул в дверь, посмотрел кругом, и из души его вырвался крик отчаяния:

— Бибха, разве там никого нет?!

Бибха заплакала.

— Нет, дедушка, никого.

В пустой комнате отозвалось эхо: «Никого».

Бошонто Рай долго молчал. Потом взял Бибху за руку и нараспев прочел:

Все, что было когда-то моим,
Вдруг рассеялось сразу, как дым.

Посидев еще немного с Бибхой, старик направился к Протападитто и с мольбой обратился к нему:

— Протап, за что ты все время преследуешь Удою? Что он сделал тебе и всем остальным? Если ты не любишь его, если каждым своим поступком он причиняет тебе вред, отдай мальчика мне! Я увезу Удою, и ты никогда больше его не увидишь! Он всегда будет со мной.

Протападитто терпеливо выслушал Бошонто Рая и наконец произнес:

— Уважаемый дядюшка, с Удоем я поступил так после долгих размышлений, а вы, ничего не узнав толком, пришли меня упрекать. Прошу, увольте меня от ваших советов!

Старик подошел к племяннику и взял его за руку.

— Протап, неужели ты забыл? Неужели ты забыл, что я тебя вынянчил?! Разве с тех пор, как покойный мой брат поручил мне тебя, тебе было плохо когда-нибудь в моем доме? Ты остался у меня на руках совсем беспомощным малюткой, но разве хоть когда-нибудь ты чувствовал себя сиротой? Скажи мне, Протап, чем провинился перед тобой старик? За что ты причиняешь ему столько огорчений на закате его жизни? Не думай, что я говорю так, потому что воспитал тебя. Я вовсе не считаю тебя своим должником. Заботясь о тебе, я хотел лишь отплатить любовью за любовь моему старшему брату. А от тебя, Протап, мне ничего не нужно, я ничего не требую, только милостыню прошу.

Слезы хлынули из глаз старика. Но Протападитто сидел, будто каменное изваяние.

— Ты глух к моей мольбе?! Не подашь мне даже милостыни? Что же ты молчишь? — Старик тяжело вздохнул. — Хорошо, тогда исполни мою маленькую просьбу — позволь мне повидаться с Удайдитто.

Однако Протападитто и этого не разрешил. Он был взбешен. Как смеет старик наперекор ему проявлять такую любовь к Удайдитто?! Так бывало всегда: если кто-нибудь перечил махарадже, он становился еще упрямей.

Грустный вернулся Бошонто Рай на женскую половину. При виде его у Бибхи защемило сердце. Она взяла старика за руку.

— Дедушка, пойдем ко мне.

Старик молча последовал за внучкой. Когда они вошли в комнату, Бибха присела рядом и нежной ручкой начала гладить голову старика.

— Дедушка, дай-ка я вырву у тебя седой волос.

— Что ты, милая! Седина украшала мою голову, пока я был молод. Тогда я и сам просил вас седые волосы вырывать. А теперь их нет, ведь я уж совсем старик.

Бошонто Рай увидел, как помрачнело лицо Бибхи, как заблестели слезы в ее глазах, и торопливо прибавил смеясь:

— Ну, ну, Бибха, выдерни все, что остались там. Не сердись, дружок, не могу же я без конца обеспечивать вас седыми волосами: с годами они совсем вылезли. Если ты найдешь хоть один волосок, можешь вырвать его.

Вошла служанка.

— Рани желает видеть вас, — обратилась она к Бошонто Раю.

Старик направился в комнату рани, а Бибха — к брату в тюрьму. Рани низко поклонилась Бошонто Раю, он благословил ее:

— Да будут долгими твои лета, ма!

— Благодарю за пожелание, но уж лучше мне умереть.

— Не надо произносить таких слов! — взволнованно воскликнул Бошонто Рай.

— А что еще я могу сказать тебе? Какой-то враг сглазил мою семью. Когда я смотрю на Бибху, еда застревает у меня в горле. Спросишь ее — она молчит. Чахнет на глазах. Не знаю, что делать с ней! Вот взгляни на это

роковое письмо, — она передала Бошонто Раю послание зятя. — Ах, как я несчастна! — рыдала рани. — Удой — мое дитя, отец совсем не знает его. На раджу он как будто и не похож, это правда. Но ведь он сын мне, я выносила его в собственном чреве, а что с ним теперь, как он там, в тюрьме? Ничего я не знаю! Мне даже не позволили с ним повидаться.

О чем бы рани теперь ни говорила, каждое слово ее было проникнуто печалью о сыне. Горе день и ночь давило ее.

Прочитав письмо, Бошонто Рай был поражен. Он долго молчал, поглаживая голову, затем спросил:

— Ты никому не показывала этого письма?

— Конечно нет. Не дай бог, чтобы махараджа узнал. Да и Бибха не перенесла бы такого удара!

— Хорошо сделала, ма. Никому не говори, а Бибху отошли в дом свекра, сейчас не время размышлять о чести.

— Я тоже так думала. Что мне за дело до чести? Лишь бы Бибха моя была счастлива. Только вот боюсь, как бы они не обидели девочку.

— Обидеть Бибху! Разве она это заслужила?! Нет, Бибху всюду должна ждать только любовь. Где еще найдешь такое воплощение Лакшми! Рамчондро написал это письмо только потому, что рассердился на вас. А сейчас, я уверен, его гнев прошел.

Обладая чистым сердцем и ясным умом, Бошонто Рай не мог представить себе, что все произошло совсем не так. Рани согласилась с ним.

— Сделай так, чтобы по всему дворцу прошел слух о том, будто Рамчондро прислал письмо, в котором просит отослать Бибху в Чондродип. После этого Бибха, несомненно, не станет противиться и поедет к мужу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сгустились сумерки... Бошонто Рай одиноко сидел во флигеле дворца. Вошел Шитарам, низко поклонился.

— Какие вести, Шитарам?

— После скажу, а сейчас вам необходимо следовать за мной.

— Зачем? Куда?

Шитарам подошел совсем близко к Бошонто Раю и прошептал ему что-то на ухо. Старик широко раскрыл глаза.

— Это правда?!

— Да, махараджа.

Бошонто Рай колебался.

— Нужно сию же минуту идти?

— Непременно.

— А не повидаться ли мне прежде с Бибхой?

— Нет. Медлить нельзя ни минуты.

— Но куда мы пойдем?

— Следуйте за мной. Я поведу вас.

Бошонто Рай поднялся.

— Почему же мне нельзя повидаться с Бибхой?

— Никак нельзя, махараджа... Если мы задержимся, все погибнет.

— Ну что же, делать нечего... — заторопился Бошонто Рай.

И они пошли.

— А если мы задержимся на минутку? — снова заговорил старик.

— Нет, махараджа, любое промедление грозит опасностью.

— Дурга, помоги нам! — произнес Бошонто Рай и вышел из дворца.

Удоядитто не знал о приезде Бошонто Рая. Бибха ему ничего не сказала. Раз им нельзя увидеться, к чему напрасно причинять страдания брату? Когда настал вечер, Бибха покинула тюрьму, а Удоядитто при слабом огоньке единственного светильника начал читать какую-то санскритскую книгу. В крохотное оконце влетал ветерок, он колыхал слабое пламя светильника, и от этого буквы расплывались. На свет слетались бабочки и мотыльки. Несколько раз светильник вот-вот готов был угаснуть, и в конце концов порыв ветра совсем задул его. Удоядитто отбросил книгу и сел на постель. Грустные думы овладели им. Сегодня Бибха почему-то пришла с большим опозданием и, едва наступил вечер, ушла. В минувший день сестра показалась ему особенно печальной. В целом свете у него, кроме Бибхи, никого не

осталось. Лишь ее одну он видит теперь, ему не о ком больше думать. Он хранил в памяти каждую ее улыбку, каждое слово. Каждая черточка лица сестры была для Удоядитто так же дорога, как капля воды изнывающему от жажды человеку в пустыне. И вот, сидя в темноте и вспоминая грустное личико Бибхи, Удоядитто вдруг подумал: «А что, если Бибхе в конце концов надоест утешать в этой мрачной тюрьме человека, пусть даже брата, которого преследуют несчастья? Не увидит ли она со временем во мне преграду к собственному счастью, камень преткновения на пути к нему? Сегодня она опоздала, завтра еще больше опоздает. Однажды он прождет весь день, а она не придет; пройдет полдень, кончится вечер, настанет ночь, потом рассвет... Бибха не придет совсем».

Душа Удоядитто стонала от таких мыслей, разыгравшееся воображение рисовало ужасающую пустоту. Да, конечно, настанет день, когда Бибха, поняв, что именно он помеха ее счастью, посмотрит на него нелюбящим взглядом... Сердце молодого раджи начинало трепетать при одном, даже самом отдаленном, намеке на такой исход. Затем Удоядитто стал думать о том, что он эгоист. «Любя Бибху, — думал он, — я причиняю ей такой вред, какого не принес бы ей самый заклятый враг». Удоядитто клялся, что оставит сестру в покое. Но едва он представлял себе, что потеряет ее, как силы покидали его, и он, словно утопающий в безбрежном океане, цеплялся за свою последнюю надежду — за Бибху.

Вдруг до молодого раджи донеслись душераздирающие крики: «Пожар, пожар!» — и топот сотен ног. Сердце Удоядитто дрогнуло. Он понял, что горит где-то совсем близко от дворца. Шум все рос, и вместе с ним росла тревога молодого раджи. Вдруг дверь его темницы распахнулась. Кто-то вошел. Удоядитто вздрогнул.

— Кто здесь? — спросил он.

— Я, Шитарам... Выходите скорее!

— Зачем?

— Быстрее! Тюрьма горит! — С этими словами Шитарам подхватил Удоядитто и почти вынес его из тюрьмы.

Давно Удоядитто не был на воле. Огромное небо распростерлось над ним. Ветер, распахнув свои гигантские крылья, обнял молодого раджу. Все преграды рухнули в эту ночь. Удоядитто стоял на мягкой траве широкого поля под взглядом бесчисленных звезд, разбросанных по небу, и безграничная радость переполняла его душу. Несколько минут он молча наслаждался свободой. Затем спросил Шитарам:

— Что мне делать? Куда идти?

После долгих дней, проведенных в тесной комнате, где нельзя было даже свободно двигаться, Удоядитто чувствовал себя совершенно беспомощным и все спрашивал:

— Что мне делать? Куда идти?

— Идите за мной! — сказал ему Шитарам.

А пламя бушевало все сильней и сильней. Вечером какие-то люди пришли в контору по своим делам. Они сидели во дворе, ожидая, когда их примут. Эти люди первыми заметили пожар и подняли шум. Неподалеку от тюрьмы тянулся длинный ряд хижин — жилища стражников. Услыхав о пожаре, хозяева сбежались к своим домам. Те же, что стояли на посту, стали метаться в панике. Удоядитто охраняло два человека, но здесь не было особой нужды в строгом карауле. Они дежурили лишь потому, что так уж было положено. Молодой раджа не совершал попыток к бегству, и им даже в голову не приходило, что когда-нибудь он попробует это сделать. Поэтому эти стражники сбежали раньше других.

Наступила ночь, а пожар все не утихал. Одни вытаскивали пожитки, другие носили воду, третьи метались из стороны в сторону и шумели. Кстати, они-то и получили больше всех похвал после того, как пожар был погашен. Словом, заняты были все.

Вдруг прибежала какая-то женщина. Она все хотела что-то сказать, но никто не слушал ее. Одни ругали женщину, другие отталкивали, и лишь некоторые огрызались:

— Молодой раджа бежал... Ну и что? Тебе-то что за дело?.. Вон Доял Шинх знает... Да не брошу же я из-за тебя, ведьма, дом свой...

Женщина вертелась у всех под ногами. Столкнувшись с каким-то человеком, она вцепилась в него и закричала:

— Да что вы все тут ошалели, что ли? Забыли, видно, что у раджи на службе находитесь? Ведь молодой раджа убежал!

— Ну и хорошо сделал! А тебе что? — ответил тот, наградив ее хорошим тумаком. Это был один из участников заговора.

Удар привел женщину в бешенство. Вид ее был ужасен. Глаза горели, как у дикой тигрицы, волосы были взлохмачены, зубы оскалены. Освещенная пламенем, она казалась настоящей ведьмой. Женщина схватила с земли горящую палку и, обжигая руки, погналась за обидчиком, но не догнала и с яростью швырнула головешку ему вслед.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Шитарам привел молодого раджу ко рву, где была привязана большая лодка. Из лодки кто-то торопливо вышел им навстречу.

— Сын мой, ты пришел?

Удоядитто вздрогнул от неожиданности. Вмиг перед ним пронеслись воспоминания детства, радости и печали юности. Все лучшее на земле воплотилось в звуках этого до боли знакомого голоса. Темными бессонными ночами в тюрьме Удоядитто не раз слышал его. Не дав радже опомниться и прийти в себя от удивления, Бошонт Рай обнял его. У обоих глаза наполнились слезами. Они уселись прямо на траве и молча смотрели друг на друга. Прошло немало времени, прежде чем молодой раджа произнес:

— Дедушка!

— Что, сын мой?

Больше они ничего не могли сказать друг другу и снова умолкли. Наконец Удоядитто огляделся кругом, взглянул на небо и взволнованно произнес:

— Сегодня я обрел свободу, нашел тебя, но надолго ли это счастье?

Через некоторое время подошел Шитарам.

— Молодой раджа, пора садиться в лодку.

Удоядитто вздрогнул.

— В лодку?! Зачем?!

— С минуты на минуту сюда явится стража.

Молодой раджа удивленно спросил:

— Дедушка, разве мы должны бежать?

Бошонто Рай взял Удоядитто за руку.

— Да, дружок, я похищаю тебя. Это страна каменного сердца — они не любят тебя! Дитя лани, ты живешь в царстве тигра. Я спрячу тебя, у меня ты будешь в безопасности.

С этими словами старик прижал внука к груди, словно хотел вырвать его из царства жестокости и ввести в мир любви.

После долгих размышлений молодой раджа произнес:

— Нет, дедушка, я не могу бежать.

— Почему, сын мой? Ты хочешь лишить старика единственной надежды?

— Я пойду к отцу, припаду к его ногам и вымолю у него разрешение уйти в Райгор.

Старик становился все нетерпеливей.

— Послушай, сын мой, незачем ходить туда. Ты ничего не добьешься.

Удоядитто вздохнул.

— Тогда я вернусь в тюрьму.

Старик схватил его за руку.

— Я не пущу тебя!..

— Дедушка, ты погубишь себя, и я, несчастный, буду причиной твоей гибели! Где я — там нет покоя.

— Сын мой, из-за тебя и Бибха стала затворницей. Разве можно в ее молодые годы отказаться от счастья всей жизни?! — По щекам старика текли слезы.

— Ну что же, в таком случае я согласен, — неожиданно решил молодой раджа. — Шитарам, я хочу отослать во дворец три письма!

— В лодке есть перо и бумага. Я принесу вам. Пишите быстрее, не теряйте времени.

Первое письмо было адресовано отцу. В нем Удоядитто молил о прощении. Второе он написал матери: «Ма, родив меня, ты никогда не ведала счастья. Не печалься обо мне, ма. Я отправляюсь к деду. Там я буду жить в любви и покое. У тебя нет причин волноваться».

А Бибхе написал: «Сестра, живи много-много лет. Чего еще пожелать тебе? Будь счастлива, дорогая. В доме мужа забудь все горести и страдания. Пусть счастье вечно сопутствует тебе». Удоядитто писал, а слезы застилали ему глаза. Все три письма Шитарам отослал с одним из гребцов во дворец.

Беглецы уже спустились в лодку, но вдруг увидели, что кто-то бежит прямо к ним.

— Ведьма пожаловала! — воскликнул Шитарам.

Подбежала Рукмини. Волосы ее были взлохмачены, край сари волочился сзади по земле, глаза горели, будто раскаленные уголья. В ярости, оттого что ей не удалось отомстить, не удалось добиться желаемого, она, казалось, готова была разорвать на части кого угодно, только бы излить свой гнев.

Получив немало пинков от стражи, гасившей пожар, и обезумев от боли и злости, Рукмини пробралась во дворец. Она пыталась также проникнуть в покои Протападитто, но это ей не удалось. Сочтя Рукмини сумасшедшей, стража гнала ее прочь. Не помня себя, Рукмини выбежала из дворца и помчалась ко рву. Словно тигрица, бросилась она на Удоядитто, но Шитарам встал между ними. Рукмини с визгом вцепилась в него. Шитарам вскрикнул, подбежали гребцы и с трудом оторвали от него безумную. Как заморивший скорпион жалит свое тело, так Рукмини, разъяренная, царапала ногтями собственную грудь, рвала на себе волосы и вопила:

— Вы не уйдете! Не уйдете! Я умру, и грех за убийство женщины падет на вас.

Проклятие Рукмини эхом отозвалось в ночной тиши, и она бросилась в воду. От прошедшего недавно ливня вода во рву сильно поднялась. Где исчезла безумная — никто не видел. По плечу Шитарамы текла кровь. Намочив чадор в воде, он перевязал рану. Когда Шитарам приблизился к молодому радже, он увидел, что на лбу Удоядитто выступили капли пота, лицо его побледнело — он был близок к обмороку. Бошонто Рай стоял пораженный. Гребцы перенесли деда и внука в лодку и тотчас же отчалили.

— Плохое предзнаменование, — с тревогой заметил Шитарам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вскоре лодка достигла реки. Тут Шитарам выскочил на берег и вернулся в город. Уходя, он попросил у молодого раджи меч.

Человек, посланный с письмами Удоядитто во дворец, получил от Шитарамы тайный приказ никому их не отдавать. Возвратившись в город, Шитарам взял эти письма и уничтожил то, которое было адресовано Протападитто. Когда Шитарам добрался до города, пожар бушевал еще сильнее. У горящих домов собралась целая толпа любопытных, они мешали гасить огонь.

Излишне говорить, что пожар был делом рук Шитарамы. Ему помогали преданные Удоядитто люди и дворцовые слуги. И не бог был виною тому, что вечером вдруг запылало несколько домов и что огонь все не унимался.

Среди гасивших пожар были люди Шитарамы. Они либо тащили воду туда, где нечего было тушить, либо, отправляясь к реке, по дороге нарочно разбивали кувшины и возвращались без воды.

Воспользовавшись суматохой, сообщники Шитарамы подожгли тюрьму. Никому и в голову не приходило, что тюрьма загорится — она находилась в стороне от пожара, и о ней все забыли.

Когда тюрьму охватило пламя, Шитарам отправился туда и незаметно подбросил в комнату Удоядитто несколько костей, череп и меч, взятый у молодого раджи.

Неожиданно со стороны тюрьмы донесся крик. Услышав его, стражники закричали:

— Беда!

Кто-то сказал:

— Эй! Дом молодого раджи горит!

Кровь остановилась в жилах стражников, голова у Доял Шинха закружилась. Он выронил кувшин и побросал все, что было у него в руках, на землю. В это время прибежал еще кто-то.

— Молодой раджа зовет на помощь!

Не успел он договорить, как появился Шитарам.

— Скорей на помощь! Крыша рухнула в доме молодого раджи! Он уже не откликается!

Все бросились к тюрьме, но войти туда было невозможно — дом рухнул. Тогда стражники принялись упрекать друг друга в недосмотре. Поднялся невообразимый шум, и дело едва не дошло до драки.

«Пусть люди думают, что молодой раджа погиб, — размышлял Шитарам, — это даст мне возможность несколько дней прожить спокойно».

Он накинул на голову чадор и довольный собою пошел домой. Землю окутал ночной мрак. Ни одно живое существо не нарушало воцарившейся вокруг необыкновенной тишины. Южный ветерок шелестел в ветвях бамбука. Душа Шитарамы пела от счастья. Он шел один по безлюдной дороге, напевая веселую песенку.

Вдруг в голове у Шитарамы мелькнула мысль: «Все равно мне с семьей суждено бежать из Джессора, так не прихватить ли с собой даровых денег? Ведь эта ведьма Монгола утопилась. Никто не помешает мне войти к ней в дом. А деньжата у ведьмы водились. Родных у нее нет никого. Не мне, так другому достанутся эти деньги. Одним словом, стоит попробовать». И Шитарам направился к дому Рукмини. На душе у него было весело, и он снова запел. Навстречу ему попалась какая-то женщина, она, видимо, шла на свидание — такие вещи Шитарам угадывал безошибочно. Шитараму даже захотелось пошутить с ней, но, вспомнив, что у него нет времени, он подавил в себе это желание и зашагал дальше.

Наконец он подошел к хижине Рукмини. Двери были распахнуты. Он вошел внутрь и осмотрелся. Но в темноте трудно было что-либо разглядеть. Шитарам двинулся на ощупь, ударился о какой-то сундук, несколько раз натыкался на стены. Вдруг его охватил страх. Ему показалось, что в доме кто-то есть. До него донеслось чье-то дыхание. Он потихоньку вошел в соседнюю комнату и увидел в спальне Рукмини свет. Обрадованный, он быстро направился туда. Но что это? В комнате кто-то сидит! Женщина! Она сидела молча, глядя перед собой воспаленными глазами, и вся дрожала. На полуобна-

женном теле висела мокрая одежда. Со спутанных волос стекала вода, зубы ее стучали. Светильник едва освещал серое, как земля, лицо. На стену падала ее огромная тень. Шитарам забыл обо всем, он видел только эту женщину с землистым лицом и ее длинную тень.

Едва он вошел в комнату, как почувствовал, что дрожь пробежала по его телу. Он узнал Монголу. Это было настолько невероятно, что в первый момент он принял ее за призрак и стоял ошеломленный, не решаясь ни подойти ближе, ни повернуть назад. Наконец, овладев собою (Шитарам был не из пугливых), он сказал шутливо:

— Ты откуда взялась, старая ведьма?

Рукмини с ненавистью взглянула на него. У Шитарамы от ее взгляда пересохло в горле и дух захватило.

— До тех пор, покуда не сгинете вы, я не умру! — заорала она, затем поднялась и, возбужденно размахивая руками, продолжала: — Да, я вернулась от ворот царства Ямы. И не надейся, я не займу места в его покоях до тех пор, пока не доведу тебя и твоего раджу до погребального костра и вашим пеплом не обмажу своего тела.

Шитарам услышал голос Рукмини, и это придало ему храбрости. Он попытался даже подластиться к женщине и показать, что любовь с новой силой вспыхнула в нем. Но он не решился приблизиться к ней и нежные слова прошептал, держась на некотором расстоянии.

— Клянусь честью, подружка, не стоит из-за этого гневаться. Я никак не пойму, чего ты хочешь. Ну, скажи, Монгола, что я сделал тебе? Отчего такая немилость ко мне, маленькому человеку? Неужели ты не простишь меня, дорогая? Спеть тебе нашу песенку?

Чем больше любви было в словах и голосе Шитарамы, тем яростней становилась вдова. Она вся дрожала от злости. Если бы Шитарам мог стать волосами на ее голове, она тотчас же с корнем вырвала бы их; если бы он стал ее глазами, она, не задумываясь, выцарапала бы их и растоптала.

Рукмини лихорадочно озиралась в поисках чего-нибудь тяжелого; но, ничего не найдя, процедила сквозь зубы:

— Берегись! Я разmozжу тебе голову! — и ринулась в соседнюю комнату за ножом.

Все это произошло за каких-нибудь несколько минут. Ведь только что Шитарам, повязав шею чадором, угрожал смертью украшениям Рукмини. Но Рукмини спутала его карты и теперь угрожает смертью ему, Шитараму. Нет, он еще не готов умереть от удара кухонного ножа! И, воспользовавшись моментом, Шитарам выскользнул из хижины.

Рукмини вернулась с ножом в руках и, не найдя Шитарамы, от досады несколько раз ткнула ножом в пол.

В душе Рукмини все умерло. Заветные мечты ее рухнули. Все ее помыслы в один миг рассеялись, словно дым. Нет больше тонкой, как лезвие, улыбки Рукмини, нет дыхания, спокойного, как поверхность Ганги в месяце бхадра, глаза ее больше не мечут молний.

Она переругалась со всеми слугами из дворца, которые приходили к ней прежде. Она всех гнала от себя.

В тот злополучный день к ней зашел позабавиться старший сын управляющего, так она и его прогнала метлой. С тех пор никто не заходил к ней. Соседи стали бояться Рукмини.

Покинув хижину Монголы, Шитарам понял, что ведьма разнесет повсюду весть о бегстве молодого раджи и обман будет разоблачен. Почему он не задушил ее! «Несдобровать мне, — думал он, — если я хоть на минутку задержусь в Джессоре. Надо бежать немедленно».

В ту же ночь Шитарам с семьей бежал в Райгор.

К концу ночи собрались тучи, полил страшный дождь, и пожар постепенно затих. Молва о смерти сына дошла до ушей Протападитто. Он сразу же созвал собрание. Пришел министр и с ним несколько членов собрания. Махараджа приказал позвать стражу. Один из стражников сообщил, что, когда он во время пожара заглянул в окно тюрьмы, молодой раджа был там. Несколько человек заявили, что слышали его крики. Тут кто-то принес обгоревший и расплавившийся меч Удоядитто.

— Где Бошонто Рай? — спросил Протападитто.

Обыскали весь дворец, но старика не нашли. Кто-то сказал:

— Когда начался пожар, он был в тюрьме.

— Ничего подобного, — заметил другой, — как только старик услышал о смерти молодого раджи, он покинул Джессор.

Махараджа молча слушал. В это время в дверях слышался шум. Какая-то женщина пыталась проникнуть в зал, но ее не пускали. Протападитто отдал приказ ввести ее. Когда стражник привел Рукмини, махараджа спросил ее:

— Кто ты и чего желаешь?

— Я желаю лишь одного, чтобы эти стражники все до одного гнили шесть месяцев в тюрьме, а затем были бы отданы на растерзание собакам! Разве они уважают тебя или боятся? — кричала она, размахивая руками.

Стражники заволновались. Рукмини повернулась к ним и сверкнула на них глазами.

— Замолчите вы, болваны. Не я ли говорила вам вчера: «Эй, ваш молодой раджа бежит в Райгор со старым махараджей»? Не я ли хватала вас за руки, за ноги, но вы, негодяи, не обратили на мои слова никакого внимания! Служите во дворце раджи, воображаете себя героями, а сами готовы умереть от страха. Нечего храбриться, муравей всегда поднимает крылышки перед смертью!

— Расскажи все, что произошло! — приказал махараджа.

— Что тут долго говорить! Твой сын вчера ночью бежал со старым раджей.

— А кто совершил поджог, ты знаешь?

— Еще бы не знать! Это ваш Шитарам. Он очень предан молодому радже и готов ради него на все. Это он, ваш молодой раджа, и старик устроили все. Я вам правду говорю.

Протападитто долго оставался неподвижным. Наконец спросил:

— Откуда тебе все это известно?

— О, разве это имеет значение! Дайте мне ваших людей! Я сама разыщу и приведу сюда беглецов. Твои

слуги все равно что овцы, они этого не сумеют сделать.

Протападитто приказал дать Рукмини людей, а стражников велел наказать. Все разошлись. Остался лишь министр. Он думал, что махараджа собирается что-то сказать ему, но Протападитто сидел неподвижно и молчал.

Министр тихо произнес:

— Махараджа...

Тот ничего не ответил. Министр неслышно поднялся и вышел.

В тот же день, еще до наступления сумерек, Протападитто получил от одного рыбака известие о бегстве сына. Тот видел, как Удоядитто плыл в лодке. Затем еще многие приносили Протападитто вести о молодом радже. Через неделю вернулись посланные с Рукмини и сообщили:

— Мы видели молодого раджу в Райгоре.

— А женщина где? — спросил махараджа.

— Она осталась там.

Протападитто призвал к себе Муктияр-хана, военачальника из патанов, и отдал ему тайный приказ. Тот выслушал и с поклоном удалился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рани и Бибха узнали о бегстве Удоядитто прежде махараджи. Обе в ужасе думали о том, что будет, когда махараджа узнает о случившемся.

Прошла неделя. Наконец махараджа получил достоверное сообщение о бегстве сына, но почему-то ничего не предпринимал. Ни искорки гнева не вспыхнуло в его глазах.

Не в силах больше оставаться в неведении относительно намерений мужа, рани явилась к нему, но долго не решалась спросить об Удоядитто. Махараджа тоже не заговаривал о нем. Наконец рани не выдержала:

— Махараджа, окажи мне милость, прости Удоядитто!! Если ты причинишь еще какое-нибудь страдание моему мальчику, я отравлюсь!

Протападитто раздраженно ответил:

— Нечего плакать раньше времени! Ведь я пока еще ничего не сделал ему.

Протападитто так и не сказал ничего определенного. Рани не осмелилась продолжать разговор и вышла с тревогой в душе. Прошел день, другой, третий — махараджа ничем не выдавал своих намерений. Рани и Бибха немного утешились. Они полагали, что Протападитто даже рад в душе бегству сына.

На некоторое время рани могла успокоиться. Еще раньше она сказала Бибхе о том, что Рамчондро Рай прислал письмо, в котором просит Бибху приехать, и известила об этом весь дом. Бибха не могла сдержать радости.

С тех пор как она отослала Раммохона, душа ее ни мгновения не знала покоя. «О чем думает мой супруг? — размышляла Бибха. — Смог ли он понять мое положение? Не разгневался ли? А если бы я сама объяснила ему все, простил бы он меня? О боже, когда же наконец мы встретимся?» Все эти мысли не шли у Бибхи из головы. Днем и ночью ее терзали сомнения. Услышав о письме, Бибха обрадовалась, огромная тяжесть свалилась с ее души. Она и плакала и смеялась, уже не стыдясь и не тая своей радости. Не в силах скрыть охватившее ее чувство, плача и смеясь, она спрятала лицо на груди у матери и так сидела молча, не произнося ни слова.

Мать плакала, радуясь вместе с ней.

Когда Бибха думала о том, что муж понял ее и простил, весь мир представлялся ей садом блаженства Индры.

В эти минуты муж казался Бибхе таким добрым! Она верила в его любовь, полагалась на него! Да, его любовь — единственное незыблемое пристанище в этом мире. Руками, тонкими, как лианы, Бибха мысленно обвивала широкую, могучую грудь мужа, самую надежную ее опору. Бибха была счастлива. Ее душа, до сих пор затянутая тучами, словно осеннее небо, вдруг стала ясной. Как дитя, резвилась она со своим младшим братом Шоморадитто, как маленькая избалованная девочка, требовала от матери удовлетворения своих капризов. Она стала помогать матери в домашних делах. Куда девалась

ее молчаливость! Она больше не ходила по дому как тень. Сердце ее расцвело алой зарей. Вся она распустилась, как цветок. Не было больше ни печали, ни робости, ни замкнутости. Бибха поверяла матери то, чего прежде стыдилась или о чем просто не хотела говорить. Мать радовалась счастью дочери. Правда, беспокойство не покидало ее, но она и виду не подавала. Как могла она погасить ясную, спокойную улыбку дочери? Бибха играла, веселилась, а она смотрела на нее с любовью и нежностью и не могла наглядеться.

Со дня на день рани откладывала отъезд Бибхи, не в силах отпустить ее. Прошло уже около двух недель, за судьбу Удайдитто можно было больше не волноваться, но как поступить с Бибхой, рани до сих пор не решила. Пролетело еще несколько дней... Бибха начала беспокоиться.

Она думала: «Каждый лишний день пребывания здесь увеличивает мою вину перед мужем. Он зовет меня — зачем же медлить? Сейчас он простил, но потом...» Бибха подождала еще несколько дней и решилась. Она пришла к матери, обняла ее и, глядя в лицо ей, сказала:

— Ма!

Мать все поняла и привлекла дочь к себе.

— Что, дитя?

Бибха немного помолчала, потом спросила:

— Ма, когда же я поеду?

Лицо и уши Бибхи залились краской.

— Куда? — чуть заметно улыбнувшись, спросила рани, делая вид, что не понимает вопроса.

— Не говори так, ма, ты ведь знаешь, — умоляла Бибха.

— Потерпи еще несколько дней. Скоро поедешь. — На глаза бедной матери набежали слезы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Давно Удайдитто не был в Райгоре, и вот он снова здесь. Но прежней радости молодой раджа не испытывал. Тревога охватила его сердце. Его постоянно мучила мысль

о том, что будет с дедом. Конечно, отец никогда не простит Бошонто Раю побег сына. «В недобрый час родился я!» — часто думал он.

Как-то Удоядитто пришел к Бошонто Раю.

— Дедушка, я должен вернуться в Джессор.

Старик песней и смехом попытался избежать нежеланного разговора.

Могу ли я с тобою разлучиться?
Бессильно было сердце с сердцем слиться.
Ты обокрала сердца светлый храм
И сделала его совсем пустым.
Нет, никому я счастье не отдам
И силою останусь рядом с ним.
Ты — воплощение яркое мечты,
И пустоту души наполнишь ты.

Но Удоядитто продолжал настаивать на своем. Бошонто Рай расстроился, перестал петь, спросил печально:
— Сын мой, почему ты не весел, когда я с тобою рядом?

Что мог ему ответить Удоядитто?

Старик день и ночь старался развлечь молодого раджу: играл на ситаре, гулял вместе с ним по окрестностям... Ради него он совсем забросил государственные дела. Бошонто Рай жил в вечном страхе, что не сможет удержать Удоядитто и что тот снова уедет в Джессор. Старик ни на минуту не оставлял внука одного и все повторял:

— Сын мой, я не позволю тебе уйти в страну каменного сердца.

Прошло несколько дней, и Удоядитто немного успокоился. После тесных каменных стен тюрьмы он наслаждался свободой и безграничной любовью нежного сердца Бошонто Рая. Все вызывало у него восторг: и густая листва деревьев, и голубое небо, и свет зари, рождающийся где-то на краю горизонта; он жадно слушал пенье птиц, радовался объятиям примчавшегося издалека ветра. А когда наступала ночь, созерцал звездное небо, купался в сиянии луны, погружаясь душой в дремлющее безмолвие. Он мог ходить, куда ему вздумается, любое желание его исполнялось. Подданные, знавшие Удоядитто еще ребенком, приходили из самых отдаленных уголков взглянуть на него. Прибыл Гонгадхор, за ним Фотик,

Хобичача и Корим Улла, появился и Мотхур с тремя сыновьями, приехали два брата Поран и Хори, пришел Шитол-сардар с пятью латхиялами показать свое искусство. Словом, не было дня, чтобы кто-нибудь не пришел навестить молодого раджу. Удоядитто засыпал их вопросами. Видя, что молодой раджа до сих пор не забыл их, подданные радовались и удивлялись. Мотхур сказал:

— Махараджа, в тот месяц, как вы впервые пришли в Райгор, у меня родился сын. Вы были тогда у нас в доме, и благодаря вашему благословию у меня родилось еще два сына. — Он подвел троих сыновей к молодому радже и сказал им: — Поклонитесь, дети.

Сыновья поклонились до самой земли.

— Я был гребцом на той лодке, на которой вы отъезжали в Джессор, — сказал Поран.

— Махараджа, когда вы были в Райгоре, то очень любили смотреть борьбу на дубинках и щедро одаряли меня, — обратился к Удоядитто Шитол-сардар.

— Если желаете, мои сыновья могут сейчас показать свое искусство. Подойди, сынок, и вы подойдите поближе, — позвал он юношей.

Таким образом, с самого раннего утра до позднего вечера Удоядитто не имел ни одной свободной минуты.

Под сенью деревьев, окруженный радостью, любовью и песнями, он забыл свои злоключения. Удоядитто не хотел думать о плохом. Он надеялся, что отец уже перестал гневаться и простил его. Иначе он предпринял бы что-нибудь за это время.

Но долго обманывать себя Удоядитто не мог. Ему было страшно за деда. Говорить с дедом о возвращении в Джессор было бесполезно, и Удоядитто решил бежать тайно. Снова вспомнилась ему тюрьма... Прощай, блаженная свобода! Он снова представил себе мрачную, душную камеру, узкую и тесную... При одном лишь воспоминании о тюрьме он начинал дрожать всем телом, словно в лихорадке. Удоядитто знал, что настанет день, и ему придется вернуться туда, но всячески старался отдалить этот день.

«Сегодня четверг. Несчастливый день. Сегодня не стоит бежать. Может быть, завтра?» — подумал Удоядитто.

В этот день с самого утра непрерывно моросил дождь. Тучи обложили все небо. Удоядитто решил: «Нет, нужно бежать сегодня вечером».

Утром Бошонто Рай, обнимая его, сказал:

— Сын мой, ночью я видел страшный сон. Я забыл его, одно лишь хорошо помню: мне снилось, будто нам с тобою предстоит навсегда разлучиться в этом рождении.

Удоядитто взял Бошонто Рая за руку.

— Нет, дедушка, почему же навсегда?

Бошонто Рай, отвернувшись, печально произнес:

— Ну, а как же иначе? Много ли мне осталось жить? Ведь я уже старик.

Сон произвел на Бошонто Рая тяжелое впечатление. Мрачные мысли не оставляли его.

После небольшой паузы Удоядитто произнес:

— Дедушка, а что, если мы совсем ненадолго расстанемся?

— Зачем, дружок, зачем нам расставаться? Ведь ты не оставишь, не бросишь старика на склоне лет? — И он крепко обнял внука.

На глаза Удоядитто навернулись слезы. Он был изумлен: Бошонто Рай догадался о его тайном намерении.

— Мое пребывание здесь может оказаться роковым для тебя, — вздохнул Удоядитто.

— Роковым, дружок? — улыбнулся Бошонто Рай. — В моем возрасте это не страшно. Смерти я не боюсь. Она соседка моя. Скоро она пошлет за моей душой. Человек, который преодолел все жизненные преграды и дожил до старости... разве может он, достигнув берега, потерпеть крушение?

Весь этот дождливый день Удоядитто провел с Бошонто Раем. Вечером, когда немного прояснилось, Удоядитто поднялся.

— Сын мой, ты куда?

— Пойду погуляю немножко...

— Не ходи.

— Почему, дедушка?

Бошонто Рай обнял молодого раджу.

— Не выходи сегодня из дому. Побудь со мною, дружок.

— Я не уйду далеко, я скоро вернусь.

И молодой раджа вышел.

Когда он выходил из наружных ворот дворца, стражник спросил у него:

— Махараджа, мне следовать за вами?

— Нет, не нужно.

— Но у вас нет оружия.

— А зачем оно мне?

Удоядитто вышел за стены дворца и очутился один в широком поле. День угасал. Молодой раджа размышлял о бессмысленности и никчемности этой жизни: «Нет ничего определенного, постоянного — никогда нельзя знать, что произойдет в следующее мгновение. Я молод, вся жизнь у меня впереди. Но что ждет меня в будущем, если нет у меня ни семьи, ни дома, нет родного гнезда?» На память ему пришла Бибха: «Где она теперь? Сколько времени я заслонял от нее солнце счастья! Счастлива ли она, наконец?» В душе он постоянно благословлял ее.

Неподалеку был лес. Здесь, в тени фиговых, финиковых, арековых пальм и баньянов, пастухи укрывались от палящего солнца. В этот лес и вошел молодой раджа. Наступили сумерки. Стало совсем темно. На сегодня был назначен побег. Размышляя об этом, молодой раджа все шел и шел вперед. Что станет с дедом, когда он узнает о его побеге, каким ударом это будет для старика! Удоядитто представил себе, как Бошонто Рай грустно произнесет: «Вот сын мой и покинул меня...»

Размышления его были прерваны криком какой-то женщины:

— Эй! Здесь ваш молодой раджа! Здесь!

Два воина с факелами в руках подбежали к Удоядитто, затем подоспели остальные. К радже приблизилась какая-то женщина.

-- Не узнаешь меня! Ну-ка посмотри хорошенько!

При свете факела молодой раджа узнал Рукмини. Воины, возмущенные ее поведением, стали ругать ее и гнать прочь.

— Уходи отсюда, карга!

Но Рукмини не обращала на них никакого внимания.

— Знаешь, кто все это сделал? Я! Я привела сюда этих людей, я сделала это ради тебя, а ты в гневе отворачиваешься от Рукмини!

Воины силой оттащили женщину. Вперед вышел Муктияр-хан и поклонился.

Молодой раджа был удивлен.

— Муктияр-хан!

— Я пришел сюда с приказом нашего махараджи, — смиренно произнес военачальник.

— С приказом!

Муктияр-хан вынул письмо, написанное рукой Протапатитто, и передал его молодому радже.

Удоядитто прочитал.

— Разве для этого нужно такое войско? — воскликнул юноша. — Достаточно было бы и письма. Да к тому же я и сам решил вернуться в Джессор. Не будем медлить, идемте!

Муктияр-хан умоляюще сложил руки.

— Я не могу тотчас же вернуться...

— Почему? — с тревогой спросил Удоядитто.

— У меня есть еще один приказ махараджи. Не исполнив его, я не могу уйти.

— Какой приказ? — с замиранием сердца спросил раджа.

— Махараджа приказал убить раджу Райгора.

Удоядитто вздрогнул и закричал:

— Ложь! Он не приказывал этого!

— С вашего разрешения, молодой раджа, это не ложь. У меня есть письмо махараджи.

Удоядитто схватил Муктияр-хана за руку.

— Ты не понял!.. Махараджа, верно, приказал расправиться со стариком, если вы не схватите меня... Но я же сам отдался вам в руки! Можешь заковать меня в кандалы и вести к отцу. Чего еще тебе надо?!

— Мой господин, я не ошибся, махараджа отдал приказ достаточно ясно.

— Нет! Нет! Ты не понял! — в нетерпении вскричал раджа. — У отца не могло быть такого намерения! Идем же в Джессор, я заставлю махараджу все объяснить вам. И если он при мне велит убить Бошенто Рая, ты исполнишь это!

Муктияр-хан сложил руки.

— Смилуйся, господин, я не могу пойти с тобою в Джессор!

Но Удоядитто продолжал его уговаривать.

— Муктияр, подумай, настанет время — я взойду на трон. Исполни мою просьбу!

Муктияр молчал. Раджа побледнел, на лбу у него выступили капельки пота. Он крепко держал военачальника за руку.

— Муктияр-хан, если ты убьешь ни в чем не повинного старика, тебе не будет места даже в аду!

— Разве грех выполнить приказ господина?

Удоядитто закричал:

— Ложь! Если так говорит дхармашастра, значит, и дхармашастра — ложь! Знай же, Муктияр, грех — это выполнить греховный приказ.

Муктияр ничего не ответил.

— Тогда оставь меня! — решительно сказал Удоядитто. — Я возвращаюсь в Райгор, ступай и ты туда со своим войском — я вызываю тебя на бой. Сначала одержи победу на поле брани, а потом уж выполняй приказ своего махараджи!

Но Муктияр по-прежнему молчал. Воины придвинулись и окружили молодого раджу. Не видя никакого выхода, раджа что есть силы закричал в темноту:

— Дед! Опасность!!

Лес задрожал. Эхо прокатилось до самого края поля и затихло. Воины схватили Удоядитто. Молодой раджа снова крикнул:

— Дедушка, будь осторожен!

Случайный путник, проходивший полем, услышав крик, подошел узнать, что случилось.

— Уходи, уходи, спеши в Райгор! Предупреди махараджу, — крикнул ему Удоядитто. Но воины схватили путника. Они хватали всех, кто проходил в это время полем.

Оставив нескольких человек охранять Удоядитто, Муктияр-хан приказал остальным переодеться и спрятать оружие. Затем все они двинулись в Райгор. В крепости, окружавшей дворец, было больше сотни

ворот. Муктияр со своим отрядом вступил в Райгор с разных сторон.

Был вечер. Звуки раковины в храме призывали к вечерней молитве. В огромном дворце царило безмолвие. По заведенному обычаю, Бошонто Рай вечером отпускал почти всех слуг.

Совершая молитву, старик вдруг увидел, что в его комнату вошел Муктияр-хан.

— Хан-сахиб, — остановил его старый раджа, — не входи сюда, я совершаю молитву.

Военачальник удалился и стал у дверей. Бошонто Рай, закончив молитву, поспешно вышел и, ласково коснувшись гостя рукой, спросил:

— Как поживаешь, хан-сахиб?

Муктияр с поклоном отвечал:

— Хорошо, махараджа.

-- Ты уже кушал?

— Благодарю вас, да.

— Тогда я позабочусь о твоём ночлеге.

— В этом нет нужды. Я должен выполнить приказ и уйти.

— Почему же, хан-сахиб? Я никуда не отпущу тебя сегодня. Ты останешься здесь.

— Нет, махараджа, мне нужно уйти.

— Объясни почему. У тебя важное дело? Здоров ли Протап?

— Да, махараджа.

— Так что же случилось, говори быстрее! Я боюсь услышать что-нибудь неприятное. Протапу, надеюсь, ничто не угрожает?

— Нет, не угрожает. Я пришел исполнить приказ махараджи.

— Какой приказ, говори быстрее.

Муктияр-хан вынул письмо и отдал его Бошонто Раю. Подойдя к свету, старик начал читать. Тем временем один за другим к дверям подошли все воины.

Бошонто Рай опустил руку, в которой держал письмо, и медленно подошел к Муктияру.

-- Это написал Протападитто?

-- Да.

Бошонто Рай не мог поверить и повторил свой вопрос:

— Хан-сахиб, это письмо написано рукой Протапа-дитто?

— Да, махараджа.

— Хан-сахиб, я вырастил Протапа! — в слезах воскликнул Бошонто Рай и, помолчав, сказал: — Когда Протап был совсем маленьким, я носил его день и ночь на руках. Он ни на секунду не желал покинуть меня. А когда он вырос, я женил его, возвел на трон. Детей Протапа тоже вынянчил. И вот сегодня Протап написал такой приказ...

В глазах Муктияр-хана блеснули слезы. Он стоял молча, опустив голову.

— Где сын мой? Где Удой?

— Он взят в плен. Его приказано препроводить к махарадже для суда.

— Удой взят в плен?! Я никогда больше не увижу его?

Муктияр-хан умоляюще сложил руки.

— Нет, господин, не увидите.

Бошонто Рай со слезами на глазах произнес:

— Позвольте мне хоть раз повидаться с ним, хан-сахиб!

— Я всего лишь слуга, исполняющий приказ.

Бошонто Рай тяжело вздохнул.

-- В этом мире ни у кого нет жалости. Иди, сахиб, исполняй, что тебе велено!

Муктияр низко поклонился, коснувшись рукой земли.

— Махараджа, прости меня. Я исполняю приказ господина. Здесь нет моей вины.

— Мне не за что прощать тебя, ты ни в чем не повинен.

Старик подошел к Муктияру, крепко обнял его.

— Скажи Протапу, что я умер, благословляя его. Умирая, я поручаю тебе Удоядитто. Он ни в чем не виновен. Смотри, чтобы мальчик не пострадал от несправедливого суда.

Закрыв глаза, старик распростерся на земле возле изображения бога-хранителя и правой рукой начал перебирать четки.

— Сахиб, я готов.

Муктияр-хан крикнул:

— Абдул!

Появился воин с обнаженным мечом в руке. Муктияр торопливо вышел. Через минуту вышел и Абдул, меч его был в крови. Из-под двери показалась тонкая алая струйка...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Оставив большую часть отряда в Райгоре, Муктияр-хан тотчас же отправился с Удоядитто в Джессор. За два дня пути молодой раджа не прикоснулся к еде, не произнес ни одного слова. Он будто окаменел: не плакал, ничего перед собой не видел — мрачные думы одолевали его. Скрипели весла, плескалась вода за бортом лодки, но он, казалось, не слышал этих звуков.

Когда наступила ночь и зажглись звезды, гребцы причалили к берегу. Все уснули. Лишь слышно было, как плещут о лодку легкие волны. Молодой раджа не отрываясь смотрел вдаль, туда, где простирался серебристо-песчаный берег. На заре гребцы проснулись и отвязали лодку. Подул утренний ветерок. На востоке заалело небо. А молодой раджа все думал. На третий день глаза его увлажнились слезами. Он смотрел то на воду, то на небо. Ветки прибрежных деревьев, словно облака, поплыли у него перед глазами. Удоядитто заплакал.

Муктияр-хан подошел к нему и смиренно спросил:

— Господин мой, о чем вы думаете?

Удоядитто вздрогнул. Долго в изумлении смотрел он на Муктияр-хана. Сострадание и любовь, сквозившие во взгляде военачальника, вывели молодого раджу из оцепенения.

— Я думаю, что, родившись на свет, совершил преступление. Сколько горя терпят из-за меня люди! Ах, создатель, зачем рождаются на земле бессильные? Какая польза от того, кто не может постоять за себя и, цепляясь за других, тащит их за собой на дно, кто мешает всем, для всех обуза? Бог спас меня, слабого и беспомощного, а тех, что были радостью семьи, ее надеждой, ради меня погубил. Но зачем, зачем он оставил меня жить?

Когда Удоядитто привели во дворец, махараджа прошел с ним на женскую половину и закрыл за собою дверь.

Непреодолимое омерзение охватило Удоядитто, едва он подошел к отцу, его било, словно в ознобе; казалось, судорга свела все мускулы его тела. Он не мог даже смотреть на Протападитто.

— Какое наказание ты заслужил? — сурово спросил махараджа.

— Решать это в вашей власти, — твердо ответил Удоядитто.

— Ты недостойн моего трона.

— Да, махараджа, недостойн... Как милости прошу, освободите меня от вашего трона.

Только этого и ждал Протападитто.

— Но могу ли я быть уверен, что ты действительно этого хочешь? — спросил он.

— Именно такого исхода я и желаю. Бессилие родилось со мной, но лжецом я никогда не был. Если вы не верите мне, я сегодня же дам клятву, коснувшись ног богини-матери Кали. Я никогда не стану управлять и клочком земли в вашем государстве. Пусть Шоморадитто будет вашим наследником.

— Тогда говори, чего ты желаешь? — удовлетворенно спросил Протападитто.

— Я прошу вас лишь об одном, махараджа: не заточайте меня в тюрьму, как зверя в клетку! Отпустите меня, и я тотчас уйду в Бенарес. Еще прошу вас, дайте мне немного денег — я выстрою там в честь деда храм и дом для паломников.

— Хорошо, на это я согласен.

В тот же день в храме Удоядитто поклялся отцу.

— О мать Кали, будь моей свидетельницей! У твоих ног я клянусь никогда не брать в свое управление и толики царства махараджи Джессора. Я не займу его трона, не коснусь жезла власти. А если не сдержу своей клятвы, то пусть грех за убийство деда падет на меня!

Когда рани услышала, что Удоядитто навсегда покидает Джессор, она пришла к нему.

— Сынок, возьми и меня с собой!

— Что ты говоришь, ма! У тебя Шоморадитто, у тебя здесь семья. Если ты уйдешь отсюда, богиня Лакшми покинет Джессор.

Рани расплакалась.

— Дитя мое! Ты так еще молод! Ты уходишь из родительского дома, с каким же сердцем останусь здесь я? Отказавшись от власти, от семьи, ты станешь отшельником. Кто присмотрит тогда за тобой? У твоего отца вместо сердца камень, но я не в силах покинуть тебя.

Из всех детей у рани самым любимым был Удоядитто, поэтому у нее так болела душа за него.

Удоядитто взял мать за руку.

— Но ты ведь знаешь, ма, что в этом дворце на каждом шагу меня подстерегают опасности, а в Бенаресе, у ног всевышнего, никто не сможет причинить мне вреда. Не беспокойся, ма.

Затем молодой раджа пошел к Бибхе.

— Бибха, сестра моя, прежде чем отправиться в Бенарес, я хочу сделать тебя счастливой. Я сам отвезу тебя в дом свекра — это мое единственное желание!

— Дада, как чувствует себя дедушка? — спросила Бибха.

— Хорошо, — едва вымолвил Удоядитто и быстро вышел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Удоядитто и Бибха собирались в путь. Бибха долго плакала на груди у матери. Обитательницы женской половины дворца давали девушке разные советы.

Рани призвала к себе Удоядитто.

— Сын мой, ты возьмешь с собой Бибху, если ее плохо примут в доме свекра?

— С какой стати ее плохо примут? — вздрогнув, спросил Удоядитто.

— Да кто ж их знает, может быть, они сердятся на нашу девочку.

— Нет, ма. Бибха совсем ребенок. Разве можно на нее сердиться?

Мать расплакалась.

— Сын мой, ты должен заботиться о сестре. Если ее обидят, она не вынесет этого.

В душу Удоядитто закралось подозрение. Никогда прежде ему не приходило в голову, что в доме свекра

могут быть не рады Бибхе. Молодой раджа считал, что его злостью пришел конец. Но, оказывается, он еще не испил чашу до дна. Кто знает, сколько страданий выпадет на долю Бибхи, и все из-за него!

Настало время отправляться. Брат и сестра пришли к матери и поклонились до земли. Лишь теперь рани осознала, что дети навсегда покидают дом. До сих пор она старалась не плакать, чтоб не случилось беды в дороге. Но тут она бросилась на пол и разрыдалась. Удайдитто и Бибха простились с отцом и со всеми придворными. Молодой раджа поднял на руки младшего брата и, целуя его, подумал: «Дитя, когда ты достигнешь власти, пусть проклятие этого трона не коснется тебя!»

Дворцовые слуги очень любили молодого раджу. Друг за другом они подходили к нему и низко кланялись. Все плакали. Наконец брат и сестра вошли в храм, совершили пронам перед всевышним и тронулись в путь.

Печаль, боль, страдания, жизнь в неволе — все осталось здесь. Удайдитто решил никогда больше не переступать порога этого дома, он обернулся в последний раз. Дворец, устремившись в небо, стоял, будто чудовище, алчущее крови, с камнем в груди вместо сердца. Заговоры, тирания, ненасытная жажда крови, муки бессилия, слезы — все осталось позади. Вечная свобода, незапятнанная красота природы, любовь и дружба искреннего сердца протягивали к ним свои руки.

Наступил рассвет. За лесом заалело небо. Вершины деревьев окрасились багрянцем. Проснулись люди. Лодочники, весело распевая песни, спускали на воду лодки и поднимали паруса. Душа Удайдитто упивалась святой красотой ясного тихого утра и вместе с птицами пела песню свободы. Удайдитто повторял про себя: «Рождение нам дано для того, чтобы свободно наслаждаться лучезарной красотой природы и жить среди людей с чистым сердцем».

Лодка тронулась. Бибха и Удайдитто прислушивались к плеску воды и пению гребцов. В успокоившемся сердце Бибхи блистал радостный свет зари, в глазах ее светилось яркое солнце. Она словно пробудилась от долгого кошмарного сна. Она плыла... К кому стремилась она? Кто звал ее? Вечная, самозабвенная любовь манила де-

вушку. Сердце ее трепетало, как маленькая птичка, которая жаждет найти приют и душевный покой в нежности и ласке. Весь мир представлялся ей безбрежным океаном любви.

Удоядитто что-то рассказывал Бибхе нежным, словно плеск волн, шепотом. Бибха с восторгом слушала его. Наконец лодка вошла в пределы княжества Рамчондро Рая. Душа Бибхи ликовала. Какая красота вокруг! Хижины, люди — все, казалось, дышит здесь счастьем. Девушке страстно захотелось поговорить с кем-нибудь о радже. Она испытывала необычайную нежность ко всем, все вызывали в ней чувство симпатии. Встречая среди прохожих бедных людей, Бибха думала: «Когда я войду во дворец, то велю позвать их и непременно сделаю так, чтобы и они были счастливы». Все в этом княжестве она уже считала своим, и ей тяжело было видеть здесь горе и нищету. Бибхе хотелось, чтобы подданные звали ее «мать» и приходили к ней со своими бедами, а она облегчала бы их страдания.

Они причалили возле деревни неподалеку от столицы. Наступил вечер. Удоядитто подумал: «Надо сообщить во дворец о нашем прибытии, но сейчас поздно, pošлю гонца завтра на рассвете», — а Бибхе не терпелось, она хотела, чтобы Рамчондро узнал о ее приезде сегодня же.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В этот день подданные Рамчондро Рая были очень заняты. Всюду звучала музыка, совсем как на празднике. Бибха чувствовала смутную радость. При звуках музыки сердце Бибхи распустилось, точно цветок, и она едва скрывала свою радость от брата. Удоядитто отправился в деревню, узнать, что происходит.

Прошло немного времени, и с берега раздался голос: — Эй! Чья это лодка?

С лодки ответили:

— Кто это? Не Раммохон ли? Иди, иди сюда!

Раммохон быстро вошел в лодку. Там сидела одна Бибха. Увидев Раммохона, она очень обрадовалась.

— Мохон?!

— Госпожа?!

Раммохон долго молчал, глядя на радостное, смеющееся личико Бибхи, и наконец печально произнес:

— Ма, ты приехала?

— Да, Мохон. Махараджа уже знает о моем приезде? Ты пришел за мной?

— Нет, ма, не спеши. Подожди сегодня. Я приду за тобой в другой раз.

— Почему, Мохон? — огорченно спросила Бибха. — Почему мне нельзя пойти сегодня?

— Сегодня уже поздно... Потерпи, ма.

— Скажи правду, Мохон! Что случилось?! — Сердце Бибхи забилось тревожно.

Раммохон не удержался. Не в его обычае было скрывать что-либо.

— Госпожа наша, — произнес он сквозь слезы, — сегодня в твоём государстве, в твоём дворце тебе нет места. Махараджа женится.

Бибха побледнела.

— Ма, почему ты отказалась ехать, когда твой недостойный сын приходил за тобой?! Почему так жестоко прогнала меня? Мне было страшно показаться махарадже. Грудь разрывалась на части. Я ничего не мог сказать в твою защиту.

У Бибхи потемнело в глазах, голова закружилась, и она упала в обморок. Раммохон достал воды, побрызгал ей на лицо. Через некоторое время девушка пришла в себя.

Один удар — и мир для нее больше не существует. Все лучезарные надежды истомленного жаждой сердца Бибхи превратились в мираж, а ведь муж ее находился совсем близко, она была в столице его государства, у порога его дворца.

— Мохон, он не звал меня? Я пришла слишком поздно?

— Слишком поздно...

— Он уже не простит меня? — взволнованно спросила Бибха.

— Наверно, нет...

— Мохон, я хочу хоть разок взглянуть на него. — Бедняжка громко разрыдалась.

-- Не сегодня, ма...

-- Нет, Мохон, я хочу сегодня же видеть его.

— Подождем, пока вернется молодой раджа.

— Нет, Мохон, я пойду сейчас.

Бибха знала, что Удайдитто не разрешит ей пойти, опасаясь, как бы ее не обидели.

— Тогда я прикажу принести паланкин.

— Зачем паланкин? Я не рани, я просто подданная. Я пойду, как нищая. Зачем мне паланкин?

— Пока я жив, не бывать этому!

— Мохон, припадаю к твоим ногам, не перечь, не задерживай меня!

— Хорошо, ма, пусть будет так.

В одеянии простой женщины Бибха вышла из лодки.

— О ма, куда ты идешь в такой одежде? — спросили слуги.

— Здесь все принадлежит ей. Она может делать здесь все, что пожелает, — сказал Раммохон.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Всюду толпились люди. Прежде Бибха не выдержала бы такой давки. Но сейчас она ничего не замечала. Все окружающее казалось ей тяжелым сном, а люди призраками. Она даже не видела толпы, сквозь которую протискивалась, не слышала ужасного шума.

Наконец она очутилась у ворот дворца. Один из стражников грубо схватил ее за руку. Тут девушка очнулась и едва не умерла от стыда: покрывало упало у нее с лица, но она быстро натянула его. Раммохон, шедший впереди, грозно посмотрел на стражника, подошел и как следует отчитал его.

Бибха вошла во дворец! Она вошла туда как простая служанка. Никто ее не приветствовал.

В покоях сидели раджа и шут Ромаи. Бибха вошла и упала к ногам своего повелителя. Раджа спросил озабоченно:

— Кто ты? Нищая? Пришла просить милостыню?

Бибха подняла голову и со слезами посмотрела на раджу.

— Нет, махараджа! Я пришла отдать все, что у меня есть... Я пришла проститься и отдать тебя в руки другой. Раммохон не выдержал.

— Махараджа, это наша рани — принцесса Джессора! Рамчондро Рай вздрогнул. А шут Ромаи, взглянув на Бибху, тотчас же сказал грубость:

— Что случилось? Уж не разлюбила ли ты своего братца?

В сердце Рамчондро Рая шевельнулось чувство сострадания к Бибхе, и все же он непристойно и нагло расхохотался шутке Ромаи. «Если я проявлю свои чувства к ней, то стану посмешищем», — подумал Рамчондро.

Бедной девушке показалось, будто тысячи громов грянули над ее головой. Стыд сковал ее. Она закрыла глаза.

— О мать-земля, расступись предо мною!

Страдальческим взором оглядела она всех, кинула беспомощный взгляд на Раммохона. Тот подбежал к шуту и вытолкнул его из комнаты.

— Раммохон, ты позволил себе дерзость в моем присутствии! — с гневом произнес раджа.

— Я позволил дерзость?! Эта скотина позорит вашу жену, мою госпожу! Не будь я Раммохон, если сам не обрею ему голову, не вылью на нее пахтанье и не выгоню его из города!

— Это моя жена?! Я не знаю этой женщины!

Бибха еще больше побледнела, закрыла лицо краем сари и, задрожав, упала без чувств.

— Махараджа, еще мои предки служили вашему роду! — воскликнул Раммохон, умоляюще сложив руки. — Я вынянчил вас. Но сегодня вы оскорбили мою госпожу, изгнали Лакшми из вашего государства. Я уйду и остаток дней проведу возле своей госпожи. Уж лучше я стану собирать милостыню, нежели переступлю порог вашего дворца. — И Раммохон поклонился радже.

— Идем, ма, идем отсюда! Не оставайся здесь больше ни секунды!

С этими словами старик поднял девушку и вынес ее на руках.

Возле ворот стояло несколько паланкинов. Раммохон положил в один из них потерявшую сознание Бибху и доставил ее к лодке. Вместе с братом Бибха отправилась в Бенарес. Там она посвятила себя заботам об Удайдитто и служению богу. Раммохон до конца своих дней был неразлучен с ними. И Шитарам, переехав со своей семьей в Бенарес, поселился вместе с молодым раджей.

С тех пор берег, у которого остановилась лодка Бибхи в Чондродипе, стал называться «Берегом Бибхи».

Р А Д Ж А - М У Д Р Е Ц

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каменные ступени храма Владычицы мира ведут прямо к реке Гомоти. Однажды ранним летним утром сюда в сопровождении свиты пришли совершить омовение трипурский махараджа Гобиндо Маникко и его брат Ноккхотро Рай. В это же самое время на берегу оказалась чья-то маленькая девочка со своим младшим братом.

— Ты кто? — спросила она раджу, потянув его за край одежды.

— Я твой сын, мать, — улыбнулся в ответ раджа.

— Тогда нарви мне цветов для подношения.

— Хорошо, пойдем.

Свита заволновалась.

— Зачем идти вам, великий раджа? Мы принесем сию минуту.

— Нет, нет. Раз уж велено это сделать мне, я пойду и нарву.

Девочка, прекрасная, как сама заря в то утро, взяла раджу за руку, и вошла с ним в цветник, прилегающий к храму. От ее миловидного личика, такого же нежного, как белые жасмины в саду, как бы исходило тонкое благоухание. Малыш, вцепившись в одежду сестры, старался держаться поближе к ней. Раджи он дичился. И вообще все здесь, кроме сестры, были для него чужими.

— Как зовут тебя, мать? — спросил Гобиндо Маникко девочку.

Ее звали Хаши, что значит улыбка.

— А тебя как зовут?

Мальчик молча поднял большие глаза на сестру. Хаши ласково коснулась его плеча.

— Ну, скажи: «Меня зовут Тата».

Чуть приоткрыв крошечный ротик, малыш повторил как эхо:

— Меня зовут Тата.

И еще сильнее вцепился в ее одежду.

— Он ведь совсем маленький, — стала объяснять радже Хаши, — вот все и зовут его не по имени, а просто Тата. Девочка повернулась к брату.

— А ну-ка, скажи «храм».

— Ам, — произнес малыш.

Хаши рассмеялась.

— Тата никак не может выговорить «храм», у него получается «ам»! Ну, а теперь скажи «горох».

— Одох, — серьезно ответил мальчик.

Хаши опять залилась смехом. Она подхватила малыша и начала целовать его. Не понимая, почему сестра так смеется и так ласкает его, ребенок лишь таращил на нее свои большие, широко раскрытые глаза. Тата и в самом деле неправильно произносил слова «храм» и «горох». В его возрасте Хаши была хитрее — она никогда не называла храм «амом», а говорила просто «высокий дом». Не знаю, как называла она «горох», но, помнится, вместо ракушки все же говорила «акушка». Однако сейчас она выросла, и ей было очень смешно слушать, как коверкает слова ее братишка.

Потом Хаши начала рассказывать про Тату разные забавные вещи. Однажды им повстречался какой-то старик, который кутался в одеяло. Тата сказал, что это медведь. Вот ведь какой глупенький! В другой раз увидел он на ветке плоды, принял их за птиц и, желая спугнуть, захлопал своими пухлыми ладошками.

В общем, Хаши на множестве примеров великолепно доказала, что Тата — совсем крошка по сравнению с нею. Тата слушал сестру совершенно спокойно, и в том немногом, что ему было понятно из ее слов, не усмотрел никакого повода для обиды. При таких вот обстоятельствах в то утро и были собраны цветы для подношения. Раджа высыпал их девочке в подставленный ею край

сари, и ему показалось, будто он совершил поклонение богине. Насладившись нежностью двух простых сердец, выполнив желание чистой души, он словно причастился к общению с богом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С тех пор Гобиндо Маникко каждый день непременно должен был видеть брата с сестрой, иначе утро не было для раджи пробуждением дня, даже если сон улетал от него и солнце поднималось в небе. Каждый день раджа собирал цветы, отдавал их детям и лишь после этого спускался к воде. Брат с сестрой сидели на ступенях и смотрели, как раджа совершает омовение. Случалось так, что дети не приходили. Тогда радже весь день казалось, что ему чего-то не хватает, и это ощущение не оставляло его даже во время богослужения, которое он совершал в наступающих сумерках.

Хаши и Тата рано осиротели. Остался у них только дядя по имени Кедарешшор. Дети были его единственной радостью в жизни, единственным его сокровищем.

Прошел год. Тата стал правильно выговаривать слово «храм», но горох все еще называл «олохом». Малыш был не очень разговорчив. Зато слушать мог без конца. Часто сидел он под деревом на берегу Гомоти и с восторгом внимал историям, которые рассказывала сестра. Истории эти были без начала и без конца. Что он понимал из рассказов Хаши, какие видения и чувства возникали в душе ребенка, известно одному богу. С малышами Тата не играл и словно тень бродил за сестрой.

...Шел месяц ашарх. С утра небо затянули густые облака. Все предвещало дождь. Прохладный ветер уже нес с собой из далеких краев бисеринки влаги. Потемневшее небо бросило тень на водную гладь Гомоти и леса, растущие по обоим ее берегам. Вчера началось новолуние, и люди служили молебен в честь богини Кали.

В обычный час раджа, ведя за руку Хаши и Тата, пришел совершать омовение. По широким светлым ступеням храма к воде сбежала струя крови: вчера ночью здесь принесли в жертву сто одного быка.

Хаши в ужасе отпрянула.

— Отчего эти пятна? — спросила она раджу.

— Это кровь, мать!

— Зачем столько крови?!

Голос девочки был полон страдания. Вопрос ее тысячеголосым эхом отозвался в сердце раджи. Он вздрогнул. С давних пор каждый год он видел потоки крови, но никогда не задумывался над этим. Однако слова маленькой девочки почему-то встревожили его душу. Он ничего не ответил Хаши, рассеянно совершал омовение, мысленно возвращаясь к мучившему его вопросу: «Зачем столько крови?!»

Хаши намочила в воде краешек сари, уселась на ступени и начала медленно стирать кровавые пятна. Брат тотчас же последовал ее примеру. Край сари у Хаши стал красным от крови, зато на ступенях не осталось ни единого красного пятнышка.

В тот же день у Хаши начался жар. Тата не отходил от сестры.

— Диди! — звал он ее время от времени, стараясь разомкнуть крохотными пальчиками веки сестры. Та в испуге просыпалась и, притянув к себе братишку, спрашивала: «Что, Тата?» Но тотчас же веки ее снова тяжело опускались. Склонившись над сестрой, Тата долго молча смотрел на спящую, затем осторожно обвил руками ее шею и тихо спросил:

— Диди, ты разве не встанешь?

Хаши, вздрогнув, проснулась и прижала братика к себе:

— Почему же не встану, глупышка?

Но подняться у нее не было сил. Тоска сжимала сердце мальчика. Ему хотелось поиграть с сестренкой, порезвиться, но об этом и мечтать было нечего. Небо становилось все темнее. Дождь непрестанно хлестал по крыше, его потоки омывали тамаринд, росший во дворе. На дороге ни души. Наконец появился лекарь, его привел Кедарешшор. Лекарь осмотрел больную и не сказал ничего утешительного.

Когда на следующий день раджа в обычный час пришел к реке и не увидел там брата с сестрой, он решил, что им помешал дождь. Совершив омовение и поклонив-

шись предкам, раджа сел в паланкин и приказал носильщикам следовать к хижине Кедарешшора. Приближенные были изумлены, но возразить никто не осмелился.

Как только паланкин раджи внесли во двор Кедарешшора, в доме начался переполох. В суете все забыли о девочке, лежавшей в беспамятстве. Лишь Тата не двинулся с места. Он все так же молча не отрывал глаз от сестры, засунув в рот краешек ее сари. Раджа вошел в комнату.

— Что с ней? — спросил его Тата.

Обеспокоенный, раджа не знал, что ответить.

— Сестричке больно? — не унимался малыш.

— Да, больно, — с заметным раздражением ответил дядя.

Тата обнял сестру, стараясь приподнять ее.

— Диди, где у тебя болит?

Он был уверен, что если подуть на больное место или потереть его — все сразу как рукой снимет. Но сестра не сказала, где больно. Малыш потерял терпение, губы его задрожали, и он расплакался от обиды. Сидеть около сестры со вчерашнего дня и не добиться от нее ни слова! Чем провинился Тата, что диди не обращает на него никакого внимания?

Кедарешшор рассердился. Как смеет мальчишка так вести себя в присутствии раджи! В сердцах схватил он мальчика за руку и увел его в другую комнату. Но диди даже не заступилась за братишку.

Послали за придворным лекарем. Тот лишь озабоченно покачал головой.

К вечеру раджа снова пришел. Хаши бредила.

— О ма, зачем столько крови!

— Я сделаю так, чтобы крови больше не было, мать, — промолвил раджа.

Хаши продолжала в беспамятстве:

— Давай, Тата, вытрем эту кровь.

— И я буду вместе с вами вытирать, — отозвался раджа.

Вечером девочка приподняла отяжелевшие веки и обвела взглядом комнату, видимо искала кого-то, но, не найдя, снова закрыла глаза. И больше их не открыла. В полночь Хаши скончалась на руках у раджи.

В те минуты, когда Хаши навсегда покидала родной дом, Тата, уставший от плача, крепко спал в соседней комнате. Если бы мальчик узнал о случившемся, он, наверное, маленькой тенью последовал бы за диди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Среди придворных, которые собрались в тронном зале, находился и жрец из храма Владычицы мира по имени Рогхупоти. Его привело к радже важное дело.

Жители Трипуры называли жрецов «чонтай». После двухнедельных торжеств в честь Владычицы мира каждый год глубокой ночью здесь служили молебен четырнадцати богам. В это время никому, даже самому радже, в течение целого дня и двух ночей не разрешалось выходить из дому. Если же раджа нарушал это правило, он обязан был выплатить чонтаю откуп. Говорят, что во время молебна отдавали на закланье человека. Но перед этим в жертву приносили животных — это был дар царского дома. Вот Рогхупоти и явился во дворец, чтобы принять жертвенных животных. До последнего дня торжеств оставалось двенадцать дней.

Но совершенно неожиданно раджа заявил:

— Отныне я запрещаю жертвоприношения!

Все пришли в ужас. У брата раджи, Ноккхотро Рая даже волосы встали дыбом.

— Уж не во сне ли я?! — воскликнул Рогхупоти.

— Нет, тхакур, — ответил раджа, — до сих пор мы действительно блуждали во сне, но сегодня, наконец, пробудились! Мне явилась Кали в образе маленькой девочки и сказала, что вид крови приносимых ей жертв повергает ее, милосердную мать, в ужас.

— Но до сих пор ведь Мать принимала жертвы? — возразил Рогхупоти.

— Нет, не принимала! Она отворачивалась, когда вы проливали перед ней кровь.

— Махараджа! — воскликнул чонтай. — Никто не спорит, вы знаете толк в государственных делах, но в делах божественных не разбираетесь. Если богиня чем-нибудь недовольна, первым узнаю об этом я.

Ноккхотро Рай с умным видом кивнул головой.

— Да, да, разумеется! Если богиня чем-нибудь недовольна, первым узнает об этом господин тхакур.

— Тот, у кого очерствело сердце, не слышит голоса неба, — произнес раджа.

Принц посмотрел на священнослужителя: такие слова нельзя оставлять без ответа — казалось, говорил взгляд Ноккхотро Рая.

— Махараджа, — запальчиво сказал Рогхупоти, — вы рассуждаете как нечестивец, как безбожник!

— Да, да, как безбожник, — поспешно, но очень тихо повторил за ним Ноккхотро Рай.

Гобиндо Маникко остановил взор на пылающем лице чонтая.

— Тхакур, вы бесцельно тратите здесь время. Вас ждут дела в храме, ступайте лучше туда. А по дороге объявите всем: отныне тот, кто принесет в жертву богу живое существо, будет изгнан из моего царства.

Рогхупоти задрожал всем телом. Он встал, коснулся священного брахманского шнура.

— Да ниспошлет на тебя всевышний погибель!

Придворные с криком бросились на чонтая. Раджа знаком остановил их. Все расступились.

— Ты раджа, — продолжал Рогхупоти, — и можешь, если пожелаешь, отнять у подданных все, чем они обладают. Но не в твоих силах лишить даров Владычицу. Что твое могущество! Пока я, Рогхупоти, служу Матери, ты не сможешь помешать священному обряду!

Министру двора слишком хорошо был известен характер Гобиндо Маникко. Он знал, как трудно заставить раджу изменить решение, и все же попытался это сделать.

— Махараджа, — с опаской проговорил министр, — ваши пращуры всегда приносили жертвы Владычице — обычай не был нарушен ни разу.

Министр умолк, ожидая, что ответит раджа. Но тот ничего не ответил, и министр продолжал:

— Этот ритуал установлен еще вашими предками много десятков лет назад, и отступить от него — значит нарушить их покой в раю.

Гобиндо Маникко задумался. А Ноккхотро Рай глубокомысленно заметил:

— Да, да, это значит нарушить их покой в раю.

— Махараджа, — сказал министр, — велите приносить сто жертв вместо тысячи.

Придворные все еще никак не могли прийти в себя. Гобиндо Маникко сидел задумавшись. Жрец стремительно направился к выходу.

В этот миг, не замеченный стражей, в зал вбежал маленький мальчик, босой и нагишом. Он остановился посреди зала и впился своими огромными глазами в раджу.

— Где диди?

Все замерли. Лишь стены эхом отозвались на голос ребенка.

Раджа сошел с трона, поднял малыша на руки и решительно произнес:

— Отныне жертвоприношения в моем царстве запрещены. Это наше последнее слово.

— Слушаю и повинуюсь!

— Где диди? — снова крикнул Тата.

— У Матери.

Тата молча засунул в рот палец, силясь понять, где же его сестренка.

Раджа оставил мальчика у себя. Со временем Кеда-решшор тоже переселился во дворец.

Среди придворных росло возмущение.

— Погибнет теперь наше государство! — говорили они. — Пусть бирманские буддисты не приносят жертв, но почему мы должны заводить такие же порядки в нашей индусской стране?

Ноккхотро Рай, разумеется, был целиком согласен с ними:

— Да, да... почему?..

И придворные в один голос решили, что страна их идет к гибели. Чего уж там толковать, раз индусы теперь не будут отличаться от бирманцев!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Джай Сингх, служитель храма Владычицы мира, по касте раджпут, кшатрий. Когда умер его отец — Сучет Сингх, придворный раджи Трипуры, — Джай Сингх был

совсем ребенком. Раджа определил сироту в храм. Рогхупоти вырастил и обучил мальчика. Храм был для Джай Сингха родным домом. Он знал там каждую ступеньку, каждый камень. Мать Джай Сингх забыл, она умерла очень давно, и своей родительницей мальчик считал изваяние Владычицы мира. Нередко садился он перед богиней, беседовал с ней и в эти минуты не чувствовал себя одиноким. Были у него и друзья: многие деревья в храмовом саду он вырастил своими руками. День ото дня все выше поднимаются кроны, выются, сплетаясь, лианы, покрываются цветами ветки, гуще становится тень. Обрастая листвой новых побегов, шумят зеленые шатры во всей красе горделивой молодости. Однако мало кому было известно о страстной привязанности Джай Сингха к саду. Юноша славился своей необычайной силой и храбростью.

...Переделав все дела в храме, Джай Сингх присел у порога своего домика и засмотрелся на зеленый уголок. День клонился к вечеру. Небо затянулось тучами. Возвращенные Джай Сингхом деревья дождались наконец ливня и теперь весело плескались в его струях. На каждом листке был праздник, крупные капли выбивали в пляске частую дробь. Сотни мутных ручейков журча сбегали к реке. Сердце Джай Сингха переполнилось радостью; он любовался садом. Мягкий сумрак, окутавший все вокруг, изумрудное великолепие буйной листвы, темная стена леса вдали, кваканье лягушек, несмолкаемый говор ливня — вся эта красота торжествующей природы, обновленной дождями, вызывала в душе служителя храма умиление, восторг.

Появился промокший насквозь Рогхупоти. Джай Сингх вскочил, скрылся за дверью и тут же снова появился, неся сухую одежду и воду для омовения ног.

— Кто посылал тебя за этим?

Рогхупоти сердито швырнул одежду на пол, а когда Джай Сингх приготовился было омыть ему ноги, отшвырнул ногой кувшин.

— Отстань ты со своей водой!

Пораженный Джай Сингх не мог понять, почему с ним так обращаются. Он подобрал с пола одежду и хотел отнести ее на место, но Рогхупоти грубо одернул его:

— Не трогай, пусть лежит.

Брахман сам переоделся, сам омыл ноги.

— Чем я провинился, господин? — тихо спросил Джай Сингх.

— А разве я сказал, что ты провинился?

Юноша промолчал. Он был обескуражен и расстроен.

Рогхупоти стал в волнении прохаживаться перед входом в дом. Незаметно наступила ночь. Дождь не утихал. Наконец Рогхупоти положил руку на плечо Джай Сингха и мягко сказал:

— Уже поздно, сын мой, иди спать.

Ласковый голос Рогхупоти тронул Джай Сингха.

— Пусть сначала идет господин.

— Я еще не скоро... Я с тобой сегодня сурово обошелся, сын мой. Не обижайся. У меня тяжело на душе. Завтра утром обо всем расскажу, а пока иди.

— Хорошо, господин.

Джай Сингх ушел. А Рогхупоти так и не ложился, всю ночь расхаживая около дома.

...Утром служитель подошел к наставнику, поклонился ему.

— Мы больше не будем приносить жертвы Матери, Джай Сингх.

— Этого не может быть, господин! — воскликнул ошеломленный юноша.

— Таков приказ раджи.

— Какого раджи?

— Разве у нас он не один? — вышел из себя Рогхупоти. — Конечно, махараджи Гобиндо Маникко. Он запретил отдавать на заклание живые существа.

— Человеческие?

— А-а, какое с тобой нужно терпение! Я говорю — живые существа, а ты — человеческие.

— Значит, запрещаются всякие жертвоприношения?

— Всякие.

— Так приказал сам махараджа Гобиндо Маникко?

— Да, да, сам. Сколько раз твердить одно и то же?

Джай Сингх умолк и лишь несколько раз повторил про себя: «Махараджа Гобиндо Маникко, махараджа Гобиндо Маникко...» Джай Сингх с самого детства считал раджу божеством. Служитель храма испытывал к нему

безотчетное влечение — подобное чувство вызывает порою в детских душах луна, взошедшая на небосклоне. Спокойное прекрасное лицо Гобиндо Маникко всегда действовало на него как чары. За махараджу Джай Сингх, не задумываясь, отдал бы жизнь...

— Этого никак нельзя допустить! — нарушил молчание Рогхупоти.

— Да, да, конечно. Я пойду к махарадже, буду умолять его.

— Напрасные хлопоты.

— Что же делать?

Рогхупоти задумался.

— Завтра утром ты отправишься к принцу Ноккхотро Райю и скажешь, что я хочу с ним тайно встретиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро Ноккхотро Рай явился к Рогхупоти.

— Что вы желаете приказать мне, тхакур? — с поклоном спросил он.

— Тебе желает приказать Владычица. Поклонись сначала Матери.

В сопровождении Джай Сингха они отправились в храм. Ноккхотро Рай распростерся перед изваянием.

— Принц, — молвил Рогхупоти, — ты будешь раджей.

— Я — раджей? — рассмеялся Ноккхотро Рай. — Мне не совсем понятно, о чем говорит господин тхакур.

— Я говорю: ты будешь раджей.

— Я буду раджей?

Ноккхотро Рай поднял глаза на священнослужителя.

— По-твоему, я лгу?

— Лжете? Что вы! Кстати, растолкуйте мне сон, господин тхакур — я видел сегодня лягушку. К чему бы это?

— А какая она из себя? — сдерживая улыбку, спросил Рогхупоти. — Не было ли у нее на голове пятна?

— Конечно, было, — с гордостью ответил Ноккхотро Рай, — как же без пятна?

— Прекрасно! Значит, носить тебе на лбу знак царской власти.

— Мне... царской власти? Вы говорите, мне носить знак царской власти?! А вдруг этого не случится?

— Разве может не сбыться мое предсказание? Опомнись!

— Да нет, я не о том. Я просто спрашиваю, а вдруг произойдет что-нибудь такое, и...

— Нет, ничего не произойдет!

— Не произойдет?.. Вы говорите, ничего не произойдет?.. Знаете, господин тхакур, как только я стану раджей, я произведу вас в министры!

— Это мне совершенно ни к чему.

— Ну, хорошо, — милостиво согласился Ноккхотро Рай, — тогда я сделаю министром Джай Сингха.

— Об этом после, — перебил Рогхупоти, — а сейчас послушай, что нужно делать, пока ты еще не стал раджей. Откроюсь тебе: Владычица мира явилась мне во сне, она хочет царской крови.

— Явилась во сне... хочет царской крови... Ну что ж! Прекрасно!

— Ей угодна кровь Гобиндо Маникко, и принести ее должен ты.

Ноккхотро Рай даже рот открыл от удивления. Это ему уже не казалось столь прекрасным.

— Что, братские чувства вдруг заговорили? — резко спросил Рогхупоти.

— Да, да, — через силу улыбнулся Ноккхотро Рай, — именно братские чувства. Это вы очень верно говорите, господин тхакур, братские чувства!

Братские чувства — скажите на милость! Что-нибудь более нелепое и смешное даже выдумать трудно. Но видит бог, в сердце Ноккхотро Рая в самом деле заговорила любовь к брату, и уничтожить ее насмешкой было не так-то просто.

— Так повтори, что ты должен делать, — почти приказал Рогхупоти.

— А что я должен делать?

— Слушай внимательно. Ты должен принести к ногам Владычицы кровь Гобиндо Маникко.

— Должен принести к ногам Владычицы кровь Гобиндо Маникко, — машинально, как молитву, повторил Ноккхотро Рай.

— А-а, от тебя не дождешься ничего дельного, — с глубоким презрением заметил священнослужитель.

— Почему же? Я сделаю все, что от меня потребуют. Такова ваша воля?

— Да!

— Какое же будет приказание?

Рогхупоти едва сдерживался.

— Владычице угодно царской крови! Понимаешь? Ты принесешь кровь Гобиндо Маникко и тем самым удовлетворишь волю Матери. Вот мое приказание.

— Я сегодня же велю это сделать Фотэ Хану.

— Ни в коем случае. Никому ни полслова! Тебе будет помогать только Джай Сингх. Приходи завтра утром, и я растолкую, как и что нужно делать!

Расставшись с Рогхупоти, Ноккхотро Рай почувствовал огромное облегчение. Он зашагал ко дворцу так быстро, как только мог.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда шаги Ноккхотро Рая замерли в отдалении, Джай Сингх обратился к Рогхупоти:

— О наставник мой, никогда я не слышал ничего более ужасного. Перед лицом Матери вы приказали совершить братоубийство!

— Скажи, а какое еще есть средство?

— Средство? Для чего?

— Сын мой, ты становишься похожим на Ноккхотро Рая. Что ужасного ты услышал от меня?

— То, что вы произнесли, даже слушать — грех!

— Грех! Тебе ли судить о том, что есть грех и что — добро!

— Но ведь вы мой наставник, вы сами меня учили, почему же я не могу судить об этом?!

— Хорошо, сын мой. Я преподам тебе еще один урок. Греха не существует! Не все ли равно отец, брат или кто-нибудь другой? Если убийство — грех, то одинаково грешны все убийства. Но кто сказал, что лишить жизни — грех? Это ведь происходит постоянно, непрерывно. Люди умирают по-разному: одному камень падает

на голову, другой тонет во время наводнения, третий кончается от заразной болезни, четвертый погибает от удара ножа. Сколько муравьев мы топчем каждый день, а намного ли мы сами значительнее их? Но жизнь и смерть всех этих мелких букашек не что иное, как игра, бытие и небытие их зависят от воли, милости всемогущей Владычицы. Сколько миллионов существ ежедневно, ежечасно становятся жертвой неумолимой богини. Со всего мира стекают в ее всепоглощающую чашу потоки крови. И то, что она получает от меня, это капля в море. Приходит час, и Владычица призывает свою жертву, я же всего лишь посредник.

Джай Сингх повернулся к изваянию.

— Разве за это величают тебя Матерью? Ты — каменное чудовище! Для чего тебе этот длинный, дрожащий, жадный язык? Чтобы высосать кровь из всего мира и наполнить ею свое чрево? Неужели нежность, любовь, сердечность, красота, благочестие — все это ложь, и лишь твоя неутолимая жажда крови есть истина? Ради того, чтобы наполнилось твое чрево, человек должен перерезать горло ближнему, брат — убивать брата, отец — враждовать с сыном. Жестокая! Если и впрямь такова твоя воля, почему тогда тучи не проливают кровавых дождей, почему тихая, ласковая река не обращается в багровый поток, чтобы слиться с кровавым морем? Отверзни уста, Мать, скажи, что все эти мысли ложны! Я не перенесу, чтобы мою Мать называли чудовищем, жаждущим крови детей своих.

По лицу Джай Сингха струились слезы. Он вновь и вновь перебирал в уме все сказанное. Подобные мысли никогда бы не пришли юноше в голову, не преподай Рогхупоти ему этот новый урок. Ничего подобного с Джай Сингхом не бывало, но не успел он прийти в себя, как священнослужитель снова заговорил, растравляя свежие раны.

— В таком случае, — усмехнулся Рогхупоти, — и вспоминать не смей о священном обряде.

Джай Сингх, с детства привыкший к жертвоприношениям, не мог слышать, когда говорили, что следовало бы упразднить этот обычай. Не только разговоры, даже

мысль об этом причиняла ему боль. Поэтому Джай Сингх ответил священнослужителю:

— То совсем другое. Жертвоприношение имеет свой смысл, и в нем нет греха. Но чтобы брат убивал брата?! Чтобы махараджа Гобиндо Маникко... Умоляю вас, господин, откройте мне правду. В самом ли деле Мать явилась вам во сне и сказала, что жаждет царской крови?

Рогхупоти помолчал, затем ответил:

— Что же, по-твоему, я лгу? Неужели ты не веришь мне?

— Пусть не ослабнет моя вера в моего наставника! — воскликнул Джай Сингх, склонившись в глубоком поклоне. — Но ведь и Ноккхотро Рай принадлежит к царскому роду!

— Когда во сне тебе является бог — это лишь знак, намек, предвестье. О многом, пробудившись, приходится догадываться самому. Но несомненно одно: Гобиндо Маникко разгневал богиню, и раз богине угодна царская кровь, о ком еще может идти речь, если не о махарадже?

— В таком случае царскую кровь добуду я! Незачем вводить в грех Ноккхотро Рая.

— Исполнить веление богини — не грех!

— Наоборот, святое дело! И совершить его, учитель, хочу я.

— Буду с тобой откровенен, сын мой. Я вырастил тебя. Заботился о тебе больше, чем заботился бы о сыне, ты мне дороже жизни. Потерять тебя я не в силах! Если Ноккхотро Рай умертвит Гобиндо Маникко и займет его трон, никто не проронит ни слова, но стоит поднять на раджу руку Джай Сингху, и я не увижу больше своего сына.

— Отец! Любовь ко мне, недостойному, не позволит тебе и муравья обидеть. Но если из любви ко мне ты примешь грех на душу, твоя любовь перестанет приносить мне радость и к добру не приведет.

— Ну ладно, ладно, мы к этому еще вернемся, — торопливо проговорил Рогхупоти. — Завтра придет Ноккхотро Рай, что-нибудь придумаем.

Джай Сингх твердо решил собственными руками добыть царскую кровь, только бы не допустить братоубийства даже во имя Матери, даже ради духовного учителя.

Всю ночь Джай Сингх не сомкнул глаз. Семя, запавшее в его сердце во время разговора с наставником, дало ростки, а потом и побеги. Очень часто развитие и развязка какого-нибудь процесса, вначале подвластного нам, от нас уже не зависят. То же самое происходит и с нашим мышлением. В голову юноши неотвратимо ползли сомнения, которые подтачивали корни веры, укрепившейся в его сознании еще с детских лет. Джай Сингх все больше мрачнел, ему было тяжело.

Кошмары не оставляли его в покое. Зачем наставник развенчал богиню, которая до сих пор была для Джай Сингха матерью, зачем назвал ее Силой, лишенной сердца? Что значит удовлетворить Силу или прогневать ее? Где у Силы глаза, где уши? Сила эта, словно гигантская колесница, с грохотом катится вперед и давит мир тысячами своих колес. Ведает ли она, кого везет, а кого давит? Кто взобрался на нее и торжествует, а кто стонет, простертый во прахе? Неужели никто не управляет этой колесницей? Разве для того посвятил я себя служению богу, чтобы приносить в жертву слепой беспощадной Силе ни в чем не повинные робкие существа, населяющие землю? К чему? Она сама делает свое дело. Ей служат голод, мор, наводнения, пожары, землетрясения, болезни, старость. Ей служат зависть и ненависть жестоких человеческих сердец. Зачем ей я, песчинка?

Утро следующего дня выдалось на редкость ясным. Солнечные лучи, словно омытые потоками отшумевшего ливня, не жгли, а грели мягко и ласково. Невысохшие капельки в сиянии восходящего светила рассыпались вокруг мириадами бриллиантов. Зарево радости огромным сказочным лотосом расцвело на небесах, осветило долины, леса и реку. Вот пересекла радугу стая журавлей. В высокой синеве кружат коршуны. Снуют по деревьям белки. Осторожно высунулась из кустов заячья мордочка и тут же исчезла. За ней вторая, третья. Забравшись на крутые склоны, пощипывают травку горные козлята. На лугу пасутся коровы, издали доносится

пастушья песня. Женщины, прижимая кувшины к бедру, идут за водой; вцепившись в край сари, за ними бегут ребятишки. Старик собирает цветы, чтобы положить их к изваянию богини. На берегу Гомоти собралась огромная толпа желающих совершить омовение. Шум и говор слились с неумолчным плеском реки. Долго смотрел Джай Сингх на радостный утренний лик земли, затем с тяжелым вздохом перешагнул порог храма.

Служитель повернулся к изваянию, молитвенно сложил руки:

— Почему, Мать, ты столь немилостива сегодня? Неужели хмуришься из-за того, что один день не видела жертвенной крови? Загляни в наши сердца, разве ubyло в них преданности хоть на каплю? Но это не радует тебя! Ты жаждешь крови невинных жертв! Скажи, Мать, по правде, ты собираешься взять из мира благочестивого Гобиндо Маникко и установить здесь власть дьявола? Неужели тебе непременно нужна царская кровь? Не услышав ответа из твоих уст, я ни за что не допущу царевубийства, буду всеми силами противиться этому. Ну ответь же — да?

— Да! — вдруг гулко пронеслось по безлюдному храму.

Джай Сингх вздрогнул, обернулся: никого, только какая-то тень промелькнула. Джай Сингху показалось, что это голос наставника. Но потом он подумал, что Мать могла изъяснить свою волю голосом его духовного учителя. У Джай Сингха мороз пробежал по коже. Юноша до земли поклонился изваянию и вышел с саблей в руке.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Есть на реке Гомоти место, где ее правый берег поднимается высоким нагорьем. Ручьи и дождевые потоки оставили на его поверхности множество вымоин и оврагов. Изрезанный кусок земли полумесяцем окружен могучими деревьями, но посередине нет ни одного высокого, лишь кое-где над холмиками виднеются темные кривые саловые деревца — здесь они не могут подняться во весь рост. Часто попадаются россыпи камней.

Десятки ручьев шириной в локоть-два бегут извилистыми змейками и, то сливаясь друг с другом, то разделяясь, спешат попасть в реку. Нагорье пустынно. Небо здесь не скрыто от взора кронами деревьев. Отсюда далеко виден бег Гомоти, пестрые пятна нив и полей на другом ее берегу. Гобиндо Маникко имел обыкновение приходить сюда гулять по утрам. Ни единому человеку из свиты и никому из приближенных не разрешалось сопровождать его. Иногда, и то лишь издали, раджу доводилось видеть рыбакам, промышлявшим в водах Гомоти. Он сидел с закрытыми глазами неподвижно, как йог, и трудно было понять, что озаряло его спокойный благородный лик — то ли сияние занимавшегося утра, то ли отблеск его высокой души. В последнее время из-за дождей Гобиндо Маникко не каждый день совершал прогулки. Но когда прояснялось, он непременно приходил сюда с маленьким Татой.

Как-то не хочется больше называть малыша Тата. Той, в чьих устах это имя звучало так пленительно, уже нет на свете. Для читателя слово Тата ничего не значит. Оно обретало смысл в те дни, когда Хаши, резвясь по утрам с маленьким братом в саловой роще, так окликала его своим милым звонким голосом, шаловливо прячась за стволами; малиновки отзывались с веток, далекая роща посылала ей свое эхо. Вот в те блаженные минуты слово Тата обретало особый смысл и наполняло собой все вокруг. Выпорхнув, словно птица, из сердца-гнездышка, полного ласки и нежности, оно устремлялось к далеким райским высотам и звучало прелестнее гимна, которым пернатые встречали наступление утра. В этих звуках сливались в единой гармонии красота пробуждавшейся природы и радостное умиление маленькой Хаши. Ее нет теперь, нет и Таты. Остался лишь мальчик, но он принадлежит сотням людей, тысячам дел нашего мира, Тата же принадлежал только ей одной.

Махараджа стал называть малыша Дхрубо. Этим именем будем называть его и мы.

Итак, отправляясь на берег Гомоти, махараджа брал с собой Дхрубо. В его невинном личике и ясных глазах Гобиндо Маникко видел отсвет мира богов. Днем радже

приходилось вести беседы с мудрыми седовласыми министрами, выслушивать их советы, — словом, днем его подхватывал целый вихрь забот. А утром мальчик уводил раджу от хлопот и обязанностей. Перед безмолвным взором больших, широко открытых глаз ребенка отступала мирская суета, отступали тяготы, хитросплетения. Когда махараджа брал мальчика за руку, ему казалось, что он стоит на прямой широкой дороге, простирающейся в бесконечность вселенной. На безлюдный берег взирала синева необъятных надзвездных высот, слышалась песнь земли, чудились отзвуки райских гимнов. На этой прямой дороге все было просто, естественно, прекрасно. Отлетали прочь мрачные думы, тревоги, печали, хотелось идти вперед и вперед. Вот и сегодня, придя с Дхрубо в безлюдный прибрежный лес, махараджа весь отдался потоку нежности, и перед ним открылся путь к безбрежному океану любви.

Гобиндо Маникко посадил мальчика на колени и рассказывал ему притчи о Дхрубо. Малыш едва ли все понимал, но послушно повторял за раджей каждое слово. Гобиндо Маникко очень нравилось внимать его тихому детскому голоску. Вдруг мальчик перебил раджу:

— Я пойду в лес.

— Зачем?

— Чтобы увидеть боженьку.

— Мы и так в лесу, и непременно должны увидеть его.

— Где боженька?

— Здесь.

— Где диди?

Малыш встал, оглянулся. Ему почудилось, что вот сейчас диди, как в былые дни, тихонько подойдет к нему сзади и шаловливо закроет ему ладошками глаза. Но вокруг никого не было. Мальчик опустил голову и, глядя исподлобья на раджу, спросил:

— Где диди?

— Твою диди позвал к себе боженька.

— Где боженька?

— Позови его, сын мой, прочитай стихотворение, которому я тебя научил.

Мерно покачиваясь, Дхрубо начал читать:

Погляди, всеблагой, как я мал пред тобой,
Как я одинок, о боже!
В непролазном лесу глотать мне слезу,
Блуждать без дорог, о боже!

Что мне делать? Душа замирает в груди.
Погляди, вечереет и ночь впереди.
Как я мрака страшусь! Всеблагой, пощади!
Только ты бы помог, о боже!

Надежду таю на милость твою,
Ты сжалишься, видя, как слезы я лью,
Ведь зовут всеблагим тебя в нашем краю.
Без надежды я жить бы не мог, о боже!

Звезды глаз твоих светят во мраке всегда,
Если ты нас ведешь, не грозит нам беда.
Кто еще? — Ты один, словно Дхрубо-звезда,
Луч для Дхрубо зажег, о боже!

Мальчик путался и картавил, проглатывал окончания слов, но от этого стихотворение приобретало лишь особую прелесть. Раджа испытывал величайшее наслаждение, утро казалось ему вдвое прекраснее, улыбалась река, улыбался лес, улыбались деревья и кусты. В голубом небе, орошенном золотым нектаром, он увидел чье-то прекрасное, озаренное улыбкой лицо. Кто-то словно усадил его к себе на колени, точно так же, как он — Дхрубо, и заключил в объятия. И махараджа вдруг ощутил в этих объятиях не только себя, но всех, кто окружал его, весь мир. Радость, любовь его сердца, подобно солнечным лучам, изливалась на все окружающее, наполняя собой небеса.

Вдруг перед раджей появился Джай Сингх с саблей в руке. Он добрался до берега через ущелье. Гобиндо Мавикко протянул руки.

— Иди сюда, Джай Сингх, иди!

Забавляя ребенка, раджа и сам стал как дитя. Куда девалось его царское величие!

Служитель храма поклонился до земли.

— Я хотел бы поговорить с вами, махараджа.

— О чем?

— Мать недовольна вами.

: Перевод Ал. Ревича.

— Чем же я прогневал ее?

— Тем, что запретили жертвоприношения и помешали воздавать честь богине.

— К чему эта жестокость, Джай Сингх! — воскликнул раджа. — Ты хочешь угодить Матери, проливая кровь ее детей на ее же коленях?!

Джай Сингх медленно опустился к ногам раджи. Дхрубо взял саблю и стал играть ею.

— Но ведь жертвоприношения предписаны шастрами! — воскликнул Джай Сингх.

— А кто постиг истинный смысл шастр? Каждый толкует их, как ему хочется. Ответь мне, когда перед лицом богини люди мажут себя жертвенной кровью, смешанной с грязью, истошно кричат и в диком возбуждении пляшут и мечутся, кому тогда поклоняются они — Матери или кровожадному чудовищу, притаившемуся в их сердце? Я думаю, что шастры предписывают совсем иное: не хищности приносить жертву, а самое хищность отдавать на закланье.

Джай Сингх молчал. Еще со вчерашнего вечера он думал о том же. Наконец он сказал:

— Я собственными ушами слышал от Матери... Сомнений быть не может... Она сказала, что хочет крови махараджи.

И Джай Сингх рассказал, что произошло в храме.

— Это веление не Матери, а Рогхупоти, — усмехнулся Гобиндо Маникко. — Он спрятался в укромном месте и оттуда ответил тебе.

Слова раджи потрясли юношу. В то утро и его молнией пронзило такое же подозрение, но он тут же изгнал его из своей души, и вот сейчас раджа напомнил ему об этом. Сомнения с новой силой охватили Джай Сингха.

— Нет, махараджа, — растерянно произнес служитель храма, — не усугубляйте моих терзаний, не толкайте меня с обрыва в море. Ваши слова лишь сгущают тьму вокруг меня. Пусть моя вера и преданность остаются прежними, я не хочу менять их на туман. Будь это воля Матери или моего наставника, я все равно выполняю ее.

Джай Сингх вскочил, выхватил из ножен саблю, которая ослепительно сверкнула на солнце. Дхрубо с громким

плачем обнял раджу, как бы стараясь прикрыть его собой. Не обращая внимания на Джай Сингха, Гобиндо Маникко прижал ребенка к груди.

Юноша отбросил саблю в сторону и погладил малыша по спине.

— Не бойся, сын мой, не бойся. Я уйду, а ты оставайся в этом надежном прибежище — на этой широкой груди. Никто тебя не разлучит с раджей.

Служитель с поклоном удалился, но затем вернулся.

— Остерегайтесь, махараджа: ваш брат Ноккхотро Рай задумал погубить вас в ночь на тридцатое ашарха, во время молебна четырнадцати богам.

— Ноккхотро никогда не станет убивать меня, — улыбнулся раджа, — он меня любит.

Джай Сингх ушел.

Раджа посмотрел на Дхрубо.

— Это ты не дал сегодня свершиться кровопролитию на земле, — проникновенно сказал он. — Вот для чего твоя диди оставила тебя в этом мире.

Гобиндо Маникко отер слезы со щек мальчика. Лицо ребенка стало серьезным.

— Где диди? — уже в который раз спросил малыш.

...Тем временем облака скрыли солнце, на реку пала черная тень, далекий лес утонул во мраке и стал похож на грозовую тучу. Раджа поспешил во дворец.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

До храма было не очень далеко, но Джай Сингх пошел окольным путем по безлюдному берегу. Множество мыслей томило его, юноша сел под деревом, обхватив голову руками. «Один шаг сделан, а сомнения не уходят. Кто теперь рассеет их, кто укажет, где правда, где ложь. Кого спросить, какой путь истинный на сплетении тысяч дорог жизни. Я стою слепой посреди бескрайнего поля, посох мой сломан, а вокруг ни души».

Когда Джай Сингх поднялся, начал накрапывать дождь. Приблизившись к храму, он увидел толпу людей. Громко переговариваясь, шли они ему навстречу. Какой-то старик говорил:

— Так было заведено еще дедами нашими и прадедами, а раджа умней их, что ли?

— Теперь и в храм идти не хочется, — отвечал молодой мужчина, — не та уже благодать, не та!

Кто-то добавил:

— Мы как будто очутились под навабской властью.

Говоривший, видимо, считал, что мусульманину еще простительно сомневаться в пользе жертвоприношений, но для индуса это совершенно немыслимо!

— Теперь счастье навсегда покинет наше царство, — подхватили женщины.

Одна из них заметила:

— Тхакур сам сказал: Мать во сне явилась ему и предупредила, что будет мор и в три месяца страна опустеет.

— Вы только послушайте, — сказала Хару, — Модхо полтора года мучился хворью, но все скрипел, а как не стали приносить жертвы богине, так сразу на тот свет...

— Это еще что, — вмешалась Кханто, — вон у меня племянник. Кто думал, что он помрет? А лихорадка в три дня его скрутила. Лекарь дал пилюли, парень проглотил — и глаза на лоб.

Кханто смолкла, вконец расстроенная скорбью о племяннике и страхом за судьбу государства.

— А на днях, — вспомнил Тинкори, — на базаре в Мотхурхати был пожар, все дотла сгорело.

Крестьянин Чинтамони заметил шагавшему рядом парню, тоже крестьянину:

— Это все пустое, вот рис нынче идет дешево, никогда такого не было. Кто знает, что станется в этом году с нашим братом пахарем.

Долго еще беседовали о том, кто пострадал после запрещения приносить жертвы, а также до него. Единодушно решили, что корень зла в приказе раджи. Лучше всего теперь уехать из этих краев, — говорили все в один голос, — хотя всерьез никто не собирался уезжать.

Но Джай Сингх почти ничего не слышал из этих разговоров — мысли его были заняты другим. Он прошел прямо к храму. Богослужение уже кончилось, и Рогхупоти сидел во дворе.

Служитель быстрыми шагами подошел к учителю и с болью в голосе, но очень твердо сказал:

— Зачем вы, наставник, ответили утром вместо Матери, когда я молил ее открыть мне свою волю?

— Но ведь Мать открывает свою волю через меня, — чуть смутившись, произнес Рогхупоти, — она сама ничего не говорит.

— А почему вы прямо не подошли и не сказали? Зачем вам понадобилось прятаться, хитрить со мной?

— Замолчи! — рассердился Рогхупоти. — Тебе ли судить о моих поступках? Не уподобляйся болтуну и не мели всякий вздор, который приходит тебе в голову. Мое дело приказывать, а твое — безропотно исполнять.

Джай Сингх не произнес ни слова. Мучительные сомнения еще сильнее стали терзать его. Наконец он заговорил:

— Сегодня утром я сказал Матери, что если не услышу повеления из ее уст, — ни за что не допущу царубийства! И когда я понял, что повеление убить Гобиндо Маникко не исходило от Владычицы, мне пришлось предупредить махараджу о намерении Ноккхотро Рая.

Некоторое время Рогхупоти сидел молча. Затем, поборов бушевавший в нем гнев, решительно произнес:

— Войди в храм.

Оба подошли к изваянию.

— Коснись ног Матери и повторяй за мной: «Клянись к двадцать девятому ашарха принести к этим стопам царскую кровь!»

Джай Сингх стоял понутив голову. Затем посмотрел на духовного учителя, перевел взгляд на изваяние, коснулся ног богини и медленно произнес:

— Клянись к двадцать девятому ашарха принести к этим стопам царскую кровь!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вернувшись во дворец, раджа занялся ожидавшими его государственными делами. Солнечное утро сменилось серым днем. Раджа был рассеян. Он заметил, что среди придворных, собравшихся в тронном зале, нет Ноккхотро Рая. Раджа послал за братом. Тот не пришел, сославшись на недомогание. Тогда Гобиндо Маникко сам отпра-

вился к нему. Ноккхотро Рай не осмелился взглянуть на раджу. Придвинув к себе лист исписанной бумаги, он сделал вид, что очень занят.

— Что же за болезнь у тебя, Ноккхотро?

Тот повертел бумажку в руках и стал сосредоточенно рассматривать свой перстень.

— Болезнь? Да нет, не совсем болезнь... Так, были кое-какие дела... Да, да, я и в самом деле нездоров... что-то в этом роде...

Ноккхотро Рай был явно встревожен. Гобиндо Маникко с глубокой печалью смотрел на него. «Увы, коварство вползло и в обитель нежности, прячется, как змея, скрывает лицо свое. Разве мало в наших лесах хищных зверей, так надо еще, чтобы человек страшился человека, чтобы брат опасался положить голову на грудь брату. В нашу жизнь вошло столько алчности, зависти, коварства, что для любви и нежности совсем не осталось места. Брат, с которым мы живем под одной крышей, каждый день сидим рядом, беседуем, улыбаясь друг другу, втайне точит нож». Мир казался Гобиндо Маникко темными, непроходимыми джунглями, которые кишат хищными зверями. Повсюду ему чудились клыки, когти. «Мое пребывание в этой стране, где все враждует между собой, — подумал раджа, тяжело вздохнув, — лишь разжигает огонь зависти, жадности, ненависти в сердцах моих братьев, моих соплеменников. Родные, окружающие мой трон, самые близкие мне люди, в душе затаили злобу, скрежещут зубами и в любую минуту готовы броситься на меня, как бешеные псы, сорвавшиеся с цепи. Лучше покинуть эту страну, нежели стать добычей их клыков и когтей».

Куда исчезло прекрасное улыбающееся лицо, которое явилось сегодня радже на утреннем небе!

— После полудня, — строго произнес махараджа, вставая, — мы пойдем с тобой в лес на берегу Гомоти.

Ноккхотро не посмел возразить, но душа его затрепетала от страха и догадок. Ему казалось, что все то время, пока Гобиндо Маникко молча сидел рядом с ним, взгляд махараджи был устремлен прямо ему в душу, туда, где на темном дне, как черви, копошились мысли. И сейчас эти черви, словно потревоженные светом, начали выпол-

зять наружу. Ноккхотро Рай опасливо взглянул на брата — лицо махараджи было исполнено печального спокойствия. Тупая жестокость человеческого сердца пробудила в его душе лишь глубокую скорбь.

Прошел полдень, тучи все не рассеивались. Было совсем темно. Махараджа с Ноккхотро Раем отправились в лес. Сумрак создавал впечатление надвигающегося вечера. В ветвях беспрерывно каркали вороны, в небе кружило несколько коршунов. Братья углубились в пустынные дебри — у Ноккхотро Рая мурашки побежали по телу. Вокруг теснились огромные столетние деревья. Они как бы замерли и, не мигая, всматривались в собственную тень, во мрак, сгущавшийся у корней. Безмолвные, они, казалось, слышали малейшее движение насекомого. Каждый шаг в таинственной мгле стоил Ноккхотро Раю больших усилий, ноги у него подкашивались, хмурое оцепенение леса заставляло учащенно биться сердце, охваченное страхом и подозрениями. Он следовал за раджей, будто влекомый самой судьбою, не ведая, куда идут они. Ноккхотро решил, что он попался в руки брата, и тот завел его в лес для сурового возмездия. Ноккхотро Рай готов был броситься назад, но словно кто-то невидимый тянул его вперед. Спасенья нет!

Наконец братья вышли на поляну. Рядом была яма, наполненная дождевой водой. Тут раджа вдруг повернулся:

— Стой!

Ноккхотро Рай вздрогнул, застыл как вкопанный. У него было такое ощущение, будто по приказу раджи остановилось само время, деревья склонились к ним, а земля и небо, затаив дыхание, смотрят в их сторону. Даже вороны перестали каркать, в лесу ни звука, лишь произнесенное раджей слово долго еще звенело в ушах, бежало от дерева к дереву, с ветки на ветку, и лес отзывался на его звучание глухим шелестом листьев.

Ноккхотро продолжал стоять, не шелохнувшись. Раджа устремил на брата свой проницательный задумчивый взор и спокойным голосом медленно произнес:

— Ты хочешь лишить меня жизни?

Ноккхотро стоял как громом пораженный и ничего не мог сказать в ответ.

— Зачем, брат? — спросил Гобиндо Маникко. — Ради власти? Ты думаешь, быть раджей — значит лишь воссесть на золотом троне под царским зонтом и носить усыпанную бриллиантами корону? А знаешь ли ты, сколь тяжелы корона, скипетр, зонт? Под короной скрываются заботы о тысячах и тысячах людей. Если хочешь обладать верховной властью, прими их горести как свои собственные, а бремя их нужды возложи себе на плечи. Раджа тот, чье сердце может объять все это, а живет он в хижине или во дворце — безразлично. Люди признают лишь того, для кого все подданные все равно что родные. Править может тот, кто в силах принять на себя страдания мира, а кто пьет его кровь, присваивает его богатства, — грабитель, на голову его денно и нощно льются слезы многих тысяч обездоленных, и никакой царский зонт не укроет его от потока проклятий. Роскошь, которой он, не скупясь, окружает свою жизнь, — это кусок хлеба, вырванный у голодающих, золотые украшения — нищета многих и многих сирот, пышные одежды — грязные, изодранные балахоны сотен дрожащих от холода. Убиение раджи не даст истинной власти, брат! Для того, чтобы стать настоящим монархом, нужно добиться признания народа.

Гобиндо Маникко смолк. Вокруг снова воцарилось гнетущее безмолвие. Ноккхотро Рай стоял, уронив голову на грудь.

Махараджа вынул из ножен саблю, протянул ее брату. — В лесу нет людей, нет свидетелей, никого. Если хочешь убить меня, так уж тут, сейчас. Никто не помешает, никто не осудит. В наших жилах течет одна кровь, кровь одного отца, одного деда. Ты можешь пролить ее, если хочешь, но так, чтобы никто не узнал об этом, ибо там, где падет хоть одна ее капля, незримо ослабнут священные узы братства. Кто предскажет, что влечет за собой грех, какие цепи? Кто может проследить, как из семени злодейства исподволь, незаметно вырастают тысячи побегов и здоровое крепкое общество постепенно превращается в джунгли? В городах и деревнях братья нежно и беззаботно раскрывают друг другу свои объятия — так не проливай же кровь брата близ их жилищ. Вот зачем я позвал тебя сегодня в лес!

И раджа вложил саблю в руку Ноккхотро Рая. Но оружие упало на землю. Ноккхотро Рай закрыл лицо руками.

— Я не виноват, дада, — ответил он сквозь сдвленные рыдания, — мне никогда это и в голову не приходило.

— Я знаю, — сказал раджа, обнимая брата. — Разве ты способен нанести мне удар! Это люди дают тебе дурные советы.

— Мне дает эти советы один Рогхупоти.

— Держись подальше от него.

— Скажи, куда мне уйти? Я не хочу оставаться здесь. Я хочу бежать! Бежать от Рогхупоти.

— Не нужно! Оставайся со мной. Что может сделать тебе священнослужитель?

Ноккхотро Рай изо всех сил ухватился за руку раджи, словно боялся, что появится Рогхупоти и уведет его за собой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Так и возвращался он домой — сжимая руку брата. Небо было еще светлым, но под кронами уже сгустился мрак. Темнота, половодьем разлившаяся по лесу, не добралась лишь до вершин, но через несколько минут должна была потопить и небо и землю.

С дороги, что вела во дворец, раджа свернул к храму. Рогхупоти и Джай Сингх уже кончили вечернее богослужение и сидели у себя в домике, подле горящей лампы. Каждый из них был погружен в свои думы. Тусклое пламя неясно освещало лица. При виде Рогхупоти Ноккхотро Рай отошел в тень, падавшую от раджи, и устоялся в землю, не смея поднять глаз на брахмана. Но раджа велел брату стать рядом, крепко сжал его руку и испытующе взглянул на Рогхупоти. Тот искоса бросил острый взгляд на Ноккхотро Рая. Наконец раджа поклонился священнику, Ноккхотро Рай последовал примеру брата. Приняв поклоны, Рогхупоти промолвил глухим голосом:

— Джайосту! Как процветает государство?

Раджа чуть помедлил с ответом.

— Дайте благословение, тхакур, чтобы процветание всегда сопутствовало государству, чтобы все дети Матери

жили в благочестии, любви и согласии, чтобы никто в нашем государстве не отнимал у брата брата и не сеял злобу там, где царит сердечность. Тяжелая дума о том, что с государством случится недоброе, гложет душу. Порочные замыслы и намерения могут разжечь пожар. Загасите его, окропите мир дождем умиротворения, освежите землю.

— Кто загасит вспыхнувшее пламя гнева богов! По вине одного в нем гибнут тысячи невинных.

— Вот это и повергает меня в трепет. Неужели вы не понимаете, что в нашем государстве именем божьим нарушают божественное установление? Тревога за судьбу моего царства привела меня сюда. Вы хотите посадить здесь древо злодеяний. Не делайте этого, не навлекайте гнев неба на мою счастливую процветающую страну! Вот все, что я хотел вам сказать.

Махараджа пристально посмотрел на Рогхупоти.

Тот не отвечал. Только в волнении теребил священный шнур. Раджа поклонился, взял брата за руку и вышел из дома. Вслед за ними вышел и Джай Сингх. В доме остались только лампада, Рогхупоти и его огромная тень.

Ночь спустилась на землю. Звезды скрыты облаками. На небе ни единого просвета. Ветер доносит откуда-то аромат цветов кодом, что-то тихо шепчет лес. Погруженный в раздумье, раджа шагает по хорошо знакомой ему дороге. Вдруг сзади кто-то окликает его.

— Махараджа!

Гобиндо Маникко оборачивается:

— Кто ты?

— Ваш недостойный слуга, — отвечает знакомый голос, — Джай Сингх. Вы мой наставник, махараджа, мой повелитель. У меня нет никого, кроме вас. Возьмите меня за руку, ведите меня, как ведете вашего младшего брата. Я оказался в беспросветной тьме. Не знаю, что сулит мне добро, а что зло. Я иду то в одну сторону, то в другую, и некому направить меня.

Во мраке не видно слез, Гобиндо Маникко слышит лишь дрожащий страстный голос, от которого застывший ночной мрак заколыхался, словно море под порывами ветра. Раджа взял Джай Сингха за руку.

— Идем со мной во дворец.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда на следующий день слугитель вернулся в храм, время богослужения уже прошло. Рогхупоти сидел мрачный в одиночестве. Впервые был нарушен раз навсегда заведенный порядок.

Не поговорив с наставником, Джай Сингх прошел мимо в сад и сел под деревом. Вздогнули, зашевелились ветки, заплясали тени. Вокруг — усыпанные цветами кусты и деревья, листва, набегающая на листву... Благословенный уголок, дарующий негу и прохладу... сладкий зов... ласковое объятие природы... Здесь все исполнено терпения, никто ни о чем не спрашивает, не прерывает хода мыслей, устремляет на тебя взор, лишь когда ты пожелаешь, отвечает, когда слышит твой вопрос. В эту безмолвную обитель спокойствия, в этот тайник природы и пришел Джай Сингх, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Снова и снова обращался он к советам, данным ему раджей.

Вдруг слугитель почувствовал на спине прикосновение чьей-то руки: это неслышно подошел Рогхупоти. Джай Сингх в испуге встрепенулся. Священник сел рядом, посмотрел в лицо, взволнованно спросил:

— Чем ты так расстроен, сын мой? Что я сделал такого, что ты постепенно отдаляешься от меня?

Джай Сингх хотел что-то сказать, но Рогхупоти продолжал:

— Разве я лишал тебя любви своей хоть на минуту? Может быть, я в чем-нибудь провинился перед тобой, Джай Сингх? В таком случае, я, твой наставник, твой второй отец, молю — прости меня!

Джай Сингх вздрогнул, как если бы над его головой грянул гром, припал к стопам духовного учителя, задрожал всем телом.

— Я ничего не знаю, отец, ничего не могу понять и не вижу, куда иду.

Рогхупоти накрыл своей рукой руку юноши.

— Сын мой, с детства я воспитываю тебя нежно, как мать, учу шастрам заботливо, как отец, доверяю тебе, как лучшему другу. Я сделал тебя помощником во всех своих делах. Кто же хочет отнять у меня сына, кто по-

сягает на давние узы любви и привязанности? Небо даровало мне священные права на тебя. Кто же теперь покушается на них? Назови мне, сын мой, имя этого великого грешника!

— Не вините никого, учитель мой, вы сами оттолкнули своего сына. Вы вывели меня из нашего уютного дома на пустынную дорогу и бросили там. Вы говорили, что не существует на свете никаких уз, что у любви и преданности нет священных прав! Ту, что была для меня матерью, вы назвали ненасытной кровожадной Силой, которая является везде, где только бушует зависть, льется кровь, где брат враждует с братом, человек хватается за горло человека. Вы взяли меня с колен Матери и перенесли в какую-то дьявольскую страну!

Рогхупоти долго сидел ошеломленный. Наконец он сказал со вздохом:

— Значит, ты избавился от уз, стал свободным, и я отказываюсь от всех своих прав на тебя. Пусть будет так, если это принесет тебе счастье.

Брахман хотел подняться.

— Нет, нет, учитель! — воскликнул Джай Сингх, припав к его ногам. — Я все равно останусь с вами, если даже вы отвернетесь от меня, я не могу иначе, делайте со мной что хотите! Я остаюсь, остаюсь у ваших ног. Куда бы вы ни пошли, я последую за вами — иного пути у меня нет.

Рогхупоти обнял Джай Сингха — плечо служителя стало мокрым от слез.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

У храма собралась большая толпа. Стоял невообразимый шум.

— Вы зачем пришли? — сухо спросил Рогхупоти.

— Посмотреть на Владычицу, — разноголосо ответила толпа.

— А где она? Ее нет больше в нашем государстве. Вы не сумели удержать ее, вот она и покинула вас.

Толпа зашумела:

— Как же так, тхакур?

— Чем мы провинились?

— Неужели Мать никогда не перестанет сердиться?

— Я и впрямь несколько дней не приходил на молебен, но ведь у меня племянник хворал.

(Говоривший был уверен, что богиня покинула страну исключительно из-за его нерадивости.)

— Я хотел отдать Владычице пару своих козлов, да не собрался вовремя: храм очень уж далеко.

(Бедняга считал себя кругом виноватым: не опоздай он со своими козлами, страну не постигло бы такое несчастье.)

— Гобордхон не принес Матери дара, который обещал, — это верно. Но ведь и Мать примерно наказала его. У него селезенку раздуло что твой барабан, полгода не встает с постели.

(Да пропади пропадом Гобордхон со своей селезенкой, лишь бы не уходила Мать! И каждый пожелал несчастному Гобордхону, чтобы селезенка у него раздулась еще сильнее.)

В толпе выделялся высокий могучий детина. Он зычно прикрикнул на всех и в наступившей тишине обратился к священнослужителю, молитвенно сложив руки:

— Почему ушла Мать, тхакур? Что мы такого сделали?

— Вы не принесли Матери ни капли крови. Так-то вы почитаете ее?

Все молчали. Потом толпа снова зашумела, кто-то вполголоса заметил:

— Раджа не велит! Мы, что ли, виноваты?!

Джай Сингх сидел словно каменный идол. Ему хотелось крикнуть: «Мать сама запретила», — но он подавил в себе это желание и продолжал молчать.

— А кто такой раджа?! — резко возразил Рогхупоти. — Разве трон Матери ниже его трона? Ну и молитесь на своего раджу. Посмотрим, кто защитит вас в стране, которую покинула Мать.

По толпе прошел ропот, но все говорили с опаской. Рогхупоти встал.

— Вы боготворите раджу и тем самым оскорбили Мать, прогнали ее из страны. Не думайте же, что счастье

будет сопутствовать вам. Минет три года, и в огромном царстве от очагов ваших не останется и следа, и некому будет поддерживать пламя в светильнике вашего рода.

Толпа теперь уже гудела, словно море. Народ все прибывал. Высокий могучий детина снова обратился к Рогхупоти:

— Если ребенок провинился, мать наказывает его, но не бросает на произвол судьбы! Скажи, господин, как вернуть Мать?

— Мать вновь сойдет на эту землю, когда уйдет из нее ваш раджа.

При этих словах все смолкли, замерли. Люди смотрели друг на друга, не смея произнести ни слова.

— Вы шли сюда издалека, лелея надежду лицезреть Владычицу! — прогремел Рогхупоти. — Ну хорошо, вы увидите ее! Идите за мной! Я проведу вас в храм.

Охваченные страхом, люди бесконечным потоком вливались во двор. Двери храма были закрыты. Рогхупоти медленно отворил их.

То, что предстало взорам, заставило всех онеметь: лица богини не было видно, она стояла спиной. Мать отвернулась! Раздался плач. «Обернись, Мать, взгляни на нас! Чем мы виноваты?», «Мать, куда ты ушла?!» — несло со всех сторон.

Изваяние оставалось неподвижным: ведь оно было сделано из камня. Многие упали без чувств. Дети, не понимая, что происходит, стали громко плакать и кричать. Им вторили старики. Женщины колотили себя в грудь, лица их открылись, сари сползли с плеч. Мужчины повторяли сдавленными высокими голосами:

— Вернись, Мать, не покидай своих детей:

Запел юродивый:

Мать-богиня, из камня точенная,
На детей не глядит огорченная...

Казалось, все государство собралось у дверей храма и взывает в отчаянии:

— Мать! Мать!

Но изваяние не двигалось. Наступил полдень, неми-

лосердно жгло солнце, а толпа все не расходилась, люди по-прежнему неистовствовали.

Джай Сингх подошел к священнослужителю, спросил, запинаясь от волнения:

— Учитель, неужели я должен молчать?

— Да!

— И не должен ни в чем сомневаться?

— Ни в чем, — отрезал Рогхупоти.

Джай Сингх стиснул кулаки.

— И все принимать на веру?

— Все, — ответил брахман, устремив на служителя жгучий взгляд.

— Сердце мое разрывается, — промолвил юноша, прижимая руку к груди.

Он протиснулся сквозь толпу и бросился бежать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Наступило двадцать девятое число месяца ашарх. Ночью должны были служить молебен четырнадцати богам.

Над пальмовой рощей взошло солнце, не затуманенное ни единым облачком. Сюда, в эту рощу, залитую золотыми лучами, и пришел Джай Сингх. Он сел под дерево и задумался. Сколько воспоминаний связано у него с этим храмом: белые каменные ступени под сенью пальм, раскидистый баньян на берегу Гомоти и рядом пруд. Здесь прошло его детство. Улыбаются, манят прекрасные видения далеких дней. А в душе звучит: «Я уже в пути, я распростился со всем и всеми и не вернусь больше...» Солнце осветило белокаменное строение, на его основание с левой стороны легла дрожащая тень ветвей бокула. Когда Джай Сингх был маленьким, храм представлялся ему живым существом, а ступени, на которых мальчик играл, были его лучшими друзьями. И вот сегодня в озарении утренних лучей храм снова представился Джай Сингху живым. С таким же чувством, как в далеком детстве, смотрел он сейчас на светлые ступени, а каменное изваяние в храме, как и прежде, казалось ему Матерью.

И все же душу терзали горечь, обида, боль. Джай Сингх заплакал, но, заметив Рогхупоти, отер слезы, встал, поклонился наставнику.

— Сегодня день молебна. Ты не забыл о клятве, которую дал Матери?

— Не забыл.

— Выполнишь?

— Да.

— Действуй осторожно, сын мой. Опасно. Я и восстановил всех против раджи, чтобы тебе ничто не угрожало.

Джай Сингх ничего не сказал в ответ, лишь взглянул на духовного учителя; Рогхупоти положил руку ему на голову.

— С моим благословением ты благополучно исполнишь свой долг и повеление Матери.

С этими словами брахман ушел.

...После полудня Гобиндо Маникко играл с Дхрубо. По просьбе Дхрубо он то снимал корону, то снова надевал ее. Видя, как туго приходится махарадже, мальчик хохотал до слез.

— Надо научиться, — с улыбкой промолвил Гобиндо Маникко. — Волей всевышнего я легко падел корону на голову, так пусть же его волей мне легко будет и снять ее. Надеть корону трудно, но расстаться с ней еще труднее.

Вдруг Дхрубо осенило. Он посмотрел на Гобиндо Маникко, засунул палец в рот, потом сказал:

— Ты аджа.

Малыш ни капли не раскаивался в том, что не выговаривал «р» напротив — он был очень доволен, что назвал раджу «аджой» в его же присутствии. Гобиндо Маникко решил подразнить Дхрубо:

— Ты сам аджа.

— Нет, ты аджа.

Спор затянулся. Никаких доводов ни у одной из сторон не было, просто старались переговорить друг друга. В конце концов раджа водрузил корону на голову Дхрубо — мальчик потерпел полное поражение и сразу умолк. Корона закрыла половину лица Дхрубо, отчего голова его казалась неимоверно большой.

— Расскажи что-нибудь, — приказал он развенчанному радже, подтверждая кивком свой приказ.

— Что же тебе рассказать?

— То, что диди рассказывала. — Дхрубо был уверен, что, кроме историй, услышанных им от диди, никаких других на свете не существует.

Гобиндо Маникко стал рассказывать ему длинную древнюю легенду.

— Жил-был аджа по имени Хираньякашипу...

— Я аджа! — воскликнул Дхрубо.

Силой и весом короны, свободно болтавшейся на голове, малыш решительно отверг царский сан Хираньякашипу.

Чтобы доставить удовольствие ребенку, Гобиндо Маникко, подражая льстивому придворному, сказал:

— И ты раджа, и он раджа.

Но Дхрубо и с этим был не согласен.

— Нет, я, я аджа!

Гобиндо Маникко уступил:

— Ну, хорошо, Хираньякашипу не раджа, он демон.

Мальчик решил, что тут уже можно не возражать.

В это время в комнату вошел Ноккхотро Рай.

— Махараджа хотел видеть меня по важному делу. Жду приказаний!

— Сейчас, сейчас, вот только сказку доскажу.

Дхрубо выслушал до конца и вынес краткое заключение: «Емон — баловник».

Увидев корону на голове Дхрубо, Ноккхотро Рай почувствовал досаду. От малыша не ускользнул пристальный взгляд Ноккхотро, он серьезным тоном сообщил:

— Я аджа.

— Что ты, что ты, нельзя так говорить!

Ноккхотро хотел было снять корону с Дхрубо и отдать ее радже. Но Дхрубо, не желая расставаться с короной, сердито закричал, как настоящий повелитель. Гобиндо Маникко остановил брата, ссора была предотвращена.

Наконец раджа перешел к делу.

— Я слышал, — сказал он Ноккхотро Раю, — что священнослужитель Рогхупоти бесчестными средствами

сеет смуту среди подданных. Ты сам отправишься в город, установишь, что правда, что ложь, и сообщишь мне.

— Слушаюсь, — ответил Ноккхотро Рай и вышел, все еще с неприятным чувством вспоминая корону на голове Дхрубо.

Вошел стражник.

— Служитель храма Джай Сингх просит встречи с вами.

— Впустите его!

Джай Сингх поклонился, сложив руки в приветствии.

— Махараджа, сегодня я отправляюсь в далекий путь. Вы мой повелитель, мой наставник, я пришел за вашим благословением.

— Куда же ты отправляешься, Джай Сингх?

— Не знаю, махараджа. И никто не знает.

Раджа хотел что-то возразить, но служитель помешал ему:

— Не удерживайте меня, махараджа! Не запрещайте! Иначе путь мой не будет счастливым. Лучше благословите меня, чтобы в неведомом мне краю я не знал сомнений, терзавших меня здесь, чтобы рассеялись тучи, чтобы я попал в царство, которым правит такой же раджа, как вы. И чтобы я, наконец, обрел покой.

— Когда же ты отправляешься?

— Сегодня вечером. Времени не так уж много. Я ухожу.

Джай Сингх низко поклонился, две слезы скатились к стопам раджи.

Юноша встал и направился к двери. К нему тихонько подошел Дхрубо, потянул его за край одежды.

— Не уходи.

Джай Сингх с улыбкой повернулся, взял малыша на руки, поцеловал.

— А с кем я останусь, сын мой? Никого у меня здесь нет.

— Я аджа, — заявил Дхрубо.

— Ты сильнее раджи, кого хочешь можешь к себе привязать.

Опустив мальчика на пол, Джай Сингх покинул покой раджи. Гобиндо Маникко погрузился в глубокое раздумье.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Настал вечер молебна. По небу ползли тучи. Луна то выглядывала, то снова пряталась. Любуясь ею, леса, раскинувшиеся по берегам Гомоти, время от времени нарушали окружающий их покой и темноту шелестящими вздохами.

В эту ночь никому не разрешалось выходить из дому. В такую позднюю пору даже в обычное время никто не появляется, сегодня же все казалось вымершим. Горожане закрыли двери, погасили светильники. Стража покинула свои посты.

Даже грабители не появлялись в эту ночь. Те, у кого в семье был покойник, ждали утра, чтобы с восходом солнца отнести тело на погребальный костер. Нельзя было пойти позвать лекаря к умирающему ребенку. Нищий, коротавший ночи под деревом у дороги, и тот нашел сегодня приют в каком-то хлеву. По городу рыскали шакалы и собаки, пантеры подходили прямо к порогу жилищ.

Лишь один человек в эту ночь находился вне дома — один-единственный из людей. Он сидел на берегу реки, точил кинжал, а думы его были где-то далеко-далеко. Булат уже совсем острый, но человек продолжает точить его, будто вместе с оружием оттачивает и свои мысли. Острое лезвие, зловеще чиркая по камню, раскаляется, словно подогреваемое жаждой крови. Черная полоса реки все так же бежит во мгле, а по небу плывет теперь уже сплошная завеса темных туч. Непроглядная ночь отсчитывает часы, блуждая над миром.

Начавшийся ливень заставил Джай Сингха — а это был он — очнуться. Служитель вложил еще горячий кинжал в ножны, встал. Скоро начнется молебен. Юноша помнит о своей клятве. Медлить больше нельзя.

...Храм освещен тысячью светильников. Среди тринадцати божеств стоит Кали, высунув длинный язык, — она жаждет человеческой крови. Рогхупоти отпустил всех служителей храма и теперь сидит один перед четырнадцатью изваяниями. Перед глазами у него длинный меч. Обнаженный, блестящий, озаренный пламенем све-

тильников, он подобен застывшей молнии. Меч ждет повеления богини.

Молебен начнется в полночь, осталось совсем мало времени. Рогхупоти встревожен: Джай Сингха все нет. Внезапно разразилась гроза. От порыва ветра задрожала тысяча пламенеющих язычков; на обнаженном мече заиграли отблески молний. Ожившие тени четырнадцати изваяний и Рогхупоти в какой-то неистовой пляске закружились по храму, по полу каталась череп-чаша, подгоняемая бурей. А по стенам запрыгали тени двух летучих мышей, которые метались, словно сухие листья на ветру.

Наступила полночь. Сначала близко, затем дальше и, наконец, где-то совсем далеко завyli шакалы. Вторя им, завыл, зарыдал грозовой ветер. Пора начинать молебен. Недобрые предчувствия не давали Рогхупоти покоя.

Вдруг из ночной тьмы в свет храма шагнул Джай Сингх, он появился внезапно, мгновенно — олицетворенная молния! С длинной накидки, в которую был закутан юноша, ручьями стекала вода, он дышал тяжело и часто, глаза горели.

Рогхупоти вцепился в него, прошептал на ухо:

— Принес?

— Принес! — громко ответил Джай Сингх, отстраняя руки брахмана. — Принес я царскую кровь. Отойдите, я хочу обратиться к Владычице.

Стены храма дрожали от его голоса. Джай Сингх встал против изваяния Кали.

— Так тебе в самом деле нужна кровь твоего сына, Мать? И жажду утолит только царская кровь? С детских лет я звал тебя Матерью, тебе служил верой и правдой, и не было у меня в жизни другой цели. Я раджпут, кшатрий. Дед моего отца был раджей, потомки отца моей матери царствуют и поныне. Возьми же кровь твоего сына. Она тоже царская!

Накидка упала с плеч, молнией сверкнул кинжал — Джай Сингх по рукоятку всадил его себе в грудь, острое жало смерти пронзило сердце. Юноша упал у ног Матери. Но Владычица не пошевелинулась: она ведь каменная.

Рогхупоти с отчаянным криком бросился к Джай

Сингху, пытался поднять его, а потом бессильно упал на труп. Кровь потекла по светлым ступеням. Один за другим гасли светильники. Всю ночь в темноте слышалось чье-то дыхание. К исходу ночи гроза унялась, все замерло вокруг. Перед рассветом луна вышла из-за облаков, заглянула в храм, ее бледные лучи едва озарили побелевшее лицо юноши. На него устремили свой взор четырнадцать божеств, стоявших у изголовья. Лишь перед рассветом, когда в роще защебетали птицы, Рогхупоти отошел от смертного одра преданного служителя.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Выполняя приказ раджи, Ноккхотро Рай рано утром вышел из дворца. Принца смущало предстоящее посещение храма. При Рогхупоти Ноккхотро Раю всегда становилось не по себе, он терял способность управлять своими поступками. Не желая попадаться на глаза брахману, Ноккхотро Рай решил тайком пробраться к Джай Сингху, от которого можно будет узнать все до мельчайших подробностей.

Так он и сделал: потихоньку вошел в комнату служителя, но тут же пожалел об этом. Вещи Джай Сингха — книги, посуда — разбросаны в беспорядке, посредине сидел Рогхупоти, а самого служителя не было. Воспаленные глаза брахмана горели как угли, волосы были растрепаны. Он твердой рукой схватил за руку Ноккхотро Рая, силой усадил на пол. Тот был ни жив ни мертв. Взгляд Рогхупоти обжег ему сердце.

— Где кровь?

У Ноккхотро Рая будто все оборвалось внутри, он не мог вымолвить ни слова.

— Где твое обещание? Где кровь? — как безумный, почти кричал Рогхупоти.

Принц судорожно дернул рукой, затем ногой, поерзал, отодвинулся, потянул к себе край одежды. Ноккхотро Рая прошиб пот.

— Тхакур... — начал было он пересохшими губами.

— Мать сама подняла карающий меч. Теперь кровь повсюду будет течь рекой, и ни капли ее не останется

в жилах вашего рода. Тогда посмотрим, что стоит твоя любовь к брату!

— Любовь к брату! Ха-ха-ха! Тхакур...

Смех замер у него на устах, сдавило горло.

— Мне не нужна кровь Гобиндо Маникко, мне нужен тот, кто дороже ему всех на свете, дороже жизни. Его кровь я и выплесну на Гобиндо Маникко, она запечется на его груди, и следы ее не сотрутся никогда, никогда! Вот смотри, внимательно смотри!

Священнослужитель сорвал с себя чадор — все тело его было в крови, на груди виднелись запекшиеся темные пятна.

Ноккхотро Рай содрогнулся. Рогхупоти, как клещами, сжал его руку.

— Кто он? Кого Гобиндо Маникко любит больше самого себя? С чьим уходом померкнет свет в его глазах, жизнь потеряет смысл? О ком, пробудившись, вспоминает он по утрам, кого благословляет в душе, отправляясь вечерами на покой? Кто заполнил его сердце? Ты?

Рогхупоти, не отрываясь и не мигая, смотрел на принца. Так смотрит тигр на олененка, прежде чем броситься на него.

— Нет, не я, — поспешно ответил Ноккхотро. Он хотел высвободить руку, но это ему никак не удавалось.

— Тогда кто же?

— Дхрубо! — сорвалось с уст принца.

— Кто такой Дхрубо?

— Ребенок...

— А-а, знаю, знаю... Воспитанник раджи. Он лелеет его как сына. Своих ведь нет. Не знаю, как люди любят своих детей, но за приемных они готовы отдать жизнь. Счастье этого мальчишки для Гобиндо Маникко, верно, дороже всех его богатств. Радже, я думаю, приятнее видеть корону на его голове, чем на своей собственной.

— Все так, все верно, — ответил Ноккхотро Рай, пораженный пронизательностью Рогхупоти.

— Еще бы! — усмехнулся брахман. — Мне ли не знать, как раджа любит мальчика? Я хорошо это понимаю. Вот он-то мне и нужен!

Принц слушал, открыв рот. Затем повторил как бы про себя:

— Он-то и нужен...

— Ты должен привести его. Нынешней же ночью!

— ...нынешней ночью...

Не отводя взора от глаз Ноккхотро Рая, Рогхупоти промолвил, понизив голос:

— Догадываешься ли ты, что ребенок этот тебе враг? Ты — законный наследник династии, и вдруг откуда-то появился приемыш неизвестного роду-племени, чтобы отнять у тебя корону. Это хоть понятно тебе? Неужели ты, зрячий, не видишь, что для него уготовано место на троне, который ждал тебя?

Услышанное для Ноккхотро Рая не было новостью, ему и самому приходили в голову подобные мысли.

— Об этом можно было бы и не говорить, тхакур. Я не слепой! — гордо ответил принц.

— Так что же еще раздумывать! Приведи его, и путь к трону будет открыт тебе без помех. День уж как-нибудь переждем, а после... Так когда приведешь его?

— Сегодня вечером, как стемнеет.

— А не приведешь — на тебя падет проклятие брахмана. — Рогхупоти коснулся священного шнура. — Раз ты дал клятву, обязан выполнить ее — иначе не пройдет и трех ночей, как стервятники склюют уста, которыми она была произнесена.

Ноккхотро Рай вздрогнул, провел по лицу рукой. Он с ужасом представил себе, как хищная птица станет рвать острым клювом нежную кожу. Поклонившись Рогхупоти, он поспешно вышел. Лишь очутившись на свету, среди людей, Ноккхотро снова воспрянул духом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Близился вечер. Дхрубо играл во внутренних покоях дворца. Увидев Ноккхотро Рая, он с криком «дядя» бросился к нему, обхватил ручонками за шею, прижался щекой к щеке.

— Дядя, дядечка, — тихо повторял малыш.

— Ш-ш, не говори так! Какой я тебе дядя?

Дхрубо изумился: ведь он всегда так называл этого человека. Мальчик сразу замолчал и стал серьезным. Потом поднял на принца свои большие глаза и спросил:

— А кто ты?

— Я тебе не дядя.

Малышу стало весело: никогда еще он не слышал такой забавной шутки.

— Ты дядя, дядя, — смеялся Дхрубо.

Ноккхотро пытался урезонить мальчика, но тот твердил свое и заливался все звонче и громче. Ему нравилось дразнить Ноккхотро.

— Дхрубо, хочешь увидеть диди?

Малыш тотчас же сполз с рук.

— Где диди?

— У Матери.

— А где Мать?

— Не так уж далеко. Я могу отвести тебя к ней.

Дхрубо захлопал в ладоши.

— Когда, дядечка?

— Сейчас.

Мальчик взвизгнул от радости и снова прильнул к Ноккхотро Раю. Тот взял Дхрубо на руки, укутал его накидкой и потайным ходом вышел с ним из дворца.

Нынешней ночью тоже запрещалось выходить из дома; как и накануне, на улице не было ни стражников, ни прохожих. Лишь полная луна сияла в небе.

Войдя в храм, Ноккхотро Рай хотел передать Дхрубо брахману. Однако мальчик вцепился в принца и ни за что не хотел расставаться с ним. Рогхупоти силой оторвал ребенка. Тот закричал: «Дядя, дядечка!» — расплакался. У принца на глаза набежали слезы, но ему стыдно было обнаружить свою слабость при брахмане. Ноккхотро хотел показать, что он человек с каменным сердцем. Дхрубо плакал и звал: «Диди, диди!» Но диди не пришла. Рогхупоти оглушил мальчика грозным окриком. Ребенок замер от страха и лишь время от времени всхлипывал. Четырнадцать божеств бесстрастно взирали на происходящее.

...Услышав во сне чей-то плач, Гобиндо Маникко открыл глаза.

— Махараджа! Махараджа! — вдруг донесся снизу, из окна, встревоженный голос.

Раджа вскочил. В свете луны он увидел Кедарешшора, дядю Дхрубо.

— Что случилось?

— Махараджа, где мой Дхрубо?

— Разве его нет в постели?

— Нет.

И Кедарешшор начал рассказывать:

— К вечеру хватился, нет Дхрубо. Стал спрашивать людей. Слуга Ноккхотро Рая сказал мне, что Дхрубо во внутренних комнатах с принцем. Я было успокоился, потом смотрю, время позднее, и снова встревожился. Разузнал, что принца во дворце нет. Пытался проникнуть к вам, мой повелитель, но стража меня и слушать не стала. Вот и пришлось кричать в окно. Простите, что нарушил ваш сон.

В голове раджи молнией мелькнула догадка. Он позвал четырех охранников.

— Берите оружие и следуйте за мной.

— Махараджа, — напомнил один из охранников, — сегодня ночью запрещено выходить из дому.

— Я приказываю вам.

Кедарешшор хотел идти с ними, но Гобиндо Маникко отослал его обратно. По безлюдной, освещенной лунным светом дороге раджа направился к храму.

...Двери храма вдруг распахнулись. Внутри темно, зажжен лишь один светильник. Ноккхотро и Рогхупоти пьют вино, перед ними меч. А где же Дхрубо? Он спит у ног изваяния Кали. На щеке засохла бороздка от слез, ротик слегка приоткрыт, личико спокойно, безмятежно, словно он заснул не на каменном ложе, а на коленях у своей диди и та поцелуями осушила его слезы.

От хмельного у Ноккхотро развязался язык, но Рогхупоти сидит неподвижно, ожидая часа, когда он должен начать богослужение, и не внимает пьяным речам принца. А тот говорит:

— У тебя, тхакур, на душе кошки скребут. А я не боюсь! Чего бояться? Кого? Не робей, тхакур! Я защищу тебя. Думаешь, я испугался раджу? Да мне нипочем сам Шах-Шуджа. Даже Шах-Джахан нипочем! Стоило тебе

лишь слово вымолвить, и я привел бы самого раджу, вот бы подарок был богине! А в такой крошке много ли крови!

Вдруг у входа в храм легла тень. Ноккхотро Рай обернулся — раджа! Он моментально отрезвел, стал темнее собственной тени. Гобиндо Маникко быстро взял спящего Дхрубо на руки и приказал охранникам:

— Обоих под стражу!

Четверо охранников схватили Рогхупоти и Ноккхотро Рая под руки. Прижимая к груди Дхрубо, раджа шагал ко дворцу по той же пустынной, освещенной луною дороге. Рогхупоти и Ноккхотро Рай провели эту ночь в темнице.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день заседал суд. В зале семечку негде было упасть, столько набралось народу. На судейском месте сидел раджа, вокруг приближенные, напротив — обвиняемые. Наручников на них не надели, но рядом была вооруженная охрана. Рогхупоти походил на каменное изваяние, Ноккхотро Рай стоял, уронив голову на грудь.

Установив виновность Рогхупоти, раджа спросил его:

— Ты желаешь что-то сказать?

— Вы не имеете права судить меня.

— Отчего же?

— Я брахман, служитель бога, и судить меня может он один.

— У всевышнего есть сотни наместников на земле, которые карают за грехи и награждают за добро. Мы, Гобиндо Маникко, — из их числа. Я не желаю препираться с тобой. Я спрашиваю, ты похитил вчера вечером ребенка, чтобы принести его в жертву?

— Да.

— Признаешь свою вину?

— Не признаю! Я ни в чем не виновен. Я выполняю волю и приказание Матери, а ты помешал мне. Это ты совершил преступление, именем Владычицы я обвиняю тебя! Она будет тебя судить.

Оставив слова священнослужителя без ответа, раджа сказал:

— Тот, кто принес жертву божеству или намеревался сделать это, наказуется ссылкой. Таков закон моей страны. Согласно этому закону, я приговариваю тебя к восьми годам изгнания. Стража проводит тебя из моих владений.

Охранники хотели вывести Рогхупоти из залы, где шел суд.

— Ни с места! — приказал он им и обратился к радже: — Твой суд окончен, теперь я буду судить тебя, изволь слушать! В наших храмах существует закон: тот, кто в одну из двух ночей, в которые совершается молебен четырнадцати богам, выйдет из дому, отвечает перед жрецом. По этому древнему закону ты в ответе передо мной.

— Я готов держать ответ.

— Этот поступок наказуется только штрафом, — подсказали приближенные.

— Я штрафую тебя на двести тысяч рупий! Выплатить нужно сейчас же.

После непродолжительного раздумья раджа ответил:

— Пусть будет так.

Он позвал казначея и приказал отсчитать двести тысяч рупий. Охранники увели Рогхупоти.

Раджа повернулся к принцу и сурово спросил:

— Ноккхотро Рай, признаешь ли ты свою вину?

— Я виновен, махараджа, но сжальтесь надо мной, смилуйтесь!

Он бросился в ноги брату.

Махараджа на мгновение заколебался, но быстро овладел собой.

— Встань, Ноккхотро Рай, и выслушай меня. Я не имею права миловать, я должен подчиняться порядкам, которые сам установил. Они обязательны и для подсудимого и для судьи. За одно и то же преступление одного наказать, а другого помиловать — посуди сам, возможно ли это?

— Махараджа, Ноккхотро Рай ваш брат, пощадите его, — вступились приближенные.

— Молчите! — оборвал их раджа. — Пока я сижу на судейском месте, для меня не существуют ни братья, ни друзья.

Приближенные не посмели больше прекословить. Зал замер.

— Все слышали? — твердо продолжал раджа. — Тот, кто принес жертву божеству или намеревался сделать это, наказуется ссылкой. Таков закон моей страны. Вчера вечером Ноккхотро Рай в сговоре со жрецом похитил ребенка, чтобы принести его в жертву. Ноккхотро Рай виновен, и я приговариваю его к восьми годам изгнания.

Охранники подошли к принцу, чтобы увести его. Раджа поднялся со своего места, обнял Ноккхотро Рая и сказал прерывающимся голосом:

— Брат мой, наказан не только ты, но и я. Не знаю, какое преступление я совершил в прежнем рождении. Да хранит тебя бог, пока ты будешь находиться вдали от друзей.

Скоро весть о приговоре стала известна всем. Во внутренних покоях поднялся плач. Раджа удалился к себе, запер двери и сел, молитвенно сложив руки.

— Господи! Не щади и не жалей меня, если я когда-нибудь совершу преступление, накажи меня за грех мой. Кару за грех вынести можно, но бремя прощения невыносимо.

В сердце раджи любовь к брату пылала сейчас сильнее, чем прежде. Вспомнились детство, Ноккхотро, его забавы, слова, поступки. День за днем, вечер за вечером проходили перед глазами... Вот маленький Ноккхотро в сиянье солнца... Вот он под звездным небом...

Лицо раджи было мокро от слез.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Настало время Рогхупоти расстаться с Трипурой.

— В какую страну отправимся, тхакур? — спросили стражники.

— На запад!

На десятый день пути показалась Дакка. Стражники оставили осужденного и вернулись в столицу.

«Если в кали юге бессильны проклятия брахмана, посмотрим, чего он может добиться своим умом. Время покажет, чего стоит раджа Гобиндо Маникко и чего стою я, брахман», — сказал про себя Рогхупоти.

До его храма в далекой Трипуре мало доходило вестей из Могольской империи. Добравшись до Дакки, Рогхупоти торопился разведать все о политике моголов и о положении в государстве.

В те времена там правил император Шах-Джахан. Его третий сын, Аурангзеб, выступил походом на юг, чтобы захватить Биджапур. Второй сын, Шуджа, был наместником в Бенгалии. Своей столицей он сделал Раджмохол. Младший сын принц Мурад правил Гуджаратом. Старший сын, наследный принц Дара жил в столице — Дели. Императору Шах-Джахану было шестьдесят семь лет, он одряхлел, и все заботы о правлении огромным государством пали на принца Дару.

Некоторое время Рогхупоти жил в Дакке, изучая там язык урду, а потом отправился в Раджмохол.

Прибыв в столицу наместника Бенгалии, священнослужитель узнал новость, которая взволновала всю Индию: Шах-Джахан был при смерти. Шуджа тотчас же поспешил с войсками в Дели. Четыре сына Шах-Джахана, словно коршуны, готовы были броситься на корону умирающего императора.

Брахман тоже покинул Раджмохол, чтобы следовать за Шуджей. Носильщиков и слуг он отпустил, двести тысяч рупий закопал в укромном местечке под Раджмохолом, оставив метку, чтобы не забыть. С собой взял лишь немного денег. Рогхупоти шел вперед, определяя путь по спаленным хижинам, покинутым деревням, отравленным нивам. Он переоделся странствующим отшельником, но найти приют все равно было очень трудно. Там, где проходило войско, эта стая прожорливой саранчи, царил голод. Для конницы и слонов снимали недозревший урожай. Крестьянские амбары опустели. Наступило время грабежа и бесчинств. Люди бежали из деревень. А те, что оставались, были похожи на испуганных оленей, они никому не верили, никого не жалели, даже улыбаться

перестали. Под деревом у дороги сидят несколько молодых с палками. С самого утра поджидают они прохожего.

Как хвост за кометой, разбойники неотступно следовали за войском, подбирая, что оставляли солдаты. Иногда между солдатами и разбойниками завязывалась драка. Так над мертвым телом грызутся собаки с шакалами. Жестокость, зверство стали для солдат развлечением. Им ничего не стоило проткнуть шпагой мирного путника или отсечь ему голову вместе с тюрбаном. А страх, который они внушали крестьянам, лишь раззадоривал этих головорезов. Разграбив селение, солдаты начинали веселиться, издеваясь над людьми. Двух почтенных брахманов привязали спиной к спине друг к другу, связали их тики и насыпали им в нос нюхательного табаку. Какого-то мужчину положили на двух лошадей и хлестнули их плетью. Лошади понесли, человек упал между ними, сломал руки и ноги. Каждый день вояки придумывали все новые забавы. Подожгут деревню и говорят, что это, мол, фейерверк в честь падишаха. В общем, обо всех их бесчинствах сразу и не расскажешь. Естественно, что Рогхупоти нелегко приходилось. Иногда ему удавалось добыть немного съестного, но случалось и так, что маковой росинки в рот не попадало. Однажды поздним вечером, усталый, забрел он в полуразвалившуюся пустую хижину и заночевал там. Наутро смотрит, вместо подушки у него обезглавленный труп. В другой раз зашел голодный Рогхупоти в чье-то жилище — на сломанном сундуке лежит ничком человек. Рогхупоти подумал было, что тот горюет о разграбленном добре, подошел к нему, легонько толкнул, — человек мешком свалился наземь. Мертвец...

Потом Рогхупоти ночевал еще в чьей-то хижине. Под утро дверь тихонько отворилась. Вместе с лучами осенней луны в нее скользнуло несколько теней, послышался шепот. Тхакур вздрогнул, бесшумно сел. И тут же закричали в страхе женские голоса. Какой-то мужчина сделал шаг вперед и спросил на урду:

— Кто здесь?

— Я брахман, странник. А вы кто?

— Мы здесь живем. Мы убегали, а теперь вернулись: солдаты, кажется, ушли...

— В какую сторону?

— К Виджайгару. Недавно скрылись в виджайгарском лесу.

Ни о чем больше не расспрашивая, Рогхупоти отправился в путь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Виджайгарский лес — логово разбойников. Сколько жертв укрыла земля, взрастившая буйную поросль цветов по краям дороги, что ведет в глубь его. Лес, где, обнимаясь с лианами и ползучим кустарником, в тесном единении живут и могучий баньян, и акация, и священное дерево ним, дремуч и угрюм. Здесь не встретишь чистой воды, разве что пруд, похожий на лужу, весь зеленый от гнилой листвы, которая летит и летит с деревьев. Узкие тропы, извиваясь, словно змеи, теряются в темной чаще. На ветвях стаи мартышек. С баньянов свисают сотни воздушных корней и обезьяньих хвостов. От оскаленных обезьяньих зубов и распутившихся цветов белым-бела плакучая шефалика во дворе разрушенного храма. По вечерам сонмища длиннохвостых попугаев, спрятавшихся в развесистых густых кронах, пронзают криками непроницаемую тьму. Сюда-то и пришло почти двадцатитысячное войско. Увитый лианами, переплетенный травами и кустарником лес, круглой шапкой раскинувшийся на обширном пространстве, превратился в гнездо для двадцати тысяч стервятников, остроклювых, с острыми когтями — вооруженных до зубов солдат.

Потревоженные вороны огромными стаями с карканьем кружили в небе, не решаясь сесть на деревья. Солдатам было запрещено шуметь. После целого дня пути они проголодались и теперь варили на костре пищу, вполголоса переговариваясь друг с другом; их гулкий шепот наполнял собою весь лес, заглушая вечерние песни цикад. Коней привязали к стволам. Изредка слышались удары копыт о землю да ржание, от которого содрогалось все вокруг. На поляне у обвалившегося храма был раскинут

шатер Шах-Шуджи, всех остальных ждал ночлег под деревьями.

Уже наступила ночь, когда Рогхупоти, шагавший без отдыха весь день, достиг леса. Почти все спали мертвым сном, бодрствовали лишь дозорные. Кое-где лениво тлели костры — казалось, это темень через силу таращит свои сонные глаза. Едва Рогхупоти вошел в лес, как ему почудилось, что он уже слышит дыхание тысяч солдат. Тысячи деревьев, вытянув ветви, стояли на часах. Подобно тому как сова, расправив крылья, охраняет вылупившегося птенца, бескрайняя ночь, окутавшая лес снаружи, объяла своими крыльями еще более темную ночь в чаще леса. Ночь в чаще леса дремала, опустив голову на грудь — в то время как ночь снаружи бодрствовала, подняв голову кверху. На опушке Рогхупоти лег и уснул.

С рассветом он вскочил, потревоженный прикосновением какого-то колющего оружия. Густобородые солдаты — турки в чалмах — что-то говорили ему на чужом языке. Рогхупоти понял, что они ругаются. Он тоже сказал им несколько крепких слов по-бенгальски. Солдаты грубо схватили его.

— Вы что, шутить со мной вздумали? — вскричал Рогхупоти. Однако поведение солдат не сулило ничего доброго. Брахмана бесцеремонно поволокли в лес.

— Нечего меня тащить, — возмущенно закричал Рогхупоти. — Я и сам пойду. Для чего же я проделал такой путь?

Бородачи засмеялись, стали передразнивать его бенгальскую речь. Подошли другие солдаты, они тоже начали потешаться, издеваться над ним. Кто-то швырнул в его бритую голову беличий хвост, рассчитывая, видимо, на то, что тот примет его за плод и станет есть. Другой солдат шел рядом, приставив к носу брахмана оттянутый конец толстенной камышовой трости. Стоило отпустить этот конец, и гордо возвышающийся нос Рогхупоти расплющился бы, сровнявшись со щеками. Лес сотрясаясь от хохота солдат. Сегодня в полдень им предстояло идти в бой, а пока они, не стесняясь, забавлялись случайной жертвой. Наигравшись вдоволь, воины отвели брахмана в шатер Шуджи.

При виде Шуджи Рогхупоти не стал отвечать ему

земной поклон по мусульманскому обычаю. Кроме богов и людей своей касты, он не кланялся никому и никогда. Брахман стоял с поднятой головой.

— Шаху над шахами да сопутствует победа, — воскликнул он, подняв руку.

Шуджа с пиалой вина сидел среди приближенных.

— Ну, что случилось? — лениво с пренебрежением спросил он.

— Повелитель, — ответили солдаты, — мы привели вражеского лазутчика.

— Хорошо, хорошо! Этот несчастный хотел выведать, каковы наши силы? Ну так покажите ему все и отпустите. Пусть вернется и расскажет.

— Разреши, повелитель, служить тебе, — на ломаном хиндустани произнес Рогхупоти.

Шуджа вяло махнул рукой, приказывая ему покинуть шатер.

— Жарко, — промолвил Шуджа.

Слуга с удвоенной силой заработал опахалом.

Дара поставил своего сына Сулеймана под начало раджи Джай Сингха, дал ему огромное войско и послал отразить нападение Шуджи. Когда Шуджа узнал о приближении неприятеля, он решил захватить Виджайгар, чтобы укрыть там свои полки. Он послал к начальнику крепости Викрам Сингху гонца с предложением сдать крепость и казну. Викрам Сингх отправил гонца обратно, сказав: «Я знаю лишь одного владыку в Дели, Шах-Джахана, и одного владыку в мире, всевышнего, а кто такой Шуджа, мне неизвестно».

— Какая невежливость, — пробормотал Шуджа, — какая дерзость! Что поделаешь, придется вступить в бессмысленный бой.

Все это стало известно Рогхупоти, и, как только солдаты отпустили его, он отправился в сторону Виджайгара.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Виджайгар был расположен на горе. Крепость находилась у самого леса. Выйдя на опушку, Рогхупоти сразу же увидел длинную высокую стену, которая, казалось,

упирается в небо. Лес огородил себя частоколом из десятков тысяч деревьев, крепость опоясала себя камнем. Лес был настороже, крепость — на чеку. Лес напоминал прильнувшего к земле и подобравшего хвост тигра, крепость стояла, как готовый к прыжку лев, изогнувший шею и распутивший гриву. Лес слушал, приложив ухо к земле, крепость устремила взор к голубым небесам.

Едва Рогхупоти появился на опушке, как на крепостной стене засуетились дозорные, заиграл рог — крепость словно зарычала, ошетичилась, выпустила когти. Рогхупоти поднял священный шнур, стал подавать знаки руками.

— Кто идет? — слышался окрик часового, когда Рогхупоти приблизился к стене.

— Я брахман, гость.

Начальник крепости Викрам Сингх отличался набожностью. Говорили, что он посвятил себя служению богу, брахманам и гостям. Со священным шнуром легко можно было проникнуть в его крепость, никаких грамот не требовалось. Но как поступить сейчас, когда идет война? Солдаты задумались.

— Если вы не дадите мне приют, я погибну от рук мусульман, — сказал Рогхупоти.

О пришельце доложили Викрам Сингху. Тот приказал впустить брахмана. Со стены спустили лестницу. Через несколько минут Рогхупоти был в крепости.

Здесь шли усиленные приготовления к бою. Заботу о брахмане взял на себя сам дядя-сахиб, испытанный воин, человек в летах. Его настоящее имя было Кхорго Сингх, но все называли его дядя-сахиб, либо наместник-сахиб. Почему — никто не мог объяснить. Ведь у него никогда в жизни не было не только племянников, но даже братьев, так что при всем желании он никоим образом не мог стать дядей, да и наместником никогда не был, хотя ни один человек никогда не возражал против этого титула и не подвергал его ни малейшему сомнению. Тому, кто стал дядей, не имея брата, и наместником, не получив провинции, при всем непостоянстве жизни и призрачности счастья не грозит опасность потерять племянника или быть смещенным с высокого поста.

— Аха-ха, вот это настоящий брахман! — воскликнул дядя-сахиб, увидев священнослужителя и смиренно кланяясь ему. Рогхупоти действовал на окружающих как огонь на насекомых.

Посетовав на печальное состояние дел в мире, дядя-сахиб сказал:

— Много ли осталось теперь настоящих брахманов, тхакур, таких, какие были в прежние времена?

— Очень мало!

— Раньше глаза брахманов горели священным огнем, а теперь весь огонь ушел в желудок.

— Да и в желудке у них не тот огонь, что в былые времена!

— Что верно, то верно, — кивнул дядя-сахиб. — Представьте, сколько ел мудрец Агастья, если он сумел столько выпить!

— Есть и другие примеры.

— Конечно, есть. Рассказывают еще о жажде мудреца Джахну. Правда, о том, сколько он мог съесть, нигде не написано, но прикинуть все-таки можно. Питаться одними маковыми росинками вовсе не значит страдать отсутствием аппетита. Ведь неизвестно, сколько этих росинок они ежедневно съедали.

Вспомнив о брахманском достоинстве, Рогхупоти внушительно сказал:

— Нет, сахиб, еда не очень занимала их.

— Рам, рам! Что вы говорите, тхакур? — удивился дядя-сахиб. — Существуют доказательства, подтверждающие, насколько сильно пылал огонь их аппетита. Согласитесь, что со временем гаснут все огни, даже жертвенный, лишь...

— Как же не погаснуть жертвенному огню? — с легкой досадой спросил Рогхупоти. — Где теперь в стране масло? Нечестивцы перевели всех коров, откуда быть маслу? А без жертвенного огня долго ли померкнуть сиянию брахманского величия?

Это уже начало бушевать пламя, скрытое в душе Рогхупоти.

— Вы попали в самую точку, тхакур! Перевелись коровы, перевелись. Они теперь появляются на свет в люд-

ском обличье, но масла от них не жди. Да и мозгов нет. А откуда пришел тхакур?

— Из Трипуры, из царского дворца.

Дядя-сахиб не был силен в географии, равно как и в истории страны, лежащей за пределами крепости, и не верил, что в Индии есть что-то достойное внимания, кроме Виджайгара. Поэтому он вынашивал первое, что пришло ему на ум.

— О! Трипурский раджа — великий раджа.

Рогхупоти поддакнул.

— А что делает тхакур?

— Я священнослужитель во дворце трипурского раджи.

— О! — воскликнул дядя-сахиб, закрыв глаза и трянуv головой. Он проникся глубочайшим почтением к Рогхупоти.

— А зачем пришел тхакур?

— Совершить паломничество по святым местам.

Послышался шум, раздались выстрелы — неприятель двинулся на крепость.

— Пустяки, камешками кидаются, — улыбнулся, подмигнуv, дядя-сахиб.

Камни крепости не были так крепки, как вера дяди-сахиба в них.

Когда путник из далеких краев попадал в Виджайгар, дядя-сахиб ни на минуту не отпускал его от себя и все время толковал о величии Виджайгара. Но Рогхупоти был не просто гостем, он пришел из Трипуры, из дворца раджи, а такие гости попадаются довольно редко. Пребывая в полном восторге, дядя-сахиб завел беседу о том, сколь древен Виджайгар. Из его слов явствовало, что крепость была заложена чуть позднее сотворения мира Брахмой. А тому времени, с которого предки махараджи Викрам Сингха начали править крепостью, предшествует время жития Ману. Рогхупоти также узнал, сколь заботливо покровительствует крепости Шива и как содержался в ней пленный Картавирья-Арджуна.

К вечеру стало известно, что противнику не удалось причинить крепости никакого ущерба. Ядра, выпущенные из его орудий, не долетели до крепостной стены. Дядя-сахиб, самодовольно ухмыльнуvшись, взглянул на Рогхупоти, словно хотел сказать: требуется ли более веское

доказательство того, что Шива действительно ревностный покровитель крепости. Не иначе, как сам Нанди ловил ядра на лету, и теперь Ганеша и Картикея будут играть ими, как шариками, в горных чертогах Шивы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рогхупоти задался целью во что бы то ни стало подчинить Шах-Шуджу своему влиянию. Узнав о намерении Шуджи атаковать Виджайгар, брахман решил под личиной друга проникнуть в крепость и каким-нибудь образом помочь Шудже овладеть ею. Но Рогхупоти, как говорится, никогда не нюхал порошу и теперь даже не мог представить себе, чем он может быть полезен наместнику Бенгалии.

На следующий день снова был дан бой. Противник в одном месте подорвал стену, но, натолкнувшись на сильный ружейный огонь, отступил. Пролом быстро заделали. Однако теперь отдельные ядра стали залетать в крепость. Появились убитые и раненые.

— Не бойтесь, тхакур! Это детские игрушки, — заявил дядя-сахиб брахману и повел его осматривать крепость. Подробно объясняя, где хранится оружие и где находятся склады, где лечат раненых, где темница и виджайгарский двор, дядя-сахиб поминутно заглядывал Рогхупоти в лицо.

— Великолепное устройство, — хвалил брахман. — Забьет, пожалуй, крепость Трипуры. Однако, сахиб, в трипурской крепости есть замечательный потайной выход, а здесь я что-то не вижу ничего подобного.

Дядя-сахиб хотел ответить, но вдруг спохватился.

— Да, здесь ничего такого нет.

— В такой большой крепости чтобы не было потайного хода? Возможно ли это?

— Да, да, невозможно, — смутился дядя-сахиб, — непременно должен быть потайной ход, только, наверное, никому из нас о том не известно.

— Ну, это все равно, что его нет, — усмехнулся Рогхупоти. — Если уж вы не знаете, то о других и говорить нечего.

Дядя-сахиб сразу стал серьезным и замолчал. Затем пробормотал: «Рам, рам, о боже!» — зевнул, шелкнул пальцами, раз-другой провел ладонью по лицу, усам, бороде и неожиданно сказал:

— Тхакур проводит свою жизнь в молитвах и служении богу. Ему сказать не грех. Есть два тайных хода, по которым можно незамеченным проникнуть в крепость и выйти из нее, только показывать их кому-нибудь из посторонних строго-настрого запрещено.

— В самом деле? Что ж, все возможно, — сделав вид, что не верит, промолвил Рогхупоти.

Дядя-сахиб чувствовал себя виноватым. Конечно, брахман не поверил ему. В самом деле, когда человеку говорят то одно, то другое, он вправе сомневаться. А сама мысль о том, что виджайгарская крепость в глазах чужеземца могла хоть в чем-то уступить трипурской, была для старого воина невыносима.

— Ваша Трипура, тхакур, должно быть, очень далеко отсюда, к тому же вы брахман, ваше призвание — молитвы, служение богу, от вас никто никогда не сможет узнать...

— Знаете, сахиб, если у вас есть какие-то подозрения, то оставим этот разговор. Я брахман, сын брахмана, и знать подробности, касающиеся крепости, мне ни к чему.

Дяде-сахибу стало неловко.

— О рам, рам. В чем можно подозревать вас! Идемте, я покажу вам все.

Тем временем за крепостной стеной в войске Шуджи неожиданно произошло замешательство. Шатер Шуджи оставался в лесу. Нагрянувший отряд Сулеймана и Джай Сингха захватил Шуджу в плен, а затем внезапно напал на атакующих крепость. Солдаты Шуджи бросились враспынную, оставив на поле боя двадцать пушек.

Виджайгар возликовал. Как только гонец Сулеймана прибыл к Викрам Сингху, тот приказал открыть крепостные ворота и сам вышел встретить Сулеймана и раджу Джай Сингха. Крепость наполнилась воинами, лошадьми, слонами делийского владыки, взвились знамена, заиграли раковины, запели боевые трубы. Под седыми усами дяди-сахиба расцвела светлая улыбка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дядя-сахиб не помнил себя от радости. Сегодня воины-раджпуты делийского владыки — гости Виджайгара, могущественный Шах-Шуджа — пленник крепости. Такого узника здесь не бывало со времен Картавирья-Арджуны. Вспомнив со вздохом о пленении Арджуны, дядя-сахиб сказал раджпуту Сучет Сингху:

— Да-а, заковать в кандалы тысячерукого — вот это была настоящая победа. Теперь уж не те времена, все измельчало. Возьми хоть сына раджи или же падишаха — больше чем о двух руках днем с огнем не сыщешь. Даже вязать их нет никакого удовольствия.

Сучет Сингх, улыбнувшись, взглянул на свои руки.

— Мне, например, хватает и этих двух.

Дядя-сахиб задумался.

— Пожалуй, ты прав. Ведь это раньше было на свете много больших, достойных дел, а в нынешние времена их так мало, что даже не знаешь, чем занять единственную пару рук. Разве что усы ими подкручивать.

Сегодня дядя-сахиб шествовал во всем своем великолепии. Концы расчесанной надвое серебряной бороды были зацеплены за уши, к ушам устремились и концы подкрученных усов. На голове у него красовался роскошный тюрбан, у пояса болталась кривая сабля. Носки расшитых туфель, подобно рогам, были подняты кверху. Он вышагивал так важно, словно воплотил в себе все великолеpie Виджайгара. Пусть сегодня убедятся в величии Виджайгара люди, знающие толк в подобных вещах. От восторга дядя-сахиб не находил себе места.

Чуть не целый день ходил он с Сучет Сингхом по крепости. Но раджпут ничему не удивлялся, и старый воин на каждом шагу восклицал: «Аха-ха!» — нитаясь заразить своим воодушевлением и гостя. Однако успеха он не достиг. Особенно старался дядя-сахиб, когда дело дошло до кладки крепостной стены. Она была неприступна, но Сучет Сингх оказался еще неприступней, на лице его не отразилось никаких чувств. Дядя-сахиб водил его по стене вправо и влево, поднимался с ним наверх, опускался вниз, беспрестанно приговаривая: «Великолепно! Замечательно!» — однако овладеть крепостью

сердца раджпута так и не смог. Под вечер усталый Сучет Сингх заявил:

— Я видел крепость в Бхаратпуре. После нее на другие даже смотреть не хочется.

Дядя-сахиб никогда ни с кем не ссорился.

— Разумеется, разумеется, — упавшим голосом проговорил он. — У вас, наверное, есть основания говорить так.

Он тяжело вздохнул, перестал разглагольствовать о крепости и завел разговор о Дурга Сингхе, предке Викрам Сингха.

— У Дурга Сингха было три сына. Младший, Читра Сингх, имел удивительное обыкновение съедать каждое утро примерно полсера чечевицы, сваренной в молоке. Зато и здоров был... Да, ты говорил о бхаратпурской крепости. Она, должно быть, громадных размеров, однако в пуране «Брахмавайварта» почему-то не упоминается.

— И тем не менее, — улыбнулся Сучет Сингх, — это ничуть не меняет дела.

— Ха-ха-ха! — натянуто рассмеялся дядя-сахиб. — Ты прав, ты прав. Только знаешь, и трипурская крепость не так уж мала, однако виджайгарская...

— А в каком государстве эта самая Трипура?

— О, это громадное государство. Да что там говорить, у нас гостит священнослужитель из их царского дворца, он сам тебе все и расскажет.

Но тхакура нигде нельзя было найти. Дядя-сахиб не на шутку опечалился и все повторял про себя: «Этот брахман куда лучше сиволаных раджпутов». Старый воин начал с жаром расхваливать Рогхупоти, не преминув рассказать, как тот отзывался о Виджайгаре.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сучет Сингх поспешил избавиться от дяди-сахиба — он не мог терять больше времени: на следующее утро императорский отряд должен был выступить с пленником из крепости. Воины готовились к походу.

Сидя в темнице, Шах-Шуджа все время ворчал: «Какое невежество! Не догадались даже принести из шатра мой кальян».

Под горой, на которой стояла крепость, был прорыт глубокий канал. На берегу торчал ствол фíгового дерева, сожженного молнией. Поздней ночью Рогхупоти доплыл до обгоревшего ствола и скрылся под водой.

На дне канала начинался подземный ход, который вел в крепость. На противоположном конце потайного лаза находился огромный камень. Чтобы пробраться в крепость, его надо было с силой толкнуть снизу. Сверху же повернуть его было невозможно. Люди, которые находились внутри крепости, этим ходом воспользоваться не могли.

...Шуджа спал на простом ложе один в пустой темнице, освещенной лишь слабым пламенем светильника. Вдруг в полу появилось отверстие. Рогхупоти осторожно поднял голову, вылез из подземелья. Он насквозь промок, с одежды струилась вода. Брахман тихонько тронул спящего.

Шуджа вздрогнул, сел, протирая глаза.

— Какая наглость! — вяло проговорил он. — Неужели даже ночью мне не дадут спать? Я удивлен вашим обращением со мной.

— Не угодно ли вам встать, принц, — мягко промолвил Рогхупоти. — Я тот самый брахман, припоминаете? И не забывайте меня впредь.

...Когда утром императорский отряд приготовился к выступлению, раджа Джай Сингх сам отправился будить Шуджу. Тот еще не вставал. Раджа подошел к ложу, чтобы растормошить узника, и тут увидел, что вместо пленника на постели лежит только его одежда. Шуджа исчез! В полу темницы зияло темное отверстие. Камень, закрывавший его, был опрокинут.

Весть о побеге в один миг разнеслась по крепости. Во все стороны была послана погоня. Раджа Викрам Сингх приуныл. Собрали придворный совет, чтобы установить, каким образом мог сбежать узник.

Куда девался гордый молодеватый вид дяди-сахиба! Как помешанный бродил он повсюду, бормоча: «Где же брахман, где же брахман?» Но брахмана и след простыл. Дядя-сахиб снял тюрбан и сел, обхватив голову руками. Рядом сел Сучет Сингх.

— До чего же странное дело, дядя-сахиб! Прямо дьявольщина какая-то!

— Нет, Сучет Сингх, — мрачно покачал головой дядя-сахиб, — не дьявольщина. Это дело рук одного выжившего из ума старика и одного вероломного нечестивца.

— Почему же ты не задерживаешь преступников, если знаешь их! — изумился раджпут.

— Один из них бежал, а другой явится сейчас ко двору, взятый под стражу.

Дядя-сахиб водрузил на голову тюрбан, облачился в приличествующие случаю одежды. Когда он явился в придворный совет, там шел допрос часовых. Дядя-сахиб положил саблю к ногам Викрам Сингха.

— Прикажете взять меня под стражу. Преступник — я.

— В чем дело, дядя-сахиб? — изумился раджа.

— Помните брахмана-бенгальца? Это его рук дело!

— Ты кто? — спросил раджа Джай Сингх.

— Я старый дядя-сахиб из Виджайгара.

— В чем ты провинился?

— Я поступил как предатель — выболтал тайну крепости. Я, глупец, доверился брахману-бенгальцу и рассказал ему о потайном ходе.

— Кхорго Сингх! — вспыхнул начальник крепости.

Дядя-сахиб вздрогнул. Он почти забыл, что это его имя.

— Ты что же, Кхорго Сингх, — продолжал начальник крепости, — впал в детство?

Виновный молчал, низко опустив голову.

— И это сделал ты, дядя-сахиб! Сам покрыл Виджайгар несмываемым позором!

По рукам дяди-сахиба побежала мелкая дрожь. «Судьба!» — подумал он про себя, коснувшись лба трясущимися пальцами.

— Из моей крепости сбежал враг делийского владыки! Да ты и меня сделал преступником в глазах императора!

— Вся вина на мне. Делийский владыка не поверит в преступление махараджи.

— Да кто ты такой? — раздраженно спросил Викрам Сингх. — Император тебя и знать не знает. Ты ведь под

моим началом. Получится, будто я сам, по собственной воле отпустил пленника.

Дядя-сахиб ничего не сказал в ответ. Он не мог сдерживать слез.

— Какого же наказания ты заслуживаешь?

— Какое будет угодно махарадже.

— Ты уже стар, слишком сурово тебя не накажешь. Хватит с тебя изгнания.

Дядя-сахиб бросился Викрам Сингху в ноги.

— Изгнание из Виджайгара! Нет, махараджа, нет! Я стар, у меня помутился разум, дайте мне умереть в Виджайгаре. Лучше велите казнить. Не выгоняйте меня перед смертью из крепости, как собаку.

— Махараджа, — промолвил Джай Сингх, — пощадите его. Я сам расскажу императору, как было дело.

Дядю-сахиба помиловали. Выходя из придворного совета, он задрожал всем телом и рухнул наземь. С того дня его видели очень редко, он почти не выходил из дому. Жизнь для старика потеряла теперь всякий смысл.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Есть на берегу Брампутры деревенька Гуджурпара, живет там небогатый заминдар по имени Питамбор Рай. Жителей там немного. Когда заминдар сидит в окружении крестьян под навесом своей старой молельни, он именует себя раджей. Так величают его и подданные. Влияние Питамбор Рая не выходит за пределы деревеньки, окруженной манговой рощей, слава его не поднимается выше деревьев. Великолешие и роскошь могущественных правителей, живущих в других краях, неведомы в этом тенистом гнездышке. Только на берегу реки возвышается дворец трипурских раджей, в который когда-то приезжали, чтобы совершить омовение, но с давних пор никто не посещал его, и среди жителей деревни о радже Трипуры сохранились весьма смутные воспоминания.

Но однажды — это было в месяце бхадра — в Гуджурпара пришло известие, что вскоре во дворце на берегу Брампутры поселится трипурский принц. Не прошло и

нескольких дней, как во дворце появились люди в тюрбанах. Их было много. С усердием принялись они наводить блеск в старом дворце. А неделю спустя в Гуджурпара прибыл сам Ноккхотро Рай в сопровождении пышной свиты, в которой были и пешие, и конные, и на слонах. При виде такого великолепия жители деревни онемели. До сих пор им казалось, что нет раджи величественнее Питамбора. Но теперь, внимательно рассмотрев Ноккхотро Рая, все в один голос сказали: «Так вот какие бывают принцы!»

Питамбор со своим каменным домом и молельней оказался в тени, и все же радости его не было границ. В глазах заминдара Ноккхотро Рай был настоящим раджей. Принеся к его стопам свое игрушечное величие, Питамбор почувствовал себя счастливейшим из людей. Когда ему случалось заметить Ноккхотро Рая, восседающего на слоне, он подзывал подданных и говорил им: «Видели раджу? Смотрите, смотрите, вот он!» Питамбор каждый день приносил Ноккхотро Раю в подарок рыбу, овощи и другую снедь. Молодость и красота принца вызывали восторг в душе заминдара. Ноккхотро Рай стал раджей деревни, а Питамбор — одним из его подданных.

Три раза в день играла музыка, по деревне проводили лошадей и слонов, у входа во дворец сверкали сабли. Жители окрестных деревень стали приезжать в Гуджурпара на базар. Питамбор и подданные были в полном восторге. Сделавшись в изгнании раджей, Ноккхотро Рай забыл обо всех своих горестях. Царских обязанностей здесь у него не было, зато царскими удовольствиями можно было насладиться в полную меру. Ноккхотро Рай стал сам себе господином, в Трипуре он никогда не пользовался таким влиянием. И, главное, здесь не преследовала его тень Рогхупоти. Ноккхотро Рай день и ночь предавался наслаждениям. Из Дакки привезли танцоров и танцовщиц — принц знал толк в танцах, музыке и пении.

Ноккхотро Рай старался устроить здесь все точно так, как это было в Трипуре. Одного из слуг он пожаловал званием министра двора, другого сделал предводителем войска. Питамбор стал управляющим. В установленный час собирался двор. Ноккхотро Рай со всей

серьезностью вершил правосудие. Как-то Нокур пожаловался на Мотхура за то, что тот обозвал его собакой. Начался суд по всей строгости закона. На основании собранных доказательств Мотхура признали виновным. Ноккхотро Рай торжественно объявил приговор: «Пусть Нокур оттреплет Мотхура за уши!»

Время текло приятно и беззаботно. В те дни, когда не было важных и неотложных дел, принц вызывал министра двора и приказывал ему изобрести какое-нибудь диковинное развлечение. Министр созывал советников. И они начинали думать. Потом советовались, спорили и, наконец, общими силами изобретали новую потеху. Однажды вооруженная рать совершила нападение на модельню Питамбора. Рыба из его пруда, кокосовые орехи из его сада, овощи с его грядок были торжественно, под музыку, доставлены во дворец, словно военная добыча. После таких забав Питамбор еще сильнее стал восторгаться Ноккхотро Раем.

А сегодня, например, во дворце кошачья свадьба. Молоденькую кошечку Ноккхотро Рая выдают за кота из дома Мондолов.

Сват Чуромони получил за свои хлопоты дорогую шаль и триста рупий деньгами. Все обряды были соблюдены честь по чести. Дожидались лишь благоприятного для свадьбы часа, который приходился на сегодняшний вечер. Приготовления к свадьбе шли несколько дней, во дворце все с ног сбились.

Как только стемнело, на улице зажглись огни, заиграла музыка. Жених в шелковой попоне, расшитой парчой, жалобно мяукая, отправился во дворец в паланкине, который несли четыре человека. Маленький мальчик из семьи Мондолов, дружка жениха, шел рядом, держа в руках веревку. Другой конец ее был завязан вокруг шеи кота. Под приветственное «убу-бу-бу» женщин и протяжные звуки раковин жених явился на свою свадьбу.

Деревенского священнослужителя звали Кенарам, но Ноккхотро Рай переименовал его в Рогхупоти. Ноккхотро натерпелся страха от настоящего Рогхупоти и теперь отводил душу на Кенараме, не упуская случая досадить ему. Бедный брахман сносил все с молчаливой покорностью. И надо же было так случиться, что как раз

сегодня Кенарам не мог явиться во дворец: его сын умирал от лихорадки.

— А где же Рогхупоти? — нетерпеливо спросил Ноккхотро Рай.

— У него в доме больной, — ответил слуга.

— Болао уско! ¹ — закричал принц.

Человек бросился за священнослужителем. Тем временем перед отчаянно мяукавшим женихом начались танцы.

— Песню! — распорядился Ноккхотро.

Затянули песню.

Через некоторое время подошел слуга и доложил:

— Рогхупоти прибыл.

— Болао! — сердито приказал Ноккхотро.

Священнослужитель вошел в зал. При виде его нахмуренные брови Ноккхотро распрямились, от гнева в миг не осталось и следа, лицо побледнело, на лбу выступил пот. Песня оборвалась, музыка смолкла, и в наступившей тишине еще громче прозвучало кошачье мяуканье.

Явился настоящий Рогхупоти! Сомнений в этом быть не могло. Высокий, похудевший, порывистый, с глазами, горящими, как у голодной собаки. Брахман ступил пыльными ногами на парчовый коврик.

— Ноккхотро Рай!

Тот молчал.

— Ты звал Рогхупоти — вот я и пришел.

— Тхакур... тхакур! — бормотал Ноккхотро.

— Вставай, пойдём.

Ноккхотро Рай медленными шагами вышел из зала. Так и не пришлось сыграть кошачью свадьбу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Что это там происходило? — спросил Рогхупоти.

— Да так, ничего... танцы, — почесал затылок Ноккхотро.

Брахман брезгливо поморщился.

Ноккхотро виновато потупил взор.

¹ Позвать его! (урду)

— Завтра с утра мы отправляемся в путь, готовься.

— Куда?

— Узнаешь после. Пока пойдешь со мной.

— Мне и здесь хорошо.

— И здесь хорошо! Ты наследник династии, твои предки сидели на троне, а ты стал шакальным раджей в этой глухомани и еще говоришь: «Мне и здесь хорошо!»

Меткие слова, пронзительный взгляд и воодушевленное лицо Рогхупоти сразу же изменили настроение принца.

— Где уж там хорошо, — уныло ответил он, — совсем нехорошо. Но что я могу поделать? Где выход?

— Выход есть, и не один. Пойдем, я укажу тебе его.

— Мне надо поговорить с управляющим.

— Нет.

— Мои вещи...

— Они не нужны.

— Люди...

— Ни к чему.

— У меня сейчас мало наличными.

— А у меня хватит. И довольно уверток. Сейчас иди спать, мы двинемся рано утром.

И, не дожидаясь ответа, Рогхупоти ушел.

...Ноккхотро Рай проснулся на рассвете. Танцовщицы напевали протяжную мелодичную песню. Принц вышел из внутренних покоев, подошел к окну. Алел восточный край неба, сейчас должно было взойти солнце. Брамапутра несла свои воды вдоль густых лесов, раскинувшихся по обоим ее берегам, мимо деревушек, еще объятых сном. У самой воды стояла хижина. Женщина подметала двор. К ней подошел мужчина, сказал что-то, повязал голову чадором, нацепил на конец бамбуковой палки узелок и пошел куда-то своей дорогой. Перекликались дрозд и дронго, в густой листве хлебного дерева щебетала иволга. Ноккхотро Рай невольно залюбовался картиной наступающего утра, из груди его вырвался тяжелый вздох. Вдруг принц почувствовал на своем плече прикосновение чьей-то руки. Ноккхотро Рай вздрогнул.

— Все готово, пора идти, — мягко промолвил брахман.

— Прости меня, тхакур, — смущенно ответил принц, молитвенно сложив руки, — я никуда не пойду, мне хорошо здесь.

Рогхупоти молча вперил взор в лицо Ноккхотро Рая, тот опустил глаза.

— Куда мы пойдем?

— Сейчас не время говорить об этом.

— Я не стану ввязываться ни в какие козни против моего брата.

— А что хорошего, скажи, сделал тебе твой брат? — вспыхнул Рогхупоти.

Ноккхотро отвернулся, стал царапать ногтем по окну.

— Я знаю, он любит меня.

— О боже, какая же это любовь! — зло усмехнулся брахман. — Не для того ли раджа изгнал тебя из страны, чтобы никто не помешал ему венчать Дхрубо на престол, и все это, конечно, ради того, чтобы милый нежный братец не сгибался под тяжестью короны. Глупец! Ты полагаешь, он разрешит тебе когда-нибудь вернуться?

— Думаешь, я не понимаю, что ли? — поспешно ответил Ноккхотро. — Я все понимаю. Но скажи, тхакур, что я могу сделать? Где выход?

— Об этом как раз и идет речь, ради этого я и пришел к тебе. Так вот, если хочешь — идем со мной, а нет — сиди здесь в глуши и молись на своего милосердного братца.

И Рогхупоти направился к дверям. Ноккхотро бросился за ним.

— Я тоже иду, тхакур. Но если бы захотел управляющий... Нельзя ли и ему с нами?

— Только я и ты.

У Ноккхотро ноги подкашивались, когда он выходил из дворца. Оставить милые забавы, бросить управляющего и одному идти с брахманом неизвестно куда. Но Рогхупоти будто за волосы тянул его. Кроме того, к страху у принца применялось еще и любопытство, а в нем скрыта великая сила!

Их ждала лодка. На берегу Ноккхотро повстречал Питамбора, который с полотенцем через плечо шел совершать омовение.

— Да сопутствует махарадже успех! — расплылось в широкой улыбке лицо Питамбора. — Я слышал, вчера невесть откуда принесла нелегкая какого-то негодяя брахмана, и свадьба расстроилась.

У Ноккхотро сердце замерло.

— Этот негодяй — я! — грозно промолвил Рогхупоти.

— Да-да, нескладно получилось, — засмеялся Питамбор. — Любой мерзавец, если бы знал, попридержал бы язык. Но стоит ли обижаться, тхакур? Как только за глаза люди не обзовут ближнего! Меня, к примеру, в глаза называют раджей, а за глаза — Питу. Главное, ничего не говорить в глаза, я так понимаю. А когда увидят такого, как ты, мрачного и хмурого, сразу начинают болтать про него невесть что... А с чего вдруг махараджа так рано на реке?

— Я отправляюсь в дальний путь, Питамбор, — с легкой грустью ответил Ноккхотро Рай.

— Куда же это? В соседнюю деревню, к Мондолам?

— Нет, Питамбор, не к Мондолам, гораздо дальше.

— Гораздо дальше? Не на охоту ли в Пайккхата?

Оглянувшись на Рогхупоти, Ноккхотро Рай печально покачал головой.

— Время идет, пора садиться в лодку, — поторопил брахман. На него подозрительно покосился Питамбор.

— А кто ты такой, тхакур, чтобы приказывать нашему махарадже? Откуда ты взялся?

Ноккхотро поспешно отвел Питамбора в сторону.

— Он наш наставник.

— Ну и что же! — воскликнул Питамбор. — Пусть идет в нашу молельню, будет у него всего вдоволь, заживет в почете, а что ему нужно от махараджи?

— Напрасно время проходит. Я отправляюсь, — вмешался Рогхупоти.

— Истинная правда! Чего мешкать? Отправляйтесь-ка, господин, да побыстрей, а мы с махараджей пойдем во дворец.

Ноккхотро переводил взгляд с одного на другого.

— Нет, Питамбор, я поеду.

— Тогда и я с вами. И людей возьмите. Поезжайте, как подобает радже! Раджа отправляется куда-то, а управляющий остается?

Ноккхотро посмотрел на Рогхупоти.

— С ним никто не поедет, — ответил брахман.

Питамбор вышел из себя.

— Послушай, тхакур, ты...

— Мне пора ехать, — поспешно остановил его принц, — поздно уже.

Помрачневший Питамбор взял Ноккхотро за руку.

— Послушай, сынок, я называю тебя раджей, но люблю, как дитя родное, своих ведь нет. Я не властен над тобой, не могу удерживать тебя силой. Но прошу об одном: где бы ты ни был, вернись, прежде чем я покину этот мир. Я собственными руками передам тебе бразды правления. Это мое заветное желание.

Ноккхотро Рай и Рогхупоти сели в лодку и поплыли к югу. Забыв об омовении, Питамбор с полотенцем на плече задумчиво побрел домой. Гуджурпара словно опустела, кончились торжества и развлечения, продолжался лишь вечный праздник природы. Все так же по утрам пели птицы, шумела, волновалась листва и река плескалась о берег.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Долгий и трудный путь... По рекам, сквозь чащу, по голому полю. Где на лодке, где пешком, где на пони. В зной и в дождь, шумными днями, темными безмолвными ночами. Без остановки, все дальше и дальше спешит Ноккхотро Рай. Край сменяет край, мелькают селения, меняются виды, пестрой вереницей проходят люди, а рядом, неотступно, худой как тень, горящий как луч, все тот же Рогхупоти. Рогхупоти днем, Рогхупоти ночью, даже во сне Рогхупоти. Незнакомые путники идут следом и навстречу, на обочине в пыли резвятся дети, на базарах толпятся сотни людей, в деревнях старики играют в кости, на берегу женщины наполняют кувшины водой, лодочники с песней плывут по реке, но ни на шаг, ни на

минуту не отходит от принца неистовый брахман. Мир разворачивается во всем своем многообразии красок и событий, но злой рок, не останавливаясь, увлекает все вперед и вперед Ноккхотро Рай мимо манящих картин земных просторов. Оживленная дорога начинает казаться безлюдной, города и селения — мертвой пустыней.

Обессиленный Ноккхотро Рай спрашивает у неотступно следующей за ним тени:

— Далеко еще?

И тень отвечает:

— Очень далеко.

— Куда мы идем?

Молчание. Ноккхотро Рай вздыхает — и снова в путь. Под сенью деревьев приютилась одинокая хижина. «Если бы я мог остаться и жить в ней», — думает Ноккхотро. На закате пастух с палкой на плече гонит с поля коров. Стадо идет, вздымая пыль. «Если бы я мог бродить вместе с этим пастухом по лугам, возвращаться вечером домой, отдыхать беззаботно!» Обливаясь потом под полуденным солнцем, за плугом идет крестьянин. «Какой счастливец!»

Ноккхотро Рай осунулся, поблек.

— У меня нет больше сил, тхакур, я не переживу.

— А кто позволит тебе умереть сейчас?

«Я даже умереть не могу, если того не захочет Рогхупоти», — подумал принц. Какая-то женщина увидела Ноккхотро. «Чей же ты будешь, сынок, и что тебе дома не сидится?» У Ноккхотро защемило сердце, в глазах блеснули слезы. Как ему хотелось назвать добрую женщину матерью и пойти за ней в ее жилище.

Но чем больше страдал принц от жестокости брахмана, тем покорнее он становился, беспрекословно подчиняясь малейшему движению пальца своего наставника.

Но вот рек стало меньше, земля пошла крепкая, коричнево-красная, пересыпанная мелким камнем. От деревни до деревни было далеко, деревья росли реже, все больше попадались пальмовые рощи, а кокосовые почти совсем исчезли. Время от времени встречались большие плотины, пересохшие реки, вдалеке виднелись горы, похожие на облака. Путники приближались к Раджмохалу — столице Шуджи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Наконец Рогхупоти и Ноккхотро Рай добрались до столицы. После поражения бежавший из плена Шуджа собирал новое войско. Но казна опустела, люди стонали от непосильных поборов. Тем временем Аурангзеб, разгромив войска Дару, сам воссел на делийский трон. Известие это взволновало Шуджу необычайно. Однако войско не было еще готово. Пришлось пойти на хитрость. Надеясь выиграть время, он послал к Аурангзебу гонца, наказав ему передать следующее: «Благая весть о том, что свет очей, услада сердца, обожаемый и любимейший брат Аурангзеб взошел на престол, целительным бальзамом пала на иссохшую душу Шуджи. Если новый император подтвердит его наместничество, радость его не будет знать пределов». Аурангзеб ласково принял гонца, подробно расспросил о здоровье души и тела Шуджи, о его семье. «Если сам император Шах-Джахан назначил Шуджу наместником Бенгалии, — отвечал Аурангзеб, — то никакого подтверждения и не требуется».

Вот как обстояли дела, когда Рогхупоти явился ко двору Шуджи. Тот с благодарностью приветствовал своего спасителя.

— Ну, какие вести?

— У меня есть просьба к падишаху.

«О чем это он? — мелькнуло в голове у Шуджи. — Только бы не о деньгах!»

— Я прошу, чтобы...

— Я непременно исполню твою просьбу, брахман. Только потерпи несколько дней. В казне сейчас пусто.

— Не надо мне ни золота, ни серебра, ни другого металла, нужна мне лишь сталь точеная. Выслушайте мою жалобу, я взываю о правосудии.

— Ты ставишь меня в затруднительное положение, брахман! Недосуг мне сейчас заниматься правосудием. Ты явился весьма некстати.

— Всем некогда, принц, и вам, и падишаху, и мне, бедному брахману. Разве могу я ждать, пока у вас найдется время заняться судом праведным?

— Какая невоспитанность! — начал сдаваться Шуджа. — Чем выслушивать столько слов, лучше уж выслушать твою жалобу. Ну, говори!

— Трипурский раджа Гобиндо Маникко без вины изгнал своего младшего брата Ноккхотро Рая...

— Зачем ты чужой просьбой отвлекаешь меня от дел, брахман? — рассердился наместник. — Сейчас не время заниматься этим.

— Жаждающий правосудия находится в столице.

— Когда он явится сам и поведает жалобу, тогда я, может быть, подумаю.

— Когда прикажете привести его?

— От тебя не отвяжешься! Ну ладно, скажем, через неделю.

— С разрешения падишаха я приведу его завтра.

— Ну ладно, ладно, — раздраженно ответил Шуджа, только бы избавиться от брахмана, — приводи.

Рогхупоти вышел.

— А чем я поклонюсь навабу? — спросил Ноккхотро Рай.

— Это уже не твоя забота, — сказал Рогхупоти и отсчитал для подношения сто пятьдесят тысяч рупий.

На следующий день утром Рогхупоти с Ноккхотро Раем явился ко дворцу Шуджи. У принца взволнованно билось сердце. К ногам наместника были положены сто пятьдесят тысяч рупий. После того наваб сменил гнев на милость и жалоба Ноккхотро Рая сразу дошла до его сердца.

— Чего же вы теперь добиваетесь? — спросил Шуджа.

— Прикажете изгнать Гобиндо Маникко и вместо него посадить на трон Ноккхотро Рая, — ответил брахман.

Хотя Шуджа и сам не остановился бы перед покушением на трон брата, просьба брахмана все же покорила его, однако он решил исполнить ее, ведь иначе от брахмана не отделаться. Кроме того, подношение в сто пятьдесят тысяч рупий тоже что-то значит.

— Хорошо, — согласился наместник, — вы возьмете с собой грамоту об изгнании Гобиндо Маникко и передаче короны Ноккхотро Раю.

— Но грамоты мало, вы должны дать нам хоть небольшой отряд.

— Нет, — твердо возразил Шуджа, — солдат я не дам, ведь я должен воевать!

— На ратные дела я оставляю вам еще тридцать шесть тысяч рупий. А как только Ноккхотро Рай станет раджей Трипуры, с начальником отряда будет выслана дань за целый год.

Шуджа нашел это предложение весьма разумным, и советники согласились с ним.

Итак, Рогхупоти и Ноккхотро Рай отправились в Трипуру в сопровождении могольского отряда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

После событий, о которых мы рассказали в начале нашей повести, прошло два года. Четырехлетний Дхрубо знал теперь уже много слов и очень важничал. Правда, не все слова он произносил отчетливо, но тон у него был внушительный. Мальчик, например, весьма снисходительно говорил радже: «Если будешь хорошим, дам куклу», или: «Не плачь, дам куклу». А если раджа начинал «озорничать», Дхрубо пугал его: «Запру в комнате». Таким образом, раджа оказался под строгим надзором. Он не осмеливался ничего предпринять без одобрения Дхрубо.

Дхрубо завел себе приятельницу, соседскую девочку, которая была моложе его месяцев на шесть. Они познакомились и через десять минут уже стали друзьями. Но иногда между ними пробегала черная кошка. Однажды — это было в самом начале их дружбы — мальчику дали большую плитку постного сахара. Дхрубо осторожно отломил кусочек, вложил его в рот подружке и, великодушно кивнув головой, сказал:

— Ешь, ешь.

Девочка с удовольствием съела лакомый кусочек и сказала:

— Хочу еще!

Дхрубо был обескуражен. То, что дружба может предъявлять такие права, показалось ему противоестественным.

С присущими ему серьезностью и достоинством мальчик посмотрел на подружку и покачал головой:

— Что ты, что ты, нельзя больше, а то заболеешь, и папа бить будет!

Без лишних слов он закинул остаток постного сахара себе в рот и проглотил его. Девочка надула губки, брови ее поползли вверх — видно было, что она вот-вот заплачет.

Дхрубо не мог видеть слез и поспешил успокоить подружку:

— Завтра еще дам.

В этот момент вошел раджа.

— Только не говори ей ничего, а то она заплачет, — сказал радже Дхрубо, указав на свою приятельницу, и добавил: — Бить ее тоже нельзя!

У Гобиндо Маникко и в мыслях ничего подобного не было, но мальчик счел совершенно необходимым дать радже этот совет. Раджа, конечно, и пальцем не тронул девочку, что Дхрубо приписал действию своих слов.

Затем он всем своим видом постарался показать девочке, что бояться нечего.

Но в этом не было никакой нужды: девочка без всякого смущения подошла к радже и с любопытством принялась рассматривать браслет на его руке, поворачивая его во все стороны.

Очень довольный тем, что ему удалось установить на земле мир и любовь, Дхрубо подставил радже для поцелуя пухлую и нежную, как жасмин, щеку — награда за хорошее поведение.

Затем мальчик ласково приподнял личико подружки и сказал радже тоном, в котором звучали и приказ и просьба:

— Поцелуй и ее.

Гобиндо Маникко не осмелился нарушить повеления Дхрубо. А девочка, не ожидая приглашения, забралась радже на колени так бесцеремонно, как будто делала это каждый день.

Вначале все шло спокойно, но как только Дхрубо увидел, что покушаются на его трон, он забыл о своей безграничной любви к подружке. Нахмутив брови, Дхрубо самым решительным образом попытался дока-

зять свое исключительное право сидеть на коленях раджи. Он дергал подружку, тянул ее за руки и даже подумал, что в особых случаях надавать колотушек маленькой девочке не так уж несправедливо.

Пытаясь примирить детей, раджа посадил Дхрубо на другое колено, однако мальчику и этого было мало, и он приготовился к новому нападению, чтобы полностью вернуть потерянное. В это время в комнату вошел новый царский священнослужитель Биллон.

Гобиндо Маникко спустил детей на пол, поклонился брахману и велел то же самое сделать Дхрубо, но тот стоял с бунтарским видом, засунув палец в рот. Девочка же вслед за раджей сама поклонилась вошедшему.

Биллон притянул мальчика к себе.

— Откуда у тебя подружка?

На минуту Дхрубо задумался, а потом сказал:

— Я буду кататься на лошадке.

— Вот это чудесно! Прямой ответ на мой вопрос!

Дхрубо покосился на девочку и в двух словах выразил свои мысли и намерения.

— Она плохая, я побью ее.

И он взмахнул своим крохотным кулачком.

— Как тебе не стыдно, Дхрубо! — остановил его раджа.

Лицо мальчика в тот же миг помрачнело. Так гаснет светильник, стоит лишь дунуть на него. Сначала Дхрубо крепился и тер кулачками глаза, но затем, не в силах превозмочь обиды, переполнившей его сердце, расплакался.

Биллон начал тормозить его, несколько раз подбросил в воздух и быстро-быстро проговорил высоким голосом:

— А ну-ка, ну-ка, Дхрубо, послушай, что я тебе скажу. И он, не переводя дыхания, прочел забавный стишок:

Калаха катакатанг катха катхинья катхьянг
Катана китана китанг кутналанг кхаттаматтанг.

Что должно было означать: если мальчик плачет, его сажают в калаха катакатанг, не скупясь дают катха катхинья катхьянг, затем берут много-премного катана китана китанг и целых три дня кутналанг кхаттаматтанг.

Дхрубо сразу умолк. Оглушенный потоком слов, мальчик сначала поднял на брахмана полные слез удивленные глаза, потом стал с любопытством следить за движениями рук и губ Биллона и в конце концов очень довольным тоном попросил:

— Еще раз.

Биллон снова прочитал стишок.

— Еще, — залился смехом Дхрубо.

Раджа несколько раз поцеловал мокрые от слез щеки и улыбающийся рот мальчика.

— Махарадже так хорошо с детьми, — заметил Биллон. — Мозг иссушается, когда день и ночь имеешь дело с очень умными людьми. Если непрерывно точить кинжал, лезвие становится все тоньше и тоньше и стачивается совсем. Остается лишь толстая тупая рукоятка.

— Надеюсь, ко мне это не относится?

— Как будто нет. Тот, у кого происходит стачивание ума, все легкое и естественное превращает в сложное, запутанное. Не будь на земле столько умников, жить стало бы куда проще. В погоне за удобствами создаются неудобства. Человек не знает, что делать с излишком ума.

— Человеку достаточно пяти пальцев на руке. Но если бы, к несчастью, оказалось семь, волей-неволей пришлось бы искать им работу.

Раджа позвал Дхрубо, который уже успел помириться с подружкой и весело играл с нею. Услышав зов Гобиндо Маникко, мальчик тотчас же оставил игру и подошел к нему. Раджа усадил его перед собой.

— А ну-ка, Дхрубо, прочитай тхакуру новое стихотворение, которое ты выучил.

Дхрубо смотрел на брахмана с таким видом, словно хотел сказать: «Мне вовсе не хочется этого делать».

— Я разрешу тебе сесть на лошадку, — сказал раджа.

Перед таким соблазном мальчик не устоял и начал читать, неясно выговаривая слова:

Все вести нас хотят — кто вперед, кто назад.

Сколько разных дорог, о боже!

Все умны, все подряд мне о разном твердят —

Всякий сбиться бы мог, о боже!

Тебя я стремился достичь неспроста —
Ведь правду твою мне откроют уста.
Сотни истин вокруг — и любая пуста.
Где всех истин итог, о боже?

Я, смущенный, с мольбою стою пред тобой,
Скрыты истины все, не узреть ни одной.
Я в прахе влачу свой жребий земной,
Дай мне прах твоих ног, о боже!

«Я» на части распалось, восстали они,
Стали спорить — страшней не бывало грызни.
Части нет — нет и целого. Боже, взгляни,
Как я изнемог, о боже!

Крепкой верой свяжи воедино меня,
Верный путь мне указывай день изо дня.
В смятении гибну, удел свой кляня.
Я б у ног твоих лег, о боже! ¹

Умиленный брахман промолвил:

— Благословляю тебя. Живи и здравствуй много лет!

Биллон усадил мальчика к себе на колени и стал уговаривать его прочитав стихотворение еще раз. Дхрубо ответил молчаливым отказом.

— Тогда я буду плакать, — сказал священнослужитель, закрывая лицо руками. Мальчику стало не по себе.

— Не плачь, не плачь, завтра прочитаю. А сейчас иди домой, а то папа побьет.

— Вот как вежливо избавляются от гостя, — улыбнулся Биллон.

Простившись с раджей, священнослужитель вышел. На дороге он нагнал двух путников. Один говорил другому:

— Три дня я ходил к нему и не вытянул ни пайсы. Пусть только попробует теперь выйти из дому, я голову ему разобью. Вот тогда поглядим, что он будет делать!

— Ничего ты этим не добьешься, — услышали путники голос Биллона. — Разве и без того не видно, что у некоторых в голове нет ничего, кроме хитрости и притворства. Разбей уж лучше свою голову: по крайней мере ни перед кем отвечать не придется.

Путники смутились и торопливо поклонились священнослужителю.

¹ Перевод Ал. Ревича.

— Нехорошо так говорить, — продолжал брахман.

— Верно, тхакур. Больше не будем.

В это время к брахману гурьбой подбежали дети и окружили его.

— Вечером приходите ко мне, расскажу вам сказку. Дети зашумели, запрыгали от радости.

Биллон иногда собирал ребятшек и простым, понятным языком рассказывал им «Рамаяну», «Махабхарату», пураны. Скучные места он старался сделать интереснее, а когда замечал, что кто-то из детей зевнул, или невнимательно слушает, вел всех в храмовый сад. Дети, словно стая обезьян, с торжествующими криками бросались к плодовым деревьям — их росло там очень много. А священнослужитель с умилением смотрел на своих питомцев.

Никто не знал, откуда Биллон родом. Он был брахманом, но не носил священного шнура, служил Владычице, но не устраивал жертвоприношений.

Вначале прихожане относились к нему с недоверием и неприязнью, но потом привыкли и стали слушаться беспрекословно. Биллон ходил по домам, попросту разговаривал со всеми, спрашивал о делах, о здоровье. А лекарства, которые он давал больным, как рукой снимали любую болезнь. У кого случалось горе или несчастье, — все шли за советом к Биллону. А когда он мирил враждующих или решал спор, слово его было законом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В том году, о котором пойдет речь, Трипуру постигло страшное бедствие: откуда-то с севера вдруг появились полчища мышей. Они ринулись на поля, погубили весь урожай, добрались даже до запасов, припрятанных в крестьянских домах. Рыдания и стоны сотрясали всю страну. Людям стало нечего есть. Приходилось питаться лесными плодами и кореньями. К счастью, лесов вокруг росло много и там было чем поживиться: немало всякой птицы, в дуплах можно было найти мед, охотились на диких буйволов, оленей, зайцев, дикобразов, белок, кабанов, продавая на базаре разную дичь втридорога, ловили круп-

ных сухопутных черепах. Случалось, что ели мясо слонов. Не брезгали даже ползучими гадами. На реках устраивали запруды, бросали в воду дурманящие растения, и когда рыба, полусонная, всплывала, ее вылавливали, ели, сушили про запас. Словом, голод еще кое-как пережить было можно, гораздо страшнее оказались беспорядки, волнения. Дело дошло до грабежей. Подданные в любую минуту могли взбунтоваться. «Запретили приносить Матери жертвы, вот она и прокляла нас, оттого и пошли такие несчастья», — возмущались они.

Биллон высмеивал эти рассуждения, старался обратить все в шутку. «В Гималаях поссорились братья Картик и Ганеша, — говорил он. — Мыши Ганеши пришли жаловаться Владычице Трипуры на павлина Картика, только и всего». Однако подданным шутка священнослужителя показалась похожей на правду: мыши исчезли так же внезапно, как и появились — через три дня не осталось ни одной. Никто не сомневался, что тхакуру ведомо очень многое. О ссоре между братьями в гималайских чертогах начали слагать песни, женщины и дети передавали их из уст в уста, нищие несли по дорогам из края в край.

И все же ненависть к радже продолжала жить в сердцах людей. Гобиндо Маникко, по совету Биллона, простил налоги за год пострадавшим от голода. Это оказало свое действие, тем не менее многие, спасаясь от проклятия владычицы, бежали в читтагонгские горы. Засомневался и сам раджа и решил позвать к себе Биллона.

— За грехи раджи расплачиваются подданные, тхакур. Не совершил ли я греха, запретив жертвоприношения Матери, не потому ли постигла нашу страну кара небесная?

Биллон отвел все доводы раджи.

— Когда больше погибло народа в нашем государстве, — спросил он, — когда во множестве приносили жертвы Матери или теперь, во время голода?

Раджа ничего не ответил, но тревога его не рассеялась. Подданные недовольны им, он потерял их доверие. Мысль об этом причиняла сердцу нестерпимую боль, и он сам стал сомневаться в себе.

— Я ничего не понимаю, — сказал Гобиндо Маникко, тяжело вздохнув.

— Не обязательно все понимать. Почему пришли мыши, почему поели хлеб — я не знаю, да и задумываться над этим не хочу. Достаточно уяснить себе хотя бы то, что не следует причинять людям зла, что всем надо делать добро. А в остальном мы должны полагаться на бога. Он сам вершит свои дела и не станет давать нам отчета.

— Ты ходишь по домам, тхакур, не зная ни отдыха, ни покоя. Но наградой за труды твои тебе служат добрые дела и радость, которая гонит прочь все сомнения. А я, нацепив корону, лишь день и ночь сижу на троне и терзаюсь всякими мыслями. Как я завидую тебе!

— Я — частица тебя, махараджа. Разве мог бы я все это делать, если бы ты не сидел на троне? Мы дополняем друг друга.

Биллон простился и ушел. Гобиндо Маникко задумался. «Дел у меня много, — сказал про себя раджа, — а я сижу тут сложа руки со своими думами. Нет, не гожусь я в правители, не завоевать мне доверия подданных».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ноккхотро Рай вместе с могольским отрядом остановился на отдых в деревне Тентуле, попавшейся на пути. Утром к нему пришел брахман.

— Скоро выступать, махараджа, будьте готовы.

Услышать из уст Рогхупоти слово «махараджа» было так же неожиданно, как и приятно. Ноккхотро Рай пришел в восторг. Ему представилось, что все уже называют его так и что он, восседая на высоком троне, украшает собою трипурский двор.

— Я никогда вас не оставляю, тхакур! — расчувствовавшись, воскликнул Ноккхотро. — Вы будете у меня при дворе. Скажите, чего бы вы желали?

Ноккхотро Рай мысленно уже подарил священнослужителю огромное поместье.

— Мне ничего не надо, — ответил брахман.

— Не может этого быть! Вы не должны отказываться от награды. Я жалуя вам Койлашор, составляйте дарственную грамоту!

— Потом поговорим об этом.

— Почему потом? Я даю сейчас. Весь Койлашор — ваш. Я не буду брать с него ни пайсы налога.

Ноккхотро Рай поднял голову, выпрямился.

— Я буду рад, если мне достанутся три локтя земли, чтобы умереть. Больше ничего не надо.

Брахман ушел. Ему вспомнился Джай Сингх. Он, Рогхупоти, взял бы что-нибудь в награду, если бы верный служитель был с ним. А без Джай Сингха все трипурское царство казалось ему просто большим куском земли.

Рогхупоти старался привить Ноккхотро Раю вкус к царским привычкам. Брахман опасался, что, очутившись в Трипуре, слабохарактерный Ноккхотро Рай без боя сдастся радже. И тогда все его труды пропадут даром. Необходимо возбудить в податливом сердце гордость повелителя, тогда можно ни о чем не беспокоиться. Рогхупоти не проявлял больше пренебрежения к Ноккхотро, напротив — всякую минуту он оказывал ему почести, спрашивая его разрешения на каждый пустяк. Могольские солдаты называли Ноккхотро махараджей и трепетали перед ним. Стоило ему появиться — весь отряд склонялся в приветствии, подобно тому как никнут колосья от ветра. Предводитель отряда был весьма почтителен с ним. Ноккхотро ездил на огромном слоне, в башенке, украшенной гербом и отделанной золотом. Вокруг сверкали сотни сабель, громко играла музыка, впереди колыхалось царское знамя. Жители деревень, через которые проходил отряд, бросали свои хижины и бежали куда-нибудь подальше. Когда Ноккхотро видел, какой страх он внушает крестьянам, сердце его наполнялось гордостью, ему казалось, что у его ног — полмира. Ему подносили дары мелкие заминдары, а Ноккхотро Раю они представлялись поверженными правителями. Невольно приходили на ум славные победы Пандавов из Махабхараты.

Однажды явились к нему солдаты.

— Махараджа! — обратились они с поклоном.

Ноккхотро Рай выпрямился.

— Мы идем умирать за тебя, махараджа, для тебя нам жизни своей не жалко. Так позволь же нам хоть немного поживиться. Сколько раз мы ходили на войну — всегда так делали. И шастры не запрещают.

— Правильно, правильно, — кивнул Ноккхотро Рай.

— А тхакур не разрешает. Нехорошо это! Ведь мы жизнью рискуем.

— Правильно, правильно! — снова кивнул Ноккхотро.

— Так с разрешения махараджи мы пойдем потешимся, не станем слушать тхакура.

— Кто такой тхакур! — запальчиво воскликнул Ноккхотро. — Что он понимает! Можете идти и грабить, я разрешаю.

При этом он с опаской огляделся по сторонам, но, не заметив поблизости Рогхупоти, успокоился.

Ноккхотро Рай был очень доволен тем, что так решительно отменил запрет брахмана. Власть все больше и больше опьяняла Ноккхотро, он смотрел теперь на мир другими глазами. Он поднялся на воображаемом воздушном шаре к недостижимым высотам, и земля где-то далеко внизу исчезла из виду, словно облачко. Даже Рогхупоти иногда казался принцу ничтожной букашкой, а о Гобиндо Маникко он не мог думать без гнева. «Меня изгнать! Меня судить, как последнего подданного! — повторял про себя Ноккхотро. — Мы еще посмотрим, кто кого изгонит. Скоро вся Трипура узнает, кто такой Ноккхотро Рай!»

При этой мысли грудь его распирало от важности и гордости.

Надо сказать, что Рогхупоти был решительным противником грабежа и бессмысленных издевательств над мирными жителями. Он положил немало сил, чтобы воспрепятствовать разбою, но теперь солдаты, получившие разрешение Ноккхотро Рая, не обращали на него внимания. Брахман пришел к Ноккхотро.

— Зачем разрешаете издеваться над мирными жителями?

— Ты, тхакур, плохо разбираешься в таких делах. Нельзя запрещать солдатам грабеж, а то у них исчезнет боевой дух.

Рогхупоти изумился, и в то же время ему стало смешно: в тоне Ноккхотро он уловил нотки превосходства. Однако вслух он заметил:

— Если дашь сейчас солдатам волю, потом их не удержишь. Вся Трипура будет разграблена.

— Ну и что же? Этого я как раз и хочу. Пусть Трипура поймет, что значит изгнать Ноккхотро Рая. Ты, тхаккур, ничего не смыслишь в ратных делах, тебе никогда не приходилось воевать.

В душе брахман остался очень доволен разговором с Ноккхотро, не стал спорить и ушел. Надо же было когда-нибудь Ноккхотро Раю из восковой куклы превратиться в мужчину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мышиное нашествие на Трипуру произошло в месяце срабон, когда до нового урожая оставалось три месяца. К этому времени созрела лишь кукуруза, рис в гористых местностях только наливался колосом. Кое-как пережили трудную четверть года. Когда же в месяце огрохайон в низинных местах настала пора убирать рис, страна возликовала. Земледельцы¹, мужчины и женщины, молодые и старые, вышли с серпами на поля, приветствуя друг друга возгласами «хойя-хойя». Нивы огласились песнями девушек джумия. Недовольство раджей прошло, в государстве воцарился мир. И вот пронесся слух, что Ноккхотро Рай с большим отрядом подошел к границам Трипуры, намереваясь напасть на страну, и что он отдал города и села на разграбление.

Страшная новость потрясла всех, а раджу поразила в самое сердце. Весь день Гобиндо Маникко не находил себе места, одна мысль неотступно терзала его: «Брат собирается напасть на меня!» Перед глазами Гобиндо Маникко, исполненными грустной нежности, снова и снова всплывало прекрасное лицо Ноккхотро Рая, и снова и снова тяжелая дума ранила душу: «Брат хочет с саблей в руке напасть на меня!» Радже страстно хотелось выйти на поле брани и обнажить грудь: пусть сабли солдат Ноккхотро Рая пронзят его.

Раджа привлек к себе Дхрубо.

¹ По сути дела, их нельзя назвать земледельцами, ибо они не занимаются земледелием регулярно. Они лишь выжигают джунгли и производят посев в начале сезона дождей. Такое поле называется джум, а крестьянин — джумин. (Прим. автора.)

— Неужели и ты, Дхрубо, станешь враждовать со мной из-за короны? — спросил Гобиндо Маникко и швырнул корону на пол. В сторону откатилась крупная жемчужина.

Мальчик жадно протянул руки.

— Дай мне, дай!

Раджа надел корону на голову Дхрубо и посадил мальчика на колени.

— Возьми. Я ни с кем не хочу ссориться.

Он порывисто прижал мальчика к сердцу.

Гобиндо Маникко долгие часы рассуждал сам с собой, то и дело повторяя: «Это кара за мои грехи, только за мои грехи. Иначе брат никогда не поднял бы руку на брата». Эта мысль принесла радже некоторое успокоение. «Так угодно всевышнему, — думал Гобиндо Маникко, — и разве может изменить волю небес желание человека, маленького человека, Ноккхотро Рая?» Когда раджа рассуждал так, его истерзанной любви становилось легче. Он готов был взвалить всю вину на свои плечи, лишь бы облегчить бремя греха своего брата.

Пришел Биллон.

— Разве время сейчас раздумывать и глядеть на небеса, махараджа?

— Вот и пришла расплата за мои грехи, тхакур.

— Вы, махараджа, испытываете мое терпение, — недовольно ответил брахман. — Кто сказал, что страдание — расплата за зло? За добро тоже расплачиваются страданием. Сколько благочестивых душ страдали всю жизнь!

Гобиндо Маникко молчал.

— А что за грех совершил махараджа?

— Я изгнал родного брата.

— Вы изгнали не брата, а преступника.

— Изгнать брата, пусть даже виновного, — грех, и расплаты за него не избежать. Лишив жизни Кауравов, совершивших немало дурного, Пандавы не могли спокойно наслаждаться царствованием, им пришлось святым обрядом очищать душу. Пандавы отобрали трон у Кауравов, но смерть Кауравов лишила Пандавов царства. Я изгнал Ноккхотро, теперь Ноккхотро хочет изгнать меня.

— Пандавы воевали с Кауравами не ради воздаяния Кауравам за грехи, — они стремились овладеть их цар-

ством. А вы, махараджа, жертвуя собственным счастьем и покоем, поступили по справедливости ради того, чтобы покарать зло. Я не вижу в этом никакого преступления. Но если вы все-таки считаете, что совершили грех, я готов отпустить вам его, ведь я брахман. Только обещайте впредь не сердить меня.

Раджа усмехнулся.

— Как бы там ни было, — продолжал Биллон, — сейчас необходимо готовиться к войне. Медлить больше нельзя.

— Я не буду воевать.

— Это исключено. Вы можете сидеть здесь и размышлять, а я тем временем постараюсь собрать войско. Правда, найти сейчас столько воинов очень трудно: все в поле.

Не дожидаясь ответа, брахман вышел.

Дхрубо вдруг что-то пришло в голову. Он подошел к радже, заглянул ему в лицо и спросил:

— Где дядя?

Мальчик до сих пор звал Ноккхотро Рая дядей.

— Дядя скоро придет, Дхрубо.

Глаза раджи увлажнились.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

На тхакура Биллона легло множество забот. Он послал в горную Читтагонгскую область гонцов с дарами и наказал передать предводителям деревенских общин племени куки, что он просит дать ему воинов. Предводители едва не заплясали от радости и тотчас же разослали по деревням своих людей с серпами, увитыми красными лоскутами, которые являлись знаком приближающейся войны. Не прошло и нескольких дней, как длинная вереница воинов куки, вышедшая с Читтагонгских отрогов, достигла холмов Трипуры. Поддерживать среди куки хоть какой-нибудь порядок было делом нелегким. Биллон привел также воинов джумия, он сам ездил по трипурским деревням и отбирал молодых смелых мужчин. Тхакур почел неразумным идти навстречу могольскому отряду. Биллон решил подождать, пока отряд Ноккхотро Рая с равнины

поднимется в горы, и уже тогда внезапно обрушиться на него с гор, из лесов, из засад. Он велел запрудить Гомоти крупными каменными глыбами: если дела пойдут совсем плохо, можно будет разобрать плотину и наводнением унесет могольских солдат.

Между тем Ноккхотро Рай, опустошая все на своем пути, приближался к горной области Трипуры. Урожай с джумов был уже убран, и джумии с косарями и луками приготовились к бою. А воинов куки удержать было не легче, чем стремительный водопад.

Гобиндо Маникко снова сказал брахману:

— Нет, я не буду воевать.

— Это несерьезно.

— По всему видно, что я не гожусь в правители. Оттого и подданные не верят мне, оттого и голод был, оттого теперь война. Разве не ясно, что всевышний велит мне покинуть трон?

— Это не может быть велением всевышнего. Он сам возложил на тебя корону. Пока тебе легко было выполнять свой долг, ты и не помышлял о том, чтобы снять корону, а теперь, когда стало трудно, готов бросить все и бежать, утешая себя тем, что так, мол, велит всевышний.

Слова Биллона произвели впечатление на Гобиндо Маникко. Он молча обдумывал их и, наконец, спросил упавшим голосом:

— Но представь, тхакур, я терплю поражение, Ноккхотро убивает меня и становится раджей.

— Если в самом деле произойдет так, мне не будет обидно за махараджу. Я по крайней мере буду знать, что он выполнил свой долг.

— И я должен пролить кровь родного брата?!

— Когда речь идет о долге, нет ни братьев, ни друзей. Вспомните, какой совет дал Кришна Арджуне во время битвы на поле Курукшетра.

— Ты хочешь сказать, тхакур, что я должен взять саблю и собственной рукой нанести удар Ноккхотро Раю?

— Да.

Вдруг откуда-то появился Дхрубо и серьезно сказал:

— Что ты, что ты, нельзя так говорить.

Дхрубо играл где-то поблизости. Услышав громкий спор, он решил, что раджа и тхакур разбаловались и их

нужно приструнить. Он подошел к ним и сказал, укоризненно покачав головой:

— Что ты, что ты, нельзя так говорить.

Слова мальчика развеселили брахмана. Он с улыбкой взял Дхрубо на руки и начал целовать его. Но раджа не улыбался. Ему казалось, будто устами ребенка вещает само небо.

— Тхакур, — твердо произнес Гобиндо Маникко, — я не допущу кровопролития, войны не будет.

Биллон задумался.

— Если махараджа против войны, пусть он испробует еще одно средство. Вам необходимо встретиться с Ноккхотро Раем и уговорить его не пускать оружие в ход.

— На это я согласен.

— Тогда нужно написать письмо и доставить его Ноккхотро Раю.

На том они и порешили.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ноккхотро Рай беспрепятственно продвигался с отрядом в глубь Трипуры. В селениях его приветствовали как раджу. Ноккхотро ощутил вкус к власти, аппетит его разгорался с каждым днем. «Мое», — с гордостью думал Ноккхотро Рай, окидывая взором обширные поля, реки, деревни, горы. И сам себе он казался таким же необъятным, как и его право на обладание всем тем, что видели вокруг его глаза. Могольским солдатам он предоставил полную свободу. «Это все принадлежит мне, — рассуждал Ноккхотро, — они в моем царстве. Пусть себе тешатся в свое удовольствие. Вернувшись домой, они будут восхвалять радушие, царскую щедрость и доброту правителя трипурского. Раджа Трипуры, скажут они, великий раджа». Ноккхотро делал все, чтобы снискать славу у могольских воинов. Он млеял от восторга, когда его хвалили, и все время опасался вызвать недовольство.

Явился Рогхупоти.

— С той стороны, махараджа, незаметно никаких приготовлений к войне.

— Да, тхакур. Они трусили!

Принц рассмеялся. Брахман не видел в этом ничего смешного, но тоже улыбнулся.

— Ноккхотро Рай пришел с отрядом наваба, — продолжал принц, — дело нешуточное.

— Что же, посмотрим, кто кого теперь изгонит, а? — поддакнул брахман.

— В моей воле изгнать, бросить в темницу, казнить. Я еще не решил, на чем остановлюсь.

Ноккхотро с глубокомысленным видом погрузился в раздумье.

— Не стоит пока ломать над этим голову, махараджа, впереди у вас достаточно времени. Боюсь лишь одного, как бы Гобиндо Маникко не победил вас без сражения.

— Как же так?

— А вот как. Гобиндо Маникко расположит войско в укромном месте, а сам явится к вам и начнет выказывать свои родственные чувства, обнимет, начнет увещевать: «Пойдем, братец милый, домой, напою тебя молоком, сливками». — «Я сейчас, сейчас», — расплачется махараджа, нацепит на ноги расшитые остроносые туфли и, понутив голову, поплетется за своим дада, все равно как послушный пони. Вот тогда воины падишаха вдоволь посмеются на прощание!

Едкая насмешка обескуражила Ноккхотро Рая.

— Уж не принимают ли меня за мальчика, которого можно обвести вокруг пальца, — ответил он, тщетно пытаясь изобразить на лице улыбку. — Ну нет, не на такого напали, тхакур. Не бывать этому! Вот увидишь!

В тот же день пришло письмо от Гобиндо Маникко. Рогхупоти вскрыл его. Раджа в ласковых выражениях просил о встрече. Брахман не показал письма принцу, а гонцу сказал: «Гобиндо Маникко нет нужды утомлять себя столь дальней дорогой. Махараджа Ноккхотро Рай скоро сам явится к нему с войском и с саблей. Пусть Гобиндо Маникко не убивается и потерпит немного. Если бы брат его оставался в изгнании все восемь лет, разлука была бы куда длительнее».

Затем Рогхупоти пошел к принцу.

— Гобиндо Маникко прислал изгнанному брату весьма трогательное письмо.

— В самом деле? — усмехнулся Ноккхотро, притворяясь совершенно равнодушным. — Что за письмо? Где оно? — И он протянул руку.

— Я не счел нужным показывать письмо махарадже и тут же порвал его. А на словах передал: «Единственный ответ — сражение».

— Отлично, тхакур, отлично! — засмеялся Ноккхотро. — Так и сказал, единственный ответ — сражение? Хорошо, очень хорошо!

— Еще бы! Теперь Гобиндо Маникко будет над чем поразмыслить, — продолжал брахман, — ведь после суда брат удалился тихо, незаметно, а с каким шумом возвращается!

— И еще ему придется признать, что с братом шутки плохи, что он не из тех людей, чьей судьбой можно безнаказанно распоряжаться.

И Ноккхотро самодовольно рассмеялся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ответ Ноккхотро Рая причинил Гобиндо Маникко нестерпимую боль. «Ну хоть теперь махараджа не станет возражать против войны», — подумал Биллон, но его надежды не оправдались.

— Это все козни Рогхупоти. Ноккхотро не мог прислать такой ответ, — промолвил Гобиндо Маникко.

— Что же вы теперь решили делать, махараджа?

— Я бы все уладил, если бы мне удалось повидаться с Ноккхотро.

— А если не удастся?

— Тогда я отрекись от престола и уйду куда-нибудь.

— Я постараюсь что-нибудь придумать.

...Отряд Ноккхотро Рая расположился лагерем на холме, окруженном густыми зарослями бамбука, тростника и камыша. Земля сплошь увита лианами, опутана кустарниковой порослью. Джунгли были совершенно непроходимыми, и солдатам пришлось подниматься на вершину холма по тропе, протоптанной дикими слонами.

День кончался, солнце клонилось к западу, на восточную сторону холма легли предзакатные тени. Сливаясь

с тенью деревьев, они приблизили наступление сумерек в лесу. Вечерняя прохлада окутала низины пеленой тумана. Джунгли наполнились звоном цикад. Когда Биллон добрался до стана, солнце уже село, но заря не погасла. Освещенный ее золотым отблеском густой лес, раскинувшийся в долине, казался застывшим зеленым морем. Завтра на рассвете отряд выступит в поход. В сопровождении предводителя и нескольких воинов Рогхупоти отправился разведать дорогу и еще не вернулся. Без его разрешения входить к Ноккхотро Раю было запрещено, однако Биллона, одевшегося странствующим отшельником, никто не остановил. И брахман предстал перед принцем.

— Махараджа Гобиндо Маникко просил передать вам вот это письмо.

Со смешанным чувством стыда и страха Ноккхотро Рай взял дрожащей рукой протянутый ему листок. Пока между Гобиндо Маникко и Ноккхотро Раем стоял Рогхупоти, принц не чувствовал на сердце никакой тяжести, ему как будто и не хотелось видеть брата. Но появление гонца смутило и даже рассердило принца. Хоть бы Рогхупоти был здесь, он не впустил бы к нему этого брахмана. Борясь с сомнениями, Ноккхотро все же развернул листок.

Ни слова порицания, упрека или обиды. Брат даже не упомянул о том, что Ноккхотро идет на него войной. Как будто между ними отношения были точно такими же, как когда-то. Каждая строка дышала глубокой нежностью и печалью, и эти чувства, не выраженные словами, ранили сердце еще сильнее.

По мере того как Ноккхотро читал письмо, выражение его лица менялось. Каменный панцирь, сковывающий сердце, казалось, вот-вот сломается, листок дрожал в руке. Ноккхотро прижал его ко лбу. Благословение, которым заканчивалось письмо, прохладной росой пало на страждущую душу. Ноккхотро, не мигая, смотрел на далекий темный лес. Там, на краю неба, догорали кроваво-красные отблески вечерней зари. Неподвижная темнота разлилась вокруг немym бездонным океаном. Глаза затуманились слезами, которые неудержимо струились по щекам. Терзаемый стыдом и раскаянием, Ноккхотро закрыл лицо руками.

— Мне не нужен трон, — произнес он сквозь рыдания. — Прости меня, дада, за все, дай место у твоих ног, не отворачивайся от меня, не гони.

Биллон наблюдал, растроганный, не произнося ни слова. Наконец Ноккхотро Рай успокоился.

— Гобиндо Маникко ожидает вашего возвращения, принц. Не мешкайте.

— Простит ли он меня?

— Он ничуть не гневается на принца. Время позднее, дорога трудная, возьмите быстрого коня. У подножья холма ждут люди махараджи.

— Я отправляюсь тайно, незачем сообщать моголам. Да, да, нельзя терять ни минуты. Чем скорее мы уедем отсюда, тем лучше.

— Разумные слова.

Ноккхотро Рай объявил приближенным, что едет со странствующим отшельником на гору Тинмура поклониться Шиве. Те собрались было следовать за принцем, но он остановил их.

Едва Ноккхотро Рай и Биллон выехал из лагеря, как послышалось цоканье копыт, людской говор. Ноккхотро встревожился. В ту же минуту появился Рогхупоти с солдатами.

— Куда это вы отправляетесь, махараджа? — изумился он.

Ноккхотро Рай не нашелся что сказать. За него ответил Биллон:

— К махарадже Гобиндо Маникко.

Рогхупоти смерил незнакомца взглядом, нахмурился, но сдержал себя.

— Мы не можем отпустить нашего махараджу в такую пору. Нет причин торопиться, можно подождать до утра. Что вы скажете на это, махараджа?

— Разумеется, можно подождать до утра. К тому же теперь уже ночь.

Биллон был обескуражен. Ему пришлось ночевать в могольском стане. Утром брахман попытался увидаться с Ноккхотро Раем, но солдаты преградили ему путь. Убедившись, что сквозь кольцо стражи не пройти, Биллон отправился к Рогхупоти.

— Пора ехать. Дайте знать принцу.

— Махараджа решил не ехать.
— Я желаю увидеться с ним.
— Он велел передать, что встречи не будет.
— Необходим ответ на письмо махараджи Гобиндо Маникко.

— Ответ уже был дан однажды.
— Я хочу услышать от него самого.
— Это исключено.

Биллон понял, что его усилия ни к чему не приведут. Только зря он потратит слова и время. Уходя, он бросил Рогхупоти:

— Опасное ты дело затеял, брахман. Не приличествует оно твоему сану.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда Биллон вернулся в Трипуру, оказалось, что раджа приказал воинам куки возвращаться домой: они уже начинали бесчинствовать. Таким образом, к бою почти ничего не было готово.

Биллон рассказал радже о встрече с Ноккхотро Раем.

— Я удаляюсь, тхакур, — ответил Гобиндо Маникко. — Корону и казну оставляю Ноккхотро.

— Я не могу благословить тебя на это, махараджа. Ведь ты отдаешь беззащитных подданных во вражеские руки! Разве может мать обрести покой, отдав свое дитя мачехе?

— Твои слова ранят мое сердце. Сжалось надо мной, не говори мне больше ни слова, не старайся переубедить меня. Ты же знаешь, тхакур, я дал обет не допускать кровопролития и не могу нарушить своей клятвы.

— Что же махараджа намеревается делать?

— Тебе я откроюсь. Мы с Дхрубо уедем в леса. В моей жизни, тхакур, осталось столько незавершенного. О чем только не мечтал я в своей жизни, а осуществить ничего не удалось. Того, что прошло, не вернешь, не изменишь. Иногда, тхакур, я кажусь себе стрелой, выпущенной из лука самой судьбою. Уклонившись однажды от цели, она не может приблизиться к ней. Так случилось и со мной. И теперь что я ни замышляю — не получается.

Я не проснулся в тот момент, когда еще можно было спастись, а когда очнулся, оказалось, что волна уже захлестнула меня. Я хватаюсь за маленького Дхрубо, как утопающий за соломинку. Хочу воплотить в нем самого себя, обрести в нем новое рождение. Я воспитаю его настоящим человеком, и этим я оправдаю свое существование. Как простой смертный, я и то мало на что способен, какой же из меня раджа!

Последние слова Гобиндо Маникко произнес с заметным волнением. Услышав их, Дхрубо воскликнул: «Я аджа, я аджа!» — и принялся тереться головой о колени Гобиндо Маникко.

Биллон с улыбкой взял мальчика на руки, долго смотрел ему в лицо.

— Разве можно в лесу воспитать человека? Там можно вырастить растение, дерево, а человека надо воспитывать в человеческом обществе.

— Я не собираюсь превращаться в отшельника и не стану порывать с обществом, я лишь хочу жить вдали от людей. Да и то не всю жизнь.

...Тем временем отряд Ноккхотро Рая приблизился к столице. Солдаты стали грабить жителей. Все проклинали Гобиндо Маникко.

— Вот как приходится расплачиваться за грехи раджи, — говорили они.

Гобиндо Маникко пожелал встретиться с Рогхупоти. Тот явился.

— Зачем вы издеваетесь над людьми? — спросил раджа. — Я уйду и оставляю царство Ноккхотро Раю. Отошли своих могольских воинов.

— Слушаюсь. Как только вы уйдете, уйдут и воины. Я не хочу, чтобы Трипура была разграблена.

Гобиндо Маникко в тот же день отрекся от трона, сделал все приготовления к отъезду, сменил царские одежды на красную тогу отшельника, написал Ноккхотро Раю пространное письмо, в котором напомнил брату обо всех обязанностях раджи и благословил его.

Затем Гобиндо Маникко подзвал Дхрубо и взял его на руки.

— Хочешь жить со мной в лесу?

— Хочу, — ответил мальчик, обнимая раджу.

Но тут Гобиндо Маникко подумал, что, если он хочет взять с собой ребенка, необходимо еще заручиться согласием его дяди Кедарешшора. Раджа послал за ним.

— Кедарешшор, я уезжаю и хочу взять твоего племянника с собой.

Гобиндо Маникко, видимо, не допускал и мысли о том, что Кедарешшор станет возражать. Ведь Дхрубо все время находился с раджей и от родного дяди почти совсем отвык.

— Я не отпущу Дхрубо, махараджа.

Раджа стоял как громом пораженный. Затем, после некоторого молчания, произнес:

— Поезжай и ты с нами, Кедарешшор.

— Нет, махараджа, я не могу жить в лесу.

— А я и не собираюсь жить в лесу, — печально ответил раджа. — Я останусь среди людей, со мной едут слуги, нужды мы не будем знать.

— Я не могу покинуть родные места.

Гобиндо Маникко тяжело вздохнул. Все его надежды умерли, мир сразу потускнел перед ним. Раджа долго смотрел невидящим взглядом на Дхрубо, увлеченного какой-то игрой. Мальчик потянул раджу за край одежды.

— Поиграй со мной.

У раджи защемило сердце. Он едва сдержал слезы, блеск в глазах, и, отвернувшись, промолвил с горечью:

— Значит, Дхрубо останется, а я поеду один.

Словно озаренный молнией, радже на мгновение представился длинный путь. И по этому пути Гобиндо Маникко суждено было идти до конца своей жизни в полном одиночестве.

Кедарешшор оборвал игру мальчика.

— Идем, идем со мной, — сказал он и потянул племянника за руку.

— Не пойду-у, — заупрямился Дхрубо, чуть не плача.

Раджа встрепнулся, посмотрел на мальчика. Тот бросился к радже и спрятал лицо в его коленях. Гобиндо Маникко взял ребенка на руки и прижал к груди, умерив этим волнение сердца, которое готово было разорваться на части. С Дхрубо на руках раджа начал ходить по ком-

нате. Мальчик сразу успокоился, положил голову на плечо раджи и незаметно уснул.

Настало время отправляться в путь. Раджа бережно передал спящего Дхрубо Кедарешшору и вышел из покоев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Захватив с собой немного денег и драгоценностей, Гобиндо Маникко в сопровождении самых преданных слуг и приближенных направился к западным воротам Трипуры. В эту самую минуту через восточные ворота в столицу вступил Ноккхотро Рай со своим отрядом. Горожане шумными криками приветствовали нового правителя. Пели флейты, играли раковины, гремели барабаны. Но никто не вышел на дорогу, по которой ехал верхом Гобиндо Маникко, никто не сказал ему доброго слова на прощанье. Женщины громко ругали раджу. Плач голодных детей ожесточил их сердца. Даже старик, который совсем недавно приходил во дворец просить хлеба и для которого у раджи нашлось доброе слово, теперь проклинал Гобиндо Маникко, потрясая тощей рукой. По наущению матерей ребята увязались за раджей, донимая его обидными криками.

Гобиндо Маникко двигался медленно, глядя прямо перед собой. В это время джумия, который шел со стороны поля, почтительно поклонился радже. Растроганный Гобиндо Маникко ласково заговорил с крестьянином. И джумия, единственный из всех подданных, с печалью в сердце сказал слова прощания радже, окончившему свое царствование. Затем он напустился на шумевшую детвору, но Гобиндо Маникко остановил его.

Дорога привела его к хижине Кедарешшора. Было самое холодное время года, наступал новый день месяца огрохайон. Только что сквозь туман проглянуло солнце. Раджа взглянул на хижину и вспомнил еще один восход, восход в месяце ашарх прошлого года... На небе плотные тучи, на земле плотная пелена дождя. Хрупкая, тоненькая, как только что народившаяся луна, девочка Хаши в беспамятстве лежит на постели. Ничего не понимающий маленький Тата то взглянет на диди, засунув в рот крае-

шек ее сари, то осторожно шлепнет пухлыми ручонками по лицу сестры. Памятное сумрачное утро заслонило собой сегодняшнее — светлое, сверкающее росой. Та самая судьба, подумалось радже, которая гонит его теперь, развенчанного и опозоренного, ждала тогда на пороге убогой хижины. Здесь он и повстречал свою судьбу. Поглощенный воспоминаниями, Гобиндо Маникко остановил коня и застыл на месте. На дороге ни души, лишь его небольшая свита. Ватага ребят, которую разогнал крестьянин, появилась снова, едва тот скрылся из виду. Их крики вывели раджу из задумчивости, и он медленно поехал дальше.

И вдруг среди ребячьих криков слух уловил знакомый нежный голосок. Обернувшись, раджа заметил смеющегося Дхрубо. Он бежал прямо к нему, протягивая ручонки... Кедарешшор одним из первых поспешил поклониться новому радже, в доме оставались лишь маленький Дхрубо да старая служанка. Гобиндо Маникко натянул поводья, спешил. Захлебываясь от смеха, ребенок бросился к Гобиндо Маникко, вцепился в его одежду, спрятав лицо в коленях, а когда схлынул прилив радости, серьезно заявил:

— Я хочу покататься на лошадке.

Гобиндо Маникко посадил мальчика на коня. Дхрубо обнял раджу, прижался нежной щечкой к его щеке. Ребенок почувствовал в радже какую-то перемену и старался всеми способами вернуть ему прежнее настроение: мальчик тормошил, обнимал, целовал раджу, словно хотел пробудить его от глубокого сна. И когда его усилия, наконец, увенчались успехом, он от радости засунул в рот целых два пальца. Раджа понял, чего хотелось ребенку — он несколько раз поцеловал милое личико. После некоторого молчания Гобиндо Маникко сказал:

— Ну, мне пора ехать, Дхрубо.

Ребенок повернулся к радже.

— И я с тобой.

— Тебе нельзя, ты останешься с дядей.

— Нет, и я с тобой!

В это время, ворча и ругаясь, подошла старая служанка, дернула Дхрубо за руку.

— Идем, идем.

Испуганный Дхрубо обеими руками вцепился в раджу, спрятал голову у него на груди. «Легче вырвать собственное сердце, — горестно подумал раджа, — чем разорвать сплетение этих рук». Но выхода не было. Гобиндо Маникко осторожно оторвал от себя ребенка и передал его служанке. Дхрубо заплакал, закричал, протягивая ручки к радже.

— И я с тобой!

Раджа, не оборачиваясь, вскочил на коня и поскакал вперед. И хотя он был уже далеко, ему казалось, что он все еще видит Дхрубо, протягивающего к нему свои ручки, все еще слышит отчаянный плач малыша: «И я с тобой, и я с тобой!» Из усталых глаз раджи покатались слезы, он уже не различал дороги, не видел солнца, словно весь мир был окутан пеленой тумана. Раджа выпустил поводья из рук — конь мчал всадника дальше и дальше.

Гобиндо Маникко поравнялся с группой могольских солдат. Заметив раджу, они стали смеяться, отпускали по адресу свиты грубые шутки. Один из придворных Гобиндо Маникко подскакал к радже.

— Махараджа, надо проучить этих варваров! Они расхрабрились лишь потому, что вы, махараджа, приняли вид простого смертного. Возьмите саблю, наденьте тюрбан. Сейчас я с ними расправляюсь!

— Нет, Нойон Рай, мне не нужны ни сабля, ни тюрбан. Что сделают мне солдаты? Я в силах вынести и не такие унижения. Оружием уважения не завоеешь. Простые люди на всей земле переживают и хорошие и тяжелые времена, им ведомы уважение и позор, несчастье и горе. Вверив себя всевышнему, я тоже хочу пройти через все испытания. Друзья становятся врагами, обласканные платят неблагодарностью, покорные начинают дерзить, но сердце мое ликует именно потому, что я нашел в себе силы терпеливо сносить все это. Раньше я бы так не смог. Теперь я познал того, кто друг мне. Вернись в Трипуру, Нойон Рай, встретить поласковее Ноккхотро, чти его так же, как раньше чтил меня. Уходя, я заклинаю всех вас не дать Ноккхотро сойти с пути истинного, пусть не пренебрегает благом подданных. Смотрите, никогда не обижайте его даже невольным упоминанием обо мне,

даже нечаянным сравнением со мной. Итак, я удаляюсь.

Раджа обнял своих верных слуг и поехал дальше, а те поклонились ему и, смахнув слезу, отправились в обратный путь.

Когда Гобиндо Маникко достиг высокого берега Гомоти, из лесу навстречу ему вышел Биллон.

— Да сопутствует тебе удача! — приветствовал он раджу, подняв над головой руки, сложенные в приветствии.

Гобиндо Маникко спешился и поклонился брахману.

— Я пришел проститься с тобой, — сказал Биллон.

— Остайся при Ноккхотро, тхакур, ты будешь помогать ему советами, заботиться о счастье государства.

— Нет. Я бесполезен там, где не ты раджа. Здесь я уже ничего не смогу сделать.

— Куда же, в таком случае, ты отправишься, тхакур? Сделай милость... Ты умеешь вселять силу в мое слабое сердце.

— Рядом я или далеко — знай, моя любовь всегда с тобой. Пойду искать себе какое-нибудь дело. С тобой в лесу мне делать нечего.

— Тогда я удаляюсь, — мягко промолвил раджа и поклонился еще раз.

Каждый из них пошел своей дорогой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ноккхотро Рай торжественно воссел на трон, приняв имя Чхотро Маникко. Казна была почти пуста. Для того, чтобы выплатить обещанное и отпустить могольский отряд, пришлось до нитки обобрать подданных. Царствование Чхотро Маникко началось с жестокого голода и нищеты. Повсюду лились слезы, со всех сторон неслись проклятия.

Казалось, не только приближенные, пользовавшиеся особым расположением Гобиндо Маникко, но даже возвышение, на котором он сидел, ложе, на котором он спал, денно и ночью проклинали нового раджу. Постепенно жизнь для Чхотро Маникко стала совершенно невыноси-

мой. Он уничтожил все вещи своего брата, удалил его любимцев, только бы избавиться от воспоминаний о Гобиндо Маникко. Он не мог даже слышать его имени. Того же, кто упоминал о Гобиндо Маникко, он подозревал в желании уязвить его, Ноккхотро Рая. Чхотро Маникко постоянно казалось, что ему оказывают недостаточно почестей. Он стал раздражителен, из-за всякого пустяка приходил в ярость, наводя ужас на придворных.

В государственных делах Чхотро Маникко решительно ничего не смыслил, но если кто-нибудь осмеливался дать ему совет, раздражался гневом:

— Я и сам знаю! Глупец я, что ли?!

Чем настойчивее преследовала Чхотро Маникко мысль о том, что все считают нового раджу узурпатором и презирают его, тем упрямее стремился он проявить свою власть, становился деспотичнее, чинил произвол. Он миловал того, кого не следовало миловать, наказывал тех, кто не заслуживал наказания, — только бы показать, что все зависит от его воли. Народ жил в нищете, голодал, а во дворце день и ночь пировали, гремела музыка. Ни один раджа до этих пор, воссев на трон, не плясал столь неистово, распустив во всю ширь свой павлиний хвост самовластья.

Услышав, что подданные ропщут, Чхотро Маникко разошелся еще сильнее: он счел это неуважением к собственной персоне. Не считаясь с тем, что его действия вызывают еще большее недовольство, Чхотро Маникко притеснениями, насилием, страхом заставил всех замолчать, в стране воцарилась тишина, словно на землю спустилась глухая ночь. Ничего не было удивительного в том, что тихий и нерешительный Ноккхотро Рай, став Чхотро Маникко, совершенно переменился. Получив власть, слабые, безвольные люди часто становятся тиранами.

Рогхупоти добился своего. Нельзя сказать, что жажда мести сжигала брахмана до самого его возвращения в Трипуру, она улеглась гораздо раньше, но он поклялся довести начатое дело до конца и не хотел нарушать своей клятвы. Пока жрец, хитростью и уловками преодолевая всяческие препятствия, неуклонно шел к цели, предвкушение счастья опьяняло его. Но вот цель достигнута, и ничто в мире больше не радует сердце брахмана.

Заброшенный храм встретил Рогхупоти молчанием. Хотя брахман прекрасно знал, что Джай Сингха нет на белом свете, придя в храм, он как бы заново пережил эту тяжелую потерю. Временами священнослужителю казалось, что Джай Сингх жив, но память подсказывала, что тот ушел безвозвратно... Внезапный порыв ветра захлопнул дверь — Рогхупоти вздрогнул, обернулся... Нет, это не Джай Сингх. А может быть, он в своей комнате? Брахман долго не решался войти туда: ему страшно было увидеть пустую комнату.

Наконец, когда вечерняя заря уже угасала в небе, а тени сгущались, Рогхупоти медленно вошел в комнату Джай Сингха. Там было пусто и безмолвно, как в склепе. У стены сундук, рядом валяются запылившиеся деревянные сандалии, на стене изображение Кали, нарисованное Джай Сингхом. В восточном углу на металлической подставке латунный светильник. Он зарос паутиной; его не зажигали уже года полтора. На ближней стене пятно — след горевшей когда-то лампы. Ничего больше в комнате нет. Лишь пустые стены отозвались на тяжелый вздох Рогхупоти. Постепенно сумерки сменил сплошной мрак. Время от времени цокала ящерица. Через открытую дверь проникал холодный воздух. Рогхупоти сел на сундук. Он весь дрожал.

Целый месяц провел брахман в храме наедине с самим собой. Дальше жить так у него не было сил. Пришлось отказаться от обязанностей жреца. Рогхупоти отправился ко двору. Брахман увидел, что повсюду процветают беззаконие, притеснения, бесчинства, прикрываемые именем Чхотро Маникко. Рогхупоти пытался вмешаться в дела правления Трипурой, навести в стране порядок. Пошел однажды с советом к Чхотро Маникко. Тот рассердился.

— Что ты смыслишь в правлении государством, тхакур? Ты совсем не сведущ в таких делах.

Высокомерие раджи поразило брахмана, он не узнавал прежнего Ноккхотро Рая. Между ними начались разногласия, ссоры. «Рогхупоти считает, что это он сделал меня раджей», — думал Чхотро Маникко. Один вид Рогхупоти выводил теперь раджу из себя. В конце концов он заявил:

— Сидел бы ты лучше в своем храме, тхакур. При дворе ты совершенно не нужен.

Рогхупоти бросил на Чхотро Маникко горящий взгляд. Раджа, чуть смутившись, отвернулся и вышел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Кедарешшор намеревался добиться встречи с Ноккхотро Раем в тот самый день, когда новый раджа вступил в столицу, но старания его не увенчались успехом. Солдаты и телохранители отталкивали его, оттаскивали и в конце концов так напугали, что Кедарешшор едва ноги унес.

При Гобиндо Маникко Кедарешшор жил во дворце в полном довольстве, не зная забот, но с уходом старого раджи дяде Дхрубо пришлось вернуться в свою хижину, и жизнь его сильно переменилась к худшему. Раньше, когда Кедарешшор был на виду у раджи, все боялись и уважали его, а теперь и знать никто не хотел. В прежние дни люди обращались к нему со всякими просьбами, а теперь ни у кого не было времени перекинуться с ним хоть словечком. Кроме того, Кедарешшору трудно стало добывать пропитание. Словом, он мечтал напомнить о себе Ноккхотро Раю, с которым когда-то водил дружбу, и с его помощью вернуться во дворец. Но идти к новому радже с пустыми руками Кедарешшор не решился. И вот однажды он собрал что мог и отправился прямо в царские чертоги. Желая показать, как он рад лицезреть Чхотро Маникко, Кедарешшор с заученной смиренной улыбкой предстал перед раджей.

Раджа сразу узнал его и вспыхнул от гнева:

— Чего зубы скалишь? Смеяться, что ли, пришел?

Вслед за повелителем на Кедарешшора напустились все: держатель скипетра, начальник стражи, телохранители, министры, советники. У того вмиг исчезла улыбка с лица и рот захлопнулся.

— Ну, что там у тебя, говори скорей! — приказал Чхотро Маникко.

Но Кедарешшор от страха забыл, зачем пришел. Речь, которую он составлял так долго и с таким трудом, вылетела у него из головы, и сейчас он не мог связать двух слов.

— Если тебе нечего говорить, можешь убираться.

Кедарешшор чувствовал, что должен немедленно что-то сказать.

— Махараджа, неужели вы забыли Дхрубо? — вдруг выпалил Кедарешшор, сделав печальное лицо.

Чхотро Маникко был вне себя от гнева, но ничего не подозревавший Кедарешшор продолжал:

— Он все время плачет, зовет вас: «Дядя, дядя!» — совсем извелся.

— Твой племянник смеет называть меня дядей?! Какая наглость! Это ты научил его!

Кедарешшор молитвенно сложил руки и пролепетал жалобным голосом:

— Махараджа...

— Эй, кто там! Выслать его из государства вместе с мальчишкой!

И сразу Кедарешшора схватило столько рук, что он через несколько мгновений оказался за порогом. Стражники отняли у него корзинку и разделили содержимое между собой.

Кедарешшор с Дхрубо покинули Трипуру.

ГЛАВА Сороковая

Рогхупоти вернулся в храм. Никто не подал ему чистой одежды, как это бывало прежде, его не ждало любящее сердце. Каменный храм стоял безмолвный, мертвый. Брахман сел на светлые ступени, спускающиеся к Гомоти, и залюбовался цветами шефалики, посаженной еще Джай Сингхом. Они так живо напомнили ему верного служителя, его красивое лицо, тихий, добрый нрав, благородные, возвышенные чувства. Образ юноши, могучего, как лев, и нежного, как олененок, заполнил собой всю душу Рогхупоти. Раньше брахман считал себя неизмеримо выше служителя, но сейчас он казался себе таким ничтожным. А ведь Джай Сингх преклонялся перед наставником, преклонялся слепо, безотчетно. Рогхупоти почувствовал глубокое почтение к Джай Сингху и отвращение к себе. Он вспомнил, как иногда бывал несправедлив к юноше... От этой мысли болезненно сжалось сердце.

«Я был не вправе осуждать Джай Сингха, — подумал брахман. — Если бы я увидел его еще хоть раз, хотя бы на мгновение, я покался бы перед ним, молил бы о прощении». Рогхупоти перебирал в уме слова, поступки Джай Сингха, перед глазами прошла вся жизнь его ученика. Брахман словно переселился в этого сильного, честного человека, забыл в этот момент о себе, о своих невзгодах, о ненависти, ему стало легче, его теперь не так угнетали тяготы и превратности судьбы, преследовавшей его последнее время. Рогхупоти уже без гнева думал о Ноккхотро Рае, которого он посадил на трон и который, став раджей, отплатил ему оскорблением. Почет, уважение... Брахман лишь усмехнулся: как все это незначительно, ничтожно. Рогхупоти захотелось совершить нечто такое, что вызвало бы одобрение Джай Сингха, если бы он был жив, однако он не видел дела, за которое стоило бы взяться, — вокруг стонала пустота. Безлюдный храм стиснул грудь, сдавил дыхание. Нет, он во что бы то ни стало должен совершить что-нибудь великое и тем избавиться от душевных мук. Рогхупоти взглянул на безжизненное, гнетущее своей неподвижностью строение, и сердце его затрепетало, как птица, посаженная в клетку. Брахман отправился в рошу и стал нервно прохаживаться там. Он ощутил неутолимую ненависть к бесчувственным, никому не нужным идолам безмолвного капища, сердце бешено колотилось в груди. Всю жизнь отдать служению тупым, безучастным ко всему каменным истуканам — какая бессмыслица!

Около полуночи Рогхупоти высек искру из огнива, зажег светильник и, держа его в руке, вошел в храм к четырнадцати божествам. Здесь все было по-прежнему. Изваяния стояли точно так же, как стояли они, бездумные и бессердечные, полтора года назад в ту памятную ночь, когда в тусклом свете дрожащего пламени перед ними лежало мертвое тело преданного служителя и кровь его растекалась по полу.

— Ложь, все ложь! — закричал брахман. — О Джай Сингх, сын мой, кому ты отдал кровь! Здесь нет никакого божества! Твою кровь выпил дьявол Рогхупоти.

Брахман поднял с пьедестала изваяние Кали, отнес его к дверям и изо всех сил швырнул за порог, — оно с

грохотом покатилося по каменным ступеням и исчезло в водах Гомоти... Каменная дьяволица, которая столько лет пила кровь, смешалась с тысячью глыб на речном дне. Однако в сердцах людей она продолжала жить, по-прежнему величественно восседая на непоколебимом троне.

Рогхупоти задул светильник и вышел на дорогу. Той же ночью он покинул столицу.

ГЛАВА СРОК ПЕРВАЯ

Биллон поселился в деревне Низамотпур, что около Ноакхали. Здесь разразилось страшное бедствие: мор косил людей.

...Однажды в конце месяца фальгун с самого утра было пасмурно, то и дело начинал моросить дождь, а вечером на деревню обрушилась буря. Принесший ее восточный ветер к полуночи переменял направление — он дул уже с северо-востока и с севера, превратившись в настоящий ураган. Наконец он утих, словно найдя выход своим силам в неистовом ливне. В это время слышался крик: «Спасайтесь, наводнение!» Поднялась паника. В беспросветной тьме ночи промокшие насквозь люди взбирались на крыши, толпились на берегу пруда, карабкались на деревья, некоторые влезли даже на верхушку храма. Издалека донесся нарастающий гул разбушевавшейся воды, и вот один за другим налетели два вала, затопив деревню на восемь локтей. К утру вода спала, и в лучах восходящего солнца предстала ужасающая картина опустошения: домов почти не осталось, людей нигде не видно, торчали лишь обломанные стволы арековых пальм, ставших добычей разъяренной стихии, да валялись манговые и хлебные деревья, вывороченные с корнем. Тут и там лежали сорванные с домов крыши. Вид у них был такой жалкий, печальный, словно они горевали, разлученные со стенами. Поблескивали разбросанные кувшины, кастрюли, валялись утопленники, трупы коров, волов, собак, шакалов, принесенных потоком из другой деревни.

Почти все хижины жителей Низамотпура стояли среди исполинских мадаров, бамбуков, манговых, хлебных деревьев. Многим они помогли избежать гибели. Не-

которые жители всю ночь провели на бамбуке, который швыряло из етороны в сторону стремительным течением, другие поранились о колючки мадара, но все же спаслись, однако были и такие, которые падали в бушующий поток вместе со стволами. Когда вода отступила, люди, уцелевшие на деревьях, спустились на землю и принялись отыскивать среди погибших своих родных. Многие трупы так и остались неопознанными: течение принесло их из других мест. Время шло, а трупы так и лежали, никто не сжигал, не закапывал их. На мертвечину стаями слетались стервятники, которым не пришлось соперничать ни с шакалами, ни с собаками, потому что для шакалов и для собак та страшная ночь оказалась последней.

В Низамотпуре было десятка полтора патанских семей. Жили они на высоком месте, поэтому почти никто из них от наводнения не пострадал. В те немногие дома индусской части деревни, которые уцелели от наводнения, вернулись их обитатели, остальные отправились искать пристанища в другие края. Некоторых жителей во время наводнения в Низамотпуре не было. Вернувшись, они построили новые жилища. Постепенно деревня заселилась. Но тут и начался мор, вызванный прежде всего отравлением воды в озере трупным ядом. Первыми жертвами оказались патаны. Никто не хоронил умерших, никто не ухаживал за больными соседями. «Мусульманам воздается за грехи их, за убийство коров», — говорили индусы. Из неприязни к инородцам, а также из боязни потерять касту ни один индус ничем не помог патанам, даже воды не подал. Так обстояли в деревне дела, когда там появился саньяси Биллон и с ним несколько его учеников. Испугавшись мора, ученики хотели было бежать, но Биллон удержал их. Он начал ухаживать за больными патанами, давал им лекарства, поил, кормил, хоронил умерших. Поведение саньяси, пренебрегшего всеми правилами и обычаями, поразило индусов. «Я саньяси, — говорил Биллон, — у меня нет касты. Человек — вот моя каста. Какая тут может быть каста, когда люди умирают, когда творение божье, человек, нуждается в любви и помощи человека!» Видя беспристрастное, одинаковое ко всем отношение, с которым Биллон служил ближним, индусы не осмеливались возмущаться им или порицать его;

они никак не могли решить, хорошо он поступает или дурно. Их знание шаштр, неполное и несовершенное, заставляло сомневаться в поступках саньяси, но человечность, которая жила в их сердцах, подсказывала, что его поступки заслуживают одобрения. А Биллон, не обращая ни на что внимания, продолжал свое дело. Умиравшие патаны боготворили его. Стараясь уберечь их детей от болезни, Биллон отправился с ними к индусам. Но те пришли в ужас, и приюта никто не дал. Тогда он отвел детей в большой заброшенный полуразвалившийся храм. Чтобы прокормить их, саньяси по утрам уходил собирать подаяние. Но кто подаст, когда жителям окрестных мест самим есть было нечего, когда столько людей стояло на пороге голодной смерти? Биллон пошел к заминдару-мусульманину, которому принадлежала деревня. Заминдар жил где-то очень далеко. Уговорить его помочь несчастным стоило Биллону немалых трудов, но брахман все-таки добился своего: из Дакки начали присылать рис. Биллон продолжал ухаживать за больными, а ученики его раздавали им рис. Иногда Биллон уходил играть с детьми, которые всякий раз встречали его радостными криками. Тот, кому случалось вечерней порой проходить мимо храма, мог подумать, что там поселилась большая стая пугайчиков. У Биллона был инструмент, похожий на эс-радж. Когда саньяси одолевала усталость, он брал его в руки и начинал петь. Ребята окружали своего любимца. Одни слушали песню спокойно, другие громко кричали, подражая пению брахмана, третьи норовили добраться до струн.

Шли дни, постепенно болезнь перекинулась из мусульманской части деревни на индусскую. В селении начались беспорядки — воровство, грабеж, каждый тащил что мог. Мусульмане собрались целой шайкой и стали грабить. Они не брезгали ничем, даже циновками и постелями, с которых сбрасывали немощных больных. Биллон изо всех сил старался удержать мусульман от грабежа. И это ему удалось. Патаны не осмелились идти наперекор его увещаниям. Огромного труда стоило Биллону поддерживать мир в деревне.

Однажды утром ученик сообщил саньяси, что в деревне появился какой-то незнакомец и с ним ребенок. Этот

человек сидит под смоковницей, вид у него совсем больной, и, наверное, он долго не проживет. Биллон поспешил к дереву и увидел Кедарешшора, лежавшего без сознания. Рядом с ним спал Дхрубо. Кедарешшор доживал последние минуты. Болезнь сломила его, ослабевшего от голода и скитаний. Никакие лекарства не помогли, Кедарешшор умер тут же, под деревом. Дхрубо, видимо, долго плакал голодный, пока сон не одолел его. Биллон осторожно взял ребенка на руки и отнес его в храм.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Во времена, о которых идет речь, Читтагонг подчинился Аракану. Узнав, что Гобиндо Маникко покинул Трипуру и прибыл в Читтагонг, араканский раджа торжественно снарядил к нему гонца: «Если Гобиндо Маникко хочет вернуть трон, правитель Аракана может помочь ему».

— Нет, мне не нужен трон, — ответил Гобиндо Маникко.

— Тогда пусть махараджа поживет при араканском дворе как почетный гость, — предложил гонец.

— При дворе я жить не стану. Правитель Аракана обяжет меня, если предоставит мне убежище где-нибудь под Читтагонгом.

— Махараджа может поселиться где ему будет угодно. Считайте, что вы в своем царстве.

Несколько приближенных араканского правителя пожелали остаться с раджей. Гобиндо Маникко не возражал. Возможно, подумал он, правитель Аракана в чем-то подозревает его и поэтому приставил к нему своих людей.

Для махараджи выстроили небольшой домик на берегу реки Мояни, которая несла по глыбам и камням свои быстрые прозрачные воды. Река с обеих сторон была стеснена темными отвесными скалами, изрезанными гротами и пещерками, в которых жили птицы, к подножью прилепились водоросли разных цветов и оттенков. Местами скалы вздымались так высоко, что скрывали реку от солнца. Росшие по их склонам громадные кусты

с листьями самых причудливых форм и узоров сливались с непроходимыми джунглями, уходящими куда-то вдаль. Кое-где виднелись нежные кущи бананов. С вершины одной из скал над рекою склонилось гигантское дерево гарджан. Его светло-серый ствол, лишенный ветвей, весь увитый множеством толстых лиан, отбрасывал тень, плясавшую на стремнине. Разрезая берега Мойни, к ней бежали ручейки, бежали резво и нетерпеливо, как дети, с нежным, веселым журчанием. А река, промчавшись по ровному месту, срывалась, пенная и бурлящая, с гранитной ступени, чтобы через несколько мгновений очутиться у следующей, и так летела все дальше и дальше вперед. На неумолчный шум ее эхом отвечали неподвижные каменные стены.

Здесь, в тенистом местечке у подножья скалы, которая, казалось, день и ночь прислушивалась к мягкому говору прохладного потока, и поселился Гобиндо Маникко. Он наслаждался покоем. Безграничная умиротворяющая любовь девственной природы сотнями ручейков вливалась в его душу. Гобиндо Маникко вошел в пещеру собственного сердца, чтобы изгнать из него дым мелких обид и дать простор для ясного света и свежего воздуха. Он предал забвению все: как его огорчали и причиняли боль, как не отвечали на ласку, как платили неблагодарностью за добро, оскорблениями за сердечность. Приобщившись к природе, веками восседающей на гранитном троне и вместе с тем вечно молодой, беспрестанно деятельной и величаво-спокойной, он сам стал таким же древним и в то же время юным, таким же величаво-спокойным. Он отрешился от всех желаний, его чистая, свободная от суеты любовь достигла самых далеких миров. «О боже, — воскликнул Гобиндо Маникко, сложив молитвенно руки, — ты даровал мне спасение, приняв меня в свое лоно с непрочной вершины мирского благополучия, готовой рухнуть каждую минуту. Я шел навстречу гибели. Я не чувствовал своего величия, пока был раджей, а теперь ощущаю его — оно объемлет всю вселенную». По лицу его катились слезы. «О всевышний, ты отнял у меня моего Дхрубо, и боль от разлуки с ним еще не совсем ушла из сердца. Но теперь я понимаю, что именно так и должно было случиться. Эгоистичную любовь к маль-

чику я ставил превыше долга, превыше жизни. Ты спас меня от греха. Я принял Дхрубо как дар за свои благодеяния, но, отняв его, ты вразумил меня, я понял, что награда за добродетель есть сама добродетель, и светлую печаль разлуки с Дхрубо воспринимаю теперь как милосердие твое. Я не уподоблюсь слуге наемному, который трудится за мзду. Я буду служить тебе из одной любви».

Гобиндо Маникко познал, что одухотворенная задумчивая природа по ручейкам копит в уединении любовь, а затем отдает ее людям могучим речным потоком. Причастившийся к ней утоляет жажду, но на тех, кто не приемлет ее, природа не в обиде. «Вот и я пойду раздавать людям любовь, которую собрал по капелькам, живя в одиночестве», — решил Гобиндо Маникко. С этой мыслью он покинул горное прибежище.

Отречься от трона на бумаге несравненно легче, чем на деле. Пренебречь всем, покинуть дворец, сменить царские одеяния на тогу странствующего отшельника не так просто. Легче расстаться с короной, чем с привычками, укоренившимися едва не от рождения. Привычки эти со своими требованиями как бы срастаются с человеком, и если не дать им вовремя пищи, начинают сосать нашу кровь. Не думайте, что все то время, пока Гобиндо Маникко жил в уединенном домике на берегу Мойни, он лишь предавался размышлениям и оставался глух ко всему на свете. На каждом шагу ему приходилось воевать с сотнями мелких привычек. Он корил сердце, когда оно страдало от отсутствия чего-либо, морил голодом ненасытную тысячеустую гидру, сидевшую в душе. Учась обходиться без того, что всю жизнь его окружало, он постепенно обретал счастье. Чтобы успокоить горячего скакуна, его пускают в галоп. Так и Гобиндо Маникко укрощал сердце, не желавшее мириться с потерей всего привычного, день за днем гоняя его по пустынным просторам воздержанности.

Из горных краев Гобиндо Маникко отправился на юг, к океану. Избавившись от бремени желаний, он ощутил удивительную свободу. Теперь никто не встанет на его пути, никто не помешает идти вперед. Мир открылся Гобиндо Маникко во всем своем величии, и он чувствовал себя неотъемлемой частицей этого прекрасного мира.

Он находил новые оттенки в зелени кустов и деревьев, новые золотые лучи в сиянии солнца, новые прекрасные черты в лице природы, а когда попадал куда-нибудь в деревню, видел в каждом человеческом поступке какую-то особую красоту и благородство. Говор и смех были для него волшебной музыкой, движения и жесты — прекрасным танцем. Гобиндо Маникко получал наслаждение от беседы с человеком, откликнувшимся на его зов, но сердце его не отвращалось и от тех, кто проходил мимо, не обратив на него внимания. Хотелось помочь всем слабым, утешить всех скорбящих. «Я пожертвовал собственным счастьем ради ближнего лишь потому, — думал Гобиндо Маникко, — что у меня самого нет ни забот, ни желаний». Глаза его по-новому смотрели на мир. Когда он видел двух маленьких приятелей, играющих на дороге, когда он видел рядом двух братьев, отца с сыном, мать и ее дитя, он не замечал, что они грязны, бедны, безобразны, — перед ним открывалась лишь любовь человеческого сердца, бездонная и безбрежная, как океан. Встретив женщину с ребенком на руках, он видел в ней мать всех детей прошлого и будущего. Вид двух друзей вызывал в нем представление обо всем человечестве, связанном узами братства и любви. Землю, прежде казавшуюся ему сиротой, он видел теперь покоящейся на коленях вечно бодрствующей Матери, которая ласково склонилась над ней. Мировая скорбь, печаль, бедность, раздор, ненависть не вызывали больше отчаяния. А уж если он замечал хоть какое-нибудь, даже самое маленькое, благополучие, надежда его, распустившись пышным цветком, устремлялась через тысячи горестей к райским высотам. Разве в жизни каждого из нас не наступало такое утро, когда, пробудившись ото сна, ощущаешь в себе не изведенное еще чувство вновь обретенной любви и свободы, когда наш мир, то радостный, то печальный, вдруг видишь озаренным светом необыкновенной красоты, счастья и любви, — мир, похожий на ласковое дитя. В такое утро никто не может обидеть тебя, встать на твоей дороге, не может лишить никакого счастья на земле; в такое утро играют волшебные флейты, пробуждается кудесница-весна, и вся вселенная наполняется радостью вечной молодости; горести, нищета, беды кажутся тогда

ничтожными. Такая вот пора и наступила в жизни Гобиндо Маникко, распахнувшего душу навстречу вновь обретенной свободе.

...До города Раму, который лежит к югу от Читтагонга, оставалось десять крошей. К вечеру Гобиндо Маникко добрался до деревушки Аломкхал. В одном из домов на краю деревни плакал ребенок. Его слабый голос больно отозвался в сердце раджи. Гобиндо Маникко тотчас же свернул с дороги и вошел в дом. Молодой мужчина, видимо хозяин, ходил по комнате, баюкая худенького мальчика. Ребенок дрожал и жалобно плакал. Заметив Гобиндо Маникко, одетого, как саньяси, хозяин засуетился.

— Благослови его, тхакур, — попросил он.

Сняв с себя покрывало, Гобиндо Маникко завернул в него мальчика. Тот приподнял головку и взглянул на гостя. На исхудалом личике видны были, казалось, одни глаза, оттененные синевой. Мальчик беззвучно пошевелил тонкими бледными губами и тут же уронил голову на плечо отцу. Мужчина положил мальчика на пол, поклонился радже, взял прах от его ног и посыпал им голову сына.

— Как зовут отца ребенка? — спросил Гобиндо Маникко, взяв мальчика на руки.

— Это мой сын, меня зовут Джадоб. Бог отнял у меня одного за другим всех детей, остался только этот, — ответил хозяин, тяжело вздохнув.

— Вот что, сегодня я твой гость. Только не хлопочи, ужинать я не буду, переночую и уйду.

Раджа остался в убогом жилище, а свита его разместились в доме у богатого каястхи. Стемнело. Над затянутым ряской озерцом, лежавшим позади деревни, поднимался туман. Люди вынесли из хлева прелую солому, сгребли в кучу сухие листья и жгли их. Тяжелый дым стлался по земле, полз по болоту. В заборе из дикого колючего кустарника зазвенели цикады. Воздух будто застыл, ни один листочек не шевелился. В зарослях бамбука по ту сторону озерца свистела птичка. Некоторое время Гобиндо Маникко в полутьме разглядывал осунувшееся личико больного ребенка, затем заботливо укутал мальчика, сел на краю его постели и начал

рассказывать ему сказки. Вечер кончился, ночь вступила в свои права. Где-то вдали завывали шакалы. Слушая сказки, мальчик забылся, уснул. Раджа лег в соседней комнате. Ему не спалось, все вспоминался Дхрубо. «Я потерял его, — подумал про себя раджа, — и теперь в каждом ребенке вижу своего любимца».

Вдруг Гобиндо Маникко услышал голос мальчика:

— Па, а что там играет?

— Флейты, сынок, флейты.

— А почему?

— Так ведь завтра праздник Дурги!

— Праздник? А ты мне подаришь что-нибудь?

— Что тебе подарить?

— Подари мне большой красивый платок.

— Где же мне взять его, сыночек? У меня ведь нет ничего.

— Нет ничего, па?

— Ничего, сынок. Только ты.

Джадоб горестно вздохнул. Мальчик ни о чем больше не спрашивал. Должно быть, обнял отца и снова заснул.

Не дождавшись утра и не простившись с хозяином дома, Гобиндо Маникко сел на коня и поскакал по направлению к Раму. Он не ел, не отдыхал, с ходу пустил коня через речку, попавшуюся на пути.

Солнце уже немилосердно жгло, когда показался город. Раджа не замешкался в Раму и к вечеру снова был в доме Джадоба. Гобиндо Маникко отозвал хозяина в сторонку, достал из котомки красный платок.

— На, возьми, подаришь сыну. Сегодня ведь праздник.

Джадоб припал к ногам Гобиндо Маникко.

— Господин, — промолвил он сквозь слезы, — ты привез его, ты и отдай.

— Нет, нет, это должен сделать ты. Если подарю я, мальчик не будет так доволен. И не упоминай обо мне. Я лишь взгляну на радость твоего сына и тотчас же уйду.

Увидев, как расцвело бледное лицо мальчика, Гобиндо Маникко вышел.

«Я ничего не умею, — огорченно заметил про себя раджа. — Несколько лет я только царствовал и ничему не научился. Я даже не могу облегчить страдания больного ребенка. Единственное, что я умею, это предаваться бес-

полезному отчаянию. Вот тхакур Биллон непременно помог бы. Как жаль, что я не тхакур Биллон».

Гобиндо Маникко решил не странствовать больше, жить среди людей и учиться работать.

С разрешения араканского раджи Гобиндо Маникко поселился в принадлежавшей царскому роду бирманской крепости южнее Раму.

В крепости Гобиндо Маникко устроил большую патхшалу. К нему собрались дети со всей деревни. Он учил их грамоте, играл с ними, жил в доме то одного ученика, то другого, ухаживал за больными. Дети, как известно, в большинстве своем существа далеко не райские и отнюдь не небесные создания. Доброе, чистое сочетается в них с порочным и отталкивающим. Эгоизм, зависть, злоба, жадность, жестокость проявляются в них в полной мере, да и дома от родителей они перенимают не только хорошее. В каждом ученике раджи сидел своенравный дух, бесенок, и вот теперь все эти духи и бесенята, собравшись вместе, устроили в крепости настоящий шабаш. Гобиндо Маникко терпеливо воспитывал маленьких сорванцов. Сердце его всегда помнило, сколь бесценна человеческая душа и как самоотверженно следует беречь и пестовать ее. Ему хотелось видеть вокруг себя людей, которые совершили множество добрых дел и тем оправдали свое существование, хотелось всеми силами помочь осуществлению этого и тем оправдать свою неудавшуюся жизнь. Ради воплощения задуманного он готов был претерпеть любые трудности, вынести все испытания. Временами раджу одолевали сомнения: «Один я ничего не смогу сделать как следует. Если бы Биллон был рядом!»

Отныне Гобиндо Маникко посвятил свою жизнь десяткам маленьких Дхрубо.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

(Составлена по «Истории Бенгалии» Стюарта)

Шах-Шуджа потерпел поражение в битве при Аллахабаде и спасался бегством от преследования войска брата Аурангзеба. Противник намного превосходил его силами,

положение было угрожающим. Шуджа не доверялся больше своим сторонникам. Опозоренный, в страхе бежал он один, переодетый в простолудиню. Куда бы ни устремлялся Шуджа, его везде настигал топот коней, а позади вздымалась пыль, поднятая конным отрядом, посланным в погоню. Наконец Шуджа добрался до Патны. Здесь он снова облачился в одеяние наваба и объявил о своем прибытии семье и подданным. Но следом у ворот Патны оказался и сын Аурангзеба принц Мухаммед с войском. Шуджа бежал в Мунгер.

Со всех сторон к нему начали стекаться воины. Шудже удалось собрать новую армию. Он воздвигнул стену на горе, под которой протекала река, привел в порядок крепости Териягари и Шиклигали и укрылся там со своим войском.

Аурангзеб послал в помощь юному Мухаммеду мудрого полководца Мир Джумлу. Принц Мухаммед на виду у неприятеля встал лагерем неподалеку от мунгерской крепости, а Мир Джумла пошел тайно в обход другим путем.

Пока у Шуджи происходили мелкие столкновения с принцем Мухаммедом, неожиданно пришло известие о занятии Васантапура многочисленным войском Мир Джумлы. Шуджа со своей армией в панике бросился из Мунгера в Раджмохол, где жила его семья. Императорское войско следовало по пятам. Шесть дней вел Шуджа отчаянные бои, сдерживая противника, а когда убедился, что все равно не устоять, забрал семью, ценности и, переправившись темной грозовой ночью через реку, бежал в Тонду. Там он тотчас же принялся ремонтировать крепостные сооружения.

В это время начались ливни, река вздулась, дороги размыло, императорское войско застряло и не могло продвигаться вперед.

До всех этих междоусобиц принц Мухаммед был помолвлен с дочерью Шуджи, но началась война, и обе стороны забыли о помолвке.

Когда же из-за ливней военные действия были приостановлены, а Мир Джумла разбил лагерь чуть поодаль Раджмохола, воин Шуджи тайно проник к Мухаммеду и вручил ему письмо. Вскрыв конверт, Му-

хаммед увидел, что это нисьмо от его нареченной. Она писала: «Принц, неужели судьба так немилостива ко мне? Неужели я должна увидеть, как тот, которого я в сердце своем уже назвала супругом, кому отдала свою любовь, с кем обменялась кольцами, ныне идет с беспощадным мечом на отца моего? Это наша свадьба, принц? Не к ней ли столь торжественные приготовления? Не для нее ли наш Раджмохол окрасился кровью, а ты привез из Дели железные цепи? Это узы нашей любви?»

Сердце Мухаммеда раскалывалось на части, как раскалывается скала от внезапного сильного землетрясения. Юноша потерял покой. Зачем ему расположение падишаха? Зачем императорский трон?! Принц уже не думал, какую беду он может навлечь на себя, — все сжег огонь первой любви. Отец показался ему крайне несправедливым и бессердечным. Принц и раньше не раз упрекал Аурангзеба в коварстве, бесчеловечности и жестокости, вызывая подчас монаршую немилость.

И вот сейчас принц Мухаммед послал за своими военачальниками и при них дал волю своему гневу, вызванному коварством и произволом императора.

— Я поеду в Тонду и перейду на сторону дяди. Кто предан мне, пусть следует за мной.

Военачальники низко поклонились.

— Наш повелитель изволил сказать истинную правду. Завтра у вас будет случай убедиться в нашей верности, половина войска будет в Тонде.

В тот же день принц Мухаммед переправился через реку и пришел в стан Шуджи.

В Тонде началось торжество, о войне все забыли, словно ее и не было. До сего времени в семье Шуджи были заняты только мужчины, а теперь и женщины сбились с ног. Шуджа очень ласково, с великой радостью принял Мухаммеда. После бесконечных кровопролитий кровные узы, казалось, стали еще теснее. Пышно, с танцами, пением отпраздновали свадьбу, но не успели еще смолкнуть звуки музыки, как пришло известие о приближении императорского войска.

Как только Мухаммед отправился в лагерь Шуджи, солдаты немедленно доложили об этом Мир Джумле. Ни один из них не последовал за принцем. Солдаты решили,

что Мухаммед сам лезет в беду и оставаться на его стороне могут только глупцы.

Однако Шуджа и Мухаммед были уверены, что во время боя часть императорского войска перейдет на сторону принца. С этой надеждой принц появился на поле брани и выставил свой флаг. К нему двинулся крупный отряд императорского войска. Мухаммед обрадовался. Однако, приблизившись, императорские солдаты пачали обстреливать из пушек отряд Мухаммеда. Принц понял свою ошибку, но было поздно: его солдаты бросились врассыпную. В бою погиб старший сын Шуджи.

Той же ночью несчастный Шуджа с зятем и всем семейством на быстроходной лодке бежал в Дакку. Мир Джумла не стал преследовать беглецов и принялся наводить порядок в завоеванной стране.

Шуджу до глубины души тронул поступок Мухаммеда, который, презрев почет, богатство и даже собственную жизнь, пришел к нему в тот самый момент, когда он оказался в беде и друзья один за другим отвернулись от него. Шуджа полюбил юношу всем сердцем. Но тут в Дакке был схвачен гонец от Аурангзеба. Найденное при гонце письмо попало в руки Шуджи. Аурангзёб писал принцу: «Дорогой сын Мухаммед, ты пренебрег своим долгом, пошел против отца, опорочил свое незапятнанное имя. Околдованный женской улыбкой, ты сошел с предназначенной тебе стези. Тот, на кого в будущем ляжет правление всей Могольской империей, стал ныне рабом женщины. Как бы там ни было, мы простили Мухаммеда, раскаявшегося и поклявшегося именем аллаха. Однако Мухаммед может рассчитывать на расположение наше лишь в том случае, если он завершит дело, с которым был послан».

Шуджа был ошеломлен. Мухаммед горячо убеждал его, что ни о каком раскаянии он понятия не имеет, что это хитрость отца. Однако подозрения Шуджи не рассеялись. Три дня размышлял он, а на четвертый позвал Мухаммеда.

— Узы доверия между нами ослабли, сын мой. Прошу тебя, уезжай с женой, иначе душа моя не узнает покоя. Двери моей казны открыты перед тобой, можешь взять в подарок от тестя драгоценностей, сколько пожелаешь.

Смахнув рукой наворачнувшиеся на глаза слезы, Мухаммед простился. Жена поехала с ним.

«Я не буду больше воевать, — сказал себе Шуджа. — Доберусь до Читтагонга, а оттуда на корабле отправлюсь в Мекку».

Шуджа тайком оставил Дакку.

ГЛАВА Сорок четвертая

Однажды в дождливый день после полудня на дороге, ведущей в крепость, где жил Гобиндо Маникко, показался дервиш, трое мальчиков и пожилой носильщик. Дул сильный ветер, яростно хлестали струи ливня. Мальчики выглядели совершенно измученными. Самый младший из них, которому было лет четырнадцать, дрожа от холода, сказал усталым голосом:

— Я больше не могу, па.

И задрожал еще сильнее. Дервиш с тяжелым вздохом прижал его к груди. Тут старший мальчик стал бранить младшего:

— Что толку плакать здесь, на дороге? Только отца огорчаешь понапрасну.

Младший мальчик едва сдерживал рыдания.

— Куда мы идем, отец? — спросил дервиша средний мальчик.

— Вон в ту крепость. Видишь башню?

— А кто там есть?

— Мне говорили, там живет один раджа, который стал саньяси.

— А почему раджа стал саньяси, па?

— Не знаю, сынок. Может быть, брат родной нагрянул с войском, отнял у него корону и выгнал за пределы царства как собаку. Может быть, кроме накидки саньяси, ему и укрыться нечем, а темное логово — единственное его прибежище на всем белом свете, и нигде больше нет спасения от ненависти брата, от жала ядовитого.

Дервиш плотно сжал губы, подавив волнение.

— Отец, а какой страной правил этот саньяси? — спросил старший мальчик.

— Не знаю, сынок.

— А если он не приютит нас?

— Тогда придется ночевать под деревом. Куда же нам деваться?

Под вечер они пришли в крепость. Встретившись, дервиш и Гобиндо Маникко смотрели друг на друга с изумлением. Незнакомец не походил на истинного дервиша, лицо его не было озарено чистым внутренним светом, как это бывает у людей, отрешившихся от горестей и печалей, чья душа освобождена от мелких земных желаний и стремится к постижению единственной, великой цели. Дервиш все время держался настороже и, видно, был чем-то сильно встревожен. Какая-то неутоленная страсть, казалось, пила огонь его горящих глаз, неумная злоба, не находя выхода сквозь стиснутые зубы и сомкнутые уста, уползала обратно в темную пещеру сердца и там жалила самое себя. Мальчики, пришедшие с дервишем, холеные, нежные, выглядели утомленными и измученными. Вели они себя сдержанно и вместе с тем высокомерно. Чувствовалось, что с самого раннего детства их вознесли на недостижимую вершину почитания, заботливо оберегали и вот сейчас они впервые спустились на землю. Прежде они знали только понаслышке, что у путников ноги покрываются пылью, а теперь сами стали скитальцами, которым на каждом шагу приходилось сталкиваться с грязью и бедностью. Не удивительно поэтому, что они возненавидели весь свет: ведь ходить по земле совсем не то, что по мягким циновкам. Земля будто рассердилась на них за что-то и скатала свой огромный ковер. В своем несчастье они винили всех. Грязного оборванца, который осмеливался приблизиться за подаянием, они считали наглестом. Голодному нищему они, не глядя, бросали издали горсть монет, как швыряют назойливой собаке кость, только бы она не приближалась. Прикрытая лохмотьями нужда и жалкое существование большей части мира в их глазах были только проявлением невоспитанности и грубости. И уж конечно, больше всех они винили землю, на которой не видели теперь ни счастья, ни почета.

Итак, Гобиндо Маникко сразу догадался, что незнакомец вовсе не дервиш. Он не отрешился от желаний ради служения миру, а, наоборот, отвратился от всех

именно потому, что его постигло несчастье и стремления его не осуществились. Он был уверен, что люди обязаны выполнять все, чего бы он ни пожелал, ну а если хотят чего-то от него самого, при случае он, возможно, и сделает это, а не сделает — невелика важность. Однако все произошло вопреки его ожиданиям, и он, разгневанный, удалился из прежних мест, проклиная весь свет.

Читатель уже знает, что, встретившись с Гобиндо Маникко, дервиш тоже был удивлен. Незнакомец предполагал встретить чревоугодника с огромным животом, груды мяса в тюрбане, либо гордого скитальца, грязного, бедно одетого, — словом, воплощение надменности, покоящейся на ложе из пыли, покрытом слоем пепла. Однако Гобиндо Маникко оказался совсем не таким. Он производил впечатление человека, который отказался от всего и тем не менее владел всем. Он покориł мир потому, что сам отдал себя миру по велению собственного сердца. Он раджа, потому что презрел суету, пышность, блеск; он саньяси, потому что близок к миру, к жизни, и ему не нужно делать над собой усилий, чтобы походить на саньяси или на раджу.

Гобиндо Маникко очень радушно встретил гостей. Но гости восприняли его радушие снисходительно, как нечто само собой разумеющееся. Можно было подумать, что они имели полное право на его заботу. Они даже сообщили радже, что должно быть предоставлено для их отдыха.

— Ты, я вижу, очень устал с дороги? — ласково обратился Гобиндо Маникко к старшему мальчику. Но тот невразумительно пробормотал что-то в ответ и только ближе придвинулся к отцу. Раджа усмехнулся.

— Вы не привыкли к таким путешествиям. Поживите у меня, я сделаю все, чтобы вам было удобно.

Не решив, следует ли отвечать радже, и не зная, как себя держать, мальчики еще теснее прижались к отцу, словно боялись, что человек этот сейчас коснется их своими грязными руками.

— Что же, мы можем пожить некоторое время в твоей крепости, — ответил дервиш таким тоном, будто оказал величайшую милость, а про себя подумал: «Знал бы ты, кто я такой, с ума бы сошел от радости».

Несмотря на все старания, радже не удалось добиться расположения мальчиков, тем более что дервишу этого, видно, не очень хотелось.

— Я слышал, ты когда-то был раджей. В каком же государстве? — спросил дервиш.

— В Трипуре.

Мальчики никогда не слыхали о Трипуре и сочли Гобиндо Маникко каким-то мелким царьком, однако дервиш встревожился.

— Как же ты лишился трона?

Гобиндо Маникко ответил не сразу.

— Меня изгнал из государства бенгальский наваб Шах-Шуджа.

Имя Ноккхотро Рая было даже не упомянуто. Тут мальчики встrepенулись, бросили взгляд на отца. Тот едва заметно побледнел.

— Должно быть, это дело рук твоего брата? — вдруг спросил незнакомец. — Это он изгнал тебя и вынудил стать саньяси?

— Откуда у тебя такие сведения, сахиб? — удивился Гобиндо Маникко, но, подумав, решил, что удивляться нечему: мог же кто-то рассказать ему об этом.

— Я ничего не знаю, — поспешно сказал дервиш. — Это просто моя догадка.

Как только стемнело, все отправились спать. В эту ночь дервиш не сомкнул глаз. Его мучили кошмары, и при каждом звуке он вздрагивал.

На следующий день дервиш объявил радже:

— По некоторым особо важным причинам мы не можем задерживаться в крепости. Сегодня же нам придется уйти.

— Дети устали с дороги, пусть отдохнут немного.

Мальчики оскорбились. Самый старший ответил, взглянув на отца:

— Мы не дети и можем вынести любые трудности.

Из гордости они не желали принимать ласку от раджи. Гобиндо Маникко не стал спорить.

Когда дервиш совсем уже было собрался в путь, в крепости появился еще один гость. И раджа и дервиш, увидев его, изумились. Дервиш растерялся и не знал, как держать себя, раджа поклонился гостю. Это был не кто

иной, как Рогхупоти. Приняв поклон раджи, он промолвил:

— Да сопутствует вам удача!

— Ты от Ноккхотро, тхакур? — чуть встревоженно спросил Гобиндо Маникко. — Что-нибудь случилось?

— Ноккхотро чувствует себя превосходно, за него можно не беспокоиться.

Подняв руку кверху, Рогхупоти продолжал:

— Меня прислал к тебе Джай Сингх... Его нет в живых... Я должен выполнить его волю, иначе не будет мне покоя. Я останусь с тобой и буду помогать тебе во всех твоих делах.

Гобиндо Маникко не сразу понял душевное состояние Рогхупоти, вначале ему даже показалось, что у брахмана помутился рассудок.

— Я все видел, все познал, — снова заговорил Рогхупоти. — Ни ненависть, ни власть не приносят счастья. Единственно правильный путь — это тот, который избрал ты. Я мстил тебе, ненавидел тебя, жаждал твоей крови, а теперь всего себя отдаю тебе.

— Нет, тхакур, ты не прав, ты оказал мне бесценную услугу: избавил меня от врагов, которые всегда окружали меня, неотступные как тень.

Рогхупоти пропустил замечание Гобиндо Маникко мимо ушей.

— Дьяволица, которой я служил всю жизнь, проливая кровь людскую, высосала всю кровь и из моего сердца. Я прогнал ее, хищную, бесчувственную, тупую. Ее нет больше в храме царства махараджи... она ушла ко двору и воссела на трон.

— Если она изгнана из храма, то со временем может быть изгнана и из людских сердец.

— Нет, махараджа, — раздался вдруг сзади знакомый голос, — человеческое сердце и есть истинный храм. Там-то и оттачивается меч, там-то и приносятся в жертву тысячи человеческих жизней, а в каменном капище разыгрывают жалкое представление того, что происходит в сердце.

Раджа обернулся и увидел кротко улыбающегося Биллона.

— Какой у меня сегодня радостный день... -- прерывающимся от волнения голосом промолвил Гобиндо Маникко, поклонившись тхакуру.

— Махараджа победил самого себя и тем самым покорил всех, поэтому сегодня собрались у него и друзья и враги.

В этот момент вперед выступил дервиш.

— Махараджа, я был твоим врагом, но теперь и я склоняюсь пред тобой. Вот этот брахман знает меня, — дервиш указал на Рогхупоти. — Я Шуджа, наваб бенгальский. Это я изгнал тебя, невиновного. И получил наказание за грех свой. Меня преследует ненависть родного брата, и нет мне места в собственном государстве. Я не в силах больше скрываться. Я весь перед тобой и теперь могу вздохнуть свободно.

Раджа и наваб обнялись.

— Как я счастлив, — только и мог вымолвить Гобиндо Маникко.

— Махараджа, даже враждовать с тобой — благо, — заметил Рогхупоти. — Я стремился избавиться от тебя, но в конце концов пришел к тебе. Если бы мы не враждовали, я так и не узнал бы тебя.

— Когда стараешься вырваться из петли, она еще туже затягивается вокруг шеи, — улыбнулся Биллон.

— Меня больше не мучит мое горе, — сказал Рогхупоти, — я обрел покой.

— Покой, счастье в нас самих, — ответил Биллон, — только мы не догадываемся об этом. Никто не поверит, что всевышний наполнил нектаром глиняный горшок. И мы часто познаем вкус этого нектара, лишь когда горшок разбивается. А потом удивляемся: «В такой посудине такое содержимое!»

В это время слышались крики, смех, — в крепость нагрянула ватага детей и подростков.

— Вот полюбуйся, тхакур! Мои Дхрубо, — обратился к Биллону раджа, указывая на своих питомцев.

— Тебя не забыл и тот, из-за кого ты собрал вокруг себя столько детей. Сейчас он будет здесь.

Биллон вышел и вскоре вернулся с Дхрубо на руках.

— Дхрубо! — воскликнул раджа, приняв от брахмана ребенка и прижимая его к груди. Тот молча склонил го-

лову на плечо Гобиндо Маникко. Сердечко его наполнилось обидой — ведь он столько времени ждал раджу! Ребенок в смущении спрятал лицо на груди Гобиндо Маникко.

— Все кончилось хорошо, только Ноккхотро не называл меня своим братом.

— Махараджа! — горячо отозвался Шуджа. — Каждый человек может к другому относиться по-братски, только не брат родной!

Стрела, видимо, глубоко вонзилась в сердце Шуджи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три подростка, которые появились с дервишем, оказались переодетыми дочерьми Шуджи. Вместе с ними наваб добрался до Читтагонга, намереваясь уплыть в Мекку, но, как назло, начались ливни, и ни один корабль не отправлялся в столь дальнее плавание. Тогда Шуджа вернулся в крепость и здесь узнал, что императорский отряд до сих пор разыскивает его. Гобиндо Маникко предоставил Шудже лошадей и повозки и с большой свитой отправил его к своему другу, правителю Аракана. На прощанье наваб подарил радже драгоценную саблю.

Гобиндо Маникко, Рогхупоти и Биллон вызвали к жизни всю деревню: крепость стала сердцем селения.

Прошло шесть лет. Чхотро Маникко скончался, и из Трипуры к Гобиндо Маникко прибыл гонец, который просил его снова занять трон.

— Я не вернусь в Трипуру, — ответил Гобиндо Маникко.

— Вы должны согласиться, — возразил Биллон. — Нельзя пренебрегать долгом.

Раджа посмотрел на своих последователей.

— А мои надежды, которые я лелеял столько времени, дела мои, на которые я положил столько сил, так и останутся незавершенными?

— То, что начал ты, завершу я, — промолвил Биллон.

— Без тебя я ничего не смогу сделать в Трипуре.

— Нет, махараджа, я больше тебе не нужен, теперь ты можешь рассчитывать на собственные силы. Изредка я буду навещать тебя.

Раджа с Дхрубо вернулся в свое царство. Дхрубо вырос. Под влиянием Биллона он начал изучать санскрит и шастры. Рогхупоти снова стал священнослужителем. Теперь он, казалось, ощущал в храме живое дыхание Джай Сингха.

Коварный правитель Аракана убил Шуджу и женился на его младшей дочери.

«Жестокость, с которой араканский правитель обошелся с несчастным Шуджей, сильно огорчила Гобиндо Маникко. Для того чтобы увековечить имя Шуджи, он построил в городе Комилла на средства, в которые была обращена драгоценная сабля, великолепную мечеть. Она сохранилась и по сей день и известна как мечеть Шуджи.

Стараниями Гобиндо Маникко был заселен Мехеркул. Он жаловал брахманам обширные земли, о чем записано в указах на медных пластинах. В деревне Батиша, что к югу от Комиллы, махараджа Гобиндо Маникко вырыл водоем. Махараджа начал много благих дел, но завершить их не смог, о чем сожалея, окончил земное существование в 1669 году от рождества Христова»¹.

1837

¹ Последние два абзаца заимствованы из «Истории Трипуры», составленной господином Бабу Кайлашчондро Сингхом. — *Прим. автора.*

РАССКАЗЫ

(1884—1893)

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ БЕРЕГ ГАНГИ

Если бы события отпечатывались на камне, сколько старых историй прочли бы вы на каждой моей ступеньке!

Хотите послушать рассказ о прошлом? Сядьте ко мне на ступеньки и прислушайтесь внимательно к журчанию воды — вы услышите повесть о давно минувших днях.

Мне все вспоминается одна история... Стоял тогда такой же точно день, как и сегодня. До начала месяца ашшин оставалось совсем немного. С утра дул нежный прохладный ветерок, легким трепетом пробегал по молодым листочкам, вдыхая новую жизнь в оживающую после летнего зноя природу.

Полноводная Ганга! Всего четыре мои ступеньки остались над водой. Разлившаяся река, будто нежная подруга, ласкала своей волной берег. Она дошла уже до манговой рощи, где под деревьями росли кочу. У поворота реки возвышались над водой груды давно готовых к обжигу кирпичей. Покачивались на высокой воде утреннего прилива рыбачьи лодки, привязанные к стволам акаций. Волны прилива, юные, непокорные, с плеском бились о борта лодок, шаловливо заигрывали с ними, ласково и задорно трепали их за уши-уключины.

На Гангу лило свои лучи утреннее солнце. Оно — будто червонное золото, будто яркий цветок чампа. Ни в какое другое время не увидите вы такого сияния, такой игры света! Вот лучи восходящего светила упали на отмель, на заросли камыша, который только что выбросил нежные белые метелки.

Пришли рыбаки и с возгласами: «Рам, Рам!» — стали отвязывать лодки. Эти лодки казались мне гордыми лебедями, в радостном порыве устремившимися к голубому небу. Расправив паруса, словно крылья, уносились они в солнечную даль.

Как всегда в свой обычный час, господин Бхоттачарджо с двумя кувшинами в руках идет совершать омовение. Пришли по воду девушки.

Все это было так недавно, будто вчера, — хотя вам, конечно, может показаться, что это происходило давным-давно. Мои дни легко уплывают по Ганге, играя в ее волнах, сам же я всегда неподвижен и только провожаю их глазами, поэтому времени я не замечаю. Каждый день свет моих дней и тень моих ночей падают на поверхность Ганги и каждый день стираются с нее без следа. Поэтому, хоть я с виду и стар, сердце мое всегда остается молодым. Мох прошлого не закрывает от меня солнца. Порой приплывет откуда-нибудь кусочек водоросли, пристанет ненадолго к моим ступеням, и вскоре опять его унесит течением. Разумеется, и на мне есть следы старости. В моих многочисленных трещинах, которых не касается вода Ганги, растут лианы и водоросли. Свидетели моих лет, они нежно оберегают прошлое от разрушительной силы времени, сохраняя память об этом прошлом всегда молодой, вечно юной. Но с каждым днем вода Ганги отступает все дальше и дальше, обнажая мои ступени, с каждым днем все дальше и дальше уходит от меня молодость...

Вот, закутавшись в намаболи и поеживаясь от холода, возвращается домой после омовения старуха Чоккроборти. Она перебирает четки и бормочет молитвы. А ведь в те времена, о которых я собираюсь рассказать, ее бабушка была совсем маленькой девочкой. Она очень любила, приходя к Ганге, пускать на воду листики алоэ. Справа от меня был тогда водоворот; попав в него, листик начинал кружиться, а девочка ставила на землю кувшин и с интересом наблюдала за ним. Прошло немного времени, девочка выросла, и вот вижу, пришла за водой уже со своей маленькой дочкой. Потом и у дочки появились детишки, они шалили на берегу и брызгались водой, а она, как некогда и ее мать, останавливала их

и говорила, что это нехорошо. В такие минуты я вспоминал, как их бабушка в свое время пускала кораблики из алоэ, и умилялся.

Но что же это я? Говорю и говорю все время не то, о чем хотел рассказать. Начнешь об одном, а в памяти тут же всплывает другое. Воспоминания приходят и уходят, и я не в силах их удержать. Но одна история, подобно игрушечной лодочке, попавшей в водоворот, возвращается ко мне неизменно. Она кружится возле меня со всем своим грузом событий и, кажется, вот-вот утонет. Она так же мала, как та лодочка из листика алоэ, в которой не было ничего, кроме двух цветочков. И если бы сердобольная девочка заметила, что эта лодочка тонет, она бы лишь грустно вздохнула и пошла домой.

Видите, рядом с храмом стоит сарай Гоншай, а у сарая — забор. Когда-то на этом месте (забора тогда еще не было) росла акация. Вокруг нее раз в неделю устраивали ярмарку. В те времена Гоншай еще не жили здесь. И там, где стоит сейчас их молельня, был только навес из пальмовых листьев.

А вот посмотрите на эту раскидистую смоковницу. Ее корни, словно руки с длинными, жесткими пальцами, зажали в кулак мое разбитое каменное сердце, опутали и пронизали меня насквозь. Тогда это дерево было всего лишь маленьким прутиком. Но оно росло очень быстро, радуя взор молодыми, ярко-зелеными листочками. Неверная, дрожащая тень от них весь день танцевала на моем теле, а у моей груди, будто нежные детские пальчики, вились молодые корни. Сердце сжималось от боли, если кто-нибудь срывал хоть один листочек.

Лет мне в ту пору было немало, но выглядел я прямым и стройным. А теперь я совсем согнулся, стал горбатым, как святой мудрец Аштавакра. Будто глубокие морщины, покрыли меня тысячи трещин, в недра мои забрались лягушки и проводят там в спячке долгую зиму. Тогда же я не был таким. Только с левой стороны, там, где у меня недоставало двух кирпичей, свила гнездо ласточка. Проснувшись чуть свет, она начинала деловито суесться в своем жилье, а потом, задорно пошевелив раздвоенным, как у рыбы, хвостиком, с песней взлетала в небо. «Значит, скоро придет Кушум», — размышлял я.

Девушку, о которой я расскажу вам сейчас, подруги звали Кушум. Пожалуй, это и было ее настоящее имя. Когда на воду падала тень Кушум, мне страстно хотелось удержать ее, навсегда запечатлеть на своем камне — столько в ней было очарования. Мох на мне замирал от счастья, когда на камень ступала ее нога и легонько позвякивали бубенчики на обнимавших ее ноги браслетах. Кушум не любила подолгу играть, болтать или смеяться, и все же ни у кого не было столько подруг, как у нее. Без Кушум девушкам становилось скучно. Одни называли ее Куши, другие — Кхуши, третьи — Раккуши, а мать звала Кушми. Кушум часто приходила к реке и садилась у самой воды. Она очень любила реку и тянулась к ней всем сердцем, как к самому близкому человеку.

Но вот Кушум исчезла. А однажды пришли к Ганге Бхубон и Шорно и стали плакать. Я узнал, что их Куши-Кхуши-Раккуши взяли в дом свекра. И еще услышал, что там, где она теперь живет, нет Ганги. Все там другое: и люди, и дома, и природа, а сама она, будто лотос, который пересадили в сухую землю.

Шло время, и я стал забывать Кушум. Миновал год. Девушки, приходившие к гхату, лишь изредка вспоминали о своей подруге. Но однажды вечером я вдруг ощутил прикосновение знакомых ног. Неужели Кушум? Ну конечно, она, только на ногах у нее уже не звенели браслеты. Ее ноги больше не пели. А раньше их прикосновение неизменно сопровождалось мелодичным звоном бубенчиков. Сегодня же, не услышав знакомых звуков, печально вздохнула вечерняя река да ветер жалобно застонал в манговой роще.

Кушум овдовела. Я узнал, что ее муж работал в чужой стране далеко от родины и им очень редко случалось бывать вместе. Получив известие о смерти мужа, Кушум в восемь лет стерла с пробора синдур, сняла с себя украшения и снова вернулась в родное село, на берег Ганги. Однако подруг своих она уже здесь не застала. Бхубон, Шорно, Омола вышли замуж и уехали к своим мужьям. Осталась одна только Шорот, но ходят слухи, что и ее в месяце огрохайон выдадут замуж. Кушум оказалась совершенно одна. Но теперь, когда, в мол-

чании опустив на колени голову, она сидела на моих ступенях, мне казалось, будто волны Ганги протягивают к ней свои руки и зовут: «Куши! Кхуши! Раккуши!»

Как Ганга в начале сезона дождей становится день ото дня все полноводнее и глубже, так расцветали молодость и красота Кушум. Но за вдовой одеждой и скорбным лицом люди не замечали ни юности Кушум, ни ее очарования. Никто не замечал также, что Кушум стала взрослой. Даже я. Она навечно запечатлелась в моей памяти девочкой. На ее ногах теперь уже не было браслетов, но, когда она подходила к реке, я столь же отчетливо, как когда-то, слышал их мелодичное позванивание... Незаметно пронеслось десять лет.

Последний день месяца бхадра был точь-в-точь такой, как сегодня. Ваши прабабушки, проснувшись утром, увидели такой же ласковый свет солнца, какой вы видите сейчас. Набросив на голову покрывала и взяв кувшины, они направились ко мне по воду — казалось, сияние упавших на мою грудь солнечных лучей стало еще ярче. То скрываясь за деревьями, то вновь появляясь, они шли и весело болтали о чем-то. Им и в голову не приходила мысль о вас, людях, которым суждено было явиться на свет через несколько поколений. Воображаю, как вам трудно представить себе, что когда-то и ваши бабушки забавлялись играми, что их окружал такой же точно мир, какой окружает вас, что у них, как и у вас, были свои радости и свои печали. Так вот, и им казалось непостижимым, что когда-то наступит такой же, как сегодня, осенний день, а их уже не будет в живых, и солнечная ласковая осень будет радовать других, а от их счастья и горя не останется и следа.

В тот день с утра дул легкий северный ветер, он срывал лепестки цветов акации, и они падали на омытые росой ступени. В это самое утро пришел к нам откуда-то молодой саньяси, высокий, светлокожий, прекрасный лицом и душой. И стал он жить в храме Шивы, который стоит передо мною.

О саньяси заговорила вся деревня. Девушки, отправляясь по воду, заходили в храм поклониться ему. С каждым днем народу к саньяси приходило все больше и больше.

Саньяси привлекал людей удивительной красотой и приветливостью; увидит ребенка — приласкает, посадит к себе на колени; встретит мать семейства — расспросит о домашних делах. И женщины вскоре прониклись к нему глубоким уважением. Да и мужчин приходило немало. Саньяси читал собравшимся у него жителям села «Бхагавату», разъяснял «Бхагавадгиту», рассказывал о шастрах. Народ шел к нему и за советом, и за лекарством, и за мантрами. А девушки, собравшись у реки, говорили вздыхая: «Ах, какой он красивый! Будто сам великий Шива решил посетить свой храм».

По утрам перед восходом солнца саньяси входил в Гангу и, обратившись лицом к Венере, начинал читать нараспев свои молитвы. Тогда до меня уже не доносилось журчание воды. Мне слышался только его голос, и, пока я внимал ему, алело на востоке небо, окрашивались багрянцем облака. Темнота расступалась — так раскрывается бутон перед появлением цветка, — и в небезерере, как цветок, распускалась заря.

Когда этот необыкновенный человек стоял в Ганге и молился, мне казалось, что слова его молитвы разрушают колдовство ночи, луна и звезды опускаются на западе, на востоке поднимается солнце — весь мир преображался по воле этого волшебника. Совершив омовение, саньяси выходил из Ганги, — он был подобен языку пламени священного костра: облик его был полон святости, с волос каплями стекала вода, и весь он будто сверкал в лучах восходящего светила.

Прошло еще несколько месяцев. Во время солнечного затмения в месяце чойтро толпы людей устремились к Ганге, для того чтобы совершить омовение. Около акции раскинулся большой базар. Люди приходили сюда и для того, чтобы увидеть саньяси. Из деревни, куда была выдана замуж Кушум, тоже пришло много девушек.

Саньяси с утра сидел на моих ступенях и молился. Тут и увидели его девушки. И вдруг одна из них, взглянув на саньяси, толкнула подругу и воскликнула:

— Послушай, да ведь это муж нашей Кушум!

— О боже! И в самом деле он, младший брат из семьи Чатуджей, — отозвалась вторая девушка, слегка приподняв рукою край сари, закрывавший ее лицо.

А третья, которая не очень-то прятала лицо, сказала:
— Конечно, и лоб его, и нос, и глаза.

Четвертая же, вздохнув и даже не посмотрев в сторону саньяси, промолвила, набирая в кувшин воду:

— Ах, да что вы, его давно нет в живых. Разве отсюда возвращаются? Такая, видно, несчастная у Кушум судьба.

Потом одна из девушек проговорила:

— И подбородок у него не такой.

— Он был полнее, — сказала другая.

— И ростом меньше, — добавила третья.

На этом спор кончился.

Все в деревне уже видели саньяси, не видела его только Кушум. Она совсем перестала приходить ко мне, так как здесь собиралось слишком много народа. Но однажды поздним вечером, когда на небе возшла полная луна, она, наверно, вспомнила нашу старую дружбу.

В этот поздний час у гхата уже никого не было. Завели свою монотонную песню цикады. В храме только что пробил гонг, и его последние удары отдались эхом где-то на том берегу, в тенистом лесу, и замерли. Слабый ветерок едва шевелил листву. На меня падала тень сидящей на моих ступенях Кушум. Озаренная лунным светом, перед ней тихо несла свои воды светлая Ганга, а позади — в кустах, меж деревьев, под сенью храма, у порога полуразвалившегося домика, в пальмировой роще притаилась темнота. На ветвях дерева чхатим качивались летучие мыши. Всхлипывала на куполе храма сова. Со стороны деревни доносился по временам плач шакалов.

В это время из храма неторопливо вышел саньяси. Он подошел к гхату, спустился на несколько ступенек и, увидев одиноко сидящую женщину, хотел было повернуть обратно. Но в этот момент Кушум подняла голову и обернулась. С головы девушки упал край сари, и лицо ее озарилось лунным светом. В этот миг оно было подобно лотосу, устремившему свои лепестки к луне. На мгновение их взгляды встретились. Казалось, они узнали друг друга, как будто были знакомы в ином рождении.

Где-то над головой закричала сова. Кушум вздрогнула, натянула на голову сари и, припав к ногам саньяси, совершила пронам.

— Как тебя зовут? — спросил саньяси, благословляя ее.

— Кушум, — ответила девушка.

После этого она медленно направилась к своему дому, который находился совсем рядом. А саньяси долго еще сидел на моих ступенях. И, лишь когда луна склонилась к западу и тень саньяси уже ложилась прямо перед ним, он встал и направился к храму.

С этого времени Кушум каждый день приходила к саньяси и простиралась перед ним ниц. Если саньяси объяснял шастры, она, стоя где-нибудь в сторонке, внимательно слушала его. Окончив молитву, саньяси звал Кушум и рассказывал ей священные сказания. Не знаю, все ли понимала Кушум, но только слушала она его с благоговейным вниманием. Она точно и беспрекословно следовала всем его наставлениям. Кушум свято выполняла обряд служения богу, с большим усердием убирала в храме, приносила в дар божеству цветы, мыла храм водой из священной Ганги.

Каждое слово саньяси западало ей глубоко в душу. Постепенно взору ее открылся неведомый доселе мир, а душа распахнулась навстречу новой жизни. Она увидела и услышала то, о чем раньше не имела даже понятия. Тень печали не омрачала больше ее лица. Когда по утрам она в благоговении припадала к ногам саньяси, то казалась омытым росой цветком, принесенным в дар богу. Девушка вся светилась тихой радостью.

Был конец зимы, и вечерами с юга дул теплый ветер. Небо стало по-весеннему голубым. В деревне после долгого зимнего перерыва вновь заиграла флейта и полились звуки песен. Гребцы оставили свои весла и, пустив лодки по течению, запели гимн Кришне. В неумной радости перекликались друг с другом птицы. Пришла весна!

Весенний ветер вдохнул в мое каменное сердце молодость, мои лианы наполнялись радостью, ощущением юности, и каждый день на них появлялись все новые и новые пышные цветы. Все это время я не видел Кушум. Она перестала ходить в храм, не приходила к реке и не встречалась с саньяси.

Я никак не мог понять, что случилось. Но вот как-то вечером они снова встретились на моих ступенях.

— Пробху, вы звали меня? — спросила Кушум, опустив голову.

— Звал. Скажи мне, что случилось? Ты совсем забыла всевышнего?

Кушум молчала.

— Открой мне свою душу.

Кушум слегка отвернулась и промолвила:

— Пробху, я грешная и потому не могу, как прежде, служить богу.

— Кушум, — очень ласково проговорил саньяси, — я чувствую, что тебя тяготит что-то.

Кушум вздрогнула — может быть, у нее мелькнула мысль, что он сам обо всем догадался? Глаза девушки наполнились слезами, она бессильно опустилась на ступеньки к ногам саньяси и, закрыв лицо краем сари, рыдалась.

— Скажи мне, что тебя тревожит, — проговорил саньяси, немного отодвигаясь, — я укажу тебе путь к покою.

— Я скажу, раз вы приказываете. Я не сумею рассказать все так, как нужно, но вы, я думаю, и так все знаете. — В голосе Кушум звучали беспредельная преданность и почитание. Она то запиналась от волнения, то совсем умолкала.

— Пробху, я поклонялась, как богу, одному человеку. Я молилась на него, и этой радостью почитания было переполнено все мое сердце. Но однажды ночью мне приснилось, будто он — хозяин моего сердца, будто он сидит со мною под деревом бокул, держит мою руку в своей и говорит мне слова любви. И я не видела в этом ничего странного, ничего невозможного. Я проснулась, но чары сна не исчезли. Когда на следующий день я увидела этого человека, то смотрела на него уже по-другому. Из головы у меня не шел тот сон. Полная страха, я старалась быть подальше от этого человека, но сон неотступно преследовал меня. С тех пор в моем сердце нет покоя, нет светлой радости, нет благочестия.

Когда Кушум говорила все это, вытирая катившиеся по щекам слезы, я смотрел на саньяси: он собрал все свои силы, чтобы подавить охватившие его чувства.

— Ты должна сказать, кого ты видела во сне, — проговорил саньяси, когда Кушум кончила исповедь.

— Не могу, — ответила Кушум, молитвенно сложив руки.

— От этого зависит твое счастье. Скажи мне, не таясь, кто он?

Кушум изо всех сил сжала свои нежные руки.

— Я непременно должна сказать это? — спросила она с мольбой.

— Да, непременно.

— Пробху, это ты! — воскликнула Кушум и, теряя сознание, упала на мои холодные колени. Саньяси словно окаменел.

Когда Кушум пришла в себя, саньяси медленно проговорил:

— Ты всегда следовала моим советам и на этот раз должна выполнить то, что я скажу тебе. Мы не должны больше видеться, и я сегодня же уйду отсюда. Забудь меня. Обещаешь?

Кушум встала и, посмотрев в лицо саньяси, сказала:

— Пробху, будет так, как ты хочешь.

— Тогда прощай!

Кушум не вымолвила больше ни слова, только простерлась перед ним ниц и, взяв прах от его ног, возложила себе на голову.

— Он приказал забыть его, — проговорила Кушум и с этими словами медленно вошла в Гангу.

Девушка выросла у этой реки, кто же, если не Ганга, протянет Кушум руку помощи в трудный для нее час? Луна зашла за облака, и все вокруг окутал мрак. Послышался всплеск. Что случилось? Я не мог ничего понять. Подул ветер, словно желая погасить даже звезды, чтобы никто ничего не видел.

Никогда больше не придет Кушум посидеть у меня на коленях, она закончила свои земные игры. Она ушла навсегда, и я не знаю куда.

РАССКАЗ ДОРОГИ

Я — дорога. Когда-то проклятие святого превратило Ахалью в камень, так и мне, проклятой кем-то, словно громадному удаву, погруженному в глубокий сон, суждено вечно лежать. Я покрываю собой большие расстояния, огибаю различные страны, прокладывая свой путь сквозь тенистые рощи, леса и горы. С безграничным терпением превращаясь в пыль, я жду, когда с меня снимут проклятие. Всегда спокойная и неподвижная, я в то же время не знаю ни минуты покоя. Немалый труд требуется, чтобы на моем жестком высохшем ложе появились нежные мягкие зеленые стебли травы, немало времени у меня уходит и на то, чтобы заставить расцвести у своего изголовья крохотный голубенький цветок. Я лишена дара речи, но чувствую все. День и ночь шаги. Только шаги. Звуки миллионов и миллионов шагов, как вечный кошмар, преследуют меня в глубоком сне. По прикосновению ног я читаю сердца людей. Я умею угадывать, кто возвращается домой, а кто отправляется в чужие края, кто идет на работу, а кто на отдых, кто спешит на праздник, а кто — на кладбище. Шаги людей, довольных своей семейной жизнью, тех, кто живет под сенью радости, рисуют мне картину счастья; каждый шаг их словно сеет семена надежды, и кажется, что там, где ступила нога их, зацветут лианы. Людям, которые не знают семьи и не имеют пристанища, все равно, куда идти — налево или направо, шаги их словно

вопрошают все время: «Зачем я иду? Зачем стою?» — и от этого моя и без того сухая пыль становится еще суше.

Мне не дано услышать ни одного рассказа земли до конца. Вот уже много, много веков я прислушиваюсь к смеху, песням, словам миллионов и миллионов людей, но услышать мне удастся лишь самую малость. Только я приготавлиюсь слушать до конца, как человека уж нет. Никому не ведомо, сколько отрывочных фраз, строк из песен, превращенных в прах и смешанных с моей пылью, разметало повсюду.

Вот послушайте, что пел как-то один прохожий:

Я так хотел ей признаться, но ничего не сказал.

О путник, остановись, дай мне дослушать твою песню! Но он ушел. И теперь эта единственная строчка всю ночь будет звучать у меня в ушах, я буду размышлять о том, что за человек прошел. Ведь я даже не знаю, куда он держал путь. Вернется ли он когда-нибудь сказать то, что хотел? Или же снова, повстречавшись на дороге, молча взглянет в лицо ей, медленно с поникшей головой побредет назад и снова пропоет ту же строку:

Я так хотел ей признаться, но ничего не сказал.

Возможно, где-то существуют законченность и постоянство, но я никогда не имела случая убедиться в этом. Мне не дано сохранить надолго даже один чей-либо след. Следы непрерывно ложатся на дорогу, но вот ступила новая нога и стерла след предыдущей. Прохожий не оставляет после себя ничего. Тысячи подошв мгновенно втопчут в пыль то, что случайно обронит путник. Правда, мне случалось наблюдать, как живое семя, брошенное в мою пыль добродетельным человеком, давало ростки, росло и наконец рядом со мной выросло дерево, дарующее тень новым путникам.

Ни для кого я не являюсь целью, я лишь средство. Я не служу ни для кого домом, а только провожаю всех домой. Я вечно скорблю о том, что никто не останавливается на дороге, никто не хочет остаться со мной. Люди, чей дом далеко, проклинаят меня, и никогда я не слышу слов благодарности от тех, кого с неизменным терпением довожу до порога жилища. С домом связаны отдых, сча-

стве, радость встречи, со мной — лишь бремя усталости, разлука. Временами откуда-то издалека, из чьего-то окошка долетит до меня на крыльях волна нежного смеха, сверкнет в лучах солнца, но тотчас же испуганно замирает. Вкушу ли я когда-нибудь хоть каплю радости, что выпадает на долю жилища!

Правда, иногда и мне кое-что достается. Дети, щебеча и смеясь, приходят ко мне поиграть. Они приносят с собой радость своих очагов, благословение отцов, любовь матерей, частицу домашнего уюта. Моей пыли дети отдают свою любовь. Они собирают ее в кучки и нежно убаюкивают, ласково похлопывая маленькими ручонками. Они разговаривают с ней, вкладывая в каждое слово всю свою детскую незапятнанную душу. Но, увы, даже на такую любовь я не в силах ответить!

Когда крохотные ласковые пальчики касаются меня, я начинаю казаться себе чрезмерно грубой и боюсь причинить боль детским ножкам. В такие минуты мною овладевает желание стать мягкой и нежной, как цветы. Ведь Радха еще говорила: «Там, где ступают его алые, как заря, ноги, пусть станет землей мое тело».

Почему же ноги, алые, как заря, ходят по грубой земле? А впрочем, не ступай они по земле, нигде в мире не росла бы зеленая трава.

Лучше всего я знаю тех, кто ежедневно проходит по мне. Они и не подозревают, что всякий раз я поджидаю их, а в душе даже нарисовала их образы.

Много времени прошло с тех пор, как я ощущала прикосновение нежных девичьих ног. Они приходили сюда каждый день в сумерки, приходили издалека, колокольчики браслетов жалобно звенели на них. Я догадывалась, что на губах девушки лежит печать молчания и что ее огромные, как вечернее небо, глаза полны печали. Усталая и безмолвная, она садилась у подножья баньяна, росшего по левую сторону от меня, там, где ответвляется тропинка, ведущая к человеческому жилью. В это же время, рассеянно напевая, возвращался с работы один человек. Мне кажется, он никуда не смотрел, нигде не останавливался, — лишь взглянет, быть может, на звезды

в небе, а затем скроется за дверьми своего дома, оборвав свою вечернюю песнь. Он исчезнет, и девушка, усталая, возвращается той же дорогой, какой пришла. Когда девушка шла обратно, я знала, что уже стемнело. Всем своим телом я ощущала холодное прикосновение ночной темноты. Тогда неожиданно смолкал вечерний вороний крик, и никто из путников больше не появлялся. Лишь ветер шуршал в зарослях бамбука.

Каждый день девушка тихо приходила сюда и так же тихо уходила. Но однажды в конце месяца фальгун, когда ветер срывал увядшие лепестки цветов манго, тот человек не прошел по тропинке в свой дом. В тот раз девушка ушла поздно ночью. Несколько слезинок упало в мою сухую теплую пыль, — так с деревьев падает засохший лист. На следующий день девушка снова ждала его у баньяна, но он опять не пришел. Глубокой ночью девушка медленно побрела домой. Она сделала шаг, другой, — но, не в силах идти дальше, упала на меня, в пыль, и, закрыв лицо руками, громко зарыдала. О, кто ты? Та, что пришла искать приюта у меня на груди? Неужели твой любимый еще более жесток, чем я! Еще более нем, чем я! Неужели тот, на кого ты смотрела с надеждой, еще более слеп, чем я!

Девушка поднялась, вытерла глаза и скрылась в лесу. Быть может, она вернулась домой и по-прежнему хлопот по хозяйству, никому не рассказывая о своем горе, и лишь по вечерам, освещенная лунным светом, долго сидит одна во дворе; кто-нибудь позовет ее, и девушка, вздрогнув, скроется в доме. Однако с того дня я больше никогда не ощущала на себе прикосновения ее ног.

Много шагов замерло на дороге, — разве могу я удержать их все в памяти!

Но жалобный звон колокольчиков на ногах той девушки мне и теперь иногда вспоминается. Только нет у меня времени горевать. Да и о ком горевать? Сколько таких несчастных приходит и уходит!

Какой нестерпимый зной! Стоит мне вздохнуть, и раскаленная пыль серым облаком взлетает к голубому небу. Богатые и бедные, счастливые и несчастные, дряхлые и юные, веселые и грустные, живые и мертвые, все

исчезают, подобно потоку пыли, не задерживаясь на дороге. Вот почему дорога не знает смеха, не знает слез. Дом тоскует о прошлом, заботится о настоящем, с надеждой вглядывается в будущее. А дорога? Она лишь занята приемом сотен тысяч случайных гостей. Да и какой человек, даже преисполненный гордости за свою поступь и за каждый свой шаг, пожелает запечатлеть на мне след своей ноги навечно? Ты уйдешь, а разве глубокие вздохи, которые ты оставляешь здесь за собою, будут рыдать о тебе или вызовут слезы на глазах новых пришельцев? Разве воздух может быть неподвижным, когда дует ветер? Нет, нет, напрасные старания! Я ничего не храню — ни смеха, ни слез!

Я только существую.

РАСЧЕТЫ

Когда в семье Рамшундора Миттро, уже имевшего пять сыновей, родилась дочь, счастливые родители назвали ее Нирупوما. Это светское имя до сих пор не встречалось в роду Рамшундора. Детей здесь чаще всего нарекали именами богов — Ганеша, Картика или Парвати.

Прошло время, и Нирупوما стала невестой. Отец начал подыскивать ей жениха, но никак не мог найти подходящего. Наконец он нашел. Это был единственный сын райбахадура. Когда-то райбахадур был богат, однако со временем солидный капитал, доставшийся ему некогда в наследство от предков, изрядно поубавился. Но это не смущало Рамшундора: главное — райбахадур был знатного рода.

Отец жениха потребовал в приданое десять тысяч рупий и в придачу много других вещей. Рамшундор, не подумав как следует, согласился, лишь бы не упустить столь родовитого жениха.

Однако собрать нужную сумму оказалось не так-то легко. Хотя Рамшундор продал и заложил все, что только мог, ему не хватало еще около семи тысяч рупий. А день свадьбы все приближался и наконец наступил. В последний момент нашелся было человек, который под огромные проценты согласился ссудить Рамшундору недостающую сумму, но и тот неожиданно раздумал.

И вот во время свадебного обряда началась перепрачка. Напрасно Рамшундор умолял райбахадура подождать с уплатой.

— Пусть свершится благое дело, — говорил он. — А долг я непременно отдам.

— Нет, — упорствовал райбахадур. — Пока я не получу всех денег, моему сыну нечего здесь делать!

В этот момент на женской половине дома кто-то горько заплакал. Там находилась главная виновница всех неприятностей. На нее уже надели красное чели и украшения, на лоб нанесли рисунок сандаловой пастой, и теперь она ожидала решения своей участи. Нельзя сказать, чтобы это происшествие вызвало у нее чувство нежной привязанности и глубокого уважения к будущим родственникам.

К счастью, все уладилось. Неожиданно жених отказался подчиниться отцу и заявил:

— Не понимаю, к чему вся эта торговля. Я пришел жениться, и женюсь!

— Вы только подумайте! Вот как ведет себя нынешняя молодежь! — жаловался отец, когда дело приняло такой оборот.

— А все потому, что никто их больше не учит шастрам и правилам поведения! — поддакнул кто-то из стариков.

Столь ядовитые плоды современного воспитания, от которых, видимо, вкусил и его сын, вконец расстроили райбахадур, и свадьба прошла грустно.

Расставаясь с дочерью, Рамшундор крепко прижал ее к своей груди, и на глазах у него показались слезы.

— Папа, неужели мне не позволят бывать у тебя? — спросила Ниру.

— Почему же? Я сам буду заходить за тобой, — успокаивал ее отец.

Рамшундор сдержал слово — он часто навещал дочь. Но у своих новых родственников он не пользовался уважением. Даже слуги в этом доме и те смотрели на него с презрением. Лишь иногда удавалось ему поговорить с Ниру с глазу на глаз. Да и то всего лишь несколько минут и к тому же не на женской половине: туда его не пускали.

Не мог гордый Рамшундор терпеть и дальше унижения, которым он подвергался в этом доме. «Ничего не пожалею, а деньги отдам!» — говорил он себе. Однако

долги давили на него тяжким бременем. Пришлось сократить до минимума даже самые необходимые расходы и прибегать ко всяким уловкам, чтобы не попадаться на глаза кредиторам.

Между тем жизнь Ниру в доме свекра с каждым днем становилась все безрадостней. Стоило кому-нибудь непочтительно отозваться о ее семье, а это случалось довольно часто, как она запиралась в своей комнате и горько плакала. Но больше всего доставалось ей от свекрови. Бывало, скажет кто-нибудь о Ниру:

— Какая красивая — глаз не отведешь!

А свекровь презрительно фыркнет:

— Тоже нашли красавицу! Так же хороша, как вся ее семейка!

Никто не заботился о Ниру, и если какая-нибудь сердобольная соседка замечала, что Ниру плохо одета или похудела, свекровь сразу же ее обрывала:

— За такое приданое и это хорошо! — Как будто Ниру была виновата в том, что отец ее не в состоянии уплатить долга. Все в доме считали, что Нирупона обманом вошла в их семью, не имея на это никакого права.

Очевидно, до Рамшундора доходили слухи о том, как издеваются над его дочерью. Поэтому он решил в конце концов продать свой дом.

«Арендную дом у нового хозяина», — думал он, но никому не говорил о своем намерении, полагая, что при помощи такой простой уловки ему удастся до самой смерти скрыть продажу дома от сыновей. Однако они узнали об этом, начались скандалы. Особенно возражали трое старших сыновей, у которых уже были дети. Натиск был слишком силен — пришлось Рамшундору отказаться от своей затеи.

Тогда Рамшундор снова начал занимать деньги под высокие проценты у кого только мог. И вот настал день, когда оказалось, что семье Рамшундора не на что жить.

В те редкие минуты, когда Ниру встречалась с отцом, его осунувшееся лицо, поседевшие волосы, удрученный вид и вымученная улыбка ясно говорили ей о нужде и тяжелых заботах. Чувствуя себя виноватым перед дочерью, Рамшундор не в силах был скрыть от нее свою боль. Ниру понимала все.

Всей душой желала она побыть несколько дней в доме отца, чтобы хоть как-нибудь утешить его страдающее сердце. Она чувствовала, что не может больше оставаться вдали от него.

— Отец, возьми меня домой! — попросила она как-то.

— Хорошо, — согласился Рамшундор.

Но как мог он это сделать? Ведь в семье зятя он ничего не значил. Даже для того, чтобы просто повидаться с дочерью, Рамшундор был вынужден всякий раз испрашивать особое разрешение, как будто за те деньги, которые он должен был райбахадуру, продал свои отцовские права. Однако отказать Ниру в ее просьбе у отца не хватило духу, и он снова стал раздобывать деньги.

Лучше не рассказывать о том, сколько унижений, оскорблений и мучительного стыда пришлось ему испытать, прежде чем он собрал три тысячи рупий. Лишь после этого Рамшундор решился изложить свою просьбу райбахадуру.

Рамшундор аккуратно обернул банковые билеты платком, завязал их в край чадора и отправился в дом свата. Принужденно улыбаясь, он вначале завел разговор о последних новостях. Обстоятельно поведал о крупной краже у Хорекришно; похвалил Нобинмадхоба, поругал его брата Радхамадхоба; передал различные слухи о новой эпидемии, которая началась в городе. Затем отложил в сторону хукку и как бы невзначай сказал:

— Да, свояк, ведь я тебе должен, каждый день собираюсь отдать, да все забываю. Старею, видно...

После столь длинного предисловия Рамшундор небрежно вынул три банковых билета по тысяче рупий. Однако райбахадур презрительно расхохотался.

— Стану я пачкаться с такой мелочью, оставь ее себе, сват, мне она не нужна.

Обескураженный, Рамшундор не решился попросить, чтобы дочь его отпустили домой, он только подумал: «О, всевышний! И зачем я так робею перед ними!»

Он долго молчал, но наконец все же осмелился изложить свою просьбу.

— Нет, нельзя! — отрезал райбахадур и, не считая нужным хоть как-то объяснить свой отказ, ушел.

Дрожащими руками Рамшундор завязал в чадор банковые билеты и вернулся домой, так и не повидавшись с дочерью. Он дал себе слово, что не переступит порога этого дома до тех пор, пока не выплатит всех денег и не будет вправе требовать, чтобы его дочери разрешили хоть изредка появляться в доме своего отца.

Шло время, Нирупوما не раз посылала за отцом, но он не приходил. В конце концов она обиделась и не стала больше звать его. Рамшундор невыносимо страдал, но в доме свата по-прежнему не показывался.

Наступил ашшин. И Рамшундор сказал себе:

— Я приведу Ниру на праздник Дурги, или...

И он дал самую страшную клятву.

На пятый или шестой день ашшина старик завязал в чадор банковые билеты и уже совсем собрался идти, когда к нему подбежал пятилетний внук и спросил:

— Дедушка, ты идешь покупать мне коляску?

Мальчик давно мечтал покататься в коляске. Затем подошла внучка, которая была всего на год старше малыша, и обиженно сказала, что ей не в чем пойти в гости на праздник.

Рамшундор курил трубку за трубкой и горестно вздыхал, думая о том, что во время праздника его невесткам придется идти к райбахадуру в жалких нарядах и украшениях, словно они самые последние бедняки. Но сколько он ни думал, ничего придумать не мог — только морщины на лбу стали глубже.

Когда старик вошел в дом райбахадура, на душе у него было очень тяжело, в его ушах еще звучали плач внучат и мольбы сыновей. На этот раз Рамшундор уже не ощущал робости. Он шел как по собственному дому и не опускал униженно глаз под взглядами привратников и слуг. Самого райбахадура дома не оказалось, и Рамшундору велели подождать. Не в силах сдержать волнения, он прошел к дочери. От радости у обоих из глаз полились слезы. Плакал отец, плакала дочь, некоторое время они не могли произнести ни слова. Наконец Рамшундор сказал:

— Теперь я возьму тебя на праздник, дочка, и никто мне не запретит!

Неожиданно дверь отворилась, и в комнату вошел старший сын Рамшундора со своими детьми.

— Отец, ты что — собираешься по миру нас пустить?

Рамшундор вспыхнул.

— Что же, из-за вас я должен в ад идти? Вы хотите, чтоб я стал клятвопреступником!

Оказалось, что старик снова надумал продавать дом и принял целый ряд предосторожностей, чтобы сыновья не узнали. Но каким-то образом это до них дошло. Рамшундор был вне себя от негодования.

А тут еще внук подошел и, прижавшись к нему, пролепетал:

— Дедушка, ты еще не купил мне коляску?

Рамшундор опустил голову. Не получив ответа, мальчик подбежал к Ниру.

— Тетенька, ты купишь мне коляску?

Этого было достаточно. Нирупоме все поняла.

— Отец, если ты дашь свекру еще хоть пайсу, ты меня больше не увидишь, я это твердо решила, — сказала она.

— Не надо так говорить, — возразил Рамшундор. — Ведь этот долг — позор и для меня и для тебя!

— А по-моему, позорно платить эти деньги! Разве твою дочь нельзя уважать просто так, без денег?! Я не кошелек, который ценят лишь до тех пор, пока в нем есть деньги! Нет, отец, не обижай меня! Да муж вовсе и не требует, чтобы ты платил!

— Но ведь иначе они никогда не пустят тебя домой, дочка!

— Что ж поделаешь, пусть не пускают. И не проси их больше об этом!

Дрожащими руками Рамшундор перекинул через плечо край чадора с завязанными в нем деньгами. Домой он возвращался, точно вор, избегая взглядов встречных.

Однако то, что произошло в комнате Ниру, не осталось тайной. Любопытная служанка все подслушала и сообщила своему хозяину. Гневу райбахадура не было границ!

Отныне пребывание в доме свекра превратилось для Нирупомы в настоящую пытку. Безрадостное положение

ние молодой женщины отягощалось еще тем, что вскоре после свадьбы ее муж получил должность помощника судьи и уехал в другую местность. Встречаться с отцом и родными ей совсем запретили: нечего, мол, набираться дурных привычек в таком обществе!

Вскоре Ниру тяжело заболела. Но не следует, однако, возлагать вину за это только на свекровь. Ниру сама перестала думать о себе и совсем не обращала внимания на свое здоровье. В холодные дни месяца картик дверь у изголовья ее постели оставалась по ночам открытой; зимой она ходила почти раздетой. Ела плохо, и если служанки забывали принести ей еду, никогда им об этом не напоминала. Молодая женщина привыкла к мысли, что в этом доме она только приживалка и целиком зависит от милости хозяев. Но и это пришлось не по вкусу сварливой супруге райбахадура. Заметив, что Ниру ест с неохотой, она набрасывалась на нее с упреками:

— Подумаешь, богатая наследница! Ей, видите ли, не нравится пища таких бедняков, как мы...

При всяком удобном случае она говорила:

— Посмотрите-ка на нее, полюбуйтесь — вся высохла, точно щепка.

Ниру чувствовала себя все хуже и хуже, но свекровь заявляла, что все это притворство.

Наконец настал день, когда Ниру с мольбой в голосе обратилась к свекрови:

— Мать, позволь мне хоть раз взглянуть на отца и братьев!

— Опять за свое, — услышала она в ответ.

А к вечеру Ниру умерла... В этот день ее впервые осмотрел врач; больше его звать не пришлось.

Зато обряд сожжения был совершен со всею торжественностью — ведь покойница была женой старшего сына! Такого костра, сложенного целиком из сандалового дерева, не видел еще никто в округе. Церемония похорон была обставлена с такой пышностью, что молва о величии райбахадура разнеслась повсюду. Подобную пышность мог разрешить себе лишь какой-нибудь райчоудхури, когда во время праздника Дурги бросают в воду изображение богини. Иначе и быть не могло! Ведь по-

койная принадлежала к дому райбахадура... Говорили, что ради этих похорон райбахадур даже влез в долги.

Рамшундору, стараясь утешить его, наперебой рассказывали, с какой роскошью хоронили его дочь.

Тем временем от помощника судьи пришло письмо.

«Я уже устроился на новом месте, — писал он родителям, — пришлите ко мне жену!»

Супруга райбахадура ответила:

«Сын, мы подыскали тебе другую жену. Бери отпуск и поскорей приезжай домой».

На этот раз райбахадур потребовал в приданое двадцать тысяч рупий и поставил условие: деньги вперед.

[1891]

ПОЧТМЕЙСТЕР

Он был почтмейстером в деревне Улапур. С этого началась его служба. Деревня была очень маленькой, но неподалеку от селения находилась фабрика красок, и ее хозяин добился, чтобы при фабрике открыли новую почтовую контору.

Почтмейстер был родом из Калькутты, и в этой глухой деревушке чувствовал себя, как рыба, которую вытащили из воды. Его контора помещалась в темной, крытой соломой хижине, расположенной неподалеку от пруда, со всех сторон окруженного густыми зарослями. Жил он одиноко. У рабочих фабрики свободного времени почти не было, и потом — что они за компания для порядочного человека!

К тому же почтмейстер не умел сближаться с людьми. Попад в незнакомое общество, он то робел, то становился заносчив. Словом, у почтмейстера не было ни друзей, ни знакомых, а работа отнимала у него очень мало времени. От скуки он даже пытался сочинять стихи, в которых с жаром доказывал, что счастлив тот, кто целыми днями может слушать шелест листьев и смотреть на облака, плывущие по небу. Но одному всевышнему известно, как обрадовался бы бедный почтмейстер, если бы однажды ночью какой-нибудь дух из арабских сказок заменил все растения и деревья на земле мощеной улицей и рядами каменных домов, за которыми не видно было бы белоснежных облаков в небе.

Жалованье почтмейстер получал небольшое. Поэтому он сам готовил себе пищу и еще кормил девочку-сироту, которая ему прислуживала. Девочку звали Ротон, ей минуло уже не то двенадцать, не то тринадцать лет, но о замужестве она не могла и мечтать.

Вечерами, когда над коровниками клубился пар, а в кустах трещали сверчки, когда вишнунты где-то, совсем на другом конце деревни, под аккомпанемент барабана, пели песни, у нашего поэта, очарованного шелестом листвы, начинало трепетно биться сердце, он зажигал в углу хижины тусклую лампу и окликал:

— Ротон!

Ожидая, пока ее позовут, девочка сидела за дверью, но, когда раздавался голос почтмейстера, входила не сразу.

— Что, бабу? Что вам нужно? — спрашивала она, не вставая со своего места.

— Ты что делаешь?

— Я хотела развести огонь в очаге. Там на кухне...

— Огонь разведешь потом, а сейчас приготовь мне трубку, — говорил почтмейстер.

Через некоторое время девочка входила в комнату. Надувая щеки, она изо всех сил дула в трубку, стараясь разжечь ее.

— Послушай, Ротон, — спрашивал вдруг почтмейстер, беря трубку из ее рук, — ты помнишь свою мать?

О, это было так давно! В памяти девочки сохранились лишь смутные, отрывочные воспоминания о том времени. Она, например, помнила, что отец любил ее больше, чем мать, но лицо его она почти совсем забыла. С работы он возвращался поздно вечером.

Ротон усаживалась прямо на полу у ног почтмейстера и погружалась в воспоминания. Она любила рассказывать о своем маленьком братишке, с которым однажды, очень давно, в пасмурный день, играла на берегу грязного тенистого пруда в рыбную ловлю. Удочкой им служила ветка, сорванная с дерева. Такие, совсем, казалось бы, незначительные случаи, запечатлелись в памяти девочки гораздо ярче тяжелых моментов ее жизни. Пока они разговаривали, наступала глубокая ночь, и почтмейстеру уже не хотелось готовить ужин. Тогда

Ротон быстро разводила огонь и пекла несколько лепешек; они ели их с соусом, оставшимся от завтрака, и этого вполне хватало обоим.

Иногда и почтмейстер начинал вспоминать о родном доме, о маленьком брате, матери, старшей сестре, — о тех, чья судьба тревожила и волновала его здесь, на чужбине. На фабрике почтмейстеру не перед кем было открыть свою душу, и он, ничуть не стесняясь, поверял свои думы этой маленькой девочке, которая в конце концов стала в разговорах с ним называть его родных: «мама», «диди», «дада», — так, словно знала их давным-давно. В своем маленьком сердечке Ротон уже нарисовала их образы.

В тот день небо прояснилось, подул ласковый теплый ветерок; аромат влажных трав, высыхающих под лучами жаркого солнца, казался горячим дыханием истомленной земли и обжигал тело. Какая-то надоедливая птица с утра до вечера печально и монотонно повторяла свою бесконечную жалобу.

Работы у почтмейстера сегодня не было, и от нечего делать он всецело погрузился в созерцание открывшейся перед ним картины: лениво колыхались ветки деревьев, чуть шелестя листвой, умытой дождем и от этого чистой и глянцевой до блеска, клубились в небе ярко освещенные солнцем облака — разбитые полчища отступившей бури. Почтмейстер смотрел на все это и думал: «Если бы хоть один близкий человек был сейчас со мной рядом, хоть одно любимое существо, которое я мог бы прижать к сердцу!» Молодому человеку чудилось, будто сегодня, в безмолвии знойного полдня, именно об этом поют неугомонные птицы и шелестит листва... Кто бы подумал, что почтмейстеру из маленькой деревушки, получающему мизерное жалованье, могут прийти в голову подобные мысли!

Почтмейстер тяжело вздохнул:

— Ротон!

Девочка в это время лежала под гранатовым деревом и ела еще не созревшие плоды. На зов она сразу же побежала к хижине и, запыхавшись, спросила:

— Вы меня звали?

— Давай-ка я поучу тебя читать. — Целый день почтмейстер обучал девочку азбуке. Так они занимались несколько дней. Скоро Ротон одолела самые сложные буквы.

Стоял месяц срабон. Казалось, дождям не будет конца. Канавы, рвы, ямы до краев были полны водой. День и ночь то монотонно шумел дождь, то голосисто квакали лягушки. Дороги размыло так, что ходить по ним не было никакой возможности, и на рынок приходилось добираться на лодках.

В один из таких дней, когда с самого утра, не переставая, лил дождь, Ротон, как обычно, сидела за дверью. Но на этот раз почтмейстер долго не звал ее. Тогда девочка взяла книгу с замусоленными страницами и тихонько вошла в комнату. Почтмейстер лежал на кровати. Ротон подумала, что он отдыхает, и хотела выйти, как вдруг услышала:

— Ротон!

Она быстро обернулась:

— Вы спали, дада?

— Мне кажется, что я заболел. Потрогай-ка мой лоб, видишь, какой он горячий, — слабым голосом произнес почтмейстер.

Его больное тело, измученное одиночеством и ненастьем, жаждало заботы, внимания. Он вспомнил, как когда-то нежные руки, униженные браслетами из ракушек, касались его пылающего лба, когда он бывал болен. Ему хотелось думать, что и здесь, в этом мрачном доме, любимые, заботливые женщины, мать и сестра, с ним рядом... Страстное желание изгнанника было удовлетворено: Ротон уже не была прежней маленькой девочкой и теперь заменила ему мать. Она позвала лекаря, в положенное время поила больного лекарством, ночи напролет просиживала у его постели, сама готовила ему пищу и по сто раз на день спрашивала:

— Дада, вам как будто немного лучше, правда?

Наконец почтмейстер поднялся с постели. Он так ослаб, что едва держался на ногах.

«Нет, — решил он, — отсюда во что бы то ни стало надо бежать». И он отправил в Калькутту прошение

о переводе его в другое место, ссылаясь при этом на вредный климат.

А Ротон уже не прислуживала больному. Она снова заняла место за дверью. Но почтмейстер больше не звал ее, как прежде. Временами девочка заглядывала потихоньку в комнату и видела, что он сидит на стуле, безразлично глядя в пространство, или спит. Ротон напряженно прислушивалась, не зовет ли ее почтмейстер. Но тому было не до нее: он с нетерпением ожидал ответа на свое прошение. Сидя за дверью, девочка в тысячный раз повторяла старые уроки: она боялась, что, когда ее вдруг позовут, она все забудет.

Так прошла неделя. Наконец однажды вечером ее позвали. С бьющимся сердцем Ротон вбежала в комнату и спросила:

— Вы звали меня, дада?

— Ротон, завтра я уезжаю, — проговорил почтмейстер.

— Куда, дада?

— Домой.

— А когда вернетесь?

— Никогда.

Больше Ротон ни о чем не спрашивала. Почтмейстер сам обо всем рассказал ей: и о том, что подавал прошение, и что пришел отказ, и поэтому он увольняется со службы и уезжает домой. Долго сидели они молча.

Тускло горела лампа: капли дождя, просачиваясь сквозь дырявую крышу, шлепались в специально подставленную для этого глиняную посуду.

Спустя некоторое время Ротон медленно поднялась и пошла на кухню печь лепешки. Но на этот раз работа не спорилась у нее, как бывало. В ее голове родились тысячи мыслей. После ужина девочка вдруг спросила:

— Дада, а меня вы с собой возьмете?

— Разве это возможно? — рассмеялся почтмейстер.

Молодой человек не счел нужным объяснить девочке, почему он не может взять ее с собой, и его смех всю ночь звучал в ушах Ротон, всю ночь она снова и снова слышала его слова: «Разве это возможно?»

Когда на следующее утро почтмейстер поднялся с постели, он увидел, что вода для умывания уже пригото-

влена. Следуя калькуттской привычке, он умывался дома. О времени отъезда девочка не решилась у него спросить и поэтому еще ночью натаскала воды, чтобы все было готово заранее. Умывшись, почтмейстер позвал Ротон. Она тихо вошла в комнату и в ожидании приказаний молча глядела на господина.

— Ротон, — проговорил молодой человек, — ты не беспокойся, того, кто приедет на мое место, я попрошу заботиться о тебе.

Сказал он это вполне искренне и очень ласково, но кто поймет женское сердце? Девочка часто и безропотно терпела ругань своего господина, но тут не выдержала.

— Нет, нет, ничего не нужно говорить обо мне! Я не хочу здесь оставаться, — разрыдалась она.

Почтмейстер удивился: он никогда не видел Ротон такой взволнованной.

Но вот приехал новый почтмейстер. Сдав ему дела, молодой человек приготовился к отъезду. Перед тем как уехать, он позвал девочку.

— Ротон, я ни разу как следует не отблагодарил тебя. Вот возьми хоть эту мелочь, на несколько дней хватит...

Почтмейстер вынул из кармана свое жалованье и, оставив себе только на дорожные расходы, протянул девочке деньги, но Ротон упала на колени и, обхватив его ноги, воскликнула:

— Дада, умоляю вас, не надо мне ничего, ничего. Я не хочу, чтобы обо мне заботились. — И она с плачем убежала.

Почтмейстер тяжело вздохнул; повесил на руку кофровую сумку, взял зонтик и, поставив на голову носильщика жестяной сундучок, пестро раскрашенный голубыми и белыми линиями, медленно побрел к лодке.

Когда лодка отчалила, а волны разбухшей от дождей реки забурлили, словно поток слез, хлынувших из недр земли, сердце молодого человека сжалось от острой боли. Полное страдания лицо девочки стояло перед ним; казалось, в нем воплотилась вся скорбь мира. На мгновение у почтмейстера возникло сильное желание вернуться и увезти с собой сироту, брошенную всеми. Но в это время полил дождь, ветер надул паруса, и лодка быстро помчалась по реке. Вскоре деревня осталась далеко позади,

показалось кладбище. Равнодушному сердцу почтмейстера, увлекаемому течением быстрой реки, вдруг открылась истина: в жизни много встреч, много смертей. Зачем возвращаться? Ведь никто в мире никому не принадлежит.

Но Ротон не могла утешать себя философией. Заливаясь слезами, она бродила вокруг почтовой конторы. В душе девочки все еще теплилась слабая надежда, ей казалось, что ее дада вернется, и она никак не могла уйти от дома.

О безрассудное сердце! Как далеко оно от законов логики! Ему свойственно заблуждаться. Не считаясь ни с какими доказательствами, оно пытается силой удержать ложную надежду. Но наступает время, и эта надежда, опустошив душу и испепелив сердце, покидает нас. Тогда мы становимся более рассудительными и уже боимся снова совершить ошибку.

[1891]

Ж Е Н У Ш К А

За несколько лет до окончания школы нашим учителем был господин Шибонатх. Он брил усы, бороду и стриг волосы, оставляя лишь коротенькую тикку на макушке. Когда ученики видели господина Шибонатха, сердце у них сжималось от страха.

Нет на свете таких животных, у которых было бы и жало и зубы. Но у нашего господина учителя было и то и другое. Мало того, что на учеников, как дождь стрел, сыпались удары, шлепки и пощечины, учитель выматывал их души еще и язвительными замечаниями.

Господин Шибонатх любил сокрушаться о том, что теперь между учителем и учениками нет тех отношений, какие существовали в древние времена, и что ученики не почитают учителя, как бога. И господин Шибонатх всем своим непризнанным божественным величием обрушивался на головы учащихся, а иногда так кричал и употреблял такое количество бранных слов, что уже никто не мог, даже по ошибке, принять его вопли за божественные раскаты грома.

Как бы то ни было, никто в нашей школе не заблуждался настолько, чтобы признать в этом божестве третьего класса Индру, Варуну или Картику; если господин Шибонатх и напоминал кого-нибудь из небожителей, так это бога Яму. Теперь, когда прошло столько времени, не страшно, да и не грешно сознаться, что в

душе все мы очень желали господину учителю как можно скорее отправиться в обитель вышеназванного божества.

Совершенно ясно, что нет большего бедствия, чем земные боги. Боги, обитающие на небесах, никого не притесняют. Получат какой-нибудь плод с дерева и уже довольны, не получают — все равно не возмущаются. Зато у земных богов аппетит куда больше, и стоит совершить малейшую оплошность, как глаза их наливаются кровью и начинают преследовать вас. Разве можно после этого почитать их, как богов!

Для того чтобы унижить мальчиков, у нашего учителя было одно, на первый взгляд, весьма безобидное оружие, которое в действительности очень больно ранило. Господин Шибонатх давал детям прозвища. Что такое имя? Всего лишь слово, но люди простые дорожат им больше, чем собой. На какие только страдания не идет человек, чтобы покрыть свое имя славой, сделать его бессмертным! Ради этого он готов пожертвовать даже собственной жизнью. И когда уродуют имя, столь дорогое человеческому существу, то наносят удар по самым чувствительным струнам его души. Если человека по имени Бхутонатх¹ назвать Нолиниканто², он едва ли снесет это.

Из всего вышесказанного следует, что для человеческого существа бóльшую ценность представляет духовное, чем материальное начало; для человека важнее самого золота — его цена, важнее жизни — честь, а своей особы — имя.

Поэтому, когда господин учитель, хорошо знавший этот скрытый закон человеческой натуры, называл Шошишекхора «Бхетки»³, мальчик сильно огорчался. Ведь в этом прозвище таился намек на его сходство с этой рыбой, что усугубляло страдания. Однако что поделаешь, бедняге приходилось молча и безропотно сносить оскорбления.

Ашу учитель прозвал «женушкой». С этим прозвищем связана целая история.

Ашу был самым робким и спокойным в классе. Очень

¹ Б х у т о н а т х — повелитель духов.

² Н о л и н и к а н т о — прекрасный, как лотос.

³ «Б х е т к и» — название рыбы.

застенчивый, он почти ни с кем не разговаривал и, вероятно, был младше всех; когда к нему обращались, он лишь мягко улыбался в ответ. Ашу превосходно учился. Многие хотели бы с ним дружить, но мальчик ни с кем не играл и сразу после занятий уходил домой, ни на минуту не задерживаясь в школе.

Иногда из дому к Ашу приходила служанка и приносила в небольшом бронзовом кувшинчике воду, а в корзине из листьев немного сладостей. Мальчик чувствовал себя очень неловко и вздыхал с облегчением, когда служанка уходила. Он ни за что не хотел показывать другим свое превосходство и всячески скрывал от сверстников, из какой он семьи, кто его родители, братья и сестры, словно это было тайной.

Ашу так учился, что придраться к нему было нельзя. Правда, иногда он опаздывал на урок. Когда господин Шибонатх спрашивал о причине опоздания, мальчик никогда не мог толком ответить. За это его подвергали очень унижительному наказанию. Господин Шибонатх ставил Ашу у лестницы в коридоре, заставив согнуть спину и положить руки к себе на колени; смущенный и несчастный мальчик стоял в такой позе на виду у учеников четырех классов.

Однажды, это было на другой день после праздника, господин учитель явился в класс, уселся на свой стул и стал выжидательно поглядывать на дверь; в комнату, держа в руках грифельную доску и закапанный чернилами мешочек с учебниками, еще более робко, чем обычно, вошел Ашу.

— Вот и «женушка» пришла, — сказал господин Шибонатх, сухо усмехнувшись.

Когда началась перемена, господин учитель обратился к классу:

— Послушайте, что я вам расскажу.

Казалось, все силы земного тяготения потянули Ашу к земле, но маленький мальчик под пытливыми взглядами учеников продолжал сидеть на скамейке, между ног у него беспомощно болтался выскользнувший из-за пояса край дхоти.

В этот день Ашу стал намного взрослее. Несомненно, в его жизни будет еще много горьких, унижительных

дней, но ни один не оставит после себя столь глубокую рану в сердце мальчика, как этот.

А случай был совсем незначительный, и рассказать его можно в двух словах.

У Ашу была маленькая сестренка; у нее не было ни подруг, ни сестер-сверстниц, поэтому мальчик играл с ней.

Вокруг дома Ашу шла крытая с железными перилами галерея. В тот злополучный день нагнало много туч и полил сильный дождь. Несколько прохожих, держа в одной руке зонтик, а в другой свою обувь, шли по дороге; они торопились и сосредоточенно смотрели вперед. Под шум дождя Ашу весь день играл с сестрой на лестнице галереи.

Они играли в кукольную свадьбу. Ашу, весьма озабоченный приготовлениями, давал наставления своей сестренке. Тут они вспомнили, что нужен жрец. Откуда же его взять? Вдруг девочка заметила на галерее какого-то человека, быстро подбежала к нему и спросила:

— Будете нашим жрецом?

Ашу оглянулся. Сам господин Шибонатх, насквозь промокший, стоял на их галерее и складывал свой зонтик! Он шел по дороге, когда полил дождь, и укрылся здесь. И вот маленькая девочка предложила ему стать жрецом на кукольной свадьбе!

Узнав учителя, Ашу бросил игру и мгновенно скрылся в доме. День отдыха был для него испорчен.

Назавтра, когда господин Шибонатх, сухо рассмеявшись, назвал Ашу «женушкой», в качестве предисловия рассказав этот случай, бедный мальчик попытался принять какое-то участие в общем веселье и улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой. В это время прозвенел звонок, и уроки в других классах тоже кончились. У входа в школу, как обычно, стояла служанка Ашу, в руках она держала сверкающий бронзовый кувшинчик с водой и сладости, завернутые в листья салового дерева.

Лицо и уши мальчика запылали, на лбу вздулись вены. Ашу не смог сдержать горячего потока слез.

А господин Шибонатх в это время рассеянно покуривал трубку в комнате отдыха.

Дети в буйном веселье окружили Ашу и начали кричать «женушка». И мальчику стало казаться, что, играя с маленькой сестренкой в тот праздничный день, он совершил самый постыдный поступок в своей жизни, и ему не верилось, что когда-нибудь люди забудут об этом.

Н Е Р А З У М Н Ы Й Р А М К А Н А И

Только злые языки да любители поднимать шум по пустякам могли утверждать, что, в то время когда Гуручорон умирал, его жена Бородашундори играла в карты на женской половине дома. Вовсе нет. Она в это время сосредоточенно жевала холодный рис с креветками, заедая его стручками зеленого перца и плодами тамаринда. Услышав, что ее зовут, она отставила пустое блюдо, около которого лежала целая куча изжеванных остатков от овощей и плодов, и сердито проворчала:

— Даже поесть не дадут спокойно.

Едва ушел доктор, брат Гуручорона, Рамканаи, сел у изголовья умирающего и сказал:

— Дада, если хочешь, продиктуй мне завещание.

— Хорошо, пиши, — едва слышно проговорил умирающий.

Рамканаи приготовил перо и бумагу.

— Все движимое и недвижимое имущество завещаю законной супруге моей Шримоти Бородашундори, — произнес Гуручорон.

Рамканаи писал, но перо не слушалось его, — он так надеялся, что бездетный брат оставит все свое имущество его единственному сыну Нободдипу! Хотя братья жили раздельно, жена Рамканаи мечтала о том же. В надежде, что сын ее получит богатое наследство, она даже не разрешила ему поступить на службу, рано женила, и брак этот, назло врагам, не остался бесплодным. Наконец завещание было готово. Рамканаи дал его брату.

подписать. В замысловатой закорючке, которую вывел дрожащей рукой умирающий, трудно было разобрать имя Гуручорона.

Когда, доев свой рис, пришла жена, Гуручорон уже не в силах был разговаривать — началась агония. Бородашундори разрыдалась. Те, которые лишились надежд на наследство, говорили, что она лила крокодиловы слезы, но вы этому не верьте!

Мать Нободдипа, услышав о завещании, подняла скандал.

— Старик, видно, рехнулся перед смертью! — вопила она. — Такой замечательный племянник у него, а он...

Рамканаи очень уважал жену. Настолько уважал, что иные считали это уважение просто страхом. Однако на сей раз и он не выдержал:

— Милая, пусть у старика помутился перед смертью разум, но ты-то еще в своем уме. Зачем же так шуметь? Брат умер, зато я жив, мы обо всем потолкуем с тобой, только в другое время.

Как только Нободдипу сообщили о болезни дяди, он тотчас же приехал, но Гуручорона уже не было в живых.

— Посмотрим, кто будет хоронить тебя по всем правилам, — грозил он покойному, — я, во всяком случае, не собираюсь этого делать.

Гуручорон был взбалмошным человеком и мало считался с общественным мнением. Ему, например, очень нравилось есть пищу, запрещенную шастрами. А когда его за это называли христианином, Гуручорон поддразнивал собеседника:

— Ну, уж если я стану христианином, то буду есть говядину!

Таким он был всю жизнь, и вряд ли теперь, после смерти, его можно было запугать голодом, который ему предстояло испытать на том свете, если он не будет похоронен согласно обряду. Но никакой другой мести Нободдип придумать не мог. «Пока я жив, — размышлял молодой человек, — я и без дядюшкиного наследства заработаю на пропитание, а вот пусть он попробует на том свете выпросить себе хоть крошку...» У живых все же много преимуществ.

Между тем Рамканаи сказал Бородашундори:

— Госпожа, твой супруг оставил тебе все свое имущество. Вот завешание. Спрячь его в железный сундук, да подальше.

В это время вдова как раз голосила, тут же на месте сочиняя длинные заубойные причитания. Ей вторили несколько служанок. Скорбные вопли женщин разбудили всю деревню. Но появление вышеупомянутого клочка бумаги нарушило гармонию, и хор расстроился.

— О, какое несчастье, какое несчастье! — причитала Бородашундори. — А кто писал завешание? Ты!.. О, кто теперь будет заботиться обо мне? Кто пожалеет меня!.. Прекратите, не кричите все сразу, дайте мне выслушать!.. Почему я не умерла раньше, зачем только осталась жить...

«Да, это случилось, вероятно, по воле злого рока», — вздохнул про себя Рамканаи.

Дома за Рамканаи взялась мать Нободдина. Как бык, попавший с телегой в канаву, беспомощно стоит под градом ударов возчика, так и Рамканаи молча терпел все упреки. Наконец он грустно промолвил:

— Разве я виноват? Я ведь не Гуручорон.

Но жена продолжала шипеть:

— Ну конечно, ты не виноват, ты благородный, ты ничего не понимаешь. Брат сказал: «Пиши», — ты и пишешь. Все вы хороши! Небось тоже собираешься пойти по его стопам: когда я умру, возьмешь в дом какую-нибудь уродливую ведьму, а моего золотого мальчика выгонишь на улицу. Но можешь на это не рассчитывать, я не скоро умру.

Представляя себе все те ужасы, которые в будущем совершит ее супруг, женщина все больше и больше распалялась.

Рамканаи знал по опыту — стоит ему заявить хоть малейший протест против всех этих фантастических обвинений, как буря с новой силой обрушится на его голову. Поэтому он виновато молчал, будто и в самом деле уже умер и лишил Нободдина наследства, завещав все свое имущество второй жене.

А Нободдин, надо сказать, не терял времени. Пока супруги ссорились, Нободдин советовался с опытными друзьями. Наконец он пришел и сказал матери:

— Не волнуйся, я получу дядюшкино наследство. Только нужно отца отправить куда-нибудь на время. Если он останется здесь, ничего не получится.

Мать Нободдипа, не питавшая никакого уважения к умственным способностям супруга, сразу же согласилась с доводами сына. Никчемный и к тому же упрямый Рамканаи по настоянию жены был послан под каким-то предлогом в Бенарес.

А тем временем Нободдип подал в суд, обвинив Бородашундори в подделке завещания, и предъявил экземпляр завещания, на котором была ясно видна подпись Гуручорна; нашел он и нескольких «не заинтересованных в деле» свидетелей. Узнав об этом, Бородашундори в свою очередь подала в суд на Нободдипа. Однако у Бородашундори единственным свидетелем был отец Нободдипа, да и подпись завещателя на ее экземпляре разобрать было очень трудно. Ободрял женщину только живший в ее доме двоюродный брат:

— Не беспокойся, сестра, я выступлю на суде, найду и других свидетелей.

Когда все было подготовлено, мать Нободдипа вызвала супруга из Бенареса, и он с зонтом и саквояжем приехал домой.

— Ваш покорный слуга прибыл. Каковы будут приказания госпожи? — попробовал пошутить старик, сложив руки в знак приветствия.

— Ладно, ладно, нечего дурачиться. Столько времени пропадал, а о нас ни разу и не вспомнил.

Долго еще супруги обменивались подобными любезностями. Мать Нободдипа сказала, что любовь мужчины все равно что привязанность мусульманина к курице. Весьма трудно установить, когда именно научился отец Нободдипа столь изысканно разговаривать с женщинами, во всяком случае, в долгу перед супругой он не остался:

— Уста женщины, — сказал он, — полны очарования, но язык у нее острый, как бритва.

Между тем совершенно неожиданно Рамканаи вызвали в суд в качестве свидетеля. Озадаченный супруг тщетно пытался понять, в чем дело. Но явилась мать Нободдипа

и, плача, поведала о том, что безобразная ведьма не только лишила Нободдипа наследства, которое должно по справедливости достаться ему от любящего дяди, но еще и собирается посадить ее золотое дитя в тюрьму...

Догадавшись в конце концов, в чем дело, Рамканаи решился и громко сказал:

— Ну и делишками вы здесь занимаетесь!

Тут супруга отбросила всякое притворство и сказала:

— Разве Нободдип виноват в чем-нибудь? С какой стати он должен отказываться от наследства?

Скажите на милость, что остается делать блестящему, хорошо воспитанному молодому человеку — законному наследнику, если откуда-то появляется вдруг ведьма, убийца своего мужа, дочь прокаженного, и рассаживается как у себя дома. Эта ведьма околдовала дядю, вот он и написал такое завещание. И теперь золотой мальчик просто старается поправить дело. Разве это несправедливо?

Когда несчастный Рамканаи понял, что жена и сын заодно, он стукнул себя кулаком по лбу и замолчал. Старик даже есть и пить перестал.

Так прошло два дня. Наконец наступил день суда. Нободдип угрозами и посулами сумел так повлиять на двоюродного брата Бородашундори, что тот согласился дать показания в пользу Нободдипа. Богиня победы была уже готова покинуть Бородашундори и перекинуться на сторону ее врагов, но в этот момент судья вызвал Рамканаи.

Истощенный двухдневным постом старик с трудом поднялся со своего места. Во рту у него пересохло от жажды. Опытный и ловкий адвокат приступил к перекрестному допросу. Он начал издалека и, осторожно задавая каверзные вопросы, приближался к сути дела.

Рамканаи повернулся к судье и умоляюще сложил руки:

— Господин, я слабый старик. Я не в состоянии долго говорить — скажу коротко. Перед смертью Гуручорон Чоккроборти, мой покойный брат, завещал все свое состояние госпоже Бородашундори, своей жене. Я сам писал это завещание под диктовку брата, и тот его подписал. Завещание же, представленное моим сыном,

фальшивое, — тут старика начало трясти, и он упал в обморок.

Адвокат, наклонившись к сидевшему рядом прокурору, удивленно поднял брови и прошептал:

— Вот неудача! Как растерялся человек!

А двоюродный брат Бородашундори тем временем побежал домой.

— Ну, сестра, старик ничего не добился, — радостно сообщил он Бородашундори. — Процесс мы выиграли! Скажи спасибо мне! Слыхала бы ты, какие я давал показания!

— Вот уж, правда, никогда не узнаешь человека. А я-то считала старика порядочным, — проговорила женщина.

После долгих размышлений друзья арестованного Нободдица решили, что дело приняло такой оборот исключительно из-за трусости старика. Несомненно, он был невменяем, когда стоял перед судом. Второго такого круглого дурака во всем городе не сыщешь.

Дома у Рамканаи началась нервная горячка, и вскоре неразумный, бестолковый отец скончался, повторяя в бреду имя своего сына. А кое-кто из родственников — я не хочу называть их имена — сказал после смерти старика:

— Случись это немного раньше — все было бы в порядке.

[1891]

РАЗРЫВ

Бономали и Химаншу были очень дальними родственниками, но и это родство можно было доказать лишь путем долгих изысканий. Семьи их издавна жили по соседству, разделял их лишь сад. Отсутствие близких родственных связей восполнялось дружбой.

Бономали был намного старше Химаншу. В те времена, когда у Химаншу не было еще зубов и он не умел говорить, Бономали брал его на руки и гулял утром и вечером с ним по саду; он играл с малышом, успокаивал, когда тот плакал, укладывал спать и не видел ничего позорного в том, что ему, взрослому человеку, развлекая малыша, приходится быстро мотать головой, сюсюкать, словом, делать все то, что в его возрасте выглядит смешным и странным.

Бономали не отличался рвением к учебе. Сад и маленький Химаншу всецело завладели его душой и разумом. Бономали ухаживал за мальчиком, как за редким и очень ценным экземпляром лианы, отдавая ему весь запас своей сердечной теплоты. И когда малыш, заслонив собою весь мир, подобно лиане, обвился вокруг Бономали, последний почувствовал себя особенно счастливым.

Натуры, которые легко и до конца приносят себя в жертву маленьким прихотям или малому ребенку, или же неблагодарному другу, встречаются крайне редко; они, забыв об огромном мире, все богатство своей души, не задумываясь, вкладывают в одну-единственную незначи-

тельную привязанность. Иногда им удается прожить свою жизнь, довольствуясь скромным доходом, который они получают от вклада, но бывает и так, что однажды на рассвете они распродают все свое имущество и, став нищими, идут скитаться по свету.

Когда Химаншу подрос, между ним и Бономали, несмотря на родственные отношения и большую разницу в возрасте, установилось нечто вроде дружбы. Шло время, разница в возрасте ощущалась все меньше и меньше. Случилось это вот почему. У Химаншу была сильная тяга к знаниям. Он с жадностью прочитывал любую книгу, какая ни попадалась ему под руку. Правда, он прочел много всякой чепухи, однако это не помешало развитию его умственных способностей. Бономали с почтением слушал рассуждения мальчика, внимал его советам, обсуждал с ним все вопросы, важные и незначительные, и никогда не отвергал его участия в любом деле из-за того, что он мал. Нет в мире более любимого человека, чем тот, которого ты вырастил, которому отдал всю силу своей первой любви, если к тому же с возрастом он становится достойным уважения за свой ум, знания и возвышенную натуру!

Химаншу тоже увлекался садом. Но здесь между друзьями существовала разница. Увлечение Бономали шло от сердца, а у мальчика от ума. У Бономали была врожденная потребность заботливо ухаживать за слабыми растениями, этими неодушевленными ростками жизни, которые сами не требуют ухода, однако, получая его, растут лучше и которые более беспомощны, чем человеческие дети. Отношение Химаншу к растениям было исполнено любопытства. Он интересовался только тем, как прорастает семя, как появляются ростки, почки, а затем цветы.

В голове Химаншу рождались различные идеи по поводу того, как сажать семена, как прививать растения, как удобрять почву, как построить изгородь для вьющихся растений, а Бономали с радостью следовал им. Вдвоем друзья, насколько это было в их силах, изменили природу и внешний вид части сада.

В саду перед домом Химаншу соорудил нечто вроде помоста. Ровно в четыре часа Бономали переодевался

в легкое платье, накидывал на плечи помятый чадор, брал трубку и устраивался в тени его. Он сидел там один, без друзей, без родных. Не брал с собой ни книги, ни газеты, он только покуривал трубку и изредка из-под опущенных век лениво смотрел по сторонам. Время тянулось медленно и спокойно, — так же улетали кольца дыма из его трубки, — они разбивались, сталкивались друг с другом в воздухе, но никогда не оставляли после себя следа.

Наконец Химаншу возвращался из школы. Попив воды и умывшись, он появлялся в саду, и Бономали, поспешно отложив трубку, вскакивал со своего места. Нетрудно было догадаться, кого он поджидал так долго и с таким терпением.

Затем друзья гуляли по саду. С наступлением сумерек они усаживались на скамью, — южный ветерок шелестел листвою. В тихие дни, когда не было ветра, деревья стояли словно нарисованные, а над головой, закрывая собой почти все небо, сияли звезды.

Говорил Химаншу, Бономали молча его слушал. Бономали нравились даже те рассуждения мальчика, которые были ему непонятны, все разглагольствования Химаншу, в устах другого вызвавшие бы только раздражение, казались Бономали чрезвычайно интересными. А Химаншу, получив в лице Бономали такого почтительного взрослого слушателя, давал волю своим ораторским и умственным способностям, своему воображению и получал при этом огромное удовольствие.

Пересказывал ли Химаншу то, что прочел, рассказывал ли о том, что передумал, излагал ли мысли, промелькнувшие в его голове, он почти всегда восполнял фантазией недостаток знания. Мальчик говорил много верного, но и много неправильного, однако Бономали все выслушивал одинаково серьезно, иногда сам вставлял слово, другое, соглашался с тем объяснением, которое получал в ответ от Химаншу, а затем на следующий день, усевшись в тени и покуривая трубку, подолгу с изумлением размышлял над услышанным.

Но вот как-то раз произошло недоразумение. Дело в том, что между садом семьи Бономали и домом родителей Химаншу пролежала канава для стока воды.

У этой канавы росло лимонное дерево. Каждый раз, когда на нем появлялись плоды, слуга семьи Бономали пытался собрать их, а слуга семьи Химаншу мешал ему. И тут поднималась такая ругань, что, будь она материальной, ею можно было б заполнить всю ту злополучную канаву.

А вслед за этим разразился скандал между отцом Бономали — Хорочондро и родителем Химаншу — Гокулчондро. Обе стороны заявили о своих правах в суд. Адвокаты, ведя за собою целую армию воинов, ринулись в бой, и началась долгая словесная война. Денег обе стороны потратили больше, чем бывает воды в вышеупомянутой канаве даже в разливы месяца бхадра.

В конце концов победу одержал Хорочондро. Было доказано, что канава принадлежит ему и что никакое другое лицо не имеет никаких прав на лимонное дерево. Решение суда было обжаловано, но канава и лимонное дерево остались во владении Хорочондро.

Пока шло судебное разбирательство, дружба Бономали и Химаншу была все такой же крепкой. Больше того, Бономали в страхе, как бы тень ссоры не легла между ними, пытался еще сильнее привязать к себе Химаншу, а последний не выказывал ни малейшего недовольства.

В тот день, когда Хорочондро выиграл дело в суде, в его доме, особенно на женской половине, царило бурное веселье, только Бономали всю ночь не мог сомкнуть глаз. На следующий день после полудня Бономали появился в саду такой расстроенный, как будто не кто другой на земле, а именно он потерпел самое тяжелое поражение.

Время шло, пробило шесть часов, а Химаншу все не приходил. Тяжело вздохнув, Бономали взглянул на дом своего друга. Сквозь открытое окно он сумел разглядеть на вешалке школьную одежду Химаншу и по другим, хорошо знакомым ему признакам понял, что мальчик дома. Оставив трубку, он принялся в волнении ходить по саду, то и дело бросая взгляды на окно, но Химаншу так и не вышел.

Когда зажглись вечерние огни, Бономали медленно побрел к дому друга.

У дверей сидел Гокулчондро — он дышал свежим воздухом.

— Кто там? — спросил он.

Бономали вздрогнул, словно пойманный на месте преступления.

— Я, дядя, — дрожащим голосом ответил юноша.

— Зачем ты пришел? — спросил Гокулчондро. — В доме нет никого!

Бономали вернулся в сад и молча сел на свое обычное место.

Спускалась ночь, и юноша наблюдал, как одно за другим закрывались окна в доме Химаншу, как постепенно погасли лампы, свет которых пробивался сквозь щели в дверях. Бономали показалось, что все двери дома Химаншу захлопнулись перед ним и он один остался в кромешной тьме.

На следующий день Бономали снова пришел в сад, он надеялся, что Химаншу выйдет. Он не допускал мысли, что никогда больше не увидит мальчика.

Бономали не думал, что их дружба может что-либо помешать; он не знал, насколько неосмотрительно было ставить счастье всей своей жизни в зависимость от этой дружбы. И вот сегодня он неожиданно понял: узы его дружбы с Химаншу порвались. Однако сердце ни на миг не хотело верить этому.

Каждый день Бономали сидел в саду, надеясь, что Химаншу забредет туда хотя бы случайно. Но, увы, надежды его не оправдались.

«Химаншу, наверное, придет завтракать с нами», — подумал Бономали в воскресенье. Он и сам-то не верил в это, но не надеяться все же не мог... Прошло утро, а мальчик не появлялся.

«Значит, он придет после завтрака», — сказал тогда себе Бономали. Но Химаншу не пришел. «Видимо, лег спать после завтрака. Проснется и явится», — успокаивал себя Бономали. Не знаю, когда проснулся мальчик, но он и после завтрака не пришел.

Снова наступил вечер, и, как накануне, одна за другой закрылись двери, погасли лампы в доме Химаншу.

Когда жестокая судьба отняла у Бономали все семь дней недели, от понедельника до воскресенья, и не оставила ни дня для надежды, несчастный устремил затуманенный слезами взор, исполненный обиды и укора, на запертый дом семьи Химаншу и, вложив всю силу своего страдания и горечи в одно слово, воскликнул:

— Сжальтесь!

СЛАВА ТАРАПРОШОННО

Как и все писатели, Тарапрошонно был немного робок, застенчив и, встречаясь с людьми, совершенно терялся. Спина у него сгорбилась, зрение ослабло оттого, что он целыми днями сидел дома и водил пером по бумаге. Простые и привычные в обиходе слова не приходили ему на ум, и потому вне дома, который был для него крепостью, он чувствовал себя беспокойно.

Многие считали его придурковатым, и, право же, их нельзя винить в этом!

Случалось, кто-нибудь, знакомясь, взволнованно говорил ему:

— Не могу выразить, как я рад знакомству с таким господином, как вы... — а Тарапрошонно вместо ответа с сосредоточенным вниманием рассматривал собственную ладонь.

Это неожиданное молчание надо было понимать так:

— Ваша радость вполне естественна, что же касается меня, то я думаю о том, как лучше соврать, что я тоже исключительно рад.

Бывало, кто-нибудь из состоятельных хозяев приглашал его к обеду, мариновал до вечера, а потом низко кланялся и умолял простить за столь скромное угощение, говоря:

— Извините... Ничего особенного. Так, кое-что... Мелочь... Только беспокою уважаемого господина...

Тарапрошонно молчал, и это молчание красноречивее слов доказывало, что он согласен с хозяином.

Однажды какой-то деликатный человек сказал Тарапрошонно, что в нынешние времена трудно встретить такого ученого человека, как он, и что не иначе, как сама богиня Сарасвати сошла с лотоса и переселилась к нему на уста. Тарапрошонно не возразил ни единым словом, будто и в самом деле Сарасвати живет у него на устах. Между тем ему следовало бы знать, что люди, которые хвалят вас в глаза и в то же время ругают себя, надеются, что вы станете возражать, и потому сильно преувеличивают, если же вы примете все за чистую монету, ваш собеседник сочтет себя оскорбленным. В таких случаях люди не обижаются, когда им доказывают, что они не правы.

С родными у Тарапрошонно были совершенно другие отношения. Даже его жена Даккхайони не решалась вступать с ним в спор.

— Ну-ну, сдаюсь, — обыкновенно говорила она. — У меня есть другие дела.

Много ли на свете счастливых мужей, которые могут заставить собственную жену признать себя побежденной в словесной войне?

Жизнь Тарапрошонно текла гладко. Даккхайони твердо верила, что другого такого ученого и умного мужа на свете нет. И, ничуть не смущаясь, говорила об этом.

— А у тебя было с кем сравнивать? — спрашивал Тарапрошонно.

Даккхайони сердилась.

Ее постоянно терзала мысль, что никто не знает о необыкновенных талантах ее супруга. Сам он не делал ни малейшей попытки стать известным. Его произведения никогда не печатались.

Иногда Даккхайони удавалось упросить мужа почтить что-нибудь, и чем меньше она понимала, тем удивительнее ей казалось написанное. Она слушала «Рамаяну» Криттибаша, «Махабхарату» Кашидаша, «Чонди-монгол» Кобиконкона и даже древние сказания в переложении бродячих певцов. Все это было ясно и прозрачно, как ключевая вода. Даже неграмотный мог

легко разобраться в этом. Но такого поразительного умения писать совершенно непонятно, каким обладал ее муж, она никогда не встречала.

Даккхайони втайне мечтала о том времени, когда произведения мужа будут наконец напечатаны, никто не поймет в них ни строчки и весь народ будет повергнут в изумление.

— Печатайся! — тысячу раз повторяла она мужу.

— Как говорил великий Ману, — отвечал на санскрите Тарапрошонно, — «истинные плоды зреют в тиши».

У Тарапрошонно было четверо детей, и все — девочки. Даккхайони считала, что в этом ее вина и что поэтому она недостойна столь гениального мужа. Муж с такой легкостью пишет совершенно непонятные книги, а она рождает ему одних девчонок! Разве достойно это настоящей жены?

Когда старшая дочь подросла и стала ему по грудь, Тарапрошонно потерял покой. Теперь он постоянно думал о том, что дочерей пора выдавать замуж, но для этого нужны были немалые средства.

— Если бы ты хоть раз серьезно подумал об этом, мы избавились бы от всяких забот, — совершенно спокойно говорила жена.

— Неужели? — с удивлением спрашивал Тарапрошонно. — Что же я должен делать, скажи, пожалуйста?

— Поезжай в Калькутту, напечатай свои книги, пусть люди узнают о тебе, — тогда увидишь, как деньги сами потекут к нам.

Постепенно уверенность жены передалась Тарапрошонно, и он решил, что написанного им за все время вполне достаточно, чтобы выдать замуж девушек всей деревни.

Началась предотъездная суматоха. Даккхайони не могла отпустить своего изнеженного, беззащитного и беспомощного мужа одного. Кто напомнит ему о еде и одежде, кто защитит его от всех превратностей жизни?

Да и непрактичный муж страшился отправляться в незнакомое место с женой и детьми. Наконец Даккхайони нашла себе достойного заместителя, рассказала ему обо всех привычках своего супруга и снабдила тысячью наставлений. Затем она прочла над мужем множество

заклинаний и, обвешав его амулетами, отпустила в дорогу. Оставшись одна, Даккхайони бросилась на пол и зарыдала.

В Калькутте Тарапрошонно с помощью ловкого помощника опубликовал свое произведение под названием «Солнце Веданты». На это ушла большая часть денег, полученных за украшения Даккхайони, которые он заложил.

«Солнце Веданты» было разослано в книжные магазины и всем крупным и мелким издателям для обсуждения. Один экземпляр Тарапрошонно отправил жене заказной бандеролью, — он страшно боялся, что почтовые служащие украдут его книгу где-нибудь в пути.

В тот день, когда Даккхайони впервые увидела имя своего мужа на обложке книги, она созвала всех женщин деревни на угощение. Книгу положили на самое видное место, туда, где должны были сидеть гости.

— Боже милостивый! — громко сказала Даккхайони, когда все расселись. — Кто это бросил здесь книгу? Оннода, дорогая, будь добра, передай ее мне, пожалуйста, я положу на место.

Оннода была единственной гостьей, которая умела читать.

Книга была помещена на полку.

В следующее мгновение Даккхайони, сделав вид, что достает что-то с подставки, сбросила ее оттуда.

— Шоши, — обратилась она к старшей дочери, — не правда ли, ты хочешь почитать книгу отца? Возьми, дитя мое, почитай! Не стесняйся!

Но это предложение не вызвало у Шоши ни малейшего энтузиазма.

— Как тебе не стыдно, дочь моя! — упрекнула ее мать спустя несколько минут. — Ты портишь книгу своего отца, отдай ее Комоле, она поставит ее на шкаф.

Если бы книги обладали способностью чувствовать, одного дня таких мучений было бы достаточно, чтобы «Солнце Веданты» закатилось.

Между тем в газетах стали появляться критические статьи. Предсказания Даккхайони во многом оправдались. Не появив в книге ни единого слова, критики были изумлены.

— Никогда еще не выходило в свет ничего подобного! — в один голос твердили они.

— Если вместо целого вороха наших драм и романов появятся два-три таких произведения, бенгальскую литературу можно будет читать, — говорили те из них, которые не читали ничего, кроме мемуаров Рейнольдса в переводе на бенгальский язык. Что же касается тех, которые отродясь не слыхали, что такое Веданта, то они писали следующее: «Наше мнение не всегда совпадает с мнением господина Тарапрошонно, но за неимением места мы не можем остановиться на этом. В целом же наши точки зрения совпадают».

Между прочим, одного этого уже достаточно, чтобы книгу «в целом» стоило бы сжечь.

Секретари всех библиотек, существующих и несуществующих, вместо денег отправляли ему печатные бланки с просьбой прислать им его книгу. Многие при этом писали: «Ваша глубокая книга восполнит огромный пробел в нашей литературе».

Тарапрошонно не совсем понимал значения слов «глубокая книга», но с радостно бьющимся сердцем разослал бандероли с «Солнцем Веданты» во все библиотеки.

Как раз в тот момент, когда Тарапрошонно расцветал от многочисленных похвал, пришло письмо от Дакхайони, в котором она сообщала, что должна скоро родить. Вместе со своим телохранителем Тарапрошонно кивулся по магазинам получать деньги.

Хозяева магазинов дружно отвечали, что ни одна книга не была продана. Только в одном магазине им сообщили о заказе, который пришел откуда-то из провинции; магазин тотчас послал книгу заказчику наложенным платежом, но она вернулась назад — никто не взял. Хозяину магазина пришлось оплатить стоимость посылки, и теперь он был так зол, что собирался немедленно вернуть автору все его книги.

Возвратившись домой, Тарапрошонно долго думал о происшедшем, но ничего не мог понять. Чем больше он думал о своем «глубоком» сочинении, тем больше волновался. Наконец, собрав оставшиеся деньги, он, не мешкая, отправился назад в деревню.

Представ перед женой, Тарапрошонно блестяще разыграл веселость. Даккхайони, радостно улыбаясь, ждала приятных вестей.

Тарапрошонно сначала бросил ей «Гоурбартабохо». Читая, Даккхайони от всего сердца желала его редактору здорового сына и неиссякаемого богатства и благословляла его перо. Окончив чтение, она посмотрела на мужа. Тот открыл перед ней «Нобопробхат». Растерявшаяся от счастья Даккхайони снова подняла на мужа вопрошающие, полные нежности глаза.

Тарапрошонно достал «Джугантор», затем «Бхарот-бхаггочокро», затем «Шубходжагорон», затем «Оруналок», затем «Шомбадторонгобхонго». А потом посыпались: «Аша», «Агомони», «Уччхаш», «Пушпомонджори», «Шохочори», «Шита-гезет», «Бюллетень Ахальялай-брери», «Лолито шомачар», «Котал», «Бишшобичарок», «Лабоннолотика».

Даккхайони плакала и смеялась от радости.

Наконец, утерев слезы, она посмотрела в лицо мужа, озаренное лучами славы.

— Вот смотри, сколько еще газет!

— Вечером посмотрю. Какие еще новости? — спросила она.

— Когда я был в Калькутте, жена губернатора опубликовала книгу, но почему-то в ней не было никаких упоминаний о «Солнце Веданты», — ответил Тарапрошонно.

— Да я не об этом! Ты что-нибудь еще привез? — спросила Даккхайони.

— Несколько писем, — ответил Тарапрошонно.

— А деньги? — не выдержала наконец Даккхайони.

— Пять рупий, да и то взятые в долг у Бидхубхушона.

Когда Даккхайони узнала всю правду, ее вера в земную добродетель рухнула. Несомненно, хозяева магазинов обманули ее мужа, а все бенгальские читатели сговорились против хозяев...

Вдруг ей пришла в голову мысль, что тот самый Бидхубхушон, которого она послала с мужем в качестве своего представителя, спелся с хозяевами... Но чем больше она думала, тем ей становилось яснее, что это все,

конечно, дело рук Бишшомбхора Чатудже из соседней деревни, злейшего врага ее мужа. В самом деле! Ведь спустя два дня после отъезда мужа Бишшомбхор стоял под баньяном и разговаривал с Канаи Палом! Но так как он разговаривал с Канаи Палом не первый раз, то тогда она ничего не заподозрила. Теперь все ясно!..

Между тем семейные заботы все больше и больше беспокоили Даккхайони. Когда надежда на единственное простое средство разбогатеть исчезла, она стала вчетверо сильнее казнить себя за то, что рожала одних девочек.

Ведь ни Бишшомбхор, ни Бидхубхушон, ни бенгальский народ не виноваты в этом, — всю вину приходилось брать ей одной на свои плечи, лишь немногим можно было поделиться с собственными дочерьми, с теми, что уже родились, и с той, которая должна была вот-вот появиться. Ни днем, ни ночью Даккхайони не знала покоя.

Перед самыми родами здоровье ее ухудшилось. Беспомощный Тарапрошонно, совершенно потеряв голову, помчался к Бишшомбхору.

— Дада, — сказал он, — дай мне немного денег под залог моих книг, я привезу из города акушерку.

— Не беспокойся, брат, — ответил Бишшомбхор, — я дам тебе денег, только заberi свои книги.

Бишшомбхор, переговорив с Канаи Палом, взял у него немного денег, а Бидхубхушон на свои средства отправился в Калькутту и привез акушерку.

Вдруг Даккхайони что-то вспомнила, послала за мужем и, заклиная его, сказала:

— Если заболеешь, не забудь выпить того лекарства, что я видела во сне. И про святой амулет не забудь... Не открывай его...

Она дала ему еще тысячу мелких наставлений, взяв с него клятву, что он выполнит их.

— Не верь Бидхубхушону, — говорила она, — это он тебя разорил. А иначе со всеми лекарствами, амулетами и благословениями попадешь к нему в лапы.

Затем она сделала еще несколько предупреждений своему доверчивому, как агнец, мужу о существовании на земле жестоких и коварных заговорщиков.

— Если родится и выживет дочь, — наконец едва слышно прошептала она, — назови ее «Заря Веданты», а пока будет маленькой, зови просто «Зарей».

И она взяла прах от ног мужа. «Со мной в дом мужа входили одни девочки, — подумала Даккхайони, — теперь этому пришел конец».

А когда акушерка сказала: «Смотри, мать, какая красивая девочка!» — Даккхайони на мгновение приоткрыла глаза и прошептала: «Заря Веданты!»

Больше уже никто ничего не слышал от нее на этом свете.

[1891]

ВОЗВРАЩЕНИЕ КХОКАБАБУ¹

1

Райчорону было двенадцать лет, когда он поступил в услужение к бабу. Он был из Джессора. Мальчик с длинными волосами, огромными глазами, смуглый, стройный; из касты каястха, как и его хозяева. Главная обязанность его заключалась в том, чтобы нянчить Онукула, годовалого сына бабу.

Шло время. Ребенок вырос и поступил в школу, из школы, — в колледж, из колледжа — на службу в суд.

Райчорон оставался его слугой. Но вскоре у него появился еще один хозяин: в дом пришла госпожа, и теперь основные права на Онукула перешли к ней.

Однако отобрав у Райчорона старые права, она дала ему новые, которые с избытком вознаградили его за прежние: в скором времени у Онукула родился сын, и Райчорон полностью завладел им. Он с воодушевлением раскачивал его, ловко подбрасывал вверх, строил забавные гримасы, стараясь рассмешить малыша, и, не заботясь о том, получит ответ или нет, задавал ему нелепые, бессвязные вопросы, — так что малыш при одном виде Райчорона приходил в восторг.

Когда ребенок начал осторожно переползать порог и, заливаясь лукавым смехом, увертываться и прятаться,

¹ К х о к а б а б у — маленький господин.

если кто-нибудь хотел его поймать, Райчорон приходил в восхищение от его ума и сообразительности. Он то и дело подходил к своей госпоже и с гордостью и удивлением говорил ей:

— Мать, твой сын, когда вырастет, станет судьей, будет зарабатывать пять тысяч рупий.

Райчорон не представлял себе, чтобы какой-нибудь ребенок в этом возрасте мог переползать порог или совершать другие поступки, доказывающие необыкновенную сообразительность — на такое был способен только будущий судья.

Наконец мальчик начал неуверенно, покачиваясь, ходить. Более того, он стал звать мать «ма», тетку «те», а Райчорона «чонно». Райчорон всякому и каждому сообщал эти необыкновенные новости.

— Вы только подумайте! — восторгался он. — Мать он зовет «ма», тетку «те», а меня «чонно»!

В самом деле, откуда у ребенка такой удивительный ум? Ведь никто из взрослых никогда не проявляет столь необычайных способностей, если бы кто-нибудь стал вдруг называть тетку «те», а мать «ма», это вызвало бы лишь сомнение относительно пригодности данного человека к должности судьи.

Через некоторое время малыш взнуздал Райчорона веревкой и превратил его в лошадь. Потом заставил наряжаться борцом и, если Райчорон не падал побежденный на землю, поднимался ужасный скандал.

Вскоре Онукула перевели в один из районов на Падме. Из Калькутты он привез сыну коляску. Надев на Нобокумара атласную рубашку, парчовую шапочку и золотые браслеты, Райчорон возил его в коляске гулять.

Наступил сезон дождей. Голодная Падма заглатывала целые сады, деревни, поля. Заросли камыша и тамарисковые рощи на песчаном берегу затопило. От берега то и дело откалывались глыбы размытой водой земли и с шумом падали в воду. По массе пены, стремительно пронесившейся мимо, можно было судить о силе течения.

К вечеру набежали облака, но ничто не предвещало дождя. Маленький капризный хозяин Райчорона ни за что не хотел сидеть дома и сам забрался в коляску. Райчорон привез мальчика к рисовым полям и остановился

на берегу реки. На воде не видно было ни одной лодки, в поле — ни одного человека. Над противоположным берегом в разрывах облаков пылала заря — садилось солнце. Вдруг ребенок, указывая на что-то пальцем, сказал: — Чонно, дай!

Неподалеку росло большое дерево кадамба, почти у самой его верхушки распустилось несколько цветков. Они-то и привлекли к себе жадный взор ребенка. Несколько дней тому назад Райчорон сделал ему из прутьев, на которые были нанизаны такие же цветы, маленькую повозку. Так весело было тянуть ее за веревочку! В тот день Райчорону не пришлось ходить в упряжке, — он был повышен в должности и из лошади произведен в конюхи.

Райчорону не хотелось идти по грязи за цветами, и он решил отвлечь малыша:

— Смотри, смотри, вон видишь, птичка! Вон она летит! Ах, уже улетела! Лети сюда, птичка, лети, лети! — без умолку говорил он, быстро толкая коляску вперед.

Однако будущего судью не так-то легко было сбить с толку, особенно когда вокруг не было больше ничего интересного. История с воображаемой птичкой ему быстро надоела, и он снова вспомнил о цветах.

— Ну, хорошо, ты сиди в коляске, а я сбегаю нарву тебе цветов. Только смотри не подходи к воде!

С этими словами Райчорон подвернул штаны и направился к дереву.

Но как только малышу запретили подходить к реке, внимание его мгновенно переключилось с цветов на воду. Река неслась мимо, плескаясь и шумя, словно гурьба непослушных детей, которые вырвались из рук какого-то огромного Райчорона и теперь со смехом бежали к запретному месту. Их дурной пример лишь подстегнул маленького человека. Он осторожно вылез из коляски и пошел к реке, по дороге подобрал длинную соломинку и, добравшись наконец до воды, стал изображать рыболова.

А могучие волны будто говорили с ним на каком-то непонятном языке и, казалось, приглашали мальчика в свой дом поиграть.

Раздался всплеск.

Но мало ли в сезон дождей на Падме слышится всплесков.

Нарвав цветов, Райчорон сунул их за пазуху, слез с дерева и, посмеиваясь, подошел к коляске. Она была пуста! Он посмотрел вокруг — ни души.

Райчорон похолодел. В глазах у него потемнело. Из груди вырвался отчаянный крик:

— Мой господин! Мой дорогой маленький господин!

Никто не откликнулся, не раздался шаловливый детский смех, только Падма, как и раньше, неслась мимо, плескаясь и шумя, будто это ее не касалось, будто у нее не было ни минуты времени, чтобы обращать внимание на такие обыкновенные в природе происшествия.

Наступил вечер. Встревоженная хозяйка послала людей на поиски. Они пришла на берег с фонарями и тут увидели Райчорона. Как ночная буря, метался он по полю и хрипло кричал:

— Бабу! Мой господин!

Когда Райчорона привели домой, он упал к ногам своей госпожи и на все вопросы, плача, отвечал:

— Не знаю, мать.

В душе все понимали, что, кроме Падмы, винить некого, и все же людей не покидало сомнение: может, это дело цыган, которые расположились табором на краю деревни, а хозяйка даже подозревала Райчорона — уж не он ли украл ее сына? Она позвала его к себе и стала умолять:

— Бери что хочешь, только верни мне моего мальчика!

Однако Райчорон лишь молча в отчаянии бил себя по голове. Хозяйка прогнала его.

Онукнул пытался рассеять несправедливые подозрения жены, доказывая ей, что Райчорону не к чему было совершать такое преступление.

— Не к чему? — отвечала жена. — Да ведь на ребенке были золотые украшения!

2

Райчорон покинул своих хозяев и вернулся к себе в деревню. Детей у него до сих пор не было, да он уж и не надеялся иметь их. Но не прошло и года по его

возвращении, как жена, уже пожилая женщина, неожиданно родила сына и тут же покончила счета с этим миром.

Новорожденный вызвал у Райчорона сильную злобу. «Ну конечно, он явился на свет для того, чтобы обманом захватить место маленького господина», — думал Райчорон. Радоваться рождению сына после того, как он утопил единственное дитя своего хозяина, Райчорон считал смертным грехом. И не будь у него вдовы-сестры, этот ребенок недолго прожил бы на свете.

Через некоторое время этот мальчик тоже начал совершать удивительные вещи: он переползал порог и, нарушая всякие запреты, стал проявлять любознательность и незаурядный ум. Даже голос его, смех и плач очень напоминали погибшего ребенка. И когда Райчорон слышал крик сына, сердце его начинало глухо биться: ему казалось, что где-то плачет потерявшийся маленький бабу.

Пхелна — так назвала ребенка сестра Райчорона — в положенное время стал называть тетку «те». Райчорона вдруг осенило: «Да ведь это маленький господин! Он не мог забыть, как я любил его, и снова родился в моем доме».

Тому были неопровержимые доказательства. Во-первых, он родился вскоре после возвращения Райчорона. Во-вторых, с чего бы это вдруг его жене родить в таком возрасте? И, наконец, малыш ползает на четвереньках, ковыляет и падает точь-в-точь, как маленький господин, и тетку зовет «те». В общем, все признаки будущего судьи были налицо.

И тут Райчорон вспомнил страшное подозрение своей госпожи.

— Сердце матери чувствовало, кто украл ее сына! — с изумлением говорил он себе.

Теперь он очень раскаивался, что все это время не обращал на ребенка внимания, и с этих пор целиком посвятил свою жизнь сыну.

Райчорон так воспитывал Пхелну, словно тот был из благородной семьи: купил ему атласную рубашку, парчовую шапочку, переделал украшения покойной жены на браслеты для него. Он не разрешал ему играть с деревенскими детьми и сам был его единственным товари-

шем. Ребята при всяком удобном случае дразнили мальчика сыном наваба, а соседи удивлялись безрассудству Райчорона.

Когда Пхелне пришло время учиться, Райчорон распродал все, что у него было, и повез ребенка в Калькутту. Там он с большим трудом нашел себе работу и отдал Пхелну в школу. Сам он жил впроголодь, все его интересы были сосредоточены на мальчике, только бы хорошо кормить и одевать его, дать ему хорошее образование.

«Дорогой мой, — думал он, — из любви ко мне ты вернулся в мой дом. Никогда не будет у тебя ни в чем недостатка!»

Прошло двенадцать лет. Мальчик хорошо учился, прекрасно выглядел, большое внимание уделял своей внешности, был всегда весел и доволен. Райчорона он любил, но обращался с ним не как с отцом, потому что тот прислуживал ему, словно слуга. Райчорон скрывал от всех свое отцовство. Товарищи Пхелны по пансиону постоянно подшучивали над Райчороном, и я не могу утверждать, что в отсутствие отца Пхелна не присоединялся к ним. Но несмотря на это, друзья Пхелны и сам он любили безобидного, доброго Райчорона. И все же в отношении сына к отцу чувствовалась какая-то снисходительность.

Райчорон постарел. Теперь хозяева постоянно были недовольны его работой. У него уже были не те силы, он не мог работать с прежней внимательностью, все забывал. Но хозяева не желали считаться с его возрастом. Ко всему прочему у Райчорона кончились деньги, привезенные им из деревни. Теперь Пхелне приходилось терпеть некоторые лишения в питании и одежде, и он начал выражать недовольство.

3

В один прекрасный день Райчорон взял у хозяина расчет и дал Пхелне немного денег.

— Мне надо на несколько дней поехать в деревню, — сказал он сыну и отправился в Барашот, где Онукул-бабу служил судьей.

У Онукула так и не было больше детей. Жена его до сих пор тяжело переживала потерю сына.

Однажды вечером бабу отдыхал после работы, а хозяйка в это время торговала у саньяси какой-то очень дорогой корень, якобы излечивающий от бесплодия, и еще хотела купить у него благословение. Вдруг кто-то произнес во дворе:

— Пусть будет тебе удача, мать!

— Кто это? — спросил бабу.

— Это я, Райчорон.

Райчорон подошел к хозяину и поклонился.

Увидев старика, Онукул расчувствовался. Он забросал Райчорона вопросами о его теперешней жизни и наконец предложил снова поступить к нему в услужение. Райчорон грустно улыбнулся:

— Я хочу поклониться госпоже.

Онукул повел его во внутреннюю часть дома. Госпожа встретила старого слугу далеко не так приветливо, как ее муж. Райчорон не обратил на это внимания и, почтительно сложив руки, обратился к ней:

— Госпожа, мать! Это я украл твоего сына. Не Падма, не кто-нибудь другой, а я, неблагодарная тварь!

— Что ты говоришь? — вскричал Онукул. — Где же он?

— У меня дома, послезавтра я привезу его.

Наступило воскресенье, и с самого утра оба, муж и жена, нетерпеливо поглядывали на дорогу. В десять часов приехал Райчорон с Пхелной.

Жена Онукула, ни о чем не спрашивая, ни о чем не думая, посадила мальчика к себе на колени и, плача и смеясь, стала гладить его руки, голову, одежду, вдыхать его запах, жадно всматриваясь в его лицо. В самом деле, мальчик был очень хорош — ни в одежде его, ни в манерах не было и намека на бедность. Выражение лица приятное, скромное, несколько застенчивое. Онукул тоже почувствовал к нему неожиданное расположение.

Тем не менее, сохраняя спокойствие, он спросил Райчорона:

— У тебя есть доказательства?

— Какие доказательства могут быть в таком деле? — ответил Райчорон. — Одному лишь богу известно, что я украл твоего сына, на земле никто об этом не знает.

Подумав, Онукул решил, что теперь, когда его жена, едва увидев мальчика, вспылала к нему такой страстной любовью, не следует требовать доказательств, пусть будет так. Ведь как хорошо, если человек верит! Да и откуда Райчорону взять ребенка? Нет, не станет старый слуга его обманывать!

Поговорив с мальчиком, он узнал, что тот с детства живет с Райчороном, знает его как своего отца, но Райчорон никогда не обращался с ним как отец, скорее как слуга.

Онукул отбросил все сомнения.

— Но, Райчорон, ты не сможешь остаться у нас.

— Господин! Куда же мне идти, ведь я старик?

— Пусть останется, — вмешалась хозяйка, — пусть мой мальчик будет счастлив! Я простила его.

Но справедливый Онукул был непреклонен.

— За то, что он совершил, ему нет прощения, — заявил он.

Райчорон упал перед ним на колени:

— Это не я, это бог, — причитал он, обнимая ноги судьи.

Но попытки Райчорона свалить свой грех на бога ещё больше рассердили Онукула:

— Нельзя верить тому, кто совершил такой подлый поступок.

Райчорон отпустил ноги хозяина:

— Это не я, хозяин!

— Кто же тогда?

— Моя судьба!

Подобное объяснение не могло, конечно, удовлетворить образованного человека.

— Ведь больше у меня никого нет на свете, — проговорил Райчорон.

Когда Пхелна узнал, что он сын судьи и что Райчорон столько времени оскорблял его, выдавая за своего сына, он возмутился, но все же великодушно сказал отцу:

— Отец, прости его! Пусть уезжает, но посылай ему каждый месяц немного денег.

Райчорон молча взглянул на сына, поклонился всем и ушел.

В конце месяца Онукул послал в деревню несколько рупий, но они вернулись обратно — Райчорона там не было.

1891

НАСЛЕДСТВО

1

— Я ухожу! — с гневом сказал отцу Бриндабон Кундо.

— Неблагодарный! — воскликнул Джоггонатх Кундо. — Тебе никогда не расплатиться со мною за то, что я всю жизнь кормил и одевал тебя, а ты еще характер свой вздумал показывать!

В доме Джоггонатха не тратили много на еду и одежду. Джоггонатх старался следовать великому примеру древних праведников, которые питались весьма скудно и надевали на себя лишь самое необходимое. Правда, это не очень ему удавалось. Во-первых, из-за пороков, свойственных современному обществу, и, кроме того, из-за глупых правил, согласно которым полагалось прикрывать свое тело.

Пока сын Джоггонатха не был женат, он все сносил терпеливо, но после свадьбы он изменил высоким принципам отца. Обнаружилось, что в своих стремлениях материальное он предпочитает духовному. Он стал уподобляться простым смертным, страдающим от холода и жары, от голода и жажды, и, разумеется, расходы из-за этого все росли и росли.

Отец и сын часто ссорились. Однажды тяжело заболела жена Бриндабона. Врача, прописавшего дорогое

лекарство, Джоггонатх обругал невеждой и выгнал из дома. Бриндабон умолял, потом требовал, — но все было напрасно. Когда жена умерла, он обвинил отца в ее смерти.

— При чем тут я? — удивился Джоггонатх. — Разве люди, принимающие лекарства, никогда не умирают? И потом, если бы дорогие лекарства спасали от смерти, с чего бы умирали цари? Стоит ли поднимать такой шум, когда умирает жена? Чем она лучше матери или бабки?

Если бы горе не лишило Бриндабона рассудка, он бы все хладнокровно обсудил и, возможно, этот довод успокоил бы его. Действительно, ни мать, ни бабка не принимали лекарств. Так было заведено у них в доме. Но ведь теперь люди даже умирать не хотят по-старому!

В то время, о котором идет речь, англичане только что вторглись в Индию, но уже и тогда старики, посаывая трубку, сокрушенно качали головой, глядя на молодежь.

Как бы там ни было, но передовой для того времени Бриндабон поссорился с отсталым Джоггонатхом.

— Я уйду!

Отец, не раздумывая, согласился, но тут же при всех заявил, что если он когда-нибудь даст Бриндабону хоть пайсу, пусть все считают его вероотступником, пролившим кровь коровы. Бриндабон, в свою очередь, ответил, что ему ничего не надо и что взять у Джоггонатха хоть что-нибудь, все равно что убить родную мать. На том отец с сыном и расстались.

Жители деревни были рады этому небольшому происшествию, нарушившему однообразие их жизни. Все, как могли, утешали Джоггонатха, особенно после того, как узнали, что он лишился сына наследства, все в один голос твердили, что только в наше время можно поссориться с отцом из-за жены.

При этом ссылались, главным образом, на то, что жену можно взять и другую, а вот отца второго не найдешь, хоть все глаза прогляди! Довод был, без сомнения, очень веский, но мне кажется, что такой сын, как Бриндабон, скорее обрадовался бы подобному исходу, чем опечалился.

Нельзя сказать, что разлука с сыном огорчила отца. Во-первых, с его уходом сократились расходы; во-вторых, Джоггонатх больше не боялся, что его отравят. Правда, страх его несколько рассеялся уже после смерти невестки, но лишь с уходом сына Джоггонатх окончательно успокоился.

Одно его мучило: вместе с сыном ушел и четырехлетний Гокулчондро. Расходы на пищу и одежду Гокула были относительно невелики, поэтому ничто не мешало старику любить внука. И все же, когда Бриндабон и Гокул уехали, несмотря на неподдельное горе, старик тут же прикинул, насколько меньше теперь будет расходовать в месяц и сколько денег сэкономит.

Но трудно старику было жить в опустевшем доме, ему не хватало шалостей Гокулчондро: никто не нарушал его молитв, не таскал у него кусков за столом, не убегал с чернильницей, когда он садился подсчитывать расходы, не мешал умываться. От всего этого Джоггонатх даже страдал: старику казалось, что такую ничем не восполняемую пустоту человек ощущает только после смерти. Особенно тяжело ему было видеть дырку, проделанную внуком в одеяле из лоскутов, или чернильное пятно, которое юный художник посадил на циновке. Дед бранил неугомонного мальчишку за то, что тот за два года изнашивал дхоти, а теперь, когда он увидел грязные тряпки, брошенные в комнате, где прежде спал Гокул, на глаза старику навернулись слезы. Он не сделал из этих тряпок фитили для лампы, как поступил бы раньше, не использовал их в домашнем хозяйстве, а спрятал в сундук и дал самому себе обещание, что, если Гокул вернется, он никогда не упрекнет его, даже если тот будет изнашивать по дхоти в год.

Но Гокул не вернулся. Джоггонатх быстро старел, и пустой дом с каждым днем казался ему все более пустынным.

Джоггонатх не находил себе места. И даже в полдень, когда все почтенные люди отдыхают после обеда, он с трубкой в руке бродил из одного конца деревни в другой. Дети, которых он встречал во время этих послеобеденных прогулок, завидев его, бросали игры, отбе-

гали подальше и дразнили старика, распевая песенки, сочиненные каким-то деревенским поэтом о его скупости. Люди не решались произносить его имя, каждый звал его по-своему, старики — Джоггонаш¹, а дети «Летучая мышь». Почему они дали ему такое прозвище, сказать было трудно.

2

Однажды в полдень, прогуливаясь в тени манговых деревьев, которые росли у дороги, Джоггонатх увидел незнакомого мальчика. Очевидно, это был главарь деревенских ребятишек, он показывал им новую игру. Захваченные силой воображения своего товарища, дети беспрекословно ему повиновались.

Заметив старика, дети бросились к нему и стали дергать за чадор. В то же мгновение из чадора выпрыгнула ящерица, она пробежала по телу старика и исчезла в кустах. От ужаса Джоггонатх похолодел. Дети радостно зашумели. Джоггонатх побрел дальше, но не прошло и минуты, как с плеч старика исчез платок, который тотчас же появился в виде тюрбана на голове незнакомого мальчика.

Джоггонатху очень понравился этот неизвестный человек. Давно уже он не замечал ни в ком из ребят подобной непосредственности. Он поговорил с мальчиком, надавал ему всяких обещаний и внушил ему некоторое доверие.

- Как тебя зовут?
- Нитай Пал.
- А где ты живешь?
- Не скажу.
- Как зовут твоего отца?
- Не скажу.
- Почему не скажешь?
- Я убежал из дому.
- Почему?
- Отец хотел отдать меня в школу.

¹ Джоггонаш — губитель жертвенного огня; Джоггонатх — владыка жертвенного огня.

«Учить такого ребенка — только деньги зря тратить, — мелькнуло в голове у Джоггонатха. — Отец этого мальчишки, видно, не очень умен».

— Хочешь жить у меня?

Мальчик согласился с большой охотой и расположился у старика так бесцеремонно, точно под деревом у дороги. Но это не все: он так же свободно стал распоряжаться едой и одеждой, будто заплатил за все вперед. Как и следовало ожидать, время от времени он ссорился из-за этого с хозяином дома. С сыном старик легко бы справился, а чужому пришлось подчиниться.

3

Жители деревни удивлялись, наблюдая, как хозяйничает Нитай Пал в доме Джоггонатха. Все понимали, что старик долго не проживет и его состояние достанется этому неизвестно откуда взявшемуся мальчишке.

Все очень завидовали мальчишке и думали о том, как бы навредить ему. Но старик оберегал своего приемыша как зеницу ока.

Иногда малыш грозился уйти, и Джоггонатху приходилось его уговаривать.

— Сын мой, — говорил он, — я оставляю тебе все свое состояние.

Мальчику было немного лет, но он уже прекрасно понимал цену такому обещанию.

И вот жители стали разыскивать отца этого счастливца.

— Сколько горя причинил он отцу с матерью! — твердили они. — Какой дрянной мальчишка!

Ребенка осыпали ругательствами, злились на него, но сердца людей были исполнены скорее зависти, чем справедливого возмущения.

Однажды старик услышал от какого-то прохожего, что человек по имени Дамодор Пал разыскивает своего сына и скоро появится в их деревне. Узнав об этом, Нитай заволновался. Он даже хотел бежать, бросив все свое будущее состояние, но Джоггонатх пообещал спрятать его так, чтобы никто не мог найти, даже деревенские жители.

— А где? Покажи! — полюбопытствовал мальчик.

— Если я покажу тебе это место сейчас, все увидят. Мы пойдем туда ночью.

Нитай очень обрадовался новой игре. Он решил, что, когда отец уйдет, он обязательно будет играть там с ребятами в прятки. И никто не найдет его. Вот хорошо! Отец тоже обыщет все кругом и не найдет! Как это интересно!

В полдень Джоггонатх запер мальчика, а сам куда-то ушел. Когда он вернулся, Нитай начал приставать к нему с расспросами. Мальчик никак не мог дожидаться вечера.

— Идем, — торопил он.

— Еще рано, — отвечал Джоггонатх.

— Дада, уже ночь, идем, — не унимался Нитай.

— В деревне еще не спят.

Нитай помолчал немного и снова сказал:

— Теперь можно, идем.

Близились ночь. Нитаю очень хотелось спать, и, несмотря на все усилия побороть сон, он все же начал дремать. В полночь Джоггонатх взял Нитая за руку, и они вышли из дома. Деревня спала. Ночную тишину лишь изредка нарушал лай собак: одна начнет, а за ней все другие. Вот, испугнутая шумом шагов, взлетела сова и улетела в лес. Замирая от страха, Нитай вцепился в руку Джоггонатха.

Они пересекли поле, вошли в лес и наконец очутились у разрушенного, пустого храма. Нитай разочарованно спросил:

— Здесь?

Совсем не этого он ожидал! Ничего таинственного! После того как он сбежал из дому, ему приходилось иногда ночевать в старых заброшенных храмах. Для игры в прятки место это было вполне подходящее, но совсем не такое, где его невозможно было бы отыскать.

Джоггонатх сдвинул большой камень, прикрывающий отверстие в полу, посмотрел вниз и увидел нечто вроде комнаты; там горел светильник. Это было уже интересно, но в то же время мальчику стало почему-то страшно.

Джоггонатх принес лестницу и спустился вниз. Вслед за ним, дрожа от страха, спустился Нитай.

Оглядевшись, он увидел расставленные у стен медные кувшины, посредине было устроено сиденье, перед которым лежали синдур, сандаловая паста, гирлянда цветов и молитвенные принадлежности. Из любопытства мальчик заглянул в один из кувшинов — там были рупии и золотые монеты.

— Нитай, я обещал тебе оставить все свои деньги. Вот они, перед тобой. В этих кувшинах все мое состояние. Сегодня я передам их тебе.

— Все?! — мальчик даже подпрыгнул. — И ты не возьмешь ни одной рупии?

— Пусть отсохнет у меня рука, если возьму. Но помни: если когда-нибудь придет мой внук Гокулчондро, о котором я ничего не знаю, или сын, или сын его сына, или внук его сына, или кто-нибудь из его рода, — ты отдашь ему все эти деньги.

Мальчик решил, что старик сошел с ума, и тотчас же ответил:

— Хорошо.

— Тогда садись сюда.

— Зачем?

— Будет богослужение.

— Зачем?

— Так надо.

Нитай сел. Джоггонатх разрисовал ему лоб сандаловой пастой и поставил знак синдуром, на шею ему надел гирлянду, а сам уселся впереди и стал читать молитву.

Сидеть неподвижно, словно идол, и слушать невнятное бормотанье было жутко, и Нитай окликнул старика:

— Дада!

Но Джоггонатх ничего не ответил, продолжая бормотать.

Затем он с трудом начал по одному пододвигать к мальчику кувшины, каждый раз заставляя его повторять за ним:

— Годадхор Кундо был сыном Джудхиштхира Кундо, сыном Годадхора был Пранкришно Кундо. Сыном Пранкришно Кундо стал Пороманондо Кундо — отец Джоггонатха Кундо, родившего сына Бриндабона Кундо. Все эти

деньги я отдам Гокулчондро Кундо, сыну Бриндабона Кундо, или сыну Гокулчондро Кундо, или же внуку, или правнуку, или кому-нибудь из прямых потомков его.

У Нитая в голове помутилось. Язык у него стал заплетаться. Когда священнодействие закончилось, в тесном подземелье стоял туман от дыма светильника и дыхания двух людей. Во рту у мальчика пересохло, горели руки и ноги, он задышался.

Пламя светильника становилось все более тусклым и наконец совсем погасло. В темноте мальчик услышал, что Джоггонатх поднимается по лестнице.

— Дада, ты куда? — закричал он в испуге.

— Я пошел, — ответил Джоггонатх, — а ты оставайся, здесь тебя никто не найдет. Только помни: Гокулчондро — сын Бриндабона, а Бриндабон — сын Джоггонатха.

Старик поднялся наверх и вытащил лестницу. Задышавшись, напрягая все силы, мальчик пролепетал:

— Дада, я хочу к отцу.

Джоггонатх надвинул камень на отверстие и, приложив ухо к земле, услышал, как Нитай, задышавшись, позвал:

— Отец!

После этого слышался шум, словно от падения, и наступила тишина.

Передав таким образом свое богатство в руки якши, Джоггонатх засыпал камень землей. Сверху он набросал кирпичи и щебень, повсюду валявшийся в разрушенном храме, затем все это прикрыл дерном и посадил куст, который вырыл в лесу. Уже почти рассвело, а он никак не мог уйти с этого места и, время от времени прикладывая ухо к земле, слушал. Ему чудилось, что откуда-то издалека, из глубины земли, доносится плач, что ночное небо переполнено этими звуками, что они разбудили всех людей на земле и эти люди сидят на своих постелях и прислушиваются...

Старик торопливо насыпал один слой земли на другой и утрамбовывал их. Он как будто хотел закрыть лицо земли. Вдруг кто-то окликнул его:

— Отец!

Старик стукнул в землю:

— Молчи! Услышат!

Снова кто-то окликнул его:

— Отец!

Тут только он заметил, что уже взошло солнце. Джоггонатх в страхе покинул храм и вышел в поле. Опять кто-то позвал его:

— Отец!

Джоггонатх испуганно обернулся и увидел Бриндабона.

— Отец, я узнал, что ты прячешь моего сына. Отдай его.

Старик сощурил глаза, сморщился и, наклонившись к Бриндабону, спросил:

— Твоего сына?

— Да, Гокула. Теперь его зовут Нитай Пал, а меня Дамодор, о тебе такая слава идет, что мы решили изменить наши имена.

Старик вытянул вперед руки, растопырил пальцы, словно хотел опереться о воздух, и рухнул наземь.

Когда Джоггонатх пришел в себя, он привел Бриндабона в храм и спросил:

— Слышишь, кто-то плачет?

— Не слышу.

— А ты приложи ухо к земле. Кто-то зовет: «Отец!»

Старик как будто немного успокоился...

С тех пор он всех спрашивал:

— Слышишь, кто-то плачет?

И все смеялись над сумасшедшим.

Прошло несколько лет. Старик умирал. Глаза его уже не видели света, дыхание стало прерывистым, но вдруг умирающий в бреду приподнялся. Хватая обеими руками воздух, он проговорил:

— Нитай, кто-то унес мою лестницу.

И, не найдя лестницы, чтобы выбраться из этого лишенного воздуха и света бескрайнего подземелья, он упал на постель.

Он ушел туда, откуда никто не возвращается. Кончилась игра между жизнью и смертью.

1891

О С В О Б О Ж Д Е Н И Е

1

Фокирчанд с детства отличался серьезностью. Поэтому старики так охотно принимали его в свое общество. Он не выносил трех вещей: холода, сырости и шуток. Глубокомысленный вид и черный шарф, почти круглый год обмотанный вокруг шеи, делали Фокирчанда необычайно солидным. К тому же он рано начал отращивать усы и бороду; густая растительность совершенно скрывала его губы и щеки, и для улыбки на лице его не осталось места.

Зато у жены Фокирчанда, Хоймоботи, совсем молодой женщины, интересы были самые земные. Она, например, любила читать романы Бонкима и не считала, что должна поклоняться мужу, как божеству. Любила она и повеселиться. Как распускающийся цветок тянется навстречу свежему ветерку и лучам утреннего солнца, так и юная душа Хоймоботи жаждала нежности и веселья. Но муж при каждом удобном случае читал ей «Бхагавату», декламировал по вечерам «Бхагавадгиту» и ради ее духовного развития не останавливался даже перед телесными наказаниями. Обнаружив однажды под подушкой жены роман Бонкима «Завещание Кришноканты», он заставил легкомысленную молодую женщину проплакать всю ночь. Не станет в другой раз читать романы, да еще тайком от мужа!

Как бы то ни было, путем непрерывных поучений, указаний и наставлений, сочетая религиозные беседы с рукоприкладством, муж-бог сумел в конце концов добиться того, что улыбка, радостное настроение и живость юности покинули Хоймоботи, и она полностью подчинилась мужу.

Но семья всегда мешает жить тем, кто ее не любит. К тому же у Фокира родился сын, за ним — дочь. Дети сделали семейные узы еще более обременительными. Такому необыкновенно серьезному человеку, как Фокир, пришлось по настоянию отца ходить из конторы в контору в поисках работы. Но работы не было. Тогда он сказал себе:

— Я покину семью, как сделал это когда-то Будда!
И однажды глухой ночью Фокир исчез.

2

Мне придется рассказать читателям еще одну историю.

В семье Шоштхичорона, жителя Нобограма, был только один сын. Звали его Макхонлал. От первого брака у него не было детей. Уступая просьбам отца и увлеченный новой страстью, он женился вторично. Обе жены родили ему в общей сложности семь дочерей и одного сына.

Макхон был человеком слабовольным и нерешительным. Заниматься каким-либо серьезным делом ему было не по душе. А тут еще на его плечи невыносимой тяжестью легли заботы о многочисленном потомстве. Кроме того, каждая жена чуть ли не за уши старалась перетянуть его на свою сторону. И вот однажды, когда Макхону стало совсем невмоготу, он скрылся в ночной тьме.

Долгое время о нем ничего не было известно. Ходили слухи, будто в Бенаресе он тайно женился еще раз, чтобы понять наконец, в чем счастье жизни с одной женой. Говорили, что бедняга несколько оправился и хотел даже побывать в родных местах, однако, опасаясь, что его узнают, отказался от своего намерения.

Избавившись от мирских забот, Фокирчанд проски-
тался несколько дней и очутился наконец в Нюбограме.
Он сел у дороги под баньяном, глубоко вздохнул и про-
декламировал: «О бесстрашный, о равнодушный к миру!
Ты никем и ничем не связан: ни женой, ни детьми, ни
людьми, ни богатством. Кто твоя возлюбленная, где твой
сын?»

Потом он запел:

Слушай, о, слушай, душа неразумная,
Слушай речи святого, в чем состоит свобода,
Слушай мудрости высшей советы:
Разбей раковину суеты мирской, найди
жемчуг освобожденья!
О заблудшая душа! Заблудшая душа!

Внезапно Фокир перестал петь. «Кто это там? —
Отец! Наверно, нашел меня... Все пропало! Опять меня
потянут в этот семейный ад. Нужно бежать...»

И Фокир бросился в ближайший дом. На пороге си-
дел старик хозяин и молча курил. Увидев Фокира, вхо-
дящего в дом, он спросил:

— Сынок, ты кто?

— Я саньяси, отец.

— Саньяси? Дай-ка мне поглядеть на тебя. Стань
поближе к свету.

Старик притянул к себе Фокира и своими старче-
скими глазами начал пристально всматриваться в его
лицо, будто в книгу.

— Да это, никак, наш Макхонлал, — забормотал ста-
рик. — И нос такой, и глаза... Только лоб какой-то дру-
гой, и лицо раньше было полнее, круглое, как луна,
а теперь совсем обросло.

Он провел рукой по усам и бороде Фокира, еще раз
потрогал их и громко спросил:

— Макхон, это ты?

Излишне говорить, что старика звали Шонтхичерон.

— Макхон? ¹ — удивился Фокир. — Нет, я не Макхон. Неважно, как меня звали прежде, но теперь я Чиданондосвами ². Можно звать меня и Пороманондо ³.

— Сын мой! — сказал тогда Шоштхи. — Если хочешь, зови себя теперь хоть Чинре ⁴, и хоть Пороманно ⁵. Но ты мой Макхон, в этом я не могу ошибаться. Что заставило тебя покинуть семью? Чего тебе не доставало? У тебя две жены — не нравится старшая, есть младшая. И детишками небо тебя не обидело: сын и семь дочерей назло врагам! Я уже старик, сколько мне еще жить? Семья останется на твоих руках.

— Какая семья?! — воскликнул перепуганный Фокир. — Что ты меня пугаешь, старик!

Но в конце концов он понял, в чем дело, и решил: «А ведь это не так уж плохо! Поживу здесь день-два как сын этого старика, а потом, когда отец мой убедится в тщетности своих поисков, уйду».

Видя, что Фокир больше не возражает, старик отбросил все сомнения и позвал слугу:

— Кешта, скажи всем, что вернулся наш Макхон.

Б

Услышав новость, сбежался народ. Почти все соседи поверили отцу Макхона, только некоторые продолжали сомневаться. Однако людям так хотелось верить в возвращение пропавшего сына, что они начали вовсю ругать скептиков:

— Только настроение портите! Из мухи слона сделали! Иначе не можете!

— Знаем мы их! Они не верят ни в духов, ни в заклинателей змей! Бывало, рассказывает кто-нибудь интересную историю, все сидят, не шелохнутся, а эти вечно вылезают с вопросами. Одним словом, безбожники, да и

¹ Макхон — масло.

² Чиданондосвами — познавший радость постижения.

³ Пороманондо — достигший высшего блаженства.

⁴ Чинре — толченый рис.

⁵ Пороманно — рисовая каша.

только. Ну пусть не верят в духов — от этого никому вреда нет. А то ведь ни во что не верят! У старика сын нашелся — и то сомневаются. Да разве это люди?!

В конце концов на скептиков набросились со всех сторон и заставили их уговориться.

Тогда, не обращая больше внимания на необыкновенно важный вид Макхона, обитатели деревни окружили его и стали засыпать вопросами и шутками.

— Нет, вы только подумайте, наш Макхон стал аскетом и риши! Был болтуном, а теперь великим мудрецом заделался. Ну и чудеса!

Такие речи пришлось весьма не по вкусу напыщенному Макхону. Но возразить что-либо он не мог и молча сносил все насмешки.

Кто-то подошел к нему и спросил:

— Послушай, Макхон, ты ведь был совсем черный. Как это ты сумел так посветлеть?

— Занимался йогой, — ответил Фокир.

— Вот так йога! — кричали все. — Удивительно!

— И ничего здесь нет удивительного, — возразил кто-то. — В шастрах рассказывается, что однажды Бхима захотел поднять хвост у Ханумана, да так и не смог. Тоже, должно быть, не обошлось без йоги!

Всем пришлось согласиться с этим.

Но тут подошел Шоштхичорн и сказал Фокиру:

— А теперь, сынок, пойдем на женскую половину!

Фокиру показалось, что небеса разверзлись над его головой. О такой возможности он не подумал! Долго стоял Фокир в молчаливом раздумье, терпеливо выслушивая обидные замечания и насмешки окружающих, и наконец проговорил:

— Отец, я стал саньяси и теперь не могу входить к женщинам!

— Делать нечего, — обратился Шоштхичорн к односельчанам, — придется вам всем уйти. Я приведу своих невесток сюда. Они там места себе не находят!

Когда все ушли, Фокир понял, что нужно немедленно бежать. Но тут он представил себе, что будет, если он покажется на улице. В покое его все равно не оставят, все, словно свора гончих, бросятся за ним следом, и он решил оставаться и терпеть до конца.

Едва обе женщины мнимого Макхонлала показались в дверях; Фокир склонился перед ними.

— О матери, дитя ваше перед вами, — пробормотал он.

В тот же миг перед носом Фокира, словно нож, которым режут жертвенных животных, сверкнула рука, украшенная браслетами, и раздался визгливый голос:

— Ах ты, урод! Ах, негодяй! Да как ты осмелился называть меня матерью?

Этому голосу вторил другой, еще более пронзительный:

— Ты что, совсем рехнулся? Да как ты только жив остался после этих слов?!

От своей жены Фокир никогда не слышал такой изысканной разновидности живого бенгальского языка. Поэтому он, умоляюще сложив руки, бормотал:

— Вы ошибаетесь! Посмотрите на меня внимательнее — вы ошибаетесь! Хотите, я стану поближе к свету?

— Достаточно мы на тебя нагляделись! Глаза уже не смотрят! Не первый день на свете живешь! Молочных зубов у тебя давно нет! Хорош младенец! Яма, видно, о тебе позабыл, зато мы помним! — кричали жены, перебивая друг друга.

Невозможно сказать, сколько времени длилась бы эта супружеская беседа, в которой принимала участие только одна сторона. Фокир окончательно утратил дар речи и стоял, не смея поднять глаз, но, на его счастье, в комнату вошел Шоштхичорон: он услышал шум, заметил, что люди останавливаются на улице, и решил выяснить, в чем дело.

— Сколько лет в моем доме царила тишина! — проговорил старик. — Ни одного звука не было слышно. Теперь я вижу, что мой Макхон действительно вернулся!

— Господин, спаси меня от своих невесток, — взмолился Фокир.

— Ты так долго отсутствовал, сынок, что просто отвык от своей семьи, и потому напугался. Ничего, привыкнешь. А вы, дочки, пока уходите. Не бойтесь, Макхон останется здесь, я его не выпущу из дома.

Когда милые жены вышли, Фокирчанд воскликнул:
— Господин, теперь я понимаю, почему твой сын сбежал. Я свидетельствую свое почтение и ухожу.

Услышав это, старик отчаянно завопил. Соседи решили, что Макхон убивает отца, и моментально прибежали. Они наперебой принялись доказывать Фокиру, что здесь его святость неуместна. Он должен вести себя, как подобает сыну порядочных родителей.

— Мы думали, он священный лебедь, а он, оказывается, просто бородатый гусь, — сказал кто-то.

Итак, деревенские жители на всякий случай решили зорко следить за ним, чтобы далеко не сбежал. Даже сам заминдар встал на сторону Шоштхичорона.

6

Увидев, как бдительно стерегут его сторожа-добровольцы, Фокир понял, что выйти из дома он сможет, лишь перешагнув через их трупы. Ему оставалось одно: сидеть в уединении и распевать:

Слушай речи святого, в чем состоит свобода,
Слушай мудрости высшей советы.

Нечего и говорить, что при данной ситуации эта песня в значительной степени утратила свой истинный смысл.

Время шло. Услышав о возвращении Макхона, стаей слетелись родственники обеих жен.

Прежде всего они принялись дергать Фокира за усы и бородку, утверждая, что они фальшивые и просто приклеены для обмана людей. Даже такому исключительному человеку, как Фокир, трудно было сохранить величие, когда его теребили за усы. Тем более что доставалось не только усам, — уши тоже натерпелись неприятностей: мало того, что их дергали, — им приходилось выслушивать такие речи, от которых они все равно налились бы кровью.

Натешившись, родственники заставили Фокира распевать такие песни, в которых мудрейшие из пандитов не могли бы отыскать духовного смысла.

Когда Фокир спал, они мазали чернилами те немногие места на щеках, которые оставались свободными от растительности. Во время еды вместо фруктов ему подсовывали какие-то коренья, а вместо сока кокосового ореха — воду из кальяна. Мутная жидкость, в которой варили рис, заменяла ему молоко. На пол они бросали куски бетеля, чтобы он поскользнулся, прицепляли ему сзади хвост, словом, самыми разнообразными способами старались унижить его достоинство.

Сколько Фокир ни дулся, сколько ни злился, ничего не помогало! Его даже трясло от злости, однако внушить страх своим тиранам он не мог, и они осыпали его все новыми насмешками. К этому прибавилось еще одно испытание: с женской половины дома иногда доносился чей-то нежный голос и звонкий смех. Голос казался Фокиру мучительно знакомым, а смех поэтому — вдвойне невыносимым.

Читатель поймет, в чем дело, если я скажу, что Шоштхичорон приходился каким-то очень дальним родственником Хоймоби. Родителей у нее не было, и когда свекровь начинала чересчур донимать ее, она уезжала к Шоштхичорону. Так случилось и на этот раз. Хоймоби приехала к своему дяде и, словно из-за кулис, стала наблюдать эту занимательнейшую игру. Пусть психологи определяют, было ли у Хоймоби, кроме собственной ей любви к забавам, еще и желание отомстить. Мы этого сделать не можем.

Шутники иногда оставляют в покое свою жертву, но от тех, кто вас любит, отделаться весьма трудно. Семь дочерей и сын ни на минуту не оставляли Фокира в покое. Матери постоянно посылали их к отцу, и каждая прилагала все усилия, чтобы именно ее ребенок привлек внимание мнимого Макхона. Разделившись на две группы, ребяташки старались, как могли, завоевать расположение «отца» — они обнимали его, целовали, забирались к нему на колени, в общем, всячески выказывали свою искреннюю любовь к родителю.

Вряд ли стоит повторять, что Фокирчанд был человеком ко всему равнодушным — иначе он не лишил бы своих детей отцовской заботы. К тому же дети не умеют почитать старших и не научены трепетать перед

святостью. Поэтому Фокир не питал к ним никакой любви и старался избавиться от них, словно от насекомых или червей. А дети каждый день налетали на него, как стая саранчи. И вскоре он стал напоминать научную статью по истории, испещренную пометками на полях, примечаниями и добавлениями. Дело в том, что возрастом дети значительно отличались друг от друга и не все еще умели поступать согласно правилам вежливости. Поэтому наш праведник Фокир иной раз готов был заплакать, но отнюдь не от умиления.

Когда дети кричали на разные голоса: «Папа, папа!» — и ластились к нему, он испытывал сильнейшее желание поколотить их, но не решался. Единственное, что ему оставалось, это морщиться от отвращения и молчать, стиснув зубы.

Но в конце концов Фокир не выдержал. Он стал вопить, что все равно уйдет и никакая сила его не удержит!

Тогда деревенские жители пригласили чиновника из суда.

— Вы знаете, что у вас есть две жены? — спросил адвокат Фокира.

— Я впервые об этом узнал, когда пришел сюда, — ответил Фокир.

— А о том, что у вас семь дочерей и две из них на выданье, вы тоже не знаете?

— Я вижу, вы знаете это лучше меня.

Тогда чиновник заявил:

— Если вы не станете заботиться о своем многочисленном семействе, — я вас об этом заранее предупреждаю, — беззащитные женщины вынуждены будут обратиться в суд.

Больше всего на свете Фокирчанд боялся суда. Он знал, что судебные чиновники не считаются с достоинством выдающихся людей и публично оскорбляют их во время судебных процессов. И еще он знал, что потом все это печатается в газетах. Поэтому со слезами в голосе Фокир подробно рассказал чиновнику о том, что с ним произошло. Выслушав его, чиновник начал восхищаться способностью «Макхона» сочинять небылицы и его хитростью. Слушая эти похвалы, Фокир готов был удавиться от досады.

Шоштхичорон видел, что Фокир собирается бежать, и встревожился. Деревенские жители всю ругали Фокира. А тут еще чиновник из суда нагнал на него такого страха, что он рта больше не осмеливался открыть.

Однажды все восемь отпрысков Макхона обняли Фокира столь нежно, что он едва не задохнулся. Хоймоботи, увидев все это, уже не знала, плакать ей или смеяться.

Наконец Фокир, не видя иного выхода, послал отцу письмо, в котором обрисовал свое отчаянное положение. Хоричоронбабу, отец Фокира, сейчас же приехал. Однако деревенские жители, адвокат и заминдар все не собирались выпускать добычу из рук. Они приводили тысячу неопровержимых доказательств того, что Фокир — это Макхон, и даже притащили откуда-то дряхлую старуху, которая в свое время нянчила Макхона. Держа дрожащей рукой Фокира за подбородок, она всматривалась в его лицо, и слезы из ее глаз ручьями лились на бороду Фокира.

Несмотря на все это, вскоре стало ясно, что Фокир не позволит надеть на себя ярмо. Тогда, закрыв покрывалами лица, на сцену выступили обе жены. Посторонние вышли, и в комнате остались Шоштхичорон, Фокир, отец Фокира и дети.

Обе женщины, энергично жестикулируя, стали спрашивать у Фокира, в какой ад, в какие врата царства Ямы он хочет направиться.

Фокир не мог вразумительно ответить на этот вопрос, но по выражению его глаз можно было понять, что у него нет особой охоты направляться в какие бы то ни было врата царства Ямы. Зато он готов был выскочить в любую дверь, — лишь бы выбраться из этого дома! Но выхода не было.

В этот момент в комнату вошла еще одна женщина и склонилась перед Фокиром.

Сначала он так и застыл на месте — настолько это было неожиданно. Потом вспыхнул от радости.

— Ты ли это, Хоймоботи? — воскликнул он.

Глаза Фокира излучали такую любовь, какой еще не видели ни его жена, ни чужие жены. Фокиру казалось, что перед ним само воплощение свободы и жизни!

Но случилось так, что свидетелем всей этой сцены стал еще один человек, который стоял поодаль, закутавшись в покрывало. И это был сам Макхонлал. Сначала, решив, что его место занял какой-то незадачливый незнакомец, Макхон необычайно обрадовался. Но когда появилась Хоймоботи, он сообразил, что незнакомец — муж его родственницы. Макхонлал пожалел ее и сам во всем признался:

— Смертный грех будет на мне, если я ввергну близкого человека в такую беду, — сказал Макхон. И, указав пальцем на двух своих жен, добавил: — Вот мой камень и вот моя веревка.

Долго еще деревенские жители дивились благородству и героизму Макхонлала.

ОТРЕЧЕНИЕ

1

Первое полнолуние фальгуна. Весенний ветер разносит аромат едва распустившихся цветов манго. На берегу пруда, в густых ветвях старого личу, поет неутомимая, не знающая сна папия. Ее пение слышно в одной из спален дома Мукерджи. Хэмонто взволнован. Он то коснется волос жены, наматывает прядь их себе на палец, то вдруг начнет звенеть ее браслетами, то слегка потянет цветы, украшающие ее голову, и они падают ей на лицо. Так вечером обвеваает ветер засыпающий цветок, пытаюсь пробудить его.

Но жена сидит, не шевелясь, устремив взгляд в бесконечную пустоту, залитую лунным светом. Волнение мужа не трогает ее. Тогда Хэмонто берет руки жены в свои и нетерпеливо встряхивает их.

— Кушум, где ты? Мне кажется, ты так далеко, что, если даже смотреть на тебя в подзорную трубу, ты все равно будешь такой же крохотной, как точка. А мне очень хочется, чтобы сегодня ты была близко, совсем рядом. Посмотри, как прекрасна ночь!

Кушум медленно перевела взгляд на мужа.

— Я знаю одну вещь, которая вмиг может уничтожить и красоту этой лунной ночи, и эту весну, и все прекрасное, что есть на земле.

— Ну и знай, — отвечает тот, — а говорить об этом не стоит. Вот если бы ты знала такое заклинание, которое

могло бы в одной неделе сделать три или четыре воскресенья или хотя бы продолжить ночь до следующего вечера, я с удовольствием выслушал бы его. — Хэмонто попытался привлечь Кушум к себе, но она отстранилась.

— Я расскажу тебе то, о чем хотела молчать до самой смерти. Сегодня, мне кажется, я готова вынести любое наказание.

Желая обратить слова жены в шутку, Хэмонто хотел было процитировать несколько строк о наказании из Джаядевы, но в это время послышалось шарканье ночных туфель — знакомые тяжелые шаги отца Хэмонто — Хорихора Мукерджи. Хэмонто встал. Остановившись у дверей, Хорихор грозно крикнул:

— Сейчас же выгони жену из дома.

Хэмонто взглянул на Кушум. Та ничуть не удивилась, лишь в страхе закрыла лицо руками, словно хотела собрать все свои душевные силы, чтобы спрятаться за ними.

С юга дул ветер. Он по-прежнему доносил пение пании, но никто не слышал его. Как бесконечна красота природы и как легко она рушится!

2

Хэмонто вошел в комнату.

— Это правда? — спросил он жену.

— Правда, — ответила та.

— Почему же ты до сих пор молчала?

— Я много раз собиралась сказать и никак не могла решиться. Большой грех на мне.

— Расскажи мне все сегодня, сейчас.

И Кушум начала говорить тихо, но очень решительно. Казалось, она, выпрямившись во весь рост, медленно идет сквозь огонь, но никто так и не узнал, какие страшные ожоги она получила. Дослушав до конца, Хэмонто молча вышел.

Кушум поняла: ей уже не вернуть мужа. Уход Хэмонто не удивил ее. Это печальное событие она восприняла так же просто, как и другие, самые обычные проис-

шествия. Ум ее словно оцепенел. Она понимала лишь одно: мир, в котором она жила, и любовь были ложью, обманом. Кушум вспомнила все уверения Хэмонто в любви, и жестокий, злобный смех, словно острый нож, безжалостно пронзил ее мозг. «Вот она — любовь, — думала Кушум, — такая возвышенная, сильная, нежная». Казалось, сердце разорвется, если хоть на миг расстаться с ней, даже мгновенное ее прикосновение приносило беспредельную радость. Казалось, сама смерть была не в силах отнять это счастье. И вот от одного удара вся любовь превратилась в прах. Еще совсем недавно Хэмонто с трепетом в голосе шептал Кушум на ухо: «Какая чудная ночь!» Ночь еще не кончилась, все так же поет папия, южный ветер колышет полог у кровати, а луна, словно утомленная счастьем красавица, покоится на постели у самого окна.

«Все ложь! А любовь еще более лжива, чем я».

3

Проведя бессонную ночь, Хэмонто, едва настало утро, как одержимый вбежал в дом Пэришонкора Гхошала.

— В чем дело, бабу? Какие новости? — как ни в чем не бывало спросил Пэришонкор.

Лицо Хэмонто пылало, голос срывался:

— Ты погубил наш род, отнял у меня самое дорогое, ты мне за это ответишь!

Пэришонкор усмехнулся:

— А-а, зато вы охраняли мой род, мою семью, гладили меня по спинке! Вы так обо мне заботились, так меня любили!

Хэмонто готов был в ту же минуту испепелить Пэришонкора лучами Брахмы, но это несбыточное желание лишь распаляло его собственный гнев. Пэришонкор удобно расположился в кресле.

— Что мы тебе сделали? — хрипло спросил Хэмонто.

— Об этом же я хотел спросить тебя. У меня одна-единственная дочь. Чем она провинилась перед твоим отцом? Ты в то время был еще ребенком и, возможно,

ничего не знаешь. Ну, так слушай внимательно, я расскажу много забавного...

Так вот, ты был еще ребенком, когда Нобоканто, муж моей дочери, прихватив ее драгоценности, сбежал в Англию. Через пять лет он стал адвокатом и вернулся домой. Вот тут-то все и началось. Ты, я думаю, кое-что помнишь. А может быть, и нет. В то время ты учился в школе, в Калькутте. Твой отец был старостой, он сказал мне: «Если ты отправишь дочь к мужу, то никогда больше не сможешь пустить ее в свой дом». Я умолял твоего отца, в ногах у него валялся, готов был целовать ему руки. «Дада, — просил я, — прости его. Я заставлю его совершить очищение, примите его снова в касту». Но твой отец был непреклонен; я же не мог отказаться от единственной дочери. Пришлось оставить касту, деревню и переехать в Калькутту. Однако на этом мои несчастья не кончились. Все было готово к свадьбе моего племянника, но тут снова вмешался твой отец; он рассказал родителям невесты о родственниках ее жениха и расстроил свадьбу. Я поклялся, что не буду сыном брахмана, если не отомщу. Теперь, я надеюсь, ты кое-что понял. Но это еще не все. Наберись терпения и выслушай меня до конца, останешься доволен. В том, что я расскажу, есть кое-что интересное...

Когда ты учился в колледже, рядом с домом твоего отца был дом Бипродаша Чаттерджи, помнишь? Бедняги нет в живых. Так вот господин Чаттерджи приютил в своей семье сироту из касты каястха, красивую девочку-вдову, по имени Кушум. Старому брахману приходилось прилагать немало усилий, чтобы прятать ее от жадных глаз студентов. Но разве трудно девушке обмануть старика? Кушум обычно сушила белье на крыше и потому часто поднималась туда; а у тебя, видно, занятия не шли на ум, ты тоже постоянно сидел на крыше. Разговаривали вы или нет, известно лишь вам одним, но у старика возникло подозрение. Девушка очень изменилась: она стала все делать не так, забывала о еде, о сне, словно кающаяся Гаури. А иногда по вечерам не могла сдерживать беспричинных слез.

В конце концов старик обнаружил ваши молчаливые свидания. Ты даже в колледж перестал ходить и целые

дни просиживал с книгой в руках на крыше — у тебя вдруг появилась страсть к уединенным занятиям. Бипродаш пришел ко мне за советом.

— Дядюшка, — ответил я, — ты давно хотел побывать в Каши. Оставь девушку мне и отправляйся в паломничество. Не беспокойся, я о ней позабочусь.

И Бипродаш отправился на богомолье. Я поселил Кушум в доме Шрипоти Чаттерджи, выдав ее за свою дочь. Что произошло потом, тебе известно. Знал бы ты, с каким удовольствием я рассказал тебе обо всем. Хорошо бы записать всю эту историю и напечатать, но, к сожалению, я не смогу этого сделать. Кажется, мой племянник кое-что пописывает — расскажу ему. Но, конечно, было бы всего лучше, если бы ты сам помог ему, ведь я не знаю как следует, чем все это кончилось.

Не обращая внимания на последние слова Пэришонкора, Хэмонто спросил:

— И Кушум не противилась свадьбе?

— Да как тебе сказать? Ведь знаешь, бабу, девушки всегда говорят «нет», а сами рады. Вначале, когда она переехала в дом Шрипоти, она была как безумная. Но ты вскоре откуда-то узнал, где она, и часто, направляясь в колледж, почему-то сбивался с дороги, приходил к дому Шрипоти и бродил вокруг, словно что-то разыскивал. Вряд ли ты искал улицу, где находился Президентский колледж, ведь через окно в доме почтенного человека можно попасть только к сердцу девушки. Узнав все это, я сильно опечалился. Вижу, ты не можешь заниматься, ей тоже жизнь не в жизнь. И вот однажды я позвал Кушум и говорю ей:

— Дитя, я старик, меня не надо стыдиться, я знаю, о ком ты думаешь. Мальчишка тоже потерял голову. Я хочу помочь вам, хочу, чтоб вы были вместе.

Кушум разрыдалась и бросилась вон из комнаты. С тех пор я почти каждый вечер бывал у Шрипоти, заводил разговор с Кушум о тебе и постепенно убедил ее в том, что для вас обоих нет иного пути, кроме брака. «Как же это сделать», — терзалась Кушум. На это я ответил: «Я скажу, что ты благородного происхождения».

После долгих уговоров она наконец велела мне поговорить с тобой. Но я сказал ей, что парень и так сходит с ума и незачем его расстраивать. Если все окончится благополучно, вы будете счастливы. Зачем же делать беднягу несчастным на всю жизнь, тем более что никто об этом никогда не узнает?

Я не знал, поняла ли Кушум меня. Иногда она плакала, но чаще отмалчивалась. В конце концов я сказал: «Ну что ж, поступай, как знаешь». И тут ее снова охватила тревога. Тогда-то я и послал тебе от имени Шрипоти предложение вступить с ней в брак. Ты немедленно дал свое согласие. Мы договорились обо всем, что касалось свадьбы. Но незадолго до нее Кушум так разволновалась, что я никак не мог успокоить ее. Она хватала меня за руки, падала в ноги и кричала: «Дада, так нельзя, это нехорошо!» Я отвечал: «Да ты что! Все решено, что я теперь скажу!» — «Скажи, что я умерла, и увези меня отсюда», — умоляла Кушум. «А что будет с ним? — спрашивал я. — Сейчас он как в раю и мечтает о завтрашнем дне, когда осуществится его заветное желание. И вдруг я скажу ему, что ты умерла. Ведь он покончит с собой, а когда я сообщу тебе об этом, ты в тот же день лишишь себя жизни! Ты, что же, хочешь, чтобы на старости лет я стал убийцей?»

После этого выбрали счастливый день и отпраздновали счастливую свадьбу. Я выполнил свой долг и был вполне удовлетворен. Что произошло потом, ты знаешь.

— Хорошо, ты достиг того, к чему так долго стремился, но зачем было рассказывать об этом? — спросил Хэмонто.

— Я узнал, что скоро свадьба твоей младшей сестры, и подумал: один род брахманов погиб, но это было в силу стечения обстоятельств. Однако нельзя допустить, чтобы погиб еще один род, мой долг помешать такому несчастью. Поэтому я и сообщил родителям жениха о том, что Хэмонто женат на дочери шудры и что у меня есть неопровержимые доказательства этого.

Хэмонто с трудом сдерживал свой гнев.

— Что будет с этой женщиной, если я брошу ее? Ты возьмешь ее к себе?

— Зачем? — удивился Пэришоннор. — Я выполнил свой долг. Не моя обязанность заботиться о брошенных женах... Эй, принесите-ка для Хэмонто-бабу стакан кокосового сока со льдом и бетель!

Хэмонто ушел, желая поскорее избавиться от этого «ледяного» гостеприимства.

4

Прошло несколько дней.

Глубокая темная ночь. Во мраке черным пятном выделяется дерево личу на берегу пруда. Птицы смолкли. Только ветер слепо мечется в этой тьме, словно ночь схватила его, а он пытается вырваться из ее объятий.

Звезды, разорвав черный покров неба, пристально смотрят на землю, будто стараясь проникнуть в какую-то тайну.

В спальне темно. Хэмонто сидит около окна на постели, устремив неподвижный взгляд в темноту. На полу, прижавшись лицом к его ногам, лежит Кушум. Время будто остановилось. Оно — как неподвижный океан. Кажется, что на бескрайнем полотне ночи неведомый художник нарисовал эту картину: кругом смерть, в центре — судья, а у его ног — преступник.

Снова послышалось шарканье туфель. К дверям подошел Хорихор Мукерджи.

— Много времени прошло! Больше я не желаю ждать. Выгони женщину из дому!

Кушум на мгновение еще крепче обняла колени Хэмонто, словно прощаясь с радостью и счастьем своей жизни, потом поцеловала ноги мужа и медленно встала.

— Я не брошу жены, — решительно проговорил Хэмонто.

— Значит, хочешь быть изгнанным из касты?! — взревел Хорихор.

— Я не признаю каст!

— Тогда убирайся вон и ты!

О Д Н А Н О Ч Ь

С Шурбалой мы вместе ходили в начальную школу, вместе играли. Когда я приходил к ним, ее мать всегда ласково встречала меня и, глядя на нас, часто восклицала: — Что за чудесная пара!

И хотя я был тогда мальчишкой, я, разумеется, догадывался о значении этих слов.

В моем сознании прочно засела мысль, что у меня больше всех прав на Шурбалу. И я не берусь утверждать, что, опьяненный своей властью, не притеснял и не угнетал мою подружку. Девочка безропотно исполняла все мои приказания и терпела обиды. В деревне она славилась красотой, но в глазах дикого мальчишки красота не имела никакой ценности, — я знал одно: Шурбала родилась на свет лишь для того, чтобы подчиняться моей власти, и поэтому считал ее объектом, достойным презрения.

Отец мой служил управляющим у заминдара Чоухури. Он и из меня мечтал сделать управляющего, намереваясь, когда я подрасту, обучить меня работе в заминдарской конторе. Но все мое существо восставало против этого. Я собирался добиться не меньшего в жизни, чем наш деревенский Нилротон, который сбежал в Калькутту, получил там образование и теперь работал инспек-

тором по сбору налогов. Ну, а уж если мне не удастся получить место инспектора, то по крайней мере поступлю клерком в суд, бесповоротно решил я. Я всегда замечал, что судейским чиновникам отец мой оказывает особые знаки уважения. С детства я усвоил, что им нужно подносить рыбу, овощи, деньги, и потому относился с чрезвычайным благоговением ко всем даже самым незначительным служащим суда, в том числе и к курьерам. В нашей Бенгалии они и есть те божества, которым следует поклоняться, они составили миллионы новых, хотя и жалких, воплощений божеств. Люди, стремясь к успешному завершению своих дел, уповают на них больше, чем на дарующего успех Ганешу, и весь тот доход, который раньше причитался Ганеше, сейчас получают они.

Воодушевленный примером Нилротона, я воспользовался однажды удобным случаем и сбежал в Калькутту. Сначала меня приютил наш земляк, потом отец стал высылать мне деньги, и я получил возможность учиться. Учеба шла заведенным порядком.

Тогда же я вступил в одно общество, ибо не сомневался в том, что совершенно необходимо пожертвовать жизнью во имя родины. Однако я не имел никакого понятия, как осуществить это на деле, и никто не спешил подать мне пример. Но, право, я не испытывал недостатка в энтузиазме. Мы, люди деревенские, не научились все высмеивать, подобно скороспелой калькуттской молодежи. Руководители нашего общества произносили речи, а мы, голодные, под палящим полуденным солнцем бродили от дома к дому с подписными листами, выпрашивая милостыню, стояли на улицах, распространяя воззвания, готовили залы для собраний, расставляя там стулья и лавки, и в любой момент готовы были браться в драку, чтобы защитить честь наших вождей. Городские парни, видя наше рвение, называли нас деревенщиной.

Я приехал в Калькутту, чтобы стать инспектором, но тут же стал готовить себя в Мадзини или Гарибальди. Между тем мой отец и отец Шурбалы решили нас поженить. Я сбежал в Калькутту, когда мне было пятнадцать лет, а Шурбале восемь. Прошло три года, и отец

решил, что мне пора жениться. Я же в душе поклялся отдать свою жизнь родине и никогда не обзаводиться семьей, а отцу сказал: «Не женюсь, пока не кончу ученье».

Через несколько месяцев мне сообщили, что Шурбала вышла замуж за господина Рамлочона, адвоката. Занятый сбором пожертвований на разоренную Индию, я счел известие о свадьбе Шурбалы сущим пустяком.

Я поступил в колледж и уже сдал экзамены за первые два года, когда умер мой отец. После смерти, кроме меня, остались еще мать и две сестры. Пришлось бросить учение, заняться поисками работы. С превеликим трудом удалось мне получить место второго учителя начальной школы в маленьком городишке округа Ноакхали.

Я считал, что мне повезло. Наставляя и воодушевляя учеников, можно воспитать среди них полководцев для будущей Индии.

Однако вскоре я убедился, что предстоящие экзамены важнее будущего Индии. Да и старший учитель приходил в ярость, если с учениками говорили о чем-нибудь другом, кроме алгебры и грамматики. Через месяц-два пыл мой прошел.

Бесталанные люди, подобные мне, сидя дома, строят воздушные замки. Но стоит им приняться за дело, как они тотчас же уподобляются рабочей скотине, которая изо дня в день покорно тащит плуг, терпеливо снося побои. Таким людям ничего не надо, они довольны, если вечером им удастся набить желудок.

На случай пожара одному из учителей надлежало жить в школе. Я был человек одинокий, и эта обязанность выпала на мою долю. Я поселился в небольшой пристройке, примыкающей к школьному зданию. Школа была расположена на берегу пруда в стороне от жилых домов. Вокруг росли арековые и кокосовые пальмы, деревья мадар, а возле самой школы возвышались два вековых исполинских нима, ветви их тесно сплелись, даруя тень.

Я не рассказал об одном обстоятельстве, так как не считал его достойным упоминания. Неподалеку от школы находился дом господина Рамлочона Рая. Он жил там с женой, подругой моего детства, — Шурбалой. Я позна-

комился с господином Рамлочоном. Трудно сказать, знали Рамлочон, что мы когда-то дружили с Шурбалой, но мне казалось неуместным заводить разговор об этом. Да я и не придавал особого значения нашей детской дружбе. Я почти не вспоминал о том, что некогда моя жизнь как-то была связана с Шурбалой. Однажды, во время школьных каникул, я навестил господина Рамлочона. Не помню точно, о чем мы беседовали, кажется, обсуждали тяжелое положение Индии. Нельзя сказать, чтобы господин адвокат был озабочен или испытывал особую печаль по этому поводу, но он был не прочь в течение часа-полтора, потягивая трубку, ради развлечения потолковать об этом.

Во время беседы с Рамлочоном из соседней комнаты до моего слуха донесся нежный перезвон браслетов, шуршанье одежды и звуки шагов; я почувствовал на себе пристальный взгляд.

Мне вспомнились глаза — большие, светящиеся детским обожанием, доверчивостью и искренностью, черные-черные зрачки, густые темные ресницы, спокойный и нежный взгляд. Сердце заныло от боли, словно чей-то грубый кулак неожиданно сжал его.

Я вернулся домой, но боль не утихала. Читал ли я, писал ли, что бы ни делал, я не мог унять душевного страдания. Сердце, отяжелев от боли, тоскливо билось в груди.

Вечером, несколько успокоившись, я принялся размышлять над тем, почему все так получилось. «Ты потерял свою Шурбалу!» — родился в душе ответ.

«Но ведь я сам, по собственной воле, отказался от нее! — возразил я себе. — И разве стала бы она так долго ждать?» «Теперь ты хоть всю жизнь бейся головой об пол в отчаянии, у тебя нет права взглянуть на ту, которая, пожелай ты тогда, стала бы твоей, — нашептывал тот же голос. — Пусть Шурбала была когда-то рядом с тобой! Что из этого? Сейчас ты можешь слушать лишь звон ее браслетов или вдыхать аромат масла, которым она смазывает волосы. Вас навеки разделила стена». «Подумаешь, что мне Шурбала», — возражал я. «Да, сейчас Шурбала тебе чужая. Но кем она могла стать для тебя!»

И это было правдой! Кем она могла стать для меня! Самым близким человеком, другом, который делил бы со мной горе и радость. А теперь она так далека; видеть ее запрещено, говорить с ней — преступление, думать о ней — грех. Неизвестно откуда появился какой-то Рамлочон, произнес несколько заученных наизусть мантр и в одно мгновение оторвал Шурбалу от всего мира!

Я не собираюсь вводить новые законы в человеческое общество, подрывать его устои или разрывать существующие связи. Я поведал лишь о том, что творилось в моем сердце, хотя, впрочем, не знаю, достойно ли внимания каждое движение собственной души. Я никак не мог избавиться от мысли, что у меня больше прав на Шурбалу, чем у Рамлочона Рая, под кровом которого она жила.

Я понимаю, что такого рода притязания не имели под собой никакой почвы и были неуместны с моей стороны, но разве они противоестественны?

С тех пор я не мог сосредоточиться ни на какой работе. В полдень, когда дети повторяли уроки и в классе стоял гул голосов, а снаружи все замирало и теплый ветерок приносил с собой аромат цветов дерева ним, во мне рождались какие-то неясные стремления, — не знаю, чего я хотел, но могу сказать лишь одно — меня вовсе не радовала перспектива всю жизнь исправлять грамматические ошибки всех этих многообещающих деятелей будущей Индии.

Наступили каникулы. Оставшись один в огромном доме, я не находил себе места, но мысль пойти навещать кого-нибудь была мне так же невыносима. По вечерам, прислушиваясь к бессмысленному шепоту листьев арековых и кокосовых пальм на берегу пруда, я думал о том, что человеческое общество опутано сетью заблуждений. Ни один человек не заботится о том, чтобы вовремя совершить тот или иной поступок, а когда уже поздно, — мучается, стремясь к невозможному. Женившись на Шурбале, говорил я себе, ты бы счастливо прожил до глубокой старости. Ведь все равно из тебя не вышел Гарибальди, в конце-то концов ты всего лишь второй учитель в деревенской школе! А Рамлочон Рай — адвокат, и ему вовсе не обязательно было становиться

супругом Шурбалы. Он женился на Шурбале не задумываясь, точно так же, как не думал о ней до свадьбы.

Работая прокурором, Рамлочон получает пять рупий в день; в те дни, когда молоко подгорит, он бранит Шурбалу, когда же на душе у него радостно, покупает ей украшения. Толстый, неизменно одетый в чапкан, Рамлочон всегда доволен, и, уж конечно, он не станет проводить вечера на берегу пруда и любоваться звездами.

Однажды Рамлочон уехал на большой судебный процесс в другой город. Я подумал, что Шурбале в ее доме столь же одиноко, как и мне в школе.

Кажется, это был понедельник. Уже с утра облака затянули все небо. Потом начал моросить дождь. Старший учитель, заметив перемену в погоде, распустил учеников по домам. Весь день по небу носились громадные черные тучи, они словно собирались свершить нечто ужасное.

На другой день вечером подул резкий ветер, хлынул дождь, а ночью разразилась буря.

Тщетно пытался я уснуть. Мысль о том, что Шурбала в такую ночь совсем одна, не давала мне покоя... Наше школьное здание было надежнее, чем жилище Рамлочона Рая. Сколько раз за ночь принимал я решение пойти за Шурбалой и привести ее в школу, а самому отправиться на берег пруда, но так и не посмел. Около половины второго ночи послышался угрожающий шум, — океан вышел из берегов. Я выбежал из школы и пошел к дому Шурбалы. Когда я дошел до пруда, вода была мне уже по колено. В одном месте берег возвышался на десять-одиннадцать локтей. Я взобрался на этот холм и увидел, как кто-то с противоположной стороны поднялся на него. Всем своим существом, всей душой я почувствовал, кто это. Я не сомневался, что она тоже узнала меня. Вода скрыла все, остался лишь маленький островок и мы вдвоем.

Казалось, пришел конец света, на небе погасли звезды, на земле — огни, в этот момент нужно было лишь слово, одно заветное слово, но никто не произнес его.

Мы сидели, вглядываясь в темноту. У наших ног с ревом несясь бездонный, черный, обезумевший смертоносный поток.

Той ночью Шурбала, покинув весь мир, пришла ко мне. В ту ночь для нее не существовало никого, кроме меня. Появившись из другой жизни, из некоего вечного и таинственного мрака, Шурбала далекого детства поселилась недалеко от меня на этой шумной, залитой солнечным и лунным светом земле; той ночью после стольких дней Шурбала наконец, покинув эту залитую светом и переполненную людьми землю, одна среди страшного безлюдного губельного мрака приблизилась ко мне. Поток рождения подарил мне нераспустившийся цветочный бутон, поток гибели на своих волнах принес ко мне распустившийся цветок. И налети еще волна, она увлекла бы нас за собой, чтобы слить воедино.

Но пусть эта волна не придет! Да будет вечно счастлива Шурбала со своим мужем и сыновьями! Я же в эту единственную ночь, стоя на берегу великого потока гибели, узнал, что такое беспредельное счастье.

Ночь была на исходе, буря утихла, вода спала, — Шурбала, не сказав ни слова, ушла домой, так же молча вернулся к себе и я...

Я не стал ни инспектором, ни управляющим, не вышел из меня и Гарибальди, я всего лишь второй учитель в простой школе, и за всю мою жизнь лишь на одну ночь расступилась передо мной беспросветная мгла. Но эта единственная ночь придает смысл всей моей жизни.

КАРТОЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

1

Далеко в море есть остров. Там живут карточные Короли, Дамы, Тузы и Валеты. Живут там еще Двойки, Тройки, Девятки и даже Десятки, но они не принадлежат к избранному обществу.

Избранное общество составляют Тузы, Короли и Валеты. Девятки и Десятки — неприкасаемые, общаться с ними неприлично.

Здесь заведены удивительные порядки. Издавна установлено, какая карта сколько стоит, в какой мере каждой из них следует оказывать почет и уважение, и все эти порядки не подлежат ни малейшему сомнению. Каждый из поколения в поколение делает то, что ему положено, по примеру своих предков.

Но человеку из другой страны трудно понять, что они делают. Назвать все это только игрой было бы неверно. Вся жизнь этих существ подчинена раз навсегда установленным законам. Невидимая рука управляет ими, поэтому они и двигаются.

Лица их словно застыли и никогда не меняют своего выражения. Обувь и одежду они носят такую, как во времена царя Мандхаты.

Никто из них никогда ни над чем не задумывается, не принимает никаких решений. Все двигаются тихо, молча. Даже падают они бесшумно и, лежа навзничь, безо всякого интереса смотрят вверх.

У них нет ни желаний, ни надежд, ни страха, нет стремления найти какой-то новый путь в жизни, нет улыбок, нет слез, нет сомнений, нет колебаний. Птица, попав в клетку, бьется в отчаянии, а у этих ярко раскрашенных фигурок нет даже стремления к свободе, стремления, которое свойственно всему живому. Но ведь когда-то в клетке сидела живая птица, клетка раскачивалась, птица билась о прутья, слышалась песня, которая вызывала воспоминания о непроходимых лесах и голубых просторах неба.

Теперь же осталась только узкая клетка с железными прутьями, расположенными в строгом порядке. Улетела птица или умерла, а может быть, она живет с умершей душой, — кто знает.

Вокруг — удивительная неподвижность, покой, полная безмятежность и довольство. И на дорогах, и в домах — все и везде подчинено порядку. Ни протеста, ни споров, ни стремлений, ни желаний, только будничные дела, мелкие и незначительные, да скучный отдых.

Тысячью мягких белопенных ладоней море неустанно и монотонно ударяет о берег, убаюкивая весь остров. Небо, раскинувшееся, словно два голубых крыла, тоже хранит спокойствие от горизонта до горизонта. А далеко-далеко, где-то на том берегу, в серо-голубой дымке виднеется другая страна, но любовь и ненависть, споры и шум не могут долететь оттуда.

2

На том далеком берегу, в той другой стране жил принц, сын изгнанной мужем рани. Здесь, вместе с матерью, проводил он свое детство.

Часто, погруженный в думы, юноша подолгу сидел один на берегу моря и сплетал в мечтах своих огромную сеть желаний. Забросив сеть за горизонт, он захватывал в нее все новые и новые тайны этого мира. Но почему-то его беспокойная мысль всегда возвращалась к дальнему берегу, туда, где над горизонтом вздымались голубые горы. Он хотел знать, где сказочные крылатые кони и драгоценный камень, что сверкает на лбу у дракона, где

самый красивый в мире цветок, где можно найти волшебные палочки, золотую и серебряную, где спит прекрасная принцесса, которая живет за семью морями, тринадцатью реками — в неприступном дворце злого волшебника.

Принц ходил в школу. После уроков сын купца рассказывал ему о путешествиях в дальние страны, а сын начальника городской стражи — о Тале и Бетале.

Однажды, когда шел дождь и тучи затянули все небо, принц с матерью сидел у открытых дверей своего дома и смотрел на море:

— Расскажи мне о какой-нибудь далекой стране, мама, — попросил он.

Мать долго рассказывала ему удивительные истории об удивительных странах, которые слышала еще в детстве. И эти истории, рассказанные под шум дождя, еще сильнее разожгли его желание отправиться в далекое путешествие.

Однажды сын купца пришел к принцу и сказал:

— Ну, друг, наши занятия кончились. Я отправляюсь в путешествие и пришел проститься.

— Возьми меня с собой, — попросил принц.

Тогда сын начальника городской стражи сказал:

— А я что, один останусь? Нет, возьмите и меня с собой.

Принц пошел к своей бедной матери и сказал:

— Мама, разреши мне отправиться путешествовать. Я хочу найти средство, которое избавит тебя от печали.

И три друга отправились в путь.

3

На берегу моря стояли наготове двенадцать лодок, принадлежавших сыну купца. Друзья сели в них. Южный ветер надул паруса, и лодки понеслись, подобно сокровенным желаниям принца.

На острове Драгоценных раковин они наполнили одну лодку раковинами, на Сандаловом острове — сандалом, на Коралловом острове — кораллами.

Прошло четыре года. Они побывали в местах, где добывают слоновую кость, мускус, гвоздику и мускатный орех. Но когда четыре лодки были наполнены всем этим, внезапно разразилась ужасная буря. Все лодки потонули, и лишь одна, в которой плыли три друга, была выброшена на берег и там разбилась. Это был как раз тот самый остров, где жили, следуя своим неизменным законам, Тузы, Короли, Дамы и Валеты и где, согласно тем же законам, Десятки-Девятки служили им.

4

В карточном королевстве до сих пор никогда не было никаких недоразумений. Но появление на берегу неизвестных людей внесло тревогу и беспокойство.

Впервые после стольких дней бездумного благополучия возник спор, к какому же классу отнести троих людей, которых однажды вечером неожиданно принесло море.

Во-первых, каково их положение в обществе — Тузы ли они, Короли, Валеты или, быть может, Десятки-Девятки?

А во-вторых, какой они масти: пики, трефы, червы или бубны?

Не решив всех этих вопросов, нельзя было определить, как с этими людьми держаться, какую пищу они будут есть, с кем будут общаться, кто из них будет спать головой на северо-запад, кто — на юго-запад, кто — на северо-восток, а кто, пожалуй, и стоя?

До сих пор в этом королевстве никогда не решались такие серьезные проблемы.

Между тем изголодавшиеся путешественники ни о чем не догадывались. Они мечтали только о том, как бы поесть. Но вскоре друзья заметили, что никто не решается их накормить. Узнали они и о том, что Тузы созвали большое собрание, чтобы определить их место в обществе. И тогда уже без церемоний они сами стали добывать себе пищу.

Их поведение поражало даже Двойки и Тройки. Однажды Тройка сказала:

— Слушай, Двойка, какие они невоспитанные!

На что Двойка ответила:

— О да! Я вижу, они принадлежат к еще более низкой касте, чем мы с тобой.

Постепенно придя в себя и утолив немного голод, три друга стали замечать, что обитатели этого острова — люди не совсем обычные. Казалось, они ничем не связаны с этим миром. Будто кто-то схватил их за тики и оторвал от него. И теперь они, никак не соприкасаясь, с тем, что их окружает, болтаются в воздухе. Делали они все словно по принуждению, как куклы, которых приводит в движение кукольник. Лица их не отражали ни чувств, ни мыслей, ходили они все чрезвычайно серьезные, важные, придерживаясь все время каких-то правил. Одним словом, вид у них был очень странный.

Глядя на этих глубокомысленных живых мертвецов, принц однажды не выдержал и, запрокинув голову, громко расхохотался. Это проявление чувства было необычным и удивительным в безмолвном мире карточного королевства. Веселый смех был воспринят как нарушение порядка и заставил насторожиться, встревожиться и замереть всех этих аккуратных, таких рассудительных, таких серьезных людей. И они стали еще более серьезными и рассудительными.

Друзья принца, совершенно обескураженные, сказали ему:

— Друг, в этом безрадостном королевстве, мы, пожалуй, долго не выдержим. Еще дня два, и нам придется трогать время от времени самих себя и смотреть, живы мы еще или нет.

— Нет, братья, — возразил принц. — Все это очень интересно. Ведь они так похожи на людей! Мне все же хочется расшевелить их. Посмотрим, есть ли в них хоть капля жизни.

Б

Шли дни. Обитатели острова по-прежнему не могли подыскать такие рамки своих законов, в которые вошли бы эти три пришельца. В тех случаях, когда надо было встать, сесть, повернуть голову, лечь лицом вниз или вверх, покачать головой или перевернуться, они только

смеялись, не желая ничего этого делать. Они никак не хотели понять, что во всей этой строго установленной деятельности кроется глубокий смысл.

И вот однажды к принцу и его друзьям пришли Тузы, Короли и Валеты. На лицах у них застыла серьезность, а голос звучал так глухо, будто они говорили в глиняный горшок:

— Почему вы не подчиняетесь нашим Законам?

— Не желаем, — хором отвечали друзья.

— Не желаем? А что значит желать? — тем же глухим безжизненным голосом спросили предводители карточного королевства.

Они так и не поняли, что значит желать. Однако со временем стали понимать это. Каждый день они видели, что можно поступать так, а можно иначе, что есть как эта сторона, так и другая, — эти появившиеся откуда-то из-за моря живые люди своим примером показали, что даже в рамках Закона можно пользоваться безграничной свободой. Постепенно, сначала смутно и неясно, обитатели карточного королевства стали ощущать силу желания.

Но как только это произошло, пошатнулись самые основы королевства. Так, едва заметно, начинают шевелиться кольца огромного удава, который медленно пробуждается от сна.

6

Дамы этого общества тоже были ко всему безразличны. Они ни на кого не смотрели и молчаливо, спокойно делали свое дело. Но как-то в весенний полдень одна из них, смущенно подняв черные ресницы, бросила робкий взгляд на принца. «Что это? — удивился принц, — я думал, что все они просто картинки, а ведь это — женщина!»

Отозвав в сторону своих друзей, принц сказал:

— Братья, среди них есть настоящая красавица. Мне показалось, что во взгляде ее черных глаз, загоревшихся новым чувством, я увидел первую зарю вновь возникшего мира. Я долго ждал, и вот наконец вознагражден!

Друзья изумленно рассмеялись.

— Неужели правда, друг?

С того самого дня несчастная червовая Дама каждый день стала забывать правила поведения. Все чаще она отсутствовала там, где ей надлежало быть. Когда ей нужно было находиться рядом с Валетом, она вдруг оказывалась рядом с принцем. И Валет бесстрастно-серьезным голосом замечал:

— Дама, ты ошиблась.

При этих словах и без того розовое лицо червовой Дамы еще более розовело и она опускала свой тоже бесстрастный взгляд.

А принц заодно отвечал:

— Она вовсе не ошиблась, с сегодняшнего дня я — Валет.

Какое сияние, какая безграничная любовь струилась из расцветшего сердца женщины! Каким очарованием были полны все ее движения, и каждый взгляд выражал волнение души, от всего ее существа исходил необычайный аромат, напоминающий благовоние.

Все пытались вернуть грешницу на путь истины, но сами тоже стали делать ошибки. Тузы часто забывали о том, что необходимо поддерживать свое положение, стерлась разница между Королями и Валетами. Перемены коснулись даже Девяток-Десяток.

Каждую весну на этом древнем острове раздавалось пение кукушки, но в нынешнем году она запела так, как еще никогда не пела.

Всегда в этих краях был слышен шум моря, но до сих пор оно покорно и скупое рассказывало о величии вечного Закона. А теперь? Теперь оно бурлило и волновалось, выражая свое беспокойство игрой света и теней, восклицаниями и всплесками. Его волнение было подобно великому, как мир, не знающему преград волнению молодости, волнению, которое приносит с собой южный ветер.

7

Прошло еще какое-то время. Куда девались все Тузы, Короли и Валеты со своими довольными, сытыми, круглыми лицами. Они сидят на берегу моря, любуются небом! Некоторые не спят по ночам, а другие забывают даже поесть!

На одних лицах написана зависть, на других — любовь, на третьих — волнение или сомнение. Здесь — смех, там — шум, тут — песни. Все стали интересоваться друг другом, сравнивать других с собой. Туз думал: «Король, конечно, неплохой парень, но он некрасив, а в моих движениях такая величавость, что я невольно привлекаю взгляды». Король же думал: «Туз, когда ходит, семенит и сутулится, а воображает, что все Дамы замирают от восторга, увидев его». И, иронически усмехаясь, Король смотрелся в зеркало.

А Дамы начали усиленно наряжаться и сплетничать. «Умереть можно! И зачем только эта гордячка так разоделась! Стыдно смотреть даже», — говорили они и тут же начинали прихорашиваться.

То здесь, то там можно было видеть, как две подруги или два приятеля о чем-то шепчутся, уединившись от остальных. У этих существ появились теперь причины для смеха, для слез или гнева; то их одолевали гордость и самомнение, то они вдруг униженно обращались к кому-нибудь с просьбой.

Юноши, лениво развалившись на сухих листьях, сидели, прислонившись к стволу дерева. Девушки в синих одеждах задумчиво брели по тенистым аллеям, но, завидя юношей, опускали голову и отводили глаза, делая вид, будто пришли сюда случайно, вовсе не для того, чтобы кого-то увидеть.

Но вот какой-то безнадежно влюбленный юноша, вскочив, приблизился к ним, однако не мог вымолвить ни слова и стоял смущенный. Удобный момент был упущен, девушки медленно удалились.

На ветвях пели птицы, ветер трепал края одежды и локоны девушек, шелестел в листве, неумолчный шум моря еще сильнее возбуждал невысказанное желание сердца.

Так однажды весной трое юных пришельцев подняли бурю на некогда мертвых берегах.

Среди бушующего океана жизни вся страна словно замерла. Только робкие взгляды, только смутные желания, которые возникают, как песчаные домики, и так же

быстро разрушаются. Казалось, будто каждый сидит в углу своего дома и приносит себе же жертву и с каждым днем становится все слабее и нерешительней. Только глаза их горят, да подобно листу, что дрожит на ветру, трепещут губы от невысказанных слов.

Однажды принц собрал всех и сказал:

— Несите флейты, бейте в барабаны! Ликуйте! Червовая Дама будет выбирать себе мужа!

И тотчас же Девятки-Десятки заиграли на флейтах, а Двойки-Тройки стали бить в барабаны. В этом радостном возбуждении сразу были забыты и трепетный шепот и взгляды, которыми они обменивались.

Собравшись вместе на праздник, мужчины и женщины принялись разговаривать, смеяться, шутить. Сколько во всем этом было сердечности, сколько кокетливого притворства, сколько пустой, но милой болтовни! Это было подобно порыву ветра, который, поднявшись в густом лесу, создает веселую суматоху, раскачивая ветви, листья и лианы. На этом шумном празднике с самого утра звучали флейты. Какие только чувства не обуревали людей! Радость, волнение, любовь, страдания! Те, кто еще не знали любви, — полюбили, влюбленные — потеряли голову от счастья!

Червовая Дама, надев роскошный наряд, весь день просидела в отдалении, в тени деревьев. Издалека до нее доносилась музыка. Она закрыла глаза, потом открыла их — и неожиданно увидела, что перед ней сидит принц и смотрит на нее. Охваченная трепетом, она закрыла руками лицо.

После этого принц весь день ходил в одиночестве по берегу моря, вспоминая ее смущенный взгляд и лицо, стыдливо прикрытое руками.

9

Ночью, при свете сотен тысяч светильников, в аромате гирлянд, под звуки флейт, в окружении празднично одетых, весело смеющихся юношей, червовая Дама с гирляндой в руках робко остановилась перед принцем и склонила голову. Она так и не осмелилась поднять на него глаза и надеть гирлянду. Тогда он сам наклонил голову, и

гирлянда, выскользнув из ее рук, упала ему на шею. Все вокруг огласилось криками радости.

Под приветственные возгласы жениха и невесту повели к трону, где состоялась торжественная церемония коронации.

10

Несчастливая, изгнанная своим мужем рани, которая жила на дальнем берегу, приплыла на золотой ладье в новое королевство своего сына.

Люди-картинки, люди-карты стали настоящими живыми людьми. Теперь нет в королевстве безмятежного покоя и неизменной серьезности, как это было раньше. Жизнь наполнила новое королевство принца весельем и скорбью, любовью и ненавистью, счастьем и страданиями. Теперь там есть и хорошие и плохие люди, у них есть свои радости и печали. Теперь там все — люди. И если они порядочны — то порядочны, а если бесчестны — то бесчестны, но по собственной воле, а не в силу неизбежного Закона.

ЖИВА ИЛИ МЕРТВА?

1

Вдова Кадомбини жила в Ранихате, в доме заминдара Шародашонкора. Близких родственников у нее не было. Они все умерли. И маленький сын Шародашонкора, ее деверя, был для нее единственной отрадой. После рождения ребенка мать его долго болела, и Кадомбини воспитывала мальчика. Когда женщина заботится о чужом ребенке, ее привязанность к нему с каждым днем растет, потому что она не имеет на него никаких прав, кроме права любви. Но любовь не может доказать своих прав никакими документами, да она и не стремится к этому, любовь лишь с удвоенной страстью служит своему ненадежному кумиру.

Однажды ночью, в месяце срабон, Кадомбини внезапно умерла, истратив весь свой запас любви на мальчика. Ее сердце вдруг перестало биться. В мире по-прежнему все шло своим чередом, только в этой нежной маленькой любящей груди часы времени остановились навсегда. Чтобы не иметь дела с полицией, четверем служащим заминдара было велено тотчас же предать тело сожжению.

Место, где происходило сожжение трупов, находилось далеко от деревни. На берегу пруда стояла хижина, рядом росло высокое баньяновое дерево; вокруг расстилалось необозримое поле. Когда-то здесь протекала река.

Теперь она высохла, и в части ее русла был вырыт пруд для совершения погребальных обрядов. Окрестное население почитало пруд как часть некогда священной реки.

Слуги положили тело посреди хижины и уселись в ожидании дров для погребального костра. Время шло так медленно, что двое из них, Нитай и Гуручорон, не выдержали и пошли узнать, почему не несут дрова, а Бидху и Бономали остались сторожить тело.

Темная ночь. Такие ночи бывают только в месяце срабон. На небе, затянутом тяжелыми тучами, не видно ни одной звезды. Двое молча сидят в темной комнате. У одного из них спички и свеча, но спички настолько отсырели, что никак не зажигаются, а фонарь погас.

— Эх, хорошо бы сейчас закурить, — говорит один после долгого молчания, — из-за этой суматохи даже трубки не захватили.

— А я мигом сбегаю принесу, — отвечает другой.

Разгадав намерение Бономали, Бидху восклицает:

— Э-э нет. А я что, один здесь останусь?

Разговор снова прекращается. Пять минут кажутся часом. Бономали и Бидху мысленно посылают проклятия тем, кто ушел за дровами. Сидят где-нибудь, потягивают трубки да болтают.

Мертвую тишину нарушают только кваканье лягушек да стрекот цикад. Вдруг тело на носилках шевельнулось, людям показалось, будто женщина повернулась на бок.

Они задрожали и начали бормотать: «Рам! Рам!» И вдруг — о ужас! — раздался глубокий вздох. В мгновение ока Бидху и Бономали выскочили из хижины и стремглав помчались к деревне.

Пробежав около трех миль, они увидели, что их товарищи возвращаются. Они действительно успели покурить. Дров пока нет, однако они сообщили, что дерево уже срублено и дрова скоро будут на месте. Бидху и Бономали рассказали о том, что видели, но Нитай и Гуручорон не поверили и стали упрекать их в трусости. Все четверо возвратились в хижину. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что носилки пусты. В изумлении брахманы смотрели друг на друга. Возможно, тело стащили шакалы, но в таком случае дол-

жен был остаться хотя бы кусок ткани, покрывавший труп. Они вышли из хижины и на сырой земле увидели свежие следы маленьких женских ног. Что делать? Если рассказать Шародашонкору всю эту историю, ни к чему хорошему это не приведет. Посоветовавшись, решили сказать, что погребальный обряд совершен.

На рассвете, когда пришли люди с дровами, им сообщили, что в хижине нашлось немного дров и труп уже предали сожжению. Никто, разумеется, не усомнился в правдивости этих слов. Ведь тела умершей в хижине не было, да и не такое это богатство, чтобы кто-нибудь соблазнился украсть его.

2

Всем известны случаи, когда человек кажется мертвым, но жизнь в нем еще теплится. Так было и с Кадомбини. Она не умерла, а только казалась мертвой.

Когда Кадомбини очнулась, вокруг был непроницаемый мрак и женщина ничего не видела. Ей лишь показалось, что она спит не на том месте, где обычно.

— Сестра! — позвала она. Никто не откликнулся. Охваченная страхом, Кадомбини привстала и поняла, что лежит на носилках для умерших. Она вспомнила внезапную боль в груди и удушье. В этот момент ее свояченица, сидя в углу, грела молоко для ребенка. Кадомбини, обессилев, упала на постель.

— Сестра, принеси сюда ребенка, я умираю, — проговорила она прерывающимся голосом, теряя сознание.

После этого все вдруг потемнело, как темнеет лист бумаги от пролитых чернил. В помутившемся сознании Кадомбини в один миг смешались все буквы книги мира. Она уже не помнила, звал ли ее ребенок, когда она умирала, получила ли она, уходя из хорошо знакомого мира по бесконечному неведомому пути смерти, этот прощальный дар любви.

В первый момент безлюдную и непроницаемую темноту женщина приняла за обитель Ямы, где ничего не видно и ничего не слышно, где никто не трудится, но все вечно бодрствуют.

Но вот в раскрытую дверь ворвался прохладный влажный ветерок, где-то вблизи заквакали лягушки, в этот момент перед Кадомбини пронеслась вся ее короткая жизнь, полная невзгод, и женщина ощутила тесную связь с миром. Вдруг сверкнула молния и озарила пруд, баньян, широкое поле и длинный ряд темных деревьев вдали. Кадомбини вспомнила, как по праздникам приходила она на этот пруд совершать омовение и как пугалась, заведя на погребальном костре покойника.

Первой мыслью было вернуться домой.

«Но ведь я умерла! — подумала Кадомбини. — Как меня примут в доме? Я могу принести им несчастье. Я изгнана из царства живых, теперь я только призрак! Иначе как могла я в полночь из хорошо охраняемой женской половины дома Шародашонкора попасть на это далекое кладбище? Но погребальный обряд не окончен, куда же девались люди, которые должны были меня сжечь?» Она вспомнила ярко освещенный дом Шародашонкора в момент ее смерти, затем увидела себя одиноко стоящей на далеком, покинутом темном кладбище и поняла, что теперь она уже не человек. Она лишь страшный кошмар, грозная тень, призрак!

Едва Кадомбини подумала об этом, как с нее точно спали оковы земных законов, она почувствовала небывалый прилив сил и безграничную свободу. Теперь она могла делать все, что захочет, идти, куда вздумается. Почти обезумев от этого совершенно незнакомого ей состояния, Кадомбини быстро вышла из хижины и очутилась на кладбище. В душе ее не было и тени стыда или страха.

Но, пройдя немного, она почувствовала в ногах и во всем теле усталость. Всюду, насколько хватал глаз, простиралась бескрайняя равнина, кое-где попадались рисовые поля. Иногда Кадомбини вдруг замечала, что стоит по колено в воде.

Но вот забрезжил рассвет и среди деревьев у домов слышалось пение птиц. Кадомбини вдруг охватил страх.

Какие отношения установятся у нее теперь с миром и живыми людьми. Пока Кадомбини была на кладбище, среди ночного мрака, она чувствовала себя независимой.

Но днем при виде домов и людей ее охватил ужас. Люди боятся призраков, призраки же боятся людей, ибо их разделяет река смерти.

3

Одежда Кадомбини была вся в грязи, беспорядочные мысли терзали ее, и она стала походить на сумасшедшую. Если бы кто-нибудь увидел ее, в страхе шархнулся бы в сторону, а дети стали бы бросать в нее камни. К счастью, первый, кто попался ей навстречу, был одинокий путник.

— Госпожа, с виду ты женщина почтенная, — сказал он, подойдя к Кадомбини, — куда же ты бредешь одна, в грязи и лохмотьях.

Кадомбини не знала, что ответить, и молча смотрела на незнакомца. Она не верила, что не умерла, что выглядит как почтенная женщина и что с ней могут говорить.

— Пойдем! Я провожу тебя домой. Где ты живешь?

Кадомбини задумалась. Ей и в голову не приходило вернуться в дом деверя; а больше идти ей было некуда. Но тут она вспомнила о подруге детства Джогомае. Они не встречались с самого детства, но время от времени писали друг другу. Еще когда они были вместе, не раз Кадомбини пыталась доказать, что ее любовь к Джогомае безгранична, а Джогомая жаловалась на то, что Кадомбини не отвечает ей любовью на ее любовь. Однако обе были убеждены, что если бы им вновь довелось встретиться, то они не расстались бы ни на час.

— Я иду в Нишиндапур, в дом господина Потичорона, — сказала Кадомбини.

Путник направлялся в Калькутту и отвел Кадомбини в дом Потичорона-бабу. Нишиндапур как раз лежал на пути его, хотя от Калькутты находился довольно далеко.

Подруги встретились.

Сначала они не узнали друг друга. Но, приглядевшись повнимательнее к госте, Джогомая воскликнула:

— Я никогда не думала, что снова увижу тебя! Как ты попала сюда, дорогая, неужели деверь отпустил тебя? Кадомбини молчала.

— Сестра, не спрашивай меня о девере, — наконец промолвила она. — Дай мне уголок в своем доме и позволь быть твоей служанкой, я буду делать все, что ты пожелаешь!

— Что ты говоришь! — воскликнула Джогомая. — Моей служанкой? Да ведь ты моя лучшая подруга!

В этот момент в комнату вошел Потичорон. Кадомбини несколько мгновений смотрела на него, а затем медленно вышла. Она не накинула на голову край сари и не проявила никакой почтительности или смирения. Джогомая, боясь, что это вызовет недовольство мужа, стала подробно объяснять ему, в чем дело. Но Потичорон так легко на все согласился, что жене это показалось подозрительным.

Кадомбини осталась жить в доме своей подруги, но прежнего доверия между ними не было. Их разделяла смерть.

Молодая женщина не могла быть ни с кем откровенной, пока ее существование составляло загадку для нее самой. Кадомбини смотрела на Джогомаю и думала: «У Джогомаи есть муж, дом, и она живет в каком-то далеком-далеком мире. Джогомая любит и любима, у нее много всяких дел. Она земной человек, я же только тень. Джогомая живет в стране бытия, а я — в бесконечности».

Джогомая тоже ощущала какую-то неловкость от присутствия подруги, но не могла объяснить почему. Женщины не любят таинственности. Таинственность — спутница поэзии, героизма, учености, а в делах житейских она не нужна. Поэтому вещи, недоступные ее пониманию, женщина либо просто отвергает, либо старается придать им совершенно иной, нужный ей смысл и очень сердится, когда ей не удастся ни то, ни другое. Чем загадочнее становилась Кадомбини, тем сильнее росла в душе Джогомаи неприязнь к ней. «Вот беда свалилась на мою голову», — думала она. Человеку, который боится привидений, страшно даже очнуться, везде ему мерещатся страхи. А Кадомбини боялась самое себя, но от себя ведь не убежишь!

Не раз в полдень, когда все кругом погружалось в безмолвие и она оставалась одна в своей комнате, стон от-

чаяния вырывался из ее груди. По вечерам, заметив свою тень, женщина в ужасе вздрагивала. Ее страх передался и остальным обитателям дома. Слугам и даже Джогомае везде стали мерещиться призраки.

Однажды, в полночь, Кадомбини с плачем подбежала к дверям комнаты Джогомай.

— Сестра, сестра, умоляю тебя, не оставляй меня одну! — кричала бедная женщина.

Джогомая испугалась, но тут же рассердилась. Она хотела немедленно выгнать Кадомбини из дома. Сострадательному Потичорону с большим трудом удалось успокоить гостью и уложить ее в соседней комнате.

На следующий день жена вызвала его к себе:

— Теперь я вижу, что ты за человек! — неожиданно накинулась на него Джогомая. — Женщина оставляет своего деверя и поселяется в твоём доме. Прошел почти месяц, а ты даже не намекнул ей на то, что продолжаться так дальше не может! Ты ни разу не выразил недовольства. Объясни, пожалуйста, в чем дело? Вот уж правду говорят, что все вы, мужчины, таковы!

Мужчин, действительно, влечет к прекрасному полу. И женщины ставят им это в вину. Хотя Потичорон готов был поклясться жене в том, что его внимание к беспомощной, но красивой Кадомбини не выходит за рамки дозволенного, поведение его говорило о другом. Он считал, что семья деверя была несправедлива и жестока к вдове и, разумеется, Кадомбини ничего не оставалось, как искать убежища в его доме. Как же он мог бросить молодую женщину на произвол судьбы, когда у нее не было ни отца, ни матери? Сказав об этом, он попытался замять разговор, не желая терзать Кадомбини неприятными расспросами.

Тогда жена решила воздействовать на него другим способом. Наконец Потичорон понял, что для восстановления мира в семье необходимо написать деверю Кадомбини. Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что это ничего не даст, и потому решил поехать в Ранихат сам. Когда муж уехал, Джогомая сказала Кадомбини:

— Милая, ты не можешь больше оставаться у нас. Что скажут люди?

— Что мне за дело до людей! — отвечала женщина, печально взглянув на подругу.

Джогомаю удивили и рассердили эти слова.

— Если тебе нет дела до людей, то нам есть! — гневно воскликнула она. — Как мы объясним всем, почему так долго держим у себя женщину из чужого дома?

— Где же мой дом?

«Какой ужас, — подумала Джогомая, — что говорит эта несчастная?»

— Разве я из вашего мира? — медленно продолжала Кадомбини. — Разве я на земле? Вы смеетесь, плачете, любите, каждый из вас занят своим делом, я же только наблюдаю. Вы — люди, я только тень. Не понимаю, почему всевышний оставил меня в вашем мире? Вы боитесь, что я могу нарушить вашу жизнь и омрачить веселье, принести вам несчастье? Что связывает меня с вами? Ах, лучше бы разорвать эти путы, раз всевышнему неугодно было дать мне другое пристанище.

При этом взгляд ее был так странен и речь столь необычна, что в душу Джогомае закралось подозрение, однако понять истину до конца она, конечно, была не в силах. Ни о чем больше не спрашивая, она ушла, погруженная в тяжелое раздумье.

4

Было около десяти часов вечера, когда Потичорон вернулся из Ранихата. Потоки воды затопили землю. Казалось, не будет конца ни ночи, ни ливню.

— Какие новости? — спросила Джогомая.

— Рассказывать долго, подожди немного.

Потичорон переоделся, поужинал, затем улегся на кровать и закурил. Вид у него был озабоченный.

Джогомая некоторое время сдерживала свое любопытство, но затем не вытерпела, подошла к мужу и спросила:

— Говори же, что ты узнал!

— Да-а, ты совершила большую ошибку.

Эти слова вызвали гнев Джогомаи. Женщины редко ошибаются, но, если это с ними случается, умному муж-

чине лучше не замечать их промахов или взять вину на себя.

— Что же ты все-таки узнал? — сердито спросила супруга.

— Женщина, которую ты приютила у себя в доме, не Кадомбини!

От таких слов было легко прийти в бешенство, в особенности если они исходили из уст мужа!

— Ты хочешь сказать, что я не знаю своей подруги? — воскликнула Джогомая. — У тебя, что ли, нужно было спросить, она это или не она? Подумай, что ты говоришь!

Потичорон понял, что не стоит спорить с женой, и решил доказать ей свою правоту. Сомнений быть не могло: подруга Джогомай, Кадомбини, умерла!

— Ты, наверное, все перепутал! — вскричала Джогомая. — Или ты вовсе не был там, или не понял того, что тебе сказали. Кто просил тебя ездить туда? Написал бы лучше письмо, и все было бы ясно.

Потичорона оскорбило недоверие жены, он привел ей неопровержимые доказательства, но безуспешно. Спорили почти всю ночь.

В одном только сходились супруги, оба считали, что Кадомбини нужно тотчас же изгнать из дома. Причины были разные: Потичорон был убежден, что гостья обманула его жену, выдав себя за ее подругу, Джогомая же считала Кадомбини женщиной легкого поведения. В ожесточенном споре никто не хотел уступить.

Супруги говорили все громче, совершенно позабыв о том, что Кадомбини спит в соседней комнате.

— Нам грозят неприятности! Я же слышал все собственными ушами! — говорил муж.

— С какой стати я должна верить твоим словам, когда сама прекрасно понимаю, в чем дело, — ответила жена.

Наконец Джогомая спросила:

— Хорошо, скажи, когда Кадомбини умерла? — Она надеялась, что обнаружится несоответствие между датой смерти подруги и числом последнего письма Кадомбини, тогда она смогла бы доказать мужу, что он неправ.

Однако оказалось, что подруга Джогемаи умерла как раз накануне своего появления в их доме. При этом открытии сердце Джогемаи задрожало от страха, даже Потичорон, казалось, был испуган.

В это мгновение дверь распахнулась, и струя холодного ветра погасила лампу. Комната погрузилась во мрак. Вошла Кадомбини. Было около часу ночи, на улице не переставая лил дождь.

— Джогемая, я твоя Кадомбини, но меня нет в живых. Я умерла, — сказала женщина.

Крик ужаса вырвался у Джогемаи, муж от страха не мог произнести ни слова.

— Но разве смертью своей я причинила вам какое-нибудь зло? — продолжала Кадомбини. — Мне нет места среди живых, нет его и среди мертвых! О-о! Куда же мне теперь идти? — В отчаянии, словно желая разбудить спящего творца, она снова повторила: — Куда же мне теперь идти? — И, оставив супружескую чету почти в обмороке, отправилась искать себе другое пристанище.

5

Трудно сказать, как Кадомбини добралась до Ранихата. Сначала она никому не показывалась и целый день провела без пищи в полуразрушенном храме.

К вечеру дождь усилился, и люди торопливо шли домой, опасаясь надвигающейся грозы. Тогда Кадомбини вышла на дорогу. Сердце ее трепетало, когда она подошла к дому, в котором столько лет прожила. Накинув на голову покрывало, Кадомбини вошла в дом. Привратник не остановил ее, приняв за прислугу. А буря бушевала все сильнее и сильнее. В это время хозяйка, жена Шародашонкора, играла в карты со своей сестрой. Служанка была на кухне, а в спальне на кровати спал больной, измученный лихорадкой ребенок. Кадомбини, никем не замеченная, вошла в спальню. Не знаю, что заставило ее прийти в дом деверя, да она и сама не понимала, ей только хотелось еще раз увидеть ребенка. Кадомбини не думала о том, куда пойдет, что будет делать потом.

При свете лампы она увидела спящего ребенка с горячими, как огонь, худыми, сжатыми в кулачки руками. Страдание мучительно сжало сердце женщины. Если бы она могла прижать ребенка к своей груди и принять все его муки на себя! «Кто ухаживает за ним! — подумала Кадомбини. — Его мать любит развлекаться, вечно болтает, играет в карты. Пока ребенок находился на моем попечении, у нее не было никаких забот. Что же будет теперь?»

В этот момент ребенок повернулся на бок и закричал в полусне:

— Тетенька, дай воды!

Он не забыл еще свою тетку! Кадомбини быстро налила немного воды из кувшина, взяла мальчика на руки и напоила его. Не было ничего удивительного в том, что сонный ребенок очень спокойно принял воду из давно знакомых рук. Но когда Кадомбини не в силах сдержать себя, стала целовать его, а затем укачивать, он проснулся и, обнимая, спросил ее:

— Тетенька, но ведь ты умерла?

— Да, милый.

— А теперь снова ко мне вернулась? И больше не умрешь?

Прежде чем женщина успела ответить, послышался шум: одна из служанок вошла с чашкой саго в комнату, но, увидев Кадомбини, уронила чашку и, вскрикнув, упала на пол.

На шум прибежала хозяйка. Она замерла на месте, не в силах вымолвить ни слова. Тогда ребенок в страхе закричал:

— Уходи! Тетенька, уходи!

И тут, после стольких дней, Кадомбини поняла, что она не умерла. Комната, вещи, маленький племянник, ее любовь к нему — как остро ощущала она связь со всем этим! Между ней и этим привычным миром не было никакой преграды. В доме подруги Кадомбини казалось, что она действительно умерла.

— Сестра, почему ты боишься меня? — взволнованно спросила несчастная. — Посмотри, ведь я такая же, какой была!

При звуке ее голоса хозяйка потеряла сознание. Узнав обо всем от сестры, в комнату вошел Шародашонкор. Умоляюще сложив руки, он промолвил:

— Невестка, достойно ли это тебя? Шотиш — мой единственный сын, зачем ты мучаешь его? Ведь мы не чужие тебе! С тех пор как ты ушла от нас, ребенок тает на глазах; болезнь не оставляет его. Днем и ночью он зовет тебя: «Тетенька, тетенька!» Ведь ты прости-лась с этим миром, разорви же и эти обманчивые путы, а мы почтим твою память.

Кадомбини не выдержала и громко воскликнула:

— Но я не умерла, не умерла! Как мне доказать вам, что я не мертва? Посмотрите, я жива! — С этими словами женщина подняла с пола глиняную чашку и стукнула ею себя по лбу. На лбу выступила кровь.

— Смотрите, я жива! — повторила она.

Но Шародашонкор стоял не двигаясь, ребенок кричал от страха, хозяйка и служанка лежали в обмороке.

С криком: «Я не мертва, я не мертва, не мертва!» — Кадомбини выбежала из комнаты, сбежала по ступенькам к пруду, расположенному во дворе дома, и бросилась в воду. Шародашонкор услышал всплеск.

Всю ночь шел дождь, шел он и на следующее утро, и в полдень. Шел не переставая. Своей смертью Кадомбини доказала, что она была жива.

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Адданатх и Бойддонатх Чоккроборти — компаньоны. Но положение Бойддонатха немного хуже. Случилось так, вероятно, потому, что еще отец его, Мохешчондро, не умея вести дела, попал в полную зависимость от старшего брата, Шибонатха. Нельзя сказать, чтобы Шибонатх не любил своего брата — напротив, но он решил, видимо, вознаградить себя за эту любовь и поэтому присвоил все его имущество. Мохешчондро досталось лишь немного ценных бумаг, вложенных в дело; они-то впоследствии и стали единственной поддержкой Бойддонатха в разбушевавшемся океане жизни.

Женить своего сына Шибонатх не спешил. Он долго искал ему невесту и, наконец, женил на дочери богача, еще больше увеличив тем самым свое состояние. А Мохешчондро женил своего сына на старшей из семи дочерей бедного брахмана — просто из жалости к ней — и не потребовал ни пайсы в приданое. Он бы взял к себе в дом всех семерых, но сын-то у него был только один, да и брахман не обращался к нему с такой просьбой. Зато он помог брахману выдать замуж всех его дочерей и всякий раз давал им на свадьбу денег больше, чем был в состоянии.

После смерти отца Бойддонатх, получив по наследству ценные бумаги, зажил спокойно и бездумно, даже не помышляя о работе. В то время как все трудились, он с большим усердием вытачивал тросточки. К нему захо-

дили соседские мальчишки, и он охотно дарил им эти тросточки. Воодушевленный своей добротой, Бойддонатх принимался мастерить удочки, бумажных змеев, деревянные катушки, на которые наматывается нитка от бумажного змея, и тратил на все это массу времени. Когда в руки его попадала такая работа, в которой требовалось терпеливо и искусно пилить и строгать, чистить и полировать, энергия его не знала границ. Правда, работа эта не приносила семье никакой пользы и потому не оправдывала столь огромной затраты времени.

Почти каждый день односельчане Бойддонатха собирались у священного храма Дурги и высокие его вершины утопали в дыму их сплетен и пересудов, а Бойддонатх с раннего утра и до полудня, а потом с послеобеденного сна и до вечерних сумерек просиживал в одиночестве на веранде с перочинным ножом и деревяшками.

С благословения богини Шаштхи, на зависть врагам, у Бойддонатха родились два сына и дочь. И все же жена его, Мокходашундори, была недовольна им, и недовольство ее росло с каждым днем. Ну почему в доме Адданатха — полный достаток, а в доме Бойддонатха — бедность. Почему у жены Адданатха, Биндхобашины, — дорогие украшения, бенаресские сари, а у нее, Мокходы, никогда ничего подобного не было? За что такая несправедливость? А еще родственниками называются! И разбогатели-то они только потому, что все имущество свекра себе забрали. В сердце Мокходы все больше и больше крепло чувство презрения к свекру и его единственному сыночку. Ни одна вещь в ее доме не нравилась ей. Все казалось неудобным, безвкусным. Взять хотя бы кровать — ведь она даже для мертвеца не годится! Бездомная летучая мышь и та не осталась бы жить в ветхих стенах их дома; даже нищенствующий аскет, отрешившийся от всего земного, не сдержал бы слез сострадания, если б увидел, как они живут. Все это, конечно, были преувеличения. Но мужчины, трусливое племя, даже тут возражать не решаются. Вот и Бойддонатх выслушивал жену молча и еще более сосредоточенно продолжал строгать тросточки.

Однако молчание не спасает от опасности. Однажды жена позвала мужа к себе в комнату, оторвав его от из-

любленного занятия, и, не глядя на него, мрачно проговорила:

— Скажи, чтоб молока нам больше не носили!

Бойддонатх помолчал, потом спросил кротко:

— Как же так? А что дети будут пить?

— Рисовый квас, — ответила Мокхода.

Через несколько дней она снова позвала мужа:

— Надо что-то придумать! Так дальше жить нельзя.

— Не знаю я, что делать, — устало ответил муж.

— Поезжай на базар и купи продуктов на месяц, — сказала она и вручила Бойддонатху список покупок, которых хватило бы даже радже, чтобы совершить пышное жертвоприношение. Тут Бойддонатх с несвойственной ему храбростью запротестовал:

— Какая в этом нужда?

— Не хочешь, тогда пусть дети умирают с голода, я тоже умру, а ты оставайся и хозяйничай, как хочешь!

Бойддонатху стало ясно: нужно заняться каким-нибудь полезным делом. Но ему было одинаково невыносимо и служить и торговать, поэтому он мечтал открыть короткий путь к сокровищнице Куберы.

— О мать Дурга! Пусть мне приснится рецепт лекарства, которое бы излечивало от тяжких недугов! А я возьму на себя труд напечатать об этом в газете.

Той же ночью ему приснилось, что жена дала обет выйти замуж за другого, как только овдовеет. Бойддонатх возражал, он говорил, что нет денег на покупку нужных для обряда украшений. Мокхода же заявила, что вдове они не нужны. Бойддонатх чувствовал, что жена не права, но никак не мог привести веских доводов, чтобы доказать ей это. Тут он проснулся и увидел, что совсем рассвело, и вдруг его осенило — ответ, который он искал во сне, пришел ему в голову. Теперь он мог бы сказать жене, почему ей нельзя во второй раз выйти замуж. Но увы... было уже поздно, и это опечалило его немного.

На следующий день после утренней молитвы Бойддонатх, по обыкновению, сидел около дома и вырезал из бумаги змеев. Вдруг он услышал громкое приветствие:

к двери подошел саньяси. В то же мгновение словно молния озарила мозг Бойддонатха, и он увидел светлое видение будущего богатства. С почтением и радостью приветствовал он саньяси и, тщательно расспросив гостя, узнал, что тот обладает секретом изготовления золота и может передать этот секрет Бойддонатху.

Мокхода пришла в неопиcуемый восторг... С той поры ее везде преследовал блеск золота, точно так же, как людей, больных желтухой, преследует желтый цвет. В ее воображении все в доме, от кроватей до стен, было покрыто золотом, и она уже ясно представляла себе, как пригласит Биндхобашины к себе в гости.

А между тем саньяси ежедневно съедал по полтора сера халвы, выпивал по два сера молока, а из ценных бумаг хозяина дома извлекал немалое количество серебряного сока.

Тщетно стучались в двери к Бойддонатху любители тросточек, бумажных змеев и катушек для них. Даже дети были брошены на произвол судьбы: они ходили голодные, беспризорные, и казалось, от их надрывного плача небо расколется пополам. Но мать и отец не обращали на них никакого внимания. Они сидели около очага и без слов, без улыбки напряженно всматривались в бурлящий котел. Пляшущие языки пламени, отражаясь в зрачках их жадно уставившихся в одну точку глаз, будто превращали супругов в пробирный камень. Взор их, подобно заходящему солнцу, отливал красным, как расплавленное золото, цветом.

Однажды, после того как были принесены в жертву золотому огню еще две акции, саньяси произнес:

— Завтра получите настоящее золото!

В эту ночь супруги не могли уснуть. Им уже мерещился золотой город. Не во всем, конечно, они были согласны друг с другом, но от избытка радости очень быстро шли на уступки. Словом, в эту ночь между ними царил полное супружеское согласие.

А на следующее утро саньяси исчез. Пропал блеск золота, и даже солнечные лучи померкли. Зато нужда в доме выросла вчетверо. Теперь, если Бойддонатх заводил разговор о домашних делах, жена сердито обрывала его:

— Помолчал бы лучше. Я уже знаю, на что ты способен.

Бойддонатх в растерянности умолкал. Мокхода вела себя так, будто ни минуты не верила в золотой мираж.

Чувствуя себя глубоко виноватым, Бойддонатх всячески старался угодить жене. Однажды он принес ей какой-то подарок, что-то четырехугольное, завернутое в бумагу; растянув рот в широкую до ушей улыбку и как-то странно изогнув шею, он произнес:

— Ну-ка, угадай, что я принес тебе!

Жена, подавив в себе любопытство, равнодушно промолвила:

— Откуда мне знать? Ведь я не колдунья!

Бойддонатх помедлил немного, потом, не спеша развязал веревку, сдул пыль с бумаги, затем, осторожно разглаживая на ней каждую складочку, вынул раскрашенную литографию, изображающую богиню Дургу в ее десяти воплощениях, и, повернув ее к свету, показал Мокходе. Женщина тотчас же вспомнила написанную маслом картину, которая висела в спальне Биндхобашини, и с безграничным презрением бросила мужу:

— Повесь у себя в комнате и любуйся! А мне она ни к чему!

Несчастный Бойддонатх понял, что, лишив его других достоинств, бог обделил его еще и способностью удовлетворять желания женщины.

Между тем Мокхода обошла всех гадалщиков и астрологов в округе, показывала им руку, составленный при рождении гороскоп. Все в один голос утверждали, что умрет она раньше мужа. Однако столь приятная перспектива отнюдь ее не устраивала, и любопытство свое она так и не удовлетворила.

Еще ей предсказали, что у нее будет много детей, дочерей и сыновей, но и это не обрадовало Мокходу.

Наконец один гадалщик сказал, что Бойддонатх в нынешнем году найдет клад. «И пусть сгорят у меня календари и книги, — клялся гадалщик, — если это не окажется правдой». Услышав столь страшную клятву, Мокхода уже ни минуты не сомневалась в правдивости слов

предсказателя. Получив большое вознаграждение, астролог ушел, а жизнь Бойддонатха с этих пор совсем стала невыносимой.

Сколько существует на свете обыкновенных путей обогащения: земледелие, служба, торговля, воровство, мошенничество... Но никто не знает, как искать клад. Поэтому, сколько усилий ни прилагала Мокхода, как ни упрекала мужа, он не знал, что делать. Несчастный никак не мог решить, где копать землю, в какой пруд посылать ныряльщиков, какую стену ломать в доме. Наконец разгневанная Мокхода сообщила мужу, что давно уже подозревала, будто в голове у мужчин вместо мозга навоз.

— Пошевели хоть немного мозгами,— говорила она.— Думаешь, ты будешь сидеть сложа руки, а рупии посыплются с неба?

В этих словах была горькая правда, и Бойддонатха охватило страстное желание что-нибудь предпринять, но к кому обратиться, куда пойти — этого он не знал. Поэтому Бойддонатх по-прежнему сидел на веранде своего дома и вытачивал тросточки.

Незаметно наступил месяц ашшин, а вместе с ним и праздник Дурги. К набережной то и дело причаливали лодки. Люди, долгое время жившие на чужбине, возвращались домой. Они везли с собой корзины с дынями, тыквами, сушеными кокосовыми орехами, железные ящики с обувью, зонтиками, детской одеждой, душистым мылом, новыми книгами и ароматным кокосовым молоком для прекрасного пола.

С ясного безоблачного неба лились лучи осеннего солнца, этой улыбки светлого праздника; свежий ветерок шелестел в зеленой листве умытых дождем деревьев и чуть колыхал почти созревший рис в поле. Люди, одетые в шелковые одежды, перекинув через плечо сложенный за ненадобностью чадор, с раскрытыми зонтиками в руках, спешили домой, торопливо шагая по дороге. Бойддонатх только тяжело вздыхал, наблюдая всю эту предпраздничную суматоху, и мысленно сравнивал тысячи бенгальских домов со своим безрадостным жилищем.

— Боже! — шептал он. — Почему ты создал меня таким беспомощным?

На рассвете дети побежали во двор к Адданатху, чтобы посмотреть, как готовят изображение Дурги для праздника. Когда подошло время завтрака, служанке с большим трудом удалось увести их домой. И как раз в этот радостный для каждого человека день Бойддонатх особенно остро почувствовал бесполезность своего существования. Притянув к себе старшего сынишку, он участливо спросил его:

— Обу, что бы ты хотел получить к празднику?

И Обинаш попросил:

— Сделай мне лодку!

А младший, решив, что он несколько не хуже старшего, сказал:

— И мне тоже.

Достойные отца сыновья! Они ничего не хотели, кроме ненужной игрушки. Бойддонатх согласился. Вскоре на праздник приехал из Бенареса родной дядя Мокхода, адвокат по торговым делам. Мокхода теперь непрерывно бегала к нему в дом. Наконец она пришла к мужу и сказала:

— Ты должен поехать в Бенарес.

Бойддонатх подумал, что настало время умирать. По всей вероятности, астролог предсказал ему смерть и жена старается облегчить ему конец. Но все оказалось не так, Мокхода сообщила, что в Бенаресе продается дом, в котором, как предполагают, спрятан клад: тот, кто купит этот дом, станет богатым человеком.

— Проклятье! — воскликнул Бойддонатх. — Я не поеду в Бенарес!

Он никогда не выезжал из своего дома. Однако еще в древних шастрах сказано, что женщина способна заставить супруга покинуть дом. При одной мысли о Бенаресе глаза у несчастного Бойддонатха наполнялись слезами.

Прошло несколько дней. За это время Бойддонатх смастерил две игрушечные лодки. Он поставил на них мачты, натянул паруса, повесил красные флажки, соорудил руль и весла. Не забыл он и пассажиров с рулевым. Лодки были сделаны удивительно искусно. У какого

мальчика при виде их не забилося бы нетерпеливо сердце и не появилось бы жгучее желание тотчас же завладеть игрушкой! И когда Бойддонатх накануне праздника отдал лодки сыновьям, они запрыгали от радости и восхищения. Руль, весла, мачты, паруса и лодочки посредине — все вызывало у детей бурный восторг. Их радостные крики привлекли внимание Мокходы. Войдя в комнату, она увидела праздничный подарок бедного отца. С плачем и гневом ударила женщина себя по лбу, вырвала у мальчиков игрушки и выбросила их за окно. Все драгоценности, атласные курточки, вышитые шапочки — все продано, а этот несчастный человек без конца пичкает своих детей какими-то игрушками! Потратил бы на них хоть две пайсы, так нет же, все сделал сам!

Младший сынишка громко заплакал.

— Глупый мальчишка! — воскликнула Мокхода и в сердцах ударила его.

А старший сын, взглянув на отца, забыл о собственном горе и, пытаясь утешить его, произнес с самым веселым видом:

— Папа, я завтра же утром все соберу.

На следующий день Бойддонатх сказал, что поедет в Бенарес. Но где достать денег? Тогда Мокхода продала последние украшения и набрала необходимую сумму. Драгоценности принадлежали еще бабушке Бойддонатха, такого чистого золота в наше время не найти.

Бойддонатху казалось, что в этом чужом городе его ждет смерть. Он взял на руки детей, со слезами на глазах расцеловал их и уехал. Заплакала и Мокхода.

Владельцем дома в Бенаресе был клиент дяди Мокходы; может быть, именно поэтому он и продал дом Бойддонатху по очень высокой цене. Новый хозяин поселился в доме один. Дом был расположен на самом берегу реки, так что ее волны ударялись о фундамент здания.

Ночью Бойддонатха охватил страх. Он засветил лампу, поставил ее у изголовья и, завернувшись в одеяло, попытался заснуть.

Но сон не шел к нему. Глубокой ночью, когда все уснуло, до слуха Бойддонатха стал доноситься откуда-то мерный металлический звон. Бойддонатх испуганно вскочил. Звуки были тихие, но совершенно отчетливые. Казалось, будто хранитель сокровищ раджи Бали сидит в подземном царстве и считает деньги.

В сердце Бойддонатха закрался страх, но в то же время его охватили любопытство и смутная надежда. С лампадой в дрожащих руках обошел он все комнаты. Стоило Бойддонатху войти в одну, как ему начинало казаться, что звуки доносятся из другой. Всю ночь бродил Бойддонатх по дому. А на рассвете эти странные звуки смешались с другими и перестали беспокоить его.

Следующей ночью повторилось то же самое. Сердце Бойддонатха учащенно билось. Он не мог понять, откуда исходит этот загадочный звон. Когда жаждущий путник слышит в пустыне журчанье воды, но не может понять, откуда исходит оно, его охватывает страх, как бы не сбиться с пути в поисках скрытого источника и не потерять его совсем; он с замиранием сердца прислушивается к этим звукам, а жажда его все возрастает. Бойддонатх был совершенно в таком же состоянии.

Так прошло несколько дней. Бессонница и напрасные волнения избороздили морщинами прежде беззаботное лицо Бойддонатха. Его блуждающие глаза ввалились и сверкали сухим блеском, как сверкают пески под жгучими лучами полуденного солнца.

Однажды в полдень он запер дверь и стал простукивать железным ломом пол. В одной из маленьких комнатек пол звучал глухо. Ночью, когда все погрузилось в сон, Бойддонатх начал разбирать пол. Еще до рассвета работа была закончена.

Бойддонатх увидел внизу нечто вроде подземной комнаты. Но было темно, и он не решился спускаться в подземелье. Тогда он закрыл отверстие своей постелью и лег спать. Но теперь звон был таким явственным, что Бойддонатх испугался и убежал. Однако уйти далеко, оставив дом без присмотра, он тоже не решался. Алчность и страх раздирали его, и всю ночь он бродил возле дома.

На следующий день звон был слышен даже днем, и Бойддонатх позавтракал на улице. Наконец он набрался духу, вошел в дом и запер дверь на ключ.

Повторяя имя Дурги, он убрал постель с отверстия и тут совершенно отчетливо услышал плеск воды и позвякивание металла.

Медленно, в волнении и страхе наклонился Бойддонатх над отверстием и увидел комнату с низким сводом, всю залитую водой, — но внизу было очень темно, и больше он ничего разглядеть не смог.

Схватив длинную палку, Бойддонатх измерил глубину — воды было не больше, чем по колено. Со спичками и лампой в руке он спрыгнул в подземелье. От страха и опасения, что вот сейчас все его надежды, быть может, рухнут, руки у него дрожали, когда он тщетно пытался зажечь лампу. Наконец, после того как он израсходовал много спичек, ему удалось это сделать.

Глазам Бойддонатха предстал большой медный, прикованный к стене тяжелой железной цепью кувшин; волны, подталкивая цепь, ударяли ею о кувшин.

Шлепая по воде, Бойддонатх быстро подошел к кувшину... Кувшин был пуст.

Несчастный глазам своим не верил: изо всей силы встряхнул он сосуд, но это не помогло. Перевернул его — пусто! В этот момент Бойддонатх заметил, что горлышко у сосуда сломано. Видимо, когда-то кувшин этот был плотно закупорен, а затем кем-то открыт.

В тот же миг Бойддонатх, словно безумный, начал шарить под водой. Под руку попало что-то большое и скользкое. Дрожащими руками он вытащил череп. Встряхнул его, однако и в нем ничего не оказалось. Отшвырнув череп в сторону, он продолжал поиски, но сколько ни искал, не нашел ничего, кроме человеческих костей.

В стене, которая выходила к реке, Бойддонатх увидел пролом. Через этот пролом в подземелье вливалась вода и через него же, вероятно, проник в подвал предшественник Бойддонатха, в гороскопе которого значилась находка клада.

Полный отчаяния, Бойддонатх издал душераздирающий стон и произнес имя Дурги, а эхо, словно собрав

воедино стоны других отчаявшихся людей, ответило глубоким и тяжким вздохом.

Мокрый и грязный Бойддонатх поднялся наверх. Людный и шумный мир показался ему необитаемым и пустым, как сосуд, который он только что видел в подземелье.

Снова собирать вещи, покупать билет, ехать поездом, затем пререкаться с женой, снова влачить прежнее тоскливое существование — ему трудно было даже подумать об этом. У Бойддонатха появилось страстное желание броситься в воду, чтобы навсегда покончить счеты с жизнью.

Тем не менее он собрал вещи, купил билет и поехал домой.

И вот в один из холодных вечеров он подошел к своему дому. Когда в месяце ашшин Бойддонатх, сидя у своих дверей, наблюдал, как возвращаются с чужбины люди, ему часто хотелось побывать на их месте, чтобы испытать счастье возвращения домой. Но он не мог и представить себе, что это возвращение будет таким, как сегодня.

Бойддонатх вошел во двор, сел на скамейку. Он был как в тумане. В комнату жены он не пошел. Служанка первая увидела его и вскрикнула от радости. Прибежали дети, жена позвала его к себе.

Бойддонатх словно очнулся от кошмара. С усталой улыбкой на осунувшемся, изможденном лице, прижимая к груди младшего сынишку и ведя за руку старшего, он пошел к жене. В комнате уже зажгли лампу. Этот зимний вечер был темным и безмолвным, как глубокая ночь. Бойддонатх некоторое время не мог вымолвить ни слова, затем робко спросил жену:

— Как твоё здоровье?

Жена ничего не ответила, только спросила:

— Ну, как дела?

Бойддонатх лишь молча развел руками. Лицо Мокходы помрачнело.

Дети, заметив, что надвигается гроза, поспешили уйти к служанке. Там они улеглись на постель и стали просить служанку рассказать им сказку про парикмахера.

Уже наступила ночь, а муж и жена не обмолвились ни словом. Какая-то жуткая тишина царила в комнате. Губы Мокходы были зловеще сжаты.

Наконец она, ни слова не говоря, ушла в спальню и заперлась изнутри.

Бойддонтах остался стоять за дверью. Прошел ночной сторож, выкрикивая время. Усталая земля погрузилась в сон. Но никто во всем мире, от родных на земле до звезд в безграничном небе, не думал о несчастном и униженном Бойддонатхе.

Глубокой ночью вдруг проснулся старший сын Бойддонатха, возможно, ему приснился страшный сон. Вскочив с постели, он вышел на террасу и позвал отца. Но никто не откликнулся. Мальчик крикнул громче.

— Папа! — Снова никакого ответа. Дрожа от страха, Обинаш пошел спать.

Утром, по старому, давно заведенному порядку, служанка приготовила табак и направилась с ним в комнату хозяина, но его там не оказалось, не было его и в других комнатах. Днем проведать Бойддонатха пришли соседи, но его нигде не нашли.

ОБЫЧНЫЙ РОМАН

1

Над полем битвы пронесся клич: «Аллах-о-акбар!»¹ С одной стороны — триста тысяч чужеземцев, с другой — три тысячи арьев. Как одинокое, но могучее дерево среди разлившейся реки, неколебимо стояли герои-индусы, сражаясь всю ночь и весь день. Было ясно, что скоро они падут. Вместе с ними падет победоносное знамя Индии, а гордое солнце Индостана со своей тысячью лучей скроется сегодня навечно.

О читатель, кто этот смельчак с саблей в руках, который скачет прямо на врага?! Он словно сверкающий меч-молния богини-покровительницы Индии. С ним всего тридцать пять гордых молодых воинов. Какая сила повергла бесчисленное вражеское войско, как буря повергает деревья в лесу? Можешь ли ты сказать это, читатель? Звон чьего меча заглушил тысячеголосый клич варваров «Аллах-о-акбар!»? Перед чьим мечом побежали, спасая свою жизнь, враги, как бегут овцы, когда на стадо нападает тигр? Можешь ли ты сказать, чей меч, окровавленный тысячью ударов, благословил в тот день бог солнца, отправляясь вечером на покой? Можешь ли ты сказать это, читатель?

Это был Лалит Сингх, военачальник из Канчи, Полярная звезда истории Индии.

¹ «Аллах-о-акбар» — «Аллах велик», боевой клич мусульман.

Сегодня в Канчи — праздник. Знаешь ли ты, читатель, отчего ликует город? Почему развеваются над дворцом победные флаги? Колышет ли их только ветер или еще и радость? Все двери украшены банановыми листьями, у каждой двери — горшок с водой — знак благополучия. Из домов доносятся звуки раковин, улицы украшены гирляндами светильников. На городских стенах — лес людей. Кого с нетерпением ожидают жители? Победные крики мужчин, сливаясь с радостными возгласами женщин, поднялись сквозь тучи к мигающим звездам, и звезды задрожали, словно светильники от ветра.

Узнал ли ты, что за герой въехал на горячем коне в ворота города? Это был наш старый знакомый — Лалит Сингх, военачальник из Канчи. Он явился, чтобы положить обгаренный вражеской кровью меч к ногам своего господина. В честь его и было устроено празднество.

Военачальника встречали громкими приветствиями, женщины бросали ему из окон цветы, но он будто и не замечал ничего. Лалит Сингх спешил ко дворцу. Так путник, изнемогающий от жажды, стремится к озеру, не замечая, что на голову ему падают сухие листья. Заносчивый Лалит Сингх считал все эти почести такими же неважными и малозначащими, как сухие листья.

Когда же наконец военачальник подъехал ко дворцу, он на мгновение натянул поводья — конь застыл на месте. Лалит Сингх бросил на одно из окон дворца полный надежды взгляд и увидел стыдливо опущенные глаза, в тот же момент гирлянда цветов выскользнула из прекрасных рук и упала на землю прямо перед ним. Лалит Сингх спрыгнул с коня, повесил гирлянду себе на тюрбан и, счастливый, еще раз взглянул вверх. Окно захлопнулось, светильник погас.

Тот, кого не поколебали тысячи врагов, был сражен пугливыми, как у лани, глазами. Военачальник долго хранил спокойствие, сердце его было подобно каменной крепости. Но вчера вечером стыдливый, второпях брошен-

ный взгляд черных глаз проник в эту крепость, и спокойствие Лалит Сингха вмиг исчезло. О военачальник! Зачем тебе понадобилось под покровом темноты, как жулику или грабителю, перелезть стену сада внутренних покоев дворца раджи? Разве ты не герой, не завоеватель мира?

Люди, которые пишут романы, не знают преград. Евнухи в гаремах оставляют для них открытыми двери, и красавицы не возражают против этого. Войдемте же в этот чудный весенний вечер в уединенный сад внутренних покоев дворца раджи, овеваемый южным ветром. О читательницы, заходите и вы, и вы, читатели, вы тоже можете последовать за нами, если хотите. Я обещаю, что с вами ничего не случится.

Взгляните, кто эта красавица, прекрасная, как вечерняя звезда, она лежит на ложе из травы под деревом бокул. О читатель, о читательница, знаете ли вы ее? Где вы видели такую красоту? Разве можно ее описать? Какими заклинаниями можно воссоздать в словах это очарование, эту полную жизни юность? О читатель, если ты женат во второй раз, вспомни лицо своей первой жены; о прелестная читательница, вспомни лицо той девушки, увидев которую, ты сказала своей подруге: «Разве она так уж хороша? Да, она очень мила, но, в общем, ничего особенного». Теперь, я надеюсь, вы можете представить себе, какова была дочь раджи, лежащая в тени деревьев. Узнали ли вы ее? Это принцесса Бидюнмала.

Принцесса была совсем одна. Склонив голову над цветами, она плела гирлянду. Ее пальчики, занятые этой нежной работой, не раз останавливались; ее отсутствующий взор убегал куда-то вдаль, в какое-то царство мечты: она о чем-то думала.

Но, читатель, я не скажу вам, о чем она думала. Я не могу, удовлетворяя грешное любопытство, войти в храм сердца девушки, которая в тихих сумерках воскуряла фимиам какой-то богине земли. Взгляните только, ее глубокий вздох, словно ароматный дым от жертвенных курений, смешался с вечерним ветерком, и две слезы, подобные двум нежным бутонам, упали, орошая ноги неизвестной богини.

В этот момент за ее спиной дрожащий от страсти мужской голос произнес:

— Принцесса!

Принцесса от неожиданности испугалась и с криком вскочила. Набежавшая со всех сторон стража схватила преступника. И принцесса с изумлением увидела, что пленником оказался военачальник.

4

За подобное преступление полагалась смертная казнь. Однако, помня его прежние заслуги, раджа ограничился тем, что сослал преступника. Военачальник с горечью думал: «Богиня! Если и твои глаза могут лгать, то правды нет нигде в мире. Отныне я — враг всего человечества». Собрав шайку разбойников, Лалит Сингх стал жить в лесу.

О читатель, что стал бы делать в таком случае человек, подобный тебе или мне? Первым делом он попытался бы найти службу или основал бы газету. Хотя при этом, конечно, ему пришлось бы испытать какие-то неудобства и затруднения. Но великие люди, подобные военачальнику, которые так часто встречаются в романах и почти никогда в жизни, не служат и не издают газет. Когда они счастливы, они беззаветно делают добро всему миру, а когда надежды их сердца хоть немного обмануты, в ярости они изрекают: «Чудовищный мир! Поставив ногу на твою грудь, я отомщу тебе!» И, сказав это, тотчас же начинают разбойничать. Об этом мы можем прочесть в английской поэзии, и, конечно, так же поступали раджпуты.

Местные жители трепетали при одном упоминании о разбойниках. Но это были необыкновенные разбойники — они помогали сиротам, бедным, слабым. И только богачам, высокорожденным и слугам раджи несли смерть.

Солнце еще стоит над горизонтом, но в густой чаще леса ночь уже наступила. По незнакомой дороге идет одинокий юноша. Нежное тело измучено дальней дорогой, но он не отдыхает. За поясом у него меч, который кажется ему очень тяжелым. Малейший звук в лесу за-

ставляет его сердце, трепетное, как у оленя, испуганно биться. Но несмотря на близость ночи и страшный темный лес, он с твердой решимостью продолжает идти вперед.

Разбойники, придя к своему предводителю, сказали: — Махараджа! Есть хорошая дичь: одет как раджа, на голове корона, за поясом меч.

Предводитель ответил:

— Это будет моя добыча. Ждите меня здесь.

Путник продолжал идти. Внезапно он услышал шорох сухих листьев. Встревоженный, он стал оглядываться вокруг.

Вдруг стрела пронзила его грудь. С возгласом: «Мама!» — путник упал на землю.

Предводитель разбойников подошел к нему и, опустившись на колени, посмотрел в лицо раненого. Тот схватил его руку, хотел что-то сказать, но смог лишь прошептать нежным голосом: «Лалит!»

В тот же миг сердце разбойника как будто раскололось на тысячу кусков, он вскрикнул: «Принцесса!»

Когда разбойники пришли, то увидели, что и охотник и его дичь лежат мертвые, застыв в последнем объятии.

Так, однажды вечером в саду внутренних покоев своего дворца принцесса нечаянно навлекла на Лалита гнев раджи, а Лалит, в другой раз, вечером в лесу нечаянно пронзил стрелой грудь принцессы. И если в том, ином мире где-нибудь произошла их встреча, они, наверное, уже простили друг друга.

СОСТЯЗАНИЕ

1

Царевну звали Опораджита. Шекхор, придворный поэт раджи Удойнарайона, никогда не видел ее. Однако всякий раз, когда поэт сочинял новые стихи и декламировал их в присутствии раджи и всего двора, голос поэта возносился настолько, что его могли слышать невидимые слушательницы, находившиеся за окнами верхних этажей огромного дворца. Он как бы пытался послать свое поэтическое вдохновение в какой-то недостижимый звездный мир, где среди множества светил в незримом величии блистала неведомая счастливая звезда его жизни.

Иногда Шекхору казалось, что он видит ее тень, иногда до его слуха долетал мелодичный звон браслетов. Он сидел, погруженный в думы: «Что это за ножки, на которых золотые браслеты поют так стройно песню?! Какое счастье, какая милость, что эти две бело-розовые женские ножки касаются земли!» Поэт снова и снова возвращался к этим ногам, мысленно падал ниц перед ними и под мелодию, которую вызванивали обнимавшие их браслеты, слагал свои песни.

Преданным сердцем поэт чувствовал, чья была это тень, кому принадлежали браслеты с таким нежным звоном.

Отправляясь на омовение, Монджори, служанка царицы, непременно проходила мимо дома Шекхора и всякий раз одним-двумя словами перебрасывалась с поэтом. А утром или к вечеру, когда на улице было мало народу, заходила даже посидеть к нему в хижину. Ей вовсе не надо было так часто ходить к месту омовения. А если бы даже и возникла такая необходимость, то уж совсем непонятно, почему именно в это время она надевала самое нарядное сари, а в мочки ушей продевала бутоны цветов манго.

Люди посмеивались, перешептывались. И не без оснований. Шекхор чувствовал особенную радость, когда видел в своем доме Монджори, и не старался скрывать этого.

Ее звали Монджори, что значит «бутон». Для простого смертного это имя как имя; но Шекхор и к нему добавлял немного поэзии, называя ее Весенний Бутон, Блистательный Божественный Бутон. Слыша это, люди говорили: «Ну, пропал бедняга!»

То, о чем поговаривал народ, дошло до царя.

Весть о чувствах поэта доставила радже большое удовольствие. Он начал подшучивать, Шекхор отвечал тоже шутками.

Улыбаясь, раджа спрашивал:

— Неужели у шмея только и дел, что петь при дворе Весны?

Поэт отвечал:

— Нет, почему же?! Он еще лакомится нектаром с бутонов.

Все смеялись. Наверное, в отдаленных внутренних покоях и Опораджита время от времени подшучивала над Монджори. Но это не вызывало неудовольствия у служанки.

Вот так и проходит жизнь человека, в которой правда переплетается с вымыслом: что-то от творца, что-то от самого человека, а что-то и от людей, которые его окружают. Жизнь — это сочетание различных противоположностей: естественного и неестественного, вымышленного и действительного.

Только песни, которые слагал поэт, были истинными, сама жизнь отражалась в них. В песнях его говорилось

о Радхе и Кришне — извечных мужчине и женщине, об извечном горе и извечной радости. В них поэт рассказывал правду о самом себе. И каждый — от раджи Оморапура до последнего бедняка — сердцем своим ощущал, что эти песни искренни. Их пели все. Как только всходила луна и начинал дуть легкий южный ветерок, тотчас же со всех концов страны — из садов и рощ, с дорог и лодок, доносились песни поэта. Его славе не было границ.

Шло время. Поэт слагал стихи, раджа слушал их, приближенные восторгались, Монджори ходила на омовения... В окнах отдаленных покоев время от времени мелькала тень, а иногда оттуда доносился нежный звон браслетов.

2

Но вот однажды во дворце появился Пундорик — поэт из Декана, ему не было равных. Он приветствовал раджу хвалебной песнью, которая ритмом своим напоминала прыжки тигра. На долгом пути из Декана он победил всех придворных поэтов и наконец появился в Оморапуре.

Раджа с большим почтением встретил его:

— Входи, входи и песню пой.

— Дай бой, дай бой! — самодовольно ответил Пундорик.

Нужно было поддержать честь раджи и принять бой, но у Шекхора не было четкого представления о том, что такое бой в поэзии. Волнение и тревога охватили его. Всю ночь он провел без сна. Перед глазами его стояло огромное крепкое тело прославленного Пундорика, его острый, как у ястреба, нос, гордо поднятая голова.

Утром с замиранием сердца Шекхор вступил на «поле боя». Едва возшло солнце, как место состязания двух поэтов заполнили толпы народа. Стоял невообразимый шум. Жизнь в городе замерла.

С огромным трудом изобразив улыбку радости на лице, поэт Шекхор приветствовал своего соперника Пундорика. Тот лишь пренебрежительным кивком головы

ответил на его приветствие и, взглянув на своих поклонников, улыбнулся.

Шекхор на мгновение задержал свой взор на окнах отдаленных покоев и понял — сегодня черные горящие, как звезды, нетерпеливые глаза бросают оттуда сотни любопытных взглядов. И Шекхор помолился своей богине Победы, устремившись всей душой туда, к отдаленным покоям. Он мысленно произнес: «Если сегодня я одержу победу, о богиня, о Опораджита, о Непобедимая, это, значит, твое имя помогло мне!»

Заиграли трубы, забили барабаны, с возгласами: «Победа, победа!» — все поднялись. В светлых одеждах появился раджа Удойнарайон. Медленно, подобно белому облаку, плывущему по небу тихим осенним утром, подошел он к трону.

Пундорик поднялся и приблизился к трону. Толпа замерла.

Приняв гордую позу и запрокинув голову, великан Пундорик начал читать стихи в честь Удойнарайона. Огромный зал был тесен для его голоса — словно волны морские, ударялся он с глухим рокотом о колонны и своды. Уже один этот голос заставлял всех присутствующих трепетать. Какое мастерство, какое искусство! Сколько строк, восхваляющих самое имя Удойнарайона, сколько поэтических построений из букв, составляющих имя раджи! Сколько ритмов, сколько аллитераций!

Пундорик умолк, но зал словно оцепенел: он все еще был полон звуками его голоса и немного восторга тысяч сердец. Пришедшие сюда из отдаленных мест пандиты вскинули вверх правую руку и восторженно восклицали: «Браво! Браво!»

В этот момент раджа взглянул на Шекхора. Поэт ответил ему взглядом, полным преданности, любви, почтения; но во взгляде этом сквозили обида и печальная робость. Поэт медленно поднялся. Вот так же, наверное, смотрела Сита на своего мужа Раму, стоя перед его тронном, когда тот, желая доставить удовольствие толпе, хотел во второй раз подвергнуть ее испытанию огнем.

Взгляд поэта словно говорил радже: «Я твой! Ты можешь испытать меня, если тебе угодно, можешь

заставить меня вступить в единоборство со всей вселенной, но...» И он опустил глаза.

Пундорик походил на льва. Шекхор — на оленя, затравленного охотниками. Совсем юный, стыдливый, как женщина, с бледным лбом, хрупкий — он, казалось, затрепещет и зазвучит всем своим телом, как струна вины, стоит лишь коснуться его.

Не поднимая головы, Шекхор начал декламировать. По-видимому, никто и не услышал первых строк его стихотворения. Но вот он медленно поднял голову. Под его взором, казалось, таяли люди и каменные стены дворца: они исчезали в далеком прошлом. Приятный и чистый голос дрожал, поднимался вверх, как яркое пламя огня. Сначала поэт говорил о предках раджи, принадлежащих к солнечной династии; затем поведал о войнах и походах, о героизме и жертвах, о множестве великих дел и довел историю раджи до настоящих времен. Наконец, поэт остановил свой взор на радже и воплотил в словах и стихах огромную невысказанную любовь всех подданных. Перед теми, кто сейчас слушал его, возник образ этой любви. Казалось, со всех сторон, из отдаленных мест и окраин, хлынул поток чувств тысяч подданных и переполнил великим гимном этот древний дворец дедов и прадедов раджи. Они как бы коснулись каждого камня, обняли его, поцеловали; затем, полные любви и преданности, поднялись вверх, к окнам внутренних покоев, коснулись ног божественной красавицы и, возвратившись оттуда, в величайшей радости закружились около раджи. Наконец Шекхор сказал:

— О махараджа! Слова мои несовершенны, я признаю, но кто сравнится со мною в любви и преданности?

Поэт сел, дрожа всем телом. Тогда, обливаясь слезами, подданные начали потрясать зал возгласами: «Слава! Слава!»

Пундорик снова встал, надменной улыбкой презрев восхищение толпы. Громовым голосом, полным высокомерия, он спросил:

— Что может быть выше слова?

Все мгновенно смолкли.

Тогда он в различных стихах продемонстрировал удивительную ученость. Приводя доводы из вед, шаштр и других священных книг, он начал доказывать, что выше всего на свете — слово. Слово есть истина, слово есть знание. Брахма, Вишну, Шива подчиняются слову. Поэтому слово — выше их. У Брахмы четыре рта, и он не может высказать всего; у Шивы пять ртов, и, не найдя конца словам, он ищет их, погружившись в молчаливое созерцание.

Так, из множества доводов и изречений из шаштр он воздвигнул для слова трон, поднявшийся выше звездных миров, водворил слово на вершины земного и неземного царств. И снова громовым голосом он спросил:

— Что может быть выше слова?!

Исполненный гордости, он огляделся вокруг. Никто не ответил ему. Пундорик медленно сел. Пандиты воскликнули: «Браво! Браво! Слава! Слава!» Раджа был поражен, а Шекхор почувствовал себя совсем ничтожным перед такой ученостью. Так окончился первый день состязания.

3

На следующий день Шекхор спел чудесную мелодию, будто в священных рощах Вриндавана зазвучала флейта Кришны. Пастушки — будущие подруги его сердца — еще не знают, кто играет и откуда доносятся эти волшебные звуки. Казалось, они летят с юга; но вот флейта зазвучала на севере, на вершинах Говардхана; затем почудилось, что кто-то стоит на востоке, там, где восходит солнце, и зовет к себе; в следующий миг звуки полились уже с запада: кто-то рыдал в разлуке. Казалось, звуки флейты доносятся с каждой волны Джамуны, с каждой звезды небосвода. Наконец флейта зазвучала повсюду: в рощах, на дорогах и спусках к реке, в цветах и плодах, на воде и на суше, вверху и внизу. Никто не мог понять того, что говорит флейта. Никто не мог решить, что хочет сказать сердце в ответ флейте. Только на глаза набегали слезы, и душа трепетала в стремлении к прекрасной неземной жизни.

Забыв о слушателях, о радже, забыв о себе и противнике, о славе и бесславии, о победе и поражении, забыв обо всем, Шекхор стоял один в безлюдной роще собственной души и пел песню этой флейты. В мыслях его был только идеальный неземной образ. В ушах звучали лишь браслеты на нежных ногах. Поэт смолк. Он словно лишился сознания. Беспредельная нежность и огромное всепоглощающее чувство разлуки, казалось, заполнили собой весь дворец. Никто не в силах был произнести ни слова похвалы.

Но вот все немного успокоились, и перед тронном снова встал Пундорик. Он спросил:

— Что такое Радха? Что такое Кришна? — и посмотрел на всех окружающих. Затем, взглянув на своих поклонников, великан усмехнулся и снова спросил: — Что такое Радха? Что такое Кришна? — И сам стал отвечать на свой вопрос, блистая необычайной ученостью.

Он показал, какое множество значений имеют слова «радха» и «кришна». «Радха», — сказал он, — символ божества, «кришна» — система умосозерцания, а «вриндаван» — не что иное, как точка, находящаяся между бровями. Пундорик ничего не забыл: артерию с левой стороны спинного хребта, спинной нерв, трубчатую вену, пуповину, сердце, ноздри. Он показал, какое множество значений имеют слоги «ра» и «дха», сколько самых различных значений может иметь каждая буква — от «к» до «а» — в слове «кришна», и начал перечислять их. «Кришна», мол, означает жертву, приносимую огню, а «радха» — огонь. Он утверждал, что «кришна» — священное писание, а «радха» — философская система. Затем он заявил, что «кришна» — это обучение, а «радха» — наставление; «радха» — спор, ответ и возражение, а «кришна» — вывод, заключение и победа. Сказав это, он посмотрел на раджу и пандитов. Затем со злой усмешкой взглянул на Шекхора и сел.

Раджа был очарован необыкновенными способностями деканского поэта, удивлению пандитов не было границ. В новых и новых толкованиях слов «радха» и «кришна» совершенно исчезли песня флейты, шум Джамуны, величие любви; словно кто-то стер с земли зеленые краски весны и залепил ее всю священным кизяком почитаемых

коров. Шекхору все песни, которые он сочинял до сих пор, показались ничтожными перед величием Пундорика. Он не мог больше петь их. Так окончился второй день состязания.

4

На третий день Пундорик продемонстрировал свое удивительное искусство манипуляции словами. Он делал различные словесные построения, блистая употреблением всякого рода синонимов, эпитетов, аллитераций, афоризмов, загадок. Приводил цитаты из разного рода сочинений и писаний. Он поразил всех своим умением пользоваться приемами риторики и знанием законов фонетики и морфологии.

Слова и художественные приемы в стихах Шекхора были совсем простыми. Люди употребляли их повседневно, в радости и горе, в праздник и в будни. Теперь всем было ясно, что Шекхор не обладает каким-то особенным мастерством, — будь у них время, они тоже могли бы сочинять, и не делают этого лишь потому, что не привыкли, не имеют свободного времени или просто не хотят. Слова в его стихах простые и привычные. Они ничему не учат, не обогащают. А то, что они слышали сегодня, — удивительно, в том, что слышали вчера, есть глубокие мысли и много поучительного. Перед ученостью и мастерством Пундорика их собственный поэт казался совсем заурядным человеком, мальчишкой.

Рыба ударом хвоста создает скрытое течение в воде, лотос на поверхности водоема чувствует каждый удар — так и Шекхор ощутил сердцем настроение людей, окружавших его.

Сегодня последний день состязания, сегодня будет решено, кто победил, а кто потерпел поражение. Раджа бросил взгляд на своего поэта, словно хотел сказать: ~~«Сегодня нельзя не ответить. Ты должен приложить все усилия».~~

Шекхор устало поднялся.

— О богиня Сарасвати! — воскликнул он. — О бело-рукая! Если ты сегодня покинула свои божественные покои и присутствовала здесь, на арене битвы, скажи, ка-

кая судьба ожидает тех, кто почитает тебя, поклоняется твоим стопам, жаждет напитка бессмертия?

Он сказал это очень печально, глядя на окна царских покоев, словно там, потупив взор, стояла сама белорукая Сарасвати.

Тогда Пундорик громко рассмеялся и быстро сочинил каламбур из четырех последних букв в слове «шекхор». Он сказал:

— Что общего между лотосом и ослом? ¹ И какие плоды пожала упомянутая персона, столь усердно занимающаяся стихами и песнями? К тому же обитель Сарасвати, как известно, — лотос. С разрешения махараджи, я хотел бы спросить, в чем провинилась богиня, за что оскорбили ее, заставив воссесть на осла.

Пандиты громко рассмеялись, услышав этот каламбур. Глядя на них, начали смеяться все присутствующие, хотя многие из них не поняли насмешки Пундорика.

Ожидая достойного ответа, раджа снова и снова поднимал взор на Шекхора. Он торопил его, пронзая острым, причиняющим нестерпимую боль взглядом. Но Шекхор не обращал на это внимания и продолжал неподвижно сидеть.

Тогда рассерженный раджа спустился с трона и, сняв с себя жемчужное ожерелье, надел его на Пундорика.

— Слава! Слава! — закричали все присутствующие.

Из отдаленных покоев на мгновение донесся звон браслетов, — услышав его, Шекхор тотчас же поднялся и медленно вышел из зала.

5

Черная, безлунная ночь. Южный ветер, щедрый друг всей вселенной, проникает через открытые окна, неся запах цветов.

Шекхор снял книги с полки, грудой положил их перед собой. Затем отобрал свои сочинения — обильные плоды многодневного труда. Многие из своих стихотворений он почти забыл. Поэт начал листать страницы и читать отдельные строки. Сегодня все это казалось ему незначительным.

¹ Пундорик — лотос, кхор — осел.

Горько вздохнув, он сказал:

— И это плоды всей жизни! Несколько слов, размеров, рифм!

Сегодня он не увидел в стихах никакой красоты, не нашел в них вечной радости жизни. Ни отзвука песен вселенной, ни глубокого проявления своей собственной души не ощутил он в них. Он отбрасывал все, что попадало под руку, как отталкивает больной всякую пищу. Дружба с раджей, слава, порывы души, мечты — все в эту темную ночь казалось ему пустым и ничтожным.

Поэт начал рвать свои сочинения и бросать их в огонь. Вдруг его осенило. Горько усмехаясь, он проговорил:

— Великие раджи приносят коня в жертву огню, а я приношу в жертву свою поэзию.

Но он тут же понял, что сравнение неуместно. «Коня приносят в жертву в честь победы, а я потерпел поражение. Уж лучше бы я раньше отдал стихи мои богу огня!»

И он одну за другой сжег свои книги. Когда пламя ярко вспыхнуло, поэт вскинул вверх руки и, потрясая ими, воскликнул:

— Отдал тебе, тебе, тебе, о прекрасное пламя! Я все отдал тебе и сегодня приношу последнюю жертву. Долго ты, в ком воплотилась богиня-волшебница, горело в моей груди! Будь я из золота, я засиял бы. Но, богиня, я всего лишь ничтожная травинка — и потому превратился сегодня в пепел!

Была поздняя ночь. Шекхор распахнул все окна. Еще вечером собрал он в саду свои любимые цветы, все белые — жасмин, бел и гандхарадж. Он положил их пучками на чистое ложе. В четырех углах комнаты зажег светильники.

Затем он смешал ядовитый сок растения с медом, ~~выпил.~~ Лицо его было спокойно. Поэт медленно подошел к ложу, лег. Тело замерло, глаза закрылись.

Зазвенели браслеты. Вместе с южным ветром в комнату проник нежный запах женских волос.

Не открывая глаз, поэт воскликнул:

— О богиня, прошло так много времени! Неужели ты смилостивилась к своему почитателю? Неужели наконец навестила меня?

И он услышал мягкий, ласковый голос:

— Поэт, я пришла.

Шекхор вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стояла прекрасная юная девушка.

Он не мог ясно различить ее черты — приближающаяся смерть затуманивала глаза. Ему лишь почудилось, что в предсмертный час на него пристально смотрит та, чей призрачный образ жил в его сердце.

— Я Опораджита, — сказала девушка.

Поэт собрал все свои силы и приподнялся.

— Раджа поступил несправедливо. Победил ты, поэт. И я пришла отдать тебе гирлянду победы.

С этими словами Опораджита сняла с себя гирлянду из цветов, которую она сплела собственными руками, и надела ее на Шекхора. Сраженный смертью, поэт упал на ложе.

КАБУЛИВАЛА

Моя маленькая пятилетняя дочка Мини минуты не могла посидеть спокойно. Едва ей исполнился год, она уже научилась говорить, и с тех пор, если только не спала, была просто не в состоянии молчать. Мать часто бранила ее за это, и тогда Мини умолкала, но я не мог так поступать с ней. Молчание Мини казалось мне настолько противоестественным, что долго я его не выдерживал, поэтому со мной девочка беседовала особенно охотно.

Как-то утром сел я было за семнадцатую главу моей повести. Но тут вошла Мини и начала:

— Папа, наш сторож Рамдоял называет ворону — каува!¹ Он ведь ничего не знает, правда?

Я хотел объяснить ей, что в разных языках все вещи называются по-разному, но она тут же стала болтать о другом:

— Знаешь, папа, Бхола говорит, что на небе слон выливает из хобота воду и от этого идет дождь. И как это Бхола могла такое сказать?! Ей бы только болтать. День и ~~ночь~~ болтает! — И, не ожидая, пока я выскажу свое мнение на этот счет, вдруг спросила: — Папа, а кто тебе мама?

«Свояченица», — хотел было я сказать, но решил не шутить.

— Иди поиграй с Бхолой, Мини. Я сейчас занят.

¹ Каува — ворона (хинди).

Но она не ушла, а села у моих ног, возле письменного стола, и быстро, быстро стала нараспев приговаривать «агдум-багдум», похлопывая в такт по коленям. А в это время в моей семнадцатой главе Протапшинхо вместе с Канчонмалой темной ночью прыгнул в воду из высокого окна темницы.

Окна моего кабинета выходили на улицу. Вдруг Мини бросила свое «агдум-багдум», подбежала к окну и закричала:

— Кабуливала, эй, кабуливала! ¹

По дороге усталой походкой шел высокий афганец. Одет он был в широкое грязное платье, на голове — чалма, за плечами — мешок, а в руках — штук пять коробов с виноградом. Трудно предположить, какие мысли зародились в головке моей проказницы, когда она позвала его. Я же подумал: «Вот теперь явится это злосчастье с мешком за плечами, и моя семнадцатая глава так и останется незаконченной».

Но когда афганец обернулся на зов Мини и, широко улыбаясь, направился к нашему дому, она со всех ног бросилась на женскую половину. Мини была убеждена, что в мешке у афганца можно обнаружить двух-трех таких же ребятишек, как она, стоит только немного порыться в нем.

Афганец подошел к дому и с улыбкой поклонился мне. Я подумал, что, хотя положение Протапшинхо и Канчонмалы весьма критическое, мне все же следует что-нибудь купить у человека, раз уж его позвали.

Я купил у него какие-то мелочи. Потом мы немного побеседовали. Поделились своими соображениями насчет политики Абдур Рахмана, русских, англичан.

Наконец он поднялся, собираясь уходить, и спросил: — Бабу, а куда убежала твоя дочка?

Я решил рассеять напрасные страхи Мини и позвал ее. Но, прижимаясь ко мне, трусишка подозрительно глядела на афганца и его мешок.

Рохмот достал из мешка горсть кишмиша и сухих абрикосов и протянул ей, но она не взяла угощения, еще подозрительнее посмотрела на него и крепче при-

¹ Кабуливала — афганец.

жалась к моим коленям. Так состоялось их первое знакомство.

Как-то утром спустя несколько дней я вышел по своим делам из дому. Моя дочурка сидела на скамейке возле двери и оживленно болтала о чем-то. И рядом, на земле, я увидел того афганца; он с улыбкой слушал ее, вставляя время от времени свои замечания на ломаном бенгальском языке. За весь пятилетний жизненный опыт Мини еще не случалось иметь такого терпеливого слушателя, не считая отца. Тут я заметил, что подол ее полон кишмиша и миндаля.

— Зачем ты ей дал это? Больше не делай так, — сказал я афганцу и, вынув из кармана полрупии, протянул ему. Он не смутился, взял деньги и опустил их в мешок.

Вернувшись домой, я увидел, что эти полрупии подняли шум на целую рупию.

Мать Мини держала в руке белый блестящий кружочек и строго спрашивала девочку:

— Где ты взяла эти деньги?

— Кабуливала дал.

— Как ты посмела их взять?

Мини готова была расплакаться.

— Я не брала, он сам дал.

Спасая Мини от грозящей беды, я увел ее из комнаты.

Оказалось, это была не вторая встреча Мини с афганцем. Все это время он приходил почти ежедневно и взятками в виде миндаля и фисташек завоевал ее маленькое жадное сердечко.

Я узнал, что у них были свои забавы и шутки. Так, едва завидев Рохмота, Мини, смеясь, спрашивала его:

— Кабуливала, а кабуливала, что у тебя в мешке?

— Сло-он, — смешно гнусавил Рохмот.

Шутка была немудреная, но обоим становилось весело. Да я и сам радовался, слушая в осенние утра простодушный смех этих двух детей — взрослого и совсем ребенка.

Было у них еще одно развлечение. Рохмот говорил Мини:

— Смотри, малышка, никогда не ходи в дом свекра.

В бенгальских семьях девочки с самых ранних лет приучаются к словам «дом свекра», но мы, люди до некоторой степени современные, не знакомили Мини с этим понятием. Поэтому она не могла уразуметь просьбы Рохмота. Однако не в характере девочки было молчать, когда ее о чем-нибудь спрашивали, и она, в свою очередь, интересовалась:

— А ты пойдешь в дом свекра?

— Я его изобью, — грозил Рохмот воображаемому свекру увесистым кулаком. И, представляя себе, в какое смешное положение попадет незнакомое ей существо, называемое свекром, Мини звонко смеялась.

Осень. Чудесная пора! Цари древности в это время года отправлялись покорять мир. Мне никогда не приходилось выезжать из Калькутты, и я приучил себя мысленно бродить по вселенной. Словно узник, прикованный цепями, я постоянно тосковал по вольному миру. Стоило мне услышать название какой-нибудь страны, как я в мыслях своих переносился туда; стоило повстречать чужестранца, и в воображении моем возникала картина у реки среди гор и лесов, рисовались картины радостной и привольной жизни.

Но я так привык ко всему, что меня окружало! Казалось, рушится весь мой небольшой мир, если я покину свой угол. Вот и теперь беседы с афганцем, которые мы вели по утрам в моем маленьком кабинете, вполне заменяли мне путешествия. Низким раскатистым голосом на нескладном бенгальском языке рассказывал он о своей стране; и перед моими глазами, как в калейдоскопе, возникали высокие, почти неприступные горы, бурые, обожженные солнцем; меж волнами этих громад протянулась узкая пустынная дорога, медленно движется по ней караван верблюдов, купцы в тюрбанах и проводники — кто на верблюде, кто пешком, одни с копьями, у других старинные кремневые ружья.

Мать Мини боялась всего на свете. Услышит шум на улице, и уже ей кажется, что на наш дом нападают толпы пьяных бродяг. Всю жизнь (правда, не очень долгую) ей мерещились воры, разбойники, пьяницы, змеи и тигры, ядовитые насекомые, тараканы и солдаты и еще малярия, не менее опасный враг.

Тревожили мать Мини также частые посещения Рохмота. Не раз просила она меня лучше присматривать за ним. Я смеялся над ее подозрениями, но она не уступала.

— Разве не похищают детей? Разве в Афганистане нет рабства? Разве не может этот великан афганец украсть ребенка?

Я соглашался с ней, но говорил, что в данном случае страхи ее совершенно напрасны. Однако убедить ее было трудно. И все же я не мог запретить Рохмоту приходить к нам.

Каждый год в середине месяца магх Рохмот отправлялся на родину. К этому времени он спешил собрать все долги. У него не оставалось ни одной свободной минуты, но он никогда не забывал заглянуть к Мини. Во время этих встреч оба они принимали вид заговорщиков. Если Рохмот почему-либо не мог прийти утром, он заходил вечером. Бывало, увидишь при сумеречном освещении комнаты высоченную фигуру в длинной рубахе и широких штанах, всю увешанную мешками, и в самом деле становится не по себе. Но прибегала Мини, смеясь и крича: «Кабуливала, а кабуливала!», начинались бесхитростные шутки, веселый смех и на сердце у меня становилось светлее.

Однажды утром я сидел в своем кабинете за корректурой. Последние зимние дни выдались особенно холодными, стояла настоящая стужа. Через окно в комнату падали лучи солнца и ложились под стол мне на ноги. Мягкое тепло их приятно согревало.

Было около восьми часов. Почти все люди, которые еще на заре, повязав голову шарфом, вышли на утреннюю прогулку, уже вернулись домой.

Вдруг на улице послышался шум. Я посмотрел в окно и увидел, как двое стражников ведут связанного Рохмота. За ними бежала толпа любопытных ребятшек. На одежде Рохмота были следы крови, а в руках у одного из стражников — окровавленный нож. Я вышел из дому, остановил стражника и спросил, что случилось.

Сначала от него, а затем и от самого Рохмота я узнал, что наш сосед задолжал Рохмоту за рампурскую

шаль, но потом отказался от своего долга. Разгорелась ссора, во время которой Рохмот всадил в лгуна нож. И вот теперь он шел и ругал лжеца на чем свет стоит.

В это время из дому выбежала Мини.

— Кабуливала, эй, кабуливала!

Мгновенно лицо Рохмота расцвело радостной улыбкой. Сегодня за плечами у него не было мешка, поэтому между ними не могло произойти обычного разговора. Мини лишь спросила:

— Ты пойдешь в дом свекра?

— Да, да. Как раз туда я и иду! — засмеялся Рохмот.

Но ответ его не рассмешил Мини. Тогда Рохмот сказал, показывая взглядом на свои руки:

— Я бы побил свекра, да вот руки связаны.

Рохмота обвинили в убийстве и на несколько лет посадили в тюрьму.

За обычными, повседневными делами я забыл о нем и ни разу не вспомнил, что все это время Рохмот, свободный житель гор, томится за решеткой.

А поведение Мини (это приходится признать и ее отцу), непостоянной Мини, было просто позорно. Она легко забыла своего старого друга, сменив его на конюха Ноби. Но чем старше она становилась, тем чаще друзей заменяли подруги. Теперь ее нельзя было увидеть даже в комнате отца. Мы отдалились друг от друга.

Минуло несколько лет. Снова наступила осень. Пришла пора выдавать Мини замуж. Свадьбу решили сыграть во время праздника Дурги. Вместе с обитательницей Кайласы радость моя должна была покинуть родительский дом, погрузив его во мрак, и уйти к мужу.

Утро занялось прекрасное. Умытое дождями, солнце сияло, как расплавленное золото. Даже грязным облупившимся домишкам, которые теснились в переулках Калькутты, его лучи придавали особую прелесть.

Уже с рассветом в доме зазвучала флейта. Казалось, стоны ее вырываются из моей груди. Печальная мелодия и боль предстоящей разлуки заслонили собою весь мир,

так чудесно озаренный лучами осеннего солнца. Да... сегодня Мини выходит замуж.

С самого утра дом был полон шума, говора, одни приходили, другие уходили. Во дворе строили навес из бамбука. Звенели люстры, которыми украшали все комнаты и веранду.

Я сидел у себя в кабинете и просматривал счета, когда вошел Рохмот.

Сначала я не узнал его. Мешка за плечами не было, длинные волосы острижены, не чувствовалось в нем и былой бодрости. Только улыбка осталась прежней.

— О, это ты, Рохмот? Откуда ты явился?

— Вчера вечером меня выпустили из тюрьмы.

Сердце мое болезненно сжалось. Я никогда раньше не видел так близко убийц, и мне не хотелось, чтобы в такой счастливый день этот человек был среди нас.

— Сегодня мы все заняты, Рохмот. Мне некогда разговаривать с тобой.

Он тотчас повернулся и пошел из комнаты, но в дверях остановился и нерешительно спросил:

— А можно мне повидать девочку?

Рохмот, очевидно, думал, что Мини все такая же, как раньше. Казалось, он даже ждал, что она сейчас вбежит с криком: «Кабуливала, эй, кабуливала!» — и все будет так, как во время их прежних веселых встреч. В память о старой дружбе он даже захватил корзинку винограда и немного кишмиша и миндаля, завернутых в бумагу. Наверно, выпросил все это у приятеля-земляка, — своего-то у него ничего теперь не было.

— Сегодня все в доме заняты, — повторил я.

Ответ мой, видно, огорчил Рохмота. Он постоял некоторое время молча, пристально глядя на меня, и наконец произнес:

— Салам, бабу!

На душе у меня стало как-то нехорошо. Я хотел позвать его, как вдруг он сам вернулся.

— Вот виноград и немного кишмиша с миндалем. Это для девочки. Отдайте ей.

Я взял фрукты и хотел заплатить ему, но он схватил меня за руку.

— Вы очень добры. Я всегда буду помнить это. Но не надо денег... Бабу, у меня дома такая же девочка, как у тебя... Я приносил немного сладостей твоей дочке, а думал о своей... Я не торговать приходил...

Он сунул руку в складки своей широкой одежды, вытащил грязную бумажку и, бережно развернув ее, положил передо мною на стол.

Я увидел отпечаток маленькой детской руки. Это была не фотография, не портрет, нет, это был просто отпечаток руки, намазанной сажей. Каждый год Рохмот приходил в Калькутту торговать сладостями и всегда носил на груди этот листок. Ему казалось, будто нежное прикосновение детской ручки согревает его страдающую душу.

На глаза у меня навернулись слезы. Я забыл, что он — торговец сладостями из Кабула, а я — потомок благородного бенгальского рода. Я понял, что мы равны, что он такой же отец, как и я.

Отпечаток руки маленькой жительницы гор напомнил мне о моей Мини. Я тотчас приказал позвать ее из внутренних комнат. Там запротестовали, но я ничего не хотел слушать. Одета в красное шелковое сари, как и подобало невесте, с сандаловыми знаками на лбу, Мини стыдливо подошла ко мне.

Увидев ее, афганец растерялся. Он совсем иначе представлял себе их встречу после стольких лет разлуки. Наконец он улыбнулся и спросил:

— Маленькая, ты идешь в дом свекра?

Теперь Мини понимала значение этих слов. Она не ответила на вопрос Рохмота, как бывало раньше, а смутилась, покраснела и отвернулась. Я вспомнил первую встречу Мини с афганцем, и мне стало грустно.

Когда Мини ушла, Рохмот, тяжело вздохнув, опустился на пол. Он вдруг ясно понял, что и его девочка за эти годы выросла, что и ему предстоит новая встреча и он не увидит свою дочку такой, какой оставил. Кто знает, что произошло за эти восемь лет!

Мягко светило осеннее утреннее солнце. Пела флейта. Рохмот сидел здесь, в одном из переулков Калькутты, и видел перед собой пустынные горы Афганистана.

Я дал ему денег.

— Возвращайся домой, Рохмот, и пусть твоя радостная встреча с дочерью принесет счастье моей Мини.

Мне пришлось несколько урезать расходы на празднество. Я не смог зажечь столько электрических ламп, сколько хотел, не пригласил оркестра. Женщины выражали неудовольствие. Зато праздник в моем доме был озарен светом счастья.

1892

КАНИКУЛЫ

У Фотика Чоккроборти, предводителя деревенских мальчишек, родилась блестящая идея. Он задумал превратить толстое бревно, лежащее на берегу реки, в корабельную мачту и решил, что в этом деле все его друзья должны принять участие.

Сообразив, сколько удивления и негодования вызовет их затея у хозяина бревна, мальчики с радостью приняли это предложение.

Они были готовы с усердием приняться за работу, как неожиданно младший брат Фотика, Макхонлал, с независимым видом уселся на бревно. От такой дерзости мальчики растерялись.

Но затем один из них подошел и тихонько толкнул Макхонлала, однако это не произвело никакого впечатления. Юный философ безмолвно размышлял о никчемности всех игр.

— Смотри прибыю! Сейчас же вставай! — закричал рассерженный Фотик на брата.

Но Макхонлал лишь слегка шевельнулся и уселся поудобнее.

Конечно, нужно было тут же отшлепать по щекам непокорного брата, чтобы сохранить свой престиж перед товарищами, но у Фотика не хватило на это смелости. Мальчик сделал вид, что ему ничего не стоит наказать Макхонлала, но он вовсе не хочет этого, потому что придумал игру поинтереснее. Он предложил покатить бревно по земле вместе с братом.

Макхон решил, что это будет прекрасно, и ни ему, ни другим даже в голову не пришло, что это столь доблестное дело сопряжено с опасностью, и, поднатужившись, с криками: «Толкай! Давай сильнее!» — мальчишки начали толкать бревно.

Бревно не сделало и пол-оборота, как Макхон со всей своей доблестью и философией очутился на земле. Мальчишки заранее знали, чем это кончится, и разразились хохотом, однако Фотик был немного смущен. Макхон вскочил на ноги, кинулся на брата и с иступлением принялся бить его. Потом, весь исцарапанный, с плачем побежал домой. Игра была испорчена.

Фотик же, вырвав стебель травы, уселся на нос полузатопленной лодки и стал сосредоточенно жевать стебелек.

В это время к берегу причалила незнакомая лодка. Из нее вышел господин средних лет, с седой головой и черными усами.

— Где дом Чоккроборти? — спросил он Фотика.

Мальчик, продолжая жевать, ответил:

— Там, — и указал рукой в неопределенном направлении.

— Где же? — повторил свой вопрос незнакомец.

— Не знаю, — ответил на этот раз Фотик и стал высасывать сок из травинки.

Тогда господин обратился к какому-то прохожему и, когда тот объяснил ему, куда идти, направился к дому Чоккроборти.

Вскоре пришел Багха Багди.

— Фотик, иди домой, мать зовет.

— Не пойду.

Тут Багха схватил его на руки и понес, а Фотик отчаянно дрыгал руками и ногами. Едва только мать увидела Фотика, как накинулась на него:

— Опять избил Макхона?

— Не бил.

— Врешь!

— Спроси у него.

Но Макхон подтвердил свою жалобу. Фотик не выдержал и, подлетев к брату, звонко ударил его по щеке:

— Не ври, не ври!

В следующий же момент на Фотика посыпались ту-маки — это мать встала на защиту Макхона. Тогда мальчик толкнул мать. Она закричала:

— А! Ты и на меня посмел поднять руку!

— Что случилось? — промолвил вошедший в это время в комнату тот самый незнакомый господин с черными усами и седыми волосами.

Мать Фотика была вне себя от изумления и радости.

— Так это же дада! Ты когда приехал? — И она низко ему поклонилась.

Много лет прошло с тех пор, как старший брат уехал работать на запад. За это время мать Фотика вырастила двух сыновей, похоронила мужа, а брат все не возвращался. И вот сегодня наконец Бишшомбхор вернулся на родину и первым долгом приехал повидаться с сестрой.

Первые дни прошли в суете. Наконец незадолго до отъезда Бишшомбхор спросил сестру, как учатся ее сыновья и есть ли у них способности. Сестра рассказала, что Фотик упрямый, капризный и очень невнимателен на уроках, а Макхон тихий, добрый и прилежный мальчик.

— Фотик совсем меня измучил! — добавила она.

Бишшомбхор, не задумываясь, предложил взять Фотика с собой в Калькутту. Вдова охотно согласилась.

— Хочешь поехать с дядей в Калькутту? — спросила мать Фотика.

Мальчик запрыгал от радости:

— Хочу! Хочу!

Мать рада была избавиться от Фотика, так как всегда боялась, что он или утопит Макхона, или разmozжит ему голову, или совершит еще что-нибудь в этом роде, но готовность сына уехать из дому опечалила ее.

— Когда поедем? — то и дело теребил дядю Фотик. Всю ночь он не мог уснуть.

Когда же наступил день отъезда, Фотик в порыве великодушия отдал младшему брату все свои богатства: удочку, бумажного змея, катушку от ниток; отдал в вечное пользование с правом передачи по наследству своему потомству.

По приезде в Калькутту прежде всего произошло знакомство с теткой. Нельзя сказать, чтобы тетка была рада этому совершенно излишнему пополнению семей-

ства. У нее самой было три сына, дом она вела по-своему, а приезд невоспитанного деревенского мальчишки мог внести беспорядок. Сколько лет прожил на свете Бишшомбхор — и ничего не понимает!

Действительно, ничего нет в мире неприятнее тринадцатилетнего мальчишки! Его нельзя назвать ни ребенком, ни взрослым. И любви он не возбуждает, и счастья недостоин. Если он болтает, как ребенок, значит глуп; если пытается говорить, как взрослый — кажется нахальным, самоуверенным. Неожиданно он вырастает из своей одежды, и окружающие считают это неслыханной наглостью. В тринадцать лет исчезают красота и нежный голос, и это тоже люди ставят подростку в вину. В детстве и юности многие ошибки прощаются, но когда человеку тринадцать лет, всякий, даже самый незначительный, проступок кажется преступлением. Дети в этом возрасте, словно стыдясь бесполезности своего существования, стараются всегда оставаться незаметными. У них появляется большая потребность в любви. Тринадцатилетний мальчик душу готов отдать за того, кто его приласкает. Но увы! Никто не решается полюбить его, чтобы не избаловать. Человек в тринадцать лет одинок, как бездомная собака.

Естественно, что для мальчика в таком возрасте лучше быть с матерью, чужой дом становится для него адом. На каждом шагу его ранят невнимание и пренебрежение. Безразличное отношение женщины ему особенно больно, так как в женщине он видит существо неземное, недоступное. Самой мучительной была мысль о том, что в глазах не любившей его тетки он был чем-то вроде злого рока. Бывало, попросит его тетка что-нибудь сделать, а Фотик на радостях перестарается и делает лишнее.

— Хватит, хватит, — говорила тетка в таких случаях, стараясь умерить его пыл. — К этому и не прикасайся. Иди-ка лучше займись своим делом! Почитай. — И тогда заботы тетки о его духовном развитии казались Фотику жестокой несправедливостью.

Словом, жизнь в доме дяди была безрадостной, к тому же его так нагружали всякой работой, что

вздохнуть было некогда. Запертый в четырех стенах, мальчик жил воспоминаниями о родной деревне.

Он вспоминал луг, где бегал, запуская огромного бумажного змея, берег реки, где бродил, напевая песенки собственного сочинения, быстрый поток, в котором всегда можно было поплавать, своих товарищей и привольную жизнь, но больше всего, день и ночь вспоминал Фотик свою несправедливую и сердитую мать, и отчаяние сжимало сердце мальчика.

Какая-то инстинктивная любовь, слепое невысказанное горе оттого, что рядом не было близкого человека, заставляли этого робкого, нескладного мальчонку, рыдая, повторять: «Ма, ма!» Так мычит теленок, потерявший в сумерках мать.

В школе он считался самым нерадивым и невнимательным. Если учитель спрашивал Фотика, он, открыв рот, в недоумении хлопал глазами и ничего не отвечал. Наказания и побои он сносил молча, как осел, уставший от своей ноши. Во время перемены, когда мальчики убежали играть, он печальный стоял у окна, всматриваясь в далекие крыши домов. Но стоило там появиться детям, которые играли на солнце, и сердце Фотика начинало учащенно биться.

Однажды, набравшись смелости, Фотик спросил:

— Дядя, когда ты отвезешь меня к маме?

— Как только начнутся каникулы, — ответил Бишшомбхор. А до каникул было еще очень далеко — они начинались в месяце картик.

Однажды Фотик потерял учебник. Мальчик и раньше с трудом готовил уроки, а теперь совсем перестал заниматься. Каждый день учитель бил и ругал его. Даже двоюродные братья стыдились Фотика; а когда его обижали, громче всех смеялись. Не в силах терпеть все эти унижения, Фотик в один прекрасный день пришел к тетке.

— Я потерял учебник, — виновато сказал он.

Поджав губы, тетка заявила:

— Очень хорошо! Но я не могу покупать тебе книги по пять раз в месяц!

Фотик молча ушел. Мысль, что он живет на чужие деньги, вызвала жгучую обиду на мать, и собственная

бедность показалась ему теперь особенно унижительной.

В тот же вечер, придя из школы, Фотик почувствовал головную боль и озноб. Он знал, что у него начинается лихорадка. Сколько хлопот и беспокойства причинит он своей болезнью тетке!

Фотик ясно представил себе, что она воспримет его болезнь как новую неприятность. Этот странный мальчик стыдился того, что за ним будут ухаживать чужие люди, а не мать, и поэтому никому ни слова не сказал о своей болезни.

На рассвете Фотик исчез. Его искали у всех соседей, но не нашли.

Вечером начался ливень. Все промокли до нитки. В конце концов пришлось Бишшомбхору заявить в полицию.

На следующий день вечером перед домом остановился экипаж. Дождь лил не переставая, на улицах было по колено воды. Два полицейских, поддерживая Фотика, передали его Бишшомбхору. С Фотика ручьями лилась вода, он весь был в грязи, лицо и глаза покраснели. Мальчика била лихорадка. Бишшомбхор бережно взял его на руки и отнес на женскую половину дома.

— Зачем такие волнения, да еще из-за чужого ребенка? Отошли его домой! — воскликнула жена, увидев Фотика. В этот день она лишилась аппетита и даже со своими детьми была резка.

— Я шел к маме, зачем меня опять привели сюда? — плакал Фотик. Мальчику становилось все хуже и хуже. Всю ночь он бредил. На следующий день Бишшомбхор вызвал доктора.

— Дядя, каникулы уже начались? — спросил Фотик, открыв воспаленные глаза и глядя в потолок. Бишшомбхор, вытирая глаза платком, с любовью посмотрел на Фотика и, взяв его худые, очень горячие руки в свои, присел к нему на постель. Фотик снова начал бредить:

— Ма, не бей меня! Я правду говорю, я не виноват!

На другой день Фотик ненадолго пришел в сознание и стал смотреть по сторонам, будто искал кого-то.

Затем, разочарованный, повернулся к стене. Бишшомбхор, поняв душевное состояние мальчика, наклонился к его уху и тихо сказал:

— Фотик, я послал за твоей матерью!

На следующий день доктор, озабоченный и бледный от волнения, сообщил, что состояние больного резко ухудшилось.

Бишшомбхор в полумраке сидел у постели больного и с нетерпением ждал сестру.

— Бросай левее! Не так! Еще левее! — кричал мальчик.

Часть пути в Калькутту они с дядей проделали на пароходе, и теперь, в бреду, мальчик подражал матросам, которые точно так же кричали, измеряя глубину. Однако в том безбрежном океане, по которому Фотик плыл сейчас, его веревка нигде не доставала дна.

В этот момент, рыдая, в комнату вбежала мать Фотика. С большим трудом Бишшомбхору удалось успокоить ее.

— Фотик, дорогой, мое сокровище! — восклицала женщина.

— Что, ма? — спросил мальчик.

— О Фотик, мое сокровище! — повторяла мать.

Мальчик медленно повернулся и, никого не замечая, тихо сказал:

— Ма, уже начались каникулы? Я еду домой, ма!

ШУБХА

1

Когда девочке давали имя Шубхашины, что значит красиво говорящая, кто мог предположить, что она окажется немой? У нее были две старших сестры. Их звали Шукешини и Шухашины. И младшую дочь отец решил назвать именем, которое начиналось с того же словечка «шу» — красивый, прекрасный. В семье Шубхашины звали просто Шубха. Старших ее сестер выдали замуж — конечно, не без хлопот и расходов, — но судьба младшей вызывала тяжкие раздумья родителей.

Обычно считают, что тот, кто не говорит, не может и чувствовать, и потому все без стеснения выражали в присутствии Шубхи тревогу за ее будущее. И уже совсем маленькой, девочка поняла, что ее рождение явилось проклятием, ниспосланным небесами на дом ее отца. Поэтому она сторонилась людей и стремилась к одиночеству. Ей было бы намного легче, если бы все непросту забыли о ней. Но разве можно забыть горе? Оно постоянно терзало сердце ее родителей.

Особенно страдала мать. Она видела в дочери свой позор: ведь дочь для матери всегда ближе сына, она словно часть ее самой, и всякий недостаток дочери вызывает у матери чувство стыда. В то время как отец Шубхи, Баниконтхо, любил Шубхашины больше старших дочерей, мать относилась к ней с неприязнью.

Шубха была лишена дара речи, зато под сенью густых длинных ресниц у нее были большие, черные глаза, а губы девочки трепетали, словно нежные лепестки, и, казалось, хотели высказать чувства, переполнявшие ее сердце.

Часто мы затрачиваем немало усилий, пытаюсь выразить наши чувства словами. Так бывает, когда мы переводим. Не всегда нам удается точно передать мысль. Не имея достаточных способностей, мы иногда ошибаемся. Но черные глаза говорят без слов, отражая самое душу. Они то вспыхивают, то слабо мерцают, то разгораются, то устало гаснут; они смотрят на вас то спокойно и пристально, подобно заходящей луне, то сверкают, словно быстрые и легкие молнии. У немых глаза бесконечно выразительные и глубокие, в них, как в небе, играют зори, тени сменяют свет.

Как и на самой природе, на Шубхе лежала печать одинокого величия, поэтому дети боялись ее и никогда не играли с ней.

2

Деревня, в которой жила Шубха, называлась Чонди-пур. Река, протекавшая там, была обычной маленькой речкой, каких много в Бенгалии. Скромно, как простая крестьянская девушка, держалась она в своих берегах; узенькая, трудолюбивая и старательная, она, казалось, охраняла расположившиеся на ее высоких берегах, в тени густых лесов, деревни, она так заботилась о них, будто состояла в близком родстве с населяющими эти деревни жителями. Каждое утро богиня реки, покинув свое ложе, радостно и самозабвенно спешила совершить бесчисленное множество положенных ей добрых дел.

Участок Баниконтхо спускался к самой реке, и проплывавшие мимо лодочники могли видеть крытый соломой сарай, амбар, хлев, сад, обнесенный оградой. Но заметил ли кто-нибудь хоть раз среди этого благополучия немую девочку? Закончив свою работу, она часто приходила к реке.

И здесь природа как бы восполняла то, чего не хватало несчастной. Журчание воды, голоса людей, песни

лодочников, щебет птиц, шелест листвы — все сливалось с радостным трепетом сердца Шубхи, врываясь в тревожную, бесконечно молчаливую душу ребенка широкой волной звуков. Малейшее движение в природе, все многообразие ее звуков были понятны немой девочке, они словно говорили на одном с ней языке. В ее больших, затененных длинными ресницами глазах отражался весь окружающий мир: и луга, где в траве стрекотали кузнечики, и даже далекие безмолвные звезды. Для Шубхи все было полно глубокого смысла.

В полдень, когда лодочники и рыбаки уходили обедать, крестьяне отправлялись спать, умолкали птицы и останавливался паром, словом, когда мир вдруг замирал посреди всех своих дел в каком-то немом оцепенении, словно зачарованный волшебником, в этом полном безмолвии лишь немая природа, залитая щедрым солнечным светом, да немая девочка в тени невысокого дерева оставались лицом к лицу под необъятным небосводом, пышущим жаром.

Нельзя сказать, чтобы у Шубхи совсем не было друзей. В хлеву стояли две коровы, Шорбоши и Пангули. Они никогда не слышали своих имен из уст девочки, но хорошо знали ее шаги. Невнятное бормотанье Шубхи животные понимали лучше всяких слов. Не хуже людей понимали они, когда девочка ласкала их, когда журила и когда просила о чем-нибудь. Они были ей ближе, чем люди. Когда же Шубха обнимала Шорбоши за шею и прижималась щекой к ее теплему уху, Пангули награждала своего маленького друга нежным взглядом и ласково лизала ее. Шубха должна была три раза в день ходить в хлев, но бывала там значительно чаще. Стоило кому-нибудь обидеть ее, как она тотчас же шла к своим молчаливым друзьям. Каким-то особым, неведомым чутьем животные угадывали сердечную боль девочки и, глядя на нее покорно и сочувственно, осторожно терлись рогами о руки Шубхи, пытаясь утешить ее.

Были еще коза и котенок, но к ним Шубха не питала особой привязанности, хотя они проявляли к ней не меньшую любовь, чем коровы. Котенок часто устраивался на теплых коленях девочки подремать: он очень любил, когда нежные пальцы Шубхи гладили его.

Был у Шубхи товарищ и среди существ высшего порядка. Что их связывало, трудно сказать — ведь товарищ Шубхи умел говорить.

Протап, младший сын Гоншай, был очень ленивым мальчишкой. После многочисленных и бесполезных попыток приспособить Протапа к какому-нибудь ремеслу, родители потеряли всякую надежду вывести его в люди. Но у бездельников есть одно преимущество: хотя домашние бранят их, зато почти у всех других людей они пользуются неизменной симпатией. Ленивые не связаны никакими делами и становятся как бы общественным достоянием. Как любой город нуждается в общественном саде, так и для каждой деревни необходимы два-три праздношатающихся, которые всегда к услугам тех, кому представляется возможность повеселиться или полодырничать.

Любимым занятием Протапа было удить рыбу, и почти всегда его можно было застать с удочкой на берегу реки. Здесь он проводил все свое время. Вот почему они часто встречались с Шубхой. Протап в своих развлечениях был рад любому товарищу. А во время рыбной ловли молчаливый товарищ — самый хороший; поэтому Протап очень ценил свою подругу. Тогда как все звали девочку Шубхой, мальчик в знак особого к ней расположения называл ее просто Шу.

Обычно Шубха садилась под тамариндовым деревом, а Протап неподалеку от нее забрасывал удочку. У Протапа была привычка жевать бетель, и девочка сама приготавливала его для приятеля. Подолгу наблюдая за Протапом, она желала всей душой чем-то помочь ему, сделать для него что-то необыкновенное — пусть знает, что и она не лишняя человек на земле. Но Шубха ничего не могла придумать. Тогда она мысленно обращалась к всевышнему и молила его дать ей силу совершить какой-нибудь достойный восхищения поступок, который привел бы в изумление ее друга и заставил бы его воскликнуть: «Смотрите-ка, а я не думал, что наша Шубха способна на такое!»

Если бы Шубха была нимфой! Медленно поднявшись из воды, она вынесла бы Протапу драгоценный камень из венца змеи, и он, бросив жалкую рыбную ловлю, спустился бы с этим камнем на дно реки. А кого увидел бы он в подводном царстве, на золотом троне в серебряном дворце? Конечно, немую девочку Шу, дочь Баниконтхо, нашу Шу, единственную дочь царя этого лучезарного и спокойного подводного мира. Разве это невозможно? Вообще невозможного нет, но Шу родилась не в царской семье, а в семье Баниконтхо, и не в ее силах было изумить Протапа, сына Гоншай.

4

Шубха подрастала. Она даже начала разбираться в своих чувствах. В душе ее стали появляться новые, еще не всегда осознанные, но широкие и влекущие, как океанский прилив в полнолуние, стремления. Множество вопросов теснились в ее головке, но найти на них ответ девушка не могла.

Как-то раз ночью Шубха тихонько отворила дверь и, робко выглянув, осмотрелась по сторонам. Полная луна, одинокая, как Шубха, взидала на спящую землю. В девушке ключом била молодая жизнь; радость и в то же время печаль заполняли все ее существо; она дошла до границы своего беспредельного одиночества и, сама не сознавая того, перешагнула ее. И вот наедине с безмолвной взволнованной матерью-природой стояла немая взволнованная девушка...

Между тем мысль о замужестве дочери не давала родителям покоя. Соседи осуждали их и поговаривали о том, что им не удастся пристроить дочь. Баниконтхо был человеком богатым: его семья могла позволить себе дважды в день есть рыбу и рис, и естественно, что у него было много врагов.

Баниконтхо долго советовался с женщинами и через несколько дней куда-то уехал.

Наконец он вернулся и сказал:

— Едем в Калькутту!

Начались сборы в дорогу. Отчаяние, словно густой утренний туман, сдавило сердце Шубхи. Все последние дни ее мучил безотчетный страх, и она, как бессловесное животное, ходила по пятам то за матерью, то за отцом. Широко открытыми, полными тревоги глазами всматривалась девушка в их лица, пытаясь хоть что-нибудь понять, но родители не говорили ей ни слова.

Как-то раз, в полдень, закинув, по обыкновению, удочку, Протап со смехом сказал:

— Ну, Шу! Достали для тебя жениха! Ты уедешь и выйдешь замуж. Но смотри не забывай нас!

И Протап все свое внимание сосредоточил на удочке.

Шубха взглянула на Протапа, как смертельно раненная лань на охотника. «Что я тебе сделала?» — с немой тоской спрашивали ее глаза. В тот день она уже не сидела под деревом. Баниконтхо курил в своей спальне, когда в комнату вбежала Шубха и, припав к его ногам, разрыдалась. Баниконтхо пытался успокоить ее, но сам не мог сдержать слез.

На следующий день был назначен отъезд в Калькутту. Шубха пошла в хлев проститься со своими друзьями. Она кормила животных из рук, обнимала их, губы ее шевелились, словно она шептала им что-то, ласково смотрела в глаза. Слезы неудержимым потоком катились по ее щекам...

И вот, светлой ночью, выйдя из дому, Шубха упала на душистую траву у давно знакомой, родной и милой реки. Девушка как будто обнимала землю — эту могучую, спокойную мать всего человечества, словно хотела сказать: «Не отпускай меня, мать! Держи меня так же крепко, как я тебя!»

Когда они приехали в Калькутту, мать с особым старанием одела Шубху. Она скрутила ей волосы в узел, обвязала его лентой, украсила драгоценностями, и надо сказать, сразу же испортила природную красоту девушки. Из глаз Шубхи лились слезы. Мать ругала ее: она боялась, что глаза Шубхи распухнут и покраснеют от слез,

но никакие угрозы не могли остановить рыданий бедной девушки.

Наконец явился жених посмотреть невесту. Он пришел со своим другом. Родители так волновались, словно сам бог сошел на землю выбирать животное для заклания. Мать надавала дочери кучу наставлений и в конце концов довела ее до того, что девочка расплакалась еще больше. В таком состоянии Шубху представили избраннику. Рассмотрев ее, жених промолвил:

— Не дурна.

Видя неутешные слезы своей невесты, молодой человек решил, что у нее нежная душа. Раз она так убивается при разлуке с родителями, то наверняка будет заботливой и нежной женой.

— Слезы только поднимают цену девушки, как жемчужины цену раковины.

Больше он ничего не добавил.

Справились с календарем и в один из благоприятных дней сыграли свадьбу. Передав немую девочку в руки молодого человека, родители вернулись домой: их каста и будущее были спасены.

Муж Шубхи работал на западе и вскоре после свадьбы увез жену туда. Не прошло и недели, как все уже знали, что новобрачная — нема. Но никто не подумал, что в этом не было ее вины. Шубха и не пыталась никого обмануть. Глаза ее говорили правду. Но здесь некому было понять ее, здесь не было тех с детства родных ей людей, которые могли бы прочесть, что говорили ее глаза. Из груди немой девушки готов был вырваться вопль отчаяния, но и его никто не услышал бы, кроме всеведущего бога.

А муж Шубхи, в следующий раз осмотрев невесту более внимательно и пустив в ход не только глаза, но и уши, женился на другой.

МОХАМАЯ

1

Мохама и Раджиблочон встретились на берегу реки в старом разрушенном храме.

Не сказав ни слова, Мохама с упреком посмотрела на Раджиба. «Как ты осмелился позвать меня сюда, да еще в такое время, — казалось, говорил ее всегда серьезный задумчивый взгляд. — До сих пор я была послушна тебе, но ты стал слишком дерзок!»

Раджиб и без того робел перед девушкой, а тут еще этот взгляд. Он шел сюда с намерением сказать ей нечто важное, но теперь, смущенный, потерял всякую решимость. Однако если он сейчас же не объяснит ей, зачем он звал ее на это свидание, — все пропало. И он торопливо проговорил:

— Давай убежим отсюда и поженимся.

Раджиб сказал именно то, что хотел, но не сделал вступления, которое давно было подготовлено в его сердце, поэтому слова его прозвучали сухо и резко. Он пробормотал их себе под нос, заикаясь, и сразу умолк.

Глупый Раджиб! Позвать Мохамаю в этот полдень на берег реки в разрушенный храм и не найти ничего лучшего, как сказать: «Давай поженимся!»

Мохама была девушкой из семьи, принадлежавшей некогда к знатному аристократическому роду. В два-

дцать четыре года красота ее была в полном расцвете. Она напоминала изваяние из неотделанного золота, осеннее солнце, которое спокойно льет свои яркие лучи. Ее прекрасные глаза смотрели открыто и смело.

Отца у Мохамая не было; был только старший брат, которого звали Бхобаничорон Чоттопаддхай. Брат и сестра казались людьми одного склада: говорили они мало, но во взгляде каждого было столько силы, что, безмолвный, он опалял, словно полуденный зной. Перед Бхобаничороном все испытывали какой-то безотчетный страх.

Раджиб был не из этих краев. Его привез сюда старший управляющий местной шелкоткацкой фабрики, где служил отец Раджиба. После смерти отца управляющий взял на себя заботу о его маленьком сыне и, когда мальчик подрос, привез его на фабрику в Бамонхати. С мальчиком приехала и горячо любившая его тетка. Они поселились в доме, стоявшем по соседству с домом Чоттопаддхаев, и Мохамая вскоре подружилась с Раджибом. Его тетка и Мохамая были очень привязаны друг к другу.

Раджиб рос. Ему уже исполнилось девятнадцать лет, но, несмотря на настойчивые просьбы тетки, он не хотел жениться. Узнав о таком необычайном благоразумии бенгальского юноши, его покровитель обрадовался, решив, что юноша последовал его примеру (управляющий был холост).

Между тем тетка Раджиба умерла, и он остался один. Для Мохамая давно уже искали достойного ей по знатности рода жениха, но такого не находилось, да и свадьба требовала больших расходов.

А девические годы шли.

Читатель отлично знает, что брак — дело святое. Но если бог, ведающий узамы брака, столь долго проявлял крайнюю безответственность в отношении этих двух молодых людей, то бог любви не тратил времени зря! Когда дремлет старый Праджапати, бодрствует юный Кандарпа.

Власть бога любви, Кандарпы, над каждым человеком проявляется по-разному. Побуждаемый этим богом, Раджиб искал случая сказать Мохамая несколько ласковых слов, но девушка не дала ему этого сделать — ее серьезный пристальный взгляд вселял робость в трепещущее сердце юноши.

Наконец сегодня, набравшись храбрости, Раджиб попросил прийти Мохамая в этот разрушенный храм: сегодня он решил сказать ей все, а там — или счастье на всю жизнь, или смерть. Но в этот знаменательный день своей жизни Раджиб смог лишь пролепетать: «Давай поженимся», — и растерянно умолк, как школьник, забывший урок. Мохамая не ожидала от Раджиба подобного предложения. Некоторое время она молчала.

Полдень был напоен едва уловимыми печальными звуками, нарушавшими безмолвие. Издавая жалобные стоны, медленно качалась от ветра наполовину сорванная с петель дверь храма, высоко у окошка ворковали голуби, в ветвях тутового дерева монотонно стучал дятел; из кучи сухих листьев, шурша, выскользнула ящерица; вот подул с поля легкий ветерок, зашелестели листья; вода в реке, словно пробудившись от сна, с тихим плеском забила о ступени полуразрушенной лестницы. Среди всех этих случайно возникающих и ничего не значащих звуков откуда-то издалека доносился нежный напев пастушьей свирели.

Не решаясь взглянуть в лицо Мохамай, Раджиб прислонился к стене и смотрел на спокойную, будто дремлющую реку.

Немного погодя он обернулся и обратил к девушке свой умоляющий взор. Она покачала головой:

— Нет, это невозможно.

Вмиг все надежды Раджиба рассыпались в прах. Он прекрасно понимал, что теперь никто в мире не в силах заставить ее изменить свое решение. Веками воспитывалось в роду Мохамай чувство гордости, так могла ли она согласиться выйти замуж за простого брахмана, каким был Раджиб! Любовь — одно, а брак — совсем иное. Мохамая никак не могла представить, что ее необдуманное поведение придаст Раджибу такую смелость. Она хотела тотчас же уйти.

Но юноша поспешно сказал:

— Завтра я уезжаю.

Мохамая решила сделать вид, что слова Раджиба ее совсем не трогают, но это было выше ее сил. Она хотела уйти, но не могла двинуться с места. Впрочем, она довольно спокойно спросила:

— Почему?

— Моего хозяина переводят отсюда на фабрику в Шонапур, он берет меня с собой, — ответил Раджиб.

Несколько мгновений Мохамая стояла молча. «Жизнь людей идет разными путями, — думала она, — нельзя надолго удержать при себе человека». Затем, глубоко вздохнув и почти не разжимая губ, девушка сказала:

— Поезжай. — Промолвив только одно слово, она уже хотела было уйти, как вдруг Раджиб вскрикнул:

— Господин Чаттерджи!

Девушка обернулась и, увидев приближающегося к храму Бхобаничорона, поняла, что он заметил их. Раджибу было ясно: Мохамая грозит беда, поэтому он хотел перескочить через разрушенную стену, но девушка удержала его, крепко схватив за руку. Бхобаничорон вошел в храм и молча посмотрел на обоих.

Смело взглянув на Раджиба, Мохамая сказала:

— Я приду в твой дом, Раджиб, жди меня!

Не проронив ни слова, Бхобаничорон вышел. Мохамая также безмолвно последовала за ним; ошеломленный юноша замер на месте, словно услышал свой смертный приговор.

2

В тот же вечер Бхобаничорон принес красное чели и сказал Мохамая:

— Одевайся!

Когда девушка была готова, он велел ей следовать за собой. Не то что приказа, даже знака Бхобаничорона никто никогда не смел ослушаться. Не могла ему противиться и Мохамая.

Они отправились на берег реки, на место сожжения трупов. Оно находилось недалеко от дома. Там, в хижине для паломников, старый брахман ждал своей смерти. К его постели они и подошли. В углу хижины стоял жрец. Бхобаничорон подал ему знак, и тот быстро сделал все приготовления для обряда. «Меня выдают замуж за этого умирающего!» — поняла Мохамая, но не оказала ни малейшего сопротивления. В полутемной хижине, освещенной лишь пламенем двух погребальных костров,

где неясное бормотание мантр сливалось со стонами предсмертной агонии, был совершен брачный обряд.

На другой день после свадьбы Мохамая стала вдовой. Но это несчастье не очень ее опечалило, да и Раджиб, как громом пораженный известием о неожиданном замужестве Мохамай, обрадовался, узнав, что она овдовела.

Однако радость его оказалась недолгой. Новый удар сразил юношу. На месте сожжения трупов поднялась суматоха: там готовили костер для Мохамай.

Первой мыслью Раджиба было сообщить обо всем управляющему и с его помощью силой прекратить этот ужасный обряд. Но юноша вспомнил, что как раз сегодня его хозяин уехал в Шонапур. Он хотел взять с собой и Раджиба, но тот остался, попросив себе отпуск.

«Жди меня», — сказала Раджибу Мохамая, и он знал, что она не нарушит своего обещания. Пока он взял отпуск на месяц, но, если понадобится, возьмет на два и на три, а возможно, что и совсем бросит работу и будет кормиться подаяннем, но всю жизнь не перестанет ждать Мохамай.

Раджиб метался, словно помешанный, не зная, что предпринять — то он хотел наложить на себя руки, то пытался что-нибудь придумать, чтобы спасти свою Мохамую. Тем временем наступили сумерки, а с ними поднялась буря, с неба хлынули потоки дождя. Ветер дул с такой силой, что Раджибу казалось, будто крыша над его головой вот-вот рухнет. Природа неистовствовала, словно вторя смятению, бушевавшему в душе Раджиба, и это немного успокаивало юношу. Ему казалось, что весь мир мстит теперь вместе с ним, и то, что он не в силах был совершить сам, сделала за него природа, низвергнув небеса в преисподнюю.

Вдруг кто-то сильно постучал в дверь, юноша быстро открыл. В дом вошла женщина в мокрой одежде, с опущенным на лицо покрывалом. Раджиб сразу узнал ее — это была Мохамая!

— Мохамая! — вскрикнул он, задыхаясь от волнения. — Ты убежала с погребального костра?

— Да, я обещала прийти в твой дом и сдержала свое обещание. Но знай, Раджиб, я очень изменилась, нет больше прежней Мохамай. Только душа моя осталась

той же. В твоей власти вернуть меня на костер. Но если ты поклянешься, что никогда не снимешь с меня покрывала и никогда не взглянешь на мое лицо, — я останусь.

В сравнении со смертью все кажется незначительным.

— Пусть будет, как ты хочешь, — поспешно ответил юноша. — Если ты покинешь меня, я умру.

— Так уйдем отсюда. Надо найти твоего хозяина.

Бросив все, что было в доме, Раджиб и Мохамая вышли навстречу буре. Ураган бушевал с невиданной силой, трудно было удержаться на ногах. Мелкие камешки кружились в воздухе и впивались в тело. Гнулись деревья, казалось, вот-вот и они рухнут наземь. Боясь, что их придавит, Раджиб и Мохамая свернули с дороги и пошли открытым полем. Ветер хлестал их в спину, словно хотел отогнать этих несчастных от человеческого жилья и сровнять с землей.

3

(Пусть читатель не сочтет этот рассказ за вымысел. Говорят, что в те времена, когда существовал обычай сахамарана, такие случаи иногда бывали.)

Мохамая, связанную по рукам и ногам, положили на костер и в назначенное время зажгли его. Пламя, загудев, поднялось вверх, но вдруг подул сильный ветер и хлынул дождь. Все, кто присутствовал при сожжении, укрылись в хижине паломников. Дождь погасил костер, однако веревки, связывающие руки девушки, успели сгореть. Несмотря на нестерпимую боль от ожогов, Мохамая поднялась, не издав ни единого стога, и развязала веревки на ногах. Затем, прикрыв свое тело остатками обгоревшей одежды, почти нагая, она сошла с костра.

Сначала Мохамая направилась домой. Но никого там не застала. Все были на похоронах. Девушка зажгла светильник и, надев платье, взглянула на себя в зеркало, но в ту же минуту с ужасом бросила его на землю. Потом, решившись, она накинула на голову покрывало и пошла к Раджибу.

То, что произошло дальше, читателю уже известно.

Теперь Мохамая жила в доме Раджиба, но это не принесло ему счастья, покрывало встало между ними

стеной, вечной и неумолимой, как смерть, даже мучительнее смерти. Если безнадежность притупляет со временем боль невозвратимой утраты, то призрак надежды, таящийся за покрывалом, ежедневно, ежечасно причинял Раджибу невыносимые страдания.

Мохамая всегда была замкнута, теперь же стала еще более замкнутой; теперь она вынуждена была вечно прятать свое лицо под покрывалом. Это было страшно. Молодая женщина жила словно погруженная в безмолвие смерти, и эта немая смерть давила на Раджиба, грозила задушить его в своих объятиях.

Раджиб потерял прежнюю Мохамая, и прекрасный образ, который он с детства хранил в своей памяти, постепенно начал стираться, вытесняемый закутанным в покрывало существом, вечно находящимся перед его глазами. «Все живое имеет покров, данный ему природой, — думал Раджиб, — Мохамая же подобна описанному в пуранах Карне, носившему от рождения панцирь. Явившись на свет в одном покрове, она как бы родилась вторично и обрела новую оболочку».

Мохамая никогда не расставалась с Раджибом и в то же время была невыразимо далека от него. Всем своим истрадавшимся сердцем юноша стремился постичь эту нерушимую тайну подобно тому, как звезды каждую ночь тщетно пытаются развеять своим негаснущим взором ночную тьму.

Так жили эти две одинокие человеческие души — рядом и в то же время врозь. Но вот однажды, на десятый день светлой половины месяца, во время сезона дождей, в первый раз разорвав облака, показалась луна. Тихая ночь бодрствовала над изголовьем уснувшей земли. Раджиб не спал. Он сидел у раскрытого окна. Истомленный зноем лес дышал на него ароматами цветов; устало стрекотали цикады. У опушки темнеющего леса, отливая серебром, ярко блестело озеро. Трудно сказать, о чем думает человек в такие минуты, но вся душа его куда-то стремится — она, как лес, полна ароматами, как ночь, звенит стрекотанием цикад.

Я не знаю, о чем думал Раджиб, но ему казалось, будто сегодня рухнули все преграды. Сегодня ночь сбросила с себя облачный покров и явилась прекрасной и тор-

жественно-безмолвной, как Мохамая прежних дней. Все его существо в едином порыве потянулось к этой женщине.

Раджиб встал и, как лунатик, направился к ней в комнату. Мохамая спала. Он подошел ближе и наклонился над ее постелью — на лицо молодой женщины упал лунный свет. Но что это! Где же давно знакомые черты? Пламя погребального костра злобным языком слизало всю красоту с лица Мохамая, оставив на нем лишь следы своего ненасытного голода.

Раджиб не в силах был подавить стон. Это разбудило Мохамая. В тот же миг она накинула на лицо покрывало и поспешно поднялась с постели.

Раджиб замер, словно пораженный громом. Потом он упал к ее ногам:

— Прости меня!

Ничего не ответив, ни разу не оглянувшись, Мохамая вышла из дома. Больше она не вернулась, и Раджиб нигде не мог найти ее.

Бушующее в груди пламя гнева, вскормленное вечной, без единого слова прощения разлукой, выжгло неизгладимый след на всей земной жизни Раджиба.

ОБМЕНЯЛИСЬ

Слова старшей хозяйки были остры не менее, чем ядовиты. Они пробудили злого бесенка в душе той, к которой были обращены.

Безусловно, в этих словах содержался намек на мужа. А сам Радхамукундо был занят в это время перевариванием сытного ужина — он сидел тут же неподалеку, курил табак и жевал бетель. По выражению его лица нельзя было заключить, что слова старшей хозяйки помешали его занятию. С невозмутимым спокойствием Радхамукундо высосал трубку и в положенный час отправился спать.

К сожалению, немногие могут похвастаться столь безупречным пищеварением. И Рашмони, ворвавшись в спальню, повела себя с мужем так, как никогда раньше не могла бы себе позволить. В прежние времена, ложась спать, она молчаливо приникала к ногам мужа. Сегодня же она, гремя браслетами, вихрем влетела в комнату, легла спиной к мужу и принялась сотрясать постель рыданиями.

Радхамукундо не обратил на это никакого внимания, обнял огромную подушку, скатанную валиком, и попытался уснуть. Однако, видя, что его безразличие лишь подливает масла в огонь, мягко сказал, что завтра его ждут особо важные дела, нужно рано подниматься и потому не мешало бы теперь поспать.

Голос мужа устранил последнее препятствие, и слезы хлынули бурным потоком.

— Что случилось? — спросил наконец Радхамукундо.

— Ты что, не слышал? — сквозь рыдания вырвалось у Рашмони.

— Слышал. Но старшая невестка совершенно права. Разве не брат меня кормит? Разве твои платья и украшения куплены на мои деньги? Вместе с подаянием нужно уметь проглатывать и обиды.

— С какой стати?

— Чтобы жить.

— Лучше мне тогда умереть...

— Ну, пока этого не случилось, давай спать — легче будет, — сказал Радхамукундо и закрыл глаза, дабы не медля претворить в жизнь собственный совет.

Радхамукундо и Шошибхушон не были родными братьями. Кровного родства между ними не было. Просто они жили в одной деревне. Но узы любви не слабее кровных. Старшей хозяйке Броджошундори их отношения были не по душе. Ее задевало, что Шошибхушон, покупая подарки, всегда оказывал предпочтение младшей невестке, и если какую-то вещь нельзя было приобрести в паре, она доставалась одной Рашмони. В довершение всего Шошибхушон меньше прислушивался к требованиям жены, чем к советам Радхамукундо. Шошибхушон был человек слабохарактерный, поэтому все деловые вопросы решал Радха. Старшая хозяйка подозревала, что Радхамукундо что-то замышляет против ее мужа, и, чем меньше у нее было доказательств этому, тем сильнее росла неприязнь. Ей казалось, что все доказательства ополчились против нее, и, в гневе пренебрегая ими, Броджошундори удвоила свою подозрительность. Иногда столь заботливо взлелеянный душевный огонь вырывался из ее уст, подобно вулканической лаве, сопровождаемой землетрясением, и тогда речь ее полыхала пламенем.

Трудно сказать, хорошо ли спалось Радхамукундо в эту ночь. Наутро, когда он вошел в комнату Шошибхушона, лицо его было сухим и бесстрастным. Это обеспокоило Шошибхушона.

— Что с тобой, Радха? Уж не заболел ли ты? — спросил он.

— Да-да, — медленно и тихо ответил Радхамукундо, — я не могу больше оставаться здесь. — И он кратко и спокойно рассказал Шошибхушону о том, что произошло вчера.

— Только и всего! — рассмеялся Шошибхушон, — это не ново! Она ведь иначе воспитывалась — вернуть при случае словечко ей ничего не стоит, неужели из-за этого мы должны расстаться? И мне иногда попадает, значит я тоже должен бежать из дома?

— Хорошо бы я был мужчина, если бы слушал все, что говорят женщины, — ответил Радха. — Я просто не хочу причинять тебе беспокойства.

— Ты думаешь, я буду спокоен, если ты уйдешь? — спросил Шошибхушон.

Радха ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул и вышел. На душе у него было тревожно.

Между тем старшая хозяйка не унималась. Она находила тысячи поводов, чтобы уколоть Радху. Душу Рашмони она сделала мишенью, в которую ежеминутно пускала стрелы своих слов. И хотя Радха молча сосал трубку, закрывал глаза и даже похрапывал, как только жена начинала плакать, он чувствовал, что и его терпению приходит конец.

Но ведь дружба его с Шошибхушоном измерялась не одним днем. Было время, когда по утрам они наскоро завтракали и, сунув под мышку связку пальмовых листьев, мчались в школу; вместе обманывали учителя, удирая с уроков, чтобы поиграть с деревенскими подпасками, вместе лежали в одной постели, слушая в полумраке рассказы тетки, вместе потихоньку от родных бежали в соседнюю деревню посмотреть бродячих артистов, а наутро поровну делили приговор и наказание. Тогда не было ни Броджошундори, ни Рашмони. Неужели все это может погибнуть в один день! Одно только подозрение, один намек на то, что в их отношениях есть что-то корыстное, что его глубокая привязанность лишь маска, прикрывающая желание жить за чужой счет, словно яд, отравляла душу Радхамукундо. Неизвестно, во что бы все это вылилось, но тут произошло одно важное событие.

Во времена, о которых идет речь, существовал порядок, по которому в определенный день до захода солнца владелец поместья должен был выплатить правительству всю сумму налога сполна, иначе его поместье продавалось с молотка.

В один из таких дней стало известно, что поместье Шошибхушона продано с молотка за долги в губернаторскую казну.

— Это я виноват, — как всегда спокойно и тихо сказал Радхамукундо.

— Почему ты? — возразил Шошибхушон. — Ты ведь отправил деньги! Если они пропали в пути, что ты мог сделать?

Выяснить, кто виноват, было бессмысленно — семья требовала забот. Но ждать, что Шошибхушон примется за какое-нибудь дело, было бесполезно, для этого он не обладал ни умением, ни знаниями. Он словно поскользнулся на спуске к воде, покатился вниз и, попав в воду, сразу же стал тонуть.

Прежде всего Шошибхушон решил заложить драгоценности жены, однако Радхамукундо воспрепятствовал этому, выложив кошелек с деньгами. Оказалось, что он уже заложил драгоценности своей жены и собрал необходимую сумму.

В семье произошел переворот: прежде, когда был достаток, хозяйка находила тысячи поводов, чтобы выжить тех, в ком теперь, в трудную минуту, робко искала поддержки. Теперь ей нетрудно было догадаться, на кого из двух братьев можно положиться. Ни жестом, ни словом не проявляла она сейчас той ненависти, какую питала раньше к Радхамукундо.

Что же касается Радхамукундо, то он и раньше мог самостоятельно зарабатывать на жизнь, а теперь получил место адвоката в соседнем городе. В те времена адвокатская практика давала больше дохода, чем теперь. Благодаря сообразительности и осторожности Радхамукундо с самого начала завоевал хорошую репутацию. Постепенно в его руки перешли дела большинства крупных помещиков этого округа.

Положение Рашмони в семье совершенно изменилось. Теперь ее муж кормил Шошибхушона и Броджошундори. Не знаю, открыто ли хвасталась этим Рашмони, но нечто подобное однажды, видимо, проявилось — в намеке ли, в жесте, в поступке... Не то Рашмони прошлась как-то особенно важно, не то отмахнулась и сделала что-то по-своему, наперекор воле старшей хозяйки... Но это случилось всего лишь раз; на другой день она стала покорней прежнего. Вероятно, мужу стало известно о случившемся; какие доводы он приводил ей ночью, мне неизвестно, только с тех пор она больше не перечила старшей хозяйке и вела себя, как послушная служанка. Говорят, что Радхамукундо хотел той же ночью отослать жену в дом отца и целую неделю не желал смотреть в ее сторону. Наконец Броджошундори уговорила деверя, и мир в семье был восстановлен. «Знаешь, брат, — сказала она, — младшая невестка ведь недавно живет с нами. Она еще не научилась дорожить нашими отношениями. Прости ее, — она ребенок».

Все деньги на расходы семьи Радхамукундо отдавал обычно Броджошундори, и Рашмони приходилось обращаться к Броджошундори, когда ей что-нибудь было нужно. В общем, положение старшей хозяйки в семье осталось прежним, и, как прежде, Шошибхушон, питая нежные чувства к Рашмони, а также по разным другим соображениям, оказывал ей предпочтение.

Несмотря на легкую светлую улыбку, которая никогда не сходила с лица Шошибхушона, чувствовалось, что какой-то тайный недуг овладел им и день за днем подтачивает силы. Никто еще не замечал этого, только Радха по ночам не смыкал глаз. Просыпаясь, Рашмони уже несколько раз замечала, что муж тяжело вздыхает и беспокойно ворочается с боку на бок.

— Не беспокойся, дада, — много раз говорил он Шошибхушону, — я верну тебе твоё имущество, обязательно верну. Это будет скоро, — вот увидишь.

И, действительно, это произошло скоро. Человек, купивший с молотка поместье Шошибхушона, оказался торговцем, не имевшим ни малейшего понятия о хозяйстве. Благодаря этой покупке он надеялся приобрести положение в обществе. Однако деньги приходилось тратить

на уплату правительственных налогов, а доходы не поступали. Радхамукундо с помощью нескольких парней, вооруженных дубинками, раза два в течение года выколачивал налоги. Да и арендаторов он сумел привлечь на свою сторону. В душе они презирали нового хозяина за его низкое происхождение и по совету Радхамукундо и при его поддержке всеми способами противились ему.

Несчастный затевал судебные процессы, проигрывал и, наконец, решил избавиться от злополучного приобретения. Радхамукундо за бесценок вернул старое поместье.

В рассказе все происходит гораздо быстрее, чем в жизни. Между тем прошло почти десять лет. Десять лет назад Шошибхушон был еще совсем молод, но за это время замкнутая в нем неотвязная мысль состарила его. Он получил обратно свое поместье, но ничто его уже не радовало. Лютя сердца, к которой никто не прикасался, расстроилась — струны ее ослабли, и, как ни настраивали ее, она не могла звучать, как прежде...

Все в деревне радовались тому, что Шошибхушон вернулся в свое поместье, и просили его по этому случаю устроить празднество.

— Что скажешь, брат? — спросил он у Радхамукундо.

— Конечно, в радостный день надо радоваться, — отвечал Радха.

Давно уже люди не видели такого празднества. Собрались все от мала до велика. Нищие и убогие получили деньги и одежду, брахманы — вознаграждение за службу; и те и другие славилы благодетелей.

Начало зимы было тяжелым временем для деревни, к тому же Шошибхушон много хлопотал перед празднеством, затем разбирал разные дела и, окончательно подорвав свое и без того слабое здоровье, слег. К дурным симптомам прибавились озноб и температура.

— Тяжелый случай, — сказал доктор, покачав головой.

Было около трех часов ночи, в комнате больного остался один Радхамукундо.

— Дада, ты должен сказать мне, как распорядиться твоим имуществом, — сказал он.

— А что у меня есть? — спросил Шошибхушон.

— Все, что есть, — твое, — ответил Радха.

— Когда-то было мое, а теперь — нет, — сказал Шошибхушон.

Радхамукундо помолчал немного и несколько раз поправил сбившееся одеяло. Шошибхушон дышал с трудом.

Радхамукундо сел на край постели и обнял ноги больного.

— Дада, — сказал он, — другого времени у нас не будет, я должен рассказать тебе о страшном грехе...

Шошибхушон молчал. И Радхамукундо начал рассказывать. Он, как обычно, растягивал слова и только изредка тяжело вздыхал.

— Дада, я не умею красиво говорить. Истинные мысли знает только бог, а на земле один ты можешь понять меня. С детства мы отличались друг от друга лишь тем, что ты был богат, а я — беден. Когда я увидел, что из-за этого пропасть между нами увеличивается, я уничтожил то, что нас разделяло. Я присвоил налоговые деньги, и твое поместье пошло с молотка...

Шошибхушон не выразил ни малейшего удивления.

— Ну и хорошо сделал, брат, — слегка улыбнувшись, с трудом произнес он. — Но добился ли ты того, ради чего пошел на это? О всемилостивейший Хари! — Из глаз его на мягко улыбающиеся губы текли слезы.

Радхамукундо припал головой к ногам брата.

— Дада, — молил он, — ты простил меня?

Шошибхушон поманил его к себе и взял за руку.

— Слушай, брат! — сказал он. — Я давно уже знаю об этом. Мне сказали те, кого ты посвящал в свои планы. Я тогда уже простил тебя.

Радхамукундо закрыл лицо руками и зарыдал.

— Дада, — через некоторое время снова заговорил он, — если ты простил меня, прими это имущество обратно. Не отвергай его!

Шошибхушон не отвечал — у него отнялся язык. Он поднял правую руку и смотрел на Радхамукундо немигающими глазами.

Что это значило — трудно сказать. Возможно, Радхамукундо понял.

ПИСАТЕЛЬ

До сих пор я не знал никаких забот о Пробхе. Гораздо больше приходилось уделять внимания ее больной матери. Я приходил в восхищение, наблюдая, как Пробха играла, с удовольствием слушал ее смех и первый детский лепет, охотно нянчился с ней. Но как только девочка начинала плакать, я старался поскорее избавиться от нее и передавал ее матери. Кто мог подумать, что на мою долю выпадет столько хлопот и забот об этом ребенке. Вскоре умерла жена, и девочка осталась на моем попечении. Я отлично понимал, что моя святая обязанность проявить удвоенную любовь к осиротевшей, лишенной материнской ласки дочери. Но мне и в голову не приходило, что девочка сочтет своим долгом нежно заботиться об одиноком отце.

Шести лет Пробха стала сама хозяйничать в доме и изо всех сил старалась опекать меня. В душе я посмеивался над ней, но делал вид, что во всем подчиняюсь. Ей нравилось видеть меня беспомощным: если, например, я сам снимал с вешалки свою одежду и зонт, она обижалась, считая это нарушением ее прав. Ведь ей никогда не приходилось играть с такой большой куклой! Она кормила меня, одевала, укладывала спать, и это приносило ей огромную радость. Лишь когда я стал обучать Пробху грамоте, ей волей-неволей пришлось признать мою, отцовскую, власть.

Незаметно пришла пора выдавать Пробху замуж. Но где найти достойного человека? Дочь у меня грамотная, нельзя же выдавать ее за какого-нибудь невежду. Кроме того, свадьба требует больших денег, а откуда их взять? Да, необходимо было что-то придумать. Для службы в правительственном учреждении я был слишком стар, поступить на другую работу тоже не мог. И, поразмыслив, решил заняться писательством.

Если в сосуде из бамбука появится щель, в нем нельзя хранить ни воду, ни масло. Он ни на что не годен в хозяйстве. Зато из него можно извлечь прекрасные звуки, как из флейты. Я решил, что несчастный, который нигде не может найти применения своим способностям, несомненно сумеет писать книги, и смело принялся за сочинение одноактной комедии.

Комедия многим понравилась и была поставлена. Пришла слава, а вместе с ней и беда — я уже не мог бросить начатого дела. Хмурый и беспокойный, я целыми днями писал комедии.

— Папа, ты не пойдешь купаться? — ласково, с нежной улыбкой спрашивала Пробха.

— Ах, оставь меня в покое! — сердито кричал я в ответ.

Улыбка тотчас же исчезала с лица девочки, как угасает от дуновения свечки, и она бесшумно исчезала. Пробха тихонько выходила из комнаты, сердце ее разрывалось от обиды, а я даже не замечал этого.

В то время я безжалостно выгонял служанок, избивал слуг, а если приходил нищий, гнал его палкой прочь. Дом мой стоял на краю улицы, и когда кто-нибудь из прохожих, заметив меня в окне, просил указать ему дорогу, я посылал его ко всем чертям. Никто не хотел понять, что я пишу веселую комедию.

Мое увлечение драматургией и слава росли с каждым днем, однако денег почему-то не прибавлялось. Впрочем, тогда я и не думал о них. Я даже забыл о том, что должен найти для дочери достойного жениха.

Сколько времени продолжалось бы это безумие, неизвестно, если бы не произошел один непредвиденный случай. Заминдар из местечка Джахирграм пригласил меня сотрудничать в его газете. Я тут же дал свое согла-

ение и писал несколько дней подряд с таким усердием, что прохожие стали пальцем на меня указывать.

По соседству с Джахирграмом находилась деревня Ахирграм. Владелец этой деревни принадлежал к другой партии, то есть не к той, что мой хозяин. Рассказывали, что когда-то их люди даже подрались на дубинках и судья вынужден был взять с обоих письменное обязательство в том, что больше подобные ссоры не повторятся. Теперь хозяин вместо спорщиков пустил в ход мое перо. И говорят, я защитил тогда честь Джахирграма. Удары моего пера сыпались на головы владельцев Ахирграма, так что они не могли разогнуться. Весь их род, всю историю их предков я замарал своими чернилами. Это было время моего процветания. Я растолстел, и самодовольная улыбка не сходила с моего лица. Одна за другой летели в заминдаров Ахирграма стрелы уничтожающей иронии. Джахирграм едва не лопнул от смеха, как лопаются перезревшие дыни. Я был счастлив.

Ахирграмский заминдар в долгу не остался. Он начал издавать свою газету. Чего там только не печатали. Оскорбительные статьи были написаны с таким воодушевлением и жаром и на таком доступном языке, что казалось, каждая буква пылает огнем. Зато жители обеих деревень прекрасно все понимали. Я же, обладая огромным опытом и изощренным остроумием, с таким искусством нападал на противников, что ни враги мои, ни друзья не могли понять смысла моих статей.

Результат оказался плачевным. Все сочли меня побежденным. И деньги по-прежнему не притекали. Пришлось написать трактат о хорошем вкусе. Но тут я увидел, насколько трудно высмеять плохую вещь. Хорошую куда легче! Обезьяны, например, легко подражают людям, тогда как человек совершенно не умеет копировать обезьяну. Словом, трактат мой не был принят.

После этого хозяин перестал относиться ко мне с прежним доверием, а в обществе я потерял авторитет. При встрече со мной люди отворачивались, а кое-кто даже смеялся.

Все словно забыли о моих комедиях и былой славе. Меня можно было сравнить со спичкой: зажгли — в минуту она вся сгорела. Отчаяние охватило мою душу; го-

лова отяжелела, и утратилась способность мыслить. Жизнь померкла и потеряла для меня всякий смысл.

Пробха теперь не осмеливалась даже подойти ко мне, если я не звал ее. Девочка поняла, что лучший друг ее — кукла, а вовсе не отец, который только и знает, что писать да писать.

Но вот наступил день, когда Ахирграмская газета оставила в покое моего заминдара и принялась за меня. Статья была написана в очень оскорбительных выражениях. Приятели и друзья приходили ко мне с газетой и, хохоча во все горло, читали статью. Некоторые при сем замечали, что дело вовсе не в том, что написано, а как написано. Сколько смелости, остроты в языке! Стилль таков, что ругательный тон статьи очевиден. Десятки людей твердили мне об этом весь день.

Перед моим домом находился небольшой сад. Вечером в беспредельно угнетенном душевном состоянии я прогуливался там в одиночестве. Птицы уже вернулись в свои гнезда и, уgomонившись, наконец отдали себя во власть тишины спустившихся на землю вечерних сумерек. Среди них не было остроумных писак, они не спорили о хорошем вкусе. Я думал, какой ответ сочинить на злую статью. «Благородство и великодушие, — размышлял я, — имеют тот недостаток, что не всем понятны, гораздо более доступен язык грубый и резкий». Я решил написать ответ именно в таком духе. Не мог же я признать поражение. В этот момент во мраке прозвучал знакомый нежный голос, и я почувствовал легкое, горячее прикосновение ласковой руки. Но я не обратил на это никакого внимания, настолько был возбужден и поглощен своими мыслями. Через мгновение тот же голос вновь тихо позвал меня, и я почувствовал то же нежное прикосновение. Девочка медленно подошла и опять чуть слышно позвала: «Отец!» Не дождавшись ответа, она взяла мою руку, провела ею по своему лбу и медленно вернулась домой. Давно Пробха не обращалась ко мне, не была так со мною ласкова. И эта нежность очень взволновала меня.

Спустя некоторое время я вошел в комнату. Пробха лежала на постели. Тело ее было уже измучено болезнью, глаза полузакрыты; вся она поникла, словно цветок после

захода солнца. Я дотронулся до ее лба — он был горяч, вены вздулись. Она тяжело дышала. И тут я понял, что истрадавшееся от болезни сердце девочки жаждало отцовской ласки и любви, а он в это время был поглощен составлением грубого ответа Ахирграму.

Я присел на постель рядом с дочерью. Пробха безмолвно, горячими руками взяла мою руку, положила ее на свой лоб и долго лежала так, не произнося ни слова.

Я не написал никакого ответа, а все статьи об Ахирграме и Джахирграме сжег. Я признал поражение, но никогда не был так счастлив.

Когда умерла мать Пробхи, девочка осталась у меня на руках. И вот сегодня в день погребения моей писательской деятельности, которая стала мачехой для Пробхи, я взял дочь на руки и, прижимая ее к груди, вернулся в семью.

ПРЕГРАДА

1

Семья Нибарона была весьма заурядной и вполне обходилась без поэзии. У Нибарона не возникало даже мысли о ее необходимости. В этом старом мире он занимал свое место с такой определенностью, с какой по утрам влезал в комнатные туфли, и никаких ошибок и заблуждений у него не было.

Каждое утро Нибарон, еще не одетый, садился у двери своего дома, выходящей в переулок, и безмятежно курил трубку. Мимо него шли люди, ехали повозки, брели с песнями нищие-вишнуиты, громко крича, сновали старьевщики. Все эти живые картины не очень занимали Нибарона. Зато, когда возле дома появлялся разносчик манго или рыбы топси, Нибарон подолгу торговался с ним. На кухне в такие дни готовилось какое-нибудь особенное блюдо. Спустя некоторое время Нибарон совершал омовение, предварительно натершись маслом, завтракал, снимал с веревки чапкан, выкуривал еще одну трубку и, не переставая жевать бетель, отправлялся в контору. Возвращаясь с работы, он заходил к соседу Рамлочону Гхошу, с которым подолгу мирно и серьезно беседовал, и только поздно вечером, после ужина встречался в спальне со своею женой Хорошундори.

Они беседовали о том, в какой приправе нуждаются тушеные овощи, о дурном нраве новой служанки и об

отправке к свадьбе сына какого-нибудь Митры специального угощения. Их разговоры не могли бы вдохновить поэта, не вызывали волнения они и в душе Нибарона.

В месяце фальгун Хорошундори тяжело заболела. Лихорадка не сдавалась. Чем больше хинина давал доктор, тем выше поднималась температура, словно стремительный поток, встречающий на пути препятствие. Прошла неделя, другая, третья...

Нибарон перестал ходить в контору и давно уже не показывался по вечерам у Рамлочона. Он не знал, чем помочь: то заглядывал в спальню больной, чтобы справиться о ее самочувствии, то сосредоточенно курил трубку, сидя на террасе. Два раза в день он попеременно приглашал то доктора, то знахаря и испытывал решительно все средства, которые ему советовали.

На сороковой день, несмотря на столь беспорядочный уход, Хорошундори наконец стало лучше, но после болезни она так исхудала, что ее не сразу можно было узнать.

Наступила весна, подул южный ветер, и теплыми ночами в спальню женщины стала молча заглядывать луна.

Окна комнаты Хорошундори выходили в сад, который примыкал к черному ходу соседнего дома. Это было не очень привлекательное место. Еще давно какой-то любитель посадил здесь несколько кустов кротена, но никто не ухаживал за ними. Вокруг сухих ветвей вились зеленые побеги тыкв. У подножья ююбы образовались настоящие джунгли. Рядом с кухней обвалилась стена, и к груде кирпичей из кухни каждый день добавляли шлак и золу. Груда росла.

Однако Хорошундори, глядя в сад, испытывала такое наслаждение, какого не испытывала никогда в жизни.

Хорошундори напоминала речной поток в летнюю пору, когда он теряет стремительность и превращается в тонкую прозрачную струйку на ложе из песка. Малейшее прикосновение ветра приводит всю ее в трепет, лучи утреннего солнца, дрожа и переливаясь, пронизывают ее до самого дна, и ясные, как вспышки воспоминаний о счастье, отражаются в ее хрустальном зеркале звезды. Ликующая природа касалась своими пальцами чутких струн

души Хорошундори, и там, в глубине, рождалась волшебная, ей самой непонятная музыка.

Если в такие минуты рядом с Хорошундори оказывался муж и спрашивал, как она себя чувствует, на глазах ее появлялись слезы. Она брала его руку своей слабой рукой, молча смотрела на него огромными на исхудавшем лице глазами, полными благодарной любви, и какая-то непонятно откуда взявшаяся незнакомая волна радости заливала душу Нибарона.

Так прошло несколько дней. Однажды ночью в про свете колеблющихся ветвей фигового дерева, причудливо изогнувшегося на обломках стены, показалась луна, и вечернюю духоту разорвал ночной бродяга-ветер, пробудившийся от сна. Глядя волосы Нибарона, Хорошундори сказала:

— У нас нет детей, ты должен жениться еще раз.

Хорошундори уже давно думала об этом. Когда душу переполняют радость и любовь, человек думает, что его возможности безграничны. Страстное желание самопожертвования овладевает всем его существом. Волны радости и любви бросают себя на великие испытания и муки, подобно водопаду, который разбивается о камни.

В один из таких дней Хорошундори решила, что она должна сделать для мужа что-то очень хорошее, большое. Но увы! Желание — это еще не все! Что она могла! Ни денег, ни умения, ни сил... Одна только жизнь, которую она с радостью отдала бы, но кому ее жизнь нужна?..

«Если бы я могла подарить мужу кумира любви, белого, как молочная пена, нежного, как масло, и прекрасного, как Камадева, — думала она. — Но сколько бы я ни старалась, хоть умри, ничего не выйдет». И она решила женить мужа. «Почему так боятся этого другие жены? — недоумевала она, — ничего плохого в этом нет. Разве нельзя любить вторую жену, если любишь мужа?» Эти мысли наполняли ее душу восторгом.

Первый раз в ответ на такое предложение Нибарон расхохотался. Во второй и в третий раз он просто не стал слушать. Но упорство и нежелание мужа только укрепили решимость Хорошундори.

Она все чаще и чаще говорила Нибарону об этом, и женитьба уже не казалась ему такой невозможной, на-

против, сидя у открытой двери с трубкой в зубах, он теперь частенько думал о своем доме, полном ребятишек, и эта счастливая картина все отчетливее рисовалась в его воображении.

Однажды он сам затеял этот разговор:

— Ну где мне, в моем возрасте, думать о молодой жене? Разве смогу я воспитать из нее человека?

— Об этом тебе нечего беспокоиться. Заботу о воспитании я возьму на себя, — ответила Хорошундори, в этот момент перед взором бездетной женщины предстало юное, прекрасное, застенчивое, только что оторвавшееся от груди матери существо, и сердце ее переполнилось нежностью.

— У меня контора, работа, ты, — мне некогда возиться с капризами девчонки, — продолжал Нибарон.

Хорошундори убеждала его, что на это совсем не придется тратить времени.

Наконец, смеясь, она сказала: «Посмотрим, посмотрим, что будет с твоей работой, со мной да и с тобою тоже!»

Нибарон не счел нужным отвечать на это, лишь с улыбкой щелкнул Хорошундори по лбу. Так все и началось.

2

Вторая жена Нибарона была маленькой девочкой с заплаканным лицом и с кольцом в носу. Звали ее Шой-лобала.

«Какое красивое у нее имя, — думал Нибарон, — и лицо такое милое». Ему хотелось проникнуть в ее мысли, задержать взор на ее лице, походке, но он не делал этого. Наоборот, всем своим видом Нибарон как бы говорил: «Из-за этой малютки я, того и гляди, попаду в беду, уж лучше мне заняться делом, более достойным моего возраста».

Озабоченное лицо Нибарона забавляло Хорошундори. Иногда она ловила его за руку и говорила:

— Ты куда? Уж не боишься ли, что эта крошка тебя съест?

— Ну-ну, оставь, — притворяясь занятым, отвечал Нибарон, — у меня важное дело, — и пытался сбежать.

— Меня не проведешь, — смеясь, говорила Хорошундори, стоя в дверях. Совершенно обескураженный, Нибарон оставался. — Нельзя пренебрегать молодой женой, — нашептывала ему Хорошундори. Она приводила Шойлобалу, сажала ее рядом с мужем, отводила рукой покрывало с ее лица и говорила: — Ты только посмотри: она хороша, как луна!

Иногда Хорошундори оставляла их вдвоем, а сама под каким-нибудь предлогом выскакивала из комнаты, плотно прикрыв за собою дверь. Но Нибарон прекрасно знал, что два любопытных глаза через какую-нибудь щель неотступно следят за ними. С полным безразличием он поворачивался на другой бок, собираясь уснуть, а Шойлобала натягивала на лицо покрывало и, съежившись, забивалась в угол.

Пришло наконец время, когда Хорошундори все это надоело, и она выпустила поводья из рук, ничуть, кстати говоря, об этом не печалась.

Стоило Хорошундори выпустить поводья, как их подхватил сам Нибарон.

Не правда ли, сколько таинственного и удивительного в драгоценном алмазе! Хочется повертеть его и посмотреть со всех сторон! А здесь душа маленькой красивой девочки — сколько неизведанного таится в ней! Можно ласково и любовно коснуться ее, полюбоваться со стороны, незаметно, или заглянуть прямо в лицо, можно качнуть сережку, покрывало, скрывающее лицо; то быстрым, словно молния, то долгим пристальным взглядом посмотреть в глаза. Какие новые грани откроются тогда вам!

Управляющий конторой фирмы Макморан господин Нибарончондро никогда раньше не испытывал ничего подобного. В первый раз он женился мальчишкой. А когда возмужал, жена для него была уже существом привычным, давно знакомым. Он, конечно, любил Хорошундори, но эта любовь не затрагивала его души.

Наблюдали ли вы когда-нибудь, как внутри перезрелого плода манго развивается гусеница? Ей так никогда и не удастся найти и отведать хоть каплю сока. Но выпустите ее на свободу весной в пору цветения, и вы увидите, с каким нетерпением эта гусеница, превратившись

в мотылька, будет летать вокруг распускающейся розы! С какой страстью будет жаждать ее нектара и наслаждаться ее красотой!

Нибарон стал тайком приносить Шойлобале подарки: то нарядную куклу, то одеколон, то какие-нибудь сладости. Так началось их сближение. И наконец однажды Хорошундори, освободившись от домашних дел, заглянула в щелку двери и увидела Нибарона и Шойлобалу. Они сидели рядом и играли в ракушки.

Подходящее занятие для пожилого человека! Утром Нибарон позавтракал и вышел из дома, будто бы направляясь в контору, а на самом деле пошел на женскую половину! Разве нужно было обманывать? Словно кто-то метнул сверкающую стрелу молнии в глаза Хорошундори и, открыв их, высушил намернувшиеся слезы. «А я-то привела ее в дом, соединила их... так поступить со мной! Будто я помеха их счастью!» — с горечью думала она.

Хорошундори обучала Шойлобалу домашнему хозяйству. Но однажды Нибарон сказал ей:

— Ты перегружаешь ее работой — она еще ребенок, сил у нее немного.

Хорошундори хотела резко ответить, но удержалась и промолчала.

С той поры младшая боу не притрагивалась к хозяйству. Кухня, уборка — все легло на плечи Хорошундори. Случалось так, что Шойлобала сидела сложа руки, а Хорошундори и Нибарон прислуживали ей и развлекали ее. Шойлобала не имела понятия о том, что нужно заботиться о семье и считаться с близкими.

Что же касается Хорошундори, то она гордилась тем, что трудится молча, как служанка. Она не чувствовала себя униженной и оскорбленной. «Пусть дети поиграют, — говорила она себе, — а я позабочусь о доме».

3

Увы, куда делась решимость Хорошундори великодушно отдать другой половину любви мужа! В жизни бывают случаи, когда в одну прекрасную лунную ночь человек ощущает вдруг необыкновенный прилив сил и ка-

жется, что он все может. Он полон решимости и готов на все, но проходит время, и душевные силы исчезают. Если богатому ничего не стоит вдруг, одним росчерком пера, подписать вексель, то, став бедным, он выплачивает эту сумму медленно, по крохам. И тогда всем становится ясно, что он нищ, слаб и беспомощен.

Слабая и бледная после долгой болезни, Хорошундори была такой же тоненькой, как только что появившийся серп луны на второй день светлой половины месяца. В семье она уже почти ничего не значила. «Мне и не нужно ничего», — думала она. Но скоро тело ее окрепло, помолодело, и душу ее стали часто посещать кредиторы. «Ты дала обет самопожертвования, — громко кричали они, — но мы не собираемся отказываться от своих прав!»

В тот день, когда Хорошундори впервые ясно осознала свое положение, она уступила свою спальню молодым, а сама поселилась отдельно.

На двадцать седьмом году семейной жизни она вынуждена была уступить постель, на которой спала с первого дня замужества, с восьми лет. Молодая женщина погасила свечу и с невыносимой тяжестью в сердце упала на свою вдовью постель, в это время с улицы донеслась протяжная песнь Малини, сопровождаемая игрой на банья-табла и дружным хором голосов, которые подхватывали конец каждого куплета.

В соседней комнате эта песня, нарушавшая тишину лунной ночи, не звучала, как насмешка. Нибарон только что кончил читать «Чондрешекхора» Бонкима и теперь читал Шойлобале современных поэтов. Шойлобала засыпала, а Нибарон, приблизив губы к ее уху, тихонько звал: «Любимая...»

Источник юности и энергии, хранившийся где-то под спудом, вдруг вырвался у Нибарона на свободу и забил сильной струей. Это случилось так неожиданно, что смешало все карты. Несчастный Нибарон не мог и представить себе, что в природе человека таится такое горючее, такая разрушительная сила, которая может перевернуть

все расчеты и вывести человека из состояния покоя и равновесия.

Новые муки испытывала и Хорошундори. О, эти невыносимые муки неисполненных желаний! Душа жаждет теперь того, чего никогда не желала и не имела. Прежде, когда Нибарон, как и подобает порядочному человеку, регулярно ходил на службу, всякий раз перед сном они обсуждали счета молочника, говорили о дороговизне и прочих житейских вещах. Тогда не было и намека на нынешний переворот. Они действительно любили друг друга, но в этой любви не было пламени и горения. Она напоминала тлеющий уголь.

Теперь Хорошундори казалось, что кто-то всю жизнь удерживал ее от настоящего, что всю жизнь ее сердце голодало, что вся ее жизнь прошла в нищете. Двадцать семь бесценных лет она жила, как раба, ходила на рынок, беспокоилась о бетеле и пряностях, занималась стряпней и теперь, на склоне лет, вдруг увидела рядом со своей спальней таинственную сокровищницу, ключ от которой оказался в руках маленькой девочки.

Женщина — раба и в то же время королева! Но здесь случилось так, что одна женщина осталась рабыней, а другая стала королевой. Рабыня потеряла счастье, а королева не приобрела его!

Шойлобала не вкусила истинного счастья женщины. Ее окружили атмосферой непрерывного, ни на минуту не прекращающегося обожания, в которой не оставалось места для ее собственной любви, и лишили радости отдавать свою любовь другим. Когда река несет свои воды к морю, желая слиться с ним в едином потоке, она, вероятно, испытывает великое наслаждение, но если море, переполненное приливом, само идет к ней навстречу, то ей некуда деть свои воды, и она выходит из берегов. Вся любовь и нежность семьи были направлены к Шойлобале, самовлюбленность ее росла день ото дня, но что такое любовь к семье, она не узнала.

«Все для меня, а я — ни для кого», — так думала она. Такие мысли вселяют в человека чувство гордости, но не приносят удовлетворения.

День выдался пасмурный, небо затянуло тучами. Стало так темно, что в доме ничего не было видно. За окном шумел дождь. Заросли лиан почти утонули в воде, возле стены в канаве klokотал поток мутной воды. Хорошундори тихо сидела в темноте у окна своей спальни.

В эту минуту в комнату робко заглянул Нибарон и остановился на пороге. Он не решался войти. Хорошундори заметила это, но не проронила ни слова.

Вдруг Нибарон стрелой бросился вперед и заговорил не переводя дыхания:

— Мне нужны твои браслеты. Понимаешь, у меня долги. Кредитор ничего не желает слушать. Нужно заложить что-то... Я скоро верну их.

Хорошундори молчала. Нибарон был похож в тот момент на вора.

— Так ты дашь? — снова спросил он.

— Нет, — ответила Хорошундори.

Выйти из комнаты было не менее трудно, чем войти. Нибарон нерешительно оглядывался по сторонам.

— Тогда придется поискать еще где-нибудь, — сказал он и вышел.

Хорошундори отлично понимала, о каком долге говорил Нибарон и кому он собирался «закладывать» браслеты. Это молодая жена подстрекала своего потерявшего голову мужа: «У диди полный сундук драгоценностей, а у меня — ничего», — говорила она.

Как только Нибарон вышел, она медленно встала, открыла сундук и стала доставать из него украшения. Потом позвала Шойлобалу, надела на нее свое свадебное бенаресское сари и украсила ее с головы до ног драгоценностями. Она сама уложила ей волосы и, когда зажгла светильник, увидела, как красиво лицо девочки, свежее и налитое, словно только что созревший ароматный плод. А когда Шойлобала ушла, звон браслетов долго еще стоял в ушах Хорошундори.

«Где мне тягаться с ней, — думала она, — когда-то и я была такой, в полном расцвете юности, но почему пи-

кто никогда не говорил мне об этом? Как незаметно наступила эта пора и ушла... А с каким важным и гордым видом вышла Шойлобала!»

Когда раньше Хорошундори занималась только хозяйством, эти украшения значили для нее очень много. Тогда она вряд ли так легко и быстро рассталась бы с ними. Но теперь она узнала нечто большее, чем хозяйство. Драгоценности, планы на будущее — все это потеряло для нее всякий смысл.

Что же касается Шойлобалы, то она, звеня браслетами, удалилась в свою спальню, ни на секунду не задумавшись над тем, что сделала для нее Хорошундори. Она знала, что все для нее: обожание, блага, счастье, потому что она — Шойлобала, потому что она — любимая...

5

Во сне человек храбро пройдет по любой опасной дороге. Многие люди живут наяву, как во сне: совершенно не задумываясь и не волнуясь, они идут вперед по узкой опасной дороге и, очнувшись, находят себя посреди обломков.

Наш управляющий конторой фирмы Макморан оказался точно в таком положении. Шойлобала, словно водоворот, поглощала все, что находилось рядом. Она поглотила человеческое достоинство Нибарона, его жалованье, счастье, покой и драгоценности Хорошундори и теперь уже подбиралась к кассе фирмы Макморана. Кое-что из кассы уже исчезло в этом водовороте. «Я покрою расход из будущего жалованья», — думал Нибарон. Но наступал новый месяц, и в водоворот попадало новое жалованье — все до последней анны, которая, едва лишь сверкнув, исчезала там с быстротой молнии.

И вот наступил роковой день. Служба перешла к Нибарону по наследству. Хозяин любил его и потому дал два дня на возмещение недостачи.

Нибарон сам не мог понять, куда он потратил две с половиной тысячи рупий! Как безумный бросился он за помощью к Хорошундори.

— Я погиб! — проговорил он.

Узнав все подробности, Хорошундори побледнела.

— Скорей доставай свои драгоценности, — говорил Нибарон.

— Но я отдала их младшей боу, — отвечала Хорошундори.

— Зачем ты отдала? Зачем? Кто тебе велел? — волновался Нибарон, как ребенок, совершенно теряя присутствие духа.

— Что ж тут особенного? — не отвечая на его вопросы, сказала Хорошундори, — я ведь не бросила их в реку!

— Может быть, ты под каким-нибудь предлогом возьмешь их обратно? — чуть не плача, пролепетал Нибарон. — Только умоляю тебя, не говори, для чего они нужны и что они нужны мне.

— Нашел время хитрить да играть в любовь! — с негодованием и презрением сказала Хорошундори. — Идем! И она повела его в комнату младшей боу.

Младшая боу ничего не понимала.

— Я ничего не знаю, — на все вопросы и уговоры отвечала она.

Разве могла она понять, что заботы семьи — это и ее заботы! Пусть каждый думает о себе, а все вместе о том, чтобы Шойлобале было хорошо, и вдруг такой переворот... Какая несправедливость!

Нибарон со слезами упал к ее ногам.

— Я ничего не знаю, — твердила Шойлобала, — это мои вещи, почему я должна отдавать их?

Теперь Нибарон понял, что это слабое, маленькое, прелестное существо крепче железного сундука. Хорошундори дрожала от презрения, видя растерянность мужа в трудную минуту. Она начала вырывать из рук Шойлобалы ключи. Тогда Шойлобала бросила их через стену, и они упали в пруд.

— Ломай замок! — приказала Хорошундори потерявшему голову мужу.

— А я повешусь, — спокойно сказала Шойлобала.

— Я придумаю что-нибудь другое, — сказал ошеломленный Нибарон и вышел.

Через два часа Нибарон продал отцовский дом и получил две с половиной тысячи рупий.

С большим трудом ему удалось выйти из затруднительного положения, но место в конторе было потеряно. Пришлось снять крошечный сырой домик в том же переулке. Все его движимое и недвижимое имущество теперь составляли две жены. Особенно тяжело приходилось с женой-девочкой, которая сама ждала ребенка.

6

Капризам младшей боу не было конца. Она совершенно отказывалась понимать, что у мужа нет средств. Зачем же тогда он женился?

Верхний этаж домика составляли две комнаты. Одну занимали Нибарон и Шойлобала, в другой поселилась Хорошундори.

— Я не могу день и ночь сидеть в спальне, — раздраженно говорила Шойлобала.

— Вот я найду новый дом, и мы переедем, — уверял ее Нибарон.

— Это не обязательно, — возражала Шойлобала, — ведь рядом есть еще одна комната.

Шойлобала никогда не разговаривала со своими прежними соседками. Но, жалея Нибарона, они однажды пришли навестить его. Однако Шойлобала заперлась в комнате и никого не пустила. А когда они ушли, она начала кричать, плакать, отказывалась от еды — весь квартал подняла на ноги. Припадки истерии стали повторяться все чаще и чаще.

Прошло несколько дней, наступило время страшных страданий для Шойлобалы, начались роды.

— Спаси Шойлу! — умолял Нибарон, схватив Хорошундори за руки.

Хорошундори ухаживала за Шойлобалой, не зная покоя ни днем, ни ночью. За каждый пустяк Шойла ругала ее, но Хорошундори молчала.

Шойла отказывалась есть саго, швыряла на пол чашку и требовала, чтобы ей принесли рис с острой приправой, хотя это могло ей повредить. И если ей не давали, она сердилась, кричала и плакала. Хорошундори пыталась

успокоить ее, называя ласковыми именами: «счастье мое», «сестра моя», «диди моя».

Но Шойлобала умерла.

Окончилась совершенно бесполезная жизнь несчастной, неудовлетворенной девочки, впитавшей в себя всю нежность и любовь этой семьи.

7

Сначала Нибарон тяжело переживал свое горе. Однако через некоторое время он почувствовал облегчение, будто кто-то сорвал с него цепи. Даже предаваясь печали, он ощущал радость освобождения. Вдруг он понял, что все это время душу его томил кошмарный сон. И когда он очнулся, жизнь показалась ему необыкновенно легкой. Его обожаемая Шойлобала обвилась вокруг него, как лиана, и теперь, вздохнув с облегчением, он убедился, что ее объятия были цепями.

А его верная спутница Хорошундори? Наконец он понял, что только она может быть полновластной хозяйкой в его доме, ей одной должно принадлежать место в храме радостей и печалей всей его жизни. Но теперь что-то их разделяло. Будто маленький, очень красивый и блестящий нож жестоко разделил единое сердце на две части, оставив болезненную, кровоточащую рану.

Однажды глубокой ночью, когда весь город спал, Нибарон тихо пробрался в спальню Хорошундори. Молча, как прежде, лег он на старое место. Но в свои прежние права он вступал теперь крадучись, как вор.

Хорошундори молчала. Нибарон тоже не говорил ни слова. Они лежали так, как лежали прежде, только теперь их разделяла мертвая девочка, и никто не мог переступить через эту преграду.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Жил-был раджа...

Когда-то этого было вполне достаточно, и мы не прерывали рассказчика вопросами: что за раджа, как его имя. Не интересовали нас и историко-географические сведения: не все ли равно, звали раджу Шиладитья или Шаливахана, в каких именно землях находилось его царство — в Каши, Канчи, Канаудже, Кошале, Ванге или Калинге. Стоило лишь услышать: «Жил-был раджа», — как сердце начинало трепетать от радости. Эти слова притягивали, словно магнит.

Нынешний же читатель приступает к делу засучив рукава и сразу уличает писателя во лжи.

— Вот вы сказали, господин писатель: «Жил-был раджа», — с умным видом говорит он, — а скажите, пожалуйста, что это за раджа?

Писатели теперь тоже стали умными. Изобразив на своем лице серьезность вчетверо большую, чем у археологов, они отвечают:

— Раджу, о котором идет речь, звали Неимеющий врагов.

Читатель удивленно моргает глазами.

— Неимеющий врагов?! Превосходно! Кто же это такой?

Писатель невозмутимо продолжает:

— Неимеющих врагов было три. Один явился на свет за три тысячи лет до наступления эры Христовой и

в возрасте двух лет и восьми месяцев отправился на покой. К сожалению, подробных сведений о его жизни не сохранилось.

О жизни Неимеющего врагов Второго писатель излагает десять точек зрения десяти историков, а когда переходит к Неимеющему врагов Третьему, читатель восклицает:

— О, достаточно!. Какая ученость! Пришли послушать только сказку, а узнали так много! Да, этому человеку не верить — нельзя. Прекрасно, господин писатель! Итак, что же было дальше?

Увы, человек хочет, чтобы его обманывали, любит это, хотя ужасно боится прослыть дураком. Именно поэтому он изо всех сил стремится выглядеть умным и в конце концов добивается своего — его обманывают, но обманывают с блеском.

У англичан есть пословица: «Не хочешь быть обманутым — не спрашивай».

Ребенок отлично понимает это и не задает вопросов. Ведь ложь в сказках прекрасна: чиста, как горный источник, проста, как правда, и неприкрыта, как новорожденный. А нынешние хитросплетения — ложь в маске; если в ней обнаружится хоть малейшая трещина, обман тотчас же раскроется, читатель отшатнется. Тогда писатель уже бессилён что-либо сделать.

В детстве мы бываем очень понятливы и, слушая сказки, вовсе не стремимся пополнить свое образование. Неискушенное простое сердце безошибочно угадывает главное. А став взрослыми, мы произносим массу пустых слов и вставляем ненужные подробности. Но в конце концов мы все равно начинаем с того же: «Жил-был раджа...»

Мне хорошо запомнился один вечер. Лил дождь. Калькутта буквально плавала в воде. Я втайне надеялся, что учитель не придет. И все же в обычный час сидел на веранде и, не отрывая глаз от дороги, ждал его появления с бьющимся сердцем. Если шум дождя на мгновение стихал, я начинал жарко молиться: «Боже милостивый! Ну еще немного, дотяни уж как-нибудь до половины восьмого!» И мне казалось, что дождь на свете нужен только для того, чтобы спасти несчастного мальчишку с окраины города от карающей десницы учителя.

Точно так же когда-то думал якша. Изгнанный в тенистые леса Рамагири, он однажды решил, что для облака сущий пустяк нести на себе через весь свет слова привета к окну возлюбленной, тоскующей в Алаке (будто в сезон дождей облаку нечем больше заняться), тем более что весь путь был так чудесен, и сердце якши страдало от боли!

То ли в силу движения пара, тепла, воды и ветра, то ли благодаря молитве мальчика, но дождь действительно не прекращался. Так же неизбежно было появление учителя.

В положенный час на углу улицы показался знакомый зонтик. В одно мгновение все мои надежды развеялись, как дым, а сердце замерло в груди. Если бы каждый человек, причинив страдания ближнему, получал соответствующее возмездие, то во втором рождении я непременно стал бы учителем, а мой господин учитель — учеником. Против этого было бы только одно: став учителем своего учителя, я был бы вынужден расстаться безвременно с этим миром, поэтому я от чистого сердца простил ему все обиды.

Завидев зонтик, я со всех ног бросился в онтохпур. Там моя мать и бабушка при свете лампы играли в винт. Я плюхнулся рядом.

— Что случилось? — спросила мать.

— Мне нездоровится, — хмуро ответил я, — сегодня я не смогу заниматься с учителем.

Надеюсь, ни один малолетний не прочтет сей рассказ и он не будет включен в школьную хрестоматию. Ибо то, что я делал, противоречило правилам морали, и тем не менее я не был наказан. Напротив, я даже добился своего.

Мать позвала слугу и сказала:

— Оставим его сегодня; передай учителю, чтобы шел домой.

И она с невозмутимым видом продолжала играть в карты. Было ясно, что мать догадалась о причине моей болезни и теперь в душе смеялась надо мной.

Я, совершенно счастливый, тоже хохотал, уткнувшись лицом в подушку. Мы оба прекрасно понимали друг друга.

Кому неизвестно, однако, что при таких заболеваниях больному чрезвычайно трудно улежать в постели. Не прошло и минуты, как я начал приставать к бабушке: «Бабушка, расскажи сказку!» Мне пришлось несколько раз повторить просьбу, прежде чем мать сказала:

— Подожди, сынок, мы доиграем.

— Доиграть вы можете и завтра, — не унимался я, — а сейчас пусть бабушка расскажет мне сказку!

— Ну хорошо, расскажи ему сказку, — не выдержала мать, бросив бумагу, на которой записывала выигрыши, — ведь все равно он не даст нам играть.

А в душе она, вероятно, подумала: «Я и завтра смогу доиграть, ко мне-то учитель не придет!»

Я схватил бабушку за руку и втащил ее к себе на постель, защищенную москитной сеткой. Я катался по подушкам, дрыгал ногами и, наконец, уняв восторг, потребовал: «Рассказывай!»

За окном шумел дождь; бабушка тихо начала:

— Жил-был раджа. У него была рани...

Я замирал от восторга! Сердце мое трепетало, когда я слышал о том, что у раджи были две жены: любимая и нелюбимая. Я знал, что на нелюбимую свалятся все несчастья. И не мог подавить в себе страшное волнение.

Я забывал обо всем на свете, и, лишь когда раджа отправлялся в лес молиться богу о том, чтобы Всевышний послал ему сыновей, я с облегчением вздыхал. «Что за печаль, если нет сыновей, — недоумевал я. — Вот от учителя спрятаться в лесу — это другое дело!»

Но раджа все же отправился в лес. Прошел год, прошло два, миновало целых двенадцать лет, а раджа все не возвращался.

Между тем принцессе уже исполнилось шестнадцать лет. Пришла пора выдавать ее замуж, а раджи все нет и нет.

Глядя на дочь, рани не пила, не ела. «Боже милостивый, — молилась она, — неужели мое золотое чадо останется навсегда без мужа? О всевышний, чем я прогневила тебя?!»

Наконец рани послала к радже гонца — она просила мужа хоть на один день вернуться домой отведать ее яств.

Раджа согласился.

В тот день, когда раджа должен был вернуться, рани собственноручно приготовила шестьдесят четыре вида торкари и в золотых блюдах и серебряных чашах расставила все это на низких столиках из сандала. Принцесса стояла рядом с опахалом в руках.

После двенадцати лет отсутствия, войдя в онтохпур, раджа тотчас же принялся за еду. Принцесса, озаряя все вокруг своей красотой, начала махать опахалом.

Раджа взглянул на девушку и перестал есть.

— Скажи мне, жена, — обратился он к рани, — кто эта девушка, прекрасная, как Лакшми? Чья она дочь?

— О горе мне! — запричитала рани, ударив себя по лбу. — Ты не узнал ее? Ведь это твоя дочь!

— Неужели та крошечная девочка так выросла? — удивился раджа.

— Что же удивительного, — вздохнула рани, — ведь прошло двенадцать лет!

— Ты еще не выдала ее замуж? — спросил раджа.

— Как же я могла это сделать без тебя? По-твоему, я сама должна искать ей жениха?

Услышав это, раджа ужасно разволновался.

— Хорошо, — сказал он, — я выдам ее за первого человека, которого увижу завтра утром у ворот дворца.

Принцесса взмахнула опахалом — браслеты на ее руках тоненько зазвенели.

На следующее утро, выйдя во двор, раджа увидел сына брахмана, который собирал хворост в лесу около дворца. Мальчику было лет семь-восемь.

«Вот за кого я выдам свою дочь», — решил раджа.

Кто осмелится перечить радже? Мальчика тотчас же привели к принцессе и велели обменяться с ней гирляндами.

Тут я еще теснее прижимался к бабушке и, сгорая от любопытства, спрашивал: «Что же было дальше?» Мне так хотелось оказаться на месте этого счастливица, кото-

рый собирал хворост. Под шум дождя, мерцающий свет лампы и бабушкин размеренный говор где-то в неведомых тайниках моего доверчивого сердца возникали заманчивые картины. Мне казалось, что это я как-то поутру очутился у дворца раджи и собираю хворост, это со мной поменялась гирляндами прекрасная принцесса. Волосы ее расчесаны на прямой пробор, в ушах сережки, на шее ожерелье, на руках браслеты, на бедрах шитый золотом пояс, ступни выкрашены красной краской, на ногах звенят колокольчики.

Ох, и досталось бы моей бабушке, если бы она родилась писателем и ей пришлось бы рассказывать сказку нынешним умникам. Все в один голос заявили бы, что, во-первых, совершенно невозможно, чтобы раджа двенадцать лет скитался в лесу, а дочь все это время не выходила замуж. Но если бы это как-нибудь и простили, то уже по поводу свадьбы разразилась бы целая буря. Так ведь никогда не бывает! Кроме того, читатель был бы не на шутку обеспокоен тем, что, выдавая дочь кшатрии за сына брахмана, писатель ведет тайную пропаганду против общественных устоев. Но читатели — не младенцы и не внуки моей бабушки, чтобы молча выслушивать ее сказки, — они напишут в газету. Вот почему я от всей души молил господу, чтобы и во втором рождении моя бабушка снова была бабушкой, а не писателем, как ее внук по злой ошибке судьбы.

— Что же было дальше? — спрашивал я с тревожно бьющимся сердцем.

— Дальше принцесса взяла своего маленького мужа и удалилась опечаленная, — продолжала бабушка. — Она отправилась в далекие края, построила там огромный семипалатный дворец и стала жить в нем, заботливо воспитывая сына брахмана, своего маленького мужа.

Я слегка пошевелился, еще сильнее сдвинул подушку, скатанную валиком, и спросил:

— Ну, а дальше?

— Дальше мальчик стал ходить в школу, — сказала бабушка. — Он хорошо учился и быстро рос. Однажды товарищи спросили его, кем доводится ему девушка, что живет вместе с ним в семипалатном дворце? Сын

брахмана думал-думал, но так и не мог ответить, кем доводится ему эта девушка. Он смутно помнил, что однажды поутру собирал хворост у ворот дворца, но так и не собрал его. Отчего? Он забыл. Ведь это было так давно.

Прошло еще лет пять. Каждый день друзья спрашивали его: «Скажи наконец, кем доводится тебе эта прекрасная девушка, что живет вместе с тобой в семипалатном дворце?»

Однажды брахман вернулся из школы печальный и сказал принцессе:

— Товарищи каждый день спрашивают: «Кем доводится тебе прекрасная девушка, что живет с тобой в семипалатном дворце?» А я ничего не могу им ответить. Кто ты мне, скажи!

— Сегодня не спрашивай меня об этом. Я скажу тебе в другой раз, — отвечала принцесса.

С этого дня каждый раз, возвращаясь из школы, брахман спрашивал: «Кто ты мне?» А принцесса всякий раз отвечала: «Сегодня не спрашивай меня об этом. Я скажу тебе в другой раз». Так прошло еще лет пять. Наконец однажды брахман возвратился домой вне себя от гнева.

— Если ты сегодня не скажешь мне, кто ты, я уйду из твоего семипалатного дворца! — крикнул он.

И тогда принцесса ответила:

— Хорошо, я все тебе скажу, только завтра.

На следующий день, возвратясь из школы, сын брахмана сказал принцессе:

— Ты обещала мне сегодня открыть тайну!

— Я скажу тебе это после ужина, когда пойдешь спать, — отвечала принцесса.

— Хорошо, — согласился брахман и стал с нетерпением ждать захода солнца.

Между тем принцесса на золотой кровати устроила ложе из белых цветов, зажгла золотой светильник с благовонным маслом, причесала волосы, надела голубое сари и тоже стала с нетерпением ждать наступления ночи.

Вечером ее муж, кое-как покончив с ужином, пришел в спальню, лег на постель из цветов и стал думать: «Сегодня я узнаю, кем мне доводится эта красавица, что живет в семипалатном дворце».

В это время принцесса, съев благословенную пищу с тарелки мужа, тихо вошла в спальню и приблизилась к ложу. «Сейчас наконец придется открыть ему, кто я...» Она только собиралась сказать: «Знаешь ли, кем доводится тебе единственная властительница семипалатного дворца?..» — но в этот момент увидела на ложе змею.

Мертвое тело мужа лежало на золотой кровати, усыпанной цветами...

У меня перехватило дыхание.

— Что же было дальше? — побледнев, сдавленным голосом спросил я.

— Дальше, — продолжала бабушка...

Но не все ли равно, что было дальше? Ведь дальше шло совсем невозможное. Что может быть дальше, если главный герой умер от укуса змеи? Конечно, и после смерти бывает «дальше», хотя никакая бабушка и не рассказала бы об этом как следует. Мальчик еще не знал этого, но та сила веры, с какою Савитри одолела смерть, заставляла и его хватать смерть за подол и тащить ее обратно. Ребенок не в состоянии даже представить себе, что чудесная сказка, которую он слушал однажды вечером, когда не было занятий с учителем, может кончиться из-за укуса змеи! И бабушке ничего не оставалось, как снова вытащить свой рассказ из крепко запертого дома Великого Завершения. Бабушка делала это так легко и свободно — словно двумя-тремя заклинаниями направляла банановый плот — и ребенку в эту дождливую ночь при мерцающем пламени светильника смерть уже не казалась такой жестокой; все проплывало перед ним, как интересный сон.

Рассказ окончен, усталые глаза слипаются, и крошечное детское сердце плывет на плоту глубокого сна спокойно, тихо, без волнений, а утром какой-нибудь волшебник опять прочтет заклинание и снова вернет спящего в этот мир.

Но для тех, кто не умеет верить, для трусов, которые не решаются переступить через «невозможное», даже ради того, чтобы насладиться прекрасным, не существует «дальше», все обрывается внезапно, все остается незавершенным.

Сказки моего детства, в которых герои отправляются странствовать за семь морей и побеждают смерть, всегда имели естественный конец, при этом мне всегда слышался нежный, мягкий голос:

Мы рассказ свой рассказали, —
Листья с веточек опали.

А теперь, когда я стал взрослым, стоит мне остановить рассказ посередине, и я тотчас же слышу грубый, резкий голос:

Мы рассказ не рассказали, —
С веток листья не опали.
Отчего ты не сорвал их?
Может быть, твоя корова...

Впрочем, оставим это мирное животное в покое. Ведь неизвестно еще, как это воспримет читатель.

1893

П Р И Г О В О Р

1

Когда два брата, Дукхирам и Чхидам, с косарями в руках чуть свет отправлялись на работу, их жены тотчас же начинали яростно пререкаться и ссориться. Для соседей такой шум стал привычным, как любой из множества постоянных звуков в природе.

— Ну вот, опять началось! — говорили они друг другу, услышав пронзительные голоса женщин.

Это означало, что случилось именно то, чего они ожидали, и что сегодняшний день не является исключением из общего правила.

Никто не спрашивает, почему солнце всходит на востоке, так никто не стремился узнать и причину ссор между женщинами.

Разумеется, эти распри должны были волновать скорее мужей, чем соседей, однако братьев это тоже мало заботило. Они двигались по длинной дороге жизни в одной двуколке и неумолчный скрип и грохот безрессорных колес считали явлением обычным. Если же в доме наступала тишина, все опасались небывалого скандала.

И вот однажды, под вечер, когда усталые братья вернулись с работы, дом был погружен в зловещее молчание.

Знойный воздух давил своей неподвижностью. В полдень прошел сильный ливень, но тучи все еще застилали

горизонт. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. За время дождей деревья и травы около дома пышно разрослись; пряный аромат влажной зелени и затопленных водою полей стоял вокруг плотной неподвижной стеной. С пруда, что был вырыт за хлевом, доносилось кваканье лягушек. Предвечерний воздух был наполнен стрекотом цикад.

Неподалеку несла свои воды разбухшая от дождей Падма. Во мраке она казалась особенно грозной. Затопив большую часть пашен, река подобралась вплотную к жилищам людей. На месте оползня торчали оголенные корни манговых и хлебных деревьев. Словно слабеющие пальцы, цеплялись они за пустоту в поисках хоть какой-то опоры.

В тот день Дукхирам и Чхидам работали в конторе заминдара.

На наносных землях у противоположного берега уже созревал урожай. Стараясь закончить уборку, прежде чем дожди размоют эти земли, на своих наделах либо на плантациях джута трудилась вся беднота деревни, и только двух братьев посыльный чуть не силой увел. Крыша дома, в котором помещалась контора, была дырявой и во многих местах пропускала воду. Весь день братья чинили ее и плели из бамбука перегородки. Домой сходить не удалось — перекусили тут же, в конторе. Промокли до нитки, положенной платы не получили, зато ругани и упреков им досталось с избытком.

Меся дорожную грязь и шлепая по лужам, они вернулись домой лишь в сумерках. Жена младшего брата, Чондора, подстелив край одежды, молча лежала на земле. В полдень, подобно сегодняшнему хмурому небу, она разразилась дождем слез, утихла лишь к вечеру и теперь застыла в изнеможении. Жена старшего брата, Радха, сидела насупившись на площадке перед порогом — ее полуторагодовалый сынишка долго плакал, потом уснул, лежа навзничь где-то в углу двора.

— Давай есть! — с порога бросил жене проголодавшийся Дукхирам. Радха взорвалась, словно бочка с порохом, в которую упала искра.

— Откуда я возьму? — пронзительно закричала она. — Ты принес из чего готовить? Уж не мне ли самой на заработки идти?

После целого дня утомительного труда и оскорблений, когда к тому же в желудке режет от голода, было нестерпимо слышать в темном и мрачном доме грубую речь жены, а в особенности ядовитый намек, который таился в последних словах.

— Что ты сказала? — проговорил Дукхирам сдавленным голосом, напоминавшем рычанье разъяренного тигра. И в то же мгновение сгоряча опустил косарь на голову жены. Радха рухнула к ногам младшей невестки и тут же скончалась.

— Боже мой! Что это? — в ужасе вскрикнула Чондора. Вся одежда ее была залита кровью. Чхидам зажал ей рот рукой. Дукхирам уронил косарь и в отчаянии опустился на землю, спрятав лицо в ладони.

Проснулся и заплакал испуганный мальчик.

Между тем в селении все по-прежнему было спокойно. Мальчик-пастух пригнал стадо в деревню. Крестьяне, весь день убиравшие рис на другом берегу Падмы, — по пять — семь человек в маленьких лодках возвратились обратно; в награду за труд они получили по несколько вязанок риса.

Дядюшка Рамлочон Чоккроборти, вернувшись домой с почты, куда относил письмо, сидел и безмятежно курил табак. Вдруг он вспомнил, что арендатор Дукхи, порядком задолжавший ему, как раз сегодня обещал уплатить часть долга. Решив, что Дукхи уже вернулся домой, Рамлочон набросил на плечи чадор, взял зонт и вышел из дома.

Он заглянул во двор к братьям, и ему стало как-то не по себе. Огней не зажигали. На темной площадке у порога неясно вырисовывалось несколько фигур. Слышалось приглушенное всхлипывание — это плакал малыш, зовя мать, но Чхидам зажимал ему рот рукой.

— Ты дома, Дукхи? — спросил встревоженный Рамлочон.

Дукхи все еще сидел, застыв словно каменное изваяние. Услышав свое имя, он разрыдался, как малый ребенок.

Чхидам торопливо спустился во двор и подошел к дядюшке Чоккроборти.

— Негодницы, видать, опять скандалят? — спросил Чоккроборти. — Мы сегодня целый день слышали их вопли.

Чхидам никак не мог придумать, что делать. Множество мыслей, одна нелепее другой, приходили ему в голову. В конце концов он решил, когда совсем стемнеет, спрятать где-нибудь труп. Он совсем не подумал о том, что к ним может зайти Чоккроборти. Застигнутый врасплох, Чхидам не знал, что отвечать, и в растерянности выпалил:

— Да, сегодня они здорово поссорились.

— Неужели из-за этого плачет Дукхи? — спросил Рамлочон, порываясь подойти к порогу.

Чхидам понял, что теперь скрыть ничего не удастся, и поспешно сказал:

— Во время ссоры моя женахватила Радху косарем по голове.

Человеку трудно представить, что может прийти беда, кроме той, которая постигла его в настоящую минуту. Чхидам думал лишь о том, как бы вырваться из когтей страшной правды. Мог ли он тогда предвидеть, что ложь окажется еще страшнее. Поэтому на вопрос Рамлочона Чхидам ответил первое, что пришло ему в голову.

— Подумать только! — вздрогнув, воскликнул Рамлочон. — Что ты говоришь! Но не умерла же она, я надеюсь?

— Умерла, — проговорил Чхидам и упал к ногам Чоккроборти.

Рамлочон окончательно растерялся. «Рам! Рам! — сказал он себе, — и надо было мне на ночь глядя попасть в такую ужасную историю. Теперь придется без конца давать показания на суде».

А Чхидам по-прежнему обнимал его ноги.

— О мудрый дядюшка, — молил он, — скажи, что мне сделать, чтобы спасти жену?

В деревне Рамлочон считался лучшим знатоком и советником по судебным делам.

— Послушай, — немного подумав, сказал он. — Тут есть только один выход: беги сейчас в полицию и заяви, что Дукхи, твой старший брат, вечером пришел домой голодный и, узнав, что обед не готов, ударил жену косарем

по голове. Скажи это — и твоя жена будет спасена, уверяю тебя.

У Чхидама вдруг пересохло в горле.

— Нет, тхакур, — проговорил он, вставая, — погибнет жена — я могу взять другую, но если повесят брата, второго мне не найти.

Чхидам вовсе не хотел обвинить жену в преступлении, чтобы выгородить брата. Слова эти вырвались у него неожиданно, и теперь ум бессознательно искал оправдания и утешения.

Но возражение молодого крестьянина показалось Рамлочону вполне основательным.

— Тогда ничего не поделаешь, — сказал он, — расскажи все, как было, ведь всех спасти невозможно!

С этими словами Рамлочон немедленно удалился, и по деревне тотчас разнесся слух, что во время ссоры Чондора убила косарем жену Дукхи.

С шумом, словно вода, прорвавшая плотину, нагрянула в деревню полиция и привела в смятение всех — виновных и невиновных.

2

Чхидам считал, что ему следует держаться раз взятого направления. Признание, сделанное им Рамлочону, уже успело облететь всю деревню. Он теперь и представить не мог себе, каковы будут последствия, если вдруг всплывет что-то другое. Поэтому единственный путь к спасению жены он видел в том, чтобы, не оспаривая ранее сказанного, любым путем запутать все дело.

Чхидам предложил своей жене, Чондоре, принять вину на себя.

Эта просьба словно громом поразила ее.

— Делай так, как я тебе говорю, и ничего не бойся, — обнадежил ее Чхидам, — мы тебя выручим.

Он утешал жену, а у самого перехватило дыхание и лицо покрыла смертельная бледность.

Чондоре шел восемнадцатый год. У нее было круглое, свежее, румяное личико, сильная, гибкая и очень стройная фигурка, — шла ли молодая женщина, поворачивалась ли — все получалось у нее непринужденно и мило.

Она двигалась легко, словно небольшая новая лодочка, в которой все аккуратно подогнано. Ко всему в мире Чондора относилась с каким-то особым задором и интересом; она любила поболтать на улице; ей нравилось, придя с кувшином на берег и слегка отведя от лица двумя пальчиками свободный край сари, следить своими черными блестящими и быстрыми глазами за всем, что происходило на дороге.

Жена старшего брата являла собой полную противоположность Чондоре: медлительная, ленивая, неряшливая, она никак не могла справиться ни с покрывалом на голове, ни с ребенком, сидящим на руках, ни с домашним хозяйством. Как будто и не занятая никаким особым делом, она все-таки умудрялась никогда не быть свободной. Чондора была с ней немногословна — так, нежным голосом подпустит шпильку-другую, а та пойдет кричать и браниться — громко, с надрывом; сама разойдется и всех соседей перебудоражит.

Бросалось в глаза поразительное сходство характеров обеих женщин с их мужьями. Дукхирам был рослый, ширококостный мужчина с приплюснутым носом. Его глаза смотрели на мир так, словно не совсем хорошо разбирались в нем, однако спрашивать ни о чем не решались. Трудно встретить второго такого: робкого и в то же время внушающего страх, сильного и, одновременно, беспомощного.

Чхидам же был словно выточен из твердого черного камня чьей-то искусной рукой. Подобраный, подтянутый, ладный. Части его тела, сильного и ловкого, в гармоническом слиянии достигли совершенства. Прыгал ли он с высокого обрыва в реку, отталкивал ли шестом лодку, срезал ли молодые побеги бамбука, забравшись на его вершину, — во всем чувствовалась расчетливость, легкость, непринужденность, на все он тратил сил ровно столько, сколько нужно — ни больше, ни меньше. Густые и длинные черные волосы, смазанные маслом, всегда были тщательно расчесаны, убраны со лба и откинута на плечи, одежде своей он тоже уделял немало внимания.

И хотя никто не мог упрекнуть Чхидама в равнодушии к деревенским красавицам — он всегда был не прочь

порисоваться перед ними, — однако свою молоденькую жену Чондору любил горячо. Супруги ссорились, мирились, но никто из них не мог одержать верх. К тому же было одно обстоятельство, которое делало их союз еще более тесным: Чхидам полагал, что такой непоседливой и проворной молодой жене, как Чондора, нельзя полностью доверять; по мнению же Чондоры, ее муж только и делал, что глядел по сторонам, поэтому, если не привязать его покрепче, ничто не помешает ему в один прекрасный день вырваться из рук.

Незадолго до описанного случая между мужем и женой произошла серьезная ссора. Чондора стала замечать, что Чхидам, ссылаясь на работу, повадился куда-то в дальние места, а то вдруг пропал почти на целых два дня и вернулся с пустыми руками. Заподозрив неладное, Чондора решила отомстить мужу и стала вести себя свободнее. Теперь она частенько уходила на берег или, вернувшись с улицы, принималась рассказывать о младшем сыне Каши Моджумдара.

Словно кто отравил ядом дни и ночи Чхидама. Даже за работой он не мог отвлечься от своих мыслей ни на минуту. Однажды он упрекнул Радху за то, что она не следит за его женой. Радха всплеснула руками и, призывая в свидетели покойного отца, воскликнула:

— Эта девчонка носится как буря, мне ли справиться с нею! Но я знаю, рано или поздно она натворит чего-нибудь.

— Чего ты боишься, диди? — медленно проговорила Чондора, выходя из соседней комнаты, и между обеими женщинами началась отчаянная перебранка.

— Еще раз услышу, что ты одна ходишь на берег, — все кости переломаю! — пригрозил Чхидам, мрачно глядя на жену.

— По крайней мере избавишь меня от страданий, — ответила Чондора.

И с этими словами она направилась к выходу.

Но Чхидам в тот же миг оказался возле нее, схватил за волосы, втолкнул в комнату и запер снаружи дверь.

Вернувшись вечером домой, он нашел дверь открытой — комната была пуста. А Чондора, оставив позади три деревни, уже подходила к дому своего дяди.

С большим трудом Чхидаму удалось вернуть жену, но на этот раз ему пришлось признать и свое поражение.

Чхидам понял, что удержать в руках эту маленькую женщину так же невозможно, как сжать в кулаке пригоршню ртути — она проскальзывает между пальцами. Насилия он больше не применял, но жил с тех пор в постоянной тревоге. Эта беспокойная любовь к молоденькой жене стала для него нестерпимой пыткой. Иногда Чхидам думал, что ему было бы легче, если бы она умерла — ведь к Яме не будешь ревновать, как к простому смертному.

Тут и пришла в дом беда.

Когда муж стал уговаривать Чондору принять вину на себя, она словно оцепенела. Ее черные глаза, как темные огни, безмолвно жгли сердце Чхидама. Она вся как бы сжалась, стремясь вырваться из рук чудовища-мужа. Всем своим существом она отвернулась от него.

Чхидам уверял жену, что ей нечего бояться. Несколько раз он говорил ей, как отвечать полиции и судьям. Но из его длинной речи Чондора не слышала ни одного слова, она сидела неподвижно, как изваяние, выточенное из дерева.

Дукхирам всегда и во всем привык полагаться на брата, и когда Чхидам предложил взвалить вину на Чондору, он только спросил:

— Что же будет с твоей женой?

— Я спасу ее, — ответил Чхидам. И верзила Дукхирам успокоился.

3

— Ты должна сказать, — поучал жену Чхидам, — что Радха замахнулась на тебя кухонным ножом, ты же хотела отбиться косарем и нечаянно задела ее.

Это объяснение было придумано Рамлочоном. Он же растолковал Чхидаму, какие доказательства ему надлежит привести для подтверждения такого показания.

Тем временем полицейские начали действовать. Мысль, что жену старшего брата убила именно Чондора, успела прочно укрепиться в умах жителей деревни. Все свидетели показывали одно и то же. Когда спросили Чондору, она ответила:

- Да, это я убила.
- Почему?
- Я ее видеть не могла.
- Вы поссорились?
- Нет.
- Разве не она первая хотела тебя убить?
- Нет.
- Может быть, она с тобой грубо обошлась?
- Нет.

Эти ответы поразили всех. Чхидам совсем потерял голову.

— Неправду она говорит! — кричал он. — Радха первая...

Полицейский цыкнул на него. Чондоре учинили допрос по всем правилам, несколько раз был задан один и тот же вопрос, но ответ был неизменным. Чондора упорно отрицала нападение со стороны Радхи. Женщина проявила невиданное упрямство. Она неуклонно шла к виселице, и не было силы, способной удержать ее. Она упрячилась из гордости!

«Покинув тебя, я отдаю свою юность виселице, союз с нею — мой последний союз в этом рождении», — мысленно обращалась Чондора к мужу.

И вот взятая под стражу, эта безобидная, веселая и жизнерадостная маленькая женщина, прошла по знакомой с детства деревенской улице, мимо колесницы Владыки Мира, через базарную площадь, вдоль берега, перед домом Моджмудара, прошла мимо школы и почты и, заклеянная позором в глазах односельчан, навсегда покинула деревню. За нею гурьбой бежали мальчишки, а женщины, ее подружки — кто сквозь покрывало, кто из-за двери, а некоторые, спрятавшись за дерево, — смотрели на Чондору вне себя от ужаса, стыда и негодования.

На допросе у судьи Чондора тоже признала себя виновной. По ее словам, в момент убийства жена старшего брата никаких грубостей по отношению к ней не допускала.

Но вот место свидетеля занял Чхидам. Умоляюще сложив руки и едва сдерживая слезы, он обратился к судье:

— Клянусь, господин, — проговорил он, — моя жена ни в чем не виновата!

Когда судья, прикрикнув на него, заставил успокоиться и начал допрашивать, Чхидам рассказал все как было. Судья не поверил ему, так как главный свидетель, внушавший наибольшее доверие, Рамлочон показал следующее:

— Я пришел к месту преступления вскоре после совершения убийства. Свидетель Чхидам во всем мне признался. «Придумай, как мне спасти жену», — просил он, обняв мои колени. Но я ничего не ответил. «Оставят Чондору в покое, если я заявлю, что старший брат убил жену за то, что она не дала ему поесть?» — спросил он меня. На это я сказал: «Берегись, негодяй, ни слова лжи не смей произносить перед судом, на свете нет большего греха...»

Сначала тот же Рамлочон сочинял всякие истории, чтобы выручить Чондору. Но когда увидел, что женщина не пытается оправдываться, испугался: «Ой-ой-ой! Как бы в конце концов меня не привлекли к ответственности за ложные показания! — подумал он. — Лучше уж буду говорить, что знаю». Придя к такому решению, Рамлочон рассказал все, что ему было известно, однако не преминул добавить кое-какие подробности.

Судья передал дело на рассмотрение сессии уголовного суда.

Между тем в мире все шло своим чередом. Люди радовались, горевали, занимались своими делами, как будто ничего не произошло. Так же, как бывало в прежние годы, в месяце срабон на созревающие нивы непрерывными потоками лил дождь.

И вот свидетели и обвиняемые снова доставлены в суд. Кому-то пришло в голову делить пруд, и он подал жалобу на соседа. По этому делу был вызван адвокат из Калькутты и явилось тридцать девять свидетелей со стороны истца. Сколько сил тратят люди на всякие пустяковые тяжбы! И каждый из них считает, что нет в мире ничего выше этого.

Остановившимся взглядом смотрел Чхидам из окна на этот суетливый мирок, и все свершившееся казалось

ему сном. В ветвях баньянового дерева пела кукушка, — ведь для птиц нет ни суда, ни закона...

— Ох, сахиб, — отвечала Чондора судье, — сколько раз я могу говорить одно и то же!

— Ты вот признаешь себя виновной, — объяснял судья, — а знаешь, какое за это положено наказание?

— Нет, — ответила женщина.

— Тебя повесят.

— Сахиб, умоляю, пусть будет так! — воскликнула Чондора. — Делайте, что хотите, я не могу больше выносить все это!

Когда в зал суда ввели Чхидама, Чондора отвернулась. Судья обратился к ней:

— Взгляни на свидетеля, скажи, кто он тебе?

— Это мой муж, — проговорила женщина, закрыв лицо руками.

— Любит ли он тебя?

— О, горячо любит! — последовал ответ.

— Разве ты его не любишь?

— Очень люблю!

Стали допрашивать Чхидама, он заявил:

— Это я убил Радху.

— Почему?

— Хотел есть, а Радха не дала.

Дукхирам, выйдя давать показания, лишился чувств. Придя в себя, он сказал:

— Я убил ее, сахиб.

— Но из-за чего?

— Я попросил рису, а она не дала.

После обстоятельного допроса и опроса свидетелей, судья пришел к твердому убеждению, что оба брата берут вину на себя ради спасения женщины от позорной смерти на виселице.

Но Чондора всюду — и полицейским и на суде — твердила одно и то же, ее ответы были неизменны. Два адвоката взялись защищать ее, дабы спасти от смертной казни, но в конце концов и они вынуждены были отступить.

Когда-то на заре юности маленькая смуглая круглолицая девочка, расставшись с куклами, покинула отчий дом и ушла жить к свекру. Но кто мог предвидеть в ту

свадебную ночь то, что случилось сегодня! Отец ее умирал со спокойной душой, думая, что жизнь дочери благодаря его заботам устроена.

Перед казнью сердобольный врач спросил Чондору, желает ли она видеть кого-нибудь.

— Мне бы хотелось повидаться с мамой, — сказала Чондора.

— К тебе пришел твой муж, позвать его? — предложил доктор.

— Скорее бы умереть! — последовал ответ.

МАЛЕНЬКАЯ СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Опять рассказ? Но я больше не могу! Увольте слабого и усталого человека!

Кто поднял меня на такую высоту, не знаю.

Почему вы — люди — постоянно окружали меня, уговаривали, ждали? Вероятно, провидение вселило в вас эту благосклонность ко мне и, чтобы сохранить ее, вы не переставали принуждать меня.

Но я не гожусь для миссии, которую возложили на меня эти люди своим непонятным молчаливым признанием. Я не хочу ни гордиться, ни скромничать. Бог создал меня одиноким наблюдателем. Он не защитил мое тело от славы и похвалы. «Если ты хочешь сохранить себя, — напутствовал он, — живи одиоко». И душа моя вечно жаждет одиночества и покоя. То ли по ошибке, то ли в насмешку судьба забросила меня в самую гущу людей, и ты, создатель, тихо смеешься надо мной. Я бы тоже хотел посмеяться, да не могу.

Бежать — недостойно. В армии часто встречаются люди, которым больше нравится мир, чем война. Окажись такой человек по своей или по чужой воле на поле брани, и ему неудобно будет бросать товарищей, удирать. Судьба не слишком раздумывает, определяя человеку занятие на всю жизнь, но уж если она определила его — долг человека неуклонно выполнять предначертанное.

Если вы сочтете необходимым, приходите ко мне, захотите проявить уважение, пожалуйста. Когда такая

необходимость исчезнет, вдохновите себя презрением к вашему покорному слуге. Это бывает часто. Ведь презирают же придворные своего имя-рек капризного и ничемного императора. Кто оглядывается на поклоны и гримасы, ничего не достигнет. Только бесстрастие сопутствует славе.

Так вот, если вы все еще хотите слушать, я расскажу вам одну историю. Я забуду о своей усталости и не стану ждать вдохновения.

Я вспомнил одну маленькую и очень старую историю и буду краток. Надеюсь, вы не потеряете терпения, несмотря на ее незатейливость.

На берегу большой реки рос густой лес. На реке жил бекас, а в лесу — дятел. Пока земля была богата червями, оба они сытно ели, толстели и прославляли землю.

Но постепенно черви стали исчезать.

Тогда бекас сказал дятлу, сидящему на суку.

— Послушай, брат-дятел! Многие на свете считают землю молодой и красивой, но я вижу, что она иссякла.

— Знаешь, брат-бекас, — с дерева отвечал ему дятел, — многие считают этот лес свежим и прекрасным, но скажу тебе, что он совершенно бесплоден.

И они решили всем доказать это.

Бекас прыгнул в воду и, погрузив клюв в нежный ил, стал доказывать немощность земли. А дятел, долбя твердую кору прекрасного дерева, кричал о бесплодии леса.

Эти обойденные судьбой твердолобые птицы не понимали искусства пения. И когда кукушка громко прокуковала приближение весны, а в лесу черный дрозд восславил наступление утра, голодные, недовольные, безголосые птицы с неослабевающей энергией продолжали настаивать на своем.

Понравился вам рассказ? Впрочем, о том, понравился ли он, не может быть и речи. Главное его достоинство — краткость.

Вам ведь не кажется, что эта история стара? Так уж устроен мир, что эта история вечно стара и вечно нова.

Издавна неблагодарный дятел долбит могучее бессмертное величие земли, а бекас копается в ее сочной и плодородной нежности, — все это продолжается и по сей день — и по сей день они не перестают брюзжать.

Вы спросите, что же положительного и отрицательного в этом рассказе? Отрицательное то, что ничтожные клеветатели не поняли щедрости земли и величия леса и, не найдя в них подходящей для себя еды, стали ругать их. Положительное — в вечной юности земли и свежести леса. Если кто и умрет, так это две завистливые, желчные птицы, и никто не вспомнит о них. Теперь вы поняли смысл этой истории? В ней нет ничего сложного, возможно, вы поймете, когда повзрослеете.

Во всяком случае, к вам, я надеюсь, все это не имеет никакого отношения?

Это несомненно.

КОММЕНТАРИИ

В том вошли первые романы Тагора — «Берег Бибхи», «Раджа-мудрец» и часть ранних рассказов.

Роман «Берег Бибхи» первоначально печатался в основном братом писателя Джотириндронатхом журнале «Бхароти» (ноябрь 1881—сентябрь 1882 г.) и вышел отдельной книгой в январе 1883 года. «Берег Бибхи» — первое крупное прозаическое произведение Тагора, если не считать опубликованного в 1877 году в «Бхароти» незаконченного юношеского романа «Сострадание».

Роман «Берег Бибхи» написан на популярный в бенгальской литературе сюжет, описывающий события времен императоров династии Великих Моголов Акбара и Джахангира (XVI в.), борьбу индусского раджи Протападитто с мусульманскими правителями. К этому сюжету обращался крупнейший бенгальский поэт XVIII века Бхаротчондо Рай (1712—1760).

В 1801 году вышла книга преподавателя известного колледжа Форты Вильяма Рамрама Бошу «Жизнь раджи Протападитто».

Тагор был, несомненно, вдохновлен написанным позднее на эту же тему романом Протапондро Гхоша «Поражение раджи Набоддипа» (ч. I, 1869)¹, но в отличие от Гхоша, стремившегося описать исторические события, Тагор уделяет в своем романе основное внимание морально-этическим проблемам. Позже, в 1909 году, Тагор переработал «Берег Бибхи» в пьесу «Возмездие».

Первые 26 глав романа «Раджа-мудрец» публиковались в журнале «Балок» (июнь 1885—февраль 1886 г.), отдельной

¹ Часть II вышла в 1884 г.

книгой роман был издан в феврале 1887 года. Историю создания этого произведения Тагор рассказывает в «Воспоминаниях»: «Моя младшая невестка прониклась мыслью о необходимости издания иллюстрированного детского журнала (Баллок. — А. Г.)... а меня просила о сотрудничестве... Я возвращался из Калькутты ночным поездом, вагон был переполнен, и мне не спалось... Я решил воспользоваться случаем и выдумать рассказ для журнала. Но, несмотря на все мои усилия, сюжет все ускользал от меня; под конец я заснул. Я увидел во сне каменные стены храма, забрызганные кровью заколотых жертв: маленькая девочка стояла подле них с отцом и жалобно и тревожно спрашивала его: «Папа, что это? Отчего здесь кровь?» Отец, в глубине души взволнованный ее тревогой, с напускной суровостью пытался отделаться от ее вопросов. Проснувшись, я подумал: «Вот и готов мой рассказ...» Описанный эпизод из моего сна я разработал при помощи материала, заимствованного из анналов трипурского раджи Гобиндо Маникко, и получился небольшой роман под названием «Раджа-мудрец».

Эта тема продолжала волновать Тагора. В 1890 году он перерабатывает роман в известную драму «Жертвоприношение». Английскому переводу этой драмы, вышедшему в 1917 году, Тагор предпосылает посвящение: «Героям, которые доблестно стояли за мир, когда богиня войны требовала человеческих жертв». В пьесе, как и в романе, писатель не ограничивается осуждением кровавых жертвоприношений (имеются в виду жертвоприношения во имя богини Кали — культ Кали один из наиболее распространенных в Бенгалии), оба произведения пронизаны мыслью о бессмысленности и недопустимости войн.

Еще в июльском и августовском номерах журнала «Бхароти» за 1877 год был опубликован рассказ шестнадцатилетнего Тагора «Нищенка» — первая проба пера, которую писатель позже назвал со свойственной ему беспощадностью к себе «сырым многословием».

В 1884 году выходят два лирико-романтических произведения Тагора — «О чем рассказал берег Ганги» (журнал «Бхароти», октябрь 1884 г.) и «Рассказ дороги» (журнал «Нободжи-бон», ноябрь 1884 г.), первые рассказы писателя, вошедшие в его собрание сочинений.

Талант Тагора-прозаика проявляется в полную силу в 1891—1894 годах, он создает в эти годы более трети всех своих рассказов. Первые шесть из них («Расчеты», «Почтмейстер», «Женушка», «Неразумный Рамканай», «Разрыв» и «Слава Тарапрошонно») были помещены в 1891 году в журнале «Хитобади». Остальные печатались с ноября 1891 года в каждом очередном номере журнала «Шадхона», который редактировал сам Тагор:

Возвращение Кхокабабу	1891	Состязание	1892
Наследство	»	Кабуливала	»
Далия	1892	Каникулы	»
Скелет	»	Шубха	1893
Освобождение	»	Мохамая	»
Отречение	»	Обменялись	»
Одна ночь	»	Писатель	»
Рассказ, написанный в месяце ашарх	»	Преграда	»
Жива или мертва?	»	Невозможное	»
Золотой мираж	»	Приговор	»
Обычный роман	»	Маленькая старая история	»

С начала 90-х годов Тагор живет с семьей в деревне, управляет родовым заминдарством, совершает многочисленные поездки и все свободное время отдает творчеству. «Здесь, как нигде, у меня создается желание и настроение писать. Трепет внешней жизни вливается в мою душу шумными зелеными волнами, и их аромат, свет, звучание претворяются в моем воображении в рассказы и повести», — писал Тагор в одном из своих писем (Шазадпур, 5 сентября 1894 г.).

В «Воспоминаниях» и письмах Тагора содержатся многочисленные упоминания о реальных фактах, послуживших основой сюжетов многих рассказов («Почтмейстер», «Женушка», «Скелет», «Кабуливала», «Каникулы» и др.).

О том, как создавались рассказы, сообщают и бенгальские литературоведы. Автор четырехтомной биографии писателя Пробхаткумар Мукхопаддхай пишет:

«Писатель, живя на берегах Падмы (протекавшей по территории заминдарства Тагора. — А. Г.), был тесно связан с обыкновенными людьми. Вступив в управление заминдарством, он увидел внешний мир собственными глазами... Рассказы

созданы под впечатлением тех проблем, с которыми он тогда встретился. Многие из них повествуют об истории повседневной житейской борьбы и страданий людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. ...Герои и героини всех этих произведений (рассказов. — А. Г.) ... люди, которых Тагор видел своими глазами или рассказы о которых сам слышал».

Рассказы Тагора вызвали огромный интерес у современников. В то время романтические повести и рассказы, наполнявшие книжный рынок Бенгалии, перестали удовлетворять читателей. Как отмечает в книге «Рассказ о художественной литературе» известный бенгальский писатель Нарайон Гонгопаддхай, в начале 90-х годов XIX века в Бенгалии наблюдалось увлечение переводами рассказов как известных, так и неизвестных французских писателей. Выход в свет произведений Тагора, явившихся первыми реалистическими рассказами в бенгальской литературе, был восторженно встречен в Бенгалии.

Первые переводы рассказов на английский язык вышли в журнале «Модерн ревью» в 1910 году, отдельным сборником в 1913 году. На русском языке первый большой сборник «Рассказы из жизни Бенгалии» вышел в 1915 году (отдельные рассказы переводились с 1913 г.).

А. Гнатюк-Данильчук

Б Е Р Е Г Б И Б Х И

Стр. 64. *Ситара* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 69. *Дада* — старший брат, а также обращение к старшему.

Стр. 70. *Патаны* — афганцы, живущие на территории Индии и Пакистана.

Ария. — Так называли себя племена, живущие на территории Северной Индии во II тысячелетии до н. э. Арии считаются творцами вед, индуистской религии со всеми ее атрибутами. Махараджа Протападитто, причисляя себя к потомкам древних ариев, имел в виду всех правоверных индусов в отличие от чужеземцев-завоевателей, мусульман.

Кшатрии — одна из четырех древнейших каст (варн) Индии, составлявших воинское сословие. Управление страной и высшие должности при дворе являлись их привилегией. К средним векам термин «кшатрия», как и обозначаемая им каста, несколько теряет свое значение и относительно прочно сохраняется у *раджпутов* (см. стр. 212).

Демон Раху. — Существует легенда, которая рассказывает о том, как демон Кету тайком испил нектара, предназначенного для богов. Месяц и Солнце сообщили об этом богам, и Вишну своим диском срезал Кету голову. С тех пор голова Кету, превратившаяся в планету Раху, гоняется за Солнцем и Луной, чтобы отомстить им. Когда Раху настигает Солнце или Луну, он проглатывает их, но ненадолго, ибо у него нет тела, в котором он мог бы их удержать. Так древнее предание объясняет затмения. Демон Раху в индийской литературе — символ зла.

Стр. 71. *Бхригу* — имя легендарного мудреца.

Ман Сингх, *Бирбал* — военачальники императора Акбара (1556—1605).

Стр. 72. ...*в будущем рождении*. — Согласно религиозным представлениям индийцев, каждое живое существо после смерти воплощается в новом облике, обретает новую жизнь, новое «рождение», которое является воздаянием за добрые или дурные поступки в «предшествующей» жизни.

Заминдар — землевладелец, помещик.

Стр. 74. *Крош* — мера длины, равная приблизительно 4 км.

Стр. 76. *Хан-сахиб* — почтительное обращение к мусульманину.

Стр. 77. *Лакшми* — в древнеиндийской мифологии богиня счастья, супруга бога Вишну, одного из главных божеств индуистской триады богов: *Брахма* — бог-творец, *Вишну* — бог-хранитель, *Шива* — бог созидания и разрушения.

Стр. 79. *Радха* — имя легендарной пастушки, возлюбленной *Кришны*, одного из земных воплощений бога Вишну. Тема любви Радхи и Кришны легла в основу вишнуитской поэзии.

Чондраболи (Чандравали) — одна из многочисленных пастушек, возлюбленных Кришны. По преданию, у Кришны было 1600 возлюбленных.

Стр. 80. *Рам, Рам, Рам!* — восклицание, выражающее удивление, страх, горе; соответствует нашему «О господи!».

Стр. 82. *Веды* — древнейшие памятники индийской литературы. Представляют собой четыре сборника гимнов, заклинаний, благословений, жертвенных формул: «Ригведа», «Атхарваведа», «Самаведа», «Яджурведа». Зарождение ведической литературы относится примерно ко II тысячелетию до н. э.

Стр. 85. *Рани* — жена раджи.

Стр. 90. *Мелодия хиндоль* — шумная праздничная мелодия.

Стр. 92. *Ганеша* — в древнеиндийской мифологии одно из самых популярных божеств, бог мудрости и удачи.

Кришна — см. прим. *Радха*, к стр. 79.

Стр. 93. *Сахиб* — господин.

Стр. 96. *Слуга Рамы*. — Здесь содержится намек на то, что Рамчондро Рай является тезкой Рамачандры (по-бенгальски Рамчондро), героя древней эпической поэмы «Рамаяна», у которого был друг и советник царь обезьян по имени *Хануман*, считавшийся слугой Рамачандры или Рамы.

...солнце *Протападитто*. — Вторая часть имени Протападитто — «адитто» — имеет значение — «солнце», на этом и основана шутка; эта же игра слов встречается на стр. 100: «Я видел множество таких солнц», — говорит шут Рамаи.

Стр. 97. *Бхима* — один из героев эпической поэмы «Махабхарата» (см. прим. «Махабхарата», к стр. 162), известный силой и мужеством.

Стр. 101. *Ашшин* — седьмой месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому сентябрю — октябрю.

Ма — «мать»; обращение, выражающее любовь и уважение к матери, а также к другим женщинам.

Стр. 102. *Сезон дождей*. — Индийский календарный год делится на шесть сезонов; сезон дождей продолжается с июля по сентябрь.

«*Агомони*» — приветственная песня, которую обычно исполняют во время праздника *Дурги*, жены бога Шивы. Согласно индийской мифологии, каждую осень, в светлую половину месяца ашшин Дурга на несколько дней приходит к родителям. Ее приход встречают песней «Агомони».

Стр. 103. ...для нее скоро наступит день *Биджоя*... — то есть день, когда рани придется расстаться с дочерью. День *Биджоя* — последний день праздника *Дурги*, когда она, по преданию, уходит из дома родителей и возвращается к мужу.

Равана — персонаж поэмы «Рамаяна», жестокий владыка острова Ланка (так называли Цейлон в древности).

Стр. 104. *Чадор* — широкий шарф.

...не убивай брахмана. — Убийство брахмана — представителя высшей касты — считается в Индии страшным грехом.

Сардар — военачальник.

Стр. 110. *Яма* — в древнеиндийской мифологии бог смерти и правосудия.

Стр. 111. *Васуки* — мифический царь змей, живущий в подземном царстве.

Стр. 112. *Ма* — здесь обращение к богине.

Стр. 114. *Кали* — буквально «черная»; богиня, олицетворяющая грозную силу и могущество.

Стр. 116. *Онтохпур* — женская половина дома.

Стр. 117. *Джамбаван* — персонаж из поэмы «Рамаяна», мифический медведь, царь медведей, близкий друг и министр царя обезьян Сугривы. Джамбаван был мудрым советником Рамы во время его похода на Ланку.

Стр. 119. *Дхоти* — национальная мужская одежда; кусок ткани, обертываемый вокруг бедер и спускающийся ниже колен.

Стр. 139. *Тика* — священный знак; ставится на лбу в торжественных случаях, в том числе при помазании на престол.

Стр. 140. ...*продать украшения дочери, когда она овдовевает*... — По индийским обычаям вдова не должна носить никаких украшений.

Стр. 146. *Наваб* — титул князя, правителя в Бенгалии.

Стр. 147. *Субхадра* — сестра Кришны и жена Арджуны, одного из героев «Махабхараты».

Джаганнатха — буквально «владыка мира», особое воплощение Вишну или Кришны. В одной из легенд «Махабхараты» рассказывается о том, как Кришна помог Арджуне похитить Субхадру. Здесь Рукмини смеется над Шитарамом, который не знает мифологии.

Стр. 150. *Хари* — одно из имен бога Вишну.

Стр. 151. *Пайса* — мелкая монета.

Стр. 158. ...*положить два зеленых банана*. — Послать кому-либо зеленый банан значит выразить неуважение, презрение.

Шива — см. прим. *Лакшми*, к стр. 77.

Стр. 160. ...*донесли звуки раковины*. — Крупные морские раковины используются во время богослужений, свадебных обрядов и других торжественных церемоний как духовые музыкальные инструменты.

Стр. 162. «*Махабхарата*» («Сказание о великой битве бхаратов») — величайший памятник древнеиндийского героического эпоса. Сказание, на котором позднее была основана поэма, существовало еще в X—VIII вв. до н. э. Эта сказание повествует о борьбе за власть двух родов: *Кауравов* и *Пандавов*, потомков мифического царя Бхараты. В борьбу постепенно вовлекались многие народы Северной и Южной Индии. Кровопролитное сражение на поле *Курукшетра* закончилось победой Пандавов, объединивших всю страну. В последующие века в основной сюжет поэмы включались мифы, легенды, сказки, рассказы и целые поэмы, из которых наиболее известны «*Наль и Дамаянти*», «*Савитри*», «*Читрангада*» и др., а также ряд религиозно-философских произведений, в частности известная поэма «*Бхагавадгита*» («Песнь всевышнего»), содержащая основные принципы религии индуизма.

Стр. 172. *Дурга* — см. прим. «*Агомони*», к стр. 102.

Стр. 181. *Бхадро* — шестой месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому августу — сентябрю.

Стр. 184. *Сад блаженства Индры* — небесный рай, владыкой которого является главное божество ведического пантеона богов Индра.

Стр. 187. *Латхиялы* — искусные борцы на дубинках.

Стр. 191. *Дхармашастра* — один из древнейших памятников индийской литературы, содержащий сведения о религиозных обязанностях и гражданских правах индусов.

Стр. 197. *Совершить пронам* — низко поклониться, коснувшись правой рукой ног приветствуемого, а затем своей головы (при встрече или расставании); выражая особое уважение или почитание, проделать то же самое, встав на колени, или простереться ниц, вытянув вперед руки.

РАДЖА-МУДРЕЦ

Стр. 205. *Владычица Мира* — эпитет богини Кали.

Стр. 207. *Ашарх* — четвертый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому июню — июлю.

Стр. 208. *Диди* — старшая сестра.

Стр. 211. *Тхакур* — здесь обращение к брахману, священнослужителю.

Священный шнур — шнур, который носят представители трех каст — брахманы, кшатрии и вайшьи. Этот шнур надевают мальчикам в двенадцать лет после совершения обряда посвящения, и они носят его до конца жизни.

Стр. 212. *Раджпуты* — народ, населяющий область Раджпутаны в центральной Индии, а также название военно-земледельческой касты, к которой принадлежит значительная часть феодальной знати.

Стр. 223. *Дхрубо* (санскр. Дхрува) — «неподвижный»; «непоколебимый». Это имя носил сын легендарного царя Уттанапада. За подвиги аскетизма Вишну вознес Дхруву на небеса, сделав его Полярной звездой.

Стр. 225. *Шастры* — древние священные книги.

Стр. 231. *Царский зонт* — символ самодержавной власти.

Стр. 232. *Джайосту* (санскр.) — форма приветствия, означающая «Да придет победа», «Да сопутствует успех, удача».

Стр. 240. *Хираньякашипу* — легендарный царь демонов, отец Прахлада — ревностного почитателя Вишну. За почита-

ние Вишну Хираньякашипу пытался погубить своего сына, но явился сам Вишну, воплотившийся в мужа-льва, и растерзал нечестивого отца.

Стр. 243. *Череп-чаша* — ритуальный сосуд для вина.

Стр. 248. *Шах-Шуджа* — второй сын императора Шах-Джахана (1628—1658) из династии Великих Моголов; наместник в Бенгалии.

Стр. 252. *Кали юга*. — Согласно древнеиндийской мифологии, история человечества делится на четыре периода, или юги: золотой век, серебряный век, медный век и железный век. Последний и есть кали юга.

Стр. 253. *Тики* — пучок волос на макушке, который оставляют брахманы.

Стр. 256. *Джай Сингх* — известный военачальник в период правления Шах-Джахана и Аурангзеба (XVII в.).

Стр. 258. *Агастья*. — Мифический мудрец Агастья, желая помочь богам в их войне с демонами, выпил океан, в котором спрятались демоны.

Джахну — легендарный мудрец, выпивший р. Гангу (Ганг) за то, что она помешала ему в момент жертвоприношения. После долгих просьб царя Бхагиратхи Джахну дал Ганге вытечь из своего уха (по другим легендам — из чрева, из колена). Поэтому Ганга называется также Джахнави («дочь Джахну»).

Стр. 259. *Брахма* — см. прим. *Лакшми*, к стр. 77.

Ману (буквально «человек»). — Согласно пуранам, древнейшим сказаниям, — общее имя четырнадцати прародителей человеческого рода, первый из которых, Сваямбхува, жил на земле около 30 миллионов лет тому назад. Он же считается составителем «Манавадхарма-шастры» — предписаний, определяющих обязанности каждого индийца в соответствии с догматами брахманизма. В переводе на русский язык они известны как «Законы Ману».

Картавирья-Арджуна — сын царя хайхаев, народа, обитавшего, согласно преданиям, в горах Виндхья. Картавирья отнял Камадхену (мифическую священную корову, якобы исполняющую желания) у брахмана Джамадгни, за что был убит его сыном.

Стр. 260. *Нанди* — белый бык Шивы.

Картикея (Картика) — бог войны, сын Шивы.

Стр. 263. *Сер* — мера веса, равная приблизительно 1 кг.

«Брахмавайварта» — пурана, в которой содержится описание творений Кришны.

Стр. 268. *«Убу-бу-бу»*. — При появлении жениха на свадьбе женщины кладут налечь в рот и, часто двигая им вправо и влево, производят такой звук, выражая этим пожелание счастья.

Стр. 285. *Пандавы* — см. прим. *«Махабхарата»*, к стр. 162.

Стр. 287. *Срабон* — пятый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому июлю—августу.

Огрохайон — девятый месяц нового бенгальского календаря; соответствует ноябрю — декабрю.

Стр. 288. *Кауравы* — см. прим. *«Махабхарата»*, к стр. 162.

Стр. 290. *Поле Курукшетра...* — См. прим. *«Махабхарата»*, к стр. 162. В одном из сражений Арджуну охватило сомнение, стоит ли проливать кровь родственников во имя достижения цели. Он обратился с вопросом к Кришне, и тот сказал, что основная обязанность человека — исполнение долга.

Стр. 308. *Фальгун* — двенадцатый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому февралю—марту.

Стр. 309. *Потерять касту...* — По законам ортодоксального индуизма, общение между представителями разных каст запрещается, нарушение этого запрета считается большим грехом и карается изгнанием из касты.

Стр. 310. *Эсрадж* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 311. *Аракан* — средневековое княжество, находившееся на севере Бирмы.

Стр. 315. *Каястха* — каста писцов, одна из привилегированных каст Индии, по положению ближайшая к брахманам.

Стр. 317. *Патхшала* — начальная школа.

Стюарт, Дональд Мартин (1824—1900) — английский фельдмаршал. Участвовал в подавлении Великого индийского национального восстания (Сипайского восстания 1857—1859 гг.), командовал индийской армией, а затем состоял членом Государственного Совета по делам Индии.

Стр. 321. *Саньяси* — аскет, отшельник.

РАССКАЗЫ

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ БЕРЕГ ГАНГИ

Стр. 331. *Кочу* — растение, клубни которого идут на приготовление пищи.

Стр. 332. *Намаболи* — кусок материи с начертанными на ней именами богов.

Стр. 333. *Аштавакра* (буквально «восьмигорбый») — легендарный мудрец. Находясь в утробе матери, Аштавакра услышал, что отец неправильно читает шастры, и заявил об этом при учениках отца. Отец проклял его за это, пожелав ему родиться с восемью горбами, и Аштавакра родился уродом.

Стр. 334. *Гхат* — ступенчатый спуск к реке, пруду, озеру.

Синдур — специальная краска ярко-красного цвета, которой замужние женщины красят пробор в волосах, жрецы в храмах ставят тiku.

Стр. 336. «*Бхагавата*» («Бхагавата-пурана») — самая популярная из пуран — памятников древнеиндийской литературы, посвященных божествам Вишну и Шиве. Пураны — наиболее живая и демократическая форма религиозно-эпической литературы. В отличие от вед чтение пуран разрешалось женщинам и представителям «низших» каст. Всего известно 18 пуран.

«*Бхагавадгита*» — см. прим. «*Махабхарата*», к стр. 162.

Чойтро — первый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому марту — апрелю.

Стр. 339. *Пробху* — господин; здесь: почтительное обращение к старшему.

РАССКАЗ ДОРОГИ

Стр. 341. *Ахалья* — согласно преданиям, жена мудреца Гаутамы, который за неверность обратил ее в камень. Проклятие сохраняло свою силу до тех пор, пока прах от ног Рамы не коснулся этого камня. Очистившаяся от греха Ахалья воспряла в своей прежней красоте и непорочности.

Стр. 343. *...его алые, как заря, ноги...* — здесь имеются в виду ноги бога Кришны, окрашенные в алый цвет.

РАСЧЕТЫ

Стр. 346. *Картика* — см. прим. *Картикея*, к стр. 260.

Парвати (буквально «дочь гор») — одно из имен супруги бога Шивы, богини Дурги.

Райбахадур — почетный титул, жалуемый индийцам английскими колониальными властями.

Рупия — основная денежная единица в Индии.

Стр. 347. *Чели* — шелковая одежда, сари; красное чели — одежда невесты.

«На лоб нанесли рисунок сандаловой пастой...» — здесь: элемент свадебного обряда индусов.

Стр. 349. *Хукка* — приспособление для курения табака.

Стр. 350. *Праздник Дурги* — см. прим. «Агомони», к стр. 102.

Стр. 352. *Картик* — восьмой месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому октябрю — ноябрю.

Райчоудхури — почетный титул, жалуемый индийцам английскими колониальными властями.

ПОЧТМЕЙСТЕР

Стр. 355. *Вишнуит* — почитатель Вишну.

Бабу — господин.

ЖЕНУШКА

Стр. 361. *Индра* — в ведах главное божество, бог-громовержец.

Варуна — в ведах одно из главных божеств, олицетворяющих небо.

НЕРАЗУМНЫЙ РАМКАНАИ

Стр. 367. *«...буду есть говядину...»* — Ортодоксальный индуизм считает корову священным животным и запрещает есть говядину.

Стр. 369. *«...привязанность мусульманина к курице...»* — Правоверные индусы, в отличие от мусульман, не убивают и не едят кур.

СЛАВА ТАРАПРОШОНО

Стр. 379. *Сарасвати* — супруга Брахмы, богиня мудрости и красноречия, покровительница наук и искусств; изображается сидящей на лотосе.

Криттибаш Оджа (XV в.) — известный поэт, переводчик эпической поэмы «Рамаяна» на бенгальский язык.

Кашидаш (Каширам Даш — XVI в.) — известный поэт, автор бенгальского варианта «Махабхараты».

Кобиконкон (Мукундорам Чоккроборти — XVI—XVII вв.) — автор известной и любимой в Бенгалии поэмы-легенды под названием «Чондимонгол».

Стр. 383. *«Гоурбартабохо», «Нобопробхат», «Джугантор»* и т. д. — названия бенгальских газет.

НАСЛЕДСТВО

Стр. 398. «...люди не решались произносить его имя...» — В Бенгалии существует поверье, что тот, кто произнесет имя скряги, не должен есть целый день.

Стр. 402. *Якша* — добрый полубог. Якши составляют свиту бога богатств Куберы и считаются хранителями его сокровищ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Стр. 404. *Бонким* (Бонкимчондро Чоттопаддхай, 1838—1894) — крупнейший бенгальский романист. Основоположник жанра исторического романа.

Стр. 405. *Будда* — Сиддхарта Гаутама, основатель буддизма.

Стр. 408. *Риши* — святой мудрец.

Йога — одна из систем индийской философии. Последователи этой системы подвергают себя жестоким истязаниям и занимаются различными упражнениями, заявляя, что таким путем они смогут достичь «высшего познания», «освобождения» от бренности этого мира и «воссоединения» или «слияния» души каждого из них с «божественной мировой душой».

Хануман — см. прим. *Слуга Рамы*, к стр. 96.

Стр. 411. *Бетель* — растение, листья которого вместе с различными специями употребляются для жевания.

ОТРЕЧЕНИЕ

Стр. 416. *Джаядева* (XII в.) — бенгальский поэт, автор замечательной лирической поэмы о Кришне — «Гитаговинда».

Стр. 418. *Брахман* — представитель высшей касты в индийской кастовой системе.

Гаури (буквально «светлая») — эпитет богини Дурги. В одной из древних легенд рассказывается о подвигах, которые совершала Гаури, чтобы стать достойной своего мужа Шивы.

Стр. 419. *Каши* — древнее название города Бенарес.

Стр. 420. *Шудра* — представитель низшей касты в индийской кастовой системе. Согласно законам ортодоксального индуизма, браки между людьми из разных каст запрещаются. Особенно тяжким грехом считается заключение брака с представителями касты шудр.

О Д Н А Н О Ч Ь

Стр. 426. *Мантра* — молитва, заклинание.

Стр. 427. *Чапкан* — особая одежда, которую носят чиновники Индийской гражданской службы, нечто вроде кителя.

КАРТОЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Стр. 429. «Во времена царя Мандхаты...» — Мандхата — мифический раджа Солнечной династии; выражение это употребляется подобно русскому «при царе Горохе».

Стр. 431. *Таль и Беталь*. — В индийском фольклоре существует легенда о двух волшебниках, Тале и Бетале, помогавших радже Викрамадитье побеждать в сражениях.

З О Л О Т О Й М И Р А Ж

Стр. 452. *Шашти* — божество, покровительствующее детям.

Стр. 459. *Бали* — согласно преданиям, раджа дайтьев (титанов); владел тремя мирами (небом, землей, подземным царством). Впоследствии бог Вишну отобрал у него небо и землю и заставил жить в подземном царстве.

О Б Ы Ч Н Ы Й Р О М А Н

Стр. 463. *Канчи* — название города и древнего государства на территории Южной Индии.

С О С Т Я З А Н И Е

Стр. 471. *Сита* — супруга Рамы, героя поэмы «Рамаяна».

Стр. 473. *Вриндаван* — священная роща на берегу реки Ямуны (современная Джамуна), где происходили игры Кришны с пастушками.

К А Б У Л И В А Л А

Стр. 480. «*Агдум-багдум*» — детская игра-скороговорка.

Абдур Рахман — эмир Афганистана с 1880 по 1901 г.

Стр. 483. *Магх* — одиннадцатый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому январю — февралю.

Стр. 484. *Кайласа* — название одной из горных вершин Гималаев. Там, по преданию, жил бог Шива с супругой Дургой.

МОХАМАЯ

Стр. 503. *Праджapati* (буквально «владыка сущего») — эпитет бога Брахмы.

Кандарпа — одно из имен бога любви Камадевы.

Стр. 507. *Сахамарана* — самосожжение вдовы на погребальном костре умершего мужа; этот обычай упразднен в 1828 году.

Стр. 508. *Карна* — согласно пуравам, первый сын Кунти (матери Пандавов — героев «Махабхараты») и бога Солнца. Карна родился с оружием и в панцире.

ПРЕГРАДА

Стр. 524. *Камадева* — бог любви.

Стр. 528. *Малини* — персонаж из поэмы «Биддашундор» известного бенгальского поэта Бхаротчондро Рая (1712—1760).

Банья-табла — ударный музыкальный инструмент.

«*Чондрошекхор*» (1874) — название одного из романов Бонкимчондро Чоттопадхья (см. стр. 404).

НЕВОЗМОЖНОЕ

Стр. 535. *Каши, Канчи, Канауджа, Кошала, Ванга, Калинга* — названия древних государств на территории Индии.

Стр. 537. *Рамагири* — буквально «гора Рамы», видимо, современный Рамтек, где, как гласит легенда, Рама провел в изгнании четырнадцать лет.

Алака — мифическая столица бога Куберы.

«...*Облаку нечем больше заняться...*» — Здесь используется образ облака-вестника из поэмы Калидасы «Мегхадута» («Облако-вестник», V в.).

Стр. 539. *Торкари* — особо приготовленное овощное блюдо.

«*Обменяться гирляндами*» — один из элементов индийского свадебного обряда.

Стр. 542. *Савитри* — царевна, любовью и преданностью спасшая своего супруга Сатьявану от Ямы, бога смерти. Сказание о Савитри — одно из замечательных сказаний древности, включенных в «Махабхарату».

М. Кафитина

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Р. Тагор; портрет работы индийского художника Отула Бошу.
2. Дароканатх Тагор — дед Р. Тагора.
3. Дебендронатх Тагор — отец Р. Тагора; портрет Обониндронатха Тагора.
4. Шарода Деби — мать Р. Тагора.
5. «Джорашанко» — дом Тагоров в Калькутте, где 7 мая 1861 года родился Р. Тагор.
6. Р. Тагор (1873—1874).
7. Тагор в Лондоне (1879—1880).
8. Сцена из драмы «Жертвоприношение».
9. Р. Тагор (1886).
10. «Кути-бари» — родовое поместье Тагоров в Шилайдохо.
11. «Шантиникетон» — здание, построенное отцом Р. Тагора в 1863 г.
12. Сцена из музыкальной драмы «Карточное королевство», поставленной по одноименному рассказу Р. Тагора.
13. Шантиникетон — в настоящее время здесь стоят постройки университета.

Подбор иллюстраций и художественное оформление осуществлялись под наблюдением *И. С. Тюлева*.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
А. Гнатюк-Данильчук. Предисловие	7
БЕРЕГ БИБХИ. Роман. Перевод Г. Шестопаловой	63
РАДЖА-МУДРЕЦ. Роман. Перевод Б. Карпушкина	205

РАССКАЗЫ

О чем рассказал берег Ганги. Перевод А. Ко- валенко.	331
Рассказ дороги. Перевод И. Товстых	341
Расчеты. Перевод А. Гнатюка-Данильчука	346
Почтмейстер. Перевод А. Исаенковой	354
Женушка. Перевод И. Товстых	361
Неразумный Рамканан. Перевод А. Гнатюка- Данильчука	366
Разрыв. Перевод И. Товстых	372
Слава Тарапрошонно. Перевод М. Кафитиной	378
Возвращение Кхокабабу. Перевод Е. Алексее- вой.	386
Наследство. Перевод Е. Алексеевой	395
Освобождение. Перевод А. Гнатюка-Даниль- чука	404
Отречение. Перевод Е. Алексеевой	415
Одна ночь. Перевод И. Товстых	422
Карточное королевство. Перевод Ю. Морозова .	429
Жива или мертва? Перевод К. Тихомировой .	439

Золотой мираж. Перевод К. Тихомировой . . .	451
Обычный роман. Перевод Ю. Морозова . . .	463
Состязание. Перевод В. Дьяконова	468
Кабуливала. Перевод Е. Алексеевой	479
Каникулы. Перевод К. Тихомировой	488
Шубха. Перевод К. Тихомировой	495
Мохамая. Перевод И. Михайловой	502
Обменялись. Перевод М. Кафитиной	510
Писатель. Перевод К. Тихомировой	517
Преграда. Перевод М. Кафитиной	522
Невозможное. Перевод М. Кафитиной	535
Приговор. Перевод Е. Смирновой	544
Маленькая старая история. Перевод М. Кафи- тиной	556
 Комментарии	 561
Список иллюстраций	577

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 1

Редактор С. Хохлова
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор В. Овсееenko
Корректоры А. Юрьева и Р. Пунга

Сдано в набор 20/III 1961 г.
Подписано в печать 19/VII 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. — 18,13 печ. л. = 29,73 усл.
печ. л. 27,88 уч.-изд. л. + 13 вклеек = 28,53 л.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 2341. Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

சுருதிநாதர்

Дароканатх Тагор — дед Р. Тагора.

Дебендронатх Тагор — отец Р. Тагора.

Шарода Деби — мать Р. Тагора.

«Джорашанко» — дом Тагоров в Калькутте,
где 7 мая 1861 г. родился Р. Тагор.

P. Tarop
(1873—1874)

Р. Тагор в Лондоне
(1879—1880)

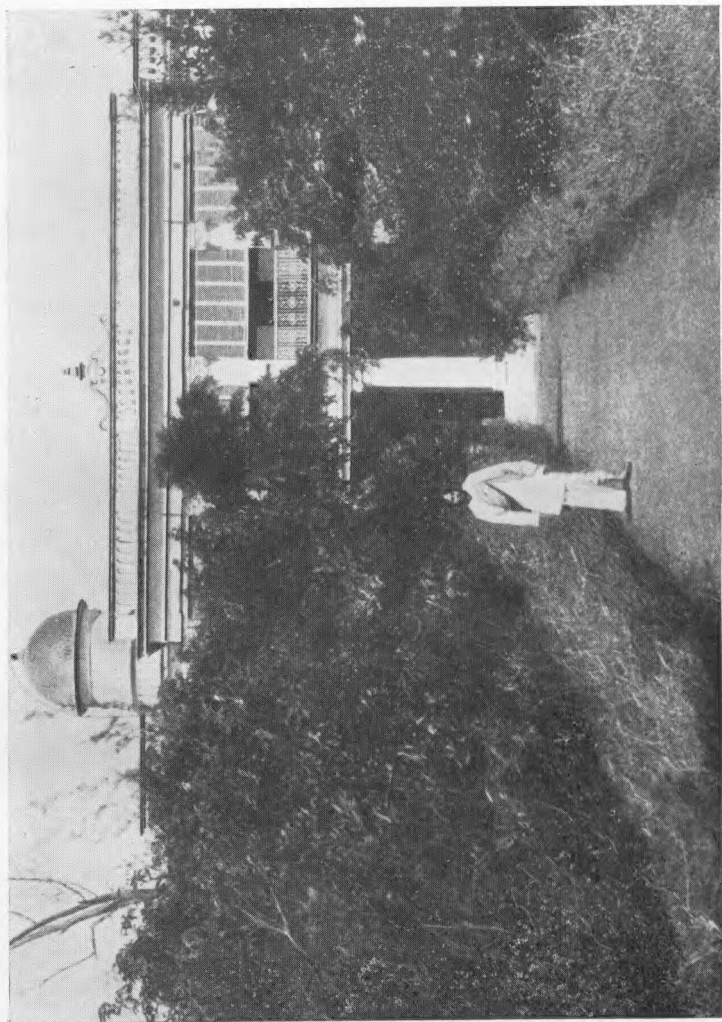
Сцена из драмы «Жертвоприношение».

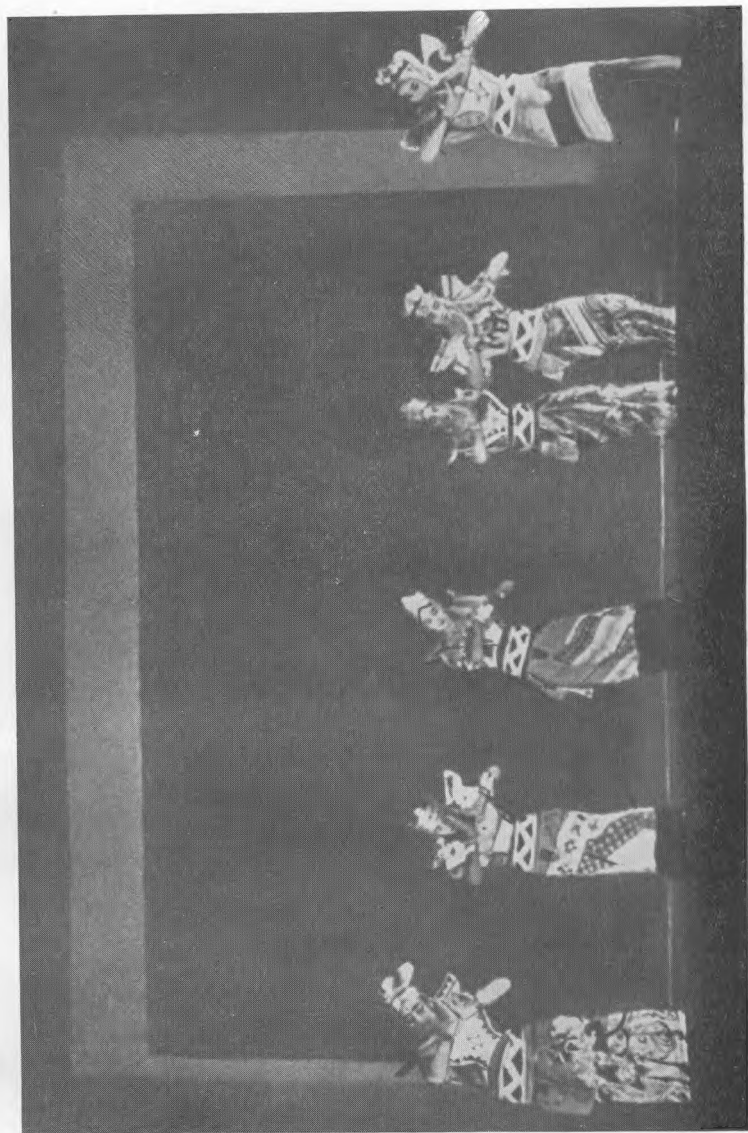
P. Taron
(1886)

Обшуты барно — родное поместье Тогойос в Швейцарии.

«Шантиникетон» — здание, построенное отцом Р. Тагора в 1863 г.

Сцена из музыкальной драмы «Карточное королевство»,
поставленной по одноименному рассказу Р. Тагора.

Шантиникетон — в настоящее время здесь стоят
постройки университета.

10.10